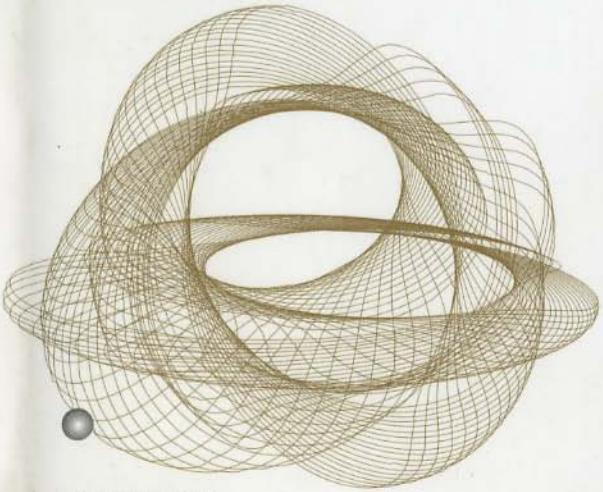
МАРИНА
И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

Фантастика
предвидения

УТОПИЯ

ЭКСМО

МАРИНА
И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

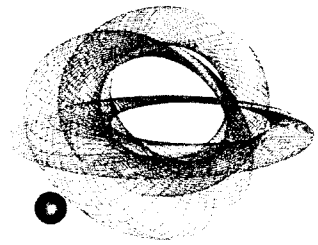


ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

УТОПИЯ

МАРИНА
И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

УТОПИЯ



ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

МАРИНА
И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

УТОПИЯ

АРМАГЕД-ДОМ
ПАНДЕМ

Москва, ЭКСМО
2005

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Д 99

Оформление серии художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Дяченко-Ширшова М. Ю., Дяченко С. С.
Д 99 Утопия: Фантастические романы. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 704 с. — (Шедевры отечественной фантастики).

ISBN 5-699-13036-5

Мир на пороховой бочке, и периодически эта бочка взрывается Апокалипсисом. Из моря выходят чудовища, звезда Полынь опрокидывается в реки, превращая воду в кровь, ангел трубит в трубу над пепелищами. Лишь загадочные Врата сумеют спасти живых, чтобы люди могли после катастрофы отстроить жизнь заново — если, конечно, успеют войти в эти Врата.

Мир на пути в рай для всех, откуда никто не уйдет обиженным. «Предположим, что некое существо... — сказал Пандем. — Нет, не так. Предположим, что есть такой комплекс свойств: всеведение, вездесущесть и всемогущество...» И стало ясно: он пришел всерьез и надолго. А может быть, короче и проще: Он пришел. Что делать? Где спрятаться? Что станет с человеком и человечеством, благославят Пандема или проклянут?

Утопия или антиутопия? Наши страхи, ожидания и надежды в романах «Армагед-дом» и «Пандем» Марины и Сергея Дяченко.

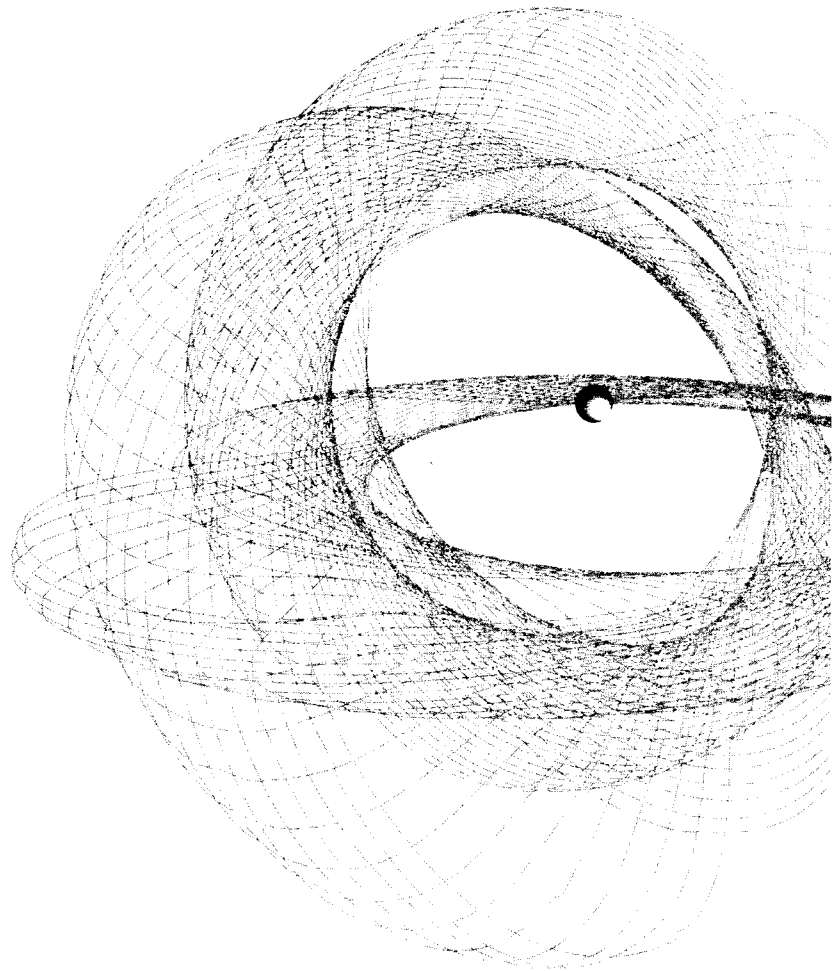
УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-13036-5

© Дяченко М., Дяченко С., 2005
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

АРМАГЕД-ДОМ

РОМАН



ПРОЛОГ

Телеведущая улыбалась, как нарезанный арбуз. Широко и мучительно.

— ...А теперь наступает время вашего любимого конкурса — «Пуп земли»! Ассистенты уже раздали гостям в студии лазерные кепки-указки... Направление взгляда каждого нашего гостя будет отмечено цветным лазерным лучом! А теперь — внимание! К нам идут основные участники конкурса, встречайте!

Камера скользнула по рядам наполнявших студию зрителей, вперилась в затейливо освещенную конструкцию. Конструкция провернулась вокруг своей оси, являя зрительскому глазу шесть темных фигур.

— Вот они, сегодняшние герои! Оксана, лаборант! Виктория, учитель танцев! Александр, водитель! Евгений, художник-оформитель! Игорь, сторож в зоопарке! Егор, стеклодув! Ребята, занимайте свои места!

Посреди студии возвышались шесть круглых платформ, обтянутых серебристой фоточувствительной тканью. Шестеро участников в одинаковых комбинезонах зашагали каждый к своей тумбе; все они были молоды, лет по восемнадцать, только одна женщина — из поколения Лидкиных родителей, под сорок.

— Вот позорище, — сказала мама, разглядывая хорошо сохранившуюся даму.

— Дорогие гости! — провозгласил парень-ведущий, и усиленный микрофоном звук перекрыл улюлюканье зала. — Как вы помните, задача каждого конкурсанта — привлечь к себе общее внимание на максимально долгий срок! Ваше внимание — это лазерные лучи с ваших кепочек, куда взгляд, туда и лучик! Наши приборы фиксируют уровень света на каждом из конкурсантов! Я попрошу операторов показать приз, который дожидается...

— Во дают! — сказал папа.

— Машину дают, — вздохнула мама.

Призовой автомобиль был блестящий и округлый, будто гигантский елочный шарик.

— Только для своих, наверное, — сказал папа. — Наверное, все подстроено.

Мама хмыкнула.

— Итак! — продолжал парень-ведущий. — Дорогие участники, через тридцать секунд прозвучит сигнал к началу! Ваше время — три минуты! Вы должны сделать все, чтобы на вас смотрели! Вы в равных условиях — одинаковая одежда и никаких аксессуаров, да, таковы условия конкурса! Каждый из вас подготовил нашей публике сюрприз! Итак, осталось пять секунд... Три секунды... И... Старт!!!

Лидка невольно подалась вперед. Да уж, было на что посмотреть.

Свет в студии вспыхнул ярче. Шесть темных фигур на мгновение застыли неподвижно; взметнулась песня. Пела женщина — не то лаборантка, не то учитель танцев. Голос был сильный и высокий, на грани визга; поющая — а она оказалась той самой зрелой дамой — подтанцовывала на своей тумбе, забрасывая ноги выше головы. Нет, лаборантка так не сумеет...

На секунду поющая учительница оказалась усыпана, как блестками, пятнышками взглядов. Всего на секунду, потому что вторая дама сразу же пошла ва-банк — расстегнула «молнию» на комбинезоне до самого пупа. Взгляды-лучики заметались; не желая обманывать ожиданий, дама ловко выскользнула из одежды.

Лазерные лучики красиво забегали по черному кружевному белью.

— Шла бы ты спать, Лида, — задумчиво сказал отец.

— Мне уже пятнадцать, — привычно огрызнулась она.

— Молодые люди, вы отстаете! — прокричала девушка-ведущая и на секунду сделалась естественной, вероятно, от азарта. — Ну-ка, Евгений, Игорь, Александр! Егор, не спите!

В комнате стоял полумрак; телевизор был источником света, да еще торшер, под которым устроился папа. Лидке совсем не нравилась эта дурацкая передача, но все уроки были переделаны, колготки выстираны, ужин съеден, и, стало быть, время забираться в кресло перед телевизором и ни о чем не думать.

Отдыхать.

— Осталось две минуты чистого времени! Ну же, ребята! Ну!

Учительница танцев все еще пела, срывая голос. Потом бросила микрофон, легла на живот, изогнулась и положила ягодицы себе на голову.

— Вот это гибкость, — сказала мама. — В ее-то годы...

Водитель стоял на руках, художник-оформитель лаял, мастерски копируя бульдога, а сторож из зоопарка натягивал нижнюю губу на нос и даже выше.

— Гадость какая, — сказала мама.

Один из парней — кажется, мастер-стеклодув — никак не мог включиться в игру. Нерешительно топтался на месте, бормотал и оглядывался, будто в ожидании трамвая. На него не смотрели.

Больше всего взглядов доставалось лаборантке. Ее белье уже валялось на светочувствительном покрытии тумбы, и то, что обнаружилось под кружевами, действительно заслуживало внимания.

— Проще всего, — мама зевнула. — Обязательно на этом конкурсе кто-то раздевается. Но вот чтобы заголиться совсем...

— Осталось полторы минуты! — поощрял парень-ведущий.

Голая лаборантка, казалось, обречена была на победу. Хотя танцевала она неважно, мешали, наверное, тугие прыгающие телеса.

Секунды бежали. Стеклодув, до синевы бледный, все топтался и бормотал, зато прочие конкурсанты кувыркались, выдували пузыри, мяукали, грызли вены, визжали, завязывались узлом. Лаборантка стремительно теряла внимание публики — ее голые формы успели примелькаться.

— Это она не рассчитала, — с сочувствием сказал папа. — Это как бег на длинную дистанцию — нельзя выкладываться сразу...

— Осталось пятьдесят секунд! — выкрикнула девушка-ведущая.

Тогда художник-оформитель, чувствуя, что победа ускользает, с криком расстегнул комбинезон, принял величественную позу и принялся мочиться с платформы вниз, с небывалым искусством изображая известный всему городу фонтан. Струя плясала в свете прожекторов, струя была длинная-длинная, взгляды-лучики заметались в смятении. Мама зашарила на диване в поисках дистанционного пульта:

— Еще чего! Фу, докатились...

— Выиграет, — философски заметил папа. — Да не переключай, он сам собой сейчас иссякнет...

— Браво!! — визжала девушка-ведущая. — Наш Евгений выигрывает конкурс! Еще тридцать секунд, и...

Мастер-стеклодув, до того вроде бы не принимавший уча-

стия в конкурсе, вытащил откуда-то тюбик, как показалось Лидке, одеколона и зачем-то облил свой комбинезон.

— А говорят, никаких аксессуаров, — с осуждением заметил папа. — Снимут его с дистанции за нарушение правил.

— А ему и так ничего не светит, — сказала мама.

— Ну же, ребята! — Ведущая прыгала, рискуя сломать высоченные каблуки. — Еще двадцать пять секунд и...

Стеклодув вдруг вскинул руки над головой:

— Смерть!

Голос у него был как скрежет железа по стеклу. Сорванный и одновременно сильный, пробирающий до костей.

— Смерть! Всем! Девятого... июня...

У стеклодува была актерская дикция, во всяком случае, каждое его слово слышалось совершенно отчетливо. До последнего звука.

— Девятого июня... скоро! Так будет со всеми!

Публика возмущенно загудела, но стеклодув уже молчал. В руках у него появился предмет, знакомый Лидке по тысячам раскладок, ларьков и лавчонок. Дешевенькая зажигалка; Лидка не успела ни вдохнуть, ни выдохнуть. Посреди студии взметнулся живой факел.

— А-а-а!

Воя и прыгая в огне, стеклодув скатился со своей тумбы. Опрокидывая стулья, вскочила с мест публика.

— Покиньте студию!

— Пожар! Пожар!

— На помощь!

— Помогите!

— Отключите!..

Операторы и не думали прекращать съемку — наоборот, все камеры жадно уставились на горящего человека. Звук тоже не отключили вовремя, и Лидке казалось, что сквозь треск и вопли доносятся все те же слова — «девятого июня», «смерть».

У призового автомобиля погасла фара, выбитая упавшей железной стойкой. Перед выходом из студии возникла давка. Падали на пол и гибли под каблуками лазерные кепки-указки. Живой факел катался по студии, опрокидывая штативы и стулья, налетая на мониторы, и в каждом мониторе была одна и та же картинка — человек в огне...

Через толпу зрителей прорвались люди в форме, с огнетушителями. В пляшущий факел ударили с разных сторон тугие пенные струи.

«Девятого июня...» — в последний раз померещилось Лидке.

И экран померк. Через мгновение темнота сменилась рекламным роликом, а в следующее мгновение мама, нашарившая наконец-то пульт, погасила экран.

Некоторое время в комнате стояла тишина.

— Вот это да, — сказал брат, стоявший, как оказалось, за спинкой Лидкиного кресла.

— Чего там? — сонно спросила из кухни сестра.

— Ты, Янка, такое пропустила...

— Спать, — сказала мама так, что Тимур осекся.

Взведенный мамин голос будто порвал в Лидкиной голове натянутую пружину — Лидка заревела.

Сквозь слезы она слышала, как чертыхался папа, как причитала Яна, как увещевала их всех мама; Лидке под нос сунули вату, провонявшую отвратительным запахом, потом дали выпить капель, потом, отчаявшись, надавали по щекам. Мышцы живота болели от всхлипываний; девятое июня, прыгающий в огне человек, девятое июня...

Потом Лидка долго лежала в постели, не выпуская маминой руки, и слышала, как в соседней комнате отец грозится выкинуть «ящик» в окно. Потом постепенно пришел сон, глубокий и черный, без сновидений...

Глухой ночью семья проснулась от ее крика.

ГЛАВА 1

У историка, Михаила Феоктистовича, была странная манера читать лекции. Он то вещал спокойно и внятно, то вдруг напрягался, повышал голос, выкрикивал резко, едва ли не зло. «Как будто ему наступили на хвост», — говаривала Лидкина сестра Яна. И Лидка тогда воображала, что за кафедрой, скрытый от чужих глаз, лежит колечком лекторский хвост — длинный и ребристый, будто шланг от пылесоса. И чья-то безжалостная нога в ботинке наступает на него, и тогда Премудрый Фео выкатывает глаза.

— Правление Временного собрания закончилось в ночь на третье декабря! Сто двадцать человек были арестованы и, вероятно, казнены. В то время массовые репрессии...

Лидка рисовала человечков. Одного за другим; с начала лекции их было уже девять. Их могло быть больше, но Лидка очень тщательно прорисовывала детали, кармашки на штанах, шнурки на ботинках.

Седьмое октября. Седьмое. Среда. До девятого июня, тоже среды, остается ровно восемь месяцев.

Восемь. Мурашки по коже. Вчера вечером родители в два голоса бубнили на кухне, думая, что Лидка их не слышит: «Позволять смотреть телевизор после десяти часов... Даже в субботу... Недопустимо! Твой либерализм... Десять часов — в кровать! Все!»

В последние дни мама нервничает больше обычного. Во вчерашних «Ведомостях» большая статья. «Пуп земли», субботнюю развлекаловку, закрыли с треском.

До звонка пятнадцать минут. Четырнадцать...

Игорь Рысюк, Лидкин сосед по парте, вежливо поднял руку:

— Михаил Феоктистович, можно вопрос?

Время от времени Игорю хотелось быть самым умным; низко склонившись над партой, Лидка разрисовывала своему человечку пиджак.

Учитель поморщился:

— Вопросы, Игорь, будут тогда, когда я приглашу задавать их... Итак, начало катаклизма совпало по времени с провозглашением Империи. Стихийные бедствия привели к тому, что единое государство распалось, по сути, на множество замкнутых общин... — Тут Фео снова напрягся, будто ему наступили на хвост. — Империя кончилась сама собой! То был один из самых поздних и затяжных кризисов...

— Рисовать на уроке нехорошо, — сказал Игорь Лиде. — Тебя Славка Зарудный искал.

— Зачем? — механически спросила Лида.

Игорь завел глаза:

— Любофф...

— Дурак, — иногда Лидка испытывала к Рысюку неподдельное отвращение.

Он сидел на первой парте вовсе не потому, что был близорук. Он любил лезть учителям в глаза — а Лидка, напротив, не любила, но выбора у нее не было, потому что ее недаром прозвали Пигалицей. Она была самой младшей и самой маленькой в классе, в группе, иногда ей казалось, что она самая маленькая на свете. «Поздний ребенок», «дитя на грани риска», «последний ребенок цикла»... В первый же день учебы ее запихали на эту первую парту, под ноги пришлось подставлять скамеечку, а под зад класть подушку. «Лида маленькая, не обижайте ее». «Лида младше вас, оставьте ее в покое»... С тех пор прошло девять лет, но мало что изменилось.

— Пять минут до звонка, господа лицеисты. Что вы хотели спросить, Игорь?

Игорь встал:

— Михаил Феоктистович, а можно ли точно предсказать дату *мрыги*?

Если кто и возился в преддверии перемены — сейчас притих. Лидка сжалась в комок, карандаш ее дернулся и насквозь прошил тетрадную страничку.

Фео поднял на Рысюка мудрые выцветшие глаза:

— Во-первых, не мрыги, Игорь, а апокалипсиса... Во-вторых, таких прогнозов не существует. Это шаманство, истерика и мистификация, рассчитанные на идиотов. Взять, к примеру, этот последний скандал с телепередачей. Вы, как интеллигентные молодые люди, не смотрите, разумеется, ублюдочных шоу... Там случилось самосожжение в прямом эфире. К участию в передаче был допущен юноша с явными психическими отклонениями... что

неудивительно, потому что подобные программы собирают вокруг себя дебилов — так навоз, извините, привлекает мух... Можете поверить старому человеку — перед каждым апокалипсисом начинается своего рода психоз. Дело интеллигенции — не поддаться. Точное предсказание даты, а тем паче заверения, что этот апокалипсис будет, мол, окончательным и последним, не имеют под собой почвы, потому что...

В окно ударил камень. Стекло грохнуло, осыпаясь; в класс ворвались град осколков, осенний ветер, чей-то смех и топот ног.

* * *

УЧЕНИЦЫ МЛАДШЕЙ ГРУППЫ
4-го «Б» класса
СОТОВОЙ ЛИДИИ
сочинение на тему: «Куда прячутся люди»

Конец света по-научному называется апока... (зачеркнуто) ...сисом. Тогда случаются большие беды. Идут дожди из огня. Нечем дышать. Все люди погибли бы, если бы не Ворота.

Никто не знает, как они устроены. Ученые всего мира ломают над этим голову. Некоторые говорят, что Ворота установили инопланетяне, но это анте... (зачеркнуто) антинаучная ерунда.

Ворота открываются там, где люди могут найти их. Они открываются в нескольких местах. Люди заходят в Ворота и перебывают там страшное время. Внутри Ворот проходят всего тридцать шесть часов. Потом они выходят из Ворот — и начинается новый цикл жизни.

Тот, кто не успеет вовремя добраться до Ворот, обязательно погибнет. Поэтому они должны заходить в Ворота очень быстро. Мужчины должны пропускать вперед женщин и тех, кто не умеет быстро бегать.

О том, где открылись Ворота, сообщает служба ГО. Надо внимательно слушать сообщения по радио и бежать не к ближайшим Воротам, а к тем, на которые укажет служба. Иначе возле Ворот может возникнуть давка...

ОЦЕНКА: четыре с минусом.

ПРИМЕЧАНИЯ: Учись излагать свои мысли. Почему ты все время повторяешь — «они»? Подбирай другие слова.

ЗАДАНИЕ: Выпиши в тетради слово «апокалипсис» двадцать раз.

* * *

— Девятый «Б»! Не расходитесь!..

Лицей казался теперь непривычно просторным. Старшая группа выпустилась по весне, оставив здание в распоряжении средних и младших. Исчезла привычная толчея в коридорах, удобнее сделалось расписание, но надо всеми, особенно в первые дни, висело осознание утраты.

Следующей осенью на занятия явится одна только младшая группа.

Если она наступит, эта осень.

— ...Эй, Пигалица, что там у вас случилось?

Кто-то цапнул Лидку за рукав; она дернулась, будто ее ударило током.

— Что это ты? — удивился Славка Зарудный.

Лидка перевела дыхание; сердце колотилось как бешеное.

— Так что случилось?

— Стекло грохнули... Второй раз уже.

— Это пацаны из двести пятой школы. — Славка помрачнел. — Мишке позавчера морду набили...

— Так и вы им набейте.

Славка усмехнулся:

— Ишь какая быстрая...

Поймал ее ладонь. Сильно сжимать не стал, так, легонечко стиснул:

— У вас следующий урок какой?

Лидка инстинктивно оглянулась, нет ли поблизости зубоскала Рысюка.

— Математика...

— А я в музее дежурю, — сказал Славка с непонятным выражением.

Из приоткрытой двери класса тянуло холодом. Выбитое окно наскоро пытались прикрыть какой-то картонкой.

— Слышишь, Пигалица? В музее... пыль вытираю. От физкультуры освобожден.

— Поздравляю, — сказала Лида.

Славка помялся:

— Так ты будешь знать, куда прийти, если у вас математику отменят?

— Не отменят, — пожала плечами она. — Вон пустых классов сколько.

— Ну так сама отмени...

Лида снисходительно улыбнулась.

Это в средней группе можно вот так запросто прогулять урок. А ее, Лидкино, отсутствие математичка засечет сразу — пустое место на первой парте, под самым носом. Даже если Рысюк смолчит, а молчать он, конечно, не будет...

Прозвенел звонок на урок. Математичка явилась, звеня ключами, как тюремный сторож, — под ее занятие выделили кабинет гражданской обороны, обычно запиравшийся на три замка. Там хранились противогазы, акваланги, ракетницы и прочие пособия, дорогие и привлекательные для ворья. А уж ворья в последнее время развелось не в меру, даже в лицее, даже несмотря на круглосуточное дежурство милиции...

Младший «Б» класс вереницей потянулся по лестнице вверх; математичкин взгляд остановился на Лидке:

— Сотова... принеси, пожалуйста, мелков из подсобки, а то в гражданской обороне их вечно не хватает. Только быстро — одна нога здесь...

— Ага, — сказала Лида. — Сейчас.

И поплыла против течения — ее одноклассники вверх, сама она — вниз. На второй этаж, по вощеному паркету направо, по коридору прямо — туда, где учительская, подсобка и музей.

Привычная суета изгоняла страх. Учителя выглядели так, будто ничего не произошло; знакомые стены будто говорили — ничего с тобой не случится, ничего с тобой случиться не может. Мир незыблем, если взрослые спокойны...

Она перевела дыхание и вымученно улыбнулась сама себе.

Славка Зарудный стоял в дверях музея. По-хозяйски крутил на пальце ключ. Увидев Лидку, по-настоящему обрадовался, даже, кажется, покраснел:

— Отменили?!

— За мелом послали, — сказала Лида, отводя глаза.

Славка скис. Ему было уже почти семнадцать лет, но чувств своих скрывать он так и не научился.

— Ты слушай, Пигалица... Может, после уроков?

— После уроков за мной отец заедет. — Лида поняла, что ей жаль обижать Славку. Что Славка хороший парень, за ним вьются минимум три девчонки, и любая из них на Лидкином месте отложила бы математику на потом.

— А что ты мне хотел показать? — спросила она буднично. — Может быть, минуты хватит?

— Минуты?! — возмутился Славка.

Музей надоел Лидке еще во втором классе. Пыльную экспозицию она знала наизусть — разумеется, только ту ее часть, что была открыта для посещений. Говорили, что в закрытой части музея, куда пускают только учителей и выпускников, уже три года хранится настоящая мумия, засмоленный труп человека, не добежавшего в свое время до Ворот; обычно тела погибших превращаются в пепел, но археологам (или обыкновенным строителям) случается находить в завалах такие вот засмоленные тела. И только специалист может определить, жил ли человек десять циклов назад, или твои родители были с ним знакомы еще в прошлом цикле...

Лидка не любила и боялась об этом думать.

— Погоди, Зарудный.

Она вошла в подсобку. Взяла три мелка — красный, синий, белый. Завернула в бумажку; она терпеть не могла, когда руки пахнут мелом, и потому не любила отвечать у доски.

Славка ждал у входа в музей:

— Слушай, Пигалица, ладно, хоть на минуту зайди...

Лидка остановилась. Взвесила в руке свои мелки и решила, что если задержаться в музее, а потом быстро-быстро взбежать по лестнице, то по времени выйдет то же самое, как если бы она просто поднималась не спеша.

Славка отступил в глубину, приглашая, Лидка вошла. Славка тут же запер дверь на ключ.

— Ты это зачем? — удивилась Лидка.

— Техничка ругается, когда открыто. Здесь же режим...

Лидка поставила портфель, сверху положила сверток с мелками:

— Ну, показывай, что хотел.

Окон в музее не было. На их месте тянулось цветное панно с электрической подсветкой — древний город с забытым названием, когда-то полностью уничтоженный апокалипсисом и реконструированный по сохранившимся гравюрам. Напротив, в витрине, лежали на линялых подушечках закопченные металлические обломки, а сверху, на стене, медными буквами было выложено чье-то изречение: «Пока мы помним о погибших цивилизациях, история продолжается».

Лидка поежилась.

— Идем, Пигалица...

— У меня есть имя, — сказала Лида скорее для порядка. Она давно не обижалась на прозвище, тем более что в Славкиных устах оно звучало почти нежно.

— Идем, тут новый экспонат...

Фотография действительно была новая, матовая, цветная. И огромная, почти метровой высоты; сквозь дым и языки огня на Лидку смотрела, как живая, здоровенная уродливая глефа.

Лидка отпрянула.

— Страшно? — нарочито небрежно спросил Славка.

— Гадко, — сказала Лидка, глядя в сторону. — Зачем *это* показывать?

— Затем, что скоро они из моря полезут. — Славка наставительно поднял палец. — Мы должны быть готовы...

— Я не собираюсь на них смотреть!

— Вот видишь, ты трусишь! А находятся же храбрые люди, которые их фотографируют! Это подлинный снимок, восемнадцать лет в спецхране...

Лидка еще раз мельком глянула на фото. Потом на Славку; насмешливо прищурилась:

— В спецхране? Восемнадцать лет? Слушай, это подделка. Я в детстве тоже глеф рисовала. Мистификация...

Славка надулся:

— Скажи еще раз.

— Ми-сти-фи...

Славка быстро наклонился вперед и губами поймал Лидкины губы. Ей сделалось страшно и неприятно; она не думала, что симпатяга Зарудный способен на такую глупость.

— Дурак...

Вырываясь, Лидка оступилась и села на ворсистый ковер. И отбила бы себе мягкое место, если бы Славка не подхватил ее.

— Дурак, Зарудный, совсем спятил?!

— Пигалица... — сказал Славка жалобно. — Успеешь на свою математику...

Руки у него были взрослые — жилистые, твердые и в то же время красивые, с длинными пальцами. Славка закончил музыкальную школу.

— Что ты меня так гладишь все время, как будто я тебе кошка?

— А как тебя гладить, Пигалица?

— Никак, пусти...

Он не позволил ей встать. Наоборот, навалился сверху и снова полез целоваться. Лидка решила минуточку потерпеть — когда-то ведь он отстанет?! А на будущее надо будет учесть: Зарудный — дурак...

Но Славка не думал отставать. Наоборот, сунул руку Лидке под юбку, а этого она не собиралась терпеть ни в коем случае.

— Одурел?! Сейчас как заору...

— С чего бы тебе орать? Глупенькая, что ли?

— Пусти!

— Да перестань...

— Пусти, говорю!

Она все еще надеялась на его благоразумие и не решалась вырываться всерьез. И заорать тоже не решалась, а потом уже было поздно, потому что Славка зажал ее рот своим ртом, и трудно стало не то что издавать звуки — дышать. А когда он принялся стаскивать с нее колготки и сделалось ясно, что происходящее — не игра, у Лидки вдруг не оказалось сил. Теперь она вырывалась еле-еле, и Славке, вероятно, казалось, что девчонка сопротивляется только для виду.

— Пус...ти... иди... от...

В дверь постучали.

Новый ужас придал Лидке силы. Она вырвалась. На четвереньках отползла в сторону, натянула колготки, судорожно одернула юбку. Губы ее горели и саднили — казалось, рот разорвали до ушей, как у клоуна.

— Зарудный, открой, пожалуйста. Я знаю, что ты здесь.

Голос завучихи, и достаточно нервный.

— Зарудный, открой сию секунду!

Лидка затравленно огляделась. Под стеллажами не спрячешься, дверь в специальный зал заперта на кодовый замок. И Славка струсил, видать, вон как побледнел, даже губы трясутся.

— Си-ю секун-ду! Или будут неприятности, слышишь?!

Стук каблуков по паркету; еще чьи-то голоса. Сколько их там собралось? И когда уйдут?!

Славка точно решил не открывать. И ей махнул рукой: молчи, мол, сиди как мышь, обойдется...

— Принесите второй ключ! — Голос завучихи был как струна. — Елизавета Павловна, второй ключ, пожалуйста...

Лидка успела подумать, как легко проходят звуки сквозь укрепленную дверь музея.

Потом щелкнул замок, и дверь медленно, как в ужасном сне, начала раскрываться.

Славка уже стоял, прижав одну ладонь к лицу, а другую к груди, будто решившись в последний момент симулировать сердечный припадок.

А Лидке нечего было симулировать. Она сидела под витриной, под остатками погибшей цивилизации, и смотрела на себя как бы со стороны — на перепуганную, расхристанную, с распухшими губами девчонку.

Вошли завучиха, техничка, математичка, директор. Некоторое время было тихо, потом завучиха утробным голосом произнесла: «В святом для нас месте...»

На Славку почти не смотрели.

* * *

Маму было жалко.

Маме Лидка рассказала, как все было на самом деле, но легче от этого не стало. Брат демонстративно не желал разговаривать с падшей сестрой, отец ходил подавленный и молчаливый, зато Яна никак не могла сдержать язык:

— Дура! Кретинка! Что у тебя в голове — тряпки?! Допрыгалась, дура, вот вылетишь из лицея, вот попадешь в двести пятую... Возились с тобой, нянчились с тобой, вынянчили тебя... Дебилку, имбецилку, идиотку...

— Замолчи, — устало говорил отец, и Яна замолкала, и заведенный мотор внутри нее работал вхолостую целых две минуты, а потом молчание иссякало, и все начиналось сначала:

— Дура... Кретинка... Потаскуха малая... До чего ты мать довела...

Отец три раза ходил к директору. Вроде бы должны были исключить обоих — и Зарудного, и Лиду, но с самого начала ясно было, что на Славку у лицейских начальников рука не поднимется. У Славки слишком известный отец. Академик и депутат.

У Лидки не хватало сил сидеть дома, но и шататься по улицам было опасно — вдруг встретишь знакомого или одноклассника. К лицею она боялась подходить на пушечный выстрел, а потому с самого утра шла на берег, забиралась в скалы и сидела, съежившись, на обломках не то бревен, не то мачт, изъеденных солью, почерневших, когда-то проглоченных, а потом отторгнутых морем.

Несколько раз ей случалось видеть дальфинов — далеко от берега, совершенно безопасно, но все равно нервный холод пробирал до костей. Впрочем, она и без того мерзла; вот заболеть бы и умереть. Лидкин день рождения прошел буднично и безрадостно. Четырнадцатое октября, снова среда. До назначенного срока осталось семь месяцев и три недели.

Вместо обещанных роликовых коньков ей подарили коробку конфет и какие-то скучные книжки. Полвечера она проплакала, забравшись под одеяло, — не то из-за коньков, не то из-за лицея, не то из-за скорой и неотвратимой смерти.

А через неделю оказалось, что, раз исключить Зарудного нет никакой возможности, то и Сотову трогать не будут. Поругали, поставили на вид — и пусть помнит доброе к ней отношение.

Отец пришел из лицея нервный, но румяный и с блеском в глазах. «Обошлось», — сказал он маме. «Замолчи», — сказал он вскинувшейся было Янке. Лидке улыбнулся, потрепал по затылку: обошлось, мол, собирайся завтра в лицей...

Лидка представила, как войдет в свой класс. Как сядет на первую парту рядом с Рысюком. И двадцать пар глаз будут разглядывать ее, будто впервые увидев.

Она сверилась с расписанием — двадцать первое октября, среда — и уложила в сумку книжки. Но пошла не в лицей, а к морю.

Облака рябили многими оттенками серого, казалось, что небо покрыто грязными встопорщенными перьями. Небо походило на лежалую дохлую чайку. С моря дул недобрый ветер; Лидка укрылась среди камней и раскрыла книжку. Роман «Бедная Анна» полагалось прочитать по программе еще прошлым летом, это был самый скучный на свете роман, но Лидка читала, продираясь через длинные описания природы и совсем уж бесконечные монологи. Героиня не могла иметь детей, а детородный срок цикла истекал, и ее муж собирался уйти к другой; Лидка переворачивала страницы, почти ничего не соображая. Что за проблемы у этих персонажей, ведь они благополучно пережили свою *мрыгу*, теперь им предстоит два десятка лет безбедной жизни...

А у Лидки — семь месяцев и две недели.

В окончательный апокалипсис верят только идиоты. А она, Лидка, изучала историю. Она умная.

Буквы сливались перед глазами.

Около полудня со всех сторон в бухту стянулись патрульные катера. Они стояли далеко от берега, там, где Лидке случалось видеть дальфиньи спины. Черные силуэты вытянулись цепью от мыса до мыса. Кораблей было не меньше двадцати; со стороны базы ГО пришли два вертолета. Покружились над морем, порокотали, улетели; Лидка встала, чтобы поскорее уйти.

— Что ты здесь делаешь?

От неожиданности сумка едва не выпрыгнула из Лидкиных рук. Патрульные появились как из-под земли — два солдата и офицер, вооруженные, в камуфляже.

— Девочка, что ты здесь делаешь?!

— Прогуливаю уроки, — сказала Лидка тихо.

Патрульные переглянулись. Кажется, честный ответ настроил их чуть более миролюбиво.

— Объявлено военное положение, — отрывисто сообщил офицер. — Дети должны сидеть по домам.

Лидка крепче сжала сумку. Губы начали дрожать прежде, чем смысл сказанного дошел до нее.

— Как... что же...

— А ну сюда, живо!

Ее взяли за локоть и потащили — не очень быстро, но она все равно то и дело спотыкалась. От страха заложило уши.

По бетонной лесенке ее вытащили на набережную; от палаток торговцев остались металлические скелеты, под ногами валялись обрывки газет, и никого не было, ни торговцев, ни гуляющих, только военные машины в решетчатых железных очках. И люди, гэошники, и у каждого второго — рация. Суставчатые антенны подрагивали, будто черные тараканьи усы.

И еще тут был Игорь Рысюк. Стоял, привалившись к машине, глядел в сторону, как бы непричастный ко всему на свете.

— Эй, парень, эта та самая девочка?

Рысюк бросил на Лиду взгляд и сразу отвернулся:

— Да.

— Которая уроки прогуливает?

— У нее личная драма, — сказал Рысюк, почти не разжимая губ. — Несчастная любовь.

Кто-то хохотнул:

— Ладно, пацан, ты не врал вроде бы... Куда вас обоих, в приемник-распределитель?

— Мы ничего не сделали, — тонко сказала Лидка.

— А нечего ходить где не положено... Адрес?

— Что? — тупо переспросила Лидка.

— Где живете? Далеко?

— На Угловой...

Игорь промолчал. Сам он жил гораздо дальше, на Зеленой Горке.

— Хорошо... До Угловой подбросим, но чтобы из дома — ни ногой! Ясно?

Вслед за солдатом, пахнущим неприятно и остро, они забрались в тесный салон. Машина дернулась — Игорь и Лидка непроизвольно ухватились друг за друга.

— Ты почему не пришла в лицей? — спросил Рысюк сварливым шепотом. — Зарудный ведь ходит...

— Отстань.

— Почему ты такая невежливая?

— Почему ты такой кретин?

Где-то выла сирена. Ее вой сперва нарастал, потом ударил волной и сразу схлынул, удаляясь. Машина с сиреной пронеслась в противоположном направлении — к морю.

— А что было в лицее?

Рысюк пожал плечами:

— Тревога. Всех распустили по домам.

— А ты откуда знал, где меня искать?!

— С чего ты взяла, что я тебя искал?

Лидка прикусила язык.

— Эй, дети, — сказали из кабины. — какой номер на Угловой?

— Угловая, двадцать семь, — пробормотала Лидка. — Рядом с универмагом.

Машина выбралась на трассу и пошла быстрее.

— Слушай, Рысюк...

Вопрос застрял у нее в горле.

— *Мрыга*? Сегодня? — насмешливо спросил Игорь. — А как же твое любимое девятое июня?

Лидку передернуло. Захотелось ударить — так врезать невысокому Игорю по щеке, чтобы коротко стриженная голова стукнулась о борт...

— Не боись, это нормальный кризис. — Игорь улыбнулся. — Военный переворот или еще что-нибудь такое. Если бы ты учила историю, то знала бы, что за несколько лет до апокалипсиса наступает...

Машина притормозила.

— Выметайтесь, дети! И чтобы ни ногой из дома, ясно?

— Мы уже не дети, — проворчал Рысюк себе под нос. — Привыкли, понимаешь...

Машина газанула, обдав обоих вонючим выхлопным облаком.

* * *

УЧЕНИЦЫ МЛАДШЕЙ ГРУППЫ
3-го «Б» класса СОТОВОЙ ЛИДИИ
сочинение на тему: «Люди и дальфины»

Однажды девочка пришла на море. Погода была хорошая. В воде плескались рыбки. Светило солнце. Девочка решила искупаться.

Она зашла далеко от берега и стала тонуть. Она позвала на помощь. Но никто не услышал.

Вдруг приплыл дальфин из моря. Девочка очень испугалась. Но дальфин подтолкнул ее к берегу и спас.

Девочка была очень рада. Дальфин плавал вокруг и показывал спину. Они подружились. Девочка стала часто ходить на море и встречать там дальфина.

Потом девочка выросла и наступил конец света. Дальфины сбросили шкуру и пере...(зачеркнуто) в личинок, то есть глеф. Они вышли на сушу. Девочка (зачеркнуто). Он узнал ее и не стал ее есть. Но он поранил ее. И поэтому она не успела к Воротам, в Убежище.

Дальфины — опасные существа. В пе-ри-од цикла они плавают далеко от берега и не выходят на сушу. Но когда наступает конец света, дальфины становятся личинками-глефами и выходят на сушу. Дети, будьте осторожны!

ОЦЕНКА: три с плюсом.

ГРЯЗНО! И думай, Лида, о чем пишешь.

* * *

Дома ее встретили тихой истерикой. Тихой, потому что в квартиру они заявились вместе с Рысюком. В присутствии одноклассника Лидке постеснялись устраивать сцену.

Рысюк зашел, чтобы позвонить, и даже успел буркнуть в трубку что-то вроде «Жив-здоров, у Сотовой», после чего телефон умер, замолчал, будто трубку набили ватой. «Теперь еще и связь», — сквозь зубы процедил Лидкин отец. Рысюк попрощался и пошел к двери.

— Игорь, ты никуда не пойдешь, — очень спокойно сказала мама. — В лучшем случае тебя заберет патруль.

— А в худшем? — удивился Рысюк.

По всей квартире разбросаны были вещи. У порога стояли пять рюкзаков — как на картинке в учебнике ГО.

— Освобождай свою сумку, — сказал Тимур, Лидкин брат, притихшему Рысюку. — Если объявят эвакуацию...

— Бухту оцепили, — сказала Лидка.

— Наверное, глефы уже лезут, — весело пошутил Тимур.

Яна заплакала. Отец прикрикнул на нее — не зло, скорее растерянно.

Телевизор был включен, но мерцал серым бельмом пустого экрана. Если долго не отводить глаз, может показаться, что по экрану ползают тысячи мелких мушек. Лидка отвернулась.

Рысюк молча вытряхнул на пол пару учебников, папку с тетрадями, дневник, пенал, еще какие-то мелочи. В освободившуюся сумку поместились термос, полиэтиленовый пакет с пайком и аптечка. На Лидку этот обмен произвел гнетущее впечатление — она ушла в свою комнату, села на диван и включила магнитофон, благо батарейки были еще живы. И, закрыв глаза, можно было вообразить, что ничего не случилось.

— А я вчера был на вечере в двести пятой, — сказал Рысюк.

— Зачем? — вяло поинтересовалась Лидка.

— Так... Сперва интересно было, девчонки ихние явились кто в чем, а кто и почти без ничего...

— Оч-чень интересно, — саркастически вставила Лидка.

— Да. А потом они нажрались какой-то гадости, и драка началась. Я еле успел смыться. А у тебя с Зарудным — на самом деле или понарошку?

Лидка молчала. Странные дела, до девятого июня осталось семь с половиной месяцев, а она так злится из-за этого зануды, кривляки Рысюка. Который специально ее дразнит.

Затрещал телевизор в соседней комнате. Запищал; на этот писк сбежались из разных комнат Тимур и Яна, мама, папа и Лидка с Рысюком.

— Дорогие сограждане...

Чье-то моложавое тонкое лицо. Полузнакомое — Лидка никогда не интересовалась политикой и не смотрела новостей, но догадалась, что на этот раз перед камерой сидит не журналист и не диктор.

— Дорогие сограждане, чрезвычайная ситуация преодолена. Просим всех соблюдать спокойствие... В столице сорван заговор, направленный против законного правительства и ставящий своей целью низвержение конституционного...

«Откуда я его знаю», — подумала Лидка. И почти сразу же Рысюк прошипел у нее над ухом:

— Че-ерт... Это же...

— Что? — нервно спросила мама.

— Это Зарудный, — сказал отец. — Депутат Зарудный.

С экрана смотрел Славкин папаша.

ГЛАВА 2

Светка жила этажом выше и была на год старше Лидки. Светка училась в двести пятой школе и в отличие от Лидки имела время на посиделки в «дурной компании». Проходя мимо лавочки, где эта самая компания коротала вечера, Лидка внутренне сжималась и кивала как можно равнодушнее.

В последние месяцы все переменилось, и перемены скрыть не удалось. Лидка перестала ходить на факультативы, более того, повадилась сбегать с последних уроков. В лицее ей было так же уютно, как карасю на холодной сковороде — вроде бы и не жжет, но и удовольствия мало. Уж лучше на скамейке перед домом...

Но главное — со Светкой можно было говорить про девятое июня. Светка не начинала истерически смеяться, всем своим видом показывая, как ее забавляет Лидкина глупость, и не крутила пальцем у виска. Светка даже добывала где-то новые сведения — оказывается, были целые организации, посвященные Последнему Апокалипсису. И вроде бы двух разновидностей — одни посвящали оставшуюся жизнь «освобождению души», бросали пить, курить, уходили из семей и посвящали себя людям. Другие, наоборот, ничего очищать не собирались, а хотели напоследок пожить, продавали квартиры и на вырученные деньги устраивали оргии, игрища, морские путешествия и прочие приятные вещи. В морское путешествие Лидка и сама бы не прочь, но вот чем занимаются на оргиях, представляла себе смутно.

Светкин день рождения пришелся на воскресенье. Двадцать второе ноября, привычно отметила Лидка.

Гости собрались к половине восьмого. Мальчишек было шестеро, девчонок — вместе с Лидкой — тоже. По-видимому, в таком расчете крылся некий смысл; выпив по рюмке мутноватой крепкой жидкости, гости разбились по парам, как в детском саду. Рядом с Лидкой оказался длиннющий, бледный, болезненного вида парень лет восемнадцати, явно близорукий, но стесняющийся носить очки.

После первого же тоста закружилась голова, и сразу сделалось легче: уже ни о чем не думалось, во всяком случае, ни о чем плохом.

Лицеистов в новой компании не ставили ни в грош. Все, кроме Лидки, гости были из двести пятой школы, из младшей и средней групп, а тот, что сидел рядом с Лидкой, — и вовсе из старшей, второгодник. Говорили о собственных учителях — исключительно паскудных, глупых и пошлых. У каждой училки было по несколько кличек; Лидка путалась и никак не могла понять, кто кого куда послал и кто кого огрел линейкой. Сдуру призналась в невежестве — и сразу же сделалась центром компании. Ее наперебой принялись просвещать:

— ...А химичку — Доска, Два Соска. А математичку — Феня Хреновна. А гэошника...

Остальные клички были непечатные, но большей частью смешные до колик. Лидка по-лошадиному ржала и повторяла вслух наиболее смачные прозвища. С удовольствием примеряла их к лицейским завучихе, математичке, директору; она только теперь поняла, как сильно их ненавидит. За вытянувшиеся физиономии на пороге музея, за патетические завывания: «В этом святом месте...» И за то, что ее не исключили. Пусть бы выгнали — так нет, брезгливо поморщились, опасливо покосились на Зарудного-папашу и оставили. Чтобы всякий раз, вызывая ее к доске, скептически поджимать губы.

А в двести пятой, именем которой лицеистов запугивали до дрожи в коленках, губ никто не поджимал. Там бранились и кричали, швырялись книжками, лупили линейкой по голове и вызывали родителей, но губ поджимать там никто не стал бы. Во-первых, потому, что все ученики считались испорченными по определению и ждать от них целомудрия не имело смысла. А во-вторых, потому, что честнее один раз закатить девчонке пощечину, чем месяц за месяцем морщиться и презирать.

— ...А этот парень тогда спер у бати ключи от машины и привел Анжелку в гараж. Они мотор завели, чтобы не холодно, и полезли на заднее сиденье. А машина здоровенная! Вот они и стали кувыркаться, а гараж закрыт! А мотор работает! Они позасыпали и отравились, ну, нанюхались выхлопов, вместе их и похоронили...

— Вот ты ржешь, а мне мамка ключи от машины не дает теперь...

— На тот свет захотел?!

— Все фигня, хлопцы, из нашего класса один пацан в подвале поставил раскладушку у трубы, тепло...

— ...Я у сеструхи с головы этот кулек тащу, а она уже синяя, еле откачал... «Скорую» не вызвал, чтобы на учет не поставили...

— ...Ну ладно, думаю, денег я добуду, не впервой, но чтобы задницу ему подставлять...

— ...Купил петарду и училке в стол. Как она заорет!

Лидка отхлебывала из рюмки и хохотала все громче. Каждое

слово казалось неимоверно смешным, но почему-то сразу же забывалось.

Уже через час она была своим парнем в новой компании. Бледнолицый сосед-второгодник пел под гитару. Его звали Геной, Лидке он нравился все больше и больше — такой взрослый, с голубыми беззащитными глазами, с хрипловатым усталым голосом...

Потом зажгли две свечки и погасили люстру. Включили музыку, и Гена пригласил танцевать не Лидку, а длинноногую соседку справа. И прямо по ходу танца полез ей под коротенькую юбку-пояс.

Лидка выбралась из-за стола, пошатываясь, протиснулась между танцующими, нашла ванную. Долго смотрела в собственное пьяное, лупоглазое лицо, тщетно пыталась сосредоточиться.

Катись все к чертям. Все равно скоро *мрыга*. Почему она, Лидка, не имеет права делать то, что хочет? Хотя бы накануне неотвратимой смерти...

— Эй, малая! Иди сюда, играть будем!

Комната плавала в табачном дыму. Со стола прибрали пустые тарелки, именинница притащила детский волчок на присоске, с бегущей стрелочкой. Под всеобщий хохот волчок запускали, и тот, на кого указывала стрелка, снимал с себя часть одежды. Сладко замирало сердце, было страшно и весело, гости по очереди стягивали с себя туфли, рубашки, носки, пояса, потом тот, что сидел напротив Лидки, оказался в одних трусах и заорал, что больше играть не будет, но на него заорали в ответ, что выходить из игры нельзя и что правила есть правила. Он подчинился и всякий раз шумно радовался, когда волчок указывал на другого.

Лидку лихорадило. Она сняла сперва туфли, потом пояс, потом колготки. Кое-кто из девчонок уже сидел, хихикая, в исподнем, и оно оказалось весьма затейливым, не чета скромному Лидкиному бельишку. Волчок вертелся, замирало сердце, более-менее одетыми оставались только Лидка да ее близорукий сосед, в их адрес отпускались шпильки. Потом волчок трижды подряд указал на веснушчатую девчонку с рыжим хвостом на затылке — та заныла, что так нечестно, и, ноя, разделась догола. У Лидки глаза на лоб полезли — она не думала, что до такого дойдет...

Ну, позвать бы сюда завучиху с математичкой! И посмотреть на их лица...

Все равно *мрыга*, сказал кто-то внутри Лидкиной пьяной головы. Какая разница?

Я плохая, поняла она с удивлением. Я плохая девочка! Я ужжасная девчонка, и как это здорово — быть плохой...

Но тут игра закончилась. Музыка зазвучала громче.

Кто-то подбирал с пола свои вещи, кто-то не стал. Длинноногая девчонка в юбке-поясе танцевала на столе; Гена, близоруко щурясь, бродил в одном носке и искал под ногами другой. На голом плече его обнаружилась татуировка, нанесенная, похоже, кем-то из одноклассников, во всяком случае, здорово похожая на рисунок в тетради, — какой-то кривобокий свирепый крокодил.

Пахло духами, потом, перегаром, остатками еды. В темном углу кто-то возился, хихикая, и вроде бы полуголых тел там было не два, а минимум три...

На диване именинница Светка целовалась с парнем, чьего имени Лидка не запомнила.

Она едва отыскала свои туфли. Колготок так и не нашла. Пояса тоже. Завтра надо будет позвонить соседям: «Извините, вы не находили в гостиной моих колготок?»...

Она осторожно прикрыла за собой входную дверь. Спустилась на два пролета вниз. Отыскала ключ в кармане джинсовой юбки. Ключ она захватила именно на этот случай — чтобы вернуться тихонько. Чтобы не принюхивались подозрительно, не оглядывали с головы до ног...

Дверь бесшумно приоткрылась. Лидка скользнула в запахи собственной квартиры; в прихожей было темно, в гостиной тоже, только голубовато подмигивал проклятущий телевизор.

Она сняла туфли. Босиком, поджимая пальцы, прошла вперед, намереваясь скользнуть к себе в спальню...

— ...экспертами, сошлись с точностью до секунды... Через двести дней, девятого июня будущего года, в шестнадцать часов двадцать одну минуту... И господь не сжалится более...

Лидка обмерла.

В комнате что-то возмущенно проговорила мама; Лидка, как загипнотизированная, сделала еще шаг и уперлась взглядом в экран.

С экрана смотрело желтоватое, морщинистое, печальное лицо. На переднем плане нервно подрагивал микрофон; казалось, в следующую секунду поролоновая груша заткнет говорящему рот.

— Расчеты были сделаны по методу Бродовского—Фильке. Вероятность погрешности минимальна. У нас есть еще двести дней, чтобы пожить. Чтобы взять от жизни все. Приготовьтесь, девятого июня...

Камера отпрыгнула одновременно с ведущим.

— Вы смотрите программу «Контакт», гостями нашей студии были... — Журналист по-рыбьи хлопнул ртом. Вытащил папку из-под мышки, сверился с записью: — ...представители движения «За чистоту души»...

Экран погас. Лидка отступила в коридор.

— Хорошо, что малой нет, — сказала Яна в наступившей тишине.

— Чертов ящик, — зло сказал папа.

Лидка, незамеченная, ушла к себе.

Ночью маме снова пришлось отпаивать ее каплями. При этом мама клятвенно обещала, что к Светке Лидку больше не пустит. Ни ногой.

* * *

— ...Ты доиграешься, Сотова. Одна двойка в четверти, другая двойка в четверти, а там экзамены, которых тебе не сдать с такой подготовкой... Будешь исключена уже не по дисциплинарным соображениям, а из-за плохой успеваемости. Ты понимаешь?

В кабинете завучихи было тепло. Чуть слышно пахло цветами — кажется, астрами. Как на похоронах, подумалось Лидке.

— Ты меня слышишь, Сотова?

— До экзаменов еще полгода, — сказала Лидка, глядя в пол.

— Ты думаешь, что это много? Что у тебя есть время? «С понедельника возьмусь»?

— Нет, — Лидка пожала плечами и в который раз ощутила, что форменный лицейский пиджак тесен и жмет под мышками. — Просто... какая разница? Апокалипсис...

Зависла пауза. Чуть слышно гудел в углу обогреватель.

— И что же? — спросила завучиха другим тоном. — Разве это первый в истории апокалипсис? Разве после него не будет жизни, *твоей* жизни, Лида?

— Может быть, не первый, — сказала Лидка неожиданно для себя. — Но уж последний, это точно. Для всех.

И замолчала, глядя в пол.

* * *

Рысюк выиграл олимпиаду по истории и получил право без экзаменов поступить в университет.

Лидка получила двойку по контрольной и двойку в четверти. Впервые в жизни.

Она напрасно думала, что ее это не заденет. Одно дело — быть плохой в полутемной прокуренной комнате, в компании таких же плохишей. Другое дело — получать свою тетрадку последней из класса, идти к учительскому столу под многими недоуменными взглядами. Встречаться взглядом с Михаилом Феоктистовичем. Сухо и коротко, как приговор: «Сотова — два...»

Она ждала, что Рысюк сострит. Или хотя бы сварливо спросит: «Сдурела?»

Рысюк ничего не сказал, даже смотреть не стал на соседку по парте. Как будто новоявленная двоечница не была ему ни капельки интересна. Тупо глядя в окно, на стадион, где средняя группа наматывала круги на лыжах, Лидка припомнила, как Рысюк называет учеников двести пятой. «Простейшие» — вот так он их определяет. И нынешнее молчание его не случайно — более того, со ступеньки равных Лидка скатилась для него на ступеньку «простейших», а значит, прежней сварливой дружбы больше не будет.

Она обозлилась. Намеренно, хоть и притворяясь неуклюжей, сбросила на пол Рысюкову книжку.

Грохот вышел, как будто упало жестяное корыто. Весь класс посмотрел на первую парту; Рысюк наклонился и подобрал учебник вместе с рассыпавшимися по полу закладками. На Лидку он так и не посмотрел.

В проклинаемой двести пятой никто не стал бы судить о человеке по его оценкам.

Лидка прикусила губу. Все равно. Сегодня девятое декабря, среда...

Осталось ровно полгода.

* * *

Перед входом на станцию скоростного трамвая ей сунули в руки листовку. Сперва она решила, что это обыкновенная рекламка или там обещание «выгодной работы», — но, механически развернув, споткнулась.

Мужчину на фотографии она узнала сразу, хоть листовка была черно-белая и желтизну лица не передавала. И все-таки это был он — тем более что по верхнему краю бумажки шла строгая черная надпись: «За чистоту души», а в правом нижнем углу имелась эмблема — стилизованное изображение человека в огне. «Так будет со всеми...»

— Девочка, что с тобой?

— Ничего...

Она выбралась из толпы. Привалилась к мозаичной стене; дрожали колени.

Ничего. Она знает, это хорошо, что она знает дату заранее. Всегда можно успеть наглотаться снотворного... Чтобы не плясать факелом, как тот сумасшедший... Или он не сумасшедший, а, наоборот, герой, подвижник?!

Сегодня двадцать первое декабря, понедельник.... Осталось... Сколько же осталось?

Она присела на узкую скамеечку — идущие мимо люди удивленно на нее косились — и вытащила из сумки дневник. Каждый день помечен был числом в кружочке. Так, двадцать первое... Осталось сто семьдесят два дня.

* * *

— Ты не выполняешь задания, потому что не записываешь их?

Химичка оторвала взгляд от распятого на учительском столе Лидкиного дневника.

— Домашние задания необязательны для тебя, а, Сотова?

Лидка моргнула. Химичка взяла со стола кроваво-красную авторучку и снова нависла над Лидкиным дневником, на этот раз с вполне определенной целью; еще два месяца назад Лидка покрылась бы потом при виде такого зрелища.

Теперь записи в дневнике мало тревожили ее.

— Это что еще? — удивленно спросила химичка, на секунду задержав карающее перо.

Сегодняшнему вторнику соответствовала цифра сто семьдесят один. Завтрашней среде — сто семьдесят. Послезавтрашнему четвергу, соответственно, сто шестьдесят девять...

— Ты считаешь дни до экзамена? — спросила химичка, сама, вероятно, понимая всю глупость такого предположения.

Лидка молчала.

* * *

— Я знаю такую компанию, — сказала Светка. — Такой частный дом в пригороде. Они там собираются. Я знаю одного пацана оттуда, так он говорит, что вместе им не страшно. Что конец света все равно будет последний и один для всех. Он свой мотоцикл уже продал... На хрена мне, говорит, теперь мотоцикл...

Светка пододвинулась поближе, глуша Лидку устоявшимся запахом сигарет:

— А восьмого июня, накануне то есть, у них вроде как выпускной вечер. Они сами это так называют... Соберутся, погуляют, словят последний кайф и тихонечко уснут. Все.

Лидка молчала. Сплетала и расплетала пальцы.

— Я пойду к ним, — сказала Светка после паузы. — Погляжу, так ли у них классно, как тот пацан говорит. Пойдешь со мной?

— Когда? — спросила Лидка едва слышно.

Светка задумалась:

— Ну... Я завтра линяю с последних двух уроков... или вообще в школу не пойду. Высплюсь... часиков в двенадцать, пойдет?

Лидка кивнула.

...Гардеробщица подозрительно на нее косилась. В последнее время Лидка слишком часто брала свое пальто задолго до конца уроков.

Ну и что?!

У ворот рядком стояли машины. Бежевые, зеленые и бледно-желтые, они походили на восковые яблоки в снегу. Только одна из них, черная, выделялась и была похожа на изготовившуюся к прыжку пантеру. Мотор у пантеры работал — вилось на морозе облачко выхлопа.

Лидка замедлила шаги. Потом остановилась вовсе.

Наверное, она с самого начала знала, что никуда со Светкой не пойдет. Светка подождет-подождет, да и отправится в пригород одна; а потом можно будет что-нибудь соврать. Светка, правда, не поверит и справедливо обвинит подружку в трусости, но не все ли равно?..

Но если не идти сегодня со Светкой, значит, вообще некуда идти. Сидеть на лавочке в парке — холодно, а возвращаться в это время домой означает нырять в скандал. Казалось бы, такая мелочь — скандал, а все-таки не хочется...

Тоска оказалась такой властной, что Лидка едва не повернула назад. Чтобы покорно отдать пальто гардеробщице и сесть на свою первую парту, на виду у целого класса благополучных, чистеньких, хорошо успевающих ребят. Рядом с Рысюком, который уже почти студент... Который верит, дурачок, что будет студентом! Который пеплом будет, а не студентом, золой будет под развалинами лицея...

Или все-таки пойти со Светкой?

Она подобрала смерзшийся комок снега. Хорошенько прицелилась и запустила в сидящую на изгороди ворону. Промахнулась. Ворона даже не взлетела, только насмешливо покосилась на Лидку бусинкой-глазом.

Разозлившись всерьез, Лидка наклонилась за новым комком. Хорошо бы найти ледышку потяжелее.

— Лида!

Она выпрямилась с ледышкой в руке.

Возле черной машины стоял, сунув руки в карманы длинного пальто, незнакомый мужчина лет сорока.

Нет, знакомый. Определенно знакомый, вот только где...

— Добрый день, Лида, разве уроки уже закончились?

Она плотнее сжала свою ледышку. Перчатка была мокрой.

Этот мужик у черной машины был депутат Зарудный. Она встречала его пару раз в школе — давно, несколько лет назад. По телевизору он появлялся чаще. Особенно теперь, после осеннего путча...

А залепить бы ледышкой по ветровому стеклу, сказал развеселый внутренний голос. Вот было бы лихо. Впрочем, наверное, оно непробиваемое... Но хоть запачкать... Хотя нет. Это *он* может запачкать, а к Славкиному папаше никакая зараза не пристанет, покуда он ходит в главных советниках.

— Видишь ли, Лида, я давно хочу с тобой побеседовать. Можно?

Лидка повернула голову.

Ну конечно. Стеклянные двери лицея буквально облеплены были расплющенными носами. Как будто мухи на мед, как будто звонок на урок не звенел минуту назад.

— О чем?

Слова упали одновременно с ледышкой, которую Лидка выронила себе под ноги.

Депутат Зарудный улыбнулся. Густые с проседью волосы топорщились ежиком — депутат не боялся мороза и не носил шапки. Впрочем, в машине тепло и комфортно.

Не о чем с ним разговаривать. Инцидент давно «исперчен» (дурацкое словечко Рысюка)...

— Лида... Мне не хотелось бы, чтобы ты подумала, будто мой сын воспитан в обезьяннике. А ты, мне кажется, так и подумала. Я прав?

ГЛАВА 3

Весна выдалась затяжная. Улицы существовали на правах сточных канав. Все бранили городскую санитарную службу.

На станции скоростного было сыро, шелестели под ногами неубранные фантики, обрывки прозрачных кульков и листовки, теперь уже знакомые, примелькавшиеся листовки с фигуркой пылающего человека в правом нижнем углу. И желтолицый пожилой мужчина смотрел с них все так же остро и проницательно.

В подворотне компания парней чуть старше Лидки гоняла ногами пустую бутылку. Лидка плотнее прижала к себе сумку. В толчее ничего не стоит вытащить кошелек, а то и вовсе вырвать имущество из рук — Лидка сама знала мальчишек из двести пятой, промышлявших подобным образом. Правда, одного из них поймали и избили в милиции, и теперь он, говорят, не доживет до *мрыги*...

В центре было чище и спокойнее, но бронированные жалюзи на модных витринах оставались прикрытыми до половины. Вдоль тротуара бродил дворник с метлой, передник его сбоку оттопыривался, и очертания скрытого предмета очень походили на пистолетную рукоятку.

Консьерж-охранник был знакомый. Улыбнулся Лидке, поднял трубку со своего пульта:

— Клавдия Васильевна? К вам пришла Лида Сотова... Да. Хорошо. Поднимайся, — это уже Лидке.

Клавдия Васильевна была Славкиной матерью. Значит, депутата Зарудного нет дома... А Лидка рассчитывала его увидеть. Именно сегодня.

Двери открыл Славка.

— Привет.

— Привет, — отозвалась Лидка, втягивая запах зарудновской квартиры, неповторимый запах дерева, кожи и еще чего-то, чему не было названия.

— Проходи...

Их со Славкой отношения напоминали теперь трогательную детскую дружбу, как ее описывают в книгах. С тех пор как депутат Зарудный убедил Лидку в том, что она, Лидка, не столько сексуальный объект для Славы, сколько романтическая привязанность. В том, что единственная глупость простительна и нельзя сразу же ставить на человеке крест. В том, что ему, депутату, слишком важно душевное здоровье сына... И еще во множестве спорных вещей убедил ее депутат Зарудный, не сразу и не без

труда, но все-таки убедил, потому что Лидка захотела быть убежденной... Депутату Зарудному случалось убеждать кое-кого покруче Лидки Сотовой. Где бы он был сейчас, если бы не умел убеждать.

В Славкиной комнате она выгрузила из сумки две кассеты в потрепанных обложках:

— Вот... Как договаривались.

— Спасибо, — сказал Славка.

В прежние времена он сказал бы: «Спасибо, Пигалица». Но теперь он не произносил Лидкиного прозвища. Никогда.

Славка включил телевизор, сунул в видик первую из Лидкиных кассет. Экран пошел полосами, потом прояснился. Любительская съемка, первое сентября в лицее, старшая группа перешла в третий класс, средняя — во второй, а вот младшая группа — первоклашки...

Кассете было почти девять лет. Кое-где лента осыпалась, но смотреть все равно было интересно. Детские мордашки, подумать только, Лидка, оказывается, забыла, как выглядят дети. Рысюк такой смешной, что невозможно сдержать улыбку. Вот дети-одноклассники... да и сама она, Лидка, не лучше. Пухлые щеки во все лицо и белый бант на макушке.

— А вот я, — сказал Зарудный, когда камера прошлась по лицам ребятишек из средней группы.

Лидка рассеянно кивнула:

— А я уже забыла об этих кассетах... Там еще день рождения есть, Новый год...

Смотреть на детей дольше двух минут оказалось противно. Как будто это не собственное Лидкино прошлое, а совершенно чужие, незнакомые, раздражающе глупые дети. Эти круглые щеки, короткие ноги, большие головы...

— Когда твой отец вернется? — спросила она, поглаживая диванный валик.

— Не знаю, — отозвался Славка после паузы. — Никогда не знаю... А что?

— Ничего, — Лидка вздохнула. — Знаешь, в сегодняшней «Деловой газете» большая статья про... этих... которые апокалипсис предсказали.

— Опять?! — насупился Славка. — Елки-палки, ты все еще считаешь? И сколько там осталось, семьдесят два дня?

— А ты откуда знаешь? — после паузы спросила Лидка. — Считал?

Славка смутился. Покраснел до ушей и разозлился, как блоха:

— Делать мне нечего, только вот дни считать!

— Но ведь считал, — сказала Лидка тихо.

Славка фыркнул:

— Только отцу не говори. Засмеет.

Галдели противные дети на экране. Славка откинулся на диване и поджал под себя ноги; Лидка смотрела на него, и ей не верилось, что вот этот самый парень сперва безумно ей нравился, потом пугал, потом вызывал отвращение. Почему-то его насмешки не задевают ее, его похвалы ей неинтересны... Он скажет: «Ты дура», — она и не почешется. Но вот если сказано будет: «Отец сочтет тебя дурой»...

Сейчас Славка пойдет на кухню и принесет кофе с мороженым. У Зарудных потрясающе вкусный кофе. И удобный кожаный диван. И отличный видик.

— Выключи, — она махнула рукой в сторону экрана, где водили хоровод семилетние Лидкины одноклассники. — Давай фильмец какой-нибудь новый... у тебя ведь есть?

— Конечно, — Славка воодушевился.

Интересно, а ведь сына депутат Зарудный тоже, наверное, убедил. Стоит, мол, сделать вид, будто ничего не произошло, — и скоро все в это поверят, а еще через некоторое время окажется, что и на самом деле ничего-ничегошеньки не случилось...

И теперь даже завучиха приветливо улыбается Лидке. Даже математичка все забыла. Даже техничка не хихикает вслед. Умный человек Славкин папаша, не был бы таким умным — не был бы советником...

Щелкнула, открываясь, входная дверь. Лидка встрепенулась. Так, без звонка и предупреждения, сюда приходит только хозяин дома.

Лидка поднялась:

— Надо, наверное, поздороваться?

Славка тоже встал:

— Погоди, я сейчас посмотрю. Может быть, он загруженный, тогда его не стоит трогать...

И вышел. Лидка снова плюхнулась на диван и вытянула ноги в мягких комнатных тапках.

Игра в детскую дружбу, игра, в которую она втянулась помимо своей воли, имела, кроме странностей, множество плюсов. И подобревшие лицейские грымзы не были самым жирным из них.

Самым жирным плюсом был Славкин отец. Если он прихо-

дил с работы раньше полуночи. И если приходил «не загруженный».

— Лидка! — позвал Славка из коридора, и уже по голосу она поняла, что просмотр фильма не состоится. — Все в порядке, батя вполне в себе, сейчас только выйдет из душа...

Лидка мельком глянула на себя в зеркало.

* * *

Об Андрее Игоревиче Зарудном ходило множество слухов, иногда скверных, иногда просто гадких. Лидка прекрасно понимала, что человек, находящийся при власти, не может обойтись без многочисленных недругов и врагов, гирляндой навешенных ему на шею.

Одна излишне смелая газета вынуждена была закрыться, после того как депутат Зарудный, упомянутый в одной из статеек, подал в суд и выиграл процесс «о защите чести и достоинства». Прочие обитатели бульваров так далеко не заходили, покусывали депутата как бы невзначай, исподтишка, и по первому же требованию печатали опровержение. Тем временем мощные проправительственные издания не жалели газетной площади под умные статьи Андрея Игоревича, раскованные интервью с ним и огромные фотографии тонкого волевого лица. Депутат Зарудный был в пике своей известности.

Или на подходах к пику.

Ведь говорят — и говорят все громче, что именно Зарудный станет следующим Президентом. Вот было бы здорово, у Лидки Сотовой — знакомый Президент!

Лидка сама себе не хотела признаваться, что короткое знакомство с выдающимся человеком льстит ей. Что только из-за этого она ведет игру с опостылевшим Славкой, смотрит видик на кожаном диване и пьет кофе с мороженым. Ради такого вот счастливого случая: депутат вернулся рано, не особенно «загружен», не прочь пообщаться с сыном... Ну и с гостьей сына, счастливо случившейся рядом.

Розовый после мытья, депутат был облачен в просторную домашнюю рубашку. Влажные волосы стояли торчком, как в тот морозный день, когда Лидка впервые заговорила с Андреем Игоревичем. Когда ждала упреков, завуалированных оскорблений, да пес знает чего ждала...

Подумать только! Если бы не та встреча, вполне возможно, она поперлась бы со Светкой в пригород и влипла бы в историю,

в один из этих молодежных «витков», в котором если застукают — без разговоров берут на учет в психдиспансере и пичкают таблетками. Это сейчас. А тогда, зимой, про «витки» еще не знали.

Славкин папа еще тогда рассказал ей про устройство этих «витков». И про мерзавцев, которые их «завивают». И Лидка сразу ощутила себя взрослой, умудренной, такую на мякине не проведешь...

Хорошо, что дурочка Светка только один раз сходила на «виток». И что ее не засекли.

Эх, если бы у лицейской директрисы помещалась в голове хотя бы половина того ума, которым наделен депутат Зарудный! Впрочем, тогда бы она оставила лицей и подалась в политику...

Лидка улыбнулась своим мыслям.

— Как успехи?

Успехов не было никаких. Из двоек Лидка вылезла, но из троек выбраться не удавалось. Интерес к учебе сгинул напрочь — впрочем, как и у большей части Лидкиных одноклассников. Все эти колбочки, уравнения и диктанты казались такими мелкими, такими ненужными, такими незначительными на фоне надвигающейся катастрофы. Потом, говорили себе вчерашние отличники. Как-нибудь потом. А то ведь неизвестно, как все сложится, зачем же морочить себе голову раньше времени?

В особенности отлынивали девчонки. Их объяснения звучали как музыка: три-четыре года после *мрыги* можно считать вырванными из жизни. После родов, говорят, женщина теряет половину интеллекта, стало быть, кто родит двоих — поглупеет вовсе. А там — пеленки и горшки, минимум три года пройдет, прежде чем обоих младенцев можно будет отдать в ясли. Что останется в голове после такого перерыва? Какие уравнения?!

Лидка улыбалась и кивала. Ну прямо-таки гимн жизни! Все девчонки верят, что переживут апокалипсис, все они собираются жить *потом* и рожать этих... как их... детей...

Девчонки убеждали одна другую. Слишком жарко. С чрезмерным пылом. Будто стараясь подавить собственную преступную неуверенность.

Девятое июня...

В двести пятой, Лидка знала точно, давно никто не учится. Кое-как ходят на уроки, играют под столами в карты, на спор доводят учителей. Учителя по возможности мстят. Светка говорит, что их классный журнал в последнее время просто красный от двоек. Что никого не удивить синяком от учительской линейки.

А наиболее отпетых физруки ловят и лупят в запертой тренерской...

На уроках твердили про «основу знаний», «прочный фундамент», про «взрослую жизнь», которая наступит в следующем цикле. Лицеисты вздыхали и переглядывались. Ну мальчишки — ладно. Мальчишки могут сразу после лицея где-то учиться и где-то работать. Вон Рысюк, например, уже получил студенческий билет...

Хотя многие на его месте поостереглись бы. Хотя бы из суеверия. Потому что жители погибших городов тоже строили планы на будущее. Да и при самом обыкновенном апокалипсисе всегда находятся неудачники, которым так и не удается добраться до Ворот...

Лидка вздохнула.

— Что, тяжело? — тихо спросил Андрей Игоревич.

Она молча кивнула.

— Понимаю, — сказал Зарудный после паузы. — Первый апокалипсис — всегда трудно. Впрочем, второй не легче, поверь. За детей бояться даже страшнее.

Лидка мельком взглянула на Славку. Тут же отвела глаза. Раньше ей почему-то не приходило в голову, что за этого оболтуса можно бояться. И что ее родители боятся за нее, за Яну, за Тимура...

— Что-то ты грустная сегодня, Лида. Славка, неси коробку, сыграем пару партий навылет.

Из всех забав депутат Зарудный почему-то предпочитал настольный хоккей. Траектории пластмассовых хоккеистов действительно напоминали движения живых людей с клюшками; Лидка быстро научилась управляться с рычагами и у Славки выигрывала в трех случаях из пяти, вот только играть со Славкой было неинтересно. За игрой Зарудный-младший не издавал членораздельных звуков, а только пыхтел азартно да еще вопил — радостно либо обиженно, смотря по обстановке. Славка, хоть и был старше Лидки на два года, казался ей в такие минуты сущим младенцем вроде тех, что водили хоровод на экране видика...

Удивительно и странно, что подобный младенец ухитрился устроить ту сцену в музее. Еще чуть-чуть — и Лидка могла бы соревноваться с наиболее смелыми девчонками из двести пятой: те, оказывается, прикалывали к воротнику булавки с колечками. Наличие булавки означало «я женщина», и первый «бублик» обязательно красный. Число прочих колечек определялось количеством последующих кавалеров, причем, говорят, не одна модница бывала бита своими же товарками за вранье и преувеличение...

Думать обо всем этом, глядя на играющего Славку, тем более на Славку, играющего с отцом, было по меньшей мере дико. Папа пришел с работы и гоняет с сыном пластмассовую шайбу. И тот еще сын — ребенок ребенком... При чем тут нравы двести пятой школы?!

Вот как обманчива бывает внешность.

Лидка вздохнула.

Андрей Игоревич играл, что называется, одной левой. Шайба летала из угла в угол, но у Зарудного-старшего хватало времени и на неторопливый разговор:

— Что еще слышно, Лида? Брат уже поправился?

Тимур кашлял неделю назад. И болезнью-то не назовешь. А депутат Зарудный помнит...

— Спасибо, все в порядке, — сказала она механически. И неожиданно для себя добавила: — А как дела у вас в парламенте?

А почему бы, собственно, и не спросить? Спрашивают же *люди друг друга, как дела на работе, дома, в школе...*

Кажется, Андрей Игоревич все-таки удивился. И пропустил шайбу. Славка радостно завопил.

— Да дела как обычно, — медленно сказал Зарудный-старший. — Если тебе интересно, могу дать подшивку «Парламентских вестников». Там отчеты практически без купюр...

Лидка опустилась на теплую еще табуретку, и это чужое тепло заставило ее вздрогнуть и сразу же пропустить гол.

— Вылетела, — сказала она виновато.

Славка не огорчился:

— Пап, давай снова!

— Погоди, — депутат Зарудный жестом остановил Лиду, поднимавшуюся из-за стола. — Слав, будь другом, принеси из кухни чаю, ну и там еще пирожки какие-то, спроси у мамы...

Славка сморщил нос, но возражать не стал. Закрыл за собой дверь; у Зарудных была такая большая квартира, что Лидка до сих пор не знала, где тут располагается кухня.

Андрей Игоревич сел на Славкино место. Пальцем погладил по шлему желтого пластмассового вратаря:

— Сыграем, Лида?

Она кивнула. Отчего-то пересохло в горле. Она знала, что, вернувшись домой, начнет по-всякому вспоминать именно эти бегущие секунды — Славка на кухне, а они с депутатом сидят в метре друг от друга и сосредоточенно вертят ручки.

— Тяжело быть самой маленькой?

Лидка подняла голову. Ее зеленый хоккеист размахнулся по шайбе, но так и не ударил.

— Я случайно родилась. — Она знала, что ЕМУ можно сказать. — Мама хотела... ну, прерывать. Потому что детородный период уже почти закончился... Яна и Тимур, они вместе родились... и после этого мама, ну, не беременела. И думала, что все... А потом она... ну, короче, два врача сказали, что можно рожать, а три — что нельзя.

— Какой молодец твоя мама, — сказал Андрей Игоревич.

— Правда? Вы не шутите?

— Разве такими вещами шутят?! Она с чистой совестью могла бы не рисковать, тем более что двое детей у нее уже были.

Лидка опустила голову.

— Ты знаешь, Лид, — депутат вздохнул, — когда я был таким, как ты... то есть я, конечно, был старше, когда случился мой первый апокалипсис... тебе сейчас сколько?

— Исполнилось шестнадцать...

Зарудный улыбнулся:

— До апокалипсиса еще подрастешь. Надеюсь, он все-таки будет не завтра.

— Не завтра? — вырвалось у Лидки.

— Нет, — депутат покачал головой. — Еще есть время.

— А... — она запнулась. — Вы точно знаете?

— Нет, — Зарудный улыбнулся. — Знаю, для тебя это больная тема... предвидение, прогнозы, предсказания. Это для всех сейчас больная тема... Но я отвлекся. Я был в старшей группе, мой первый апокалипсис застал меня почти в двадцать лет. Я был взрослее, конечно. Но я, представь себе, совершенно не понимал своих родителей. Они казались мне скучными, мелочными, трусливыми, без причины нервными...

Лидка покраснела. Против воли. Как помидор.

— Я вовсе не...

Депутат улыбнулся, и она поняла, что проговорилась.

— Я не говорю, что ты такая же, каким был я восемнадцать лет назад. Но я знаю, что Славка во многом такой же.

Лидка выпучила глаза:

— Славка?!

У нее в голове не укладывалось, как можно *такого* отца считать скучным, мелочным, трусливым и далее по списку.

— Да, представь себе! Не потому, что он дурак или мы с женой дураки... Просто так получается. Каждый новый апокалипсис есть повторение ошибок предыдущего... Славке я это не могу сказать, он решит, что я подлизываюсь. А тебе я говорю с чистой совестью: твои родители вовсе не такие нудные личности, как тебе сейчас кажется. Вовсе нет. Они молодцы. Пройдет время — ты поймешь...

Дверь открылась, пропуская сперва Славкину ногу в домашней тапке, потом поднос с дымящимися чашками.

Хоккей переместился на диван. Лидка постукивала ложечкой о фарфоровые стенки чашки и думала, что у мамы скоро день рождения. Надо бы придумать что-нибудь такое... эдакое...

А потом рассказать Андрею Игоревичу.

— А Лидка спрашивала про предсказания, — наябедничал Славка. — Па, там у вас в отделе прогнозов астрологов не собрали еще?

— Собрали, — Зарудный-старший нимало не смутился. — И астрологов, и провидцев, и прочих... Половину, правда, потом пришлось сдать психиатрам. Пей, Лида, пей... Ничем нельзя брезговать, ребята, даже предсказаниями юродивых. Но толку от них нет, вот в чем беда. Все друг другу противоречат. В документах полно ссылок — такой-то предсказал апокалипсис тридцать какого-то мохнатого цикла, такой-то — сорок какого-то... Но когда берешь в руки документы — не с тем, чтобы получить гонорар в газете, а чтобы разобраться по-настоящему, — тогда оказывается, что большая часть предсказаний сделана задним числом. То есть, уже выбравшись из Ворот, провидец заявляет: а я предупреждал!

Лидка отхлебывала из чашки, чай, не желая остывать, немилосердно жег язык.

— ...А остальные пророчества либо неточны, либо двусмысленны. Либо подделки. Одному только удалось предсказать день и час с точностью до минуты. Но так как это был единственный случай на чертову прорву циклов, проще предположить случайное попадание... Кстати, он так и не пережил предсказанного апокалипсиса. Его затоптала толпа на подступах к Воротам; с тех пор среди предсказателей бытует суеверие, что точный прогноз опасен для здоровья.

Лидка нерешительно улыбнулась в ответ на его улыбку.

— ...Но, ребята, тем не менее разработки ведутся во всех возможных направлениях. Сличают карты расположения Ворот... Никакой системы. Хоть в вычислюху суй, хоть счетами щелкай. Предугадать возможно с той же вероятностью, как и, скажем, рисунок рассыпанных по полу горошин. Целые институты, огром-

ные коллективы людей пытаются не то чтобы понять, хотя бы внятно представить себе, что такое эти Ворота... Откуда они берутся, что из себя представляют... Все без толку, вот уже десятки циклов... Но главное, — депутат вдруг сдвинул брови, — главное не то, как устроены Ворота. Главное, чтобы люди умели войти в них, никого не топча. Понимаете?

— «Правильная организация эвакуации населения дает почти стопроцентную выживаемость при апокалипсисе, — процитировал Славка на память. — При себе иметь запас воды и пищи на тридцать шесть астрономических часов. Четко следовать указаниям комиссаров ГО...» Мойте руки перед едой. Переходите улицу только на зеленый сигнал светофора. Па, ты всегда на зеленый переходишь?

— Я не так часто хожу по улицам, — пробормотал Зарудный-старший. — Но когда ходил — да, бывало, переходов не искал.

— Во! — Славка поднял палец.

Приоткрылась дверь. Бледная болезненная женщина, Славкина мать, мельком кивнула Лиде, обернулась к депутату:

— Андрей, я бы хотела...

— Сейчас, — Зарудный-старший кивнул. — Ребята, я вас оставлю... Кстати, который час? Чтобы Лиде поздно не возвращаться...

Он никогда не предлагал Лидке ни машины с водителем, ни денег на такси. Четко ощущал, видимо, предел приличий.

— Я хотела газеты, — пискнула Лидка, чтобы хоть как-то скрасить себе расставание. — «Парламентский вестник»...

— Слав, — депутат кивнул сыну. — Выдай Лиде подшивку за последние пару месяцев... Если понравится — возьмешь еще. — Кажется, Андрей Игоревич малость насмехался. Не верил в то, что «Вестник» Лидке понравится.

— Я прочитаю, — сказала она, глядя ему в глаза.

— Вот и хорошо... Заходи еще, Лида.

— До свидания...

Закрылась дверь.

— Там шрифт мелкий, — сказал Славка с неудовольствием. — И бумага желтая.

— А у меня зрение хорошее, — сказала Лидка, пытаясь справиться с опустошенностью, пришедшей на смену лихорадочному возбуждению этого вечера. — Слав...

— Что?

— Ты кем хочешь быть, вообще-то? Тоже политиком?

— Отец не политик! — возмутился Славка. — Он ученый прежде всего, а уже потом... И я ученым буду. Археологом. Закончу универ и уеду далеко... на фиг. На раскопки артефактных Ворот.

— Славка, — ее голос дрогнул. — А если... все-таки... это *к нам* приедут на раскопки? Пепел разгребать?

— Паникерша, — сказал Славка устало. — На, вот тебе твои газеты... Идем, я тебя провожу.

* * *

Славка оказался прав. Читать «Парламентский вестник» Лида поначалу не смогла. Даже заставляя себя, даже скользя глазами по строчкам, она уже со второго абзаца переставала понимать, о чем идет речь.

Тогда она сдалась и стала просматривать только замечания в скобках; это были, как в пьесе, ремарки. Здесь аплодисменты. Там улюлюканье. Здесь такая-то фракция поднялась и вышла из зала. А здесь депутат такой-то попытался схватить за грудки депутата Зарудного, но тот увернулся, и депутат такой-то, оступившись на ступеньках, ударился головой о трибу...

Лидка увлеклась.

Славкиного отца одни ненавидели, для других же он был как флаг. Лидка принялась прицельно просматривать выступления Зарудного — и втянулась; стоило вообразить, как Андрей Игоревич встает, опирается на трибуну, едко отшивает оппонентов... Уже и неважно, что он говорит, хотя говорит он, как обычно, умные вещи...

Несколько дней Лидка наслаждалась своим маленьким газетным театром. А потом весна взяла свое.

По утрам солнце так било в окна, что приходилось наглухо закрывать занавески. В классе все больше становилось пустых мест; лицеисты гуляли, как последние хулиганы из двести пятой, и Лидка не отставала от прочих. Ходили к морю, жгли костры, пекли картошку, коптили колбасу на длинных палочках; изредка встречались военные патрули, хмуро оглядывали прогульщиков из-под прозрачных щитков на касках и топали себе дальше. Никому ни до чего не было дела. Все торопились урвать от жизни свой кусок радости, урвать, пока можно, пока дают...

О дне рождения мамы Лидка вспомнила накануне поздно вечером. Ни подарка, ни поздравления, о котором ей думалось тогда у Зарудных, не было и в помине.

Она встала с кровати. В ночной рубашке прошлепала к письменному столу, вырвала лист из какого-то старого альбома и тут

же фломастерами нарисовала открытку. Как учили в первом классе. Прямо уши заложило от стыда, картинка вышла торопливая и не смешная, Лидка разорвала ее на мелкие кусочки и нарисовала новую, ничуть не лучше, но эту рвать уже не стала — все равно больше ничего не было...

Она долго не могла заснуть. Ворочалась и вспоминала слова Андрея Игоревича про то, какая молодец Лидкина мама. Со спокойной совестью могла бы и не рожать ее, Лидку, а вот родила...

А мама неожиданно обрадовалась Лидкиной кособокой открытке. Даже прослезилась. Долго благодарила, Лидка и забыла уже, когда в последний раз все в доме были такие веселые и добрые...

Ушла в лицей, высидела первых три урока, сбежала к морю. Компания собралась большая — четверо мальчишек из средней группы, четверо из младшей и всего три девчонки. Картошку купили по дороге, на колбасу не хватило денег.

Едва успели разжечь в камнях костер, как явилась, сунув руки в карманы, недружественная делегация. Вообще-то территория двести пятой школы была чуть дальше, у грузового причала; имело место наглое нарушение границ: десять парней подошли молча, в каждом рту торчало по сигарете, и Лидка внутренне заметалась, пытаясь сопоставить силы. «Наших» было куда меньше, если не считать девчонок, а чего их считать-то, какие из лицеисток бойцы?!

Оказалось, она ошиблась. Лицеистки вполне боеспособны.

Разговор был коротким и сплошь нецензурным. Чужаки пришли специально затем, чтобы побить морды «этим чистюлям»; почти у всех нападавших были кастеты, и несколько лицейских морд действительно оказались разбитыми на первых же секундах драки.

По всем правилам «пацаны» из двести пятой должны были удовлетвориться расквашенными носами, захватить трофейную картошку и отбыть с победой.

Но все сложилось не по правилам.

У одной из лицейских девчонок, Зои, был газовый баллончик. У другой, Инги, сапожное шило; баллончик выбили сразу. Шило оказалось куда эффективнее.

— А-а-а! Стер-рва!

В самый неподходящий момент Лидка узнала этого парня. Он был на дне рождения у Светки, а теперь напоролся на Ингин импровизированный стилет, скорчился, двумя ладонями зажимая рану, рубашка его стремительно темнела на животе, тем временем товарищ его, тоже смутно знакомый, уже сбил Ингу с ног и молотил ее ботинками по груди, по голове...

Лидка завизжала.

Кто-то упал в костер. Кто-то метко бросил камень; кто-то спиной налетел на острый выступ скалы и безвольно сполз на землю.

— Мама! — закричала Лидка.

Все повторяется, сказал ее внутренний голос с интонацией Андрея Игоревича.

Она повернулась и бросилась бежать. Споткнулась, упала на груду ракушек и рассадила себе щеку.

* * *

— Почему?! Почему тебя постоянно тянет, как свинью, в грязь?! Почему ты находишь болото где только можно? Почему?!

Маму было жалко. Да еще в день ее рождения...

После схватки на берегу пятеро оказались в реанимации. По паре мальчишек из двести пятой и из лицея. И еще Инга, которая на другой день умерла.

Были слезы и крики. Пощечины, от которых Лидкина голова отлетала далеко назад, удивительно еще, как она не оторвалась вовсе. Было общее собрание в лицее, и закрытое родительское собрание, и вопросы следователя: кто нанес смертельный удар? Этот? Или этот? Сапожное шило в засохшей крови: это шило? Не это?

Лидка на все отвечала одинаково, тупо: не помню... не заметила... испугалась, не видела... И следователь, сухощавая молодая женщина, все сильнее презирала ее и даже ненавидела. И не особенно старалась скрыть свои чувства.

— Кажется, кое-кто из этих ребят очень грустно начнет свою взрослую жизнь... В начале цикла оказаться в колонии — скверно, особенно для молодого человека...

— А вы сначала переживите апокалипсис, — сказала Лидка неожиданно для себя.

Следователь странно посмотрела на нее, поморщилась и отпустила. Не поднимая головы, Лидка вышла из кабинета директора, где происходили допросы свидетелей, спустилась на второй этаж, постучала и вошла. Села на свое место.

Рысюк смотрел на нее. Она ощущала его взгляд ухом. Терпела минуты три, потом повернула голову, вызывающе уставилась соседу в глаза:

— Ну что?

Рысюк смотрел в отличие от следовательши не презрительно. Но и без сочувствия.

Лидка повернула голову так, чтобы Рысюку виднее был пластырь на щеке:

— Красиво? Нравится?

— Эй, разговоры на первой парте, — устало сказала химичка.

— Не нравится. — Рысюк отвел взгляд. Сказал себе под нос, вроде бы и не рассчитывая на слушателей: — Бардак... Черт, какой бардак... Никто ничему не учится...

Лидке показалось, что эти слова она уже где-то слышала.

Ей казалось, весь город должен встать на уши, что все газеты должны выйти в траурных рамках; ничего подобного. Соседка Светка сообщила, что в двести пятой уже были подобные жертвы. Что в большой потасовке с семьдесят седьмой, например, троих мальчишек забили ногами. «Жизни не знаешь», — говорила Светка снисходительно.

Зато лицей бурлил. Средняя группа — Лидка слышала — вслух говорила о мести. О непримиримой войне; прежде миролюбивые лицеисты, оказывается, только и ждали искры, чтобы расплатиться с двести пятой «за все». В голос рыдали Ингины одноклассницы — может быть, при жизни у бедной девочки не было такой массы друзей и подруг. Кое-кто предлагал использовать родительские связи, но большинство презирало поддержку взрослых. В открытую шли разговоры об оружии, о взрывчатке; Лидку мутило. Болела пораненная щека. Стыдно было смотреть на себя в зеркало. И уж конечно, не хотелось встречать Славку Зарудного.

Славка сам подошел к ней на перемене. И застал врасплох.

— Отец спрашивал, как дела.

— Хорошо. — Она погладила пластырь на щеке. — Я тебе подшивки принесу завтра прямо в лицей.

— Завтра меня не будет.

— Тогда послезавтра, — сказала она, думая о своем.

Славка помолчал.

— Меня вообще больше не будет в лицее. Перехожу на экстерн... с репетиторами.

Теперь помолчала Лидка.

— Из-за... этой дурацкой заварухи?

— Да, — Славка не стал отпираться. — И в общем-то, отец говорит, что все это только начало. Будет хуже.

* * *

— Ты куда?! — спросила мама. — Я же просила... не выходить из дома!

— Мне к Зарудным надо, — пробормотала Лидка, отступая. — Я уже по телефону договорилась.

— Ты не можешь обождать пару дней? — спросила мама тоном ниже. — Пока не уляжется вся эта... все это...

— Оно уже никогда не уляжется! — крикнула из комнаты Яна. — Дома надо сидеть!

— Вы преувеличиваете, — сказал из кухни отец. — Пусть идет. Не война же, в самом деле... И потом — она же к Зарудным!

— Я обещала Андрею Игоревичу... кое-что отдать, — сказала Лидка, ободренная поддержкой.

Мама наконец сдалась:

— Но чтобы засветло была назад! И обязательно позвони, Тимур тебя встретит от скоростного...

Лидка торопливо кивнула.

Отцветали плодовые деревья. Двор был весь усыпан лепестками; Лидка опасливо оглянулась. За каждым кустом сирени могла сидеть компания из двести пятой. Или из семьдесят седьмой. Или просто безымянная компания школьников, для которых одиноко идущая девочка — настоящая находка...

Отец недооценивал ситуацию. Не война, нет. Но хуже войны. Хорошо, что мама многого не знает...

Но скоро узнает, и тогда Лидку перестанут выпускать даже в лицей.

Она торопливо зашагала к выходу со двора; на улице, среди взрослых, было куда спокойнее. Потом людная станция скоростного трамвая, потом привилегированный квартал с патрулями. Относительно безопасный путь.

Скамейка, протертая штанами местной молодежи, теперь была пуста. Подозрительно пуста; и еще подозрительнее было то, что в двух шагах от нее, на месте бывшей детской песочницы, сидела прямо на земле незнакомая девочка.

Лидка сперва замедлила шаги, потом опять ускорила. Дурных нет. Заводить разговор с незнакомцами, особенно если они сидят на земле, безвольно уронив голову...

Плохо, что она сидит так близко к дорожке. Лидка подумала, не сделать ли круг, но потом устыдилась.

Девчонка подняла голову и посмотрела... нет, не на Лидку.

Сквозь нее. Лицо у девчонки было синюшное, а глаза большие и бессмысленные, но не это испугало Лидку.

Сидящая девчонка оказалось Светкой с четвертого этажа. Совсем незнакомой Светкой, в дырявой кофте с чужого плеча, с чужим остановившимся взглядом.

Лидка замедлила шаги.

— Свет...

Ответа не было и не могло быть. Светка снова уронила голову на грудь. Потом мягко повалилась на спину, перекатилась на бок и застыла в утробной позе, подтянув колени к животу.

Лидка огляделась. Окна двух больших домов выходили на эту площадку, и Светкины окна тоже, и можно бросить в окно камушком, но до четвертого этажа Лидке не добросить...

Лидка колебалась ровно одну минуту. Очухавшись, Светка не поблагодарит за такую «помощь», но хуже будет, если ее подберет патруль... И вообще, она может умереть...

Бегом в подъезд. У своей двери Лидка чуть притормозила: может быть, перепоручить маме? Но тогда ее точно перестанут выпускать. Когда увидят *это* не в газете, а совсем рядом, всего этажом выше...

Звонить в Светкину дверь пришлось долго, Лидка уже отчаялась, решила, что никого нет дома.

После долгих невнятных ктотамов дверь открыла Светкина мать. Лидка отшатнулась от густого, устоявшегося запаха, которым полна была квартира; пахло перегаром и чем-то еще, так иногда пахнет на вокзалах.

— Чего тебе? — спросила Светкина мать, и Лидка поняла, что та едва ворочает языком.

— Светке плохо, — сказала она, не вдаваясь в подробности. — Во дворе лежит.

— То есть как — лежит?! — Соседка тряхнула головой, глаза приобрели осмысленное выражение.

Лидка без слов махнула рукой, показывая вниз, во двор. Светкина мать отстранила ее и, как была, в халате, зашлепала тапочками по бетонным ступенькам...

Через минуту со двора раздались причитания. Где-то хлопнуло окно; Лидка услышала, как этажом ниже открывается ее собственная дверь, и кто-то, кажется, отец, выходит узнать, в чем дело...

Она бросилась по ступенькам, но не вниз, а вверх. Добралась до пятого этажа, по железной лесенке вскарабкалась на чердак; люк на крышу давно был взломан, чтобы открыть его, следовало

только правильно повернуть ручку, Лидка знала как, причем знала от той же Светки.

На крыше било в глаза солнце. Если б не лес антенн и переплетение проводов, здесь было бы даже здорово, а еще лучше было бы, если б крыша не просматривалась со всех сторон. Пригибаясь, как партизан, Лидка преодолела расстояние от люка до люка. Попробовала приподнять — не поддается, видимо, здесь в который раз постарался дворник. Вот морока; добрые дела всегда наказуемы. Да оставила бы Светку лежать под перекрестными взглядами многих окон — неужели никто не подобрал бы?! Нет, побежала, задрав хвост...

Все так же на карачках она добралась до последнего, третьего люка. Рывок, ржавая ручка чуть не осталась у нее в руках, но люк все же соизволил приоткрыться. Радуясь своей худобе, Лидка влезла в образовавшуюся щель. Обдирая ладони, спустилась по железным перекладинам — и облилась потом, услышав за спиной утробный хохот.

Они стояли на лестнице, перегораживая ее в несколько рядов. А как им иначе стоять, если их шестеро, шесть здоровенных лбов, а лестница узкая, а площадка маленькая?!

Все они курили, но запах от их сигарет был нехороший. Неправильный запах. Лидка закашлялась.

— Тю, по крышам лазит...

— Девка, хочешь закурить?

— Девка, иди сюда...

За их спинами были двери квартир пятого этажа. Если громко завопить...

— Я иду к депутату Зарудному, — сказала она, не узнавая своего голоса. — Если я скажу — вас всех посадят! Ты, — она ткнула дрожащим пальцем, — из сто второй квартиры!

Ей выпустили в лицо струю приторного дыма.

— А... Это девка из первого подъезда...

— Так она подстилка Зарудного?

— Ага... Наверное.

Совершенно ясно было, что выбраться обратно на крышу она не успеет; чья-то липкая рука ухватила ее за запястье; в это время пролетом ниже, на пятом этаже, приоткрылась дверь, на цепочку, и визгливый женский голос заголосил на весь дом:

— А ну пошли отсюда, паскудники! Я милицию вызываю, ясно вам? Повадились тут кучковаться, свиньи, вот сейчас наряд приедет!

Парни, как один, обернулись на звук; Лидка рванулась впе-

ред и, пробив себе дорогу между мягкими, будто желейными, телами, вырвалась на площадку пятого этажа.

Дверь крикливой дамы с грохотом захлопнулась; Лидка уже неслась по ступенькам вниз, ей вслед летели улюлюканье и тошнотворный жирный хохот.

* * *

— Все правильно, — сказал Славка. — Общество само себя чистит. Я бы не из-под полы эту дрянь продавал, а наладил бы выпуск в промышленных масштабах. Чтобы в каждой аптеке — хоть завались. Все желающие — пожалуйста... Нюхать, курить, колоться. Чем скорее, тем лучше. Тогда к моменту *мрыги* население сократится. Чтобы всем хватило времени на эвакуацию. Всем *нормальным* людям.

— Это твой отец так думает? — тихо спросила Лидка.

Славка хмыкнул:

— При чем тут отец? Отец по имиджу — гуманист... Ну вот скажи честно: тебе эту Светку жалко?

Лидка задумалась. Но вспомнила не Светку, а тех парней на лестнице. Вот уж кого не жалко ни капельки. Чем скорей они сдохнут, тем лучше...

А потом вспомнила Славку, каким он был в музее. Коротко, исподтишка глянула на депутатского сына — сказать сейчас то, что вертится на языке? Но тогда, скорее всего, «детской дружбе» конец и встречам с депутатом Зарудным — тоже...

— А давай фильмец посмотрим, — пробормотала она в ответ на его удивленный взгляд. — А то у меня времени мало... Обещала вернуться засветло.

* * *

До дня окончательного апокалипсиса, вычисленного по методу Бродовского—Фильке, осталось сорок пять дней.

Теперь Лидку отвозили в лицей и забирали из лицея. Близились экзамены; у входа и в коридорах дежурили охранники.

В семьдесят седьмой какой-то кретин притащил на уроки пистолет и перестрелял четверых одноклассников.

В двести пятой грохнули под чьей-то партой самодельный взрывпакет. Кого-то судили, кого-то упекли в колонию; все равно ни дня не проходило без стычки. Сломанные носы считать перестали — считали только проломленные черепа. И мертвецов, а их по всему городу было уже изрядно.

В лицей приходил проповедник. На перемене вокруг него образовалась заинтересованная толпа; Лидка кружила вокруг да около, а потом прислушалась.

Спокойным, даже чуть усталым голосом проповедник рассказывал о человеческих грехах, в который раз переполнивших чашу терпения Его. Предлагал оглянуться вокруг, поглядеть на себя со стороны — все, все погрязли во грехе, и кто знает, смилуется ли Он на этот раз и откроет ли спасительные Врата, чтобы дать человечеству еще один шанс...

С неба опустится огонь. Из моря выйдут чудовища. Все, как обычно.

Лидка ощутила, как изнутри, откуда-то из живота, поднимается к горлу холодный сгусток.

...Доска объявлений оказалась сплошь заклеена листовками. Новыми, крупными, и фотография желтолицего была тоже новой, отличного качества. Слова «девятое июня» были выделены жирно и красным. И горела, корчилась в огне человеческая фигурка.

Листовки покрывали стены и столбы, трепетали краешками у входа в Лидкин подъезд, а одна прилепилась на двери как раз на уровне глаз.

Лидка против воли прочитала:

«Погибшие цивилизации не оставили после себя ничего, кроме пепла. Жители исчезнувших городов так же верили в бесконечность... Сограждане! Наш мир доживает последние дни! Поспешим очистить души, ибо только те, кто чистыми предстанут... девятого июня...»

Нижний край листовки был оборван. Из-под неровного края выглядывал пошлый рисунок, и Лидка даже знала, кто его здесь нацарапал — один из отставных Светкиных ухажеров.

Но ведь проповедник в лицее говорил, что, хоть Он и разгневан, жалость, возможно, снова возьмет верх, и Врата откроются!

И проповедник не называл точной даты. Он говорил «скоро» и в подтверждение своим словам делал широкий жест рукой, будто приглашая полюбоваться творящимся вокруг безобразием...

Двери открыла Яна.

— Что с тобой? Опять двойка?

Лидка молча прошла мимо, удалилась в свою комнату и плотно закрыла за собой дверь.

* * *

— Славы нету дома, — сказала Клавдия Васильевна Зарудная, жена депутата и Славкина мама. — Он у врача, лечит зубы. Позвони завтра, Лида.

Она собралась с духом:

— Прошу прощения... Андрей Игоревич дома?

Пауза.

— Андрей Игоревич дома, — сказала Клавдия Васильевна, и в голосе ее было вежливое удивление. — Но он занят.

Для храбрости Лидка напрягла мышцы живота:

— Прошу... прощения. Можно... позвать его к телефону?

Пауза.

— Он занят, Лида. — Голос уже прямо-таки ледяной. Следующим пунктом разговора будут короткие гудки.

— Пожалуйста! — почти крикнула Лидка, и что-то в ее голосе, наверное, было, потому что Клавдия Васильевна удержалась и положила трубку не на рычаг, а, по всей видимости, на столик.

Крышка столика вибрировала, как мембрана, позволяя Лидке слышать далекие шаги, сперва удаляющиеся, потом приближающиеся:

— Он *очень* занят, Лида... Позвони позже.

Отбой.

Лидка посидела на полу перед телефоном. Вернулась к столу, к беспорядочно набросанным учебникам.

Впрочем, уже можно не притворяться, не симулировать подготовку к экзаменам. Маме не до того, а отцу тем более. Даже Тимур не зубоскалит, даже Яна не придирается. Все старательно делают вид, что ничего не происходит. Всем почему-то очень важно сохранить видимость жизни. Говорить о лете, стричься и красить волосы, покупать новый купальник. Договариваться с начальником насчет отпуска в июле. Высаживать цветы в горшочек, проводить консультации перед экзаменами, репетировать выпускной вечер для средней группы, при этом почти уверовав, что ни отпуска, ни июля, ни выпускного *не будет*...

Завтра, тридцать первого, — сочинение.

Второго — математика. Пятого — история. Девятого — химия.

Девятого.

Лидке захотелось спать. Она легла на диван и с головой укуталась пледом. В комнате жарко и душно, но этот озноб...

Сон не шел.

Она села на диване. Зуб на зуб не попадал.

Она заболела.

Нет, она здорова. Она просто дико устала от ожидания. От страха. Еще эти экзамены, будто старый горчичник, который почему-то нельзя снять. Человек уже умирает, а ему горчичник на грудь, и нельзя отлепить вонючую бумажку, почему-то нельзя...

Лидка вышла на балкон.

Было тепло и сыро. Пахло мокрой пылью.

Она навалилась на перила и посмотрела вниз. Под самым домом лежала темная полоска асфальта. Если упасть головой вниз...

В какой-то момент ей поверилось, что она не просто может это сделать, а не сумеет этого избежать. Перелезет через перила и прыгнет, как учили в бассейне, головой вниз. Раз — и нету ничего...

Третий этаж. Низковато. Был бы, например, седьмой — не раздумывала бы, а так остается вероятность неудачи, боли, жизни со сломанным позвоночником. Если подняться на крышу... Но ведь это надо выходить из квартиры, куда-то идти, встречать соседей, отвечать на недоуменные вопросы...

Лидка разжала пальцы на перилах. Побрела в комнату, включила телевизор. Просто так, механически.

— ...пожилые люди прекрасно помнят, как во время позапрошлого кризиса, в конце пятьдесят первого цикла, то есть почти сорок лет назад, такая же оголтелая шайка играла на естественном для человека страхе апокалипсиса! Их рекламные тексты используются почти дословно и нынешними кликушами, совпадает время начала кампании — за двести дней до оглашенного срока, а день выбран до крайности цинично — накануне выпускных балов наших детей!

Лидкины щеки и уши вспыхнули, зачесались, сделались жгуче-горячими и, наверное, ослепительно красными.

— Здравствуйте, Андрей Игоревич...

И, будто услышав ее лепет, депутат Зарудный энергично кивнул:

— Да! Удар всей своей тяжестью пришелся именно на них, ожидающих свой первый апокалипсис! На них, не знающих цены бульварным листовкам! Именно среди последнего поколения, причем средней и младшей групп, со страшной скоростью растет число суицидов, множатся молодежные секты, причем я предпочел бы видеть своего сына скорее в подростковой банде, чем в таком вот клубе самоубийц!

Лидка глупо хихикнула. Вообразила себе Славку в подростковой банде — того Славку, что сидит сейчас за тремя замками...

— А мы, родители? — Андрей Игоревич подался вперед, вперив взгляд Лидке в переносицу. — Мы уделяем время на то, чтобы рассеять преждевременный страх наших детей? Или сами поддаемся ему, пусть тайно, но поддаемся?

Депутат Зарудный выдержал паузу.

— Смотрите!

Боковая камера уставилась в документ, который Славкин папа держал в руках. Лидке вспомнился настольный хоккей и то, с какой ловкостью эти руки манипулировали пластмассовыми игроками...

— Смотрите! Этой листовке почти сорок лет... «Погибшие цивилизации не оставили после себя ничего, кроме пепла! Жители исчезнувших городов так же верили в бесконечность! Наш мир доживает последние дни! Двадцатого сентября наступит объявленный апокалипсис, но Ворота не откроются!»

Депутат Зарудный резким движением разгладил листовку на столе. Посмотрел Лидке в глаза:

— Если бы в этой листовке было хоть слово правды, ни я, никто из второго поколения, из тех, кому сейчас под сорок, не появился бы на свет. Но это чистая ложь, принесшая своему изобретателю конкретную, вполне материальную выгоду... Некий Александр Бродовский, психо-аналитик, профессор, академик, впрочем, как выяснилось, самозваный... В тот раз апокалипсис наступил шестого апреля следующего года, и Ворота открылись, и наши родители вступили в новый, пятьдесят второй цикл! А теперь...

Лидка отшатнулась. С экрана смотрело знакомое желтое лицо — представитель движения «За чистоту души», мастер расчетов по методу Бродовского—Фильке был сфотографирован анфас и в профиль.

— А теперь, — голос депутата Зарудного проникновенно звучал за кадром, — посмотрите на этого человека. Виктор Александрович Бродовский, родной сын автора листовки, человек, встречающий уже третий свой апокалипсис, перенявший и обогативший приемы отца... В настоящее время арестован, содержится в следственном изоляторе. Под следствием находятся двадцать три человека, еще как минимум сотня ожидают ареста как сообщники... За распространение заведомо ложных сведений касательно предстоящего апокалипсиса, проводимое с особой циничностью и при помощи средств массовой информации. За стяжательство, подкуп должностных лиц, клевету, самозахват общественных зданий, неподчинение властям, уклонение от налогов...

Лидка перевела дыхание. С каждым словом Андрея Игоревича фотография желтолицего, казалось, все более мрачнела, тушевалась, щеки приобретали горчичный оттенок, а горящие глаза подергивались обреченной мутью. Секунда — и на экране снова возник строгий, сосредоточенный Славкин папа.

— Парламентская комиссия по делам предстоящего апокалипсиса уполномочила меня заявить, что в стране пресечена деятельность крупной антиобщественной группировки. Якобы научные сведения о том, что девятого июня наступит не очередной апокалипсис, а окончательный конец света, лишены всяких оснований, это выдумка и откровенная ложь. Дата апокалипсиса не поддается прогнозам! И только от нас, людей, зависит, сколько жизней унесет очередной катаклизм! Я призываю поколения сплотиться, десятого июня нас ждет общий праздник — выпускной вечер средней группы, наши дети, внуки, братья вступают во взрослую жизнь... Пусть этот день станет днем единения поколений перед лицом апокалипсиса, залогом нового, мирного, успешного цикла...

Андрей Игоревич поднялся. Лидке показалось, что он видит ее. В этот самый момент — видит.

* * *

УЧЕНИЦЫ МЛАДШЕЙ ГРУППЫ

9-го «Б» класса

СОТОВОЙ ЛИДИИ

экзаменационное сочинение

на тему: «Молодежь в новом цикле»

Мы, младшее поколение, встречаем свой первый апокалипсис с надеждой и тревогой. Ни для кого не секрет, что из-за неорганизованности, эгоизма, низких моральных качеств, звериных настроений в кризисном обществе дорога к Воротам может оказаться последней для некоторых людей... Но мы, молодежь, должны верить в будущее. Мы должны учиться и готовить себя к взрослой жизни. В начале нового цикла именно на нас ляжет вся тяжесть восстановления производства, воспроизведения потомства, то есть детей. Мы должны смело смотреть вперед, крепко дружить, помнить все то хорошее, что дала нам школа. Мы должны уважать родителей и старших. И наше правительство и парла-

мент, особенно парламентскую комиссию по делам апокалипсиса. Это самая нужная сейчас комиссия. Мы знаем, в новом, пятьдесят четвертом цикле нам предстоит большая интересная работа. Мы готовимся к ней уже сейчас...

ОЦЕНКА: четыре.

ПРИМЕЧАНИЕ: В целом девочка мыслит правильно.

* * *

Она боялась, что трубку возьмет Клавдия Васильевна. Славкина мама считает, наверное, что депутатское время слишком дорого и на праздный разговор со школьницей не стоит тратить ни единой минутки...

Сразу после выпускного Славку увезут на какую-то дальнюю дачу, и у нее, Лидки, пропадет всякое право звонить по домашнему депутатскому телефону. Потому она рассчитывала, что сейчас трубку возьмет сам Славка, и тогда, поболтав немного, можно договориться о визите.

И уж конечно, она и надеяться не могла...

— Лида? Ага, привет... Как экзамены?

Она зажмурилась, сжимая телефонную трубку.

Она хотела сказать Андрею Игоревичу, что он спас ее и вернул к жизни. Что если бы не депутат Зарудный — шагнуть бы ей рано или поздно с балкона, даром что третий этаж. Что она, Лидка, ужасно жалеет, что в последнее время не может встречаться с ним, беседовать и играть в настольный хоккей. Но надеется на встречу, хотя бы на выпускном вечере, хотя больше всего на свете ей хочется напроситься в гости.

— Добрый день, Андрей Игоревич... Экзамены?

Она глупо улыбнулась, благо собеседник не мог видеть ее щенячьего восторга.

...По математике ей все-таки поставили три. Как ни сиди над книжкой в последнюю перед экзаменом ночь — полгода прогулов не наверстаешь. Она бы выкарабкалась за счет старых тем, которые проходили еще в восьмом классе — но билет попался неудачный, с уравнениями. Зато по истории ей удалось цапнуть пятерку: Михаил Феоктистович не дослушал сбивчивого ответа, махнул рукой и выставил «отлично», и Лидкиной радости не было предела — правда, чуть-чуть огорчило известие, что *все* девчонки получили у Фео по пятерке. «Мудрый старец, — говорил Игорь Рысюк. — Догадывается, что в университет вы все равно

не ломанетесь и приемного балла не повысите. Совершенно безопасная, дармовая пятерочная масса...»

Лидка радостно тряхнула головой:

— Андрей Игоревич, у меня по истории — пять!

— Поздравляю, — искренне обрадовался собеседник, но Лидка испугалась, что сейчас он пожелает ей счастливого лета и повесит трубку.

— Андрей Игоревич, вы ведь будете у Славы на выпускном? — спросила она торопливо, даже не спросила, а как бы смоделировала события, заранее вызывая к жизни ту вероятность, которая могла ее устроить. Кажется, это называется «установка на успех».

— Нет, — сказал депутат Зарудный, одним словом проваливая все ее планы. — Никак не смогу, Лида. Дела.

Лидка молчала. Собеседник не мог видеть ее лица; наверное, следовало сказать: «Как жаль».

Почему-то она очень рассчитывала на этот вечер. Когда после торжественного поздравления выпускников начнутся закуска и танцы и будет возможность если не поговорить, то хотя бы постоять рядом.

— Андрей... Игоревич. Я хотела вам сказать...

Пауза.

— Что, Лида?

Драгоценные депутатские секунды бегут бесплодно и бесповоротно, как вода в песок.

— Ты хотела сказать что-то важное?

Лидка прикрыла глаза.

— Да. Что-то важное.

— Тогда приходи в зоопарк, — весело сказал депутат Зарудный, и Лидке показалось, что она ослышалась.

— Что?

— Через час у меня официальная встреча с директором зоокомплекса. А потом будет свободных полчаса. Ты давно не была в зоопарке?

* * *

УЧЕНИЦЫ МЛАДШЕЙ ГРУППЫ
5-го «Б» класса СОТОВОЙ ЛИДИИ

сочинение на тему: «Звери в живой природе. Зимний лес»

В зимнем лесу мы видели следы зайца. Лапы зайца-беляка похожи на снегоступы. Широкие ступни, на которых растет мех.

Это позволяет зайцу не проваливаться в глубокий снег и уходить от погони.

Только у млекопитающих тело покрыто мехом или волосом. Только у самок млекопитающих вырабатывается молоко, которым они кормят детенышей. В нашем заповеднике зимой устанавливаются кормушки для диких зверей — зайцев, белок, лосей. Хищники — волки и лисы — выполняют роль санитаров, истребляя больных и слабых животных.

Млекопитающие, как и люди, не способны пережить апокалипсис вне укрытия. Инстинкт самосохранения указывает животным путь к Малым Воротам, и там они укрываются от смерти. Поголовье диких животных после апокалипсиса сокращается примерно вдвое, но сохранившаяся по-пу-ля-ция способна воспроизводиться. Поголовье домашних животных (крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, птица, пушные звери) сокращается в три, а то и в четыре раза. Поэтому в начале нового цикла хозяйство испытывает недостаток продуктов животноводства. Поэтому так важно для экономики наладить производство консервированного мяса. Неприкосновенный запас сохраняется в подземных кладовых до начала нового цикла...

ОЦЕНКА: три.

Не стоит целиком переписывать фразы из учебника!

* * *

Давным-давно, лет десять назад, когда все они, дети нового цикла, были настоящими маленькими детьми — тогда и зоопарк был огромный, туда ходили по очереди все классы, все школы, там проводили уроки живой природы, туда выстаивали очередь по выходным — с родителями, с конфетами, с воздушными шарами...

Она купила билет — взрослый, разумеется. Где-то в несгораемых сейфах хранятся до поры желтенькие билеты с пометкой «детский» — им еще долго ждать своего часа. При самом лучшем раскладе — еще лет пять.

Лидка нервно огляделась: да, у директорского домика стаей собрались черные машины. Значит, официальное мероприятие идет полным ходом.

Аллеи были почти пусты. От клетки к клетке шатались редкие влюбленные парочки. Один раз, смертельно напугав Лидку, прошла компания незнакомых мутноглазых парней. Парни не

обратили на нее внимания, но она долго еще оглядывалась и вздрагивала, сжимая в сумочке бесполезный газовый баллончик.

В вольерах бродили понурые лоси, дикие козы, еще какой-то рогатый скот, чье название Лидка не удосужилась прочитать. Сперва она делала вид, что ей столь интересен вид жующего буйвола, что она готова созерцать его час за часом. Потом нашла очень удобную скамеечку: от посторонних взглядов ее защищал пышный куст, директорский же домик был как на ладони.

Под скамейкой в пыли валялись окурки со следами яркой помады. Лидка ждала, и ей не было скучно. Само ожидание было таким глубоким, таким наполненным, что радости этого ожидания хватило бы на целый день.

Потом двери директорского домика открылись, и к машинам вышла строгая, партикулярная до оскомины толпа.

* * *

— ...Ты видишь, этот зубр маркированный. Маркированных особей — четыре на весь зоопарк... Жаль, что ты не хочешь заниматься биологией.

Зубр жевал. Секунды бежали. Лидка знала, что сегодня вечером станет вспоминать каждую из них. Каждое слово.

Какое ей дело до зубра?! Зубр ничего не понимает в этой жизни. Через несколько недель его вывезут в лес, некоторое время он будет таращиться на мир без вольеров. Потом почует неладное и, если повезет, успеет добрести до Малых Ворот... Всякий раз находятся исследователи-самоубийцы, пожелавшие увидеть и описать Малые Ворота, пробраться туда вместе с дорогими сердцу четвероногими тварями. Но никто из смельчаков не возвращается; в начале цикла по лесам бродят слегка очумелые, маркированные перед катастрофой звери, и они, конечно, не умеют рассказать, куда девался тот парень, полгода проживший среди стада обезьян. Или другой, никогда не расставшийся с любимой лошадью. Или третий... Да мало ли их было, посвятивших жизнь свою и смерть науке «кризисной биологии»?

Они шли мимо вольеров — пустых и полупустых. Эвакуация зоопарка началась с экзотов; клетки и аквариумы прикрыты были щитами, на каждом из которых красовался фотопортрет эвакуированного зверя. «Панголин. В связи со скорым апокалипсисом переведен в соответствующий климатический пояс». «Древесный долгопят. В связи со скорым апокалипсисом переведен...»

— И это тоже заслуга нашей комиссии, — сказал Зарудный с

почти мальчишеской похвальбой. — В прошлом цикле, например, до зоопарка ни у кого не доходили руки. Продовольственный кризис, транспортный кризис, эпидемия... И все эти красавцы остались здесь и погибли в клетках. А в этом цикле мы позаботились заранее...

Позади, отстав шагов на пятьдесят, брели два равнодушных с виду крепыша. Дышали воздухом. Как бы невзначай оглядывали скамейки и кусты по обе стороны аллеи.

Зарудный остановился. Провел ладонью по оградке, скептически посмотрел на свою руку и прислоняться не решился.

— Вот я и дожил до совершеннолетия сына, — негромко сказал он, глядя в небо. — Кто бы мог подумать... Лида, что ты хотела сказать?

Она перевела дыхание. Сейчас она скажет. Ну же, раз, два, три...

Зарудный вдруг схватил ее за руку:

— Смотри!

Огромное, наполовину усохшее дерево казалось сплошь покрытым белками. Через минуту оказалось, что белок всего две, что они носятся, танцуя, оплетая движениями ствол, задирая друг друга, играя в некую каскадерскую разновидность догонялок. Лида смотрела на белок и ощущала руку депутата на своем запястье.

Горячая ладонь.

Ей захотелось, чтобы эта рука погладила ее по голове. И по плечу. И по щеке. Ей захотелось взять эту руку — и никогда не выпускать. А еще лучше — коснуться губами.

Белки разбежались; одна из них перемахнула ограду, вскочила в деревянное колесо и заработала лапами, будто на тренажере.

— Вот так и вертимся по кругу, — глухо сказал депутат Зарудный.

— Что? — спросила Лидка, боясь пошевельнуться.

Но он все равно выпустил ее запястье.

— Что ты хотела мне сказать, Лида?

Лидка проглотила слюну. Сейчас ей больше всего хотелось попросить, чтобы он снова взял ее за руку.

Но она молчала.

— Завтра девятое июня, — проговорил Зарудный, изучая стрелку-указатель. И поддернул рукав пиджака. Коротко блеснул циферблат дорогих часов.

Лидка молчала.

— Лида... Ты ведь больше не боишься? Этого... объявленного апокалипсиса?

Она посмотрела ему в глаза:

— Нет. Вы научили меня не бояться.

Вот и все. Все сказано.

Зарудный засмеялся. Ветер играл его галстуком — тонким и темным, с неразборчивым мелким рисунком.

— Наверное, ты права... Эти гады в тюрьме, и они уже никого не напугают. А послезавтра будет Славкин выпускной. — Он помолчал. Лидка ждала. — Но апокалипсис... все равно наступит. Через полгода ли, через год...

Лидка упрямо выпятила нижнюю губу:

— Все равно. Я не боюсь.

— Да. — Депутат Зарудный первым отвел глаза. — Наверное, ты права... Лида. Видишь ли...

В далеком вольере закричала какая-то недовывезенная тварь.

— Моя мама погибла в прошлый апокалипсис, — сказал Зарудный как-то даже обиженно. — Ты думаешь, ее накрыло горячим облаком? *Или она отравилась? Или попалась глефам?*

Лидка молчала. Ей вдруг стало холодно.

— Нет. Ее затоптали перед самыми Воротами. Люди ломились, зная, что через несколько минут будет поздно. Она споткнулась...

Теперь Лидка взяла его за руку. Прикосновение отозвалось будто ударом тока; Лидку до самых пяток пробрал горячий озноб.

— Самое страшное, Лида, не твари из моря, не метеоритный дождь... Самое страшное — толпа на подступах к Воротам. Будь осторожна, прошу тебя.

Лидка глядела на него во все глаза.

— С каждым новым поколением люди становятся выше. Расплачиваются за это болью в позвоночнике, но — растут. Школьникам не объясняют, почему это происходит... Но те, кто ниже ростом, имеют больше шансов погибнуть в толчее. Я говорю это не затем, чтобы снова напугать тебя. Я хочу, чтобы в момент катастрофы рядом с тобой, Лида, обязательно кто-то был. Кто-то достаточно сильный, чтобы поддержать тебя.

Лидка сильнее сжала его руку. «Как бы я хотела, чтобы это были вы».

Наверное, эта мысль отразилась на ее лице.

— Лида, — сказал Зарудный медленно. — Через два дня будет очень важное выступление по первому каналу. Мое выступление. Обещай, что будешь смотреть.

— Конечно, — шепотом согласилась она.

— Я думаю, что это будет поворот... в нашей общей судьбе. Я очень на это надеюсь. А теперь — извини, у меня больше нет ни минуты.

Она поняла, что все еще держит его за руку. Что это может показаться странным. И что пальцы надо во что бы то ни стало разжать — хоть зубами.

...Возвращались в молчании. Безмолвно шагали следом два внимательных крепыша. Белки почему-то избрали их объектом повышенного внимания — ждали, наверное, подачки.

— Славка готовится на исторический? — спросила Лидка медленно.

Депутат кивнул.

— Я, наверное, тоже, — сказала она неожиданно для себя.

Он обернулся:

— Да?!

И обнял ее за плечи. Широким движением взрослого, которого порадовал ребенок. Но не отцовским, а скорее братским.

Лидка затаила дыхание. Ткнулась носом в тонкий галстук, изо всех сил вдохнула исходящий от Зарудного запах, чтобы потом наверняка вспомнить. Чтобы воспроизвести это затянувшееся мгновение до малейших деталей.

— Молодец, — сказал депутат Зарудный. — Ну какой же ты молодец, Лида.

* * *

Утро девятого июня было солнечным, птичьим, бесконечно обаятельным. Под форменный пиджак Лидка надела парадную белую блузку; новые туфли чуть-чуть сдавливали ногу. Чуть-чуть.

На влажной после ночного дождя скамейке сидела Светка с четвертого этажа. Курила длинную сигарету.

— На экзамен? Ню-ню... А я кинула эту дурную школу. Черт с ней...

— Лида, идем, — сказал отец, который вышел вслед за Лидкой и теперь отпирал машину.

Она втиснулась в крохотный салон и положила на колени букетик мелких шипастых роз — подарок химичке. Время от времени то одна, то другая колючка прорывала бумагу и доставала до Лидкиных пальцев, и тогда Лидка болезненно морщилась.

Сердце стучало где-то в горле.

Девятое число. Девятое; Славкин папа поднял бы ее на смех, но она все равно чуть-чуть боится.

Чуть-чуть.

...Она вымучила четверку.

Химичка благожелательно улыбалась: вероятно, шипастые розы произвели на нее впечатление. Директриса поздравила всех с окончанием учебного года; в актовом зале репетировали поздравление средней группе, но Лидка не была занята в программе.

Ее чуть-чуть водило, как после бокала вина. Кружилась голова. Она искала Славку, но Славки не было нигде.

Всюду пахло цветами; у входа парень из средней группы подарил Лидке букет колокольчиков. Лидка засмеялась, поблагодарила, потом выбралась из лицея и поспешила к скоростному.

Авантюристка, щепка, плывущая по течению. Ей было так радостно и страшно, и так весело, что она рискнула и поддалась порыву. Выскочила из вагона в центре, углубилась в пешеходный квартал, готовая улыбаться и дворникам, и милиционерам, и консьержу-охраннику...

Впрочем, нет. Консьержа-охранника не было на месте — редкость. За все время, что Лидка ходила к Зарудным, такое случалось раза два, не больше.

Она постояла перед открытой пастью пустой кабинки. Пожала плечами, тряхнула своими колокольчиками, даже, кажется, услышала звон.

И пошла по лестнице вверх, к знакомой двери. Чего там скрывать — к нежно любимой двери...

Дверь была приоткрыта. Такого за время Лидкиных визитов не случалось ни разу.

Она позвонила. Никто не вышел; она довольно долго стояла под дверью, но ничего не дождалась. Затаив дыхание, приоткрыла дверь шире и сунула голову внутрь.

К неповторимому запаху зарудновской квартиры примешивался другой, незнакомый и почти неуловимый. Правда, еще и Лидкины колокольчики пахли влажным лугом.

— Слава!

Тишина.

Она вошла, ожидая подвоха. Сейчас на нее кинется из-за угла Славка в резиновой маске, он, дурачок, до сих пор считает, что это смешно...

Она снисходительно улыбнулась.

— Слава! Клавдия Васильевна!

И набрала в грудь воздуха, будто не решаясь в полный голос озвучить свою надежду:

— Андрей Игоревич!

Тишина.

Лидка подумала, что надо повернуться и уйти. Все-таки чужой дом, а она пришла без спроса, без звонка...

Дверь в гостиную была приоткрыта. Лидка не знала всех тайн огромной депутатской квартиры, но в гостиную ее обычно пускали, а потому она сочла возможным заглянуть в дверной проем.

Пусто. В беспорядке разбросанные вещи. Открытый чемодан. Упаковочная бумага на полу.

Лидка смотрела, и букет колокольчиков опускался в ее руке все ниже и ниже.

Следы поспешных сборов. Бегства. Эвакуации. Мерцает пустым экраном невыключенный телевизор.

Лидка отступила назад, в коридор; ковровая дорожка была перекошена, как будто здесь тащили что-то тяжелое. Обрывки шпагата. Скомканные листы бумаги. Никогда, никогда квартира Зарудных не знала подобного беспорядка.

Все двери были приоткрыты.

Они бежали, подумала Лидка, покрываясь холодным потом. Все-таки бежали накануне девятого июня. Как будто... Как будто...

За ее спиной что-то упало и глухо ударилось об пол. Лидка содрогнулась и выронила свои цветы.

Оказывается, свалилась на пол фотография в тонкой рамке под стеклом. Сама не зная зачем, Лидка нагнулась и подняла их одновременно — цветы и рамку.

Парень и девушка, в которых с трудом, но можно узнать Андрея Игоревича и Клавдию Васильевну. Обоим лет по двадцать. У парня на руках — трогательный сверток, перевязанный ленточкой. Из свертка выглядывает маленький курносый нос. Странно, Славка вроде бы не был курносым... или все младенцы такие противные?

Почему она раньше не видела этой фотографии? *Такой* Андрей Зарудный вполне мог учиться в их лицее, в старшей группе... Лидка встречала бы его на переменах...

Ей захотелось швырнуть фотографию об пол. Но она удержалась. Положила рамку на стул вместе с колокольчиками. Вышла в коридор. Потопталась, совершенно не зная, куда теперь бежать и что делать.

Страха почти не было. Зато обида была такая, что, казалось, кислотой разъедает горло.

Тяжелая дверь кабинета.

Лидкины туфли давили теперь немилосердно.

Зачем? Зачем она тронула и без того приоткрытую дверь?

Шаг. Еще шаг.

Кабинет. Стеллажи. Вычислительная машина. Телефоны. Разбросанные книги...

В рабочем кресле с высокой спинкой сидел человек.

— Андрей Игоревич... — тихо сказала Лидка.

Депутат Зарудный смотрел сквозь нее широко открытыми стеклянными глазами.

Вся его грудь была — лаковое кровавое месиво.

ГЛАВА 4

Очередь была длинная, как зима.

Прошел почти час, прежде чем медленным человеческим конвейером Лидку втянуло в магазин. Дверь хлопала, впуская порывы сырого ветра, керамический пол покрыт был слоем мокрой грязи толщиной в палец. Что же, еще минут пятьдесят...

Еще вчера очередь ругалась, скверно и зло. Сегодня люди молчали. Смотрели в пол.

За прилавком стояли двое — взрослая женщина и молодая; младшая была Светкой с четвертого этажа. Ни на секунду не останавливаясь, она специальной стальной струной резала сливочное масло. Резала и опускала на весы. Светло-желтые бруски громоздились, как слитки золота.

Старшая женщина принимала деньги и отсчитывала сдачу; она посмотрела сквозь Лидку, и Светка тоже посмотрела сквозь Лидку, не узнавая, но Лидка не обиделась, потому что Светка работает здесь вот уже месяц, ей платят, как ученице, она стоит за прилавком по двенадцать часов каждый день, у нее отекают ноги и слипаются глаза, и все равно ее собираются уволить на будущей неделе, чтобы освободить место кому-то по знакомству.

Лидка боком выбралась из ожидающей толпы. На следующую очередь у нее не хватало сил. Пусть Яна стоит, все равно безработная. Или Тимур — все равно его подготовительные курсы собираются закрыть...

У входа в магазин притулилась темно-красная машина с прилепленным к ветровому стеклу объявлением: «Продается». И еще одним, пониже: «Ищу работу. Юрист, экономист, знание иностранных языков».

Лидка вздохнула.

В подземном переходе пахло, как в ночлежке. Плечом к плечу стояли торговцы; Лидка шла, проталкиваясь мимо ношеных и неношеных свитеров, шкатулок, носков и пряников, булок в полиэтиленовых кульках, старых книжек, шарфов, спортивных брюк. Шла, задержав дыхание, не глядя по сторонам, потому что смотреть — значит снова впадать в отчаяние. Осознание того, что и она, Лидка, рано или поздно может оказаться в этом переходе, и ее мама тоже...

При выходе из перехода на серо-желтой стене темнела надпись нитрокраской из баллончика: «Кровососы убили Зарудного!» И спустя десять метров — на стенке автобусной остановки: «Кровососы убили...» Дальше стенка была разбита. Опасно щерились стеклянные зубья.

— Принесла? — спросила мама.

Маме вторую неделю нездоровилось, и она не выходила из дома.

— Только масло, — сказала Лидка.

— Ну и хорошо, — сказала мама после паузы. — Очень хорошо... А сколько?

Лидка замялась:

— Триста.

— Триста?!

— Мам... все опять дороже почти в два раза.

— Тогда понятно, — сказала мама, не пытаясь скрыть усталости.

Еле слышно бормотал телевизор. «Если рухнет система социального страхования, — волновался невидимый Лидке оратор, — то после апокалипсиса нас ждет жизнь в пещерах, каменный век, вот что нас ждет. Гражданская война, смута, дележ того, что уцелеет, мы кончимся как цивилизация...»

Лидка вздохнула. Папа работал как раз в системе страхования, и еще совсем недавно все были уверены, что уж этой-то непоколебимой конторе общие несчастья не грозят.

Она прошла в свою комнату и села за пустой письменный стол. Совершенно пустой, только прямо по центру лежала под стеклом большая цветная фотография. Вырезанная из журнала так тщательно, чтобы не оставить ни намека на жирную черную рамку.

Как рано похолодало в этом году. Обещают отключить свет. Говорят, что для отопления не хватает денег, газа, нефти, еще чего-то, только недавно все было — и вдруг оказалось, что ничего нет... Куда оно, спрашивается, девалось?!

Зазвонил телефон. Лидка машинально выждала три гудка, потом вспомнила, что мама легла спать, и побрела в прихожую.

— Лида?

В последние месяцы голос у Славки стал очень похож на голос его отца. Раньше Лидка вздрагивала — теперь привыкла.

— У тебя есть время... поговорить?

— Полным-полно, — сказала она, унося телефон в свою комнату.

— Мы тут с мамой посоветовались, — сказал Славка после паузы. — Понимаешь... тут кое-что... ну, это не телефонный разговор. Ты могла бы прийти?

Лидка молчала.

* * *

Кабинка консьержа пустовала. И давно никто не приносил цветов. А помнится, тогда, в июне, цветами была завалена вся лестница.

— Привет, — сказал Славка. Он очень похудел, болезненная худоба сделала его похожим не на отца, а на мать. Только голос остался узнаваемым.

Лидка отдала ему красную гвоздику. Славка механически повертел ее в руках:

— Заходи... сразу в кабинет.

Она вошла.

Депутат Зарудный смотрел со стены. Лидке не нравился этот портрет, но распоряжалась здесь, конечно, не Лидка, а Славкина мама. Здесь больше не было ни вычислительной машины, ни телефонов, освободившийся стол занимал полкомнаты, и по всей широкой столешнице стопками стояли бумажные папки, подшивки, стопки исписанных листов.

Славка все так же механически поставил гвоздику в высокую металлическую вазу.

— Тут осталось, — Славка вздохнул. — Архив неразобранный. Эти... гэошники... часть бумаг забрали... часть потом вернули... личное. Все переворошили... весь архив... Понимаешь?

Лидка кивнула.

В официальных бумагах она проходила как «подружка сына, косвенный свидетель». Так получилось, что именно она первая видела Андрея Игоревича мертвым; ее допрашивали три раза, и

всякий раз Лидка плакала. Не только потому, что горе тогда было свежим и ошеломляющим. Всякий раз ей казалось, что допрашивающие ее чины не верят ей, подозревают за каждым словом ложь.

Зачем пришла? Ведь встреча не была назначена? Почему не позвонила? Почему вошла без спроса в чужую квартиру? Почему...

А главное, всех их, жестколицых, с буравчиками-глазами людей, интересовало одно обстоятельство. Может быть, депутат Зарудный был еще жив? Он мог говорить? Так говорил или нет?!

Оказывается, Андрей Игоревич действительно был жив в тот момент, когда Лидка приоткрывала входную дверь. Но когда она вошла в кабинет с букетом колокольчиков, он был уже мертв, ведь в него выпустили несколько пуль подряд...

А как же тогда беспорядок в квартире? Выходит, незваные гости учинили свой обыск еще при жизни Зарудного?!

Нет, она не слышала выстрелов. Нет, она не видела ничего, а что видела, о том уже рассказала. Нет, не мог он говорить, его же буквально из-ре-ше-ти-ли...

Мама давала ей капли три раза в день. И водила к врачу.

А потом был последний допрос. Незнакомый Лидке гэошник, толстый и печальный, долго рассказывал ей о своих теплых отношениях с покойным Андреем Игоревичем. Какой был человек, эх... Гибнут самые лучшие. Так она ничего не слышала? Жаль, помогла бы следствию... Ничего? Жаль. Ладно, иди, девочка, учись хорошо, Андрей Игоревич был бы доволен...

И повестки прекратились...

Лидка привычно вздохнула.

— Я взялся разбирать эти бумаги. — Голос Славки дрогнул. — Но как-то... тяжело. И времени... я же учусь.

Он говорил, будто извиняясь. Лидка опустилась в кресло для посетителей:

— Ты хочешь, чтобы я?..

— Ну да, — Славка обрадовался ее понятливости.

Убийц Андрея Игоревича отыскали спустя неделю после убийства на дне бухты. Чего и следовало ожидать. Одно время Лидка взяла себе за правило внимательно просматривать программу официальных новостей; она почти не слушала слов, зато внимательно вглядывалась в лица. Каждый мог оказаться заказчиком. Каждый.

В последний месяц она смотрела новости все реже и реже.

— Тут... серьезная работа... архивариуса. Рассортировать по годам, по темам... Составить каталог...

Славка коротко взглянул на нее — и покраснел.

— Что? — спросила Лидка.

— Это трудная работа, — сказал Славка. — Трудоемкая...

— Ты же знаешь, что я в экстернате. Времени у меня...

— Да, — Славка все еще был красен и смотрел мимо. — Но мама... она хотела бы...

Лидке на мгновение стало его жаль.

— Она хотела бы немножко оплачивать эту работу, — выдавил Славка через силу. — Денег мало, но... Ты только не обижайся!

Лидка улыбнулась:

— Я не обижусь. У меня отец без зарплаты, мама без работы... Вся семья без денег. Я не обижусь, Слав.

* * *

— Тебя к телефону, — сказала мама. — Одноклассник.

— Алло? — спросила Лидка равнодушно.

— Это я, — сказал Рысюк. — Как делишки?

— Никак.

— Ты контрольные уже все перерешала?

— Какие контрольные, когда жрать нечего? — спросила она грубо. И, сказать по правде, преувеличила: макароны еще были. И картошки полмешка, ешь — не хочу.

— Ты помнишь, где я живу? — после паузы спросил Рысюк.

Она задумалась.

...Автобусы ходили редко, и Лидка, закинув сумку на спину, припустила рысцой. Давно не чищенный тротуар покрыт был подгнившим слоем осенних листьев. Стены домов пестрели обрывками объявлений, листовок, плакатов; «Сдам квартиру», «Кровососы убили Зарудного», «Все на площадь! Все на митинг!», «Помогите найти...»...

Она нырнула в переход. Тишина, шорох десятков ног и ни одного голоса — страшно, но она привыкла. Миновала железнодорожные пути, все так же рысцой выбралась на привокзальную площадь. Ветер носил отвратительный запах — так пахнет в зале ожидания, так пахнет в той подземной кишке, где плечом к плечу стоят пожилые женщины и продают носки и хлеб, домашние тапки и трикотажные свитера. Перед входом в «опорный пункт правопорядка» лежал на тележке для багажа одутловатый мужчина в поношенной одежде. Труп. Лидка отшатнулась.

Тут же, на углу, торговали горячими сосисками, причем на борту тележки виднелись полустертые буквы: «Мо-ро-же-ное»;

Лидка вспомнила, как, держась за руки брата и мамы, она шла по этой вот площади десять лет назад и над тележкой вились, кажется, надувные шарики...

А может быть, этого и не было.

Ее задели чемоданом, да так, что она едва удержалась на ногах. Надо было спешить; до рысюковского дома оставалось минут десять быстрой ходьбы.

— ...Кто там? Ты, Сотова?

Рысюк запер за ней дверь — Лидка отметила, что дверь новая, железная, с двумя сейфовыми замками.

— Идем...

Рысюк здорово изменился за те несколько месяцев, что они не виделись. Все мы изменились, меланхолично подумала Лидка. А то ли еще будет.

— Давай свою контрольную. Так, вариант упрощенный, для девчонок и экстернатников...

— Не всем теперь по карману платить за очное, — отозвалась Лидка, разглядывая комнату.

Рысюк обернулся от стола. Глаза у него были прозрачные, как у задумчивой рыбины.

— Извини.

— За что? — удивилась Лидка. — Был грубияном, грубияном помрешь.

Рысюк не то закашлял, не то засмеялся:

— Помирать я не собираюсь. Сядь вон на тот стул. И займись пока делом — расчерти поля вот в этой тетрадке, по четыре клеточки, сможешь?

— Постараюсь, — сказала она, никак не реагируя на насмешку.

Рысюк вырвал лист из блокнота и уселся решать Лидкины номера. Лидка водила красным карандашом — ответственно, аккуратно, со знанием дела.

— Кто убил Зарудного, знаешь? — спросил Рысюк вполголоса.

Лидка ни на секунду не прервала работу:

— Знаю. Те два мужика, которых нашли в заливе.

Рысюк оторвал глаза от уравнения и цепко посмотрел ей в лицо:

— Как ты думаешь, эти... «очистители души» во главе с Бродовским... имели повод убить его, а?

Лидка водила карандашом. Летела красная грифельная пыль.

— Все-таки версия не хуже других... «Кровососы убили Зарудного» — немножко примитивно. Конечно, у олигархов был повод его убить... Не всегда стоит доверять очевидному. А очевидно то, что гибель Зарудного инициировала процессы, приведшие к новой катастрофе...

— Ты позвал меня, чтобы потрепать ученые словечки? — негромко спросила Лидка. — Меня, как приближенную к Зарудным особу?

Рысюк вздохнул. Отложил авторучку:

— Как там Славка?

Лидка пожала плечами:

— Скверно ему.

Славка жаловался, что за квартирой наблюдают. Настоящее это наблюдение или плоды травмированной психики, Лидка не имела понятия, тем более что Славкина мама подозревала всех и во всем — в последнее время она повадилась едва ли не обыскивать Лидку на выходе из квартиры: «Ты же помнишь, Лида, что ни один документ, даже самая мелкая бумажка не должна быть вынесена за порог... Ты же понимаешь, Лида...» И тогда она вскипала и еле сдерживалась, напоминая себе, что эта женщина пережила трагедию и слегка помутилась умом. И даже открывала свою сумку, демонстрируя: ни одной бумаги, принадлежавшей Андрею Игоревичу, она, Лидка, до сих пор не присвоила...

Но обсуждать все это с Рысюком не входило в ее планы.

— Лидка, — глухо сказал Рысюк. — Ты, наверное, думаешь, что я суюсь не в свое дело. Но я, в отличие от тебя, читал монографии Зарудного, его работы по истории...

— Ага, — отозвалась она равнодушно. — Он тебя вспоминал. Такой, говорит, в вашем лицее талантливый мальчик, надежда кризисной истории...

Рысюк помолчал, и Лидка с удовольствием увидела, как Игорь краснеет.

— Да! — с вызовом сказал Рысюк, несильно ударяя кулаком по ветхой столешнице. — Я собираюсь быть кризисологом, и я им буду! И я имею достаточно информации, чтобы утверждать... чтобы предполагать, что Зарудный очень близко подошел к... созданию теории апокалипсиса. К каким-то основополагающим вещам...

— Какой ты умный, — сказала Лидка. — Никто не догадался, только ты.

— Если бы никто не догадался, — сказал Рысюк шепотом, — то Зарудный был бы жив. Неужели ты всерьез думаешь, что его убил этот Бродовский, эта банда с чистой душой? Или эти невнятные «политические противники»? Лида... Лида, ты чего?!

Она уже ревела. Давилась слезами.

И потому не сказала Рысюку про эти зарудновские слова.

«...Очень важное выступление по первому каналу. Мое выступление... Я думаю, что это будет поворот... в нашей общей судьбе. Я очень на это надеюсь».

* * *

— Все просто, — сказал Андрей Игоревич. — Тысячу лет человечество вертится, как белка в колесе. Цикла едва хватает на то, чтобы восстановить разрушенное. А когда потенциал для прорыва худо-бедно наращивается, все начинается сначала. Развал, распад, апокалипсис... Мы балансируем на грани, мы не растем, но и не скатываемся к первобытному состоянию. Кто поставил Ворота? Тот, кто хочет, чтобы мы оставались белкой в колесе, живой, потешной и безопасной белкой...

Он сидел на ограде пустого вольера. За его спиной плыли и плыли в небе облака.

— Лида, Лидочка, не плачь. Я прожил хорошую жизнь, я понял, что...

— Вставай. Вставай. Встава-ай!!

Темнота. Чьи-то руки, трясущие за плечи, да так, что немудрено проглотить язык.

— Лида! Вставай! Началось! Да вставай же!

Какой страшный сон, подумала она и щипнула себя за руку. Боль была — тупая, но вполне ощутимая.

— Началось, Лида... Одевайся. Скорей.

Комната заплыла красным. Тяжелый свет пробивался сквозь неплотно закрытые шторы.

— Мама?!

— Подъем! — гаркнул из прихожей отец. — Никаких нюней, никаких соплей! Через минуту выходим...

Казалось, он даже рад. Казалось, он стал выше ростом — оттого, что он больше не жалкий безработный, продавший за долги все, что только можно, а мужчина, отец семейства, готовый бороться за жизнь маленького, вверенного ему прайда.

Шорох ног, как в подземном переходе. Так показалось Лидке со сна.

— Отойди от окна!

Она успела заметить. Небо, неравномерно подсвеченное красным. Ручейки людей, вытекающие из подъездов и дворов. Запруженная людьми улица.

Страх пришел только сейчас. Когда она увидела это море движущихся голов. Текучее человеческое море.

— Штаб ГО, — глухо сказал радиоприемник. — Слушать всем. Опасность со стороны моря. Линия обороны проходит по улицам Флотской, Попова, Январскому проспекту. Внимание... Направление эвакуации — северо-восток, линия пригородной железнодорожной ветки. Запрещено использовать транспортные средства! За использование автомашин в зоне эвакуации — расстрел на месте!

Мягко качнулся пол. Задребезжала в шкафу посуда, закачались люстры, с подоконника грянулась ваза. Яна взвизгнула.

— Тихо! — прикрикнула мама.

Тимур неразборчиво бубнил себе под нос.

Над самой крышей пролетел вертолет. От грохота на мгновение заложило уши.

Путаясь в ремнях, Лидка нацепила на спину рюкзачок. С застежкой на груди, так, чтобы в случае надобности можно было легко избавиться от ноши.

Тимур все бормотал и бормотал; Лидка взяла с вешалки шарф. Отец поймал ее руку:

— Не надо... Проверьте, чтобы ни у кого на шее ничего не было. Тимур, ты меня слышишь, или ты уже обо...ся?

Лидка вздрогнула. Отец в жизни не бранился, тем более при детях.

— Я в порядке, — сказал Тимур после паузы.

— Тогда ты с мамой. Я с девочками. Пошли.

Щелкнула, захлопываясь, дверь. И наступил пик Лидкиного страха — щелчок положил конец прежней жизни. Все всерьез. Всему конец. Щелк.

— Не бойся, — жалобным дрожащим голосом сказала Яна.

Лидка молчала, героически удерживаясь от слез.

Соседи уходили. Внизу торопливо хлопнула входная дверь, щелкнул замок на втором этаже, а на четвертом кто-то торопливо поворачивал ключ. Хотя стоило ли трудиться?..

Они спускались, и знакомая с детства лестница казалась большой фотолабораторией — из-за густого красного света. Впереди шли мама с Тимуром, сзади отец вел Лидку и Яну, вел за руки, как маленьких.

— Ничего, — повторял отец, сжимая потную Лидкину ладонь. — Ничего, ничего...

Двор. Скамейка. Не светится ни одно окно, ни один фонарь,

но света и так довольно. Низкие тучи отражают зарево, поднимающееся за горизонтом. Над морем.

И запах. Какой запах. Гари и гнили одновременно. И ни ветерка.

— Быстро пройти Угловую, — сказал отец в спину Тимуру. — Как можно быстрее. Потому что она узкая.

— Внимание! — радиоприемник помещался теперь у папы за поясом. — Штаб ГО сообщает. Опасность с моря! Линия обороны переместилась к Торговой площади. Внимание, линия обороны проходит по улицам Малой Угловой, Липской, Торговой...

Молчаливые люди вокруг одновременно прибавили ходу. На секунду потеряв из виду Тимура с мамой, Лидка шагнула со двора на улицу.

Вот тут была настоящая толпа. Тимур и мама мелькнули впереди и пропали снова; отец прибавил ходу, пытаясь догнать их. Со всех сторон закричали:

— Осторожно!

— Куда прешь!

— Вот из-за таких и давка!

— В ногу иди, кретин!

Над головами снова прошел вертолет, Лидка не смотрела на него, потому что боялась оторвать глаза от замусоренного асфальта. Ветром взметнуло пыль, зато вонь заметно ослабела.

Лидке было страшно обидно за отца. Его обзывали по-всякому — за то, что он не хотел терять из виду маму и Тимура. Но он все-таки протолкнулся вперед и протащил сквозь толпу Лидку и Яну, и теперь Тимур и мама шли впереди, отлично видимые, и от этого спокойнее было на душе.

— Штаб ГО, — сказали откуда-то из репродуктора, но голос уже не казался голосом автомата. — Опасность с моря! Экстренная опасность для улиц Угловая, проспект Свободы, проспект Возрождения...

Отец рванул Лидку за руку. И крикнул Тимуру:

— Вправо!

И многие так сделали. Кинулись по сторонам, перепрыгивая через упавших, которые все-таки успевали подняться. Полетели стекла первых этажей — люди забивались в переулки, лезли в окна, цеплялись за низкие балконы. Люди знали что-то, чего не знала Лидка...

— Держись!

Хрустя битым стеклом под ногами, она ухитрилась ухватиться за чью-то протянутую руку и влезть на чужой балкон, увитый мертвым сухим виноградом.

Вот оно что...

Волна паники прокатилась узкой улицей Угловой. Те, что напирали сзади, теперь бежали сломя голову, это была уже не толпа — сплошной человеческий поток, Лидка смотрела, и ей казалось, что она чувствует, как расширяются ее зрачки.

— Рановато... — прохрипел кто-то рядом.

— За мной, — сказал отец.

Балконная дверь была не заперта. Лидка, Яна, отец, еще какие-то люди прошли через чужую квартиру, пустую и красную, хранящую запах сердечных капель, по-старушечьи прибранную, с кружевными салфетками на единственном столе, с фарфоровыми статуэтками на единственном шкафу. Лидка не выдержала и заплакала — не то от страха, не то от жалости к себе.

Дом был шестиэтажный. Люк на крышу уже был открыт, и туда один за другим пролезали люди — кто суетливо, кто внешне спокойно, но все очень торопились.

— Вперед...

Провода на крыше были оборваны и путались под ногами. Антенны стояли железным покосившимся лесом; Лидка шла и не могла отделаться от мысли, что все это когда-то уже было. Она пробиралась по крыше...

Мостик! С крыши на крышу была переброшена пожарная лестница, метров десять по железным шпалам, придерживаясь за единственный тонкий поручень; Лидка закусила губу.

— Не смотри вниз, — глухо сказал отец.

Внизу все еще были люди. Кто-то бежал, кто-то лежал. Лидка не смотрела.

Железо было невыносимо холодным. Лидка потерпела бы, но от холода немели пальцы, теряли чувствительность, а сзади подталкивали, подгоняли — скорее, скорее...

Мостик закончился, уперся в соседнюю крышу. Лидка неловко спрыгнула, и отец поймал ее на лету, поставил на черный рубероид. Рядом тяжело дышала Яна.

— Вперед!

Они почти побежали, и люди вокруг бежали тоже; потом идущий впереди мужчина резко остановился, и Лидка с разгону налетела на его спину.

— Смотрите! Там...

На соседней крыше завизжали. Женщина. Нет, скорее дев-

чонка, такая же, как Лидка; и в ответ Лидка завизжала тоже, и завизжала Яна, и кто-то еще...

Удар по лицу привел ее в себя.

— Заткнись! Вперед...

Уже оборачиваясь туда, куда ее толкали, она успела заметить то, на что указывали трясущиеся пальцы паникеров. Заметить, по счастью, боковым зрением.

Глефа. Ростом, наверное, этажа в два. Вертикально передвигающаяся. Мокрая. Из вялого рта свисает полотнище с рекламного щита, будто гигантская салфетка, «Твой кофе», и улыбающийся блондин с дымящейся чашечкой...

— Вперед, дура!

Грохот. Прямо с неба опустился вертолет, Лидке показалось, что у нее с плеч сорвет голову. Сорвался и полетел вниз чей-то светлый пуховый берет, а вертолет накренился и врезал по чудовищу очередью, во всяком случае, Лидкин киношный опыт подсказывал, что это именно очередь. Та-та-та... Чудовище сразу стало вдвое меньше ростом.

— Защитнички, — плаксиво сказал кто-то за ее спиной. — Пришел ваш час, детки...

Лидка бежала, высоко поднимая колени, боясь споткнуться об упавший провод или складку рубероида. И на бегу вспоминала свое старое сочинение, в классе, кажется, третьем, что-то насчет дружбы девочки и дальфина.

Новый железный мостик. Людей на крыше становилось все больше, в какой-то момент отец крикнул: «Тимур!» И Лидка сразу увидела и брата, и маму. Мама плохо себя чувствовала. Дышала тяжело.

Грохот вертолетов. Новый вихрь. Выстрелы. Очереди. Туша вертолета, разворачивающаяся над соседней улицей; Лидка поняла, что завидует, черной завистью исходит к пилотам, которым не надо бояться и толкаться локтями, которые всемогущи, которые летают, красиво защищая мирных жителей...

В следующую секунду где-то позади, на подступах к морю, грохнул взрыв. Красное небо расцветилось еще и дымным костром над останками упавшего вертолета; Тимур что-то сказал, но Лидка не расслышала. Сейчас не будет слышен даже самый громкий крик...

Отец дернул ее за руку.

Опять люк. Лестница вниз. Ступеньки почему-то мокрые. Кучи мусора — пуговицы, бумажки, истоптанные перчатки. Запах мочи. Выход во двор. Газон, истоптанный до глины, поперек газона лежит, вытянувшись, человек в темном плаще.

Отец останавливается на секунду. Переворачивает лежащего на спину. Человеку лет шестьдесят, лицо желтое, глаза стеклянные. Мертв.

Бег продолжался без единого слова. Дворы, в просветах арок — все та же улица, теперь по ней шли машины, кажется, это отступали части ГО. Густо воняло выхлопными газами.

— Конец Угловой, — сказал папа с явным облегчением. Мама молчала, берегла дыхание.

Они выбрались из арки в толпе других запыхавшихся беженцев. Кто-то обгонял их, кто-то, наоборот, отставал. Человек в шлеме, закрывавшем все лицо, заругался и замахал коротким жезлом, указывая, куда бежать. Другой, в таком же шлеме, сидел в башне броневика, перегородившего Угловую, и за спиной его стоял черный непроницаемый дым. Улица горела.

— Ворота! — закричала мама, подбежав под самый броневик. — Мальчики, Ворота еще не открылись?!

Тот, что был с жезлом, заругался злее. Тот, что сидел на башне, отрицательно покачал шлемом.

Лидка почувствовала, как глубоко в живот проваливается сердце. Валится, не продолжая трепыхаться. Еще чуть-чуть — и она сможет испражняться собственным сердцем, огонь, запах гари, пляшущий факел... «И Ворота не откроются на этот раз»...

— Вперед! — сказал отец, Лидка не услышала, но прочитала слово по его губам. И зашипела от боли, потому что ее грубо дернули за руку.

Они выбежали на проспект Возрождения, до одури широкий по сравнению с Угловой; люди здесь шли относительно свободно. Лидка постаралась пристроиться к общему ритму и выровнять дыхание.

Ворота откроются. Просто еще рано. Пока рано. Второй час от начала *мрыги*... Или уже третий?!

Апокалипсис начался тогда, когда убийцы всадили шесть пуль в Андрея Игоревича Зарудного.

Нет, апокалипсис начался раньше...

Ноги коротковаты. Слишком низко голова. Что там говорил Андрей Игоревич насчет маленького роста?!

Она впервые вспомнила о Славке и его матери. Впервые и оттого с раскаянием. Центр... Из центра легче выбираться. Славка здоровый... прорвутся...

Зашипело молчавшее до того радио. Из папиного репродук-

тора, из черных радиортов на фасадах зданий, из громкоговорителей на неподвижных броневиках:

— Слушать всем. Опасность с холмов. Сейсмическая активность в районе поселков Красный Лес, Озерово, Мигов. Направление эвакуации изменено. Повторяю — направление эвакуации изменено... Северная ветка железной дороги, линия Сухово — Верхний Болт. Сохраняется опасность с моря. До непосредственной воздушной угрозы остается около десяти часов. Повторяю...

Лидка споткнулась. Целую секунду думала, что упадет, но отец успел подхватить ее под мышку:

— Под ноги смотри...

Затряслась земля. Закачались фонарные столбы. Полетело оконное стекло. Зарево стало ярче.

Я больше не могу, отстраненно подумала Лидка. Это же несправедливо... Мужчины и женщины в равных условиях... У кого-то ноги короче, у кого-то длиннее. Кто-то спортсмен... Кто-то старик...

Вспомнились вязаные салфеточки на столе в той квартире, в которую они вломились на пути отступления.

Естественный отбор, сказал Андрей Игоревич. Голос-то был его, но Лидка ни за что на свете не могла поверить, что Зарудный способен на такие жестокие слова.

«Те, кто ниже ростом, имеют больше шансов погибнуть в толчее...»

Ну, пока толчеи особенной нет. Вот только идти так быстро Лидка долго не сможет... Но ведь и в толпе-то не сплошь здоровые мужики. Устанут, пойдут медленнее...

«Я хочу, чтобы в момент катастрофы рядом с тобой, Лида, обязательно кто-то был. Кто-то достаточно сильный, чтобы поддержать тебя...»

Лидка покосилась на отца. С гордостью. Как когда-то, когда ей было восемь лет. Отец все делает правильно. Все обойдется...

Новый подземный толчок. Лидка своими глазами увидела, как качнулся девятиэтажный дом, будто карточное строеньице, будто гибкая складная удочка. Будто в мультфильме. Качнулся, на мгновение размазав себя по пространству, взмахнул верхними этажами, но не упал.

Где-то в толпе закричали, правда, крик почти сразу стих.

— Мы так и будем... пешком? — спросила Лидка, стараясь не прикусить язык.

Никто не ответил.

Темп действительно снижался. Они шли по проспекту вот уже час, он был очень длинный, проспект Возрождения, самая длинная улица в городе. Время от времени радио подкидывало новые подробности, но теперь все они касались других районов. Где-то прорвалась «угроза из моря», где-то вертолет зацепился за провода и рухнул на идущих людей. Лидка шла, все сильнее наваливаясь на руку отца.

Проспект Возрождения заканчивался площадью, Лидка не помнила ее названия. Тут поток людей раздвоился, отец, не раздумывая, свернул вправо, и мама с Тимуром и Лидка с Яной последовали за ним.

Миновали кладбище. Не центральное, помпезное, где похоронен Андрей Игоревич. Обыкновенное пригородное кладбище. Старое, давно закрытое для захоронений.

Занималось утро. Красный свет потускнел, смешавшись с серым предрассветным сумраком.

— Ни единой птички, — сказал Тимур, и Лидка подумала, что он прав. Ни обычных ворон на голых газонах, ни воробьев, ни мусорных городских голубей.

— Лида, не спи на ходу...

— Я больше не могу, — сказала она виновато.

Состояние болезненного возбуждения схлынуло. Накатилась усталость. Серое утро, колонна людей, бредущая из города в поле. Цементный завод вдалеке. Шарканье ног по грязной дороге. Шаг, шаг, еще шаг... Дурной сон.

— Вперед! — привычно прикрикнул отец. — Силы еще понадобятся... Еще...

Он не договорил. Затрещало радио.

— Внимание... Слушать всем. Угроза с моря, линия обороны по радиусу Прорывная — Левый спуск — Рощевая...

Лидка вздрогнула. Самый центр города. Далеко забрались глефы.

— Внимание на Северной трассе! Сейсмическая угроза не зафиксирована. Продолжайте следование. Внимание на Большой Лучевой трассе! Движение дальше пункта Дубки представляется нецелесообразным. Распределение нагрузки на Ворота...

— Ворот-то и нет, — сказали у Лидки за спиной. Она побоялась оглядываться, чтобы не упасть.

* * *

Они стояли посреди поля. Стояли и сидели. Лидка хлебала из жестяной кружки, а отец, когда она отворачивалась, доливал ей в термос свой чай. А Лидка, малодушная, делала вид, будто бы не видит...

Они стояли среди поля, а Ворот не было. Нигде. Становилось тепло, на землю летели куртки и шапки, и свитера; воздух над полем дрожал. Со стороны холмов накатывался горячий ветер.

Лидка сидела на собственной расстеленной куртке. Ей давно хотелось в туалет, но туалета не было, а людей вокруг толпилось, как на центральной площади в праздник.

Небо было нехорошего красно-фиолетового цвета. Будто кровоподтек.

До объявленной «непосредственной воздушной угрозы» оставалось часа два. По расчетам хриплого радио. А может быть, гораздо меньше — фиолетовое небо уже не однажды вспыхивало, перечеркнутое следом горячего падающего камня...

Где-то там извергались вулканы. Где-то поднималось цунами. Где-то горела нефть.

Здесь, на поле, было тихо и душно. Накатывалась жара. Тимур вслед за другими парнями разделся до пояса, и зря, потому что поверх его рельефных мускулов подергивалась бледная, пупырчатая гусиная кожа.

— Внимание, — устало сказал приемник. — Слушать всем. Данных об образовании Ворот не поступало. Внимание на Большой Лучевой трассе — возможна термическая опасность с северо-запада...

Толпа вокруг зашевелилась.

— Уходить...

— Ворота...

— Нет Ворот, ты же видишь...

Лидка слушала, прикрыв глаза.

Ворота появляются близ людских поселений. Вокруг города их должно быть больше.

Дальше — меньше.

Но пока нет нигде.

Нигде.

Пляшет факелом парень-стеклодув...

«Термическая угроза с северо-запада»...

Наваливается раскаленное облако.

Воды. Плюхнуться бы в чистую водичку и полежать в набегающей волне...

Бред. Бред от духоты и усталости. И от страха.

В фиолетовой полутьме она нашла мамину руку:

— Ма... Я такая дура была. Прости.

— Лидка, ты чего?!

Ей вспомнился мамин день рождения. Тот самый, на который она не купила цветов, зато влипла в скверную историю. В качестве подарка.

— Лидка... успокойся. Соберись... Немножко осталось...

Немножко.

Лучше бы им свалился на голову упавший вертолет. Лучше... чем...

Жара. Пекло.

Все, все погрязли во грехе, и кто знает, смилуется ли Он на этот раз и откроет ли спасительные Врата, чтобы дать человечеству еще один шанс...

С неба опустится огонь. Из моря выйдут чудовища. Все как обычно.

Только Ворот не будет.

Мама положила ей на лоб смоченную в уксусе тряпочку. Откуда здесь уксус? Мама знала... припасла... на всякий случай...

— Ты поспи пока, Лида. Вон Яна спит... Поспи. Мы тебя разбудим.

Разбудит огонь, валящийся с неба. Разбудит навсегда.

* * *

Радио затрещало снова. Затрещало на грани яви и бреда:

— Всем. Всем. Зарегистрированы Ворота. Зарегистрированы ВОРОТА! Координаты для находящихся на Северной трассе... Координаты для находящихся на Обводной... На Большой Лучевой... На побережье...

Ее подхватили с земли. Еще секунда — и всех лежащих затопчут.

— Руку! Руку!! Это близко... Мы успеем. Все должны успеть. Все будет...

Лидка уже не понимала, к ней ли обращены слова, или сама она говорит их кому-то. А может быть, и то и другое.

— Девочки! Тимур! Ну же! Ну!!

Потемнело в глазах.

...Поле стояло почти вертикально. Поле было неровное, в колеях и рытвинах, на бегу так легко подвернуть ногу. Поле подернуто было редким горьким дымом, и казалось, что люди бегут по колено в вате.

А потом Лидка увидела Ворота.

Они не были похожи на свои изображения, на описания в рассказах очевидцев. Они не были ни красивыми, ни величественными. Они были безлики, как безлика больничная дверь,

крашенная белой масляной краской. И они не были даже особенно большими.

На бегу Лидка поняла, на что это похоже. Так выглядит вход на станцию скоростного трамвая, только не в центре, а на окраине.

Со всех сторон к Воротам бежали люди. Миг — и Ворота исчезли, заслоненные потными прыгающими спинами.

Яна тонко завизжала. Нога ее все-таки подвернулась на кочке; она визжала, как подстреленный заяц. Лидка никогда не была на охоте, и сравнение было чужое, книжное, отстраненное.

Отец подхватил Яну на спину. Натужно крикнул Тимуру:

— Лидка!

Лидка увидела протянутую к ней руку брата. И потянулась ему навстречу, но в этот момент налетели сзади, толкнули ее далеко вперед, в спину ей ударил отчаянный крик мамы:

— Беги сама! Не оглядывайся! Беги!

Она побежала.

Спереди была чья-то спина. Сзади было чье-то дыхание. Справа и слева двигались чьи-то острые локти. Неба не было — головы, головы, головы, будто Лидка заблудилась в густом лесу. Выигрывает тот, кто выше ростом, у кого длинные ноги...

И тот, кто очень хочет жить.

Шипение над головами. Крик. Удар, дрогнула земля. Лидка ни о чем не думала.

Сполохи. Под ногами что-то мягкое, Лидка успела подпрыгнуть, не споткнуться.

Мама! Мамочка!

Она бежала, втиснутая в толпу, вбитая в толпу, будто колышек. Она не могла оценить красоты и величия происходящего.

Массы людей текли, как студень, со всех сторон и к одной цели; к той же цели спешил, взрывая землю гусеницами, одинокий броневик ГО. Неведомо, чего он хотел добиться, оказавшись у Ворот раньше толпы. И осталось неизвестным, потому что броневик не успел.

И те, бегущие в первых рядах, не успели тоже. Столкновение; первые несколько секунд у тяжелой боевой машины было все преимущество перед пешими беззащитными людьми, но волна, катящаяся по полю, уже не была толпой. Не была множеством людей, пусть даже обезумевших, пусть даже борющихся за жизнь.

Она была иным. И перед силой этого нового существа броневик был не мошкой даже — пылинкой. Его опрокинуло, перевернуло, и только тогда текущее по полю существо инстинктивно

прянуло в разные стороны, обтекая препятствие, обволакивая его отжившей плотью, а потом и накрывая собой...

Лидка не видела. Ее больше не было. Была частичка колоссальной энергичной амебы.

У самых Ворот разные части текущего существа столкнулись. Столкнулись, выбросив вверх волну тел, сплелись и хлынули в спасительный проем, все быстрее и быстрее, движение наладилось, хрустели ребра, но текущее существо не умело ощущать боль.

Быстрее... Быстрее...

Небо полыхало. Существо на равнине инстинктивно отсчитывало последние отведенные для спасения минуты.

После того как срок истечет, небо расступится, не желая больше удерживать клубы огня и удушливого газа.

Кто не успел, тот проиграл навсегда. Существо на равнине знало это — помнило памятью предков, и потому так быстро втягивались рассыпанные по полю ложноножки.

В Ворота!

...Лидку уже несло. Она почти не касалась ногами земли; не ощущая боли в плечах и ребрах, она пыталась дышать. Только дышать. Хоть один раз еще вдохнуть! Хоть раз!

Существо на равнине становилось все меньше и меньше. Втягивалось в Ворота, как втягивается в водосток пенная после стирки вода.

Лидка потеряла сознание, но не упала, стиснутая теми, кто бежал рядом.

А потом и для них все исчезло.

Спасительная тьма Ворот.

* * *

Наверное, у всех у них действительно был шанс успеть. Потому что прошло не меньше часа, прежде чем ударил с неба огонь — и затрещала, сгорая, вязкая слякоть на опустевшей равнине.

ГЛАВА 5

Она шла, сунув руки глубоко в карманы куртки.

Было холодно. Опять сырая весна.

Вдоль скамейки, отремонтированной, достроенной новыми досками, стояли штук шесть детских колясок. Из них половина

новых. Надо же, уже и коляски выпускают, быстро развернулись...

— Привет, Лида! — сказала Светка с четвертого этажа, румяная, непривычно располневшая. Ее мальчику вчера исполнился месяц.

— Привет! — Лидка помахала рукой. В рукав тут же нырнул холодный ветер; Лидка поежилась, снова сунула руку в карман, да так энергично, что маленькая дырочка на расползавшемся внутреннем шве сделалась больше.

Дыра в кармане, надо же.

Соседки болтали, не обращая внимания на Лидку. К шестерым молодым мамашам подсела одна мамаша потенциальная; двойня у нее, что ли, будет, но широкое пальто едва сходится на чудовищном животе...

На улице Лидку догнало солнце. Выскочило, как бандит из засады, сунулось в каждый угол, в каждую щель, осветило бледные лица прохожих — в основном женщин на разной стадии беременности. Прыгнуло в коляски — и новое поколение зажмурилось, сморщило красные личики, самые старшие потянулись, высвобождая из-под одеял короткие руки в крохотных варежках...

Лидка подняла голову и глубоко вздохнула.

До чего осточертел запах пеленок. Вся кухня завешана сохнущей тканью. У Тимура девочка, жену Тимура зовут Саня, и Лидка более чем уверена, что брат познакомился с ней за неделю до свадьбы. Теперь Тимур бранится с женой и, забываясь, иногда называет ее «Яна»...

Лидка закусила губу. Побрела дальше, глядя под ноги.

Янка, Янка. Янка, ворчливая, вечно отбиравшая Лидкины игрушки. Осталась там, в том цикле. На той равнине. Перед теми Воротами. Не уберегли. Всех не уберечь...

Мысли о Яне почти не приносили боли. Текли привычно. Тимур назвал Яной свою дочь, а у мамы, похоже, будет мальчик. Интересно, как она его назовет?

Отец в последнее время ну прямо-таки расцвел. Хоть приходит с работы полумертвый, но при едином взгляде на мамин живот ну прямо весна с человеком, весна и грачи прилетели... С Лидкиной точки зрения, ничего красивого нет в этих животах. Уродство. Ну ничего, вот родит мама, и Тимур будет нянчить одновременно дочку и братика.

Она миновала угол дома, и ветер подул с новой силой. Лидка подняла плечи, повернулась к ветру спиной, защищаясь от особо

стервозного порыва. Мама не раз намекала, что с маленьким братиком ей понадобится Лидкина помощь. А Лидка намекала в ответ, что на нее в этом деле лучше не рассчитывать.

Она прошла мимо строительства. И еще одного. И еще одного дома, отстроенного еще осенью. Новенькие рамы, новенькая крыша, только нижние этажи старые, кирпич потемнел от времени и кое-где закопчен.

К лету обещают окончательно отстроить скоростной трамвай. А пока приходится добираться как попало, хоть на попутках...

Лидка вышла на перекресток и подняла руку. Машина остановилась тотчас же.

— В центр? Садись.

За рулем был парень, чем-то похожий на Тимура. Впрочем, это в том цикле принято было говорить — «парень». В этом цикле говорят — «мужчина».

— По магазинам? — Парень вел машину небрежно, и настроение у него было отличное. Самое время поговорить.

Лидка покачала головой:

— В гости. К жениху.

Вот так. Универсальная фраза. А иначе — Лидка отлично знала! — сразу же становятся возможны варианты. «У тебя уже муж есть? Ты такая симпатичная женщина...»

Потому что и Лидка в этом цикле автоматически потеряла право именоваться девочкой или девушкой. Она женщина, а что ей едва стукнуло семнадцать — мало кого волнует.

Плохо быть поздним ребенком.

Как там говорила мама? «Подумай, Лида. Детородный период такой короткий, оглянуться не успеешь, а он уже прошел, и тогда уже не забеременеть, ты же учила физиологию... И останешься бездетной. Может быть, не стоит ждать? Посмотри, все твои одноклассницы...»

Лидка поморщилась, как от боли. Даже веселый водитель спросил озабоченно:

— С тобой все в порядке?

Привычная заботливость. Любой женщине может стать плохо на улице или в магазине, и сразу же орды доброхотов: «С вами все в порядке? Позвать врача?»

— Вот здесь, — открывая дверцу, Лидка сунула парню в руку смятую бумажку. Вышла под знаком «Остановка запрещена», благо милиции поблизости не оказалось.

«Папа, а ты всегда переходишь дорогу на зеленый свет?» Дав-

но, тысячи лет назад Славка ерничал, провоцируя Андрея Игоревича, тогда еще живого, спокойного, надежного...

Дом Зарудных сохранился полностью. Его пощадили подземные толчки, на него не упал горящий вертолет, его не опалило небесным огнем и не накрыло метеоритным обвалом. Даже, говорят, некоторые стекла остались целы...

Лидка вошла в знакомый подъезд.

Будку консьержа давно убрали. На освободившемся пространстве стояли все те же коляски — плетеные, клеенчатые, красные, синие и цветные. Пока что в элитарном доме — сумятица и теснота; лет через пять с домом начнут разбираться. Кого оставить, кого — в новостройку...

Лидка позвонила у входа. Три раза, как и было условлено. Дверь открыл Славка; в нос ударил все тот же запах сохнущих пеленок.

В бывшей зарудновской квартире обитали сейчас четыре семьи с тремя младенцами. Славка с Клавдией Васильевной жили в кабинете Андрея Игоревича; Зарудная нигде не работала, Славка нигде не учился. Андрей Игоревич оставил им некоторую сумму на страховом счету — пока что на жизнь хватало. Если это можно назвать жизнью.

Славка зарос неопрятной щетиной. Одет был в неопрятный спортивный костюм и столь же неопрятные тапки. Глаза воспаленно блестели. Нехороший блеск, подумала Лидка.

— Когда ты в последний раз выходил на улицу?

Славка махнул рукой:

— Проходи...

Просторный коридор, голые стены. Зато в кабинете — не развернуться, сюда стащили и собрали мебель и вещи, которые не удалось продать. Один архив, уложенный в картонные ящики, образовывал башню почти до потолка.

Лидка огляделась. Клавдии Васильевны не было в комнате. Славка опередил ее вопрос:

— Мама на кухне. Лид, она переезжать хочет.

— Куда? — механически спросила Лидка.

— В пригород. В двухкомнатную... Потому что нас все равно здесь не оставят. Дом-то ведомственный...

В голосе Славки была самая настоящая боль. Он здесь вырос. Это его дом. Каждая половица помнит погибшего отца. Переезд — новая потеря...

— Слава, — сказала Лидка самой себе непривычным, очень взрослым голосом. — Новый цикл — новая жизнь. Ты детей-то

заводить думаешь? Или копаться будешь три года, как Бедная Анна?

— Как кто? — тупо спросил Славка.

— Классику читать надо, — сказала Лидка, довольная хотя бы тем, что удалось отвлечь его. — И побрейся. Смотреть противно.

Славка отвернулся:

— Будешь смеяться... Вчера этот Ретельников приходил, то же самое сказал слово в слово. Смотреть, говорит, противно. Я и говорю — не смотрите, я вас в гости не звал...

— Какой Ретельников? — спросила теперь уже Лидка.

— Толстый, — Славка вздохнул. — Гэошник, который с отцом вроде как дружил.

Лидка нахмурила брови, пытаясь припомнить толстого гэошника. Что-то смутное — толстый и печальный. Иди, девочка, учись хорошо.

Она усмехнулась. Тогда еще считалось, что она должна учиться. В новом цикле толстяк сказал бы — иди, девочка, рожай поскорей...

— Чего ему надо-то было?

Славка пожал плечами:

— Так... По старой памяти.

Приоткрылась дверь. В щель боком протиснулась Клавдия Васильевна с горячим котелком в руках:

— А, Лидочка...

Лидка открыла рот, чтобы сказать «здрасьте». Но поздороваться не успела.

Клавдия Васильевна вытянула руки, стараясь держать котелок подальше от себя. Шагнула, не глядя под ноги, и запнулась, кажется, о выступающий уголок настольного хоккея. Вскрикнула, отпрыгнула от валящегося из рук котелка и налетела спиной на башню из картонных ящиков.

— Держи!!

Башня накренилась медленно, как в дурном сне. Рухнула, разбив стекло на журнальном столике; пустой котелок все еще плясал, позвякивая, в луже борща, а по комнате уже свободно летали разнокалиберные бумаги — какой-то из картонных ящиков, вероятно, верхний, лопнул от удара и с силой выбросил из себя содержимое.

В коридоре зашлепали тапки. Загалдели голоса:

— Что случилось?

— Клавдия Васильевна, что у вас?

Дверь приоткрылась, обнаруживая молодые, незнакомые

Лидке лица. Этим дамочкам повезло — хоть их дома и пострадали, но страховой полис оказался достаточно внушительным, чтобы погорельцы могли претендовать на новое, весьма приличное жилье.

Где-то в глубине квартиры, там, куда Лидка так и не попала ни разу, заплакали в два голоса младенцы.

Клавдия Васильевна была так расстроена, что молча, не глядя на соседок, вышла из комнаты. Славка некоторое время постоял, потом наклонился и стал собирать бумаги; Лидка последовала его примеру.

Сколько же труда потребуется, чтобы водрузить коробки обратно! У Славки одного не хватит силы. Придется просить у дворника стремянку... Просить постылых соседей, чтобы помогли...

— Слав, принеси тряпку. Надо лужу затереть.

Славка вышел, не споря. Лидка собирала разлетевшиеся листочки.

Лопнула, как назло, коробка с личной перепиской. Когда Лидка работала с архивом, эти письма читать ей запрещалось — только выписывать в тетрадку номер и дату. И она не нарушала запрета. Почти.

«Дорогая Клавушка, ромашка моя ненаглядная, когда я снова вас увижу?! Славка, наверное, не узнает меня; ты пишешь, он уже пытается ходить...»

Превозмогая соблазн, Лидка сунула письмо глубже в конверт. Подняла глаза, встретилась взглядом с портретом Андрея Игоревича. Нехорошо читать чужие письма. Особенно если от них наваливается тоска. А ведь новый цикл — новая жизнь...

Эти, гэошники, в свое время просматривали и личные письма тоже. Лидка видела — равнодушный такой тип в перчатках сидел вот здесь, в кабинете, под портретом, и перекладывал конверт за конвертом. Нет, читать не читал — времени, видно, не было...

— Бумаги упали, — сказал кому-то Славка за приоткрытой дверью. — Что? Нет, это ты будешь выкидывать свои шмотки, а я папины документы все-таки оставлю, можно? Разрешаешь?

И сразу, без перехода:

— Лид, я тряпку принес...

Лидка сидела под столом, пытаясь вытащить из щели старый, расклеившийся конверт. Как он туда ухитрился влететь — пес его знает.

— Тряпку? Сейчас...

В руке у нее оказался листок бумаги, желтый и исписанный

ученическими каракулями: «Дорагой папачка! Я делаю все твои упражнении, уже научилси нырять...»

Из-под одного листка вылетел другой. Гораздо более жесткий, белый, покрытый плотным печатным текстом. Принтер.

Под столом было темно. Лидка машинально поднесла листок к глазам.

— Вот елки-палки, — бормотал Славка, пытаясь затереть аппетитно пахнущую лужу. — Весь ковер в борще...

«Сограждане!»

Лидка вздрогнула. Ей показалось, что она слышит этот голос. Спокойный, уверенный, такой узнаваемый.

«Сограждане, парламентская комиссия по делам апокалипсиса уполномочила меня...»

— Что ты там делаешь? — грубовато спросил Славка. — Заснула там, под столом?

— Конверт потерялся, — соврала Лидка неожиданно для себя. И это вместо того, чтобы выпрямиться и спросить у полноправного наследника: «Посмотри, что это?»

— Брось... Иди сюда, помоги.

— Иду...

«...задевает интересы всей правящей верхушки, всех наших всенародно избранных, предавших свой народ руководителей... В Декларации прав человека записано: каждый человек имеет право знать о появлении Ворот в ту же секунду, как эти сведения становятся доступными верховному штабу ГО. Довожу до вашего сведения, что правительством нашей страны вот уже много циклов практикуется...»

Снова открылась дверь. Под столом отчетливо потянуло сквозняком.

— Слава... — глухо сказала Клавдия Васильевна. — Брось эту тряпку. Помоги мне найти нитроглицерин...

Лидка притихла под столом, как будто ее и не было.

«...практикуется так называемое «условленное время»; это время, проходящее между первым сигналом о появлении Ворот и сигналом, оповещающим население. Это время колеблется от получаса до полутора часов, за это время специальный контингент доставляется к свободным Воротам и спокойно, с комфортом эвакуируется... Список спецконтингента держится в глубоком секрете, но каждый из вас спокойно может воссоздать его, просто перечислив имена крупнейших чиновников, начиная с Президента и заканчивая...»

Она сложила бумажку, но не стала прятать в один конверт с

письмом «дорагому папачке». Скорее всего, этой бумажке там не место. Скорее всего... но тогда как она там оказалась?!

Когда она выпрямилась, щеки ее были цвета молодой свеклы. По счастью, такой цвет лица можно было объяснить неудобной позой — скорчившись, под столом...

«Ты же помнишь, Лида, что ни один документ, даже самая мелкая бумажка не должна быть вынесена за порог... Ты же понимаешь, Лида...»

— Вот, тут письмо одно затерялось... Слава, возьми.

И она протянула Славке желтый конверт с ученическими каракулями.

А под свитером, за поясом джинсов, предательски хрустнула жесткая белая бумага. Как показалось Лидке, на весь дом. Странно, что ни хмурый Славка, ни бледная Клавдия Васильевна ничего не услышали.

* * *

Клептоманка...

Зачем она это сделала?

Низачем. Интуитивно.

Утверждая и свое право на наследство Андрея Игоревича. Свое призрачное, никогда не существовавшее право.

А что особенного? Ничего особенного. Она прочитает и вернет. Незаметно сунет в ящик, к примеру, стола.

«Многолетние исследования только подтверждают то, что лежит на поверхности. Ворота появляются, чтобы пропустить в себя *всех* живущих людей. Пространства Ворот достаточно для *полной* эвакуации без потерь. От нас, сограждане, зависит, как нам уходить — либо оттесняя и топча друг друга, либо с достоинством, поддерживая слабого, не поддаваясь панике... Так называемое «условленное время» — позор нации, предательство со стороны правящей партии. Пришло время назвать предателей предателями, сломать порочную «условленную» систему, признать первой и достижимой целью апокалипсис без потерь! *Каждый* человек должен узнавать об открытии Ворот сразу же после их обнаружения. *Каждый* человек должен помнить, что Ворота — экзамен для цивилизации, Ворота открыты для всех, Ворота — для всех, мы — едины...»

Лидка брела, глубоко засунув руки в карманы куртки, а в ушах ее снова и снова звучал подчеркнуто спокойный, глубокий голос. Спокойный, но не равнодушный.

«Ворота открыты для всех!»

Безмозглая амеба на широкой равнине. Перевернутый броневик. «Условленное время».

Жалко Яну.

Они стояли и сидели посреди пустого поля, пили чай из термосов, сверху наваливалась жара... А в это время Ворота уже стояли открытыми, и время текло, щелкало, бежала стрелка на чьем-то бесстрастном хронометре. И бедная обессиленная Янка еще не знала, что жить ей осталось два часа.

Лидка сжала кулаки. В кармане куртки хрустнула потревоженная бумажка.

Андрей Игоревич гулял с ней по опустевшему зоопарку, а за пазухой у него была бомба. Любовно приготовленная, с уже дымящимся запалом; телевыступление, текст которого был уже написан. Разоблачение. Ох, какой был бы взрыв!

Вот только взорвать не удалось. Опередили. Убили пиротехника и отстригли запал, и бомбу изъяли... Впрочем, бомбой она была именно в руках Зарудного. В чьих угодно других руках — петарда, шутиха, не больше. Смутные слухи про «спецворота» ходили и раньше, всегда ходили, только никто не брался определить в них процентное содержание правды...

— Добрый день... девушка. Мне кажется, я вас где-то видел.

Лидка обернулась. Парень улыбнулся, ничуть не смущаясь ее хмурым видом:

— У вас есть время? Я приезжий, хотел бы убить где-нибудь часа два... Здесь где-нибудь есть кафе?

Лидка смерила его с головы до ног. Щуплый, невысокий, куртка с чужого плеча и джинсы с чужой, так сказать, задницы. Стандартный «страховой комплект», наверное, еще лет пять по улицам будут ходить люди в поношенных «страшилках». Лидке еще повезло — их дом устоял, и даже шмотки в железном ящике почти не пострадали...

— Может быть, ресторан? — предложил парень, не без основания полагая, что оборванцу в «страшилке» следует быть нахрапистым.

Лидка огляделась. Они стояли почти в самом центре города, кругом полно было и кафе, и ресторанов, и ярких вывесок, вот только место, куда она собиралась послать незнакомца, вывески не имеет — стесняется...

Она уже открыла рот, но в последний момент удержалась.

— Пошли в музей.

— А? — Парень заулыбался активнее.

— В музей естественной истории, — отчеканила Лидка, как на экзамене. — Вот вход, видишь? Две каменюки по бокам.

Парень послушно посмотрел вслед за ее рукой. Неуверенно кивнул:

— А может, все-таки кафе?

Лидка повернулась и пошла по направлению к музею. Парень тут же ее догнал.

— Тебя как зовут? — спросила она на ходу.

— Андрей...

Она резко сбавила шаг. Посмотрела на него недоверчиво:

— Точно? Не брешешь?

— С чего бы? — справедливо возмутился парень.

— А меня зовут Яной, — сказала Лидка, глядя прямо перед собой.

— Яна? — обрадовался Андрей. — Какое красивое имя...

— Да уж...

Она милостиво позволила новому знакомому купить два билета, тем более что цена их оказалась смешной даже по нынешним временам. Посетителей было мало; музей не реставрировали со времен апокалипсиса, окна подернуты были, словно веками, закопченными железными шторками. Пройдет еще лет пять, и сюда потянутся вереницы первых маленьких почемучек; детсадовцы старшей группы будут разевать рты, глядя на отреставрированные картинки и отремонтированные муляжи, все это будет, но не сейчас, сейчас старшая группа надсадно орет и мочит пеленки...

— Ты где учишься, Андрей?

— Я работаю. — Он улыбнулся. — Буду работать. На судостроительном. Из Носовки, по лимиту...

Лидка подумала, что он симпатичный. Что он не такой наглый, как показалось вначале. Что он не врет и не рисуется, а искренне верит, что впереди большая счастливая жизнь, он устроился в городе, теперь осталось быстро жениться и клепать попеременно то железо, то детей.

— А я историк. — Она сунула руки еще глубже в карманы, хотя это, казалось, было уже невозможно. — Хочешь, экскурсию проведу?

Андрей нерешительно улыбнулся. В его планы экскурсия не входила; сегодня ему повезло, ему прямо на улице попалась ничья женщина, следовало, не теряя времени, выкладывать козыри. Ношеная «страшилка» — не козырь, судоремонтный — не козырь, а козырь, вероятно, сам Андрей, добрый и покладистый,

веселый и неприхотливый, и, что самое главное, в постели совершенно непревзойденный, барс, лев, машина любви.

— Это недолго, — сказала Лидка, улыбаясь в ответ. — Ты ведь первый раз в городе, да? И не был в нашем замечательном музее?

Андрей сглотнул, смешно, как тощая ворона. Во всяком случае, Лидке казалось, что вороны глотают именно так.

— Посмотри сюда. Нет, не туда, там начало осмотра, ничего интересного. Красивые камушки? Мне тоже нравится. Тут на картинке — первобытная рыба, это ты в школе проходил... Ничего, что я на «ты» к тебе? Вот они вылезли на сушу. Нет, пока еще не дальфины — жизнь выбралась на сушу, отряхнулась и пошла себе дальше... Там скелет какой-то твари, вроде динозавр плотоядный. На задних лапах бегал и жрал все, что движется. Вот в этой витрине — муляж первобытного человека. Жили они трудно, но апокалипсисов тогда не было. Только пугали друг друга — вот, мол, скоро конец света, у-у-у!

Андрей чуть отстранился и глядел на нее с испугом — не иначе, раздумывал, а не стоит ли отменить мероприятие и не дать ли деру, списав стоимость входных билетов на побочные, не оправдавшие себя расходы.

— Не бойся, — Лидка засмеялась. — Про эволюцию и последующий ход истории я тебе травить не буду. Пойдем сразу на третий этаж...

И, ухватив парня за руку, потащила едва ли не волоком.

— Вот. — Лидкино дыхание сбилось, на щеках проступил румянец. — Вот место, где сбылись опасения человечества. И надежды сбылись тоже. Расцвет науки и техники, первые космические полеты, первые ядерные испытания... И первый апокалипсис, так его растак, и первые Ворота. Видишь?

Андрей послушно кивнул. Ворота были выполнены в пропорции один к трем, через них любознательный посетитель попадал в следующий зал.

— Очень похоже... — Лидка подошла к стилизованной стенке, постучала, презрев обязательную табличку «Руками не трогать», провела ладонью по приятной серебристой поверхности. — Очень похоже... Наверное, и ночью фосфоресцируют, как настоящие. Светятся то есть. Да?

Андрей развел руками:

— Слушай, Ян, я тут в общежитии, в общем, недалеко живу, в комнате один пока, сосед уехал на выходные, хочешь, зайдем ко мне, коньячку попьем?

— Откуда у тебя коньяк? — механически спросила Лидка.

Андрей хитро улыбнулся:

— Из «страховочки». Мне положено, я сирота...

— Тебе за погибших родителей коньяком заплатили? — спросила она резко. Слишком резко. Андрей отшатнулся, побледнел:

— Ты... что? У меня... еще в том цикле... детдомовский я, понятно?

Он хотел уходить, но Лидка поймала его за рукав:

— Прости... прости. Ты тут ни при чем. Прости меня. С этих сволочей станется... Они первые узнали о Воротах... и никому ничего не сказали. Сами влезли, вразвалочку, с поварами и денщиками, с женами и внуками, так между собой условились, потому и «условленное время»... А потом уже, потом — сказали нам. И мы побежали... И я не успела. Меня затоптали насмерть. Меня нет.

Андрей хотел что-то сказать, но поперхнулся и закашлялся. Кашлял мучительно, отступая, в кратких промежутках между приступами поднимая на Лидку глаза и глядя на нее, как детсадовец на чучело динозавра.

— Не веришь? — Лидка усмехнулась. — Спроси кого хочешь. Яна Сотова погибла во время апокалипсиса... вернее, во время эвакуации. Потому что вот.

Она вытащила из кармана твердую и белую, сложенную в восемь раз бумагу. Но Андрей не стал дожидаться, пока Лидка разгладит на колене непроизнесенную речь его тезки.

Он повернулся и быстро пошел к выходу.

Из дальнего угла таращилась полненькая пожилая смотрительница.

* * *

Славка молчал и смотрел, как побитая собачонка.

На кухне возились мама и Саня, жена Тимура. За стеной плакала Яна, новорожденная Лидкина племянница. Она всегда плачет. Днем и ночью. Как они только выдерживают?!

Славка впервые пришел к Лидке в гости. Впрочем, «в гости» — сильно сказано. Где же стол, чай, торт, интеллектуальная беседа? Где вежливое любопытство родственников?

Любопытства не было, была оценка. Этот? Ах, тот самый Слава Зарудный? Ничего, подойдет...

По счастью, Лидка еще сохранила за собой право на отдельную комнату. Ее счастье; Славке повезло меньше, именно потому Лидка рискнула привести его сюда — мимо скамейки с молодыми любопытными мамашами, от которых ничто-ничто не может укрыться. Ладно, пусть болтают.

Проведя Славку в свою комнату и заперев дверь, Лидка без объяснений развернула перед ним распечатку с текстом несказанной речи. И пока Славка читал, шевеля губами, — сидела на подоконнике и ждала, болтая ногой, глядя в небо.

И вот теперь Славка молчал — и смотрел, как побитая собачонка.

— Понял? — спросила Лидка сухо.

— Надо сказать... — пробормотал Славка неуверенно.

— Кому? — Лидка усмехнулась. — Кому надо, тот знает. Суета, обыски-шмобыски... Все выспрашивали: а мог ли говорить? А что сказал? А не назвал ли своих убийц?

Славка втянул голову в плечи. Лидке стало стыдно.

— Я и раньше догадывался... — сказал Славка бесцветно. — Мама говорила... что мы попадаем в «контингент». Только после всего *этого*... с отцом... эвакуироваться все равно пришлось... на общих основаниях.

Лидка оскалилась:

— А представляешь, что было бы, если бы он успел *сказать*? Накануне апокалипсиса? Что было бы?

Славка вымученно улыбнулся:

— Отменили бы «условленное время». Заставили бы. Заварушка...

— «Контингент» его и заказал, — сказала Лидка медленно. Как приговор произнесла.

Славка закусил губу:

— «Контингент» большой. Ты знаешь кто?..

— Узнаю, — сказала Лидка глухо.

В прихожей задребезжал звонок. Прошлепали тапочки по тесному коридору; через несколько секунд в дверь комнаты постучалась мама:

— Лид, тебя Света спрашивает...

Лидка на мгновение прикрыла глаза. Даже раздражения не было; Светка с четвертого этажа сияла, лицо у нее было красно-розовое, как тельце свиньи-копилки.

— Лид, тут такое дело... Коляски по разнарядке, новые, «троечки», зимняя, летняя, с люлькой. Я о тебе вспомнила, понадобится ведь, а неизвестно, найдешь ли потом такое чудо. И недорого совсем. Возьмешь, Лид?

Лидка смогла даже выдавить улыбку:

— Спасибо, Свет. Пока не надо. Суеверия.

— А-а-а. — На Светкином лице возникла тень понимания. — Ну понятно, только сейчас не до жиру ведь, обычно все хватают, пока есть, а то потом все ведь нарожают — днем с огнем не найдешь приличной коляски... Ладно, Лид, ты заходи, если что...

— Ага, — сказала Лидка. — Спасибо.

Славка ждал ее. Вертел пальцем бобину старого, давно не работающего магнитофона. Отец давно порывался выбросить «этот хлам», но Лидка не давала из непонятного упрямства. Будто мертвый магнитофон связывал ее с прежней жизнью, которая была, конечно, не сахар, но вот вспоминается как рай; тогда отец ворчал, что, мол, припечет, будешь искать, куда кроватку поставить, вот тогда и выбросишь, никуда не денешься...

Лидка села на пол. Прислонилась спиной к старому дивану:

— Я, Слав, *узнаю*, кто его заказал. Жизнь на это положу, но узнаю.

Славка поднял глаза:

— А откуда у тебя эта бумага?

— Нашла. — Лидке полагалось бы смутиться, но вот беда, она не чувствовала за собой вины. Ни капельки; наоборот — теперь она ощущала смутное раздражение от того, что Славка, родной сын убитого депутата Зарудного, не спешит резать руку и кровью подписывать обещание о скорой мести. Не клянется, сузив глаза: и я жизнь положу, но помогу тебе узнать имя убийцы...

Славка поймал ее взгляд. Потупился, вздохнул, оставил магнитофон и сел рядом, так что Лидка ощутила тепло его плеча.

— Лид... Мне отец рассказывал... Еще до всего. Что-то вроде притчи, но мне кажется, что он сам ее и придумал. О том, для чего даны человечеству Ворота.

Лидка молчала.

— Он говорил... что апокалипсис — не испытание. Что это намордник, надетый на человечество. А Ворота...

В дверь забарабанили с новой силой:

— Лида! Лида! Открой!

Славка вздрогнул.

— В чем дело? — спросила Лидка неприятным голосом.

— Лида... — Жена Тимура Саня прежде никогда не посягала на Лидкину территориальную независимость. — У твоей мамы уже воды отходят, а схваток нет! Тимур на работе, отец на работе... Надо машину ловить, слышишь, и везти ее поскорее, потому что это очень опасно, надо скорее...

Лидка трясущимися руками скинула с двери крючок.

Мама надевала туфли. Очень бледная. Сосредоточенная.

* * *

«Апокалипсис — намордник, поводок, надетый на человечество. Кольцо, не дающее нам расти дальше, сковывающее то, что мы привыкли называть прогрессом. Оставшись в живых, мы радостно принимаемся воспроизводить себя во всех отношениях... Восстанавливать разрушенное. Восстанавливать численность популяции. Все наши силы направлены на то, чтобы обновиться и выжить в новом катаклизме. Мы не можем позволить себе ни одного мало-мальски пристойного космического полета, хотя технические наработки существуют уже много циклов. Мы почти не пользуемся ядерной энергией, хотя эксплуатация атомных электростанций здорово облегчила бы нам жизнь. Но натягивается поводок апокалипсиса — и попытки создать ядерное оружие приводят к гибели целых стран, целых регионов... Даже обычные боеприпасы — будучи помещенными в спецукрытия! — во время апокалипсиса самоуничтожаются в пятидесяти случаях из ста. Апокалипсис — жесткое условие, ограничение, и нам не узнать, кем оно установлено. Может быть, никогда не узнать... Но что такое Ворота?

Ворота — это шанс. Это как прощение, как бы поощрение, как бы дорога в жизнь. И любой школьник скажет — Ворота непознаваемы, во всяком случае, на нынешнем уровне нашего развития...

Но наш уровень обречен оставаться таким до скончания веков!

Мы вертимся, как белки в колесе, от цикла к циклу, и кажется, нет выхода. Но, может быть, если апокалипсис — это колесо для белки, то Ворота — нечто большее, чем просто спасательный круг?

Если Апокалипсис — не испытание, то, может быть, Ворота — это и есть тест? Лабиринт для крысы?

Нас много, но и Ворот много. Я готов с цифрами в руках доказать: Ворота возникают с расчетом на то, что живущие люди пройдут в них ВСЕ. Если не будут терять ни секунды. Если никто ни на мгновение не задержится, чтобы отпихнуть с дороги соседа...

Но возможно ли это?

Страх смерти, материализовавшийся в нависших над головами огненных облаках. Землетрясения, от которых земля трескается, как перепеченный пирог... Теряя голову на подступах к Воротам, сумеют ли люди остаться собой настолько, чтобы проше-

ствовать в спасительное Никуда в мире и порядке, спокойно, как на прогулке?

Списки погибших во время эвакуации публикуются в начале каждого нового цикла. Каждый из них был затоптан тобой, читающим сейчас эти строки. Потому что ты выжил. Они — нет.

Зачем поставлены Ворота?

И что будет, если в один прекрасный день человечество пройдет в них с гордо поднятой головой, не медля, но и не торопясь, спеша поддержать любого, кто случайно оступится? Что будет, если это, несбыточное, однажды случится?

Возможно, именно тогда цикл завершится, и намордник будет снят. Канут в прошлое чудовищные в своей регулярности землетрясения, и неизвестные астрономам кометы перестанут появляться из ниоткуда. И дальфины станут выводить своих личинок далеко от берега... Впрочем, что нам какие-то глефы в отрыве от собственно апокалипсиса?

И человечество будет наконец развиваться. Развиваться, а не ходить по кругу, не раскручивать беличье колесо. Возможно, тот, кто поставил Ворота, сочтет, что *теперь* человечество достойно жизни без поводка...

Нет, не спрашивайте меня, кто поставил Ворота. Я не отвечу. Я не знаю».

(Андрей Зарудный, из неопубликованных статей.)

* * *

Библиотекарша на входе, вероятно, была еще и подслеповата, потому что человек с острым зрением элементарно разгадал бы подвох. Читательский билет был выписан на имя Рысюка Игоря Георгиевича, а Лидка, хоть и в брюках и в мужском плаще, хоть и с подобранными под кепку волосами, на Рысюка походила мало. Даже с учетом невнятной блеклой фотографии.

На то и было рассчитано — на неожиданность. Какая девка решится войти в закрытую библиотеку по пропуску с фотографией мужчины? Только сумасшедшая.

— Сумасшедшая, — морщился Рысюк. Но на авантюру все-таки пошел. Хоть и рисковал, между прочим, многим. Это он-то, студент-отличник, призер и дипломант, всеобщая гордость и надежда, носитель незапятнанного, с иголочки, доброго имени! Для поддержания имиджа он даже женился, Лидка знала, на какой-то глупой телке, затем только, чтобы та рожала ему детей,

потому что дети тоже входят в понятие «имидж». И ведь не побоялся скандала, и даже заказал книги по Лидкиному списку...

Она прошла в гардероб и тихонечко, незаметно разделась, превратившись из странного юноши в обыкновенную девушку. Вошла в зал, стараясь не суетиться, не привлекать внимания. Первая часть плана прошла гладко — теперь предстояла вторая. И, разумеется, возможны еще неожиданности, вроде проверки читательских билетов прямо на рабочих местах...

Перед окошком выдачи книг имелась небольшая, но очередь. Лидка смотрела в потолок — новое здание выстроено было в авангардной манере, от всех этих круглых окошек и уходящих ввысь колодцев у Лидки закружилась голова. Постоянно приходилось облизывать губы; казалось, все вокруг только на Лидку и смотрят, и вот-вот на плечо опустится тяжелая рука...

В окошке обнаружилась обыкновенная девушка, правда, в синей форме и с погонами.

— Вот, — Лидка протянула ей читательский. — Это мой приятель заказал позавчера.

Девушка чуть заметно удивилась:

— А почему он сам не пришел?

— Занят, — Лидка заискивающе улыбнулась.

— А где ваш читательский? — девушка уставилась Лидке в лицо.

Лидка пожала плечами:

— Так на мой билет ничего не заказано! Я не могла позавчера, попросила приятеля, и он...

— Нельзя ли побыстрее? — раздраженно спросили из-за спины. Девушка в погонах вздохнула. Пробежала глазами рысюковский заказ, хмыкнула, отошла; Лидке показалось, что она пошла за дежурным милиционером и что лучше всего сейчас — сгинуть. Бегом вниз, в гардероб... Да, но это означает грубо подставить Рысюка, ведь рысюковский билет останется здесь!

Сложнее всего было делать равнодушный вид. И не оглядываться на того, кто так удачно попросил библиотекаршу поторопиться.

Наконец девушка в погонах вернулась — одна и с пачкой книг, и, глядя, как она идет по коридору между двумя высокими стеллажами, Лидка поняла, что форменный пиджак (или это френч?) слегка выдается спереди. Пятый месяц, не иначе...

Девушка, то есть женщина, без единого слова передала Лидке книги и рысюковский билет, и Лидка тупо подумала, что бере-

менным волноваться нельзя. Ну зачем ей эта возня с проверкой билета, с вызовом милиционера, со скандалом...

— Спасибо, — сказала Лидка, хотя молодая библиотекарша уже ее не слышала.

В зале было не так чтобы людно, но и совсем не пусто. Лидка поколебалась; ни одно место не казалось ей достаточно неприметным. Как ни сядешь, отовсюду тебя видать.

— Простите...

Ее толкнули почти одновременно с извинениями. Причем толкнули ловко — под локоть, так, что стопка книг разъехалась, и сразу три тонких тома шлепнулись на пол.

— Ох, незадача, извините, пожалуйста...

Она автоматически наклонилась, чтобы подобрать упавшее, и едва не столкнулась головой с тем, кто сперва так неудачно толкнул ее, а теперь собирался помочь.

Он был немолод. Он был тучен, но уже не так толст, как во время их последней встречи. Два года и один апокалипсис назад. «Иди, девочка, учись хорошо, Андрей Игоревич был бы доволен...»

Лидка побледнела так, что лицо стало твердым, будто деревянная маска.

— Лида! — суетливо сказал гэошник. — А я сперва не узнал вас — гляжу, что-то знакомое...

Он подобрал книги, смахнул гипотетическую пыль, как бы невзначай просмотрел названия.

— Ого... Вы всерьез решили заняться новейшей историей? Наверное, в университете? Оно и правильно, вы человек молодой, два курса успеете отучиться, прежде чем рожать, а потом академка — и снова за книжки... если есть кому с малышом сидеть. Есть ведь, а?

Он говорил, а глаза-буравчики делали свое дело. Может быть, просто по привычке, независимо от воли хозяина. Наловчились за долгую жизнь буравить — вот и буравят все, что движется.

— Есть, — сказала Лидка.

В конце концов, все это могло оказаться случайностью, совпадением. Мало ли что может понадобиться высокопоставленному гэошнику в закрытой исторической библиотеке. Увидел знакомую девушку — и завел разговор, у них-то зрительная память ого-го какая...

Да, но зачем понадобилось толкать? Неужели такой неуклюжий?

И не этот ли голос, кстати, спросил из очереди: «Нельзя ли

побыстрее?» — когда библиотекарша поинтересовалась насчет Лидкиного читательского?

— Спасибо, — сказала она, принимая галантно поданные книги. — Мне работать очень надо. Курсовая, — добавила она неизвестно зачем.

— А на чьем вы курсе, Лида?

— На первом, — сказала она первое, что пришло в голову.

— Ну, понятно... А кто руководитель?

Лидка молчала, глядя гэошнику в глаза, тяжело глядя, укоризненно, будто спрашивая: мало ты из меня душу мотал? Тебе какое дело? Что пристал, надзиратель, шпион?

— Лида, — сказал толстяк неожиданно мягко. — Я не хотел вам мешать, честное слово. И пугать вас тоже...

— С чего бы мне бояться? — сказала она как можно суше.

— Лида, можно с вами поговорить?

— О чем? — Она плотнее прижала книжки к груди.

Лицо толстяка сделалось печальным, как тогда, в кабинете:

— О наследии Андрея Игоревича. О тексте, который вы нашли. И еще о том, почему вы ходите в закрытую библиотеку по чужому читательскому билету.

* * *

— А зачем тогда служба страхования? Зачем? Вот представь, девочка, что все мы возвращаемся, выходим из Ворот — и никакой власти нет. Ни милиции. Ни страховой инспекции. Ни Президента, ни этого склочного парламента... Кто-то погиб, кто-то остался. Пока пройдет перекличка, регистрация, новые выборы — знаешь, что будет? Ничего не будет. Все, что уцелело после апокалипсиса, будет разодрано, растащено, отбито у законных владельцев по единственному праву — праву сильного. Вместо того чтобы строить дома и нянчить детей, людям придется воевать с подонками за место под солнцем... как в пещерах! Мы и скатимся к пещерам, к каменному веку, были в истории страны, которых теперь нет — именно потому, что они не имели твердой власти после апокалипсиса!

Лидка сидела на мокрой садовой скамейке. По всему парку курсировали мамаши с колясками, то здесь, то там взвякивал младенец; интересно, а как выглядят со стороны молодая женщина и пожилой толстяк, на нем ведь не написано, что он гэошник, так, просто добрый дядя Николай Иванович...

— Ты думаешь, только сытые чиновники уходят в «условлен-

ное время»? Нет. Целая группа разных людей — тех, чья деятельность будет жизненно необходима в первые дни после апокалипсиса. И чиновники в том числе. Все страны придерживаются такого протокола — в той или иной мере, но придерживаются!

Николай Иванович замолчал. Рядом с ним на темную скамейку смачно шлепнулся комочек птичьего помета. Ну надо же, чуть-чуть птичка промахнулась.

— А зачем врать? — спросила Лидка тихо.

Николай Иванович устало улыбнулся:

— Да, врать нехорошо. Но люди так устроены. Они не могут пережить превосходство другого — ни в чем. Превосходство, а особенно привилегию. Представь, вот стоят Ворота, в них ломится толпа — и некто с мегафоном просит подождать, пропустить вот этого врача, вот этого судью, вот этого чиновника, потому что они *нужны* сразу же после апокалипсиса, нужны живыми и, так сказать, в комплекте... И что тебе ответит ломящаяся масса? Можешь себе представить?

— Ложь во спасение? — все так же тихо спросила Лидка. — И смерть во спасение?

Николай Иванович вздохнул. Открыл портфель, вытащил пачку сигарет и круглую пластмассовую коробочку из-под растворимого аспирина.

— Я очень долго знал Андрея... Он был едва ли не единственным моим другом.

Лидка смотрела, как он прикуривает, потом прячет зажигалку, аккуратно снимает крышку с коробочки из-под «упсы».

— Я дружил с Андреем... веришь?

Лидка усмехнулась:

— *Потом* у него обнаружилось так много друзей...

Николай Иванович аккуратно стряхнул пепел в круглую коробочку. Высокопоставленный, по-видимому, чиновник, он не стеснялся такой жалкой некрасивой вещи, как пепельница из пустой аптечной упаковки; наверное, Лидкино недоумение отразилось у нее на лице.

— Талисман, — коротко объяснил Николай Иванович, осторожно устанавливая «упсу» на скамейке.

Курил он тоже некрасиво. Торопливо, мелкими затяжками, и даже сигарету держал брезгливо, будто клопа.

— Ты, Лида, веришь или не веришь... Я тогда не спал сутками. Вся наша служба стояла на ушах... Знаешь, сколько версий мы отработали?!

Лидка вскинула подбородок:

— И что? Утешаться вашими версиями? Сами... небось... в спецконтингенте. Какой вам прок — искать своих же? Нет. Такие могущественные, аж жуть... а тут что крысу задушить, что депутата... убить прямо дома... не на улице, не в подъезде... дома! Под носом у охраны! И ничего. Гуляют. Исполнителей... убрали — и все. И вы не искали! Суетились только! Делали вид...

Она не боялась, что Николай Иванович обидится, сделает официальное лицо и потребует объяснений относительно подложного читательского билета. Потому что из библиотеки они давно вышли; у него нет повода задерживать ее, тащить назад, производить опознание и очную ставку с равнодушной беременной библиотекаршей. А если и потащит — она будет орать что есть силы, хвататься за живот и грозить немедленным выкидышем. И посмотрим, кто первый отступит...

Но толстяк не обиделся. Наоборот, на его лице отразилось нечто, напоминающее сочувствие:

— Я понимаю... Лида, я все понимаю. Тебе сколько, восемнадцать? Все просто...

— Просто, — упрямо кивнула Лидка. — И совершенно ясно, кто его убил. Берешь список спецконтингента, ведешь пальцем...

— Вот именно, — Николай Иванович вздохнул. — Ведешь пальцем... и попадаешь пальцем в небо! Хочешь пасьянс?

Лидка не поняла.

— Пасьянс, сумма версий. Сочетание версий... Вот, например, его могли заказать эти, борцы «за чистоту души» во главе с Бродовским. Могли или нет?

Лидка вспомнила Рысюка. Он, помнится, говорил то же самое.

Правда, Рысюк ничего не знал ни о предстоящей Зарудному речи, ни об «условленном времени».

Или знал?

— ...Во-вторых, его могли заказать свои же коллеги-политики. Ты знаешь, скольким он мешал? По-настоящему мешал? Ты знаешь, что он был совершенно реальным кандидатом в Президенты?

Совсем рядом, в кружевной тени старого тополя, худенькая женщина лет девятнадцати безуспешно боролась с капризами здоровенного карапуза в полосатой коляске. Карапуз уже пытался сидеть. Елки-палки, когда только люди успевают?!

Лидка подняла глаза:

— В Президенты? Правда?

— Ну разумеется! А нынешний Президент, между прочим,

совсем не прочь остаться на следующий срок. И теперь, скорее всего, останется... Нет, я ничего *такого* не хочу сказать. Просто... это во-вторых. В-третьих, ты знаешь, что он был соучредителем семи крупных фирм?

Лидка невольно разинула рот:

— Андрей Игоревич?

— Представь себе. Ты знаешь, что такое конкуренция, финансовые махинации, не возвращенные в срок кредиты? Ты слышала такие слова, хотя бы по телевизору? То, что выглядит как политическое убийство, вполне может иметь совершенно иную подоплеку. Понимаешь?

Лидка хлопала глазами, как первоклассник у доски. Догадывалась, что выглядит глупо, но ничего не могла поделать.

— Дальше... в-четвертых. Или уже в-пятых? Из квартиры Зарудного пропала крупная сумма денег. Вполне может быть, что нападавшие были просто бандитами. Скажем, пришли трое, взяли меньше, чем рассчитывали, да еще и сработали грязно, оставили труп... Два трупа, если считать консьержа, который так и не пришел в сознание. Потом стали делить, один убил двух подельщиков и тела утопил в заливе...

— Неубедительно, — выдавила Лидка.

Николай Иванович пожал плечами:

— А правильная версия необязательно самая убедительная. Кстати, у Зарудного была коллекция марок, доставшаяся ему от деда, за эту коллекцию некоторые фанатики давали целое состояние, но он уперся, не хотел продавать. Что, ты впервые слышишь про марки? А коллекцию так и не нашли. Одна марка из этой коллекции выплыла случайно, в первые месяцы после апокалипсиса, когда отследить ее путь было практически невозможно. Вот так... Это у нас в-которых? Дальше. Популярный лозунг: «Кровососы убили Зарудного». Знаешь, кого принято в определенных кругах называть кровососами? Нефтепромышленники, финансисты... Андрей пробивал в парламенте разные весьма рискованные законопроекты. Реформатор, елки-палки, а кто их любит... Ты поскучнела? А ведь есть еще женщина, была, вернее. Очень богатая, сумасбродная, несколько лет назад у Зарудного были проблемы с этой дамой... Судя по всему, она его добивалась, а он не проявил достаточной твердости. Что, ты возмутилась? Ты покраснела? Детям такого не говорят, но дети, Лида, остались в прошлом цикле, а теперь все взрослые, кроме тех, что в колясках... Эта дама покончила с собой вскоре после убийства. А незадолго до этого продала небольшой дом в пригороде, причем деньги девались неизвестно куда. На заказ бы хватило, будь спокойна. Заказала, а потом повесилась от тоски. Как в сериале. Невероятно? Но кто знает...

Лидка сидела, втянув голову в плечи. Как будто сверху положили мешок с трухой, да еще и придавили, чтобы не свалился.

Резкий порыв ветра сбросил со скамейки коробочку из-под «упсы». Николай Иванович не поленился наклониться, поднял свое сокровище, аккуратно вытряхнул на газон остатки пепла.

— Еще скажите, что в его смерти были заинтересованы инопланетяне, — сказала Лидка сквозь зубы.

Николай Иванович осторожно потрогал переносицу.

— А кто его знает. Учитывая, что стреляли совершенно бесшумно, за несколько секунд успели перетрясти всю квартиру, и в то же самое время у двух соседок, сверху и напротив, одновременно случился сердечный приступ...

— Да? — пробормотала Лидка.

— Я не оправдываюсь... Я просто объясняю тебе, почему то, что кажется простым в семнадцать, на поверку оказывается вовсе не таким примитивным... Извини. Хочешь, я помогу тебе оформить читательский? Чтобы больше не мучиться так?

— А вы можете? — спросила она тупо.

Незнакомой болью ломило затылок.

* * *

За последние недели мама исхудала, и худоба была ей не к лицу. Прежде миловидную женщину портили заострившиеся скулы и ввалившиеся щеки; роды прошли тяжело, мальчик оказался большим и беспокойным, часто плакал, дикими порциями сосал молоко и все равно был вечно голодный.

— Лида... Слава звонил несколько раз. Что-то у них случилось...

Упало сердце. Этого еще не хватало.

В бывшей квартире Зарудных долго никто не брал трубку. А ведь телефон стоял в общем коридоре, и кто-нибудь из подселенных мамаш обычно околачивался рядом, на кухне или в ванной.

Наконец к телефону подошел Славка.

— Привет... наконец-то, Лидка! Слушай, у нас тут такое...

Он ни капельки не был удручен. Он был весел, взвинчен, в эйфории.

— Лидка... Нам вернули квартиру!

— Что? — Ей показалось, что она ослышалась.

— Нам возвращают квартиру! Всю! Завтра отселяют всех... чужих. Другие комнаты им дают. Лидка...

Славка замолчал, пытаясь овладеть голосом. Чтобы не всхлипнуть прямо в трубку.

— Лидка, — он перешел на шепот, — тут будет... мемориальная квартира... отца. Повесят доску на доме... бронзовую. Лидка... приезжай.

Ей не хотелось верить, что Славка сошел с ума. Да и с чего бы?

— Ма... я вернусь часа через два.

Мама отвела глаза:

— А я рассчитывала... что ты посидишь с Пашей, пока я посплю.

Лидка часто задышала, переживая укол совести.

— Мам... у Зарудных... ну не могу я. Скоро приду, ты поспишь... обещаю тебе!

И убежала — поскорее, чтобы не передумать.

* * *

Всю ночь ей снился один сон — она просыпалась, бездумно улыбалась в темный потолок, переворачивалась на другой бок, и сон продолжался снова. Это было немыслимо, такого никогда не случалось прежде, но сон читался, как книга, стучали часы, на кухне зажигался и гаснул желтый свет, по очереди просыпались и вякали младенцы, а сон продолжался — строго с того места, на котором его прервало очередное Лидкино пробуждение.

Лидке снился депутат Зарудный. Андрей. Прямо посреди парка стояла Лидкина кровать, и Лидка валялась в постели, ничуть не смущаясь прохожих. Андрей сидел рядом, на краешке одеяла, держал Лидку за руку и рассказывал что-то интересное, важное, но только — вот беда! — совершенно не поддающееся запоминанию. Проснувшись, Лидка не могла восстановить ни слова, она помнила только ощущение — радость и гордость оттого, что Андрей настолько ей доверяет.

Потом он погладил ее по голове. Она села на кровати, и он обнял ее, как тогда — в зоопарке. И она заплакала одновременно во сне и наяву — понимала, что он скоро уйдет, и очень хотела, чтобы он оставался подольше.

Снова завякал младенец. Обиженным басом — стало быть, это Яна, шестимесячная Лидкина племянница, которая до сих пор не умеет проспать подряд хотя бы шесть часов. На кухне зажегся свет, в коридоре зажегся свет, прошлепали тапки Тимура, ну когда же это кончится...

Лидка поднялась. Подошла к письменному столу, сдвинула книжки на угол стола. Андрей смотрел тепло и спокойно, как живой, вот разве что не прищурил глаза, когда в лицо ему ударил луч от настольной лампы.

— Ты здесь?

Она впервые обратилась к нему на «ты». Он не обиделся.

Лидка зажмурилась и легла щекой на прохладное оргстекло.

* * *

Скамеечка была складная, хлипкая и достаточно высокая, Славке приходилось балансировать; встав на скамеечку, он неторопливо и тщательно протирал специальной тряпочкой мемориальную доску — чеканный профиль Андрея Игоревича, букет поникших бронзовых гвоздик и надпись о том, что в этом доме с такого-то по такой-то год жил выдающийся ученый, политический и общественный деятель А. И. Зарудный.

Лидка стояла рядом и ждала.

Наконец Славка закончил. Тряпочка стала рыжей; барельеф, казалось, не изменился — отливала медью правая скула депутата Зарудного, ухо и прядь волос. Строго темнели буквы.

...Спустя неделю после появления здесь доски кто-то облил ее краской — ночью, тайком, отомстив невесть за что бронзовому уже депутату. Вызвали милицию; разумеется, осквернителя не нашли. Славка сам отмывал барельеф олифой и ацетоном, сжав зубы так, что хруст стоял, казалось, на весь двор. А Лидка тогда вспомнила Николая Ивановича с его пластмассовой коробочкой из-под аспирина и «пасьянсом» из немыслимых, в том числе и откровенно глупых версий.

Кстати, Николай Иванович появлялся несколько раз. Пил чай в обновленной гостиной; Клавдия Васильевна угощала его коньяком, пережившим апокалипсис, и многословно, длинно вспоминала мужа. Лидка знала об этом со слов Славки — сама она не встречалась с толстым гэошником с того самого дня, как в регистратуре специальной исторической библиотеки ей выдали новенький, запаянный в пластик читательский билет.

— Дмитрий Александрович звонил, — сказал Славка, неуклюже спрыгивая со стульчика. — Осенью будет конференция, посвященная отцу...

Имя депутата Дмитрия Александровича Верверова было те-

перь на слуху; впервые услышав это имя от Славки, Лидка с удивлением припомнила, что давно еще, до апокалипсиса, читала об этом человеке на страницах «Парламентских вестников» и запомнила его благодаря звучной, малость смешной фамилии.

Дмитрий Александрович и был тем человеком, которому Зарудные были обязаны и квартирой, и мемориальной доской, и еще много чем. Это его стараниями имя Андрея Зарудного извлечено было из-под обломков минувшего апокалипсиса, извлечено и поднято на щит. Это благодаря ему изданы были три тома зарудновских научных работ — это в начале-то цикла, когда издательства печатают в основном аптечные сигнатурки! Это благодаря ему Славка сбросил наконец депрессию и готовится в универ — и поступит совершенно точно, мог бы и не корпеть над книжками...

— Слышишь, Лидка? Осенью конференция...

Она тряхнула головой:

— Ага. Замечательно.

Бронзовый Андрей Игоревич смотрел мимо — куда-то вдаль, в глубь двора, где пестрели многочисленные коляски, такие уже привычные, что Лидка почти перестала их замечать.

— У меня к тебе дело, — сказал Славка, глядя в асфальт. От звука его голоса Лидка встрепенулась:

— Что случилось?

— Обожди. — Славка повел плечами, будто от холода. — Я занесу скамейку и спущусь.

— Что, такое дело, что в доме говорить нельзя? — Лидка усмехнулась.

— Обожди, говорю...

— Да я в туалет хочу зайти, — сказала Лидка. — Можно?

В последнее время она всячески воспитывала в себе бесцеремонность.

Клавдия Васильевна была дома. Глядя на оплывшую женщину в домашнем халате, Лидка привычно отмечала и раннюю полноту, и седину, и преждевременные глубокие морщины. Был бы жив Андрей Игоревич, посмотрел бы на «ромашку свою ненаглядную»! Неужели так трудно держать себя в руках?!

Был бы жив Андрей Игоревич...

Лидка вошла в ванную. Тщательно намыливая руки, посмотрела на себя в зеркало. Тонкая, даже тощая, темноволосая и белокожая девушка с острым блеском в красивых, малость воспаленных от недосыпа глазах. Отдаленно напоминает ту рохлю, что

когда-то бродила с Андреем Игоревичем по опустевшему зоопарку...

Лидка вздохнула. Закрыла кран, вышла из ванной; на кухне Славка вполголоса бранился с матерью, заслышав Лидкины шаги, выскочил ей навстречу:

— Лид, спускайся, я сейчас приду. Обожди...

И здесь проблемы, подумала Лидка.

У подъезда на клумбе обретались голубые, слабо пахнущие цветы. Ожидая, Лидка периодически подходила к ним, чтобы понюхать, и всякий раз так энергично втягивала воздух, что тоненькие лепестки забирались к ней в ноздри.

Славка вышел минут через десять:

— Идем...

В молчании они прошли в глубь двора — здесь обнаружилась дырка в заборе. Славка бестрепетно протиснулся между прутьев и Лидку заставил пролезть; они миновали еще один двор и оказались на старой детской площадке. Когда-то здесь резвился, наверное, и сам Зарудный-младший, во всяком случае, он точно знал, куда привести Лидку — деревянный павильон был достаточно открытым, чтобы не выполнять роль сортира, и достаточно уединенным, чтобы в нем можно было разговаривать в отсутствие гуляющих мам.

Славка вытащил из кармана сложенную вчетверо газету. Расстелил на низенькой скамейке, усадил Лидку, сам присел напротив.

— В общем, так... у меня родился ребенок.

Лидка прислушалась к себе. Ничего, кроме вежливого удивления.

— Да? — спросила она, потому что Славка ждал от нее реакции.

— Да! — сообщил он с некоторым вызовом. — И, возможно, будет еще.

— Сколько? — спросила Лидка, будто речь шла о билетах в кино.

Славка нахохлился:

— Двое! Ну и что?!

— Близнецы? — спросила Лидка благожелательно. — Двойня?

— От разных матерей, — сообщил Славка сквозь зубы.

Лидка удивилась по-настоящему. Славка смотрел, не отводя взгляда.

— Слав... чего ты ждешь?

Он вскинулся:

— А тебе все равно? Да?! Фригида ты, я давно знал...

Лидка молчала. Она не была уверена, что точно понимает смысл слова «фригида». Звучит паскудно, но следует ли оскорбляться?

Славка замолчал тоже. У самого входа в павильончик купался в пыли воробей.

Вчера она имела разговор с мамой. То есть намеки, недомолвки, вскользь оброненные слова были и раньше, но именно вчера случился настоящий, плотный, как картонка, разговор.

«Тебе пора думать о ребенке», — сказала мама, убедившись, что намеки на Лидку не действуют. Лидка попробовала промолчать, но мама в тот день наконец-то выспалась, хорошо отдохнула и была настроена решительно. «Тебе пора думать о ребенке, хотя бы об одном. Ты сама еще малышка, я все понимаю, Лида, но цикл не станет ждать... Ты же помнишь, как неудобно быть последней, самой младшей, не надо рисковать, прошу тебя...»

— А как ты собираешься жениться сразу на двух? — спросила Лидка осторожно.

— Дура, — сказал он без всякого выражения.

Лидка вздохнула:

— Ладно, дура... Мне ведь плевать на тебя, Слав. И всегда было плевать. Твой отец — вот это человек был. А ты... в хоккей играешь хорошо. В настольный. И бываешь похож на Андрея Игоревича... когда молчишь.

Славка сцепил пальцы. Сжал так, что суставы побелели, посмотрел на Лидку, будто впервые ее увидев.

Лидка улыбнулась:

— Да. Ну и что?

Славка сглотнул слюну. Дернулась тощая шея. Лидка ждала, что он встанет и уйдет, но минуты шли, Славка сидел. От сырых досок павильона пахло грибами-поганками.

— В Апрельском парке, возле набережной, — сказал Славка глухо, — там, где памятник Героям-подводникам... там такая тусовка. Собираются девчонки, которым замуж неохота, а ребенка завести надо, потому что цикл... Они специально там собираются, понимаешь? И парни туда приходят... которым... короче, жениться неохота. Я туда пошел... потому что я с тобой даже заговорить боялся! Даже... — Он махнул рукой, и в этом жесте обнаружилось столько отчаяния, что Лидка невольно задумалась. Та некрасивая история в музее, случившаяся целую жизнь тому назад, — та история не могла пройти для Славки бесследно. Это она, Лидка, без оглядки поверила Андрею Игоревичу и выкинула

все это из памяти. А Славка... наверное, у мальчиков какие-то другие механизмы включаются, Лидкой не постижимые. Он-то, по всей видимости, того случая не забыл.

— Короче говоря, — Славка втянул голову в плечи, — нашел я там девчонок, подружек... У одной комната в коммуналке. И теперь одна родила... вторая собирается... и третья под вопросом. Вот так. И хорошо, что тебя это ни капельки не трогает, — значит, нет проблемы...

— А потом? — спросила Лидка тихо.

— А потом каждая из них встретит своего прекрасного принца, — Славка сузил глаза, — и выйдет за него замуж! А ребенок уже будет, так что с выбором принцевой кандидатуры можно не торопиться. А то бывает — принцесса прождет весь детородный цикл, а когда дождется — поезд ушел, сиди бездетной до сорока лет... А какая же дура в сорок лет впервые рожает?!

Лидка закусила губу.

«Ты понимаешь, что пропустить момент сейчас — остаться почти наверняка бездетной? На всю жизнь? Потому что первый ребенок в тридцать семь лет — это риск, Лида, особенно если учесть, что делается в больницах первые годы после апокалипсиса...» — «Но я хочу поступить в универ», — сказала Лидка, по ходу реплики уже зная, что совершает ошибку. Мама насупилась, на бледных щеках выступили красные пятна. «Ты просто даешь волю своему эгоизму! Поступить куда угодно ты сможешь и через пару лет, а вот родить через пару лет ты уже не родишь, потому что детородному периоду плевать на твои амбиции... Неужели мы с отцом ухитрились вырастить такую безответственную, инфантильную, эгоистичную особу?»

Лидка обалдела от такого шквала обвинений — а мама, видя ее замешательство, изменила тактику: «Ты видела, во что превращаются женщины, упустившие время? Неужели ты хочешь сделаться таким же склочным, обозленным на весь мир синим чулком? Неужели тебе самой не хочется... чтобы рядом был надежный, сильный мужчина? Чтобы на руках у тебя было родное, маленькое, теплое существо? Неужели, а?»

Тогда Лидка едва сдержалась, чтобы не заплакать.

Надежный, сильный, бесконечно любимый мужчина смотрел из-под оргстекла на Лидкином рабочем столе. И сны донимали — Лидка все плотнее обнимала подушку, ей снились чужие теплые руки, пробирающиеся под ночную рубашку. А днем она шла в библиотеку, привычно выдвигала из гнезда сперва длинный ящичек с буквами «За», а потом принималась за остальные

ящики в каталоге, перебирала картонные карточки, сверяясь с длинным списком ссылок — и мысленно благодарила лицейских грымз за силком привитые навыки работы с источниками. Среди посетителей библиотеки она была едва ли не единственной молодой женщиной. И мама полагала, что все ее никому не нужные самодеятельные изыскания не стоят ни единого писка новорожденного, красного и безмозглого, но такого ценного младенца...

— А что такое «фригида»? — спросила она, глядя на купающегося в пыли воробья.

— Это... — Славка вдруг покраснел, мгновенно, будто прокололи бурдюк с красным вином. — Это я так сказал. От злости.

— От злости, — эхом откликнулась Лидка, а воробьев теперь было уже трое. — А с матерью у тебя по какому поводу... свара?

Славка покраснел еще сильнее, хотя это, казалось, было уже невозможным.

— А тебе какое дело? Ну нет, не знает она... Она мне голову мылит, чтобы женился. Чтобы ребенок вякал в доме, а не...

Он осекся.

Лидка улыбнулась. Сказала с удовольствием, будто прокатывая во рту шоколадную конфету:

— Знаешь... мне бы твои проблемы, Зарудный.

Славка недоверчиво поднял глаза:

— Что?

— Ничего. — Она вздохнула. — Я вот уже неделю не могу заказать одну книжку. «История Ворот», том второй. Твой отец на нее ссылается раз десять. Коллектор на профилактике, выдача книг приостановлена. А мне срочно надо. Вот это проблема, Слава. Не чета твоим беременным девочкам-припевочкам, трахам-бабахам и прочим страстям.

Славка разинул рот. Опомнился — и поспешно закрыл.

— Это... ТЫ?

— Вот что, Зарудный, — она жестко посмотрела ему в глаза. — За-руд-ный... Красивая фамилия. Так вот, я решила не рожать детей, Слава. У меня есть дело поважнее.

Славка смотрел. Круглые глаза его были теперь не столько удивленными, сколько испуганными, будто двенадцатилетний дружок только что признался ему, что намерен подложить пистоны под учительский стол.

— Да, Зарудный, есть такое дело. Дело, за которое умер твой отец... И ты мне поможешь, Слава. Я выйду за тебя замуж.

Он нервно сглотнул слюну.

— Тебе ведь все равно придется жениться, так? Не на девочке

же припевочке, верно? Ну так женись на мне. Я хочу поступить в универ. Если я буду твоей женой — меня возьмут.

Славка по-детски хлопнул глазами. И сказал неожиданно тихо и жалобно:

— Всем от меня чего-то нужно. Им — дети. Тебе — фамилия...

Она криво улыбнулась:

— От тебя не убудет. Будешь жить, как жил. Водись со своими девчонками, мне-то что. Детей мне не надо. Это джентльменское соглашение, а не супружеский союз, потом, если захочешь, разведемся, понял?

И она по-матерински чмокнула его в лоб.

Хорошо, что помада с ее губ давно уже стерлась.

ГЛАВА 6

«...Так называемое Зеркало Ворот располагается строго между створками, под незначительным углом, — для наглядности Ворота можно представить в виде небрежно застекленной двери, только на месте стекла помещается сердцевина Ворот, объект, который в разное время носил название «портала», «переноса», «среза», «поглотителя» и т. д. По сути дела Зеркало Ворот действительно представляет собой срез реальностей, причем обратная его сторона практически не изучена по сей день! Краткое пребывание внутри Ворот повергает человеческий организм в некое подобие анабиоза — слабеет двигательная активность, резко падает частота сердечных сокращений, артериальное давление, притупляются память, зрение, слух... Все мы, хоть однажды побывавшие за Воротами, восхищаемся мужеством ученых, ухитрившихся и в этих условиях проводить эксперименты на себе; по этому поводу автор рекомендует ознакомиться со следующей литературой: О. Глостер «Биология человека по ту сторону Ворот»; Е. Фейгельсон «Некоторые аспекты биофизических процессов в условиях т. н. разреженной реальности»... и т. д...

...Ворота сейсмостойки, способны выдержать значительные механические нагрузки — тем не менее существуют, по-видимому, факторы, выводящие из строя механизм Зеркала. Нельзя переоценить значение так называемых артефактных Ворот, т. е. Ворот, по каким-либо причинам переставших выполнять свою функцию. (См. Тернов Ю. «Артефактные Ворота»). Ворота с поврежденным Зеркалом похожи на пустую оболочку — каменный

портал продолжает стоять и во время и после апокалипсиса, однако это не более чем архитектурное сооружение, не способное выполнять функцию *перехода*, но позволяющее ученым в спокойной обстановке проводить свои замеры. К сожалению для исследователей (и к счастью для человечества), такие случаи чрезвычайно редки — это знаменитые Критские и Камчатские Ворота, чуть менее известные Ванкуверские, еще три-четыре общеизвестных и с десяток засекреченных объектов. И это за всю историю апокалипсисов!..»

(Андрей Зарудный. «Введение в историю катаклизмов». Собр. соч., т. 2, с. 10—13.)

* * *

Над песочницей возвышалась влажная светло-бежевая куча песка. Малышей было человек десять — в разноцветных курточках и комбинезончиках, большей частью неновых, ушитых и откорректированных английскими булавками, бережно сохраненных мамашами для подходящего случая. Малыши вгрызались в песочную кучу с разных сторон, подобно миниатюрным экскаваторам; совочки и формочки переходили из рук в руки, и время от времени то один, то другой карапуз заводил рев об утраченной игрушке.

Почти все они уже умели ходить — кто более, кто менее твердо. Их братики-сестрички дремали в маминых животах, дожидаясь своего часа; мамы, более-менее пузатые, сидели вокруг песочника с вязаньем, дамскими романами в ярких обложках и нескончаемыми специфичными разговорами.

— ...чернослив. Моя три дня не могла покакать, слива сработала за полчаса...

— ...заостренный кусочек мыла. И пусть посидит на горшке подольше...

— ...побольше фруктов. Но сейчас такая дороговизна...

— ...кальций принимай! Я, когда Ромку носила, совсем почти без волос осталась...

Лидка сухо поздоровалась. Ее, как обычно, проводили взглядами; она, как обычно, не обратила внимания.

Андрей Игоревич Зарудный смотрел, по обыкновению, вдаль. На медную гвоздику уронила белесую каплю нечистоплотная птичка; Лидка поморщилась.

Никого не было дома. Она открыла дверь своим ключом, сняла туфли и прошлепала на кухню, где на небрежно вытертом

столе обнаружилась записка: «Звонил Н. И. Перезвони ему домой».

Почерк был Славкин.

Лидка постояла в задумчивости, шевеля пальцами ног в разноцветных велюровых тапках. Потом пошла в ванную, взяла из хозяйственного шкафчика специальную щетку на длинной ручке и спустилась во двор — ликвидировать птичкино безобразие.

Н. И. действительно звонил время от времени. Н. И. приходил и в гости, Н. И. много хорошего сделал за этот год — и для Славки, и лично для Лидки; тем не менее она так и не смогла привыкнуть к толстому гэошнику. Она не могла отделаться от мысли, что он знает истинных убийц Андрея — и молчит.

И ублажает свою совесть подачками зарудновской родне.

Встав на цыпочки, Лидка счистила с бронзы свежий помет. У самого подъезда восседал на велосипедике толстый мальчик в синем комбинезоне — ноги дитяти уже дотягивались до педалей, но что с ними делать, дитя не догадывалось, и даром его мамаша вертелась вокруг с инструкциями. Завидев Лидку, карапуз разинул рот; Лидка отвернулась.

Дома она тщательно вымыла щетку и только тогда, насухо вытерев руки, села за телефон.

— Добрый день, Николай Иванович. Это говорит Лида Зарудная.

Неподдельная радость на том конце провода.

— Лидочка, давно мы не виделись... Я сегодня говорил со Славой. Знаю про ваши успехи, наслышан... Кажется, Слава немножко обиделся, что я просил тебя перезвонить. Может быть, он ревнует?

Лидка поморщилась, как морщилась совсем недавно при виде птичьего дерьма. Все компоненты глупой шутки были налицо, но Лидка знала, что Николай Иванович вполне догадывается об их со Славкой истинных отношениях, а значит, «шютка» имела и второй, и третий смысл.

— Рада вас слышать, — соврала она.

Толстый гэошник прекрасно улавливал подтексты.

— Да, понимаю, понимаю, догадываюсь... Тем не менее, Лида, у меня есть шанс изменить ваше ко мне отношение.

На «вы» он переходил только в особенных случаях.

— Да? — спросила она по инерции.

— Через полчаса возле станции Лесная, — сказал Николай Иванович уже другим, почти официальным голосом. — Красная

машина с дипломатическим номером. Дело важное и спешное. Хорошо бы взять с собой вашего Славу.

— Его нет дома, — сказала Лидка, изрядно удивленная таким поворотом событий.

— Значит, приезжай одна.

Короткие гудки.

* * *

— ...Речь идет о научной в первую очередь экспедиции. Объект не тронут — его закрыли сразу же после апокалипсиса. Сейсмическая активность в том районе превышала все разумные нормы. — Говоря «разумные», смуглый человек усмехнулся. — Интересующий вас... и нас, разумеется... интересующий нас всех объект находился на участке суши, который теперь погружен на глубину шести метров... Верхний край объекта торчит над водой и разрушается волнами. Медленнее, чем просто кирпичная кладка, однако разрушается.

Смуглый замолчал. Плеснул себе газировки, лихо опрокинул стакан, роняя капли на подготовленный текст доклада; люди в маленьком зале не переглядывались и не переговаривались, как это обычно бывает на заседаниях. По-видимому, они давно уже знали привезенную смуглым новость — его сообщение было в большой степени формальностью.

Некоторых Лидка знала по университету — один декан, пара профессоров, один неприметный человек в штатском. Кое-кто даже узнал ее — благожелательно кивнул, скрывая удивление: место ли здесь студенткам, пусть даже и успевающим?

Сперва она никак не могла побороть ощущение чужой, чуждой, неудобной среды. Но потом, разобравшись, о каком «объекте» идет речь, сразу забыла обо всем, перестала исподтишка разглядывать лица, смотрела только на трибуну — да еще изредка на Николая Ивановича.

Смуглый говорил сквозь зубы, почти без акцента. Маленькая страна, говорил он, не обладает ресурсами для ведения данной программы; маленькая страна озабочена только выживанием собственных детей. Тем не менее артефакт, образовавшийся на территории маленькой страны и принесший столько горя, есть, грубо говоря, научное сокровище, а за всякое сокровище надо платить. Да, говорил смуглый, маленькая страна нашла покупателя и договорилась о цене. Экспедиции будут оказаны поддержка и содействие. А уж наука, гордящаяся именами Тернова и Зарудного, сумеет достойно распорядиться... и так далее.

Лидка потянулась к уху сидящего рядом Николая Ивановича:

— А что... состав экспедиции уже сформировали?

Толстый гэошник улыбнулся.

На трибуну поднялся незнакомый Лидке серолицый, в сером же костюме человек с аккуратной подшивкой разноцветных, преимущественно оранжевых бумаг. Дикция у него была скверная; Лидка прислушалась.

— ...людей молодых, готовых к тяжелой, может быть, опасной работе... имеющих допуск соответствующего уровня. Дерзких, влюбленных в науку, да, именно так, именно такими красивыми словами... Вспомогательный технический состав — пять человек. Научный состав — пять человек... Персоналии будут утверждены отдельно. На этой неделе открывается финансирование. Программа рассчитана на полгода, однако возможны коррективы. Следующее совещание завтра, в это же время. Спасибо, — это смуглому, — все свободны...

Николай Иванович кивнул Лидке:

— Пойдем...

Провел ее сквозь толпу задумчивых людей, среди которых ни один не пренебрегал костюмом и галстуком, и со знанием дела потащил дальше, по коридору, помпезному, с дверями без табличек. Подтолкнул в одну из этих слепых дверей, в узкой, как пенал, приемной обнаружилась секретарша — дама лет шестидесяти, а за ее спиной — полный народа кабинет, неотличимые друг от друга костюмы и галстуки, и среди них тот самый серолицый, и только отсвет оранжевой папки придавал его щекам теплый здоровый оттенок.

— Костя, — сказал Николай Иванович.

Серолицый кивнул:

— Сейчас...

Кольцо костюмов и галстуков вокруг него хоть неохотно, но редело. Наконец последние собеседники были изгнаны в общество секретарши, и Николай Иванович прикрыл за ними двери.

— Костя... Это невестка Андрюши Зарудного. Лида, это Константин Игнатьевич.

Лидка кивнула, как будто имя серолицего о чем-то ей говорило.

— Ради науки женщина... человек отказался иметь детей, — негромко сказал Николай Иванович, и Лидка удивилась, потому что формулировать проблему таким образом никогда не прихо-

дило ей в голову. — Человек посвятил себя проблемам, которые не успел решить в свое время Зарудный... Вместе со Славой, Ярославом Андреевичем Зарудным, своим мужем. Преемственность. Красиво, ты не находишь?

Серолицый посмотрел Лидке в лицо. Почти забытое ощущение — глаза-буравчики, будто на допросе. Елки-палки, да какое отношение он имеет к науке?!

— Припоминаю, — сказал серолицый Костя. — Девочка, кажется, была первой, кто обнаружил... кто нашел тогда Андрея.

Лидка сглотнула.

— Не напоминай, — сказал Николай Иванович тоном обеспокоенного отца.

— Значит, вы вышли замуж за Славика? И у вас до сих пор нету...

Лидка подняла подбородок:

— Я не считаю нужным обсуждать эту тему.

— Это хорошо, — неожиданно заключил Костя, не сводя глаз с ее лица, — вы свободны, мобильны, ничем не отягощены... Кстати, это вы тогда работали с архивами Зарудного... старыми, личными архивами?

— Да, ну и что? — спросила Лидка тоном ниже.

Серолицый Костя кивнул:

— Да, понимаю... да, Николай, ты прав. Человек молодой, решительный... в какой-то степени посвященный. Специалист... будущий специалист. И преемственность. Преемственность... Красиво.

Лидка молчала.

— Лида, — осторожно сказал Николай Иванович, — ты уже поняла, что Константин Игнатьевич формирует состав экспедиции?

Некоторое время она стояла, тупо глядя на оранжевые папки.

Потом улыбнулась так широко и счастливо, что уши, казалось, съедутся на затылке.

* * *

Поругались они накануне отъезда. Лидка была взбудоражена, Клавдия Васильевна казалась печальной и рано ушла спать. Едва за матерью закрылась дверь, Славка подсел к Лидке на диван и сказал, пряча глаза:

— Лид... нехорошо. Завтра ехать... Ну, ты жена мне или не жена?!

Лидкины мысли заняты были совсем другим, а потому она не сразу поняла смысл Славкиной претензии. А поняв, искренне удивилась:

— Тебе что, не хватает девочек из Апрельского парка?

Он отшатнулся.

Он посмотрел так, будто она его ударила. *Так*, что она сочла возможным оправдаться:

— Ну что ты, Слав, мы ведь договаривались... Джентльменское соглашение...

Он поднялся и вышел.

Неизвестно, чем дело закончилось бы в условиях нормальной, привычно текущей жизни. Но наутро предстоял выезд, а Славка был внутренне дисциплинирован и куда меньше готов к демаршам, чем, например, Лидка. А потому утром супруги как ни в чем не бывало попрощались с родственниками и сели в автобус — Лидка у окна, и Славка у окна, за ее спиной. Поля, лесополосы, иногда речушки, иногда сглаженные невысокие холмы...

До места добрались через сутки.

Стоял туман. На контрольно-пропускном пункте всех выгнали из автобуса и долго держали на ветру, пока изучались бумаги, сверялись пропуска на людей, машины и аппаратуру. Солдаты были Лидкиного поколения, все смуглые и черноглазые, офицеры — поколением старше, и среди них был один рыжий, говоривший против ожидания с сильным акцентом.

— Зарудный? — спросил он у Славки. — Родственник?

— Сын, — сказал Славка, но, видимо, бессонная ночь и мрачное настроение убили привычную гордость при произнесении этого слова.

— О-о-о, — сказал офицер с уважением. — Очень.

Славка безучастно кивнул.

— Зарудная? — спросил офицер у Лидки. — Дочка?

— Невестка, — сказала Лидка, ежась от сырого холода.

— Невеста? — не понял офицер и поглядел на Славку.

— Жена, — сказал Славка с кривой усмешкой.

Офицер так ничего и не понял.

* * *

Поселок назывался Рассморт. Когда-то здесь обитало почти две тысячи жителей, промышлявших морем; туристы, летом покрывавшие побережье подобно живому ковру, в Рассморте не уживались. Перебои с водой и электричеством, ни одной при-

личной гостиницы, нищий кемпинг на берегу, романтика для тех, кто равнодушен к комфорту и не огорчается, когда клозетом служат заросли колючих кустов.

Во время апокалипсиса в Рассморте не было ни одного туриста. Не сезон; две тысячи местных жителей привычно бежали от берега, опасаясь нашествия глеф, которых действительно много было в этих водах. Люди не стали дожидаться рекомендаций ГО и на велосипедах рванули в сторону ближайшего райцентра — именно там демографическая карта темнела, обозначая большую плотность населения, именно там следовало ждать появления Ворот.

На полпути беглецов настигла радиосводка. Ворота открылись, как ожидалось, впереди у райцентра, но и в Рассморте открылись небольшие, на самой кромке моря, Ворота.

(К тому времени, подумала Лидка с кривой улыбкой, Ворота стояли открытыми минимум полчаса.)

И тут жители Рассморта разделились. Часть их предпочла продолжать путь, часть решила вернуться, рассудив, что таким образом увеличивает свои шансы на спокойную эвакуацию.

...Прикрыв глаза, Лидка воображала эту гигантскую велоколонну. Поскрипывание старых седел, тяжелое дыхание при подъеме на гору, шорох шин и свист ветра на спусках; ехали, наверное, молча, краем глаза пытаясь удержать в поле видимости отца и сестру, жену, сына...

Над Рассмортом висел вертолет ГО. Очередями отгонял глеф, пока люди пробирались улицами покинутого поселка, который был уже обезображен первыми подземными толчками. Бросали велосипеды, и колеса долго еще крутились в воздухе, люди уходили в Ворота, а колеса крутились, мелькали спицы...

Пилот вертолета был одного с Лидкой поколения. Это был первый его апокалипсис; говорят, парень держался мужественно. Проследил за уходом рассмортцев, доложил на базу, получил распоряжение возвращаться...

После этого связь с вертолетом прервалась. Много позже, после апокалипсиса, среди развалин Рассморта нашли остатки вертолета.

Землетрясение не пощадило берег на протяжении многих километров, но Рассморту досталось особенно сильно. Две колоссальных волны, одна за другой, слизали половину поселка будто языком; земля трескалась, как корка пригоревшего пирога, и в трещины вступало море. Неудивительно, что вертолет не удержался над этим адом — хотя конкретная причина его гибели так и осталась неясной.

Вернувшихся после апокалипсиса жителей ожидала чудовищная картина почти полного разрушения; к несчастью, вернулись не все.

Комиссия ГО явилась в первые же недели нового цикла, одновременно с инспекторами общественного страхования. Регистрация выживших подтвердила, что все они эвакуировались через большие Ворота райцентра.

Из тех, кто повернул тогда на полдороге, не было в живых *никого*. Хотя на региональной базе ГО сохранились донесения о том, что около восьмисот рассмортцев почти без потерь вошли в Малые Ворота на береговой кромке!

Кому-то из комиссии пришла в голову мысль осмотреть изуродованный землетрясением берег.

Ворота нашлись сразу же. Навершие каменного портала едва поднималось над водой, его легко было принять за обломок скалы. Ворота стояли — разумеется, выпотрошенные, без Зеркала. Ворота, принявшие без малого восемь сотен человек. И не отпустившие их обратно.

Шок был чудовищным. У членов комиссии сработала рефлекторная защитная реакция — все засекретить. Остатки населения были эвакуированы из Рассморта под предлогом (и весьма правдоподобным) «фатальных разрушений, несовместимых с дальнейшей эксплуатацией населенного пункта». Где-то там, за много километров от малой родины, эти счастливчики получили новое жилье (в бараках) и страховые выплаты (в зависимости от статуса). Развалины Рассморта были закрыты для доступа, на двух подъездных дорогах поставили по КПП, в самом поселке время от времени появлялись патрули да покачивался на волнах старый сторожевой катер.

Официальная версия случившегося была такова: люди, направлявшиеся к рассмортским Воротам, не добрались до них и погибли во время землетрясения. Их имена были внесены в траурный список пятьдесят третьего апокалипсиса; это была колоссальная потеря, но — «Каждый новый цикл — это новая жизнь». Вот и все.

Лидка стояла на месте, где когда-то была центральная площадь некрасивого и небогатого, но живого и многолюдного поселка. Стояла, кутаясь в ветровку; за спиной газовал автобус. Парень в военной форме жестами указывал водителю, как ловчее

проехать в переулок и не зацепиться бортом за нависающую бетонную балку.

Остальные члены экспедиции стояли рядом, инстинктивно сбившись в плотную группу.

Петр Олегович, формальный руководитель, археолог. Виталий Алексеевич, реальный руководитель, гэошник, для виду прикрывающийся кандидатской диссертацией по кризисной биологии. Щуплый мужчина по имени Саша, ни род занятий, ни функцию которого Лидке до сих пор не удалось выяснить. Валя, интендант. Сергей, техник и сменный водитель. Еще водитель грузовика, кажется, Валера, кто его, кстати, подменял в пути?.. Еще они со Славкой, лаборанты. (По дороге Валя совершенно прямо сказала, что двух лаборантов многовато будет и что Лидку она мобилизует «для технических нужд», то есть «на камбуз»... Впрочем, раз в день им обещали подгонять полевую кухню.)

Автобус наконец-то втиснулся между балкой и развалинами желтой кирпичной стены. Военный удовлетворенно потер руки, пошарил по карманам, достал сигарету, подошел к Славке за огоньком. Славка развел руками.

— На. — Курящая Валя щелкнула зажигалкой.

Военный прикурил. Был он не то сержантом, не то ефрейтором, в знаках различия здешней армии Лидка не особенно разбиралась.

— Что смотреть будете? — Он улыбнулся, от него пахло давно не мытым солдатом, но улыбка была симпатичная, и глаза блестящие, лукавые.

— В смысле? — спросила Валя.

Сержант-ефрейтор поводил по воздуху сигаретой, подыскивая подходящее слово:

— Это... исследовать?

— Море, — сказал неслышно подошедший гэошник Виталий. — Дальфинов.

— О-о-о, — сержант-ефрейтор закивал. — Дальфины... плохо. Исследовать. Это хорошо.

* * *

Базу разместили на окраине бывшего поселка, в единственном восстановленном здании — раньше здесь был продовольственный магазин. Поселяться в развалинах не стали из соображений безопасности и отчасти из суеверия. Расставили палатки.

Палатку супруги Зарудные привезли свою, туристическую,

линялую и потрепанную, видавшую виды. Славка утверждал, что в этой палатке его родители провели вместе не один сезон; брезентовый домик был частью памяти об Андрее Игоревиче — тем не менее Лидке неприятна была мысль о том, что каждую ночь придется проводить бок о бок с законным супругом.

Первую ночь оба почти не спали; Славка лежал, демонстративно повернувшись к жене спиной, и изображал полный покой — его выдавало только дыхание. А Лидка смотрела в темноту над собой, туда, где загораживал звезды невидимый брезент, и не могла отделаться от мысли, что молодые Андрей и Клавдия Зарудные именно здесь, в этой палатке, зачали своего единственного сына.

В полусне приходил Андрей Игоревич, голый, завернутый в яркое пляжное полотенце. Укоризненно улыбался: «Ну что же ты?» Приходила Клавдия Васильевна, вызывающе толстая, в старомодном мешковатом купальнике, демонстративно натиралась жидкостью для загара, улыбалась напомаженными губами: «Мой муж — навсегда мой. А ты рожать должна, рожать, ты пустоцветка, бесплодная утроба, ишь чего надумала — дети ей в тягость...»

Лидка просыпалась со стоном. Славка делал вид, что ничего не слышит; в палатке было душно, волглые брезентовые стены провисали под тяжестью росы.

На рассвете Славка выбрался из спальника и ушел — не то бродить, не то купаться, не то разыскивать среди спящих интендантшу Валю и жаловаться на холодность супруги. С его уходом стало легче; Лидка приоткрыла полог, впуская в палатку свежий прохладный воздух, повернулась на бок и сладко проспала несколько часов, пока не начался всеобщий подъем.

...Пресную воду приходилось качать из единственной скважины. Колонка была древняя, с коротким тугим рычагом. Интендантша Валя сочла уже решенным вопрос о Лидкиной профориентации: «Так, чай поставь сразу на двух примусах, к обеду Серега печку сложит, завтрак — сухим пайком, а вот обед для работяг мы выдадим полноценный...»

Лидка не стала спорить. Просто подошла к гэошнику Виталию и попросила подтвердить: верно ли, что ее участие в экспедиции обусловлено прежде всего интересами университета? И совершенно не к месту помянула гэошника Николая Ивановича. Она и Зарудного хотела помянуть, но в этом уже не было необходимости, поскольку Виталий закивал и немедленно объяснил уважаемой Валентине, что Лидия Зарудная — научный работник

и привлекать ее к вспомогательной работе возможно только с ее согласия...

Валя удивилась. Валя помрачнела. Валя, вероятно, сделала относительно Лидки какие-то нелицеприятные, далеко идущие выводы, во всяком случае, взгляд ее говорил о многом.

Лидка сделала вид, что не замечает этого взгляда.

После завтрака собрались на первую планерку. Щуплый Саша оказался профессиональным водолазом и инструктором по подводному плаванию. Лидка почему-то подозревала, что это не единственная Сашина профессия.

И Виталий, и Петр Олегович имели, оказывается, некоторый опыт погружения с аквалангом. Целый час был потрачен на инструктаж по технике безопасности — в начале цикла дальфины редко нападают на людей, наоборот, могут проявлять дружелюбие и любопытство, однако Саша категорически настаивал, чтобы при малейшем подозрении относительно приближения «этих тварей» аквалангист получал сигнал к эвакуации.

Составили план работы на ближайшие дни. Подписались по очереди на неприятного вида бумагах («Прослушал... Предупрежден... Уведомлен...»). Еще раз распределили давно распределенные функции. Лидка получила в свое распоряжение лабораторию — бывшую, вероятно, подсобку, комнатушку с цементным полом и дощатым столом, со страшным черным кабелем на полу (электростанцию привезли с собой, с виду она выглядела как отвратительный грузовик с огромными скатами, с тюремными решетками на фарах).

Лидка прекрасно понимала, что лабораторной работы на двоих не хватит. Николай Иванович был, наверное, единственным начальником, правильно понимавшим Лидкину мотивацию. Прочие искренне считали, что жена Зарудного-младшего взята в экспедицию затем, чтобы не скучал Ярослав Андреевич. И затем, чтобы позагорать на скалах. И затем, разумеется, чтобы помочь Вале по хозяйству...

Лидка мрачно улыбнулась. Славка не знал, к чему относится эта улыбка, но поморщился, как от кислого.

Вдвоем они разобрали контейнер. Поминутно справляясь с сопроводиловкой, установили приборы, все проверили и подключили; сегодня вечером Петр Олегович запишет у себя в дневнике: «Первый день экспедиции. Готовность к работе. Несколько усложняет ситуацию начинающийся шторм — около трех баллов... Прогноз погоды в общем благоприятный».

На заднем дворе бывшего магазина лежали под навесом велосипеды. Штук десять. С пробитыми покрышками, в пятнах облезшей эмали, в разной степени ржавые.

— Ого, — сказал Славка, крутанув колесо. — Можно, в принципе, починить парочку... удобно было бы.

— Нет, — сказал техник Сергей. — Я смотрел уже, ничего тут не выйдет, мусор, металлолом.

Лидка стояла рядом и все слышала.

Хозяева этих велосипедов ушли в Ворота и не вернулись. Возможно, они до сих пор живы — *там*, в месте, о котором у нее самой остались только отрывочные, жутковатые воспоминания. Там, где нет времени, а сердце бьется так, что от удара до удара успеваешь поверить, будто давно умер...

А их велосипеды пережили *мрыгу*. И вот уже несколько лет ржавеют на берегу, а деловитому Славке даже в голову не приходит, что без разрешения брать чужую вещь некрасиво...

Она тряхнула головой. Бред, конечно, жителям Рассморта велосипеды давно без надобности. А Славку она готова обвинить в каких угодно грехах — за его ночное сопение, за его тяжелые взгляды, за то, что он сын Андрея Игоревича.

После обеда над развалинами поселка прошелся армейский вертолет. Повисел, оглушая грохотом, развернулся и убрался в сторону райцентра. Лидке вспомнился тот парень, ее почти ровесник, который до последнего прикрывал рассмортцев от нашествия из моря. Приезжим показывали остатки его вертолета — хвост, торчащий из груды обломков. Тело, вернее, то, что от него осталось, год назад извлекли с большими трудностями и похоронили у парня на родине, где-то на севере страны, где нет ни моря, ни дальфинов...

Лидка поежилась. В тех краях «прелести» глефьего нашествия с лихвой окупаются извержениями вулканов, причем если от дальфиньих личинок еще можно убежать, то от потока лавы уйти труднее.

Море к вечеру расштормилось окончательно. О том, чтобы выйти на катере, не могло быть и речи; Петр Олегович и гэошник Виталий стояли у причала (новенького, построенного около месяца назад) и по очереди спорили о чем-то с подводником Сашей.

— Ну что, Лида? — Белая футболка с желтой мышкой на груди делала гэошника Виталия моложе, чем он был на самом деле, а уж обаяние ему полагалось по штату. — Если погода не изменится, то нас ждет минимум неделька спокойных пляжных деньков...

— Виталий Алексеевич, — сказала Лидка, одним махом перепрыгивая через несколько дежурных реплик. — У меня разговор к вам... и к Петру Олеговичу, — добавила она, встретив недоумевающий взгляд формального начальника экспедиции.

* * *

Море не желало успокаиваться еще четыре дня. Волны приходили и опрокидывались, заставляя вздрагивать тяжелые глыбы на берегу; волны отступали, утаскивали за собой груды разнокалиберной гальки, и звук, который при этом получался, был скорее визгом, нежели грохотом.

Среди гальки часто попадалось стекло. Осколки, истертые морем, гладкие мутные бусины.

Лидка часто ловила на себе взгляды. Внимательно, остро присматривался гэошник Виталий. Недоверчиво поглядывал Петр Олегович. С откровенной неприязнью зыркала Валя, и только Славка, законный Лидкин супруг, упрямо смотрел в сторону.

Ночи стояли безветренные и теплые, и Славка приспособился спать на берегу, под открытым небом. Такой романтизм ни от кого не укрылся и никого не обманул — теперь Валя смотрела на Славку с откровенным сочувствием, а Лидка едва сдерживалась, чтобы не обернуться, услышав шепот за спиной. Время шло, настоящей работы не было, экспедиция загорала.

Потом шторм улегся — за одну ночь, и, выйдя утром на берег, Лидка разинула рот — горизонта не было видно, море совершенно неощутимо переходило в небо, а потому весь мир казался круглым, мутноватым, как отшлифованная волнами стекляшка.

Из ангара вытащили катер. Лебедкой по специальным рельсам спустили на воду.

То дальше, то ближе от берега торчали из воды остатки волнорезов. Верхний край Ворот не особенно от них отличался — Лидка сама, без подсказки, отличила его от прочих камней, но не смогла объяснить, по какому признаку.

«По мере возможности, Лида, — сказал ей тогда Виталий Алексеевич. — Только по мере возможности. Цель экспедиции — провести комплексные исследования, а не создать тебе условия для самореализации. Основная твоя функция — та, что записана в штатном расписании. Ты лаборант... Кроме того, извини, но на обучение тебя подводному плаванию нет времени. Ты когда-нибудь видела акваланг?»

«Я закончила курсы при институте физкультуры, — сказала

она, не моргнув глазом. — Имею опыт погружения и второй спортивный разряд».

Приятно было поглядеть на их лица. В *таких* экспедициях неожиданности случаются нечасто; откуда им было знать, что курсы Лидка прошла в течение недели, погружалась всего три раза и на глубину два метра, а разряд получила хоть и спортивный, но «юношеский», то есть фактически детский?

Тем не менее свою роль ее слова сыграли. На нее поглядывали теперь, как на шкатулку с секретом, ожидая и опасаясь новых сюрпризов.

В катер погрузились разведчики — Виталий, Петр Олегович, техник Сергей и щуплый Саша; Сашу Лидка побаивалась. Во-первых, как подводник, он запросто мог уличить ее в некомпетентности, а во-вторых... Что-то было в нем, в Саше, нечто не вполне объяснимое, но ясно ощутимое Лидкиной шкурой. Она не удивилась бы, если бы по основной профессии он оказался патологоанатомом.

Катер приподнял белый нос, чуть опустил корму и двинулся, как бы нехотя, покачиваясь и волоча за собой широкую пенную ленту. Биноклей было два, но одним безраздельно завладела Валя, а просить у нее Лидка не хотела. Другой был у Славки; поколебавшись, Лидка потрогала его за плечо:

— Дашь посмотреть?

Славка вздрогнул от ее прикосновения. Не глядя, сунул бинокль ей в руки; окуляры были теплые.

Лидка смотрела, как Сергей бросает якорь — в десятке метров от кромки Ворот. Как Саша и Виталий неуклюже переваливаются через борт катера, по-лягушачьи мелькнув в воздухе широкими ластами. Как Петр Олегович привстает, подносит бинокль к глазам, еще раз изучая горизонт на предмет дельфиньих спин. Дает «добро»; оба акванавта скрываются под водой, и вот уже смотреть особенно не на что: покачивается катер, курит Сергей, Петр Олегович смотрит в бинокль на Лидку — и машет рукой...

Лидка помахала в ответ. Опустила бинокль, не глядя, сунула Славке:

— На...

Славки не оказалось рядом. Сунув руки в карманы джинсов, он брел по направлению к базе.

Примерно на полпути его догнала Валя.

* * *

— ...Съемку вести пока что невозможно — муть. На ближайшие недели прогноз хороший, волнения не будет, стало быть, уляжется. Первые образцы — в работе... Семейная пара Зарудных потом расскажет нам, что там и к чему. Флора — на первый взгляд обычная, наросло всякой зелени, как на обыкновенном камне. Фауна — обычная. Рыбы спокойно плавают сквозь створку, по-видимому, от Зеркала Ворот ничего не осталось. По-видимому, мы имеем дело с оболочкой, скорлупой, хотя, конечно, тут важны результаты анализов... Ярослав Андреевич?

Славка поднялся. Белый халат поверх футболки делал его похожим на посетителя больницы.

— Минералы — базальт, сланец. В тканях растений повышенное содержание железа... Больше ничего. Скукотища. Состав воды... лучше, чем на городском пляже. Мочи и стоков нет совсем. Йода и соли — в норме. Здоровая такая водичка.

Славка и сам не улыбался своим шуткам, а присутствующие от них еще и мрачнели.

— Ясно, — после короткой паузы сказал Петр Олегович. — Следующим номером нашей программы... полная расчистка объекта, замеры, документирование, а когда спадет муть — видеосъемка. В конце концов, наше дело — исследовать, выводы будут делаться потом... возможно, что и не нами.

Лидка молчала.

Восемь сотен человек вошли в эти ворота. Почти восемь сотен, точного числа не знает никто. И вот — просто камни, причуда природы, по-своему красивая, но совершенно не оставляющая надежды.

Ни на то, что жители Рассморта вернутся. Ни на то, что удастся узнать нечто новое о природе Ворот.

* * *

Валя была из поколения Лидкиных родителей. Вале было чуть за сорок; поджарая и сильная, она без труда поднимала тяжести и легко относилась к жизни. Волосы красила в темно-желтый цвет. Пахла сандалом. Полжизни провела в разнообразных экспедициях, умела сварить суп «из топора», а если были еще и приличные продукты, то сооружала на походной печурке прямотаки ресторанные блюда.

По вечерам пела под страстную гитару водителя Валеры.

Традиция сложилась в первые же дни — вечером «на базе» у Вали собирались любители поболтать и попеть под гитару. Специально для этих вечеринок лысоватый Паша, водитель автобуса, добывал через местных солдат мутного самогона и крепкого домашнего вина.

Лидка никогда не являлась на эти посиделки, а Славка, с некоторых пор повадившийся посещать Валины «вечерки», ничего супруге не рассказывал.

Петр Олегович проводил вечера за рабочим столом. Чужое присутствие только раздражало его — для общения ему хватало большой черно-белой фотографии, с которой улыбались одинаковой улыбкой его жена, два сына и две внучки на руках у пары полнотелых невесток.

Виталий и Саша предпочитали здоровый образ жизни. Спать ложились рано; время от времени то один из них, то другой задумчиво бродил по окрестностям с биноклем и заводил разговоры с местными солдатиками. То Виталий, то Саша наведывались к Вале на посиделки — никогда вместе, а только по очереди, как бы по долгу службы, из чего Лидка заключила, что и Александр не столько подводник, сколько гэошник.

Он по-прежнему внушал ей опасение. Несмотря на то, что держался ровно, даже с симпатией; Лидка ждала, когда Саша предложит ей на деле доказать, на что она способна в маске и с баллоном за спиной.

И дождалась.

Было около пяти часов. Жара спала; извлеченный из воды катер стоял перед ангаром на рельсах и оттого напоминал трамвай.

От утреннего погружения осталось два заполненных, или, как говорил Саша, «забитых», баллона. Хранить их до следующего утра не полагалось по технике безопасности; Саша неслышно подошел к сидящей на причале Лидке, тень его упала в воду, спугнув случайную мелкую рыбешку.

— Ну что, поныряем?

Лидкино сердце подпрыгнуло, как подброшенная на ладони монетка.

Ее пляжный купальник почему-то начал стеснять ее, особенно когда Саша помогал ей надевать баллон и пояс. Подводнику полагается гидрокостюм, а все эти тонкие ниточки-шнурочки, резинки и пластмассовые застежки годятся только для бессмысленного валяния на пляже...

Маску Лидка подобрала и подогнала заранее. Ласты болта-

лись, пока Лидка не додумалась надевать их на толстые шерстяные носки. Саша поморщился, но ничего не сказал.

— Слушай задание. Для начала просто погружаемся на глубину три-четыре метра, то есть до дна. Спокойно плывем вдоль берега, под водой я даю тебе команды, ты их выполняешь... Ясно?

Она торопливо кивнула.

— Ну, давай...

Саша соскользнул с причала и сразу ушел вниз. Лидка отлично видела, как он лениво перебирает ластами над поросшими зеленью валунами, над россыпью пестрых камней. Море было отменно прозрачным, мешали смотреть только небо, дробящееся на поверхности воды, да еще пузыри воздуха, побывавшего у Саши в легких.

Ну, Лида...

Она взяла в рот загубник. Выпустила. Осторожно слезла с дощатого края. Погрузилась по плечи, придерживаясь руками за занозистый деревянный край. Снова взяла загубник. Нервно поправила маску. Оттолкнулась от края.

Море было теплым, но Лидка вздрогнула, когда ее макушка соприкоснулась с водой. В ушах установился тот неповторимый гул, который оборачивается потом полным безмолвием — тишиной подводного мира...

Она поймала себя на том, что задерживает дыхание. Набралась мужества и вдохнула; воздух в баллоне был теплее, чем вода, а может быть, Лидке показалось.

Она посмотрела вниз, увидела Сашу, небрежно гоняющего по песчаной полянке маленького серого краба. Нырнула и... снова всплыла, вылетела из-под воды, подобно пластмассовому пупсу. Баллон, такой тяжелый на суше, теперь играючи вынес наверх Лидкино легкое тело.

Саша поднял голову. Лидке казалось, что сквозь маску она видит насмешку в его глазах.

Она нырнула снова — с тем же успехом. Баллон не желал тонуть. По всем законам физики он и не должен тонуть, просто странно, как это Саша до сих пор на дне... Он ведь тоже щуплый, его собственного веса не хватит...

Почему?!

Лидка попробовала по-другому. Ухватилась за край причала, подтянулась на руках, потом оттолкнулась и резко ушла вниз. На мгновение увидела поверхность воды над головой — и тут же с шумом, с непристойным плеском выскочила наружу. Настоящий поплавок.

На берегу стоял техник Сергей. Увидев его, Лидка покраснела под маской.

Это ловушка. Теперь ясно, это какая-то насмешка, как когда-то в летнем лагере, тогда Рысюк приколотил к полу ее спортивные тапочки...

Подводник Саша и не думал ей помогать. Наоборот, приглашающе махнул рукой, спускайся, мол, сколько можно ждать.

Во рту стоял привкус резины. Лидка разозлилась.

Уцепилась за железную стойку причала. Перебирая руками, двинулась вдоль столба, как по канату, — только не вверх, а вниз, хотя усилий приходилось прилагать не меньше. Проклятый баллон так и тянул на поверхность; маска все сильнее врезалась в лицо, и шум в ушах нарастал. Лидка через силу глотнула несколько раз продуваясь. Осторожно поддула носом в маску — обжим чуть ослаб. До дна оставалось всего ничего, и там, на дне, лежали большущие камни...

Железная стойка обросла зеленью и мидиями. Острыми краями раковин запросто можно отрезать себе палец-другой.

Лидка изо всех сил замолотила ластами. Отпустила стойку и тут же ухватилась за валун; она хотела всего лишь удержаться на дне, но камень оказался относительно легким и всплыл вместе с Лидкой.

Она ждала, что ее снова вынесет на поверхность, но вместо этого зависла на полдороге, раскорячившись, как лягушка, с тяжелым камнем у живота. Облачко мути, поднявшееся с потревоженного камня, понемногу рассеивалось.

Невыносимо давила маска. Пересохло в горле, а ведь надо было часто глотать, чтобы не напрягались, не болели барабанные перепонки...

Она осторожно двинулась вперед.

Шарахнулись в сторону рыбы. Лидка плыла в тишине, в невесомости, подводные леса колебались в такт неслышному прибою, и цвет у них был осенний, желтый, и летали какие-то желтые обрывки...

Осень. В разгар лета.

И человек пробирается под водой.

Саша оказался уже рядом. Его темные волосы развевались в воде, придавая молодому гэошнику неожиданно романтичный вид. Над ним росло будто воздушное дерево — перламутровые пузыри устремлялись вверх, одно облачко за другим. Такое же дерево произрастало из Лидкиных «прорезиненных» губ — она слышала и собственное скрипучее дыхание, и шелест бегущих к солнцу пузырьков, и стук крови в ушах.

Саша показал вверх. Мелькнули ласты перед Лидкиным лицом; Саша вынырнул и, вероятно, ждал того же от Лидки.

Сперва она хотела просто выпустить свой груз, но вспомнила, как вылетают из-под воды притопленные пляжниками мячи, и решила не рисковать. Прижала камень к груди — один бок шершавый и желтый, другой покрыт зеленой склизкой шерстью — и заработала ластами. И, только добравшись до поверхности, бросила камень и проследила за его медленным падением, торжественным, как увертюра.

— Плохо поддуваешь, — сказал Саша. Волосы облепили его голову, из романтического персонажа он враз превратился в комика. — Посмотри, у тебя на физиономии синяк.

След от маски Лидка чувствовала великолепно. Лоб, щеки, верхняя губа. Продержится несколько суток. Отметина новичка.

— Ты почему пояс не загрузила? — спросил Саша и хитро прищурился.

Лидка и без него догадалась, в чем заключался подвох. Облегченный пояс. Говорили ведь ей на секции что-то про индивидуально подобранный груз, но все это было так быстро и суетливо, что она, конечно, забыла...

— Серег! — крикнул Саша технику. — Принеси там грузов... — он окинул Лидку оценивающим взглядом, — штук шесть средних. Будем даму вьючить.

Кажется, Сергей, возившийся с катером у ангара, хихикнул.

— А ты молодец, — сказал Саша, рассеянно глядя в море. — Сообразила... Сейчас груз тебе отмеряем и пройдемся по дну туда-сюда, только поддувай в маску носом, а то жалко личико твое. И продувайся, продувайся все время, потому что ушей тоже жалко, порвешь барабанки... Вы со Славой поссорились, что ли?

От неожиданности она крутанула головой так, что брызги с мокрых волос полетели Саше в лицо:

— Не-а...

Ее не обижали Славкины измены с «девочками-припевочками».

Но почему-то мысль о неизбежной связи Славки с энергичной Валей оскорбляла.

* * *

Море было гладким, как стол. В отдалении маячил патрульный кораблик. Единственная на обозримом пространстве волна брала свое начало за кормой катера; Лидка удивлялась, как долго

держится след на воде. Ну хоть бери и пиши катером по морской глади: Слава плюс Валя...

Мысль была несвоевременной. Потому что, отправляясь первый раз к Воротам, думать о таких мелочах недостойно.

Петр Олегович был в гидрокостюме и с видеокамерой. Прочие костюмами пренебрегли, а на Лидку вообще не нашлось подходящего размера. Вода была теплой, дымка на горизонте обещала жару.

Сергей застопорил катер в десятке метров от навершия Ворот. Лидка смотрела, щурясь и закусив губу. Вблизи Ворота уже не напоминали скалу или обломок волнореза. Волны по-хозяйски облизывали совершенно чужой им предмет — казалось, что здесь затонул маленький готический храм.

Сергей поднялся, держась за поручень, и приложил к глазам бинокль. Лидка прищурилась сильнее.

— Вчера вечером были, — сообщил Сергей, извлекая из кармана мятую пачку сигарет. — Дальфинчики-то... резвились даже ближе, чем тогда, во вторник. А теперь не видать...

— Что толку их высматривать, если они не опасны, — пробормотала Лидка, ни к кому конкретно не обращаясь. И тут же пожалела о сказанном, потому что на нее покосились как на дуру.

— У меня кореш был, — сообщил Сергей, закуривая. — Тоже вот говорил, дальфины — наши, мол, подводные первородные родичи. И не пирожник ведь был, а ихтиолог. Правда, докторскую так и не защитил. Материала набрал до фига, а потом сам материал его — хряп... Вроде как под каток попал. Там же туша — ого-го...

— У нас на базе их отстреливали на технический жир, — сказал Саша, не сообщая, впрочем, какая база имеется в виду. — И они, кретины, все равно каждый сезон туда мигрировали... Зарудная, готова?

— Ага, — сказала Лидка, поправляя бретельку купальника. Сущее наказание, когда, кроме всех этих ремней и поясов, приходится следить еще и за непослушным трикотажем.

— Сбруя мешает? — оскалился Виталий. — Так скинула бы, и вперед а-ля натюраль!

— Русалочка ты наша. — Сергей окинул ее нарочито раздевающим взглядом, благо и снимать-то с Лидки было особенно нечего.

Возникла неловкая пауза; катер болтался посреди моря, Лидка сидела в катере с четверкой нестарых еще мужчин, и все четверо на нее смотрели. Даже Петр Олегович, верный своей фотогра-

фии, но тот, правда, глядел скорее печально: ах ты, мол, молодой провокатор...

Лидка рывком опрокинулась в воду, стремясь поднять как можно больше брызг. Ну как не стыдно, уважаемые ведь люди, руководители... доктора наук... гэошники, в конце концов...

Щеки горели. Хорошо еще, что она успела надеть маску.

— Эй, куда? Погружение без команды? — возмутился Саша.

Лидка подплыла к катеру, ухватилась за трос с цветными поплавками. Подняла голову, сквозь потеки на внешней стороне маски, как сквозь дождевое стекло, увидела Виталия.

— Закрепи страховку, — суховато распорядился гэошник, протягивая ей красный шнур с карабином на конце. — На пояс, и рукой контролируй. Три раза дерну — немедленное возвращение. Дальфины. Ясно?

Даже сквозь мокрое стекло Лидка видела, что он смотрит в сторону.

...Ощущение невесомости.

Справа и слева — жемчужные столбы от дыхания Петра Олеговича и Саши. Саша указывает куда-то в сторону...

Лидка обернулась.

Спутав под водой направления, она едва не проскочила мимо Ворот.

Вот они. Лидка дышала ровно. Воздух в баллоне был кисловатым.

Они не были похожи на те единственные, виденные Лидкой живьем. Они не были похожи на известные модели Ворот, зарисовки, фотографии. И они были по-своему красивы — вытянутая вверх арка. Красноватый камень. Совершенная форма — совершенная, чтобы любоваться, но очень непрактичная, когда речь идет о паническом бегстве тысяч людей...

Они ведь и не были рассчитаны на тысячи, подумала Лидка, покрываясь гусиной кожей. Сколько их было, жителей Рассморта?

Не стоило давать поселку такое название. Звукосочетание «морт» еще никому не приносило счастья.

Петр Олегович уже снимал, обходя Ворота по спирали, через минуту Лидка увидела его сквозь арку — конечно, ведь Зеркала не было, *теперь* это просто диковина, архитектурное излишество...

Саша подплыл совсем близко. Протянул Лидке руку; та не посмела отказаться. Сашина ладонь была теплее, чем ее собственная.

Он подтащил ее к основанию Ворот. Указал пальцем вниз;

песок, водоросли, прочие чужеродные напластования здесь были счищены еще на прошлой неделе, и отлично видна была щель, разлом, который Петр Олегович считал своей личной находкой и которому они вместе с Виталием приписывали роль песчинки в шестернях, то есть той самой причины, из-за которой Ворота перестали выполнять свою функцию.

Разлом был небольшой и живописный. Лидка подумала, что и Петр, и Виталий лгут себе — Ворота слишком грандиозны, чтобы такая маленькая неприятность могла привести их в негодность. Скорее уж можно поверить в то, что рассмортцы прогневили господа и за это были наказаны...

А помнится, когда экспедиция только-только собиралась — кто-то бросил эту мысль, будто бы пошутил. И почему-то здесь, перед лицом искалеченных Ворот, эта шутка вовсе не кажется смешной.

Саша сильнее сжал ее руку. Провел пальцем по внутренней стороне створки. Лидка увидела — вроде как паз для очень толстого стекла. Будто бы Зеркало, таинственным образом пакующее и сохраняющее людей, действительно можно вставить и вынуть, хорошему стекольщику работы на полчаса...

Стекольщики, подумала Лидка. И вода показалась ей холодной.

Саша выпустил ее руку. Толкнулся ластами, проплыл вперед — в створ. Лидка не удержалась и закрыла глаза — ждала, что сейчас Саша исчезнет. Уйдет *на ту сторону.*

Саша тут же вернулся обратно, чтобы не запутать страховочный трос. Махнул Лидке рукой — иди, мол, туда.

Она сунула в створ сперва руку. Потом, придерживаясь за каменную арку, вошла и остановилась как бы на пороге. Ее перепончатые ласты почти касались дна. Над бурым лесом нехотя поднялись ошметки листьев, муть, Лидка подумала, что сейчас огребет по шее, потому что идут же съемки...

Головокружение. Очень-очень кислым сделался воздух из баллона.

Уходящие вверх пузыри.

Темнота.

* * *

— ...Потому что это ты забивал баллоны! Потому что за такие вещи идут под суд, и я тебя посажу, сука, ты у меня до новой *мрыги* будешь канавы рыть...

Лидка никогда не видела Виталия *таким*. Зрелище это и не предназначалось для ее глаз — ее как вытащили из катера и уложили в тенечке, так и оставили. Пошли разбираться между собой — вернее, продолжать разборку, начавшуюся в катере.

Проклятый купальник все-таки сполз, почти полностью обнажив Лидкину грудь. Но мужчины, еще недавно таращившиеся на нее без всякого стеснения, теперь озабочены были совсем другими вещами.

— ...Я не знаю как! Но баллоны забивал ты...

— А ты проверь, — отвечал Саша, спокойный и белый, как песок на пляже для миллионеров. — Ты проверь ее баллон. Давай-давай, на анализ, там ведь еще осталось больше половины! Если там есть свинец — тогда сажай. А если нет — я тебя посажу, паскуда, потому что Ретельников...

Он осекся.

Ретельников, подумала Лидка сквозь звон в голове. Какая знакомая фамилия. Николай Иванович Ретельников. Читательский билет. Птичкин помет на весенней скамейке, толстый гэ*ошник с профессионально усталыми глазами. Это же он нас в* экспедицию воткнул. Всунул...

Двое стояли друг против друга. Страшный, оскаленный Виталий — и Саша, тоже страшный, но по-другому, тише и как-то убедительнее. А ведь они из разных ведомств, подумала Лидка. Из разных подразделений этой пресловутой ГО. Как бы не подрались...

Сверху, от базы, бежали люди, и впереди всех Славка.

— Лидочка!

Она попыталась поправить купальник и, когда это не удалось, стиснула руки на груди.

— Лида... Боже... Зачем тебе это надо было, эти ныряния, эти баллоны...

Собственно, все равно, что он говорит. Главное, что так приятно ложится на плечи шершавое полотенце, а в Славкиных глазах, круглых, как плошки, стоит настоящий, всамделишный страх.

* * *

Оператор, забивающий баллоны, должен тщательно следить, чтобы выхлопной газ от бензонасоса не попал вовнутрь. Иначе отравление парами свинца может стоить ныряльщику жизни.

Что-то такое Лидке говорилось на теоретических занятиях в экспресс-секции. Но, признаться, насиловать этим память Лидка не стала — все равно вероятность, что ее заставят забивать баллоны, уверенно стремилась к нулю.

Теперь, похоже, теоретические занятия обернулись суровой практикой. Во всяком случае, Лидкина голова раскалывалась от боли.

Славка поил ее какими-то таблетками. Приходил Виталий и участливо спрашивал, как здоровье; хмурый Саша смотрел так, как будто Лидка специально инсценировала обморок, чтобы его, подводника, скомпрометировать.

Неизвестно, что показала экспертиза, проведенная Виталием в присутствии Саши, Петра Олеговича и техника Сергея. Во всяком случае, по возвращении эксперты беседовали вполне мирно, а Саша даже улыбался. Стало быть, фатальной вины его в Лидкином обмороке не обнаружилось.

К вечеру она почти оклемалась, но ради Славки продолжала симулировать хворь. Ей нравилась братская Славкина опека; кроме того, предстояла новая ночь в палатке, и для общей пользы было удобнее, чтобы Лидка продолжала считаться инвалидом.

Вечером она изъявила желание одиноко посидеть в шезлонге на берегу. Сгушалась темнота, единственным светлым местом была кромка прибоя, пена накатывала и снова спадала, и в такт волнам пульсировали крупные, как яблоки, звезды; Лидкино уединение было нарушено хрустом гравия под чьими-то подошвами, тонким лучом фонарика и наконец деликатным вопросом:

— Лида, можно поговорить?

Фактический глава экспедиции Виталий Алексеевич принес с собой складной стульчик. Предусмотрительные люди эти гэошники.

— Лида... во-первых, как ты себя чувствуешь?

— Лучше, — отозвалась она лаконично.

— Хорошо, — наверное, Виталий кивнул. — Мне очень жаль, но... Ты, наверное, и сама понимаешь, что допускать тебя к новым погружениям... просто нельзя?

— Почему? — спросила она, сдерживая злость и отчаяние.

— Не понимаешь? — удивился он. — Как же... сегодняшний инцидент... сорванная работа, да ладно работа, но мы могли просто потерять тебя... такой риск не оправдан. Я уважаю твое мужество, инициативу и преданность науке, но ведь ты по состоянию здоровья...

— При чем тут мое здоровье?! — Лидка не выдержала, сорвавшийся голос выдал ее. — При чем тут мое здоровье... там ведь были эти, свинцовые пары!

— Вряд ли, — кротко сообщил Виталий. — Во всяком случае... нет, можно считать, что не было совсем. В остатке из твоего баллона ничего такого... не зафиксировано.

В его голосе ей почудилась неуверенность. Сговорились? Снюхались с подводником Сашей? По обоюдному соглашению прикрыли халатность, нарушение техники безопасности, договорились списать Лидкин обморок на слабенькое здоровье молодой лаборантки?

На зубах у нее скрипнул будто песок.

— У меня есть справка... Я здорова! Вы не имеете права...

— Я не имел права пускать тебя под воду, — сказал Виталий с грустью. — Слава богу, в которого я не верю, так вот слава ему, что ты нырнула неглубоко, что тебя успели откачать, что ты не впала в кому...

Лидка молчала. Нечто в словах гэошника натолкнуло ее на полузабытую, постороннюю и в то же время очень важную мысль.

Слава богу... Божья кара.

— Как это все-таки случилось? — спросил Виталий другим тоном, уже не как начальник, а как добрый друг. — Что ты все-таки почувствовала, помнишь? Подплыла к Воротам... Остановилась в створе... Кстати, почему ты остановилась?

— А это важно? — спросила Лидка по-прежнему сквозь зубы.

— Ну, в общем-то, — Виталий вроде бы заколебался, — диагноз... Все-таки хотелось бы понять, почему это произошло, да?

Лидка прикрыла глаза, хотя вокруг и без того стояла темень.

Да, она вошла в Ворота. Хотя поначалу не хотела. Потом решилась пересечь невидимую, несуществующую плоскость Зеркала... И на полпути испугалась. Замерла прямо под аркой.

Плоскость?

Проснулась пульсирующая боль в левой половине лба. Что там было, видение? Бред накануне обморока? Как будто в створе Ворот натянута блестящая сетка, паутина, местами рваная, местами идеально гладкая и сверкающая на солнце.

И гул в ушах. Как если бы одновременно зазвучали два десятка нот, взятых на разных инструментах, и, что самое интересное, слаженно зазвучали...

— Ну, что-то припоминаешь? — тихо спросил Виталий. Прошелестел; лица его по-прежнему не было видно, но Лидка разом припомнила допросы, глаза-буравчики и весь прилагающийся антураж.

— Нет. — Она сама не знала, зачем ей врать. Просто так, в отместку. Из вредности.

— Совсем-совсем ничего? Ну, воздух в баллоне стал кислый... Слюна выделялась сильнее обычного... Нет?

— Не помню, — упрямо сказала Лидка.

Над горизонтом вставала бледная, немыслимых размеров луна. И усиливался ветер — предвестник завтрашнего шторма.

* * *

На другой день выходить в море сочли невозможным из-за сильного волнения. Петр Олегович записал в своем дневнике: «Анализ и сопоставление данных».

Начисто чертили чертежи и карты. Вместе смотрели видеопленку — сперва довольно четкое, даже художественное изображение, общий план, средний план, укрупнение, отъезд; потом сразу — пузыри, мечущиеся тени, черное дно катера. Лидка успела увидеть себя — безвольную куклу с вереницей пузырьков изо рта, с развевающимися, как у утопленницы, волосами. Покраснела, втянула голову в плечи; момент, когда она там, под водой, потеряла сознание, на пленку не попал. Хоть в чем-то повезло.

Перед обедом Лидка пошла бродить по поселку — раньше она избегала таких прогулок, очень уж безысходные пейзажи открывались вокруг, очень уж страшным казалось разрушенное, навсегда покинутое жилье. Но сегодня стиснула зубы и пошла.

От Рассморта мало что осталось. Здесь побывал апокалипсис, и такой свирепый, будто ему кем-то велено было оказаться последним.

Груды битого, поросшего травой кирпича.

Пустая могила молодого летчика. Гнездо ласточек, прилепившееся под облупленным хвостом геликоптера.

Маленький клен, проросший из чьего-то выбитого окна.

Засыпанный песком колодец.

Отлично сохранившаяся кованая ограда. Железные стебли, цветы, даже, кажется, птицы. Калитка ведет в никуда.

Дорожный знак, предлагающий ехать только прямо. Оригинально, учитывая, что кругом пустырь. Столб изогнут дугой, чудом сохранившаяся стрелка указывает вниз. В землю.

Божья кара.

Лидка вспомнила проповедника, когда-то приходившего в лицей. Все, все погрязли во грехе, и кто знает, смилуется ли Он на этот раз и откроет ли спасительные Врата, чтобы дать человечеству еще один шанс...

Она сунула руки в карманы узеньких шорт, когда-то бывших

полноценными джинсами. Карманы были мелкими, ладонь не помещалась даже наполовину.

...Виталий долго смотрел на нее, не говоря ни слова. Лидка не отводила глаз. И только когда гэошник мягко спросил: «Ты действительно хочешь быть ученым?» — только тогда она покраснела так, что багровый след от маски слился, наверное, с кожей.

— Да, я хочу быть ученым! — сказала она с вызовом. — А ученый не должен пренебрегать гипотезами. Какими бы дурацкими они ни казались на первый взгляд.

— Это не гипотеза, — Виталий сочувственно улыбнулся. — Это так... фантазии. Кстати, ты действительно веришь в бога? Или просто притягиваешь за уши?

Лидка молчала. На футболке у гэошника улыбалась желтая мышка.

— Божественная природа Ворот, — сказал Виталий с кривой усмешкой, — запрещенный для ученого прием. Этого мы не можем понять — ага, боженька постарался... так?

— Я не говорю «божественная», — пробормотала Лидка. — Но... Неужели так трудно проверить? Поднять архивы... За последние несколько циклов... столетий. Чем этот Рассморт... выделяется чем-то или нет? Было здесь что-то или нет?

— Было, — глухо сказал Виталий. Она была так растерянна и зла на него, что не сразу расслышала, вернее, не сразу поверила собственным ушам.

— Было, — повторил Виталий, глядя на белые буруны, превратившие море в подобие каракулевой папахи. — Два цикла назад, ты проходила это в курсе общей истории... здесь, в братской, гм, стране, существовало исключительно нездоровое общественное устройство. Идиотский, уродливый тоталитаризм. Знаешь такое слово?

Лидка проглотила насмешку.

— Так вот... в тех условиях всячески поощрялось осведомительство. В том числе бытовое, на всех уровнях. Вплоть до доносов мужа на жену. Я видел здесь такие выдающиеся бумаги...

Он осекся. Устало улыбнулся, потом стер улыбку, будто ластиком. Посмотрел Лидке в глаза.

— Вы отрабатывали эту мою версию, — сказала Лидка шепотом. — Вы смотрели документы относительно Рассморта. Вы *тоже* об этом подумали.

Виталий помедлил и кивнул:

— Не совсем так, как ты предполагаешь. Я действительно смотрел архивы... Все. Все данные по всем апокалипсисам, уж

какие были. Относительно эпидемий. Неурожаев. Падежей скота. Сейсмических аномалий... И не только я. Мы искали... другую причину. Кроме той, что лежит на поверхности. Кроме разлома земной коры, смещения Ворот и затопления их морем. Мы просто так искали, для очистки совести.

— Нашли?

Виталий погладил мышку на своей футболке. На самом деле ему хотелось, наверное, помассировать грудь.

— Не знаю. Может быть, и нашли... Ничего такого, чтобы кричать «О!» и бежать к начальству за премией, а к человечеству — за бронзовым памятником. Но... рассмортцы оказались патологически склонны к доносительству. На тысячу семьсот человек тогдашнего населения — две тысячи доносов.

— Сколько? — спросила Лидка, переводя дыхание.

— Две тысячи. За полтора года. Притом что люди были едва грамотны, ловили себе рыбу и делить им было, в общем-то, нечего. «Сосед такой-то сказал, что уж харашо бы этат вождь скарее сдох». «Соседка такая-то говорила, что скарее бы эта власть перекинулась». «Свекор сказал...» «Невестка сказала...» «Дед подтирался листовкой с изображением вождя...» и так далее. Не могу сказать, делались ли какие-то выводы... и кого арестовали по этим доносам, но вот сохранили их тогдашние службы полностью. И в соседних поселках, которые отличались от Рассморта только по названию, пачки «документов» были не в два, не в три — в десять раз тоньше...

Виталий увлекся. Лидка подумала, что у себя в ГО он ведет, наверное, какие-нибудь курсы молодого бойца. Хороший рассказчик. Яркий.

— ...И это все. Больше ничего. Никаких статистических пиков. Только эта, двухцикличной давности история. Причем с тех пор в живых осталось человек десять... старики. И все они... все они вошли именно в эти так называемые малые Ворота. Все они там, — Виталий неопределенно махнул рукой — в сторону каменного навершия, то исчезавшего под волнами, то подымавшегося непривычно высоко над водой.

По Лидкиной коже продрал мороз. Она на секунду *поверила*. Сперва аномальный выброс подлости, потом, через два поколения, — изощренная расплата... Они там, за пропавшим Зеркалом. Что с ними там происходит?!

— Проняло, — сказал Виталий, внимательно за Лидкой наблюдавший. — Только... расслабься. В мире полным-полно гадостей, за которые никто не несет наказания. Я уверен, что убийцы

Андрея Зарудного, не исполнители, а сами заказчики... что они прекрасно пережили *мрыгу*, спокойно вышли из Ворот и где-то топчут землю... Извини, если задел за живое.

Он смотрел на нее и улыбался. И как будто хотел сказать: а я что-то знаю. Знаю, но не скажу.

Она проглотила занозистый ком в горле.

— А... другие артефактные Ворота? По ним есть подобные... исследования?

Виталий вздохнул:

— Кое-где... кое-что. Версия «расплата» отрабатывалась нашим ведомством... и аналогичными ведомствами других стран, причем каждый, заполучивший на своей территории артефакт, не спешил делиться сведениями с соседом. Есть несколько свежих, засекреченных... а в основном старье. Когда артефакт стоит сотни лет — иди знай, кто там перед кем провинился. Смотри, дальфины!

Он показывал куда-то в покрытое барашками море, Лидка долго ничего не могла разглядеть и подумала даже, что это финт для завершения разговора. Но потом мелькнула черная точка, другая...

— Так близко от скал, — задумчиво констатировал Виталий. — Притом что штормит. Оно им надо...

Лидка молчала. Смотрела из-под руки.

— Знаешь, о чем я подумал? Дальфины — самые свободные существа. Только они не нуждаются в Воротах. Только они умеют переживать апокалипсис снаружи.

— Не они, а глефы, — автоматически поправила Лидка.

— Все равно. Все равно они не нуждаются в подачках. От бога ли, от инопланетян или от природы. А мы... трясемся. Откроет, не откроет? Подарит, не подарит? Мы так привыкли к этим бесплатным дверцам, что несказанно удивляемся, когда система сбоит...

— У вас в ГО принято задаваться такими вопросами? — осторожно спросила Лидка.

Виталий усмехнулся:

— Знаешь, Лида... Помирилась бы ты со Славой. А то некрасиво, ей-богу, выходит.

* * *

Славка беседовал с Валей.

Он стоял к Лидке спиной, затылком, потому она не видела Славкиного лица. Зато Валина физиономия была видна отлично — выразительные зеленые глаза горели масленым, игривым огоньком.

Лидка отпрянула.

Валя заметила ее и продолжала разговор о каком-то щитовом домике, который обещали привезти и собрать еще неделю назад. В каждом слове, в каждой планочке этого гипотетического, еще не построенного домика заключен был ласковый, многоэтажный подтекст.

Тогда Славка взял Валю за пуговицу и легонько подергал, вроде бы спрашивая разрешения оторвать. И что-то сказал вполголоса, Лидка не расслышала. Валя нарочито звонко расхохоталась.

Лидка повернулась и вышла.

Она ведь шла в лабораторию, чтобы...

Зачем? Помириться со Славкой? Но они ведь не ссорились...

Почему всех так заботит ее личная жизнь?! Чуть ли не пари заключают, ставки делают на нее и Славку, когда же наконец они переспят как люди?

Волны разбивались о причал. У ангара сидел с сигаретой Саша; перед ним на брезенте разложены были какие-то масляные железки.

— Купаться? Так ведь смоет, Лида...

Злая, как блоха, она уже стягивала футболку.

— Нельзя, — сказал Саша другим тоном. — Мало тебе одного чепэ? Еще раз вытаскивать тебя?

Она посмотрела на него с ненавистью.

— Не злись. — Он неожиданно виновато пожал плечами. — Или вот что... Тут за мыском бухта песчаная, там всегда тише. И мелко. Хочешь, пойдем, покажу тебе?

Она кивнула. Ей было, по большому счету, все равно. Нравится Славке Валя — пусть спит с Валей, только пусть от нее все отстанут, не лезут в палатку и в душу...

Шли минут двадцать. Лидка запыхалась, потому что Сашин шаг был в полтора раза шире.

В этой бухте она уже один раз была. В самом начале экспедиции, когда на катере осматривали окрестности. Тогда, помнится, бухта не произвела на нее впечатления — да, грязноватый серый песок, да, мелко; теперь же пришлось остановиться и затаить дыхание.

Справа и слева клыками торчали скалы-волнорезы. Теперь там стоял сплошной белый салют — летели брызги и обрывки пены, грохотали вода и камни, зато до бухты добиралась значитель-

но усеченная, переполовиненная волна. Опрокидывалась, широким языком тянулась по песку, отступала, слизывая ракушки и мелкие камушки.

— Красиво? — спросил Саша.

Лидка улыбнулась.

Внизу, на полукруглом пятачке пляжа, почти не было ветра. Отдаленно грохотали непокоренные, не урезанные еще волны. Саша сел на плоский желтый камень, развернул потертый бумажный томик, рассеянно кивнул Лидке:

— Давай...

Она сбросила на песок футболку и шорты. Песок походил на крупную соль. Слежавшийся и жесткий.

Бухта действительно была почти идеальным полигоном для катания на волнах. Лидка попеременно то подныривала под надвигающийся вал, так что пятки мелькали над водой, то, наоборот, каталась на гребнях; тугая белая пена щекотала бока и создавала иллюзию необъятного подвенечного платья. Лидка улыбалась солеными губами — такая аналогия нравилась ей. Красиво, надо бы кому-нибудь рассказать.

Подводник Саша не мешал ей. Сидел на берегу, погруженный в свою книжку.

Минут через сорок Лидку замутило; оказалось, что для того, чтобы заработать морскую болезнь, вовсе не обязательно садиться в лодку или подниматься на борт корабля. Достаточно просто порезвиться в волнах.

Решив, что на сегодня хватит, она легла на спину и принялась лениво подгребать к берегу. Волны подбрасывали ее, как поплавок; через некоторое время она обнаружила, что не приблизилась к берегу ни на сантиметр.

Разозлившись, она перевернулась на живот и поплыла уже всерьез, изо всех сил. Каждая новая волна подталкивала ее, давая ощутить дно кончиками пальцев на ногах, и тут же оттягивала назад, лишая малейшего намека на опору.

Лидка плыла, стиснув зубы. Она всегда считала, что плавает как рыба.

Нет, но что это за фокусы? Яма? До сих пор песчаное дно казалось ровным и гладким, но, может быть, методичные волны успели прорыть здесь дыру?

Время шло. Вода вертелась вокруг Лидки, как мельничный жернов. Саша на берегу читал, не поднимая глаз.

Выбившись из сил, Лидка решила поменять тактику. Если не удается выплыть по верху — может быть, разумнее будет поднырнуть под волну, так, говорят, следует выбираться из водоворотов. Нырнуть как можно глубже...

Она схватила воздух ртом и нырнула. Под водой ничего не было видно — муть; до дна она не достала, проплыла вперед, как ей показалось, метров пять и пошла на поверхность.

Поверхности не было. Вода и вода.

Отработанный воздух жег легкие, рвался наружу. И Лидка рванулась наверх; по-видимому, ей не повезло, или она неправильно рассчитала ритм и оказалась под самой высокой волной. Уже задыхаясь, она вынырнула среди пены и едва успела вдохнуть, когда новая волна подхватила ее и закружила, как тряпку в стиральной машине.

Смешались верх и низ. Ничего не стало видно. Лидке хватило хладнокровия как можно дольше удерживать воздух, а потом улучить момент и снова вынырнуть. Следующая волна положила бы бесславный конец сегодняшнему купанию, но, по счастью, в расписании валов случился, как это иногда бывает, короткий перерыв.

Она закашлялась. Оглянулась — вовремя, чтобы встретить новую волну, которая накрыла ее с головой, забила нос, как Лидке показалось, до самых бровей, и укатилась по направлению к берегу.

На берегу сидел, удобно вытянув ноги, подводник Саша. Вероятно, чтение очень его увлекало.

Несколько секунд Лидкина гордость боролась со страхом. Страх — вернее, теперь уже ужас — победил.

— Саша! — крикнула она так громко, как только позволяло просоленное горло. — Саша!

Подводник перевернул страницу.

Он сидел в каких-нибудь тридцати метрах от барахтающейся Лидки. Она отлично видела его лицо — ни один мускул на нем не дрогнул, и это было даже страшнее, чем новая ленивая волна.

— Саш...ша! Са...

Она закашлялась.

Возможно, увлеченный книгой, он не слышал ее крика среди грохота волн. Возможно, у нее и крика-то не получалось — так, одно шипение... Это ей кажется, будто она орет как оглашенная...

— Саша! Саша! Са-аша-а!

Подводник читал. Происходящее все более смахивало на дурной сон.

— Са...

Она захлебнулась. Новый ужас был слепым и совершенно

черным. На некоторое время Лидка превратилась в животное. Нет! Н-нет! Плыть! Дышать! Жить!

Волна схлынула. Появилось и пропало дно под ногами; Лидка опять увидела небо, скалы, читающего мужчину на берегу. «Я рядом с берегом», — сказала она своему чуть ослабевшему ужасу. «Я рядом с берегом, я умею плавать, я не могу утонуть, я выплыву...»

— Са... ша...

Ей показалось, что подводник-гэошник быстро на нее взглянул. Скосил глаза. Померещилось. Или?..

В режиме волн снова наступил перерыв. Лидка едва держалась на плаву, но — дышала.

Господи, он видит. Он видит, как она тонет. Он привел ее сюда, чтобы она утонула. Он...

Андрей Зарудный, изрешеченный пулями. Глаза-буравчики. Он что-то сказал перед смертью? Нет, как он мог сказать... Но ведь эксперты доказывают, что он жил еще минут пятнадцать... Не может быть? Но ведь бывает... А контрольного выстрела не было... Что он сказал? Ничего? Жаль... Бумаги... документы... эта девочка нашла в архиве любопытный текст. Может даже, не один. Что тебе надо в библиотеке, Лида? Выносить за пределы дома хоть бумажку, хоть самый незначительный бумажный клочок... Николай Иванович Ретельников. Который сосватал, впарил, буквально воткнул Лидку в эту экспедицию и чье имя невзначай упоминал Саша...

Баллон с отравленным воздухом. Но так, чтобы экспертиза потом ничего не могла доказать.

Теперь ее, Лидку, заказали. Вернее... приговорили. Велели убрать. Так естественно... просто... один раз не вышло, но много... опасностей... море... эта бухта... яма... шторм...

— Мама! — закричала она, из последних сил барахтаясь в пенном котле. — Ма-ма-а!

Волна подхватила ее и понесла по спирали, но у Лидки уже не было сил сопротивляться. Даже если она выплывет сейчас, Саше достаточно нескольких ленивых движений, чтобы утопить ее даже на отмели. Свидетелей нет. Ей уготован несчастный случай...

Гэошник читал, вернее, делал вид, что читает. Ей показалось, что на лице его лежит тень раздражения — ну что она никак не тонет, эта девчонка?

Она повернулась лицом к волне и поплыла в море. Еще раз ей залепило водой ноздри, но зато, сдвинувшись с места, она выбралась наконец из прибрежного котла. Справа и слева ревели клыки-волнорезы, но между ними было относительно спокойно; берег отдалился, теперь Лидка не боролась с волнами — просто болталась на воде, часто дышала и плакала.

Саша на берегу наконец-то отложил свою книгу. Лениво встал, посмотрел на часы, потом на Лидку. Махнул рукой: вылезай, мол.

Она оглянулась на выход из бухты. Совершенно ясно было, что ей не выбраться отсюда вплавь. В такую погоду, в таком состоянии — она не доплывет, ее либо утащит течением, либо размажет о скалы, либо она просто пойдет ко дну, подобно мешку с песком.

Саша приложил ладони к губам.

— ...и-ида-а! — донеслось до нее. — Е-о-но ы-о-ди!

Как же, подумала Лидка. Сейчас.

Неужели он приплывет сюда, чтобы утопить ее?! Это уже риск для него. Она будет сопротивляться...

Хотя какое сопротивление, проще выждать еще полчаса. Она утонет сама собой.

Саша — Лидка видела — плюнул. Стянул майку. Снял шорты. Вместо плавок на нем оказались просторные спортивные трусы.

— Мама... — прошептала она еле слышно.

Саша вошел в воду. Сразу нырнул под волну, и еще раз нырнул, и пошел к Лидке размеренным кролем. Волны, казалось, совсем не беспокоили будущего Лидкиного убийцу.

— Мама...

Она сделала попытку отплыть подальше в море, но вид валов, разбивающихся о волнорезы, отрезвил ее.

Сашина голова мелькнула в двадцати метрах. В десяти.

Тогда обреченная Лидка подняла глаза, в последней надежде оглядывая берег, пляж и скалы. Высоко на круче, там, где чахло под солнцем одинокое колючее дерево, ясно различимы были человеческие фигурки. С моря не удавалось разглядеть, что это за люди и куда они смотрят, — но у Лидки вдруг нашлись силы.

Последние пять метров Саша одолел под водой, в длинном нырке. Вынырнул прямо перед ней; глаза его показались ей совершенно отстраненными, рыбьими. Глаза хладнокровного убийцы.

— Вон! — У нее хватило сил на выкрик и даже на то, чтобы показать рукой на скалы. — Там! Солдаты! У них бинокль! Они все видят!

— Обалдела?!

Он был зол. Страшно зол и раздражен. Лидке показалось даже, что она видит слюну, летящую у него изо рта; тем не менее он

обернулся и взглянул в сторону берега. И некоторое время разглядывал, как ей показалось, людей на круче.

— Сдурела?!

— Не подходи, — выдавила она, не сводя с него глаз.

— Что?!

— Ты меня не утопишь, — сказала она, чувствуя на подходе щипучие слезы. — Там увидят... Не трогай...

Он выругался — так, как не ругались при женщинах Лидкины знакомые мужчины.

— На берег. Живо! Не то притоплю тебя, психичка долбаная, и за волосы вытащу. Ну?!

Она поплыла к берегу — просто потому, что больше некуда было деваться. Саша держался рядом — не очень близко, но Лидка прекрасно понимала, что эта дистанция обманчива. Пловец... чемпион, наверное...

Очередная волна швырнула ее к берегу и хотела было оттащить обратно, но Саша сильно подтолкнул Лидку сзади. И еще. Она почувствовала под ногами песок и буквально вцепилась в него пальцами ног; волна схлынула, а Лидка осталась стоять и со следующей волной сделала три шага вперед. Наклонилась, упала на четвереньки...

Новая волна, и последняя для Лидки на сегодня, сбила ее с ног и прокатила по отмели. И оставила отплевываться на песке.

Саша снова выругался за ее спиной. Лидка слепо, как кутенок, отползла подальше от моря, добралась до сухого и упала мешком.

Саша что-то пробормотал сквозь зубы.

Лидка подняла гудящую голову; Саша выходил из моря злой, оскаленный, без трусов.

— Что смотришь? Волной унесло! Из-за тебя, дура...

И он прошествовал через пляж к своим шортам. Лидка лежала, не в силах пошевелиться, ничему больше не удивляясь.

* * *

— Я рапорт подам, — сказал Саша сквозь зубы. — Всю лабораторную работу делает один Зарудный. А эта истеричка знай создает чепэ... Ну не спит она со своим мужиком, ну психует, когда он с Валькой лижется, — при чем тут работа?! Работа при чем? Сегодня она в обморок падает, завтра топится, послезавтра она кинется вниз головой со скалы, и ты, Вит, будешь по уши в дерьме... И Петр огребет ни за что. Подумай, Виталя.

Молчать, молчать, говорила себе Лидка. Если сейчас закричать, разреветься, начать оправдываться — каждый всхлип будет на Сашину мельницу. Молчать, терпеть, молчать...

В штабной комнатушке, светящей голыми кирпичными стенами, было сумрачно и сыро. Басовито жужжали мухи. Только этот звук и нарушал повисшую после Сашиных слов тишину.

— Лида, — пробормотал наконец Виталий Алексеевич, вертя в пальцах тусклую поцарапанную линзу. — Выйди, пожалуйста. Пойди погуляй.

Петр Олегович шумно вздохнул.

— Не пойду, — сказала Лидка тихо.

Виталий поднял брови:

— Что?

— Послушайте... — Она изо всех сил пыталась удержать себя в руках. — Если через пару дней я действительно упаду со скалы — знайте, что это *он* меня столкнул! Он... да, я попала в яму, и мне трудно было... трудно выплыть. Я звала его! А он сидел и смотрел, как я тону. И улыбался!

Последнюю деталь Лидка выдумала, но выдумала очень убедительно. Ей действительно вспомнилось, как Саша улыбался, глядя на ее барахтанье. Сытой улыбкой палача.

— Сдурела?! — опять взорвался подводник. — Тебе к психиатру надо! Что тебе привиделось, что ты придумала, это же открытый бред!

— Я звала, — повторила Лидка шепотом. — Я бы утонула... я случайно выплыла. Это правда.

Виталий уронил на стол свою линзу:

— Саша... какого пса вас понесло в эту бухту?! Чья это была идея?

— Его, — сказала Лидка еще тише.

— Да запретить ей вообще подходить к морю! — рявкнул Саша. — Отослать ее из экспедиции на фиг, какого черта... Я сидел на песочке и читал! Если она и кричала, то себе под нос, тихонько так, в тряпочку. А там же гудит все...

— Почему же ты не поглядывал? — раздраженно спросил Виталий. — Видишь же, что шторм!

— Да она минут сорок там сидела! Мелко там, песочек, крыса не утонет. Кто же знал, что она такая...

Он замолчал, но проглоченное гадкое слово явственно отразилось в его глазах.

— Лида, выйди, — сказал Виталий резко.

Она поднялась:

— И я сама... хочу уехать. Прежде чем он меня не убил.

Повернулась и вышла, плотно прикрыв за собой двери.

Славку она нашла у водонапорной колонки. Ведро давно наполнилось, а он все качал железный рычаг, вода бежала через жестяной край, подтапливала Славкины резиновые шлепанцы, впитывалась в жадную, каменистую, растрескавшуюся землю.

Славка посмотрел на Лидку — и ничего не сказал. Выпустил рычаг, но вода еще бежала некоторое время тонкой, затухающей струйкой.

— Ну у тебя и вид, — сказал Славка.

Лидка заглянула в ведро. Оттуда посмотрела на нее бледная осунувшаяся дама со спутанными, свесившимися на лицо волосами.

Лидка зачерпнула воду ладонью. Умылась, желая отрезвить себя и взять в руки, однако эффект оказался прямо противоположным. Пришлось сесть на землю и тогда уже, скорчившись, разрыдаться.

Славка сел рядом и обнял ее за плечи. Погладил по голове, по жестким просоленным волосам:

— Ну... ничего. Со мной тоже когда-то... чуть в пруду не утонул. В двух метрах от берега. А Сашка... ты на него не думай. Он, когда не видел никто, сам чуть не плакал, бледный такой... Не слышал он. Так бывает, кажется, что кричишь громко, а на самом деле ни звука. А еще море шумит. Так что... ну не плачь. Все ведь обошлось...

Славкин голос был так убедителен, что и без того ревущая Лидка покрылась потом при мысли о том, что на самом деле вся история с утоплением — дурацкая случайность. У одной дуры не хватило голоса кричать погромче, другой дурак зачитался, забыл приглядывать за купающейся девчонкой...

Она замолчала. Славка все гладил ее и все бормотал, успокаивая; теперь Лидке неприятны были его прикосновения. Вспоминались масленые глаза веселой Вали; нет, скотина Саша, черноротая скотина; ему-то что?! Да пусть Славка хоть со всем лагерем лижется, хоть с Валей, хоть с Петром Олеговичем. Ему-то что, завидно?!

Из низкой полуподвальной двери выбрался Виталий. Болезненно сощурился, когда солнце ударило ему в лицо; следом вышел хмурый Петр Олегович. Его белая тенниска темнела двумя подмышечными пятнами пота.

— Стало быть, так, лаборант Зарудная, — сообщил Виталий, глядя ей в лицо глазами-буравчиками. — До конца экспедиции

осталось не так много. Никаких инцидентов, досрочных возвращений, рапортов и прочего ни мне, ни Петру не надо. Так что перетерпи, будь добра, пересиди в лаборатории. К морю не подходить. К катеру не приближаться. Надеюсь, больше никаких чрезвычайных происшествий не будет?

Петр Олегович избегал смотреть на Лидку. Зато Виталий глядел, будто закручивая на ее лице два железных болта. Лидка поняла, что не сможет не отомстить. Не ответить ему теперь. Даже под угрозой позора и новых насмешек.

— Я видела остатки Зеркала там, в Воротах, — сказала она Виталию в глаза. — Я *видела*. А вы — нет.

Петр Олегович поморщился, будто ему было стыдно за Лидку. Так непристойно, по-детски лгать, придумывать сказки, беспомощно набивать себе цену...

Оба повернулись и ушли, не говоря ни слова.

— Ну зачем ты, — устало сказал Славка. — Ну помолчать бы... что ты мелешь?

— Я видела, — сказала Лидка, разом успокаиваясь. — Если бы не та отрава, что этот гад намешал мне в баллон...

— Это паранойя! — бросил Славка зло. — Кто тебе чего намешивал? Завтра окажется, что тебе салат отравили!

Он осекся.

Рядом стоял Виталий. Футболка его перепачкалась на животе, и оттого казалось, что желтая мышь побывала в дымоходе.

— Зарудная... Идем-ка со мной.

* * *

Блестящая сетка. Паутина, местами рваная, местами идеально гладкая и сверкающая на солнце. Сверкания Лидка нарисовать не сумела, но в целом получилось довольно похоже. Особенно учитывая слабую зрительную память, которую Лидка знала за собой еще с лицея.

И уж конечно, не получится нарисовать звуки. Мало того, Лидке и припомнить-то их толком не удавалось.

— Почему ты мне сразу ничего не сказала? — неприятным голосом осведомился Виталий.

— Я забыла. Потому что баллон, отравление и...

— Не было никакого отравления! Не мели ерунды. Чтобы отравить человека на глубине пять метров, яд в баллоне должен быть концентрированным и явным, а экспертиза не показала почти ничего!

— Почти?

— Ничего, что могло бы вызвать такую твою реакцию!

— А если *он* подменил баллоны перед экспертизой?

— Истеричка, — устало сказал Виталий. — С каким удовольствием я отправил бы тебя обратно.

— Так отправляйте! — Лидка погладила белый листок со своим кособоким рисунком. — Отправляйте... Я найду людей, которые мне поверят!

— Дай.

Виталий выдернул бумагу из-под ее рук. Снова поднес к глазам, и лицо у него было такое, будто через силу приходилось сосать приторно-сладкую карамельку.

— Вы не впервые это видите, — тихо сказала Лидка.

Виталий пожал плечами:

— Мало ли... Да, я видел нечто подобное. В отчетах по старым артефактным Воротам, которые исследовали несколько циклов подряд, в конце концов махнули рукой и открыли для туристов... Там была отдельная подборка бредовых версий. И какой-то псих вроде тебя тоже увидел... паутинку. Правда, чуть более целую, чем у тебя. И еще там была специальная папка под названием «Обмороки в створе». Всего случаев семь или восемь... Ты отключилась под воздействием Ворот. Оставь Сашку в покое.

— И теперь вы не подпустите меня к Воротам за версту? — желчно предположила Лидка.

Виталий поморщился.

* * *

Ночью ей приснился ребенок. Мальчик лет полутора в белых трусиках, пузырящихся на ветру. Уверенно стоящий на плотных, чуть кривоватых ножках, причем на правой коленке — наполовину зажившая, замазанная зеленкой ссадина. В одной руке — ярко-желтый пластмассовый совок, в другой — резиновый кот с пищалкой на животе. Коротко остриженные русые волосы, большая круглая голова, глаза безмятежно-спокойные, лицо — маленький портрет Андрея Зарудного или, может быть, Славки, все едино. Пухлая ладонь сильнее сжимает резиновую игрушку, кот издает длинный писк, и еще раз, и еще.

Лидка проснулась. Над палаткой гулял ветер, протяжный писк еще стоял в ее ушах, выдуманный, приснившийся звук. Славки рядом не было.

Она раскрыла наполовину зашнурованный полог и на четвереньках выбралась наружу.

Все эти бредни, эти идиотские байки про то, что бездетной женщине обязательно снятся ее нерожденные дети... Ну, было бы ему сейчас год-полтора. Пускал бы слюни, возился бы с погремушками, грыз резиновые кольца... И все. Ничего бы другого не было, ни университета, ни работы, ни экспедиции...

А на черта она нужна, эта экспедиция?! Ну, обмерили остатки Ворот. Ну, установили, что ничего особенного они из себя не представляют, камень как камень, человечество таких арок настроило до фига и больше. Понять природу Зеркала мы не в силах, да и нет его здесь, Зеркала, одни фантазии...

В предрассветной полутьме светилось единственное окошко в помещении штаба. Славки нигде не было видно; в отдалении маячила оранжевая, как апельсин, просторная палатка Валентины.

Лидка вернулась под тент. Свернулась калачиком и закрыла глаза.

* * *

И на этот раз без Саши обойтись не удалось. Он сидел за рулем катера, а Лидка сидела на корме и делала вид, что не замечает подводника. Свежий ветер развевал ее волосы, наконец-то вымытые с шампунем; Лидка знала, что выглядит эффектно, и знала, что эффекта хватит до первого соприкосновения с водой. Потом волосы облепят голову и шею, и смоется та минимальная косметика, которую она вопреки здравому смыслу нанесла сегодня на глаза и губы. Глупо краситься, отправляясь под воду, но именно сегодня Лидке хотелось продемонстрировать всем свою красоту и независимость.

И, надо сказать, кое-каких успехов она достигла. Техник Сергей поглядывал с интересом, водитель Валера проводил расфуфыренную лаборантку долгим удивленным взглядом, и даже Петр Олегович улыбнулся Лидке и помог перебраться с причала на катер. Виталий хранил профессиональную невозмутимость, Саша вел себя так, будто Лидки нет на свете.

А Славка... Славку она не видела с утра. Вернее, со вчерашнего вечера.

Ну и пусть. Он ей больше не нужен. Он... отработанный материал.

Море слегка волновалось. К Лидкиному поясу прикрепили страховку, Петр взял камеру, Виталий передал Саше бинокль:

— Поглядывай тут...

Тот кивнул, не выпуская сигареты. Оглядел горизонт, махнул рукой:

— Чисто... Давай.

Они нырнули почти одновременно. Только Лидка чуть замешкалась и поймала на себе внимательный, чуть презрительный Сашин взгляд.

Хорошо бы никогда его больше не видеть, подводника-гэошника. Никогда в жизни.

Зеленоватое, с опаловым оттенком безмолвие успокоило ее. Странно, она больше не боялась глубины, хотя, по идее, все должно быть наоборот: после того случая был бы естественней панический страх погружения...

Шарахнулась, бликуя плоскими боками, рыбья стая.

Ритмично покачивались подводные леса. Плотные воздушные пузыри уходили к небу, их было много, каждый был моделью радужного, безбедного мирка; если бы не маска, Лидка, наверное, улыбнулась бы.

Петр и Виталий плыли по бокам, и ни в одном из них нельзя было узнать ни видного археолога, ни гэошника с неприятным пронизывающим взглядом. Они были одинаковые, они были равны — странные стеклолицые существа, мерно перебирающие перепонками ласт. Плавниками-протезами. Человек еще не рыба, но уже вполне пристойно плавает...

Лидка снова сдержалась, чтобы не улыбнуться. Плотнее закусила загубник.

Ворота были видны издалека — море оставалось прозрачным. Действовали согласно заранее оговоренному плану: Петр с камерой обогнул арку и остановился напротив створа, так чтобы поймать видоискателем и Ворота, и входящую в них Лидку.

Она уверена была, что на этот раз ничего не случится. Просто по закону подлости; некоторое время она проторчит в створе, потом стрелочка манометра намекнет, что пора бы и возвращаться. И они поднимутся в катер, не глядя друг на друга, и только Саша снова зыркнет из-под длинного козырька своей пляжной кепочки; при мысли о Сашином взгляде Лидке снова стало неуютно. Страховка, застегнутая на поясе, показалась вдруг поводком, ограничивающим свободу, и неприятно было думать, что другой конец тонкого троса находится в руках у ЭТОГО. Ладно, пусть Лидка истеричка и параноик, пусть Саша и не хотел убивать ее... Но все равно — сказано и сделано достаточно. Хоть бы он, проклятый, утопился.

Шелестел, вырываясь наружу, теплый воздух. Маска чуть-чуть травила, пропуская воду, вода заливала стекло изнутри, мешала смотреть, но вылить ее не было никакой возможности — то есть опытный ныряльщик сумел бы, конечно, сделать это с помощью сложного небезопасного маневра, но Лидке такие фокусы были не под силу. Проще перетерпеть.

Петр поднял руку, объявляя о своей готовности. Лидка двинулась вперед, стараясь дышать как можно спокойнее и ровнее. Все равно ничего не произойдет.

Она немного не рассчитала импульс — проскочила дальше, чем следовало. Легла на спину, на мгновение увидела солнце сквозь толщу воды. И темное днище катера увидела тоже; раскинула руки, одновременно коснувшись каменных столбов справа и слева от себя. Эти Ворота были такими узкими, что в них могли пройти плечом к плечу человека три, не больше...

В следующую секунду Ворота раздвинулись, разъехались, как двери скоростного трамвая. Проем сделался широким, как улица, но самое печальное — Лидкины руки по-прежнему касались каменных столбов. Лидкины руки, ее верные, знакомые с детства руки растянулись, будто резиновые канаты, она с ужасом посмотрела сперва на правую кисть, потом на левую — обе были страшно далеко, обе казались маленькими, игрушечными, а ведь вода зрительно увеличивает все предметы...

Выпустив от неожиданности целый фонтан радужных пузырей, Лидка рывком поднесла ладони к глазам. Руки слушались беспрекословно, руки по-прежнему принадлежали ей; правда, сквозь очертания кисти просвечивала золотая паутина, а сквозь шелест уходящего к поверхности воздуха проступали невозможные здесь звуки. Длинный аккорд.

Дышать. Ровно, глубоко. Никаких чепэ.

Она потянулась вперед, словно собираясь ткнуть пальцем в объектив видеокамеры. Но впереди и сверху не было ничего — ни Петра, ни солнца над водой. Вытянутая Лидкина рука оставалась у нее перед глазами — непривычно толстая, будто размазанная по стеклу.

«С меня хватит».

Она ударила ластами — примерно так бьет хвостом рыбина, угодившая в полиэтиленовый кулек. И еще несколько секунд ей казалось с перепугу, что все кончено, ничего нет, сердце не бьется, — вот она, противоположная сторона Ворот, снулый мир, где Лидка была лишь однажды, но не хотела бы возвращаться...

А потом оказалось, что ее тянет куда-то без учета ее желаний.

Тонкий трос напрягся, и с каждым его рывком утяжеленный пояс все сильнее врезался в голый Лидкин живот.

Вот она, подсвеченная солнцем поверхность, — далеко. И вот оно, днище катера, — еще дальше. Тянутся ввысь два перламутровых дерева — из узкой груди Петра, из прокуренных легких Виталия. Третье — над Лидкиной головой; мешает смотреть вода, набравшаяся в маску. Рука инстинктивно тянется протереть глаза, — но натыкается на стекло.

Ее спутники — она не могла разобрать, кто из них кто, пока не увидела болтающуюся на ремне камеру, — спешили к ней с двух сторон. Трос на мгновение ослабел и напрягся с новой силой. Один из пловцов — скорее всего, Виталий — размахивал рукой перед Лидкиным носом, указывал вверх, веля немедленно всплывать; под водой движения получались плавными, замедленными, недостаточно убедительными.

В этот момент второй пловец вытянул руку, указывая куда-то Лидке за спину. Она обернулась.

Под водой их туши казались неожиданно огромными. Каждая была размером с тот грузовик, на котором приехала в Рассморт передвижная электростанция.

Трос рванулся снова. Пояс врезался в тело, от боли Лидка едва не прокусила загубник. Один из ее спутников торпедой рванул вверх — только ласты мелькнули. То был Петр Олегович; Лидка увидела плавно опускающуюся ко дну видеокамеру.

Черное глянцевое существо оказалось в метре от Лидки. А может быть, ей померещилось — ведь вода мешает правильно оценить расстояние; темная морда была огромная, как экскаваторный ковш. Мгновение — и дальфин повернулся боком, скосив на Лидку острый маленький глаз. Некоторое время они смотрели друг на друга, и Лидка готова была руку отдать на отсечение, что зверь смотрит удивленно. Изучающе. Свободный зверь, единственное высшее существо, умеющее выживать без помощи Ворот...

Потом ее потащили наверх одновременно страховочный трос и гэошник Виталий, причем Лидка затруднялась определить, кто из них причинял ей больше боли.

Потом голова ее оказалась над водой, и первым делом она стянула маску; катер оказался неожиданно далеко, тем не менее отлично видно было, как мокрый, жалкий Петр крутит ворот лебедки, а Саша стоит, упершись ногой в борт, и вроде бы отдыхает. Лидку рывками тащило по волнам, подобным образом когда-то наказывали провинившихся матросов; рядом плыл Виталий, и

за ним, кажется, оставался пенный след, как за моторной лодкой...

Глянцевая туша взметнулась над волной. Высоко, метра на полтора; прежде чем дальфин успел погрузиться, в боку у него появились три маленькие черные дырки.

Лидку тащило спиной вперед, и она все прекрасно видела. Над водой взметнулось живое гибкое тело — обратно упало, шлепнулось издыхающее мясо, еще подрагивающее, еще желающее жить, замутняющее воду вокруг, и волна становилась грязно-коричневой...

А может быть, кровавые детали воссоздало Лидкино воображение? Потому что когда ей было все это разглядеть?

Совсем рядом мелькнула, едва показавшись из воды, аспидно-черная спина. И Саша снова успел выстрелить.

Лидку втащили на катер, причем ей показалось, что на борту остаются сорванные клочки кожи; конечно, это ее воображение снова хватило через край.

Виталий сорвал ласты. Как был, не снимая баллона, кинулся за руль. Зачихал мотор; высокая волна швырнула катер так, что Лидка едва не вывалилась снова.

А может, это не волна?!

Саша выстрелил еще. И еще. Лидка мельком увидела его лицо — отрешенное лицо довольного жизнью убийцы.

Мотор заработал, катер высоко задрал нос, пытаясь тащить за собой неподобранный якорь. Саша опустил пистолет, шагнул к Лидке — она не удивилась бы, если бы он и ее продырявил за компанию. Но вместо этого щуплый гэошник переступил через нее, как через рухлядь, перебрался на корму и что-то там сделал с якорным канатом.

Катер рванул вперед. Саша едва удержался.

Дальфины уходили в море, увлекая за собой агонизирующих собратьев. Двоих? Троих? Лидка не видела.

Она смотрела на Сашину загорелую спину с проступающими позвонками.

Пистолет он так и не выпустил. Держал в опущенной правой руке.

* * *

«...Д. — единственные адаптированные к апокалипсису высшие существа. По анатомии и физиологии взрослые особи близки к млекопитающим, однако по способу размножения Д., как

ни странно, яйцекладущие. Цикл развития Д. в точности похож на цикл развития насекомого; самки делают кладку раз в двадцать лет, накануне апокалипсиса. Кризисные изменения во внешней среде, а иногда даже их предвестники, провоцируют развитие личинки Д. — глефы. В разгар кризиса глефы покидают скорлупу яиц и выходят на сушу. Личинки Д. смертельно опасны для всего живого. Малоуязвимые, устойчивые к высоким температурам, они не нуждаются в убежище и переживают апокалипсис без укрытия. Возвращаются в море после того, как прекращается сейсмическая активность. Следующая стадия развития — куколка, внутри ее Д. пребывает всего от месяца до двух, после чего на свет появляется взрослая особь.

Д. остается одним из наименее изученных существ планеты. Происхождение Д. и природа его адаптационных механизмов до сих пор неясны. Отсутствие информации порождает домыслы. Так, Д. стали находкой для писателей-фантастов, которые в своих произведениях приписывают этим существам то разум, то внеземное происхождение, то мистическую связь с Воротами, то все эти свойства одновременно».

(Малая популярная энциклопедия, с. 271.)

* * *

Вечером на берег выбрались крабы. Казалось, сами камни зашевелились, поднялись на членистые лапы, выкатили бессмысленные блеклые глаза и толпой поползли туда, где на груде скальных обломков лежал отторгнутый морем дальфиний труп.

Археолог Петр Олегович пил неразбавленный медицинский спирт и плакал. Сегодня он оказался трусом, бросил товарищей в беде и утопил казенную видеокамеру с ценными записями. Археолог был близок к самоубийству, несмотря на то, что никто даже взглядом не уязвил его, не то что словом.

Убийца Саша был трезв. Сидел перед ангаром и демонстративно чистил пистолет. Разобранное оружие на промасленной тряпке вызывало у Лидки рвотный рефлекс. В аккуратно разложенных деталях было нечто патологоанатомическое; вечера у моря всегда успокаивали Лидку, но теперь некуда было деваться ни от чаек, алчно кружащихся в отдалении, ни от Саши с его пистолетом.

Она вернулась в штаб и одновременно взялась за два безнадежных дела: убирая в лаборатории, она пыталась навести порядок в голове.

Рядом, за фанерной стенкой, смеялась Валентина. Звала кого-то на посиделки — ей отвечали голоса Сергея и Валеры. Славки не было слышно.

Потом без стука отворилась дверь. Лидка обернулась, ожидая увидеть мужа, но вместо него на пороге обнаружился Виталий. Желтая мышь на его футболке вылиняла до бледно-лимонного цвета.

— Пиши. — Виталий уселся без приглашения, вытянул ноги, положил на столик перед Лидкой лист бумаги с числом и неразборчивой печатью. И шариковую ручку.

— Что писать? — спросила Лидка.

— Хронику событий, — скучным голосом сказал Виталий. — С момента, когда ты погрузилась. Заканчивая моментом, когда мы вышли на причал.

— А сверху писать: «Объяснительная записка»? — съязвила Лидка.

Виталий поднял на нее взгляд, и глаза были сумрачные, как фары похоронного автобуса. Под этим взглядом Лидка кивнула, села на табуретку и пододвинула к себе листок.

— Такого-то числа в таком-то часу, — начал диктовать Виталий, — выполняя такое-то задание, я, такая-то и такая-то, вместе с такими-то и такими-то членами экспедиции...

— Вышла куда-то и сделала что-то, — пробормотала Лидка сквозь зубы.

— Пиши, — сказал Виталий без тени улыбки в голосе.

Некоторое время в лаборатории стояла тишина. Откуда-то просачивался сигаретный дым, причем сигареты были — Лидка потянула носом — с ментолом. Валя.

Она дошла до момента, когда «выполняя задание, приблизилась к объекту и расположилась в створе, обеими руками коснувшись...».

Прекратила писать. Осторожно положила ручку:

— Это же бред... Виталий Алексеевич. Это же меня в психбольницу отправят с такими... отчетами.

— Это не отчет, — Виталий поморщился. — Это... Не волнуйся. Просто пиши. Подробно и честно.

Лидка опустила голову.

Вспоминать случившееся в Воротах было неприятно. Сформулировать и перенести на бумагу — трудно.

— Тут помарки, — сказала она, извиняясь.

— Простят, — коротко отозвался гэошник. — Пиши.

В молчании прошло еще несколько минут. «Потом я потеряла... утратила ориентацию».

Она снова положила ручку.

— Ну, а... о дальфинах... надо?

— Надо, — жестко сказал Виталий. — Все. Кто куда плыл и кто куда стрелял...

Лидке показалось, что Виталий ухмыляется. Не понять, то ли Сашу к награде представят, то ли на гауптвахту упекут за эти выстрелы. Но Виталий знает по этому поводу нечто, чего не знает Лидка.

Она вздохнула. Бумаги оставалось мало, поэтому с каждой строчкой приходилось писать все мельче.

— Подпишись. Число.

Виталий взял из ее рук плотно исписанный листок, просмотрел, остался доволен. Поднялся, не прощаясь, вышел.

— Так это не бред? — спросила Лидка ему в спину.

— Твое дело, — сказал Виталий уже из коридора, — доложить. А классифицировать — не твое дело. Считай, что я тобой доволен.

— А мне плевать на ваше удовольствие, — сказала Лидка уже в пустоту.

Некоторое время она сидела, тупо глядя в покрытый потеками потолок. Потом под окном заплакал ребенок.

Галлюцинации, подумала Лидка, покрываясь потом. Уже и наяву...

И изо всех сил приложилась кулаком по столику. Жалобно звякнуло лабораторное стекло в ящиках; ребенок раскричался с новой силой, причем не младенческим бессмысленным вяканьем, а солидным басовитым ревом годовалого как минимум человеческого существа.

Лидка подошла к окну, толкнула пыльную раму, впуская в комнату теплый вечерний ветер.

Офицер в пятнистой форме о чем-то приятельски беседовал с техником Сергеем. В отдалении стояла армейская легковушка, и толстая женщина потряхивала, успокаивая, полуголого обиженного младенца. На женщине было джинсовое платье в обтяжку. Вероятно, из этого платья можно было бы выкроить штаны чуть не для всей экспедиции.

Младенец как-то сразу успокоился — только что орал и вот уже смеется, похрюкивает от удовольствия. Мать спустила его с рук, и он заковылял, косолапя, смело попирая землю босыми розовыми ступнями.

Лидка захлопнула окно. Звякнули пыльные стекла.

* * *

Ей только сейчас пришло в голову, что все они очень молоды. Еще недавно они лежали, спеленатые своими «кукольными» покровами, где-то глубоко на дне, куда человеку никогда не донырнуть. А потом родились в третий раз, ровесники, одно поколение, лишенное другого опыта и других знаний, кроме тех, что заложены в инстинктах.

А если бы человечество умело так же? Если бы все взрослые погибали бы при апокалипсисе, а нерожденные — личинки — выживали? Страшно представить себе полчища этих диких детишек. Звереныши, они весь отпущенный им срок боролись бы за выживание. Все двадцать лет жизни — до нового апокалипсиса... И венцом их усилий стали бы новые кладки. Потомство, которому никогда не суждено увидеть родителей.

А если бы?!

Лидка закусила губу.

Со своего места, с тропинки, она видела только опавший черный бок. И не торопилась подходить ближе, зная, что крабы делают свое дело, что чайки уже съели дальфиньи глаза, недавно глядевшие на Лидку с искренним удивлением. Почему-то она была уверена, что там, в камнях, лежит именно *тот*. Ее знакомец.

Или это была «она»?

Ворота. Дальфины. Ворота. Глефы. Страхолюдные всепожирающие твари, которых можно остановить только шквальным огнем из крупнокалиберного пулемета. А если нет под рукой пулемета? «Глефы расправляются с жителями деревни NN. Холст, масло. Запрещено к просмотру несовершеннолетними».

А если они когда-то *были* разумными? Что, если эти, явившиеся поглядеть на чужаков, — просто дети, у которых никогда не было родителей? Большие и сильные, безмозглые, сбившиеся в стаю дети?

Она обнаружила, что бредет по тропинке обратно. Что чайки, которых она спугнула было, поспешно возвращаются к дармовому мясу. И что перед ангаром по-прежнему сидит на складном стульчике Саша, а на коленях у него лежит свежевычищенный пистолет.

Она остановилась в пяти шагах.

Почему-то убийцу тянет на место преступления, а бабочку влечет к огню. Лидке бы пройти, не останавливаясь, не глядя, вернуться в мертвый поселок, к штабу. А вместо этого она встала;

хотела сунуть руки в карманы — эта поза всегда придавала ей уверенности. Забыла, что на шортах, бывших когда-то джинсами, от карманов остались только жалкие атавистические складочки.

В отдалении бродили чайки. Лидка поняла вдруг, что сжимает зубы до хруста, что судорожно стискивает кулаки. Она скажет ему... Она скажет...

Саша поднял голову. Без выражения посмотрел на Лидку, потом на пистолет. Потом снова на Лидку.

— Извини, — сказал он бесцветным голосом. — Я там в штабе наговорил всякого... Со зла. Не надо было. Так что прости.

Если бы он поднял свой пистолет и выстрелил Лидке в лоб — она удивилась бы меньше.

* * *

Утренняя поездка на объект закончилась уже через час. Лидка была в лаборатории, когда с берега прибежал взмыленный Славка; через минуту они вдвоем неслись вниз по тропинке, причем Лидка прижимала к животу аптечку, которая по всем правилам должна была храниться на катере, но не хранилась с оглядкой на дневную жару.

Аптечка, по счастью, не понадобилась.

Когда Славка с Лидкой добежали до причала, Виталий уже сидел на досках, бледный до синевы, но в полном сознании. Предложенный нашатырь отклонил:

— В ящике... на катере... Почему аптечка не на месте?!

Слова, поначалу показавшиеся бредом, были на самом деле дисциплинарным внушением. Роль врача в экспедиции исполнял Петр, но за технику безопасности при погружениях отвечал Саша, а тот, по-видимому, полагал, что если есть пистолет, то нашатырь уже без надобности.

Пришвартованный катер бился бортом о причал. Доски под ногами вздрагивали. Виталий отыскал глазами Лидку.

— Петя, — спросил, не сводя с Лидки взгляда, — ты заснял?

— Да, да, — несколько суетливо подтвердил археолог. — Только ведь... ничего не было, Виталик. Внешне ничего не было видно...

— Ворота? — тихо спросила Лидка.

Виталий отвел глаза:

— Там остатки Зеркала... Нас поощрят, ребята, за эту экспедицию. Но мы все равно ни черта не узнаем... и не поймем.

Пленку, извлеченную из второй, резервной, видеокамеры, просмотрели уже через полчаса. Виталий морщился, глубоко дышал и глотал таблетки от головной боли; по-видимому, ему пришлось еще хуже, чем Лидке. В записи прекрасно видно было, как некто с аквалангом входит в Ворота, останавливается в проеме, на минуту зависает, упираясь руками в каменные столбы, а потом вдруг дергается и обмякает, и потихоньку переворачивается, отправляя к поверхности пузырьки воздуха, набирая в легкие воды... На этом запись заканчивалась. Петр и Саша, бывшие в тот момент под водой, быстренько вытащили Виталия к солнцу и откачали прямо в катере. Утопленник уже дышал, но в сознание не приходил, из-за чего спасателям пришлось пережить несколько неприятных минут.

— Лида, — сказал Виталий, когда эмоции собравшихся в штабе немного утихли. — У меня к тебе будет несколько конфиденциальных вопросов. Как к биосенсору.

— Кому? — спросила Лидка с опаской. В университете ей успели привить стойкую неприязнь ко всякого рода псевдонаучным терминам.

Виталий ухмыльнулся.

...Был полдень. В самом этом слове Лидке слышался звон желтых, раскаленных колоколов.

В жухлой траве верещали цикады. Воздух струйчато переливался над забетонированной площадкой, над крышей автобуса, над бортами передвижной электростанции. Лидка надвинула кепку на самый нос.

Виталий отвел ее в короткую тень кряжистой, пережившей *мрыгу* яблони. Люди, в свое время варившие компот из ее яблок, канули в никуда, и, будто сознавая это, яблоня баюкала в ветвях единственный зеленый плод. «Яблок вам? Облезете...»

— Лида, вот что. Тогда, когда ты... в первый раз «поплыла» в Воротах, тебя что-то эмоционально задело? Потрясло?

Лидка смотрела непонимающе.

— Видишь ли, во второй раз, после истории в бухте, когда ты, по твоим словам, чуть не утопилась, — там понятно. Там ты была здорово на взводе. А первый раз?

— Я впервые увидела Ворота, — сказала она шепотом. — Ну и вообще... вы же мне тогда в первый раз разрешили погружаться.

Виталий кивнул:

— Да. Понятно.

И замолчал, думая о своем.

— Эмоциональный... фон? — тихо предположила Лидка. — То есть, когда человек сильно возбужден...

И Саша, и Петр, и она проходили сквозь Ворота, останавли-

вались в Воротах, и сам Виталий, между прочим, делал это неоднократно. Но почему-то только теперь «поплыл», поймал галлюцинацию вслед за Лидкой. Или не совсем галлюцинацию.

— А вас что... что-то случилось? — спросила она тихо.

Виталий молчал.

— Что, эта стрельба... с дальфинами...

Виталий глубоко вздохнул. Лимонная мышь на его футболке потянулась и опала.

— Да, ты угадала. Вчера ночью пришла радиограмма... Мы свернем экспедицию в течение недели. Дома... неприятности.

— Что? — Лидка подобралась.

— Нет, — Виталий поморщился. — Ничего особенного. Это у нас, — он на мгновение запнулся, — в конторе проблемы. Тебя не касается и никого не касается. И ты молчи, ладно?

Лидка кивнула.

К водонапорной колонке вышла, покачивая бедрами, Валя. Улыбнулась Виталию, многозначительно посмотрела на Лидку, налегла на рычаг с неженской силой. Вода так и брызнула, так и ударила о дно эмалированного ведра.

* * *

На следующей планерке Петр Олегович официально объявил о завершении программы и сворачивании экспедиции. Сергей и Валера несказанно обрадовались, да и сам Петр выглядел скорее бодро, чем разочарованно, и Лидка его понимала. За время, проведенное у артефактных Ворот, две его внучки с черно-белой фотографии должны были чуток подрасти.

Вечером на берегу устроили нечто вроде прощального пикника. Развели костер, к которому тут же заявился местный патруль с руганью и запретами. Патруль пришлось успокаивать и умасливать, а костер прикрывать валунами, но он все равно был виден со всех сторон, потому что питали его сухими водорослями, а те горят, как бумага.

Патруль остался. Офицер непонятного звания и пара молодых солдатиков расселись прямо на камнях, небрежно положив рядышком автоматы с пристегнутыми рожками, и Лидка хоть и слабо разбиралась в оружии, но поглядывала на хлопцев с опаской. Что-то подсказывало ей, что с автоматами так не обращаются.

Солдаты хрумкали консервы, щедро выделенные Валей из интендантских запасов. Офицер несколько раз приложился к мятой фляжке от термоса, исполнявшей роль бокала. Солдаты были пьяны одной лишь тушенкой.

Вина раздобыл, как обычно, водитель Паша — расщедрился, приволок две здоровенные канистры. Вино было густое, домашнее, крепкое, одного пластикового стаканчика вполне хватало, чтобы мир пустился в пляс. Хлебосольная хозяйка Валя разрумянилась, сидя между техником Сергеем и водителем Валерой, и то и дело заходилась смехом, слышимым, наверное, и по ту сторону гор.

Виталий посидел полчаса и ушел к себе. Минут через десять после него ушел и Петр; Саша остался, и Славка не спешил уходить — сидел хоть и рядом с Лидкой, но как-то обособленно, слушал байки и анекдоты и глядел, как Лидке казалось, прямо Вале в полногубый рот.

Разговоры становились все громче и раскованней. Лидка отошла в сторону, села на самой кромке моря, скинула босоножки и опустила ступни в воду.

— Не, сидели-сидели, ты мне скажи, ныряли-ныряли — хоть выныряли чего-нибудь? Что мне жене говорить — премия будет, нет?

— Тебе, Серега, премии так и так не положено. Ты тут загорал, считай, прохлаждался да Вальку лапал, вдали от жены-то...

Мужчины захохотали. Лидка поджала пальцы на ногах. Острый камушек, неведомо как оказавшийся среди обкатанной морем гальки, впился в пятку.

— Ничего себе прохлаждался... Тут место само по себе плохое, жили люди — и все, нету, проклятое место, у меня в фотоаппарате пленка сама собой засветилась...

Голоса отдавались в Лидкиной голове, сливались в один неровный болезненный звон. Перед глазами будто плыл экран неведомого прибора — зеленая точка прыгала, вычерчивая зубчатый график, а когда в общий галдеж ввинчивался смех Вали, самописец подскакивал высоко вверх и окрашивался красным...

Надо было встать и уйти в палатку, но Лидка знала, что там будет еще хуже. Бродить по берегу впотьмах, да еще на пьяную голову, означало обязательно споткнуться и сбить колени; Лидка сидела, сунув ладони под мышки, и чувствовала себя черствым обрезком хлеба, лежащим на столе рядом со стопкой румяных, ароматных булочек.

Мама говорила ей: «Не ошибись... подумай...»

Она ошиблась. Она верила, что будет настоящая наука, открытия, настоящая, короче, жизнь...

Детородный период закончился. Или закончится через несколько месяцев. Науки нет — есть удивленное разглядывание, многозначительные намеки и подробные чертежи, ничего на самом деле не объясняющие. С таким же успехом можно обмерять и взвешивать труп и надеяться таким образом разгадать ход мыслей усопшего...

И Виталий, и, наверное, Петр с самого начала знали, что экспедиция ничего нового не даст. То, что было воспринято Лидкой как царский подарок, оказалось подачкой с барского стола.

Ее босую ступню ощутимо куснули — не то глупая рыба, не то крабеныш. Лидка зашипела и отдернула ногу.

— А ты сам видел? А то говорят тут всякие: НЛО, НЛО... Да, огонечки были, так это, наверное, самолет...

— Днем, говорят тебе! Вот ты, солдатик, видел такую штуку над морем? Вроде как блюдце летающее?

— Спасибо...

— Да не спасибо, ты скажи, видел тарелку?

— Спасибо, нет, не хочу...

— Объект — нельзя. — Это вступил офицер. — Объект — секретный. Объект — нельзя говорить, нельзя спрашивать. Не надо.

— Ах, извини... Ну по глазам же вижу, инопланетяне тут были, вы еще небось и стреляли по ним... Может, и сбили? А?

— Нельзя.

— Понимаю... Служба...

Лидка поднялась. Голова кружилась все сильнее, следовало немедленно прекратить это безобразие.

Купальника не было. Она отбрела подальше, туда, куда не достигал свет костра. Быстренько разделась. Голышом вошла в море, погрузилась по самую макушку, испытала сперва шок, а потом облегчение. Голова очистилась от мыслей, как очищается от дыма прокуренная комната. Лидка заткнула пальцами уши и легла на спину.

Ну вот и все.

Небо было огромным и тусклым. Плотная дымка пропускала свет только самых крупных звезд.

Инопланетяне. Да уж, куда проще. Зеленые человечки, поработившие космос и обнаружившие на одной из планет потенциальных конкурентов. И осадившие их сложным, но относительно гуманным способом. Прописавшие человечеству регулярное профилактическое кровопускание, шоковую терапию, после которой не остается времени ни на какие глупости вроде завоевания космоса. После которых — лишь бы выжить и восстановить численность...

Лидка показала бы звездам кулак, но не хотела, чтобы прохладная вода заливалась в ухо.

...А человечество — тот еще воспитанник. Ко всему приспособится. Живет потихоньку со страховым полисом в зубах, активно пользуется «условленным временем» и, говорят, даже немножко развивается...

Она замерзла. Перевернулась на живот и пляжным брассом поплыла к берегу.

Костер красиво дробился на поверхности воды, отражался в каждом мокром камушке. И у костра происходила заварушка. Лидка разинула рот.

Сергей сидел, полуобняв Валю за плотную талию. Оба были белые, как пена, даже отблески костра не могли придать их лицам человеческого оттенка. В двух шагах от парочки стоял водитель Валера, и в руках у него был автомат с пристегнутым рожком.

Лидка разом ослабела и поняла, что сейчас утонет. К счастью, под ногами отыскалось дно.

— С-сука, — внятно произнес Валера. — Ты... убери лапу. С этой потаскухи. Убью. Обоих.

Валера был веселым, энергичным мужчиной средних лет. Лидка никогда не видела его раздраженным или скандалящим.

Растерянные солдатики сидели рядом, разинув рты, вцепившись каждый в свою консервную банку. Лидкино поколение, младшая группа. Их плохо кормят, подумала Лидка отстраненно. Они голодные...

У костра валялась пустая канистра из-под вина. Когда они успели *столько* выпить?!

Валера пошатнулся. Шире расставил ноги. Дуло автомата описало полукруг. Даже Лидка инстинктивно пригнулась, нырнула и под водой услышала резкое — та-та-та...

Бледный техник Сергей все еще сидел, обнимая бледную Валю.

Солдатики все так же сжимали каждый свою консервную банку.

Зато Валера лежал на камнях. И автомат был в руках у Саши, а Сашина нога попирала Валерину шею.

— Ти-хо, — сказал Саша шепотом, но так, что и Лидка услышала. — Ти-хо. Ша.

Никто не издал ни звука. Не выпуская Валериной шеи, Саша обернулся к офицеру и сквозь зубы заговорил на языке, из кото-

рого Лидка понимала только отдельные слова. Офицер слушал, и сперва его лицо сделалось белым, как у Вали, а потом пунцовым, в полумраке почти коричневым. Офицер был тоже Лидкиного поколения. В каком он звании, она так и не поняла.

Потом звякнули пустые жестянки. Солдаты встали, подхватили каждый свой автомат, причем тот, что принимал оружие из рук Саши, едва не лишился чувств. Вся тройка рысью удалилась в темноту, и оттуда уже долетели визгливые команды и звон мордобоя.

— Во блин, — сказал водитель Паша.

Остальные молчали.

Сергей, уже убравший руку с Валиной талии. Валя, закусившая пухлую губу. Водитель Паша, методично подбирающий упавшие стаканы. Славка — господи, хоть с ним-то ничего не случилось?! И гэошник Саша, а там, где он, всегда что-то происходит.

Заворочался Валера, придавленный Сашиной ногой.

— ...ус... ти...

Саша отступил и дал ему подняться. Валера встал; губы его оказались запачканными кровью из разбитого о камни носа.

Саша сгреб Валеру за ворот тенниски. Аккуратно в обход костра, вывел к морю и тут расчетливо, коротко ударил под дых. Валера ахнул и опрокинулся в воду; Саша поднял глаза и увидел Лидкино лицо над водой.

— Выходи.

— Я голая, — пролепетала она еле слышно.

— Выходи и одевайся.

Лидка поспешила к своей одежде — наполовину вплавь, наполовину вприпрыжку. На четвереньках выбралась на берег, долго не могла отыскать шорты. В воде громко ворочался Валера, издавал обширный диапазон непристойных звуков, стонал и ругался.

— Во блин, — повторил водитель Паша. — Вот это винище, наверное, табака подсыпали.

— Чего теперь? — хрипло спросил Сергей.

— Теперь штаны постирай, — с неожиданной злобой откликнулась Валя. — Тоже мне мужики... Один кретин схватил пукалку — все разом обо...лись.

— На себя посмотри, — огрызнулся Сергей.

— Тихо, — сказал Саша. — Один перепил. Он теперь до-олго будет работу искать, я позабочусь... Но если кто рот откроет по пьяни или сдуру... тоже будет работу искать. Долго. Ясно?

Все молчали. Паша подбросил в костер травы и хвороста. Валера затих, выполз на берег, сел лицом к морю, уронив голову на руки.

Потом Валя поднялась — вызывающе яркая, смелая, облитая светом костра. Как будто пережитый страх переплавился теперь в возбуждение, в браваду, недаром так хищно поблескивали прищуренные влажные глаза.

— Кто бы мне помог эту корзину обратно оттарабанить? Слав, ты вроде трезвее прочих будешь?

И улыбнулась. Лидка видела ее улыбку, потому что как раз к этому времени успела одеться и брела к костру, чтобы погреться.

Зависла пауза. Костер горел высоко и ровно. На щеках Сергея играли желваки, Паша ободряюще усмехался. Даже Саша обернулся, смерил Славку оценивающим взглядом.

Трещала, сгорая, трава. То, что прежде было водорослями и жило на глубине, в царстве безмолвия и рыб, а потом умерло, было отторгнуто и выброшено штормом, высохло под палящим солнцем, теперь исчезало в костре, не оставляя даже пепла.

Лидка глубоко вздохнула.

— Нет, — сказал Славка, глядя в сторону.

Костер понемногу опадал. Морская трава горит быстро.

Валя улыбнулась снова, но совсем другой улыбкой:

— И что делает с людьми хронический спермотоксикоз...

Славка вскочил — и в какой-то момент сделался похожим на Сашу. Такой же быстрый и безжалостный; сжимая кулаки, он остановился перед Валей, и тогда интендантша улыбнулась в третий раз, да так, что даже у Лидки свело скулы.

— Что, Слав? Ты что-то хотел сказать?

Сергей примиряюще ввинтился между ними:

— Слав, нельзя так на бабу. Она не виновата... Ты скажи своей лаборантке, чтобы не выпендривалась, а дала, как поло...

Лидка не знала, приходилось ли Славке когда-нибудь драться. В лицее, помнится, он не задирался никогда; теперь же Сергей отлетел на два шага и едва удержался на ногах, и схватился за скулу:

— Ах ты, гаденыш...

Саша поймал предназначенный Славке удар, играючи завернул руку водителя за спину. Толкнул Сергея на землю:

— Мало? Тоже хочешь строгача?

Сергей выругался. Тогда Лидка, мокрая, в прилипшей к телу майке, вошла в освещенный круг, стараясь, чтобы губы не дрожали:

— Славка... Ну их всех... Пойдем, а?

Славка посмотрел на нее мутными затравленными глазами.

— Слав... пойдем? Пожалуйста... Ну их к черту...

Его рука была холодная, как рыба. И дрожала мелкой дрожью.

* * *

Утром Лидка выбралась из палатки, воровато волоча за собой спальный мешок.

Оглядевшись и никого вокруг не увидев, наспех свернула спальник и, зажав его под мышкой, поспешила к морю. Забралась в камни на краю пляжа и опустила спальник в воду.

Напитавшись, мешок сделался неподъемным и почти неуправляемым; зайдя по колено в море, Лидка помогала соленой воде уничтожать следы первой брачной ночи.

Она не знала, что с кручи на нее смотрит, закусив полную губу, интендантша Валя.

ГЛАВА 7

Двести пятый детский комбинат сегодня возвращал себе гордое название школы. Половина спален снова называлась классами; двухъярусные кровати были разобраны и вынесены в кладовую, и старые школьные столы, за которыми учились еще Лидкины ровесники, заняли свое законное место, настолько законное, что железные мебельные ножки попали каждая в свою щербинку на линолеуме. Исключая, конечно, те несколько помещений, которые во время апокалипсиса выгорели дотла, — там линолеум был почти новый.

Яночка, дочь Тимура и Сани, терялась в море цветов и бантиков, образовавшемся под табличкой «Первый «К». Широченный двор до краев был запружен народом; малыши из средней и младшей групп липли к окнам, расплющивали носы о стекло, с завистью глядели на старших братьев и сестер, у которых сегодня, прямо сейчас, начинается новая взрослая жизнь. Лидка помнила себя, взобравшуюся на подоконник, ищущую в такой же возбужденной толпе Тимура и Яну.

Все они — и она, Лидка, тоже — в свое время пошли в первый класс именно здесь, в двести пятой. Потом, на взлете папиной карьеры, всех троих перевели в лицей: Яна с Тимуром были тогда в шестом классе, Лидка — в четвертом. Племянницу же Яночку

собирались отдать в лицей с первого же дня учебы, но у Тимура не хватило на это денег, а у папы — влияния.

— Слушай учительницу... — в двадцать пятый раз повторила Саня.

Яночка выпятила капризную губку:

— Воспитательницу? Тамару Михалну?

— Это она была воспитательницей, а теперь она учитель! И с тебя спрос другой, поняла?

— Ага, — сказала Яна равнодушно.

Худенькая и миловидная Лидкина племянница была не по годам развита и не по годам строптива. Лидка молча сочувствовала неведомой Тамаре Михалне, мучившейся с Яночкой четыре года в саду и, вероятно, обреченной мучиться еще как минимум год, пока Саня с Тимуром не исхитрятся перевести девчонку в лицей.

Мама растроганно улыбалась. Папа попеременно щелкал то языком, то фотоаппаратом. Хмурился, втихомолку завидуя, шестилетний Паша, оказавшийся на полгода младше собственной племянницы и потому попавший в среднюю группу. Лидка видела, как Яночка обернулась в толпе и прицельно показала дядюшке язык.

— Как время-то идет, — плаксиво сказала оказавшаяся рядом незнакомая толстая тетка.

— Родители первоклассников! Отойдите за белую черту! — прокричал мегафон настойчивым голосом профессионального педагога.

Лидка попрощалась с Тимуром и Саней, кивнула Яночке и выбралась из толпы. На этом празднике хватает толкотни и без дальних родственников.

Улицы были полупусты; город тихо помешался на первом дне учебы. Все рекламные щиты предлагали если не тетрадки, то ранцы, если не ранцы, то коробочки для завтраков или сами завтраки, «для поддержания сил маленького отличника». Кое-где на улицу были выставлены репродукторы, будящие ностальгию незатейливыми школьными песенками. «Как время-то идет», — вздыхала ведущая радиопередачи.

Лидка зашла в автомат и позвонила Славке на работу. Никто не брал трубку; ничего удивительного, первый день учебы всегда считался нерабочим днем, в том числе и в Институте кризисной истории.

Только зачем Славке было врать, что сегодня в двенадцать у него совещание?

Интересно, в какую школу пошел этот его отпрыск. И тем более интересно, как он зовет отца: папа? дядя? Ярослав Андреевич?

Лидка послушала длинные гудки, вздохнула и набрала коротенький, давно надоевший номер.

— Приемная слушает.

— Говорит Зарудная. Шеф на месте?

— Минуточку...

Контора работает без выходных. Хоть первый день учебы, хоть последний — секретарша на месте, и шеф на месте тоже, только вот захочет ли он разговаривать?

Щелчок в трубке. Глухой голос без всякого выражения:

— Алло...

— Добрый день, Виктор Алексеевич. Я хотела спросить, есть ли новости по поводу моего...

— Есть, — оборвал ее голос, на этот раз с оттенком раздражения. — Одиннадцать ноль-ноль, сто первая комната. Поговоришь с одним... человеком.

— Спасибо, — сказала Лидка, но трубка уже пищала короткими гудками.

Она посмотрела на часы — полдесятого. Лишнее время. Вырванные из жизни полтора часа.

Но неужели ее дело сдвинется с мертвой точки?

Она села в автобус — благо он был почти пуст. Спинка впереди стоящего сиденья была разрисована разнообразными рожами; это еще цветочки, через полгодика пойдут надписи. Сперва самые невинные, а дальше — больше...

Спустя двадцать минут вышла на набережной — вдоль улицы пестрели киоски, открытые и закрытые, брезентовые и стеклянные, и каждый второй приманивал броской вывеской: «Школьный базар».

По бетонной лестнице она спустилась к морю. Чайки, потрошившие мусорный ящик, неохотно отковыляли на несколько метров в сторону. То и дело оступаясь на камнях, Лидка добралась до знакомой расщелины. Подстелила полиэтиленовый пакет, уселась, скрестив ноги.

...Во время их со Славкой медового месяца — сразу после возвращения из экспедиции — они любили уединяться здесь и печь картошку на углях. И вспоминать, как было хорошо тогда, в первую ночь, в палатке. Тогда Лидка была еще свято уверена, что не сегодня-завтра тест на беременность даст положительный результат.

С каждым новым пикником картошка становилась все суше, а жареная колбаса все жирнее и гаже.

Наконец потребность в романтических вечерах у моря отпала вовсе.

Лидка мрачно ухмыльнулась. Море было серым, как огромная, до горизонта, мышь.

* * *

Она предъявила пропуска — сперва внешний, потом внутренний. Внутренний, красно-розового легочного цвета, был ей особенно противен. Столько усилий потребовалось, чтобы получить его, и столько открытий мерещилось за порогом искусственной тайны, и какой пустой и вымороченной оказалась вся эта запретная наука и вместе с тем какой ревнивой и мстительной; заполучив в свое нутро человека с розовым пропуском, она ни за что не желала выпустить его обратно.

Дверь сто первого кабинета была обшита кожей. Скорее всего, искусственной, но очень похожей на настоящую. Кожа нерадивых сотрудников, подумала Лидка — и не улыбнулась собственной шутке.

— Александр Игоревич, к вам Лидия Зарудная...

Она вошла. Сидевший за массивным столом поднял голову, и в первый момент она его не узнала. И только когда он сдвинул брови и подбородком указал на стул — только тогда она вздрогнула и подобралась.

Саша сильно изменился за последние пять лет. А может быть, это партикулярный костюм с галстуком преображал его до неузнаваемости. И еще — гладко зачесанные волосы.

Какая стремительная карьера, подумала Лидка, усаживаясь и устраивая на коленях видавшую виды сумку. Какое у него звание? И какое звание было *тогда*?

Она вспомнила себя, барахтающуюся в волнах, из последних сил хрипящую: «Саша, Саша», и человека на берегу, этого вот человека, нарочито погруженного в чтение. Правда, море шумело так громко... А она кричала так тихо...

— Мне передали ваше заявление, — негромко сказал бывший подводник. — Чем вызвано ваше столь радикальное решение? Столь неожиданное для всех, кто вас знал?

Лидка посмотрела ему в глаза. Саша, казалось, не узнавал ее. Во всяком случае, прозрачные глаза его ничего не выражали.

— Я поняла, что не смогу больше принести пользу науке, —

сказала Лидка без запинки. — И не смогу принести пользу службе ГО.

Саша продолжал смотреть сквозь Лидку. Ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Почему?

— Потому что я ошиблась в выборе пути, — сказала она все так же просто. — Потому что я не ученый. Только и всего.

Саша опустил голубоватые веки:

— Видите ли, коллега Зарудная. Вы производили впечатление энергичного, увлеченного своим делом исследователя. Все считали вас, именно вас наследницей дела человека, чью фамилию вы... — он сделал эффектную паузу, — ...носите. Разве нет?

— Я не знаю, кто что полагал, — сказала Лидка уже менее уверенно. — Людям свойственно ошибаться, разве нет?

— А вам не кажется, что вы совершаете предательство? — негромко спросил, прямо-таки прошелестел Саша.

Лидка разозлилась. Сняла сумку с колен, поставила на ворсистый ковер:

— Ну, *и кого я предаю?*

— Память Зарудного, — подсказал Саша.

Лидка сглотнула, набирая в грудь побольше воздуха. Только сдержаться. Только сдержаться; он провоцирует ее намеренно, и непонятно, что последует после того, как она поддастся на провокацию. Молчать, молчать, я шарик, воздушный шарик, красный воздушный шарик...

— Для науки и ГО это имеет какое-то значение? — спросила она через силу. — Предаю я память Зарудного или нет?

Он отвел глаза:

— Нет. Не имеет.

— Тогда я прошу дать ход моему заявлению. Снять с меня право допуска. Я дам какие угодно подписки о неразглашении — хоть на три *мрыги* вперед...

— Вас не будут выпускать за границу, — сказал Саша с сожалением. — Ни за какую. Ни под каким предлогом. Лет десять.

Лидка поморщилась:

— Да, это вы умеете. Не пускать.

Некоторое время Саша не сводил с нее сосущего взгляда.

— Вы настаиваете на увольнении?

— Да, — она кивнула.

Саша откинулся назад. Покрутил в пальцах желтый лаковый карандаш:

— Ты права. Ученый из тебя хреновый.

Она смотрела, как он подписывает бумаги, и чувствовала, как немеют, покрываясь бледностью, щеки.

Он врет. Он врет умышленно, оскорбительно. Ни в чем нельзя верить гэошникам. Ученый из нее был бы неплохой... если бы вся эта наука имела смысл... Она могла бы... не зря ее ценили в университете! Не зря она получила свой красный диплом... Не зря ее брали в экспедиции... Не зря ее допустили в секретный институт... Не могло такого быть, чтобы столько надежд — на хренового ученого!

Грохот моря. Соленая вода в горле.

— Я хочу спросить, — сказала она хрипло.

Он на секунду оторвался от бумаг:

— Спрашивай.

— Ты меня топил?

Он аккуратно сложил подписанные бумаги. Скрепил скрепочкой. Поднял на Лидку прозрачные глаза:

— А ты знаешь... Тогда, будучи сопливой пацанкой, ты действительно казалась перспективной штучкой. Ты была фанаткой. *Таких боятся. И ты умело делала вид, что много знаешь.*

— Так топил?! — переспросила она, подавшись вперед.

Саша улыбнулся. Впервые с самого начала разговора; на его строгом галстуке тускло поблескивала золотая булавка. И так же тускло, но остро поблескивали глаза.

— ...Поздравляю вас, бывшая коллега Зарудная. Вашему заявлению будет дан ход, мы изыщем возможность уволить вас без скандала. Стоит ли говорить, что ни к одному научному заведению вас на пушечный выстрел не подпустят? Или и так понятно?

— Не больно-то надо, — сказала Лидка медленно. И поднялась:

— Благодарю вас, Александр Игоревич. Я вполне удовлетворена.

...Отовсюду звучали школьные марши. Поднявшийся ветер гнал по мостовой обертки от конфет.

На столбе объявлений гроздьями висели приглашения на работу. Учителя требовались в колоссальных количествах. Почему-то в основном по живой природе и труду. «А историю я преподавала бы одной левой, — подумала Лидка. — Да и биологию... Да хоть физкультуру. И они сидели бы у меня как мышки, они бы меня боялись...

Потому что я их ненавижу».

Она села на скоростной трамвай (в вагоне сидели сплошь радостные мамы первоклассников), доехала до центра, на выходе

купила банан и съела на ходу. У ветра был запах осенних цветов. «Кладбищенский запах», — подумала Лидка.

Вот и все. Легко и пусто. Какая всеобъемлющая, спокойная пустота.

...Взять и пойти в школу. И дрессировать их, как щенков. Чтобы стояли навытяжку. Чтобы по десять раз переписывали длиннющие упражнения, а сделают помарку — и еще десять раз. Чтобы сидели, сложа на парте руки, не смея шелохнуться... Чтобы вздрагивали при звуке моего голоса!

Мемориальную доску Андрея Игоревича Зарудного не протирали давно. Бронза позеленела, депутат Зарудный окончательно перестал быть похожим на себя. Одно время местные ребятишки облюбовали барельеф для разнообразных забав, но после того, как Лидка поймала пару снайперов с водяными пистолетами и жестоко надрала им уши, стрельба по бронзовой мишени прекратилась.

Возмущенным мамашам пострадавших стрелков Лидка кинула в лицо отобранное у пацанов оружие. «Это же вода! — не унималась одна из них, соседка с третьего этажа. — Что она может сделать этой вашей доске!» — «Еще раз поймаю, — сказала Лидка, — будет хуже». — «Садистка! — кричала мамаша. — Я найду на тебя управу!» — «Ищите», — сказала Лидка и захлопнула дверь перед мамашиным носом.

Соседи и раньше не понимали ее, а после случая с экзекуцией так и вовсе невзлюбили. Особенно женщины: «Своих детей нет, так эта стерва на чужих кидается!» Особенно жена дипломата с третьего этажа и жена известного актера с четвертого. Дом-то оставался элитарным, даже появилась у входа будочка консьержа, в которой по очереди коротали дни две смирные старушки...

Один только старик приветливо здоровался с Лидкой, седой плешивый старик с первого этажа, тот самый, что курил сейчас у подъезда. Курил и кашлял; Лидка поздоровалась, и старик ответил, и она в который раз удивилась, как в этом немощном уже теле помещается глубокий бас — голос не старческий, а в высшей степени мужской, красивый и даже волнующий.

Она отперла дверь своим ключом. Со свекровью они не разговаривали, наверное, уже года три; Клавдия Васильевна жила отдельно, запирала свою комнату на замок и злословила — Лидка точно знала — о своей скверной невестке всюду, где только удавалось завести разговор. От ближайшего хлебного магазина и до Совета министров, где вдова Андрея Зарудного теперь занимала какую-то маловразумительную, но весьма выгодную должность.

Однажды в Лидкино отсутствие Зарудная перенесла портрет мужа из его кабинета к себе в комнату. И Лидка не смогла добиться возвращения портрета на законное место; вдова в который раз продемонстрировала ей свое исключительное право на память об Андрее Игоревиче. Хорошо, что у Лидки был еще фотопортрет, тот самый, который так удобно ложится на стол под оргстекло...

В гостиной толстым слоем лежала пыль. Клавдия Васильевна не убирала нигде, кроме своей комнаты да изредка — кухни. Лидка механически включила телевизор; по всем программам было одно и то же. «Такая-то школа приняла сегодня столько-то первоклассников. Несмотря на определенные материальные трудности, педагогический коллектив уверен...»

Тоска, подумала Лидка. И это называется современным телевидением?!

«Продолжают работу институты повышения квалификации для работников дошкольных учреждений. Молодое поколение воспитателей сплошь и рядом сталкивается с собственной некомпетентностью, поскольку воспитателям не хватает образования... стать педагогом... и проблема будет обостряться с каждым годом, по мере усложнения программы. По-прежнему актуальны центры переориентации работников вузов, уволенных по сокращению штатов... для работы с младшими школьниками. Работники музеев, люди с гуманитарным образованием...»

Лидка поморщилась и переключила программу.

«Третий городской лицей объявляет о прекращении конкурсного приема в первый класс. Родителям детей, так и не ставших учениками лицея, не стоит отчаиваться. В будущем учебном году будет объявлен конкурс в первый и второй...»

Лидка кисло усмехнулась. Знаем мы цену этим конкурсам. И кто в них соревнуется, тоже знаем.

Она переключила канал еще раз. Ей хотелось чего-нибудь громкого и веселого, клипа хотелось, ну неужели в честь первого дня учебы не пустят ни одной *нормальной* передачи?

С экрана смотрел широколицый мужчина из поколения Лидкиных родителей. Очень загорелый, не по возрасту морщинистый, с неопределенного цвета глазами, убежавшими куда-то под самый лоб.

— ...оставить армию и заняться политикой? — спросили из-за кадра.

— Мне кажется, я много сделал для армии. Я стал генералом в тридцать пять лет... Но армия в условиях мирного времени, со-

временная армия, уже не дает мне места, чтобы сделать больше. Моя победа на выборах — закономерность, но это только первый шаг. Я хотел бы, чтобы люди, отдавшие за меня свои голоса...

Мужчина говорил с трудом, заученный текст никак не ложился ему на язык. Лидка печально вздохнула и подняла пульт. В чем прелесть телевизора? Так легко можно заставить замолчать любого из политиков, да хоть самого Президента.

Камера отъехала, пропуская в кадр длинный стол с выводком микрофонов и людей, сидящих по обе стороны от рождающего слова генерала. Лидка выключила было телевизор, но тут же разинула рот и включила его снова.

Нет, не ошибка. По правую руку от генерала сидел, сосредоточенно кивая головой, Игорь Рысюк собственной персоной. Светлый элегантный костюм, интеллигентное тонкое лицо — рядом с ним генерал казался просто корягой, притащенной натуралистами из лесу, да так и не дождавшейся шлифовки.

Ну надо же!

Лидка выключила телевизор. Бросила пульт в мягкое кресло, прислушалась; кажется, свекрови не было дома. Тоже празднует первый день учебы?

В кабинете, по старой памяти именуемом «кабинетом отца», помигивал красным автоответчик нового телефона. Предчувствуя неприятность, Лидка нажала на маленькую и упругую, как прыщ, кнопку.

— Добрый день, господа Зарудные. Это говорит такой Рысюк, если вы помните. Я был бы благодарен, если бы кто-нибудь из вас перезвонил по номеру...

— Легок на помине, — сказала Лидка вслух.

Еще в лицее она подметила, что события, как правило, ходят табунами. И если есть новость — жди другой, третьей и так далее.

* * *

— И это твоя квартира?

Рысюк кивнул.

Крохотная комнатушка была оборудована по первому разряду. Вычислительная машина, видеоцентр, телефоны, совсем как когда-то в кабинете Зарудного.

— А ночуешь ты где? — ехидно спросила Лидка.

Рысюк внимательно на нее посмотрел. Усмехнулся:

— На диване.

Лидка запнулась:

— А, это самое, жена, дети? У тебя вроде жена была?

Рысюк кивнул на стол. Под экраном монитора лепились одна к другой три фотографии — на первых двух были два толстых голых младенца, вперившие в пространство бессмысленные глаза: мальчик и девочка. На третьей, совсем свежей, стояли рядом щекастая первоклассница с цветами и кругленький угрюмый пацан в коротких штанишках.

— А... в кого они такие... — Лидка чуть было не спросила «толстые», но вовремя опомнилась. — В кого они такие крупненькие?

— В жену, — коротко ответствовал Рысюк.

Лидка снова глянула на фотографии. На всякий случай оглядела весь стол — нет, женского фото нигде не наблюдалось.

— Как Слава? — отрывисто спросил Рысюк. — Работает?

Лидка кивнула без энтузиазма.

— А ты, говорят, увольняешься?

Лидка подняла на него глаза:

— А ты откуда знаешь?

— Разве это тайна? — Рысюк снисходительно усмехнулся.

— А, я и забыла, что ты серым кардиналом заделался, — сказала Лидка как бы в шутку.

Шутки не получилось. Рысюк смотрел внимательно, теперь уже без улыбки, и под взглядом его неподвижных светлых глаз Лидке сделалось не по себе.

— Почему ты оставила науку?

— Не твое дело, — сказала она, пытаясь придать разговору тон веселой школьной пикировки.

Рысюк помолчал. Предложил почему-то шепотом:

— Кофе хочешь?

— Ага, — сказала она после паузы.

— Пошли варить...

Кухня в отличие от комнаты носила на себе все следы холостяцкого быта. Стол был покрыт, будто круглой чешуей, застарелыми отпечатками кофейных чашек. В раковине аккуратной стопочкой стояла немытая с вечера посуда.

— Лида, тут наклевывается интересная перспектива. Я хотел поговорить с тобой... и со Славой.

— Так со мной или со Славой? — спросила она, пальцем проверяя чистоту табуретки.

Рысюк цепко глянул на нее через стол:

— Мне надо сделать выбор? Или—или?

— Нет. — Она опустила глаза.

— Понимаю, — сказал Рысюк медленно. — Видишь ли, Сотова... Я действительно понимаю, и понял не вчера. Слава *никогда* не простит тебе того случая в музее. Для Славы ты — эмблема его унижения, неполноценности, памятник его подростковой глупости. Если бы даже у вас были дети, вы все равно не ужились бы вместе. Впрочем, ты ведь выходила за Славу не по любви?

— Не твое собачье дело, — сказала Лидка глухо.

— Конечно, — Рысюк кивнул. — Так, к слову пришлось... Потому что теперь *мне* нужен Слава, и примерно для того же, для чего в свое время он понадобился тебе.

Лидка вскинула подбородок:

— Ты сменил сексуальную ориентацию?

— Так ведь он и тебе нужен был не для секса, — вкрадчиво напомнил Рысюк. — Тебе нужна была его фамилия... фамилия его отца. Чтобы при слове «Зарудная» люди сперва переглядывались, а потом спрашивали с почтением: «А вы, часом, не родственница *того самого*?»

Лидка молчала. Рысюк сполоснул под краном чашки, наполнил их кофе, пододвинул к Лидке сахарницу:

— Бери...

— Спасибо, — сказала она сквозь зубы.

— На здоровье... Видишь ли, Сотова. Сейчас я собираю ресурсы для одного очень перспективного дела. Любые ресурсы. А наследие Андрея Зарудного — ресурс крупный, ценный, редкостный.

Лидка сжала губы, отчего рот ее некрасиво, по-старушечьи, искривился. Она поспешно опустила голову; меньше всего ей хотелось, чтобы Рысюк видел ее уродство.

— Перспективное дело — это твой косноязычный глупый генерал?

— Косноязычие излечимо, — мягко сказал Рысюк. — А что до ума, то этот генерал умнее многих. Это очень мощный, волевой, перспективный человек. Надо только направить его в нужное... русло.

— И ты при нем кто же? — поинтересовалась Лидка с откровенной издевкой.

— Я при нем руководитель штаба, — ответил Рысюк, никак не реагируя на провокационный тон. — Сейчас мы выиграли депутатский мандат в городском совете. Через пару лет мы метим в мэры, а еще годика через четыре — сама понимаешь, в Президенты. Работы — вот так, — Рысюк провел ладонью поверх головы.

— Ты серьезно? — спросила Лидка, внимательно глядя в чашку с остывающим кофе.

— Более чем.

— Ты хочешь взять Зарудного... память Зарудного, наследие Зарудного... и хочешь пришить его к своему сомнительному знамени? Белыми нитками?

— «Мы вертимся, как белки в колесе, — негромко сказал Рысюк, — от цикла к циклу, и, кажется, нет выхода. Но, может быть, если апокалипсис — это колесо для белки, то Ворота — это большее, чем просто спасательный круг? Если апокалипсис — не испытание, то, может быть, Ворота — это и есть тест? Лабиринт для крысы? Нас много, но и Ворот много. Я готов с цифрами в руках доказать — Ворота возникают с расчетом на то, что живущие люди пройдут в них *все*. Если не будут терять ни секунды. Если никто ни на мгновение не задержится, чтобы отпихнуть с дороги соседа... Но возможно ли это?»

— У тебя хорошая память, — медленно сказала Лидка, — но одно слово ты все-таки переврал. Не «это большее», а «нечто большее». Вот так.

Рысюк довольно улыбнулся:

— «Зачем поставлены Ворота? И что будет, если в один прекрасный день человечество пройдет в них с гордо поднятой головой, не медля, но и не торопясь, спеша поддержать любого, кто случайно оступится? Что будет, если это, несбыточное, однажды случится? Возможно, именно тогда цикл завершится, и намордник будет снят... И человечество будет наконец развиваться. Развиваться, а не ходить по кругу, не раскручивать беличье колесо. Возможно, тот, кто поставил Ворота, сочтет, что *теперь* человечество достойно жизни без поводка...»

— К чему? — отрывисто спросила Лидка.

— К вопросу о белых нитках, — так же отрывисто отозвался Рысюк. — Наше знамя — естественная основа для идей Зарудного. Они, эти идеи, прирастут к нему безо всяких ниток.

— Прирастут к этому генералу?! — возмутилась Лидка.

— Не к генералу, а к знамени, — мягко поправил Рысюк. — Если тебе нравится выражаться столь высокопарно.

Лидка молчала.

— На самом деле, — еще мягче продолжал Рысюк, — речь идет об обществе, способном эвакуировать свое население без потерь. Без потерь — в Ворота. Без толкотни. Без давки. Вот так. И пей кофе, пока он не остыл.

Лидка взялась за чашку. Поставила ее на место:

— Игорь, а ты не хотел бы заняться делом? Пойти, например, на курсы учителей младших классов? Везде вон предлагают...

Рысюк улыбнулся:

— Кто знает, кто знает... Когда Слава будет дома? Чтобы я мог ему позвонить?

— Вряд ли Слава тебе поможет, — сказала Лидка холодно. — Спекуляции на имени отца давно вызывают у него аллергию.

— Хорошо, — Рысюк кротко кивнул. — Но, видишь ли, имя Андрея Зарудного не принадлежит исключительно Славке и не принадлежит тебе. Первым делом мы переиздадим его избранные сочинения, кроме того, наполовину готова книга воспоминаний «Мой муж Андрей Зарудный. Расстрелянная справедливость».

Лидка поперхнулась кофе:

— Что-о?!

— Твоя свекровь написала «рыбу». А так как стиль у нее поганый, эдакий сентиментальный канцелярит... то мы нашли литературного обработчика. Хочешь, дам почитать?

— Это подло, Игорь, — сказала Лидка.

Рысюк поднялся. Подошел к ней, оперся о стол, так что его глаза оказались рядом с Лидкиными, рядом и чуть выше:

— Почему? Почему — подло? Чем такая книга хуже все той же мемориальной доски? Присвоить фамилию «Зарудная» для поступления в универ — правильно? А попытаться реально что-то сделать по наработкам Андрея — подло?

На виске у него билась жилка. Внешне Рысюк оставался спокойным, но Лидка поняла вдруг, что это спокойствие обманчиво.

— Я хотела заниматься наукой, — сказала Лидка сквозь зубы. — Я хотела стать его наследницей... понятно?

— Почему же не стала? — тихо спросил Рысюк.

— Потому что кризисная история — не наука! Это видимость, профанация! Это тупое собирание фактов, которых никто никогда не сможет осмыслить!

— Вот видишь. — Рысюк оттолкнулся от стола, отошел к низенькой, в коричневых потеках, плите. — На этом поприще у тебя фиг чего вышло. Что не мешает тебе ревновать, когда на титул наследника претендует кто-то еще.

— Это неправда, — сказала Лидка безнадежно.

Рысюк вздохнул:

— Ты хочешь сказать, что Андрей Игоревич всю жизнь занимался видимостью, профанацией, лженаукой?

— Он занимался... — Лидка облизнула губы. — Он занимался... да одни выкладки по удельной демографической нагрузке, коэффициенту проходимости, популяционному сдвигу...

— Значит, *он* чего-то добился в кризисной истории, а ты — нет, и это основание объявлять ее лженаукой?

Лидке захотелось встать и уйти. Но это означало бы полное, катастрофическое поражение, поражение без права на реабилитацию, а потому она стиснула зубы и осталась сидеть.

— А ты не пробовала посмотреть на ту же проблему с другого конца? — тихо спросил Рысюк. — Не как работают Ворота и почему они так работают, а как сделать так, чтобы у входа не было давки?

Лидка смотрела в стол.

— Помнишь апокалипсис? — спросил Рысюк. — Свою сестру помнишь?

— Помолчи, — сказала Лидка шепотом.

— Каждый из нас — разумный человек, — сказал Рысюк. — Но когда мы собираемся вместе, мы не люди. Мы единое существо, тупое и совершенно бессовестное. Толпа.

Лидка с усилием проглотила комок в горле:

— И чем тут поможет твой генерал?

— Посмотрим, — вздохнул Рысюк. — Может быть, и ничем... Лид, прости мою бестактность. Ты отказалась от детей сознательно? Или медицинские проблемы?

Она встретилась с ним взглядом. И он пожал плечами, как бы извиняясь: вот такой, мол, я наглый урод.

— Сперва я не хотела, — сказала она, поражаясь собственной откровенности. — А потом... захотела. Цикл еще был. В то время еще вовсю рожали... Еще можно было успеть.

Рысюк кивнул:

— Понимаю...

— Что ты понимаешь? — взорвалась Лидка. — Что ты понимаешь?! У него старший сын сегодня в школу пошел, а еще есть две дочки от разных мам! Он щедрый был, скотина, бык-производитель... Всех покрыл, до кого дотянулся, всех оплодотворил, и совершенно бесплатно! И не бесконечный оказался, мешок с семенем, был, да весь вышел!

— Лида, — предостерегающе сказал Рысюк. И Лидка поняла, что опозорена окончательно, и разревелась, опрокинув на стол чашку, и коричневая лужица растеклась по нечистой столешнице.

...Тогда, по возвращении из экспедиции, они пережили настоящий медовый месяц. Она поверила, что любит Славку. И, наверное, она действительно его любила. «Мама! — кричал Слав-

ка Клавдии Васильевне. — У нас будет ребенок!» И Лидкина свекровь расцветала на глазах, звала Лидку дочкой и подсовывала ей орехи с медом...

Все кончилось, но не сразу. Надежда умирает последней, хотя лучше бы она сразу сдохла, эта надежда, чем так мучиться.

— ...Так почему вы живете вместе? Зачем?

— Я к нему привыкла, — сказала Лидка, глотая слезы. — Привязалась... И я не представляю... куда идти. Дома... свои дела, там брат и племянница... И Янка вспоминается некстати... там... совсем другое. И потом... я ведь в квартире Зарудного живу. Андрея Игоревича. Сижу за столом, где он сидел... Я же до сих пор люблю его, Игорь, разве не видно?

— Видно, — сказал Рысюк.

И положил ей руку на плечо.

* * *

Письменный стол завален был бумажным хламом. Лидка села на краешек стула, облокотилась, положив подбородок на сплетенные пальцы.

Вот разрозненные листы ее так и не состоявшейся диссертации. Собрать, сложить, свернуть трубочкой, аккуратно засунуть в корзину.

Вот какие-то Славкины записи — пусть разбирается сам. Сгрести и положить в ящик, высвобождая кусочек оргстекла, а под ним — ухо и часть щеки.

Стопка журналов — переложить на шкаф. Стеклянное окошко стало шире; проглянул смеющийся глаз.

Сдвинуть в сторону старую вычислюху, убрать газеты, провести по столу ладонями, стирая пыль. Вот он весь. Улыбается как ни в чем не бывало.

Щелкнула входная дверь. Лидка тяжело вздохнула, опустила подбородок на сплетенные пальцы. Поперек оргстекла тянулась царапина, и потому казалось, что у Зарудного-старшего на скуле белый шрам.

Славка легко, в тапочках, прошел мимо кабинета на кухню. Лидка слышала, как он гремит пустыми кастрюлями. Потом дверь кабинета приоткрылась:

— Лид... ты работаешь?

— Нет, — сказала она отрывисто.

Славка вошел. Чувство вины висело на нем, как огромная дохлая медуза. То самое — специфическое — чувство вины, в котором человек сам себе не признается. Которое унижает своего носителя.

— Ты... Видишь ли, Лида. Иногда жены готовят обед... ну хотя бы хлеб покупают.

— Знаю, — сказала она равнодушно.

Славка молчал. Переводил взгляд с Лидки на окно, с окна на письменный стол, где молча улыбался из-под стекла его отец.

— Лида... что-то случилось?

Она пожала плечами:

— Как сказать... случилось, наверное, давно.

Он помолчал, потирая ладони. Сказал, чуть подчеркивая голосом собственную холодную обиду:

— А... Ну извини.

И повернулся, чтобы уйти; Лидка задумчиво спросила ему в спину:

— А ты не хотел бы жениться на матери своего ребенка? Какого-нибудь одного, на выбор?

Широкая Славкина спина напряглась, будто по ней наотмашь ударили палкой.

— Нет, — ответил он, не оборачиваясь. И добавил после паузы: — Мне хотелось верить, что ты меня любишь.

— Верь, — сказала она устало. И Славка вышел, так и не взглянув на нее, плотно прикрыв за собой двери.

Лидка осталась наедине с Андреем Игоревичем. Положила голову на оргстекло и прижалась щекой к прохладной поверхности.

ГЛАВА 8

«...обрушилась линия электропередачи, возникли пожары, преградившие людям путь к отступлению. В то время как глефы поднимались из воды один за другим, видимо, почувствовав легкую добычу. Несколько тысяч человек оказалось в ловушке...»

(«Армия и ГО», иллюстрированный отчет по 53-му апокалипсису, том 4, с. 209.)

«...полгорода пылало, и ничего нельзя было понять. Дым, паника... Сотрудникам ГО с огромным трудом удавалось организовать людей, я помню, в ход шли даже угрозы оружием... Организовали эвакуацию, но коридор для отхода был слишком узким, а эти, из моря, шли сплошной стеной... Никогда в жизни я не видел столько глеф одновременно и, надеюсь, больше не увижу...

Я помню, когда появились из дыма эти вертолеты, мы поняли, что спасены. Они двигались слаженно, будто танцевали... И они открыли огонь по глефам, а мы кричали и махали им руками, мы кричали: «Спасите нас...»

Потом они начали гореть и падать, один за другим. Это было еще страшнее, чем глефы. Потом я узнал, что это была электрическая атмосферная аномалия, что их сшибало шаровыми молниями... Упал один, второй, третий, еще два, мы думали, что те, кто остался, развернутся и улетят. Потом я узнал, что именно такой приказ они и получили. И что командир звена, полковник Стужа, не подчинился приказу...»

(Там же. Воспоминания очевидца, Карпенко Игоря Всеволодовича, жителя города Белополье.)

«...Темное время суток, свет пожарища и черный дым. Видимость почти нулевая... Потом переменился ветер, и мы увидели и берег, и людей, и *этих*. Мы вели прицельный огонь, и очень успешно, пока я не услышал в наушниках такой характерный треск, знакомый каждому вертолетчику, а особенно тем, кто летает в кризис. Электроаномалия, по всем инструкциям следует быстренько сматываться, но мы же видим — вот люди, а вот *эти*... Я орал в микрофон приказ к отступлению, а сам оставался и стрелял. Связи уже не было никакой, так что я мог до хрипа орать, в такой ситуации каждый командир экипажа принимает решение сам. Я-то знал, что лучше сдохну тут, лишнюю пару сволочей пристрелю да, если повезет, свою горящую вертушку на них же опрокину...

Из двенадцати машин четыре взорвались на первых же минутах аномалии. Пара машин успела уйти... Они и сейчас живы, эти люди, я им слова плохого не скажу, они поступили как умели. Мы остались вшестером и держались с полчаса, такая фортуна была нам... И стреляли *этих*, благо боекомплект у нас был усиленный...»

(Из воспоминаний генерала Стужи, награжденного золотым значком Героя за спасение жителей города Белополье.)

«Каждая секунда этого противостояния спасала несколько человеческих жизней. Подоспевшие наземные силы ГО эвакуировали людей в глубь континента...»

(«Армия и ГО», иллюстрированный отчет по 53-му апокалипсису, том 4, с. 210.)

«...Вечная память ребятам, вечная память. И моя машина загорелась и потеряла управление. Зацепилась за какую-то крышу, успел выползти из машины, прежде чем она рванула. Выбрался на открытое место, кажется, площадь... Увидел ребят из ГО и потерял сознание. Они меня, спасибо, вытащили; уже через полчаса я был в порядке и в Ворота прошел как огурчик, вот она, матушка-судьба...»

(Из воспоминаний генерала Стужи, Героя Белополья. «Армия и ГО», иллюстрированный отчет по 53-му апокалипсису, том 4, с. 211.)

* * *

В штабе было накурено и шумно. Не умолкая, трезвонили телефоны. На конторском столе помещалась вычислительная машина, почему-то голая, без крышки, со всеми платами и проводочками, выставленными напоказ, и совершенно неприличным казался Лидке вертящийся маленький вентилятор.

Рядом урчал холодильник; к нему то и дело подходили люди, доставали, кому что приглянется, и, жуя, расходились по рабочим местам. Гора бутылок из-под минеральной воды — стеклянных и пластиковых — грозила рассыпаться и погрести под собой разбросанные по полу бумаги.

Ей под локоть подсунули новый исписанный листок:

— Окончательные данные по Подольскому району...

Она пробежала глазами. Ну разумеется. Всепожирающее лидерство Верверова. Что и требовалось доказать.

Она вздохнула. Сегодняшнее утро наконец-то избавит ее от этой добровольной болезни, от этого рабства, в которое вверг ее Рысюк, от ошейника, подаренного под видом новой цели. Сегодняшнее утро — закономерный провал после стольких изнуряющих репетиций.

Половина букв на клавиатуре западала. По этим клавишам остервенело молотили на протяжении многих часов — в том числе и сама Лидка молотила. И вот на экране карта, карта страны, и столица отчетливо окрашена синим цветом, то есть цветом Верверова, Дмитрия Александровича, соперника, врага и, вероятнее всего, нового Президента...

Лидка заложила руки за голову. Откинулась на спинку кресла, задавая себе привычный в последнее время вопрос: что я здесь делаю? Каким ветром меня занесло сюда? Какие-то избирательные участки, прокуренные наблюдатели, осоловевшие от

недосыпа эксперты, я и сама эксперт... Сложная, изнурительная, не очень красивая игра — генерал Стужа, пытающийся выиграть президентские выборы.

По всем опросам выходило, что генерал отвалится на первом же туре. Тогда Лидка так устала, что серьезно намерена была лечь и сдохнуть. И, помнится, горько разревелась, узнав, что Стужа пролез во второй тур. Это означало, что скотская работа продолжается, в то время как надежды на выигрыш еще меньше, чем прежде, потому что депутат Верверов лидирует по голосам с огромным перевесом, а в «Дикую Стужу» никто никогда не поверит, он прошел во второй тур случайно, только потому, что верверовские противники перецапались между собой...

Приехали какие-то корреспонденты с камерой. Поставили Рысюка на фоне настенной карты, стали задавать какие-то вопросы, Лидка с удивлением увидела, что Игорь улыбается. Как будто вести, приходящие из разных концов города, ничуть его не огорчают, как будто поражение, извлеченное в полночь из фанерных ящиков, нисколько не портит ему настроение.

— ...Сведения из провинций приходят с некоторым опозданием... Рано делать выводы, следует дождаться полной картины...

Репортеры тоже улыбались. Глаза у них поблескивали нездоровым лихорадочным блеском — каждый делает сейчас свою работу, и кое-кто надеется на карьерный рост, вот этот парень с микрофоном надеется точно. А где будет завтра Игорь Рысюк, такой подтянутый и партикулярный, несмотря на многодневный недосып? На свалке, извините, истории?

Лидка поморщилась. Где-то она слышала этот высокопарный оборот, и даже представила такую себе историю, самосвалами везущую старые имена и негодные учения на помойку.

Новый Президент многого не простит Рысюку. Не простит мемуаров Клавдии Зарудной. Не простит самой игры на имени погибшего депутата; этот козырь Верверов намерен был приберечь для себя. И давно намерен был — не зря квартира Зарудных возвратилась законным владельцам именно стараниями Дмитрия Александровича. И не зря Славка как зачарованный пошел на поводу у Верверова. Славка умеет помнить добро, и не исключено, что в другом штабе, куда более роскошном и представительном, сидит сейчас за вычислюхой Лидкин бывший муж.

Лидке под локоть подсунули еще один листок. И еще.

— Да, — говорил Рысюк в трубку. — Да. Готовы.

В комнате галдели. Табачный дым плавал сизыми струящимися полотенцами. На какое-то время Лидка потеряла связь с действительностью — возможно, она заснула сидя и во сне продолжала колотить пальцами по клавиатуре, переносить бессмысленные цифры с бумажки на экран и возить мышкой по засмальцованному серому коврику. Похоже, они на этом коврике бутерброды разворачивали...

Она очнулась оттого, что в комнате стало тихо. Подчеркнутая, неестественная тишина.

Она потерла ладони. Тщательно помассировала каждый палец — это ненадолго помогало одолеть усталость. Потом протерла глаза. Посмотрела на экран монитора перед собой.

Столица по-прежнему оставалась синей, но по телу страны отчетливо проступали зеленые пятна. Кое-где бледно-салатные, а кое-где изумрудные, как сытая летняя травка.

Синих пятен было меньше. И они располагались только возле крупных городов.

Лидка перевела взгляд на экран телевизора. Там было сразу много людей, диктор и дикторша разговаривали с какими-то аналитиками, и все они почему-то нервно, натужно и громко смеялись.

— Дайте мне кто-то сигарету, — хрипло сказала Лидка. К ней протянулись сразу несколько пачек; никому в голову не пришло спросить, почему некурящая Лидка именно сегодня решила отдать дань пагубной привычке.

Ничего не понимая в сортах и фильтрах, она выбрала самую красивую коробку. Сунула сигарету в рот — на краю сознания кто-то пояснил, что табак следует размять в пальцах. Лидка пропустила совет мимо ушей.

Сигарета воняла. В ее запахе и вкусе не было ничего достойного внимания; Лидка брезгливо подержала дым во рту, потом выпустила вместе с сигаретой и, воровато оглядевшись, сплюнула в мусорную корзину. Сигарета осталась дымиться на нечистом, невесть откуда взявшемся блюдце.

— Сведения по северным районам.

— Сведения по востоку и югу... Господи... Господи...

Карта зеленела. Сквозь ее первозданную белизну лезла, будто сквозь снег, упрямая, нежданная, невозможная зелень; Лидка прикрыла воспаленные глаза.

Карта. Городки и местечки. Села. Поганые дороги. Сельские клубы. Скверные гостиницы и гостеприимные дома с теми самыми необъятными перинами, от которых поутру так болит позво-

ночник. Домашняя колбаса. Домашнее вино. Запах травы и леса. Запах сивухи и навоза.

Они исколесили все это пространство, от одного областного центра к другому, через поля и лесополосы, по бездорожью, на автобусах и армейских грузовиках, а иногда и на маленьких, ревущих, припадочных самолетах. И везде, всюду, со всеми говорили по душам. Вернее, говорил Рысюк, а Лидка улыбалась.

Народа набиралось видимо-невидимо, со всех окрестных сел, потому что рекламой у Рысюка занимался один очень толковый майор. Концерт начинали под открытым небом и обязательно на краю большого открытого пространства; армейскую электростанцию, усилители и прожекторы возили с собой. Агитбригада разогревала публику песнями и анекдотами, а потом с неба обрушивался грохот и налетал вихрь, и на посадку заходила пара армейских вертолетов.

Стужа выходил из машины, отечески улыбаясь и на ходу снимая шлем. Пятнадцать минут уходило на речь, яркую и экспрессивную, написанную Игорем Рысюком. Грозно рычали многочисленные динамики: благоденствие, кредиты, работа и процветание шли на затравку, как пища привычная и употребляемая всеми. Под конец подносился деликатес, изюминка, фирменное блюдо: а справедливо ли, что лощеные сынки чиновников учатся в роскошных лицеях, а ваши дети как пасли свиней, так и будут пасти? Кого из ваших детей возьмут потом в университет, а? Разве вам безразлично ваше будущее, а, дети?

Вопрос был риторическим. Сразу же после него генерал вспоминал собственное сентиментальное детство, прошедшее в таком вот областном центре, и летние каникулы, из года в год проводимые у бабушки в селе.

Потом, как правило, все грузились по машинам и ехали в особо щедрый, особо гостеприимный поселок — продолжать. В рекордно короткие сроки накрывались бесконечные столы; бутылки кланялись стаканам, и начиналась вторая, вернее, уже третья серия: Стужа не пьянел. Он опрокидывал емкость за емкостью — за отмену всех и всяческих привилегий! Местные выпивохи тушевались перед ним, трезвенники раскаивались, а женщины откровенно балдели; тем временем небо рокотало парой вертолетов, на которых организовано было катание, и желающих было так много, что в очереди вспыхивали порой и драки.

И когда генерал наконец возвращался в свою кабину и крылатые машины поднимали ураган, от которого падала ниц трава и взлетали женские юбки, тогда все селение провожало взглядом

уходящие за горизонт две хищные вертолетовы тени. Провожало и цокало языками.

И все начиналось сначала. Разговор по душам, областной центр, толпы народу, агитбригада. И только дважды случилось досадное отступление от сценария — первый раз вертолетчики перепутали названия поселков и промахнулись километров на десять. Герой с неба так и не спустился, и Рысюку пришлось импровизировать, спасая мероприятие. Но тогда все обошлось более-менее гладко, зато от второго раза у Лидки осталось прескверное воспоминание.

Не то генералу изменила его обычная стойкость по отношению к спиртному, не то он превысил все-таки свою лошадиную дозу, но опьянел герой отвратительно, непотребно, справил малую нужду на розовый куст перед зданием сельского клуба и полез лапать всех, до кого смог дотянуться. А какому-то возмущенному мужу заехал в челюсть.

Самоотверженному Рысюку не удалось замять скандал. Он и сам схлопотал от пьяного генерала по морде; правда, уже через неделю агитационная кампания возобновилась как ни в чем не бывало...

Вот они на карте, эти до боли знакомые названия. Танцы, выпивка, армейский вертолет. И вот они, графики, высоченные зеленые столбцы рядом с коротенькими синими недомерками.

Чья-то ладонь легла Лидке на плечо. Не оборачиваясь, она накрыла эту руку своей.

Легко представить, что творится сейчас в штабе у Верверова. Или, наоборот, чрезвычайно трудно представить. Когда аутсайдер, всю дистанцию трусивший ни шатко ни валко, перед самым финишем вдруг разгоняется, как реактивная ракета, и выравнивается с лидером — грудь в грудь...

— Завтра они оспорят результаты выборов, — спокойно сказал Рысюк. — Ну, а на это у нас припасено еще кое-что...

Затрезвонил до того молчавший красный телефон, стоявший подчеркнуто в стороне, на углу рысюковского стола.

— Да, Петр Максимович, — сказал Игорь без намека на улыбку. — Да... Давайте подождем окончательного результата, ладно? Тем более что ждать-то осталось...

Трубка гудела и гундосила. Рысюк непроизвольно поморщился. Попрощался. Опустил трубку на рычаг. Пьяный, поняла Лидка. Опять пьяный. В такой момент... А если ему завтра к корреспондентам выходить?!

Рысюк подозвал парня-референта, усадил за вычислительную машину:

— Подмени Лиду. Она уже выполнила свою роль талисмана... Теперь, Сотова, тебе надо чуть-чуть отдохнуть.

За окном серело. А возможно, серо было у Лидки в глазах.

* * *

«Уважаемая редакция! Пишут вам жители поселка Новая Коменка Хальковской области.

Наш поселок новый. Нас отселили после последнего апокалипсиса, потому что старый поселок наш Коменка сильно пострадал от цунами и стал непригоден для жилья. Нас отселили в глубь континента, дали подъемные и помогли отстроиться, но прижиться мы так и не прижились.

Воды почти нет, воду развозят в бочках, и часто за воду надо платить дополнительно, хоть по закону она нам положена бесплатно. Летом засуха и страшная жара, на солнце плавится резина и горит асфальт. Ничего не растет. Зимой морозы такие, что невозможно дышать — обжигает легкие. Детей пришлось отдавать в интернаты, потому что здесь нет для них никаких условий... Мы обратились с коллективным письмом в областную администрацию, чтобы нас отселить обратно на побережье. Лучше жить рядом с дальфинами, чем так мучиться двадцать лет. Государство же должно о нас заботиться. Администрация не прореагировала никак. Мы написали письмо Президенту, но уверены, что он не получит его, потому что вокруг него собралась толпа советчиков и кровососов... Через несколько лет апокалипсис, говорят, здесь будут страшные землетрясения еще до того, как откроются Ворота. Уважаемая редакция, опубликуйте наше письмо, может быть, это поможет нам решить...»

(Открытое письмо в газету «Человек и страна», 12 мая 15-го года 54-го цикла.)

* * *

Бесшумно покачивалась палуба. Лидка лежала, широко раскрыв глаза, и сама себе казалась частью полосатого шезлонга, парусиновой тряпочкой, расслабленной и бездумной. Прямо над ее головой уходила в небо голая мачта, тоненький черный палец, добродушно грозящий небу, покачивающийся вправо-влево, и

если проследить за его движением, непременно закружится голова.

— Хочешь спать? — спросил Игорь.

Он сидел на палубе, скрестив ноги, на нем были бирюзовые импортные плавки и партикулярная белая рубашка, и строгий галстук с ослабленным узлом, элегантная черная петля, небрежно сбившаяся набок.

— Не хочу, — сказала Лидка.

Рысюк поморщился:

— У тебя такой недовольный вид... Тебе здесь не нравится?

— Нравится, — сказала Лидка.

— Так почему ты киснешь?

Лидка вздохнула.

Почти месяц прошел с того дня, как, покорная составленному Игорем плану, она выступила основательницей Детского культурного фонда. Под фонд заранее отгрохали здание — трехэтажное царство белого мрамора, натурального дерева и тонированного стекла. И она, Лидка, это здание открывала.

На мероприятие привели особо одаренных детей в особо крупных количествах; среди них была, разумеется, и Лидкина племянница Яночка, тринадцатилетняя дылда с подведенными тушью ресницами, давно уже принятая в лицей, придавленная грузом собственных троек, но не особо удрученная этим обстоятельством. Яночка читала стихи собственного изготовления — о Родине, доброй к своим детям; Лидка слушала ее и с огорчением понимала, что ни брат Тимур, ни кто-либо из Лидкиных родственников не оставил Яночке ни одного доминантного гена. И лицом, и голосом, и манерой держаться девочка походила на Саню и только на Саню; Лидка ничего не имела против невестки, тем не менее Яночкин дебют поверг ее в раздражение пополам с тоской.

Она искала среди подростков своего маленького брата — Пашу — и не находила. Чуть позже оказалось, что двенадцатилетний Павел объявил себя недостаточно одаренным для столь пышного мероприятия и удрал с пацанами на рыбалку.

Она награждала каких-то отличников какими-то медалями. Она дарила каким-то сиротам книжки, ручки и конфетные наборы; она, по множеству отзывов, выглядела вполне пристойно. Моложавая энергичная женщина, озабоченная будущим страны и оттого готовая усыновить всех детишек, до которых удастся дотянуться. Общественная деятельница, наследница Андрея Заруд-

ного (во время развода со Славкой сохранение звонкой фамилии было основным Лидкиным условием). Гранд-дама...

Во рту у нее стоял тухлый привкус. Ни дезодоранты, ни зубные пасты, ни душистые конфеты не могли перебить его.

Потом начался пробег по школам; актовый зал наполнялся одинаковыми головами, самодеятельный микрофон сипел, Лидка говорила свои слова, улыбалась. Брала из рук помощника очередную книжку или конфетный набор, улыбалась, совала подарок в руки подоспевшему подростку. Улыбалась. Брала новый подарок, совала в руки. Улыбалась. Слушала аплодисменты. Кивала. Шла к машине. И так изо дня в день.

Две недели назад она сказала Рысюку, что с нее хватит. И тот, покивав, согласился отсрочить поездку по провинциям; а, еще поездка по провинциям, думала Лидка, все то же самое, только придется еще и обещать в будущем году открыть в каждом селе по лицею...

Рысюк вытянул бледные, незагорелые ноги. Расстегнул рубашку, лениво сбросил ее, оставшись в плавках и в галстуке:

— Зачем вздыхаешь?

Она молчала.

Рысюк хотел что-то сказать, но обернулся, и она автоматически проследила за его взглядом. От берега шел, покачиваясь, средних размеров траулер.

Яхта дернулась на волне. Тонкая мачта судорожно черкнула по небу. На палубе траулера стоял, упираясь ногой в борт, Президент — Петр Максимович Стужа в тельняшке и камуфляжных штанах.

— Гей, Игореха! Поехали. Тут охота намечается, давай-ка прыгай... И ты, Лидок, не сиди. Второй такой раз когда будет? Здоровая стая, пришли откуда-то с юга, они в это время здесь редко бывают... Ну?

Генерал говорил как бы вполголоса, но все морские шумы не могли заглушить непроизвольный приказ, который постоянно жил в каждом его слове, даже когда Стужа поднимал тост за здоровье или желал спокойной ночи. Игорь легко встал, протянул Лидке руку; еще не вполне понимая зачем, она поднялась тоже.

— Штаны надень, — сказал генерал. — Там ветер... Или нет. Иди сюда как есть, а тут мы тебе дадим че-нить. Брезентовую какую-нить робу. Тут у Вовки есть... Ты, Лидка, тоже. И тебе дадим. Давай!

С борта на борт перекинули швартовы, но щель оставалась —

метра полтора. Игорь бесстрашно перепрыгнул, протянул Лидке руку:

— Прыгай!

Она замешкалась, спрашивая себя: а почему, собственно, она должна покидать шезлонг и куда-то плыть?

— Ну! — рявкнул генерал, сочтя ее замешательство бабским страхом перед прыжком.

Она прыгнула, Рысюк поймал ее, но она все равно сильно ушибла большой палец на ноге. Зашипела, высвобождаясь из рук Рысюка; траулер провонял рыбой и дымом, упоминание о хваленой морской чистоте казалось здесь по меньшей мере насмешкой.

Под стенкой рубки сидел на автомобильной покрышке «наследный принц» — двенадцатилетний Стужин внук. Его, по-видимому, давно и основательно укачало.

— Куда мы хоть едем-то? — спросила Лидка сварливо.

Наследный принц не ответил.

Траулер пер носом в открытое море. Ветер становился все злее; преклонных лет рыболов вытащил откуда-то из подсобки гору подозрительных шмоток, Рысюк выловил в этой горе необъятных размеров засмальцованную робу и бестрепетно натянул на себя, причем галстук так и болтался у него на шее, придавая главе Администрации комичный и трогательный вид.

Лидке дали плащ. Она поблагодарила кивком.

Стужа стоял на носу, картинно расставив ноги, не отрывая от глаз бинокль. Ну прямо морской волк, кисло подумала Лидка. Будто услышав ее мысли, Стужа опустил бинокль, огляделся, поманил пальцем Игоря:

— Слушай, Рысюк. Вот туда смотри, прямо по курсу, как увидишь спины — свистать всех наверх, ясно?

Рысюк кивнул. Перенял позу Президента, уставился на горизонт.

Стужа враскорячку прошел вдоль борта. Потрепал внука по коротко стриженной голове:

— Ну что, мужик, стрелять будем?

Наследный принц изобразил на лице крайнюю усталость.

Стужа вернулся с тяжелым брезентовым свертком. Остановился на палубе, развернул брезент; негромко урча, принялся осматривать извлеченные на свет винтовки. Две штуки — весьма внушительное с виду, лоснящееся от смазки, сытое, ухоженное оружие.

— Валерик, — это внуку, — глянь, какие красавцы... Ну, возьмешь один?

Наследный принц втянул голову в плечи. Ему хотелось на твердую землю, в кресло перед телевизором и чтобы все отстали.

— Ну, Валер, что ты раскис, как баба... — с неожиданной нежностью пророкотал Стужа. — Пацанам потом расскажешь — умрут ведь от зависти. А?

Мальчишка мотнул головой.

— Есть! — крикнул Игорь со своего наблюдательного пункта. — Действительно, стая здоровая...

Стужа обернулся на его крик — и улыбнулся. Лидка сидела, привалившись спиной к борту, так случилось, что именно в этот момент лицо Стужи попало в поле ее зрения.

Стужа улыбнулся, а Лидку передернуло. Вспомнился институтский курс бытовой медицины. И единственный в жизни визит в морг.

Она прикрыла глаза.

Тускло звякнули извлекаемые из коробки патроны. Лязгнул затвор.

— Вовка! — крикнул Стужа, обернувшись к капитанской рубке, перекрывая рыком и волны и ветер. — Давай их мне под правый борт! — И, уже изготовившись для стрельбы, через плечо спросил Рысюка: — А ты стрелять будешь?

Рысюк перевел взгляд на невидимое Стуже Лидкино лицо. Улыбнулся, отрицательно мотнул головой:

— У меня рука дрожит, Петр Максимович. После вчерашнего.

— После вчерашнего? — Стужа оглушительно захохотал. — Слабак ты, Игорешка, с чего ж дрожать-то?

Рысюк рассмеялся в ответ — совершенно естественно и даже весело. Лидку передернуло снова.

Траулер повернулся носом против волны — Лидка судорожно ухватилась за поручни. То зарываясь в пену, то выныривая, поднимая фонтаны воды, суденышко нагоняло стаю дальфинов.

— Идиоты, — сказал Стужа. — Еще говорили, будто мозги есть у них. Были бы мозги — ка-ак драпанули бы сейчас, только бы мы и видели... Не. Вон, смотри, Игорек.

Спотыкаясь о канаты, облепленные чешуей, поскальзываясь на мокрых досках и оступаясь на неопознанном хламе, Лидка добралась до железной лесенки, ведущей наверх, в рубку, и зацепилась за нее мертвой хваткой. Качку она переносила относительно легко, но перспектива не удержаться и врезаться в борт мало ее прельщала.

Брезентовый плащ вонял рыбой. Дохлой, мутноглазой, не выпотрошенной вовремя.

За бортом будто повернулось черное лаковое колесо — дальфинья спина. И еще. И еще — в отдалении; скоро Лидка сбилась со счета. Стая действительно была немаленькая.

Кораблик по-прежнему раскачивало, Лидка была более чем уверена, что генерал промахнется; ветер, ревущий в ушах, благополучно съедал все звуки.

Траулер врезался в стаю, отделяя от общей группы три или четыре твари. А потом широко, как в слаломе, развернулся — рубка прикрыла Лидку от ветра, отчего вокруг сделалось тихо-тихо, почти как под водой.

И в этой-то тишине генерал выстрелил. Запрыгала по палубе гильза.

— А-а, н-на тебе, сука, н-на! На, на, получай!

Стреляные гильзы летели и летели. Игорь, приподнявшись на цыпочки, с интересом заглядывал за борт; генерал вскинул руку, давая указания невидимому Вовчику:

— Дальше! Гони!

По накренившейся палубе покатились предметы. Выбралась откуда-то жестяная банка с окурками, неспешно двинулась от борта к борту, то и дело роняя то жеваные бычки, то докуренные лишь до половины дорогущие сигареты с золотой каймой и отпечатком помады на фильтре. «Кого они тут ловят, на этом траулере?» — подумала Лидка.

Снова возник ветер. Лидка съежилась, пытаясь запахнуть плащ без помощи рук — руки она по-прежнему не решалась оторвать от лесенки. Генерал стрелял и стрелял, заряжал и стрелял снова, сперва Лидка видела только его затылок, но потом Стужа поменял ракурс стрельбы, повернулся к Лидке в профиль, и она удивилась.

На лице его не было против ожидания ни ожесточения, ни свирепой радости. Это было умиротворенное лицо счастливого человека: разгладились морщины, исчез привычный оскал, генерал походил сейчас на пожилого клерка, вернувшегося со службы домой и наконец-то добравшегося до любимой коллекции марок.

Лидка поднялась на несколько ступенек выше.

Нет, море не меняло цвет. В отдалении мелькали спины — стая спешно уходила. Вероятно, дальфины не были такими идиотами, какими полагал их Президент; самоубийцами, во всяком случае, они не были точно.

Среди уходящих не было ни одного раненого. Лидка прищурилась. Ни одного.

— Девять, — сказал Стужа, опуская винтовку. — Девять. Приедем домой — зарубки буду делать. Итого — сто пятнадцать. Есть что отпраздновать, Рысючина...

— Мясо-то пропадает, — огорченно сказал тот самый пожилой морячок, что снабдил Лидку и Рысюка нечистой парусиной. — Гарпуном бы — так был бы толк. А так — рыбам корм.

Стужа неприязненно зыркнул на старичка, так, будто тот предлагал закусить червями.

— Девять, — раздумчиво пробормотал Рысюк. — Я вот семь насчитал. Как их учитывать, твои трофеи?

Стужа в момент надулся, побагровел, напряглись жилы на толстой шее:

— Банкиров контролируй и министров там разных... *Этих* я чую. Я их сто пятнадцать штук уложил в новом цикле, и *тогда* — штук двадцать глеф. *Эти* тоже были глефами — может, человечины пробовали, а ты, — это морячку, — *их* жрать собрался?!

Пожилой рыболов бочком-бочком убрался прочь и исчез в каком-то люке.

— Девять, девять, — успокоительно закивал Рысюк. — В конце концов, коллекция зарубок ничем не хуже коллекции, например, чучел...

— Ты видел, как глефы людей заваливают? — почти спокойно спросил генерал.

Траулер развернулся к берегу. Ветер окончательно ушел, в наступившей тишине перекатывалась по палубе жестяная коробка из-под окурков; наследный принц с отсутствующим видом наблюдал за чайками, откуда ни возьмись слетевшимися к месту охоты.

Лидка на четвереньках добралась до борта, уцепилась за поручень, и ее вырвало.

* * *

«...в ущерб боеспособности всего нашего ГО. Суд целиком и полностью подтвердил вину подсудимых: многократные злоупотребления, игнорирование служебных обязанностей, организация утечки информации... Смещены с занимаемых должностей... осуждены на разные сроки тюремного заключения... Полковник Ретельников Н. И., в течение многих лет продававший секретные материалы отечественного ГО аналогичным зарубежным службам... признан виновным в измене Родине и приговорен к высшей мере наказания — расстрелу...»

(Газета «Человек и страна», 24 июля 16-го года 54-го цикла.)

* * *

За окном медленно, неуверенно светлело небо. Теперь будет легче. Если рассвет — значит, ночь позади. Еще немножко — и встанет солнце, но, в принципе, уже сейчас можно шлепать на кухню и варить себе кофе.

Лидка боком выбралась из-под одеяла. Рысюк тяжко вздохнул, но не проснулся.

Оживая, подавали голос птицы. Сперва робко, потом все более слаженно; трудно поверить, что это не магнитофонная запись. Что здесь, в центре города, в душном административном квартале, еще остался кто-то, способный щебетать на рассвете.

В сером утреннем полумраке она прошла в ванную. Взглянула в зеркало над раковиной, заранее зная, что предстоит увидеть. Лихорадочно блестящие глаза, отекшие веки, седые волоски по обе стороны от пробора. Тридцать три года, ни годом больше, но и ни годом меньше. Все врут, что косметология способна творить чудеса... На воспаленный затравленный взгляд не наложишь очищающую маску.

Она умылась, на несколько минут создав для себя самой иллюзию бодрости и свежести. Отправилась на кухню и плотно закрыла за собой дверь. Негромко взвыла кофемолка; Лидка поставила на огонь медную, как колокол, и такую же огромную джезву. Вот и все. Сейчас остатки бессонной ночи благополучно утопятся в густой коричневой жиже. И забудется час быка — раздумья, приходящие, будто по расписанию, ровно в четыре часа утра. Замечательное время, звездный час всех сумасшедших.

Лидка улыбнулась. Отхлебнула от дымящейся чашки. Еще... Бесшумно приоткрылась дверь. На пороге обнаружился Рысюк, босой, в полосатом, до пят, халате.

— Доброе утро, — сказала Лидка.

— Ты с ума сошла? — спросил он ворчливо. — Такая рань...

— Ранняя птичка ловит червячка. Хочешь кофе?

Глава Администрации насупился, будто ему предлагали по меньшей мере мышьяку. Беспечный Лидкин тон не мог обмануть Рысюка. Иногда, в минуты отчаяния, ей казалось, что Рысюка вообще невозможно обмануть.

— Что случилось, Лида?

— Ничего.

— А конкретнее?

Лидка забросила ноги на табуретку:

— Ни-че-го.

Рысюк молча ждал. Она поморщилась, как от лимона:

— Два дня назад звонил Слава.

— Какой Слава? — спросил Рысюк после паузы.

— Слава Зарудный, — сказала Лидка с нервным смешком. — Ты уже забыл, кто это?

Рысюк сунул руки в карманы халата. Помолчал. Улыбнулся:

— Паникует?

Лидка сдвинула брови:

— Как ты сказал?

— Слава паникует? Ему стало тесно в одной коробке с Верверовым? Он чего-то боится?

Лидка пожевала губами. Отвернулась, тихо спросила, глядя в окно:

— Кто устроил эту дикую чистку в ГО?

Рысюк молчал.

— Кто устроил эту длинную показательную расправу? Кому помешал Ретельников, семидесятипятилетний старик?!

За окном вставало солнце.

Николай Иванович. Пепельница в коробочке из-под аспирина. Птичий помет на влажной весенней скамейке.

— При чем тут Слава? — мягко спросил Рысюк. — Его не тронут при любом раскладе. Он — Зарудный, а это табу...

— Игорь, ты понимаешь, что происходит? — устало спросила Лидка.

Рысюк терпеливо кивнул:

— Ты не спишь и нервничаешь. Тебе кажется, что происходит нечто из ряда вон выходящее. Ничего подобного — разборки в структурах были и прежде, только ты ничего об этом не знала.

— В таких масштабах — не было, — сказала Лидка сквозь зубы.

Рысюк снова кивнул:

— Да, возможно, сейчас все игры ведутся по-крупному, но ведь через три года будет *мрыга*, Лида. Старое ГО — разжиревшая, потерявшая боеспособность организация. Старое государство — банда взяточников и казнокрадов...

Он поймал ее за плечи и аккуратно, будто тяжелую вазу, снял с табуретки. Притянул к себе.

— ...А новое государство прорастает сквозь останки старого, как травка...

— ...сквозь труп... — вставила она сквозь зубы.

— Ну что за натурализм. — Рысюк шевельнул плечами, халат упал к его ногам, Лидкина щека оказалась прижатой к холодной, твердой, безволосой Игоревой груди.

— Отпусти, — сказала она тихо.

— Да, — отозвался он печально. — Вот именно так силовые структуры поступают с доверившимся ему народом... для его же блага.

Лидкины тапочки остались на кухне. Босые ступни не касались пола; Рысюк нес ее торжественно и вместе с тем небрежно, как охотник несет добытое мясо.

— Игорь, я действительно не хочу. Я не кокетничаю. Отпусти.

— ...А государство не существует без принуждения. Особенно накануне апокалипсиса. Извини, что я говорю банальности...

Лидка нащупала пол под ногами, попыталась высвободиться, но Рысюк провел грамотную подсечку и уложил ее на ворсистый ковер посреди спальни.

— Игорь, ты с ума сошел?!

— Занятия политикой плохо на тебе сказались. Ты стала нервной, потеряла вкус к жизни... — Блокировав ее запястья одной рукой, он ловко стаскивал с нее белье. — В то время как близятся настоящие потрясения, предстоит огромная работа, перестройка всего общественного сознания под модель нового апокалипсиса, Зарудновскую модель, Ворота для всех, люди не куры, чтобы топтать друг друга, ни одной напрасной смерти, успеют все...

Она рванулась. Он сильнее сжал ее запястья.

— Игорь, — сказала она в нависающее над ней лицо. — Если ты... я уйду сегодня же, и навсегда, понял?!

Рысюк замешкался. Остановился, замер, не спеша выпускать Лидку, внимательно разглядывая ее — сперва разметавшиеся по ковру волосы, потом соски, потом наконец глаза.

— ...Человечество, спешащее к Воротам, подобно амебе. Простейшему существу. Реализуя инстинкт самосохранения, оно реагирует только на элементарные раздражители. Даже если кто-то сумеет сохранить в этой толпе трезвую голову и человеческий облик — он все равно не сможет ничего изменить, оставаясь в подавленном меньшинстве, подавленном и придавленном. Самое гуманное, что может сделать этот смельчак, — дать затоптать себя, чтобы самому не топтать других... Лида, а почему ты так уверена, что я испугаюсь?

Она не нашлась что сказать. Глава Администрации по-прež-

нему возвышался над ней, придавив своей массой, не давая вздохнуть.

— Куда ты уйдешь? Что, Слава Зарудный позвал тебя обратно? Переметнувшись к Верверову, ты стала бы ценным козырем. Ты писала бы очерки о нравах, царящих в близких Президенту кругах, ты рассказывала бы только о том, что видела своими глазами, и Верверов с его идеей немедленного импичмента получил бы дровишек в свой костер... Ничего, что я так красиво выражаюсь?

Лидка молчала, стиснув зубы.

— Это Верверов вернул Славику с мамой их квартиру? Это Верверов первым вспомнил о заслугах Зарудного перед обществом? Это на его деньги издали первое собрание сочинений? Это Верверов умный, интеллигентный человек, в противовес солдафону Стуже, которым к тому же ловко манипулирует подлец Рысюк?

Лидка молчала. Игорь налег на нее сильнее, его лицо оказалось в сантиметре от Лидкиных воспаленных глаз.

— Это Верверов заказал Зарудного, Андрея. Это он его убрал, Лида. Я знаю точно... А теперь думай!

Лидка вскрикнула. Рысюк бывал с ней настойчивым и бесцеремонным, но никогда еще он не был так груб.

* * *

Лидке снились пожары.

Пылающие многоэтажные здания. Сперва густой дым, валящий из окон на верхних этажах, потом языки пламени, потом ревущий огненный ад, черные балки, обрушивающиеся стены, закопченные скелеты и горы дымящихся развалин. Дом за домом, реальные дома, знакомые дома, целый город, бегущие рыдающие люди...

Потом она проснулась во сне, осознала свой кошмар и с облегчением вздохнула. Во сне встала, подошла к окну и увидела — сколько хватало глаз — многоэтажки, многоэтажки, и за каждой третьей ветер тянет шлейф жирного дыма...

Она проснулась снова, вернее, попыталась проснуться, и, балансируя на грани кошмара, подумала, что все это не к добру. Что пожары во сне обещают неприятности в реальной жизни, и как хорошо все-таки — ее дом так и не сгорел, горели те, что рядом, а ее остался нетронутым...

Ну, хватит, сказала она себе и проснулась окончательно. Стучали часы; следуя проверенному правилу, Лидка перевернулась на другой бок: «Куда ночь — туда и сон...» Больше никаких пожаров, ни-ни.

Ей приснилась не то презентация непонятно чего, не то митинг непонятно по какому поводу. Она стояла на возвышении, расфуфыренная, окруженная кольцом микрофонов, и репортеры со сладкими лицами, и репортеры с желчными лицами, и толпы людей с самыми разными лицами ждали, чтобы она сказала приготовленную речь, а Лидка не могла выговорить ни слова. Еще открывая рот, она помнила свой текст от начала и до конца, но, уже набрав в грудь воздуха, поняла вдруг, что ни слова не осталось в памяти, она не помнила даже, по какому поводу сборище и кто эти люди и чего от нее ждут...

Она проснулась снова — в холодном поту. За окном было черным-черно. Четыре часа утра.

* * *

Брат Пашка сидел на подоконнике и болтал ногами в начищенных до блеска черных ботинках. В лицей теперь пускают только в черных, и если не начищены — заворачивают с порога.

В прошлый вторник и Пашку завернули тоже, он не стал отчаиваться и пошел пить кофе в какую-то забегаловку, где его и обнаружил патруль комитета по образованию, проводящий операцию «Урок». Пашке пришлось пережить немало неприятных минут; директрисе лицея — тоже. Отныне нерях в нечищеных ботинках отправляли мыть лицейские туалеты, а Пашу не выперли из лицея только потому, что он приходился родным братом Лидии Зарудной, основательнице Детского культурного фонда. Однако, предупредили Пашу, в случае следующего нарушения дисциплины, сколь угодно малого, его не спасет никакое родство.

А соседка Оля с четвертого этажа вообще влипла в историю. Прогуляла в школе три дня, а мама ее, тетя Света, написала записку, что, мол, Оля болела и лежала с температурой. Так что ты думаешь? Не поверили записке, спросили у девчонок, а те донесли, что в те дни видели Ольку на улице. Тете Свете написали на работу, влепили ей выговор с занесением, а Ольку поставили на учет, конечно, не только за этот случай, они давно на нее зуб имели, Олька ходит бледная, уроки учит с утра до вечера и к районному инспектору каждый месяц — отмечаться...

— С занесением куда? — спросила Лидка с некоторым опозданием.

— Что — куда? — не понял Паша.

— Выговор с занесением куда? — повторила Лидка терпеливо.

— В личное дело, — удивленно ответил Паша. — А ты что подумала?

— Ничего я не подумала, — сказала Лидка.

Пашке было четырнадцать лет. За последние полгода он трансформировался из прыщавого подростка во вполне приличного, красивого даже юношу с тонкими чертами лица и темной полоской усиков над верхней губой. И длинный стал — на голову выше Лидки. И у него была девочка, с которой они трогательно, по-школьному, дружили.

— Ладно, — сказал брат, прерывая затянувшуюся паузу. — Пойдем чай пить.

На кухне было тесно. Лидка давно забыла, что такое настоящая, душная, пихающаяся локтями теснота. Яночка, в будущем году заканчивающая лицей, уныло купала ложку в остывающем супе; на круглом Яночкином лице не было и следа косметики. На уроки с косметикой не пускали даже старшеклассниц.

Саня, изрядно располневшая в последние годы, мыла посуду. На Лидкино приветствие едва ответила; Саня справедливо считала, что высоко взлетевшая родственница мало заботится о семье. Невозможно же ютиться двум семьям в трех маленьких комнатах!

Мама что-то жарила и одновременно варила. На всю кухню стоял треск жира и запах жареного лука; вслед за невозмутимым Пашей Лидка проскользнула в узкую щель между холодильником и Яночкиной круглой спиной, влезла в проем между столом и подоконником и уселась на крошечный трехногий табурет.

— Гэошник задолбал, — сказала Яночка обиженным басом. — Факультатив по субботам, причем ходить обязательно. По субботам, прикинь, ма!

— Ну и походишь, — отозвалась Саня, гремя посудой. — Все лучше заниматься, чем маяться дурью.

Яночка надулась, как праздничный шарик:

— Если бы нормальные занятия! Математика там... А то маршруты зубрить эти долбаные да по линии препятствий бегать!

Яночка вдруг трагически понизила голос:

— Представляешь... У нас у одной девчонки дни были, ну, бегать нельзя. Она ему и говорит: «Я сегодня линию не побегу...» А он ей знаешь что говорит? «*Мрыга*, — говорит, — не спросит, есть у тебя дни или нет. Штаны подтяни — и вперед...» Ну представляешь?

— Яночка, — сказала мама от плиты. — Тут же мужчины...

Паша хохотнул. Яна смерила его презрительным взглядом:

— Этот, что ли? Какой он мужчина, он ни одного кросса до конца не добежал! Физкультурник так и сказал: «Передай его маме, что будет двойка в четверти, а когда до него доберется ГО — будет просто котлета с мозгами...»

— Фу, — сказала Саня, вытирая мокрые красные руки. — Не говори глупостей... Поела? За уроки!

Яночка поднялась, поджала губы и лебедем выплыла из кухни.

— Теперь уж квартиру не купим, — сказала Саня, обращаясь как бы к вешалке для полотенец. — А получить по очереди — так до самой *мрыги* не достоимся... Хоть бы сгорел этот дом, что ли. По страховке получили бы, наверное, получше квартиры...

— Типун тебе на язык, — устало сказала мама.

— Я жилье не распределяю, — сказала Лидка, отхлебывая чай. — Районный жилищный комитет, Новый Спуск, семь, приемные часы с восьми до восемнадцати. Никаких привилегий. Ворота открыты для всех.

Саня вздохнула и вышла вслед за Яночкой.

— Ты бы все-таки поговорила... — неуверенно начала мама.

— С кем? — подняла брови Лидка.

Мама опустила плечи. Постаревшая, как-то сразу, скачком, превратившаяся из дамы средних лет в пожилую, не очень ухоженную женщину.

— С Игорем... Я, правда, не знаю, что у вас теперь за отношения...

Лидка вздохнула.

Она всячески скрывала от родных перемены в своем статусе. В другую квартиру переехала — мне там удобнее. Да, все в порядке, но Игорь очень загружен, мы с ним видимся только по выходным. Да, и в фонде все хорошо, работа как работа...

— Игорь... Игорь спустит меня с лестницы! Если узнают, что главный борец с привилегиями делает исключения для... допустим, родственников... Хорошо, что он не узнал об этой истории с Пашкой, а то бы позвонил в лицей, чтобы выгнали! Специально, чтобы подчеркнуть отсутствие всех и всяческих...

Задребезжал входной звонок. И еще раз, длинно, требовательно. Мама вздрогнула:

— Кто еще?

В передней послышался сперва звук открываемой двери, потом густой мужской голос:

— Добрый день, райотдел милиции, проверка документов. Пожалуйста, паспорта...

Минут пять прокуренный дядька в форме сличал лица мамы, Сани, Лидки с их фотографиями на документах. Потребовал свидетельства о рождении Яны и Паши, сверил данные о месте учебы, спросил, где находятся прописанные здесь же папа и Тимур. Удовлетворенно кивнул, извинился, попрощался.

— Задолбали, — сказала Яночка. — С этими проверками... у нас одна девка билетика в трамвае не взяла, так ее засекли контролеры, отвели в отделение, и она потом целый день тротуары подметала. Еще телегу в лицей накатали...

— Серьезно? — спросила Лидка.

Яночка вздернула нос:

— Это вы, тетя Лидка, в своем фонде сидите и от жизни отстали. А вот попробуйте в автобус сесть без билета!

— И правильно, — неожиданно агрессивно заявила Саня. — Закрутили гайки, и слава богу. В прошлый цикл в это время уже нельзя было в темноте по улицам ходить... А теперь хоть всю ночь гуляй, был бы паспорт при себе.

— Да, всю ночь, — саркастически пробормотал Паша. — Вовку с первого этажа на улице засекли в пять минут одиннадцатого, он со дня рождения шел! Всю ночь просидел в отделении. Еще родителей вызвали... Нельзя, вишь, пацанам после десяти! Даже на пять минут нельзя!

— И правильно, — все так же агрессивно отозвалась Саня. — Потому и порядок.

— Ой, — сказала мама, глядя на Пашу. — А ты позавчера в половине одиннадцатого пришел от Лены...

— Да, — самодовольно сообщил Лидкин брат. — И в патруль попал! Только я их издали увидел, а тут тетечка шла, я и говорю: «Скажите, что я с вами...» Она мне свой кулек дала, так те, из патруля, даже не спросили! Я тетечке потом шоколадку подарил...

— Ой, Павлик, — сумрачно сказала мама. — Не надо, пожалуйста. Хватит с меня.

«И с меня хватит», — подумала Лидка.

— Ну, я пойду. — Она посмотрела на часы и поднялась. — Позвоню вечером, да, ма?

— Ты так редко заходишь, — сказала мама, глядя в сторону. — И сразу бежишь...

Лидка развела руками:

— Ну что делать... В субботу приду обязательно. Ну, пока?

Паша вышел провожать ее на лестницу. Она взяла его за воротник, притянула к себе:

— Это очень серьезно. Если что — не пытайтесь отмазаться моим именем, потому что выйдет наоборот. Показательно, специально наоборот, чтобы доказать, что привилегий нет ни для кого... Если Саня попрется с моим именем в жилкомитет — переполовинят страховку. Если снова влипнешь ты... могут и на учет поставить, напоказ. Чтоб неповадно было. Ты меня понял?

Паша поджал губы. Мрачно кивнул.

Она не стала ловить такси и поехала домой общественным транспортом. И, войдя в автобус, первым делом закомпостировала билет.

* * *

«...накануне великих потрясений. Преступность, обычная для кризисного времени, из цикла в цикл мучившая и развращавшая народ, преодолена на восемьдесят процентов. Проведены крупнейшие операции по выявлению и ликвидации торговли наркотиками, спекуляции всех видов, проституции. Наше будущее, которое приближал своими работами Андрей Зарудный, с каждым днем все ближе. Мы смело смотрим в лицо грядущему апокалипсису; нам есть что противопоставить слепой стихии, нас ведет сплоченное, боеспособное, профессиональное ГО, каждый войдет в Ворота, и войдет в порядке, с гордо поднятой головой!»

(Из президентской речи на III Зарудновских чтениях, 3 марта 17-го года 54-го цикла.)

* * *

Она шла по знакомым местам — и не узнавала их. С того солнечного дня, когда Лидка гуляла здесь под руку с Андреем Игоревичем, прошел почти полный цикл, и все, что чудом сохранилось с того времени, изменилось до неузнаваемости. Даже камни.

Директорский домик был разрушен апокалипсисом и восстановлен в другом месте. Там, где когда-то были копытные, теперь помещались пруды с птицей. Остатки огромного, высохшего и завалившегося дерева не спешили убирать — растянувшийся вдоль дорожки ствол лежал здесь с декоративной целью. Наполовину лишенный коры, наполовину поросший мхом, мертвый великан хранил на своих боках многочисленные автографы подрастающего поколения. От «Катька дура» до «Светка родит от Вовы», плюс иллюстрации, выполненные перочинным ножом.

Лидка остановилась перед поверженным стволом. Огляну-

лась на место, где раньше стоял директорский домик, а теперь располагалась клумба; да, она не ошиблась, это то самое место и то самое дерево. По которому бегали белки. Под которым стояли они с Андреем...

...И Зарудный, казавшийся тогда невообразимо далеким и взрослым, был всего на несколько лет старше Лидки теперешней. «Моя мама погибла в прошлый апокалипсис. Ее затоптали перед самыми Воротами».

И он, выжив, принял немножечко детское решение: посвятить жизнь тому, чтобы во время апокалипсиса никого больше не затоптали. И ради этого углубился в свою кризисную историю, а потом ради этого по уши влез в ароматную жижу политики, заглянул за кулисы общественного устройства, увидел выступающие колесики и пружинки, узнал вкус власти, борьбы и победы, грудью ринулся на доступное искоренению зло — и поймал свою пулю. Умер в момент наивысшего напряжения и веры в успех, так и не отдав себе отчета в том, что проиграл. Что на пороге Ворот топтали и топтать будут, а все его рассуждения о гордо поднятых человеческих головах останутся в лучшем случае заклинанием...

«Другой принцип», — сказал голос Рысюка, да так явственно, что Лидка испуганно оглянулась, будто ее бывший одноклассник мог прятаться за поваленным стволом. Другой принцип, совсем другой. Проход большой человеческой массы через Ворота, да так, чтобы не было потерь? — по сути дела акробатический трюк. Сложный, но доступный после долгих тренировок. Как акробат тренирует свои мышцы, связки, нервы, так общество должно тренировать каждого человека и всех во взаимной связке. А кто-то, находящийся у власти, должен тренировать это общество, другого пути просто нет, Лида. Или трупы затоптанных на подступах к Воротам, или сознательная ежедневная подготовка к неизбежному. С детского сада. Поколение за поколением. Мы опоздали с нашим Стужей, мы здорово опоздали, я понимаю, что раньше никак не успеть было, но все равно нервничаю и исхожу желчью. Столько времени потрачено зря, столько возможностей упущено...»

— Предъявите ваши документы.

Лидка вздрогнула. На этот раз голос был совершенно реальным и принадлежал лысому крепышу в черном плаще. Его напарник, моложавый мужчина с ранней проседью в темных волосах, глядел на Лидку пристально и в то же время равнодушно.

Наверное, так смотрит на двадцать пятого за день клиента утомленный работой портной.

Она протянула паспорт:

— А что, собственно, случилось?

Лысый мельком взглянул на документ, потом Лидке в лицо.

— Где вы работаете? — спросил моложавый.

— В Детском культурном фонде при Администрации Президента, — отозвалась она холодно.

Лысый и моложавый переглянулись.

— Разве сейчас не рабочий день? — вкрадчиво спросил моложавый. — Разве сотрудники Администрации не обязаны подчиняться распорядку? У вас есть документ, оправдывающий ваше отсутствие на рабочем месте?

Лидка растерялась. Ей уже случалось попадать в подобные ситуации, но далее волшебных слов «Администрация Президента» дело обычно не шло.

— Я подчиняюсь непосредственно главе Администрации господину Рысюку, — сказала она прямо-таки ледяным тоном и тут же вспомнила, что из-под официального патронажа Рысюка ее уже месяц как вывели, и ее теперешний начальник... елки-палки, она даже не помнит, как его зовут!

Глаза моложавого сузились, и, глядя в них, Лидка поняла, что весь последний год он ждал такого момента. Поймать важную птицу на горячем, застать за каким-нибудь непотребством вроде пошлейшего прогула, а потом предметно доказать и себе и ей, что ни-ка-ких привилегий и послаблений не существует ни для кого. Чем выше ты взлетел, тем больше у тебя ответственность и тем, соответственно, обширнее лужа, в которую тебя ткнут, как кутенка, повинной мордой.

— Вам придется пройти с нами, гражданка Зарудная. Для выяснения, кто и когда давал вам отгул или больничный, и по какому поводу, и на каком основании...

— Пройдемте, — сказала она сквозь зубы. — К ближайшему телефону. Я позвоню господину Рысюку, и он выдаст вам справки... обоим.

Лысый струсил и готов был отступиться. Моложавый — нет.

«Мы упустили время... Теперь придется форсировать. Нам понадобится умение слушать и подчиняться. Умение быть частью целого, а не отдельным сумасшедшим существом. Это воспитывается поколениями, но первых успехов мы добьемся уже в этом цикле. Ты увидишь, Лида. Ты *увидишь* — число жертв будет ничтожным, и тогда в следующем цикле у нас уже почти не будет

проблем... Ворота для всех. С гордо поднятой головой. Не об этом ли говорил Зарудный?!»

Она шла между ними, как арестованная. У входа в зоопарк стояла машина, и в ней уже кто-то сидел. Ага, пара подростков, которым теперь светят бо-ольшие неприятности, и угрюмый мужчина в шляпе, с тортом, портфелем и коробкой цветов. Нашел где свидания назначать, дуралей... Еще и даму твою отловят, и не избежать огласки, а вдруг ты женат, а вдруг она замужем?!

— Где телефон? — Она огляделась.

— В участке, — сказал моложавый.

Лидка сдвинула брови; лысый занервничал.

— Я не поеду с вами в участок, — сказала Лидка мягко.

«Условленное время» будет урезано до предела. Только жизненно важные для нового цикла персоны, только Президент, только Администрация, только страховые и силовые структуры. При правильной организации на это уйдет минут пятнадцать, потом начинается эвакуация людей, организованное отступление, а не паническое бегство. Нам понадобится огромное количество поводырей, командиров, обученных довести свой отряд до Ворот и уйти в последнюю очередь. Надо продумать целую систему контроля и поощрений... и наказаний для тех, кто изменит долгу. Это бездна работы, Лида, утомительной и иногда неприятной, и на каждом шагу придется убеждать, что она необходима...»

— Дайте мне возможность связаться с моим шефом, и он подтвердит мое право находиться здесь во время рабочего дня, — сказала Лидка еще мягче. — Ни я не хочу неприятностей, ни вы их не хотите... правда?

Телефонный автомат стоял тут же, у входа, свежепокрашенный, сверкающий красными боками. Лидка давно его приметила — и моложавый приметил тоже.

— Разве я не имею права позвонить? — Лидка наконец-то ощутила подкатывающее раздражение. Сейчас она будет вести себя, как взбешенная барыня, — возможно, завизжит. Возможно, даст моложавому по морде. Возможно, после этого ее посадят на трое суток за хулиганство, и Рысюк палец о палец не ударит, чтобы...

— Давайте, звоните, — сказал моложавый сквозь зубы.

Кабинка была слишком тесной, чтобы в ней поместились двое. Моложавый остался снаружи, пристально глядя сквозь мутное стекло на Лидкину руку, занесенную над диском.

Пусть смотрит.

«Нам понадобится армия агитаторов, которые каждый день

будут ввинчиваться в сознание законопослушного гражданина с одной и той же целью: объяснить ему, что для его же блага он должен находиться в общем строю. Ради жизни его и его детей. Облекать эту мысль в самые разные формы, подходить к разным людям с разных сторон, творчески, если хочешь, обрабатывать. Потому что эгоизм и расхлябанность сегодня обернутся смертями завтра. Понимаешь, Лида?»

Трубка была неприятно холодная. И в ней жил далекий квелый гудок.

В последний момент Лидка подумала, что можно позвонить и отцу, занимающему сейчас совсем не маленькую должность в системе страхования. Что можно позвонить рысюковскому заместителю дяде Диме, его телефон Лидка тоже помнит наизусть. И что обоим придется объяснять, краснея, в чем, собственно, дело, и оба звонка окажутся совершенно бесполезными...

А где она должна быть во время рабочего дня? Где? В своем фонде? Да, наверное. Сидеть за необъятным столом и перекладывать пустопорожние бумаги. За это ей деньги платят, а она выперлась среди дня в зоопарк, согрешила, нарушила один из тех законов, неуклонное исполнение которых обеспечит, с рысюковской точки зрения, апокалипсис без жертв.

Моложавый надсмотрщик ждал; Лидка готова была положить трубку на рычаг и сказать ему с царственной улыбкой: «Ах, я передумала. Вы совершенно правы, я провинилась и готова отвечать по закону...»

У него был красивый разрез глаз. И высокие скулы. Интересный мужчина, вот только жесткий и нарочито холодный взгляд портит дело. Интересно, на свою женщину он тоже так смотрит? Или, придя домой и сняв маску уличного инквизитора, превращается просто в хорошего парня, любящего мужа и отца?

Вряд ли это возможно, подумала Лидка. Такие маски имеют свойство прирастать. Да и не на всякую рожу ляжет такая маска...

Он увидел, как изменился ее взгляд, и занервничал:

— Ну? Долго ждать?

Она вздохнула и сунула палец в прорезь диска. Пластмассовое обручальное кольцо.

Она не разговаривала с Рысюком вот уже полтора месяца. Не обменялась ни словом. Идея звонка была блефом, она надеялась, что моложавый струсит, но в последнее время все эти общественные контролеры совсем потеряли страх; бояться должны все прочие. Вот как те подростки, что сидят сейчас в машине: впредь не

будут прогуливать. И тот бедолага с тортом, что составил им компанию: его теперь долго не потянет на сладкое...

А ведь вполне реально, что этот сигнал будет иметь для Лидки самые неприятные последствия. Ее «уйдут» из фонда, тихо и незаметно, она давно всем надоела, намозолила глаза, а для Рысюка такой поворот дела — новый козырь в колоду принципиальности... Что дальше? В контролеры она не пойдет. Стало быть, ждет Лидку обыкновенный учительский стул в школьном кабинете истории (или на худой конец биологии), тот самый учительский стул, на который так часто подкладываются кнопки... Впрочем, теперь уже нет. Теперь на горизонте постоянно маячат детская комната милиции, спецшколы и специнтернаты, а в виду такой перспективы сильно меркнет удовольствие от подложенного под учительский зад сюрприза.

А вот любила ли она Игоря хоть три дня из всей их долгой совместной жизни? По всему выходит, что таки да, любила, причем одно время даже нежно и страстно...

И разрыв обошелся ей тяжелее, чем она думала. Много тяжелее.

Прикрывая диск локтем, она набрала рысюковский прямой телефон.

«Арестантская» машина бибикнула, поторапливая. Трубка заныла длинными гудками.

«Я ничего не боюсь, — подумала Лидка раздраженно. — Если хотят — пусть их, пусть везут в участок, пусть пишут на работу, в фонд, к черту, к дьяволу, в тюрьму ведь не посадят... наверное».

Червячок паники дернулся и затих. «Да что это я, — раздраженно подумала Лидка. — Какая тюрьма, за что?!»

Трубка ныла.

«И меня запугали, — подумала Лидка зло. — Даже меня. На работу, с работы, по субботам — в кино. В автобусе билетик, на водку талончик, хотя в гробу я видела эту водку, я ее сроду не пила... Надо выжить в апокалипсис! В будущее воскресенье объявят учебную тревогу — и побегу тренироваться, как миленькая побегу, даже если у меня болят ноги и ломит спина, даже если я хочу почитать хорошую книжку, даже если у меня назначено свидание... Дрессировать меня, как крысу, потому что я своей выгоды не понимаю. Лень мне тренироваться в преддверии *мрыги*, лень лазить по крышам и бегать кроссы по пересеченной местности, неохота часами стоять под дождем, перед фанерным муляжом Ворот, и под команды гэошника отрабатывать «плотный строй в четыре линии»...»

— Да-а, — сказал в трубку Рысюк. Такое знакомое, протяжное, чуть насмешливое «да-а».

— Привет, — сказала Лидка после крохотной паузы. И добавила, специально для моложавого контролера: — Привет, Игорь Георгиевич.

Моложавый подался вперед, чуть не прилипая к мутному стеклу. Лидка ногой приоткрыла дверь, как бы приглашая поучаствовать в разговоре.

— Привет, — сказал Рысюк без удивления. — Здравствуй, Лида. Что скажешь?

Голос его металлически отдавался в наушнике, и, отслонив трубку от уха, Лидка предоставляла моложавому возможность слышать отдельные слова.

— Мне очень не нравится вся эта затея, — сказала Лидка устало. — Меня бесит кампания по всеобщей дрессировке. Меня мутит от этих... общественных контролеров. Добром дело не кончится, помяни мое слово.

Рысюк помолчал. Лидка боялась, что он повесит трубку.

— Ты из автомата? — спросил он наконец.

— Да.

— Что-то случилось?

— Нет, — сказала она медленно. — Пока ничего не случилось... но еще немножко — и меня вырвет от такой реализации зарудновских идей.

— Носи с собой картонный пакетик, — серьезно посоветовал Рысюк. — Как на кораблях во время шторма. Ты что-то еще хотела сказать?

Лидка вздохнула:

— Нет. Я все сказала. Пока.

— Привет.

Она дождалась коротких гудков и повесила трубку. «Арестантская» машина бибикала уже не переставая.

— Ну, поехали, — почти весело сказала Лидка моложавому контролеру. — Давайте вместе разбираться... в моих многочисленных грехах.

* * *

«...Условленное время» сократить до пятнадцати минут. Список лиц, подлежащих эвакуации вне очереди, утверждается лично Президентом. Родственники должностных лиц, включенных в список, эвакуируются на общих основаниях. Исключений не до-

пускается. Будучи освобожденным от должности, служащий теряет право на внеочередную эвакуацию. За соблюдение данного постановления отвечает Центральный штаб ГО и лично Глава Обороны...»

(Указ Президента «Об изменениях в «условленном времени» от 15 мая 17-го года 54-го цикла.)

ГЛАВА 9

— Здравствуйте, дети. Меня зовут Лидия Анатольевна.

«Дети» стояли каждый у своего места. Здорово их вышколили. В Лидкино время принято было приветствовать учителя, чуть оторвав зад от стула и иногда — по желанию — выкрикивая нечленораздельное приветствие. Эти встали как солдатики, в ответ на приветствие одновременно кивнули головами и сели только после соответствующей команды.

Лидка мельком оглядела класс. Несколько тусклых таблиц с рыбьими и лягушачьими кишками, схематическое изображение четырех стадий развития дальфина, режим дня с нравоучительными до тошноты картинками, внутренний распорядок, с которым Лидка ознакомилась еще при приеме на работу. Муть собачья, все расписано — за сколько минут приходить, на какой перемене есть, на какой пить, учебник класть справа, дневник — слева, подол форменного платья должен закрывать колени, рубашка под форменным пиджаком должна быть однотонная в будни и белая в праздники, и не дай бог в клеточку или в полоску. Для учителей имелся свой распорядок, вызвавший у Лидки косую ухмылку, которую, по счастью, удалось скрыть от директрисы.

Ну что ж, кролики, начнем.

Наверное, у нее был очень красноречивый взгляд в тот момент, во всяком случае, «кролики», завозившиеся было за своими столами, снова притихли и уставились на новую училку.

Старшая группа, всем по шестнадцать лет. Боже, как скверно ощущать себя старой. Пока не видишь этих недорослей, пока не сравниваешь себя с ними, как-то легче поверить в собственную бесконечную юность...

А ей всего-то тридцать три. Но такое ощущение, что шестьдесят. Во всяком случае, сегодня у нее именно такое ощущение.

— Начинается новый учебный год, для вас он будет последним. Вы теперь выпускники, значит, на вас ложится основная ответственность...

Она на секунду запнулась. Что за ответственность на них ложится — пес его знает, просто надо же было сказать что-то об ответственности, теперь это обязательное, самое главное слово, от частого употребления потерявшее всякий смысл.

— ...ответственность за успешное овладение знаниями. Во время апокалипсиса вы должны показать себя сознательными гражданами, а в новом цикле — хорошими специалистами и еще более сознательными семьянинами... семьянами.

Ей было смешно, но она не позволила себе даже улыбки. Если директриса подслушивает под дверью — пусть себе. Она, Лидка, говорит вполне политкорректные вещи. В духе времени. В соответствии с пожеланиями.

— Семьянами и семьянками, — сказал черноволосый мальчик на второй парте в левом ряду. Сказал тихо, но Лидкин острый слух сработал безотказно, тем более что чего-то подобного она постоянно ждала.

— Встань. Как твоя фамилия?

Подросток покраснел и поднялся. Невысокий, широкоскулый, с ярко-зелеными глазами. Ну ни фига себе, подумала Лидка.

— Максимов.

— Иди к доске.

Парень вышел. Лидка прекрасно понимала, что сейчас строятся ее отношения с классом, и ей хотелось войти в память этих выпускников самым кровавым палачом за все десять лет учебы.

Именно сегодня ей этого очень хотелось.

— Максимов, — она нашла его имя в журнале. — Так, Максимов, что у тебя по биологии за прошлый год?

— Пять, — тихо отозвалась жертва.

— Отлично, — она кровожадно усмехнулась. — По уровню подготовки отличника проверим общий уровень подготовки класса... Убрали все учебники с парт. Открыли тетради, написали: «Самостоятельная работа». Ты, Максимов, на доске, а вы все в тетрадях, пожалуйста, определение понятий «удельная демографическая нагрузка», «популяционный сдвиг» и «органический порог переносимости». Время — пять минут. Время пошло, я жду...

Склонились макушки. Зашелестели переворачиваемые странички. Один умник — ага! — задумал положить книгу себе на колени; Лидка заставила его положить на учительский стол и книгу, и собственный дневник. Достала красную ручку и задумалась, какую бы для начала сделать запись, а тем временам бледный Максимов постукивал мелом, выводил слова и формулы, и правиль-

но, в общем-то, выводил, хотя сегодня всего лишь второй день учебы, а за лето, как водится, можно забыть все, что угодно...

Тем более за *такое* лето.

Лидка помрачнела. Занесла красную ручку над «вторым сентября» в дневнике уличенного хитреца и поняла, что выглядит глупо. «Не готов к уроку»? Неудачная запись, урок-то первый в учебном году. «Не подчиняется коллективу»? Звучит угрожающе, но совершенно бессмысленно.

...Накануне летних каникул парламент отклонил очередной проект по дотациям для ГО. То был очередной ход в затяжной войне Стужи и парламента; депутат Верверов кричал с трибуны об организации-пиявке, требующей все новых и новых вливаний, о непомерно раздутых гэошных штатах, о неразумных требованиях, стыдливо прикрытых заботой о будущем апокалипсисе. Парламент согласился с Верверовым и, шлепнув ГО по загребущим рукам, распустился на каникулы — до осени.

Лето стояло скверное, дождливое, гнилое. Пустовали городские пляжи; изнывающие от скуки отпускники получили в качестве развлечения серию жутковатых, захватывающих событий.

Стужа выступил по телевидению, обвинив коррумпированный парламент в предательстве интересов избирателей. Депутаты все еще уверены, что в обход президентского Указа им удастся эвакуироваться в «условленное время» вместе с детьми и семьями; сытые демагоги, они вертят дыру в днище общего ковчега — Гражданской Обороны. (Эта фраза живо напомнила Лидке Игоря Рысюка. Кажется, даже в голосе генерала проскакивали рысюковские интонации.)

Потом выступил генеральный прокурор. Против Дмитрия Александровича Верверова было открыто уголовное дело по обвинению в организации убийства Зарудного А. И. Большая часть информации утаивалась «в интересах следствия», но уже на следующее утро все газеты вышли с подробнейшими материалами по «делу Зарудного». Доказательства, более или менее убедительные, взялись как бы из-под полы.

Лидка не выдержала и позвонила Славке. «Это неправда! — кричал в трубку ее бывший муж. — Это сфа... сфабрико... это провокация!»

Лидка понимала его. Конечно, Славке трудно было в *такое* поверить; сама она не поверила в то утро, когда Рысюк повалил ее на ковер в их общей спальне: «Это Верверов заказал Зарудного Андрея. Это он его убрал, Лида. Я знаю точно...»

Протоколы допросов — бывшие верверовские сотрудники

раскалывались один за другим. Полностью готовое, аргументированное обвинение. И депутатская неприкосновенность Верверова, засевшего на одной из своих приморских дач.

Лидка не спала три ночи подряд. Вспоминала, как улыбался Дмитрий Александрович (она виделась с ним однажды, когда Славке с мамой вернули их квартиру) и как протягивал руку, в том числе и ей, Лидке, тогда еще девчонке. И она вспоминала прикосновение этой руки — прохладное и сухое — и нежную, как у женщины, кожу.

Он?!

Она говорила себе, что и Стужа, и Рысюк вполне могут соврать для пользы дела. Что им нужно утопить Верверова, и ради этого они обвинят его хоть в разведении дальфинов, хоть в организации апокалипсисов. Что все эти невесть откуда взявшиеся свидетельства ничего не значат...

Говорила — и не верила сама себе.

Рысюк и Стужа давно знали, *кто* заказал Андрея. Игорь искал и копил компромат, рыл носом, как прилежный кабан под дубом, и кто знает, каким способом добывал доказательства. А добыв, хранил до момента «икс». Пока депутат Верверов ел, спал, вещал с трибуны, дарил жене цветы...

Он, понимала Лидка, и губы ее сами собой высыхали, трескались, покрывались корочкой. Тогда она шла в ванную, умывалась и долго мыла руки, пытаясь соскоблить с правой ладони ощущение рукопожатия почти двадцатилетней давности.

Тем временем разгневанная общественность, умелым образом подогреваемая, потребовала ареста Верверова. Стужа обратился к парламенту с требованием о лишении преступника депутатской неприкосновенности.

Преступников называет только суд, вякнула независимая газетенка и тут же была закрыта пожарной инспекцией. Дальнейшие события уложились в несколько дней.

Стужа объявил о роспуске продажного и недееспособного парламента. Депутаты, оставив ведомственные санатории, сползлись в столицу, где под залом заседаний их встретило вооруженное формирование ГО. Под дулами пулеметов ни один народный избранник так и не добрался до своего кресла.

Верверов повесился на своей даче — успел за те несколько секунд, пока гэошники ломились последовательно в ворота, в двери дома, в двери ванной. Его самоубийство было объяснено признанием вины и страхом перед наказанием.

В тот же день депутатские санатории были изъяты из ведом-

ственного подчинения и переданы Детскому культурному фонду под летние тренировочные лагеря.

Парламент так и не смог прийти в себя после поражения. Несколько попыток собраться воедино сорвались из-за внутренней депутатской грызни. Тем, кто добровольно сложит мандаты, Стужа пообещал трудоустройство в столице, ведомственное жилье, огромную страховку и прочие блага; уже через неделю от парламента осталось только воспоминание, и воспоминание недоброе.

Всю эту неделю Лидка провела перед телевизором, ежась, горбясь и по-старушечьи кутаясь в мамин пуховый платок. Она слушала взвинченных дикторов и прекрасно понимала, что никогда теперь не узнает правды. Был ли Верверов виновен и был ли виновен только Верверов — тайна умерла, удавилась шелковым галстуком. В свое время эта деталь — галстук — поразила Лидку. Вспоминался Рысюк на яхте, полуголый, с элегантной удавкой на шее...

Вот ты и получил, что хотел, Игорь. Твой Стужа почти диктатор — теперь давай, дрессируй. Апокалипсис покажет, и если, Игорь, ты все-таки прав, если удастся обойтись без потерь... Я первая признаюсь в своей глупости. Униженно попрошу простить меня, дуру, не понявшую и не принявшую гениального человека, куда более гениального, чем сам Андрей Зарудный...

Она опомнилась. Перед ней на столе лежал ученический дневник, и, поймав в прицел графу «Поведение», она аккуратно вывела красными чернилами: «Не выполняет требований учителя».

— Максимов, ты готов?

Он исписал мелом почти всю доску и вспомнил почти все касательно «удельной нагрузки» и «порога переносимости», но с «популяционным сдвигом» было плохо.

— Что такое популяционный сдвиг, Максимов?

— Как в учебнике написано или как я понимаю? — спросил он с надеждой.

Лидка улыбнулась:

— Конечно, как в учебнике.

Он сжал губы. Подумал.

— Популяционный... сдвиг. Если за время цикла плотность популяции на данной территории изменяется... Или если особенность населения... кочевое... мигрирующее...

Лидка засекла глазами как минимум двух девочек, которым очень хотелось Максимову подсказать. Одна — серьезная дурнушка с жидкой косой, другая — вполне ничего, блондиночка,

кудрявенькая кукла. Конечно, такой мальчик должен иметь успех...

Лидка ощутила внезапный прилив раздражения. Вспомнились сочувствующие глаза директрисы: «Часто бывает, что женщины, по каким-либо причинам лишенные радости материнства, приходят работать в школу... Правда, обычно это случается раньше, на девятом-десятом году цикла...»

— ...Если количество населения обозначить как эн, площадь территории — тэ, а пропускную способность Ворот как вэ... то популяционный сдвиг будет равен... эн первое минус эн второе, делить на тэ... нет, делить на вэ...

— Тройка, — сказала Лидка с почти искренним сожалением. — Три балла, на большее твой ответ не тянет.

Мальчик молчал. На скуластом лице его медленно проступали красные пятна.

* * *

В воскресенье, в четыре утра, объявили учебную тревогу. Лидка ночевала на квартире у родителей; накануне поздно легла, всю неделю не высыпалась, звук сирены едва не спровоцировал рвоту.

— Я никуда не пойду! — заорала она спросонья.

— Трое суток исправительных работ, — флегматично сказал отец. — Или десять, если повторно. Оно тебе надо?

Едва перебирая ногами, толкаясь и спотыкаясь на каждой ступеньке, выбрались во двор. В кромешной темени метались лучи фонариков — четыре гэошных инструктора собирали каждый свою группу. Потом над двором зависла красная ракета, имитирующая, очевидно, характерный для апокалипсиса свет. И над соседним двором тоже висела ракета. И над следующим. Вероятно, на «учебку» подняли весь микрорайон.

Пять минут ушло на перекличку; из дома Лидкиных родителей недосчитались только какой-то старушки с пятого этажа да мужчины, накануне сломавшего ногу. Инструктор нахмурился:

— Санитарная команда, на выход! Носилки, все, что полагается...

Никто не решился перечить. Санитарная команда, в которую входил и Лидкин брат Тимур, извлекла несчастного из кровати, тот некоторое время орал и нечленораздельно бранился, но потом затих. На другие носилки уложили старушку.

— Четвертая *мрыга*, — бормотала бабушка. — Четвертой — не пережить. Оставьте, дайте помереть спокойно...

Лидке было ее жаль.

В строгом порядке двинулись по улицам. По очереди несли носилки; загипсованный мужчина весил, как мраморная колонна, носильщики быстро выдыхались. Никто не роптал; руководители групп слушали сообщения по радио и, повинуясь им, все время меняли направление движения. Примерно через час пути, когда складка чулка на пятке немилосердно натерла Лидке ногу, руководители учений посчитали, что самое время для полосы препятствий. Понурая толпа тренирующихся по лестнице забралась на крышу шестиэтажного дома, оттуда по узкому железному мостику перебралась на крышу соседнего. Загипсованный мужчина стонал сквозь зубы. «Долго еще?» — спрашивали у инструкторов задыхающиеся женщины. «Сколько понадобится».

Светало. Из окон сочувственно поглядывали жильцы, которых сегодняшняя тренировка не коснулась. Пока не коснулась. Никого не минет чаша сия, не поднимут в воскресенье утром — настигнут в полночь посреди рабочей недели...

Лидка глядела себе под ноги. Рубероид, кирпичи, антенны. По крышам домов тянулась отлично, прямо-таки любовно оборудованная пешая трасса, и человек сто женщин, мужчин и стариков шагали по ней, охая, мучаясь одышкой и проклиная ГО — проклиная молча.

Инструктор ГО получает больше Лидкиного отца, который тоже не последний человек. Инструкторские вакансии плодятся, как кролики, но желающих все равно хватает, на одно место по десятку соискателей. Большого ума на этой должности не надо, образования не нужно тоже, нужны только приличная биография да физподготовка. А в дополнение к солидной зарплате и целому списку льгот инструктору дается еще и власть, самая настоящая: «Гражданин, не выполнивший распоряжение инструктора во время учебной тревоги, наказывается административным арестом на срок до полугода...»

Научить. Натренировать. Довести до автоматизма. Так, чтобы настоящий апокалипсис и настоящая эвакуация показались прогулкой, едва ли не развлечением. Эти регулировщики перед муляжами Ворот. Эти знаки, жесты, команды, снящиеся Лидке в красноватых бредовых снах, и не только Лидке, наверное, снящиеся. Колонна построилась — пошла — стала. Пошла — стала. Пошла — стала... Никакой толкотни. Автоматные очереди поверх голов. Принудительные психиатрические обследования саботажников, «лиц, сознательно сопротивляющихся комплексу подготовительных мер ГО».

Уж лучше *мрыга*.

* * *

«Дорогие сограждане! Поздравляю вас с Новым, восемнадцатым годом цикла, который наступит в годовщину последнего апокалипсиса, двенадцатого ноября. Желаю счастья, здоровья, процветания... Около трех лет осталось до ожидаемого нами апокалипсиса, и я могу с полной уверенностью обещать вам, что это будет первый в истории человечества апокалипсис без потерь. Сильное, боеспособное ГО, подготовленное, сознательное население, разработанные видными учеными планы эвакуации — мы смело смотрим в будущее, мы не тревожимся за наших детей. Пусть приходит зима — мы утеплили наш дом и припасли дров. Пусть приходит апокалипсис — мы готовы к нему и войдем в Ворота в спокойствии и порядке, с гордо поднятой головой...»

(Из поздравительной речи Президента, 10 ноября 17-го года 54-го цикла.)

«Пусть приходит Стужа — мы смело смотрим в окошко нашей камеры».

(Из анонимной надписи на дверях Лидкиного подъезда, 14 ноября 18-го года 54-го цикла.)

* * *

Дверь в мужской туалет была распахнута настежь. Маленькая пожилая техничка мыла белую стену умывальни, и вид у старушки был почему-то виноватый. Из-под тряпки стекали темно-красные потеки. Лидка нахмурилась:

— Кого тут по стенке размазали?

Техничка не поняла ее юмора, мелко заморгала глазами:

— Да вот, Лидия Анатольевна, просто пишут всякое фломастером, глупости всякие... Вечно пишут в туалете...

— Отыщем кто — живо на учет поставим, — сказала Лидка механически, думая уже о другом. Переступила порог класса, дождалась, пока настанет полная тишина, пробежалась взглядом по лицам — и ощутила неправильность. Маленькую, незаметную глазом, не поддающуюся пока определению. Что-то изменилось.

— Садитесь... Откройте тетради. Откройте книги на странице

двести десять и посмотрите на задание семь к параграфу сорок два...

Максимов, ненавидевший Лидку и нервничавший в ее присутствии, был сегодня монументально спокоен, даже удовлетворен. Зато на личике его блондинистой кукольной подружки выступили красные пятна, и она никак не могла отыскать в учебнике нужную страницу. Вторая воздыхательница, умненькая дурнушка, пересела сегодня на последнюю парту.

— Дрозд, кто разрешил тебе пересаживаться?

Дурнушка поднялась. Глаза ее нехорошо поблескивали. Подставив под локоть правой руки кулак левой, девочка требовательно вскинула руку:

— Лидия Анатольевна! Можно сказать?

Замешательство в классе. Переглядки, шиканья, дурнушку дергают за подол, но она упрямо тянет руку.

— Говори, — кивнула Лидка.

— Лидия Анатольевна! А Максимов написал на стенке...

Доносчица запнулась, будто не решаясь выговорить крамолу. В классе сделалось тихо-тихо, шелестел, ударяясь о стекла, сухой снег.

— «Вика плюс Артем»? — насмешливо спросила Лидка. — «Равняется любовь»?

Кто-то хихикнул и сразу замолк.

— Нет, — угрюмо сказала доносчица. — «Стужа — дрессировщик».

— Что? — автоматически переспросила Лидка.

— «Стужа — дрессировщик», — шепотом повторила девочка.

Лидка посмотрела на Максимова. Парень сидел ровно, именно так, как велено внутренним распорядком: спина прямая, между животом и краем парты расстояние в ладонь, подбородок поднят, руки согнуты перед грудью, правая лежит на левой. Ничего не выражающее бледное лицо.

— И где он это написал? — мягко спросила Лидка.

— В туалете, — сказала доносчица.

— В женском? — спросила Лидка еще мягче.

Доносчица покраснела:

— В мужском...

По классу прошло движение. Сдавленное хихиканье. Переглядки.

— Не может быть, — протянула Лидка, по-прежнему глядя на Максимова. — И ты сама это видела, Дрозд? В мужском туалете?

— Он написал! — с вызовом сказала девчонка, и под ее взглядом в классе стихли смешки. — В туалете никого не было, у Максимова был красный маркер! Он вышел, а я заглянула и увидела!

Лидка встретилась с ней взглядом и стиснула зубы. У девчонки были глаза-буравчики, такой знакомый и такой забытый взгляд.

Кто у нее родители? Вот черт, не вспоминается. Надо открыть журнал на последней странице — там расписаны все адреса и даты рождения, номера страховых полисов и гэошных участков, и должности родителей расписаны тоже...

Как бы так открыть журнал на последней странице... ненавязчиво?

— Максимов...

Она хотела спросить: «Максимов, это правда?» — но в последний момент прикусила язык. Потому что у парня хватит ума ответить: «Да». В присутствии всего класса. Он совершеннолетний, ему давно исполнилось шестнадцать, а значит, идиотская выходка оборачивается сразу несколькими статьями. Оскорбление чести и достоинства Президента (а кто докажет, что «дрессировщик» — слово не оскорбительное?), компрометация правительственной антикризисной программы, хулиганство. Плюс отягчающая формулировка «в стенах учебного заведения». Дурачок. Маленький дурачок.

Как бы невзначай, раздумывая, она перевернула журнал задней обложкой кверху. Вздохнула, открыла.

— Максимов, у тебя действительно есть красный маркер?

Весь класс знает, что есть. Маркер приметный; парню привезли его из-за границы несколько лет назад, когда такие поездки еще были возможны.

Максимов покорно полез в пенал за маркером; Лидка пробежала глазами записи в маленьком школьном досье. Дрозд, Антонина Григорьевна, номер четыре в списке. Мать — пищевик-технолог. Отец — инструктор ГО третьей ступени. Все понятно с тобой, девочка.

Максимов, Артем Алексеевич. Номер тринадцать в списке. Бывший отличник. Не повезло, с таким-то номером...

Мать — инженер. Отец... об отце нет данных. Мать-одиночка?

Черт побери, но что же делать?! Весь класс в свидетелях обвинения. Эта дура, инструкторова дочка. В старые времена Лидка поиздевалась бы над малолетней шпионкой и вызвала бы ее к доске — отвечать какую-нибудь зубодробительную тему. Ей и сейчас смешно, но в параллельном классе одного парня на про-

шлой неделе отправили в колонию. За то, что обозвал гэошника старым дураком.

Техничка, милая умная техничка, надо бы купить ей шоколадку и с чем-нибудь поздравить. Или просто угостить...

Она демонстративно посмотрела на часы:

— Время урока уходит со страшной скоростью. Дрозд, Максимов, идемте со мной. К директору.

Доносчица сжала губы, но поднялась. Максимов встал легко, внешне беспечно; его отношение к биологичке ни для кого не было секретом. Отношение Лидии Анатольевны к бывшему отличнику, низведенному теперь на тройки, тоже ни у кого не вызывало сомнения. Так что доносчица попала прямо в точку. Классу был совершенно понятен исход.

Блондинистая девочка — Вика — из красной сделалась белой до синевы. Не приключилось бы с ней чего.

— Если за время моего отсутствия я услышу в классе хоть один звук...

Никому не приходит в голову спросить, как можно слышать звуки во время отсутствия. Формула отработана, неуклюжая фраза велит заткнуться и молчать. И молчать будут.

В сопровождении парня и девушки Лидка вышла в коридор. Очень удачно — никого. Тишина. Учебный процесс.

— Тоня, — почти ласково спросила Лидка. — Где же?

Дверь мужского туалета по-прежнему стояла нараспашку. По всему коридору распространялся запах хлорки; уже на подходе доносчица почуяла неладное.

Чисто вымытые стены. Вымытый пол. Красота.

— Здесь было, — тихо сказала доносчица. — Это смыли. Техничка.

— Какая? — мягко спросила Лидка.

— Откуда я знаю? — обозлилась девчонка. — Какая сегодня дежурит, вы узнайте...

— Я обязательно узнаю, — пообещала Лидка. — А теперь скажи мне, Антонина. У тебя какие-то счеты к Максимову?

Доносчица вспыхнула. Надула щеки, хотела что-то сказать, но удержалась.

— Видишь ли, Дрозд. Это ведь легко узнать. Прямо сейчас спросить у класса, и ребята вспомнят, чем Максимов тебе досадил. Может быть, он отнесся к тебе не так хорошо, как тебе хотелось?

Дурнушкино лицо налилась кровью до пурпурного оттенка.

— А ведь ты выдвинула очень серьезное обвинение, Дрозд.

Очень. И если окажется, что оно ложное, что это обыкновенная месть...

— Он написал! — взвизгнула девчонка.

— Где? — тихо спросила Лидка. — Если ты видела, как он писал, надо было сразу бежать к дежурному педагогу, к завучу, к учителю ГО... Но они спросили бы тебя: а что ты делала в мужском туалете? И как часто ты туда заглядываешь? И что ты хочешь там увидеть?

Девчонка готова была разреветься. Глаза-буравчики превратились в обыкновенные обиженные, полные влаги глаза. Куда тебе тягаться с нами, гэошкина дочка. Кончилась твоя первая любовь. Смирись.

— Иди в класс, Дрозд. Нет... иди в туалет — в женский! — и приведи себя в порядок. И впредь, пожалуйста, думай, что говоришь.

Доносчица ушла; через минуту на другом конце коридора забулькала в раковине вода. Максимов как встал, привалившись спиной к дверному косяку, так и стоял, не двигаясь. Сжимая в кулаке красный маркер.

Он был одного с Лидкой роста. От него пахло юношеским потом, и не горячим, физкультурным, а холодным, липким, нервным. Но запах не был неприятным. Зеленущие, как хвоя, глаза часто и растерянно мигали.

— Дурак, — сказала Лидка одними губами. — Идиот... Иди в класс.

* * *

Почему-то у нее было хорошее настроение. Впервые за много дней. И даже за много месяцев.

И почему-то, увидев Максимова, отслонившегося от кирпичной стены, она не удивилась.

Закончился шестой урок, и закончилась еженедельная планерка. Шоколадку техничке Лидка так и не подарила — отложила на потом, чтобы не вызывать подозрений. У Антонины Дрозд не хватило пороху, чтобы провести дознание самостоятельно. А возможно, она сделает это завтра. Сегодня она слишком расстроена.

Директриса говорила что-то о падающей успеваемости — Лидка слушала вполуха. Потом пошла речь о нарушениях дисциплины и правонарушениях малолетних; в последнее время, говорила директриса, участились случаи разнообразных хулиганских выходок, поддерживаемых, к сожалению, взрослыми. Отказ от

участия в сборах, игнорирование указаний инструкторов ГО, провокационные надписи на стенах...

Левая рука директрисы покоилась на перевязи. Во время последней учебной тревоги немолодая женщина упала и сильно растянула связки.

Лидка освободилась без четверти четыре; значит, Максимов прождал на улице ее около двух часов. При том что сегодня мороз и ветер.

— Лидия Анатольевна...

Преступный сговор, подумала Лидка. А если у него в кармане подслушивающее устройство?

Бред. Чего только не придет в голову накануне апокалипсиса.

Она шла, не сбавляя шага. Максимов шел рядом, и Лидка видела, что он растерян. Он ждал, что она хотя бы взглянет на него, о чем-то спросит...

У перехода она вынуждена была остановиться. По дороге шла, презирая светофоры, колонна военных машин, вернее, бывших военных, переоборудованных под надобности ГО. Огромные ребристые шины деловито месили снег.

— Им на тебя плевать, — сказала Лидка, едва разжимая зубы. — Они едут по своим делам. Они не добрые и не злые. Им надо ехать. Если ты поскользнешься и окажешься в колее — они проедут по тебе. Сам виноват. Они — машины. Они делают свое дело... А ты — дурак.

Максимов молчал, потрясенный.

— Больше так не делай, — со вздохом заключила Лидка. Все-таки школьная фразеология медленно, но верно липла к ней, заполняла память и речь. «Ответственность за последовательное овладевание знаниями... Огульное охаивание эпохального значения...»

Колонна прошла. Остатки снега на дороге походили на жеваную серую салфетку.

— Ты действительно ее обидел? — спросила Лидка небрежно.

— Она мне не нравится, — жалобно сказал Максимов.

Лидка едва удержалась, чтобы не засмеяться. Несмотря ни на что, у нее было отличное настроение. Может быть, благодаря этому дурачку.

Она впервые с начала разговора посмотрела на него. Это короткое пальтишко он носил, наверное, уже лет пять, и сперва оно было огромным, ниже колен, потом незаметно стало впору, а теперь смахивает скорее на курточку. Круглая детская шапка из искусственного меха. В Лидкины времена такого парня засмеяли

бы до истерики, и ни одна девчонка не заинтересовалась бы им, разве что самая экзальтированная. А теперь большинство подростков ходит в перелицованной детской одежде, потому что на новую не хватает денег. Привыкли, не замечают. Надо ведь оплачивать труд армии инструкторов, которые ничего не умеют, кроме как водить свои группы к муляжам Ворот. Агитаторов, которые колесят по весям с баянами, плакатами и учебными фильмами. Стратегов и тактиков, которые разрабатывают все новые маршруты с учетом меняющейся обстановки. Колоссальный парк разнообразной техники, секретные институты слежения, обнаружения и связи и так далее, всего не перечислить...

— Она страдает, — сказала Лидка. — Пойми ее правильно.

Максимов молчал, опустив зеленые глазищи. Уголки рта его были поджаты по-взрослому скорбно, так что Лидке захотелось сунуть ему снега за ворот, чтобы встряхнулся.

Но она удержалась.

* * *

В первый же день новой четверти старшую группу в полном составе сорвали с первых трех уроков. Лидка уныло бродила по учительской, слушала сплетни, пыталась читать газеты — скукотища. Ей надо было пройтись по магазинам, но, презирая себя, она так и не решилась выйти. Вероятность встречи с патрулем была не столь уж велика, но Лидку передергивало от одной мысли об этом.

На четвертом уроке у нее был «любимый» класс. За десять минут до звонка автобусы высадили старшеклассников в школьном дворе; все они выглядели неважно. Гэошники провели перекличку, и непривычно молчаливая толпа подростков растеклась по классам.

— Раскрыли тетради. Тема сегодняшнего урока... Что это вы все такие пришибленные?

Молчание.

— Вика Роенко, что было на экскурсии?

Бледная блондинка — зрелище то еще. Кукольное личико Вики имело хорошо различимый синий оттенок.

— Мы были на экскурсии в морге...

— Где?

— В городском морге, — потерянно призналась Вика. — В программе... в рамках программы... подготовки к апокалипси-

су. Нам показывали жертв автокатастрофы... по характеру... повреждений... Можно выйти?!

Лидка едва успела кивнуть. Зажимая себе рот, блондинка вылетела из класса.

— Дрозд... расскажи, что там было.

Дочке гэошника пристало иметь нервы покрепче, чем у других. Тоня Дрозд набрала в грудь побольше воздуха:

— Характер повреждений при давке в Воротах сродни характеру повреждений... при некотором виде автокатастроф! Нам показали... чтобы был стимул тренироваться, потому что все ноют и ноют, что, мол, слишком много учебных тревог...

— Понятно, — быстро сказала Лидка. — Открыли учебники. Страница триста, упражнение двадцать к параграфу пятьдесят девять. Дрозд, прочитай вслух...

— ...Последовательно перечислить общие законы возникновения малых Ворот в лесостепи, в степной зоне, в полупустыне, в пустыне... Написать формулу популяционного сдвига применительно к высшим животным... Подставить в нее данные...

Лидка смотрела в стол. В животе у нее было пусто и холодно; через пару дней, как намекала директриса, «экскурсия» предстоит всему преподавательскому составу. Ну Лидка, допустим, кризисный историк и много чего повидала. Но...

Отчаяние было подобно взрыву. Лидкины пальцы сами собой стиснулись на картонной обложке журнала.

Почему?! Что, иначе — никак? Иначе — не пройти? «Апокалипсис — намордник, надетый на человечество...» «Толпа подобна амебе... простейшие рефлексы... простейшие раздражители...»

Рефлекс. Но рефлекс сложный. Всю жизнь положить на его отработку. Поколение за поколением. Может быть, со временем послушание инструктору сделается врожденным?

Нет. Приобретенные свойства не передаются по наследству. А значит — с рождения и до смерти, тренировка и тренировка, а придет наш час — войдем в Ворота с гордо поднятой головой... С рефлекторно поднятой головой. Альтернатива? Давка. Куча-мала. Ад, где осталась Яна...

Лидка поняла, что класс давно смотрит на нее и чего-то ждет. Что доносчица Дрозд давно прочитала задание и ждет дальнейших распоряжений. И что они — многие — прекрасно понимают, почему замолчала биологичка и о чем она думает. Во всяком случае, думают, что понимают.

— Дрозд, — сказала Лидка непривычно слабым голосом. —

К доске, пиши законы, пиши формулу, подставляй данные. Максимов, пойди посмотри, как себя чувствует Роенко...

Максимов поднялся, но блондинка уже вернулась, чуть менее бледная, с мокрыми пятнами на форменном платье.

— Кто из вас читал труды Зарудного? — неожиданно для себя спросила Лидка.

Поднялся лес рук:

— Мы проходили по новейшей истории... «Введение в историю катаклизмов» и некоторые статьи...

— А сверх программы, для себя никто не пытался читать? — спросила Лидка невесть зачем.

Руки опустились.

— Не... мы по программе...

Максимов насупился. С вызовом глянул Лидке в глаза и — единственный — поднял руку.

Рукав пиджака был коротковат. Скатился едва ли не до локтя.

* * *

— Но почему же никто этого не знает?!

Они шли по пустынной, продуваемой всеми ветрами улице.

— Я думал, Зарудная, невестка Зарудного — это та женщина из Детского фонда, я когда-то видел по телевизору, давно, правда... Я никогда бы не подумал... Я думал, вы однофамилица!

— А какая разница? — спросила она угрюмо. — С сыном Андрея Игоревича я уже много лет как рассталась. Фамилию оставила... потому что Андрей Игоревич не стал бы возражать. Фамилия — и все.

Максимов сдвинул брови, будто что-то припоминая. Вспоминай, со вздохом подумала Лидка.

— Если вы скрываете это, — с запинкой начал мальчик, — то я никому не скажу...

Лидка открыла рот, чтобы заверить Максимова в своем полном равнодушии, но в этот момент высоко в небе разорвалась сигнальная ракета, и сразу отовсюду завыли сирены.

— В тревогу вляпались, — сказал Максимов горько. — А у меня на сегодня столько уроков...

Лидка быстро огляделась. Темнело, по улице мела поземка, зажигались и тут же гасли окна в домах.

— Иди за мной.

Она бесцеремонно схватила его за рукав пальто и потащила в сторону. Здесь, неподалеку, была неразобранная детская пло-

щадка с круглой башенкой-фортом. Башенку любил и чистил местный дворник; иногда по дороге с работы Лидка позволяла себе уединиться в игрушечном замке. Он заметно подправлял ей настроение.

— Прыгай. Чтобы не осталось следов перед входом.

Она почему-то не сомневалась, что он послушается. Не захлопает глазами, не спросит: «А как же тревога?»

Окошки-бойницы были такими узкими, что в них не пролезло бы средней величины яблоко. Наверх вела винтовая лестница; на втором этаже вдоль стен помещались полукруглые скамеечки.

— Сидим. Тихо.

Снаружи заметались фонарики. Потом подошла машина с мощным прожектором, и луч его мазал, как малярная кисть, по фасадам домов, вдоль улицы, и всякий раз, когда маленькая детская башенка попадала в его свет, Лидка видела перед собой собранного, немного напуганного, но в целом спокойного Максимова. Сжатые губы делали его старше, чем он был на самом деле, зато широко открытые глаза оставались откровенно детскими, Лидке казалось, что перед ней сидит то парень лет двадцати, то мальчонка лет двенадцати.

Она сжала его руку:

— Не бойся...

Он кивнул. Ничего, мол. Не боюсь.

Тусклые голоса завели знакомую перекличку; кого-то ждали, но ни Лидки, ни Максимова в этих списках не было, они должны были сами зафиксироваться как «случайные прохожие», но вот не довелось. Простуженным голосом жаловалась на судьбу какая-то женщина, металлически вещали рации, урчал мотор, бранились мужчины. Потом до Лидкиных ушей долетел свисток — колонна тяжело сдвинулась с места, в ночь, сквозь начинающуюся метель, до рефлекса, до подкорки, теперь уже тренироваться не так тяжело, вы заметили, теперь все идет как по маслу, движение на свежем воздухе очень полезно для здоровья, вы не поверите, у меня перестало болеть сердце и значительно улучшился цвет лица...

Колонна ушла. Фонари остались.

— Дом тридцать «бэ», квартира тринадцать, — бубнил совсем рядом хрипловатый мужской голос. — Отказ, мотивировка — воспаление легких.

— С воспалением сказали пока не брать. Справка есть?

— Нету.

— Какой участок?

— Сто сорок седьмой.

— Косит, наверное, зараза. Проверю.

— Проверь... И пару пацанов нашли в подвале, мотивировки никакой, одни слезы. По четырнадцать лет, младшая группа.

— Пусть школа разбирается... Итого?

— Всего по двум участкам семь отказников. Этого ненормального из пятой квартиры уже забрали, я позвонил. Дама с воспалением, два пацана, старый хрыч из тридцать «а», помереть, грит, хочу спокойно.

— Блин...

— Ага... Спокойно, грю, не выйдет, дедуля... И одна парочка закосила, сирены, говорят, не слыхали. Мужик и баба, из постели их вытащили, ну ясно — услышишь тут! — Голос похабно хихикнул. — Эти, правда, отказываться не стали, ноги в руки — и побегли как миленькие...

— Так что ты мне отчетность портишь?! Пять отказников, пять, этих лопухов я попугаю, а в сводку ты их не вноси. Все?

— Все... Пятьдесят семь человек из списков отсутствуют — в отпуске, в командировке, не вернулись с работы. Надо было попозже сигналить.

— Как нам командуют, так мы сигналим.

— Да... Слушай, тут дама с пацаном под сирену проходили, а в списках случайников их не было.

— Что за дама с пацаном? Местные?

— Нет, в списках их нет. Случайники. Прохожие. Куда они могли деваться?

— Успели, стало быть.

— Не. Не успели. Темно, зараза...

— Я ж тебе машину пригнал.

— Ага... пусть посветят по палисадникам. Может, они на дурнячка сховались где-то.

Максимов инстинктивно вжался в камень, подальше от бойницы. Лидка и сама напряглась. Нещадно мерзли пальцы ног в слишком тонких сапогах.

Снова заурчал мотор. Снег заискрился, будто под солнцем. Через секунду в башенке стало светло как днем. Лидка увидела огромные глаза Максимова и капельки пота на его лбу. В такой-то холод.

— По палисадничкам, по щелям, вон там в подворотню... и за трубой... Так.

— Один умелец в канализационном люке прятался...

— ...Так едем или нет?

— Ща, подожди... куда они, суки...

— ...Надо сперва машину пригонять, а потом сирену давать.

— Тогда все, как прожектор увидят, из домов разбегаться начнут...

Громко заржали несколько голосов. А ведь среди них может быть и папа Антонины Дрозд, подумалось Лидке, и рубашка сразу же прилипла к спине. Он совершенно естественно может среди них оказаться. Вот было бы ему... вот удача...

— Слушай, эта фиговина каменная, башня, что ли, торчит тут как хрен, развернуться не дает. Давно хочу сказать — посигналь наверх, чтобы дали дозволение на снос.

Белый луч ударил в бойницы. Лидка видела, как сузились зрачки Максимова. И как он вжался в каменную стену, отворачивая лицо от беспощадного света.

— Вспомню — посигналю... Ладно, я поехал. У меня еще три сирены сегодня по плану.

Прожектор ушел. Сделалось темно.

Налетел ветер. В узких бойницах заплясали снежинки, холод прошелся по всей башне, от основания и до жестяного купола.

— С-с-с... Ш-ш-ш... паек дадут... поделишься?

— Дождешься от них... Ш-ш-ш...

— Бывай...

— С-с-с...

Рев мотора.

Прожектор погас совсем — и темнота сделалась совершенно непроницаемой. Не светилось ни одно окно. Страшно.

Максимов подался вперед, и она ухом ощутила его щекочущее дыхание.

— А если... они остались... следить?

— Темно, — сказала Лидка шепотом. — Сейчас пойдут прохожие, ну и те, что с работы еще не пришли... И тогда мы выйдем, в темноте. Кто что докажет?

— Вы храбрая, — сказал Максимов еле слышно.

Она усмехнулась:

— Я трусливая... Твоя мать не волнуется?

Парень поерзал на скамейке:

— Она... знает же, что я могу в облаву... то есть в тревогу попасть. То есть она волнуется, конечно...

— Посидим еще минут пятнадцать — и пойдем... Пообещай мне, Артем.

— Что?

— Пообещай, что сам ты *никогда* не будешь так делать.

Новый порыв ветра заставил обоих поежиться. Лидка терла ладони в перчатках, но пальцы не желали согреваться, а только еще больше замерзали.

— Потому что... люди должны честно тренироваться? — спросил Максимов так тихо, что Лидка скорее догадалась, нежели расслышала.

Теперь, когда глаза отвыкали от света, можно было различить очертания бойниц. И хлопья летящего снега. И одинокую звезду в разрыве снеговых туч.

— Потому что тебя поймают, дурачок.

Он вздохнул с таким облегчением, что даже сквозь вой ветра Лидка расслышала его вздох.

— Я так и... но меня не поймают!

— Поймают. Обещай, что не будешь. Иначе завалю на контрольной.

Он неуверенно помолчал.

— Знаете... я больше не боюсь контрольных.

— Хорошо. А по моей личной просьбе?

Он помолчал еще.

— Хорошо. Обещаю.

В темноте они пожали друг другу руки, и Лидка поняла, что пальцы Максимова едва сгибаются.

— Так дело не пойдет... Еще минут десять терпеть.

Она стянула с него тонкие перчатки из фальшивой кожи и принялась растирать его руки снегом — свои и его. Согрелась. Снег таял, стекал с красных, распухших, горячих ладоней.

— Как уши?

— Пока не надо...

— Еще пять минут. Сейчас выходим.

Она очень давно никого не *касалась*. Мимолетные объятия с мамой, дружеские рукопожатия Тимура — не то...

Пришла и утвердилась давняя, запретная мысль: это мог быть мой сын. Лидка поняла, что, не прогнав этой мысли, она навсегда испортит этот вечер и этот день. И по-настоящему возненавидит Артема Максимова.

Это *не мог* быть мой сын!

— Э, да у тебя нос отмерз, — сказала она небрежно. Притянула его к себе — он не очень сопротивлялся — и губами отыскала губы.

Поцелуй на морозе — удовольствие экзотическое. Впрочем, она не собиралась развращать Максимова — ей важно было застолбить, что он *не сын* ей.

А он ответил. Он, оказывается, прекрасно умел целоваться. Все наговаривают на современную молодежь, что она, мол, ленива и закомплексована.

Лидка выгнулась дугой. Давно забытое ощущение; господи... Нарвалась. Сама. Нарвалась.

Она обняла его за плечи — поверх детского пальтишка.

В окошко-бойницу заглядывала звезда. Уже и не одна; небо постепенно очищалось, снег перестал, но ветер усиливался.

* * *

Он заболел бронхитом и месяц не показывался в школе. Для Лидки это был долгий, как жизнь, счастливый и тяжелый месяц.

В крошечной квартирке, которую она снимала вот уже несколько лет, царили смятение и беспорядок. Упорядоченный беспорядок, узаконенный — ей просто не хотелось ничего менять, как будто предметы, сдвинутые со своих случайных мест, способны были разорвать установившийся ход вещей. И максимовский шарфик, забытый на письменном столе, остался лежать там, куда его бросили — Лидке казалось, что это добрая примета. Пусть лежит.

В ванной так и осталось висеть чистое махровое полотенце, которым пользовался гость. Полотенце давно высохло, но Лидка не спешила его убирать. Пусть висит.

Иногда, просыпаясь в четыре утра, она покрывалась потом от мысли, что все кончено и Максимова не вернуть. Что, оклемавшись после болезни, он тихонько переведется в другую школу. Что ему мучительно стыдно вспоминать все случившееся с ним, что он в депрессии, что он ненавидит ее, старую дуру, стерву-биологичку, что он смеется над ней и презирает себя...

После часа-другого таких раздумий Лидка вставала, в темноте брела на кухню и глотала приготовленные с вечера таблетки. Иногда после этого удавалось снова заснуть.

Возвращаясь в сумерках из школы, она задирала голову и смотрела на свое темное окно. Понимала всю глупость этого ритуала и все равно смотрела — ей казалось, что однажды окно окажется освещенным.

— Я тороплюсь, — говорила она коллегам и знакомым. — Меня ждут.

Коллеги и знакомые переглядывались, и Лидка в этот момент верила, что сказанное — правда. Что ее действительно ждут; она торопилась домой, поднималась на пятый этаж по узкой вонючей лестнице, входила к себе в комнату и видела небрежно брошенный шарф, хранящий остатки мальчишечьего запаха, и две чашечки из-под кофе с засохшим узором гущи на дне.

Тогда она садилась на край дивана, смотрела в потолок и счастливо улыбалась.

Она выдумывала поводы, разрешавшие ей позвонить Максимову домой. Поводов находилось хоть отбавляй — близилась весна, а с ней и выпускные экзамены. Состояние максимовского здоровья должно было внушать педагогу серьезные опасения; Лидка несколько раз репетировала предстоящий разговор, прокручивала в уме разные его варианты. Можно позвонить из учительской, а можно из автомата. Можно позвонить вечером, когда дома будут максимовские мать и брат. А можно утром, и тогда есть шанс застать болящего в одиночестве.

Она выучила на память номер его телефона.

Но ни разу не позвонила.

К концу зимы участились болезни и среди учителей, Лидке накидали дополнительную нагрузку. Уроки шли один за другим, классы — старшая и средняя группы — сменяли друг друга в Лидкином кабинете биологии. При этом мальчишка или девчонка, усевшиеся на священное место Максимова, вызывали у нее не совсем понятное раздражение. Ей приходилось делать усилие, чтобы скрыть его.

Иногда ей приходилось сдерживать себя, чтобы без видимой причины не улыбаться во весь рот. Она чаще обычного ходила по классу вдоль рядов, потому что скрипучий стул отзывался звуком на каждое движение, и усидеть на нем бывало невмоготу.

На нее смотрели. Оглядывались на улице совершенно незнакомые мужчины. Таращили глаза старшеклассники. Как будто от нее исходило тепло. Или запах. Или невидимые волны, колебания, круги по воде.

Однажды — Максимов болел уже двадцать дней — она решилась заговорить с математичкой, обремененной классным руководством.

— Этот, Максимов... Что он себе думает, на второй год оставаться?

— Говорила с матерью, — нехотя отозвалась замученная, неухоженная женщина. — Скоро должен выйти... Вы уж, Лидия Анатольевна, дайте ему возможность догнать программу. Обидно — отличник был...

Лидка поджала губы и сама поразилась, как удачно, как есте-

ственно сложилась на лице стервозная гримаска. Вот ведь привычка. Прирастает.

А через неделю Максимов появился в классе.

Она увидела его мельком, на перемене, и долго сидела в учительской, успокаивая бьющееся сердце, удерживая разъезжающиеся к ушам губы. Дура, дура, старая дура.

Она вошла в класс минут через пять после звонка — ученики уже почти уверились, что биологичка наконец-то заболела.

Она вошла, вызвав всеобщее разочарование; она умышленно не смотрела на максимовскую парту и, только утвердившись за столом, позволила себе «заметить» новоприбывшего:

— А-а-а, Максимов! Ну наконец-то! Как ты себя чувствуешь?

Она сразу же пожалела об этом вопросе. Потому что теперь придется выслушивать ответ.

Максимов поднялся, и она увидела, что он похудел. И он изменился; остатки детства, неуклюжая фигура в мешковатом костюмчике, круглые щеки — все осталось в прошлом.

— Спасибо, хорошо, — сказал он тихо. — *Почти совсем* хорошо.

От этого «почти совсем» вспыхнули Лидкины уши, прикрытые, по счастью, распущенными волосами. Она нервно поправила прическу; ей казалось, что весь класс, от проницательной Антонины Дрозд до туповатого тихони Харченко, наблюдает за ней и прекрасно понимает, что происходит.

— Тебе придется догонять программу, — сказала Лидка, глядя в журнал. — Садись... У нас сегодня новая тема. Государственные заповедники и их роль в биологическом ритме живой природы...

Максимов сидел, низко опустив голову.

На перемене она то и дело выходила из учительской. Шла по коридору то в туалет, то в библиотеку, то еще куда-то.

Он стоял перед огромным стендом и делал вид, что изучает правила внутреннего распорядка. Он стоял, не сходя с места, все двадцать минут, пока длилась перемена.

Он тоже боялся.

Он боялся, выслеживая ее после уроков. Только потом она поняла, как страшно ему было сделать этот первый шаг: а вдруг она засмеется и прогонит? Или, что вероятнее, посмотрит холодно, непонимающе: «Максимов? В чем дело?»

Она увидела его — и быстро отвела взгляд. Отойдя на десяток метров, замедлила шаг.

Он двинулся следом. Как хвост.

Так они прошли несколько кварталов.

Потом Лидка ни с того ни с сего завернула в незнакомый, высокий, пропахший котами подъезд.

И долгие десять минут — пока наверху не хлопнула чья-то дверь — они стояли обнявшись, беззвучно и неподвижно.

* * *

Ее жизнь обрела смысл. Снова и, как ей казалось, теперь уже навсегда.

Очень скоро выяснилось, что Максимов фатально отстал от программы. Это при том, что у него и раньше были тройки; Лидка прекрасно знала, что думают о ней коллеги-учителя. «Низвела» мальчика, чтобы срубить денежку на репетиторстве; родителям Максимова не стоило идти у стервы на поводу. А-а-а, у мальчика только мать...

Она возвращалась из школы, ставила чайник на плиту, принимала душ и доставала из шкафчика флакон дорогих, безумно дорогих для скромной учительницы духов.

И ждала — обычно не дольше получаса.

Сперва в коридоре раздавались шаги, но она сдерживала себя, не бежала сломя голову навстречу, а дожидалась, пока в прихожей вежливо тренькнет звонок.

...Невозможно встречаться каждый день. Тут и еж заподозрит неладное. Максимов приходил к ней по понедельникам, средам и пятницам, но она ждала его каждый день, и очень часто не зря ждала, потому что то и дело оказывалось, что он забыл тетрадь, или не понял задания, или еще что-нибудь.

И у нее почти никогда не хватало сил его выгнать.

— ...Ты считаешь, что так и должно быть? Выработка условного рефлекса на прохождение Ворот? Что ради этого надо было превратить страну в дрессированное стадо?

— Не знаю... А какой может быть другой путь?

— Но ведь выживали и так! Много лет выживали! Твои родители, ты сама, мои родители, брат, да все...

— Все... Те, кого ты видишь, действительно выжили. А тех, кто остался *там*, ты не видишь. Мою сестру Яну, например...

— Извини...

— Артемка, дело даже не в том, сколько *нас* останется лежать на подступах к Воротам. Дело в том, что если раздавят даже кого-то одного... затопчут, смешают с землей...

— Понимаю. Не продолжай. Но ведь нас топчут уже сейчас!

Мы *уже* затоптанные, Лида. Еще не настал апокалипсис, а мы — уже...

Они лежали, обнявшись. В комнате стояла темнота, только время от времени по потолку проплывали отсветы далеких фар.

— Нет. Мы не растоптанные. И никому не дадим себя топтать. Мы только сделаем вид...

Он усмехнулся холодно, как умудренный жизнью человек лет сорока. Она не видела его улыбки, но почуяла ее и притихла.

— Так не получится, Лида. Ни у кого. Мой отец... Я не хотел говорить тебе, но он не просто умер. Его отправили на общественно полезные... оттуда забрали в клинику... и прислали справку, что он... скончался от инсульта. И тот человек из его газеты, которого забрали одновременно с ним, — его жене тоже пришло — от инсульта... Они их убили. Они убивают. Они будут убивать больше. Потому что иначе не удержишь, одних заверений в том, что это надо, одних экскурсий в морг... мало. Уже мало. Мы думаем, что мы самые умные... Что мы прикинемся покорными, и ничего. Но у меня уже сил нету. Таких, как Тонька Дрозд и ее папаша... Им нравится, когда мы — грязь. Лида, я не могу больше. Я не могу...

По серому потолку снова прошло белое сияние. Свет отразился в глазах лежащего рядом юноши, широко открытых и влажных.

Она обняла его. Накрыла собой.

— Артемка... У меня никого нет, кроме тебя. Послушай... Держись. Все пройдет. Пройдет *мрыга*, все образуется, успокоится эта истерия... И я вернусь в науку. И ты будешь со мной. Поступишь в универ... Летом мы будем ездить в экспедиции. Зимой и осенью — обрабатывать данные, писать статьи... Я раздобуду допуск. Я смогу. Я просто струсила тогда, отказалась... а мы поймем.

— Природу Ворот? — спросил он шепотом.

— Да! — согласилась она радостно. — Мы... мы наладим промышленное изготовление этих самых Ворот, люди будут ставить их сами, как сейчас ставят муляжи. Мы не будем зависеть ни от чего...

— Это не решение задачи, — тихо сказал Максимов. — Это все равно что в лабиринте для крысы сделать сто дополнительных выходов.

По стеклу медленно, деликатно застучал дождь. Потом все быстрее и быстрее. Потом забарабанил.

— Артем... Обними меня.

Прикосновение. Еще. Спокойствие. Безмятежное счастье.

Ей снилась та давняя экспедиция, безмолвный зеленоватый мир и затопленные морем, не убранные вовремя Ворота. Во сне вместо Славки с ней был Максимов.

Ей снился Андрей Зарудный, молодой, моложе самой Лидки. Почему-то с зелеными глазами, и из глаз Андрея Игоревича улыбался мальчик Артем.

Ей снились университетские коридоры, и красные ковры на ступенях гэошной конторы, и красные поля бесконечных маков. И вместо множества непонятных, необязательных в ее жизни людей там появлялся Максимов. Она не видела его, но ощущала его присутствие.

Весь прежний мир, вся ее прежняя жизнь были подернуты пыльной такой занавесочкой. Порой прозрачной, порой почти неразличимой. И только теперь, сдернув пелену, Лидка понимала, что жить под ней невыносимо. Под этой серенькой, всепроницающей пленкой нелюбви.

Она потеряла полжизни.

А могла бы потерять всю, без остатка. И так и не понять, чего лишилась.

* * *

«...вопящих о нарушении прав человека. Уместно спросить этих господ — о каких правах речь? О праве любого из нас быть затоптанным на пороге Ворот? О праве быть погребенным под лавой, или смытым волной, или убитым глефой? Почему меры по спасению населения во время кризиса кажутся кому-то то антигуманными, то излишними, то несвоевременными?

А вот почему. Во все времена на апокалипсисе кормилась целая стая кровососов — от продажных государственных чиновников, пропускавших в «условленное время» армию своих родственников, до сомнительных фирм, отпочковавшихся от старого ГО, за колоссальные деньги обещавших безопасные «эскорт, транспортировку, эвакуацию». Теперь они лишены этой возможности; теперь им не нравится, что каждый гражданин имеет равную возможность гарантированно и бесплатно эвакуироваться в Ворота. Теперь они орут о «нарушении прав человека», существующем только в их воспаленном воображении...»

(Из речи Министра ГО по поводу Апрельских праздников, 23 апреля 18-го года 54-го цикла.)

* * *

...Она ждала его дольше обычного. Он пришел запыхавшийся, огорченный — мать, по его словам, что-то давно подозревает и вот-вот даст подозрениям ход. Пряча глаза, он предположил, что, возможно, придется изменить порядок встреч или вообще некоторое время не встречаться; через минуту, увидев ее лицо, он обнял ее и сказал, что бросит ради нее и школу и семью. Что сбежит с ней в лес.

Нервно смеясь, они помогали друг другу раздеться, когда за окном взвыла сирена. Был ясный апрельский вечер; в соседней квартире упал и загрохотал по полу оцинкованный таз.

— Граждане, учебная тревога. Граждане, зачет времени пошел. Внимание... Учебная тревога... Сто семь, сто шесть, сто пять, сто четыре...

Лидка медленно выпустила руки Максимова. Остановившимися глазами посмотрела ему в лицо:

— Не пойду.

Он переступал с ноги на ногу, то просовывая руку в рукав рубашки, то снова выдергивая ее обратно:

— Что?

— Не пойду! — шепотом выкрикнула Лидка. — Нет! Ненавижу! Не хочу! Запру дверь, всех к черту! Моя квартира... Не пойду! Не желаю!

— Девяносто два, девяносто один, девяносто, восемьдесят девять, — бубнил металлический голос во дворе. По лестнице гулко топали чьи-то ноги.

— Успокойся, Лидочка...

— Я спокойна. С меня хватит. Я не крыса, я не желаю! Я не поддаюсь дрессировке. Я имею право сдохнуть! Я... имею право... любить тебя, когда хочу! Я свободный человек!

— Лида...

Она улеглась на диван и закинула ногу на ватную спинку:

— Все. Иди. Ты — иди. А мне уже плевать.

— Шестьдесят восемь, шестьдесят семь, шестьдесят шесть...

— Лида, — глухо сказал Максимов. — Мой отец... Теперь ты. Я не хочу.

— Ничего мне не сделают, — сказала она зло.

— Сделают, — тихо сказал Максимов. — Это саботаж. Для начала выгонят из школы... Все... станет... труднее.

— Пятьдесят два, пятьдесят один, пятьдесят, сорок девять...

— Лида, — шепотом сказал Максимов. — Я тебя очень-очень прошу. Пожалуйста. Ну пересиль себя...

Она отвернулась лицом к диванной подушке и зарыдала.

По счету «ноль» они вышли из подъезда — бледный мальчик со школьным портфелем и его нервная, красная, возмущенная репетиторша. Еще бы — так грубо прервали учебный процесс...

Соседи косились.

Они косились бы еще больше, если бы увидели, что у мальчика под курткой нет ни рубашки, ни майки. А возмущенная дама надела плащ прямо поверх эротичной кружевной комбинации.

* * *

На выпускном вечере Лидка впервые увидела Максимову-мать. Прежде они почему-то не встречались ни на родительских собраниях, ни на общешкольных праздниках; даже в те далекие времена, когда Артему еще грозила тройка в аттестат, Максимова — вопреки советам — не пришла в школу, чтобы поговорить с вредной биологичкой.

И вот теперь они встретились — хотя Лидка весь вечер стремилась держаться подальше.

Максимова была Лидкиного поколения, но выглядела скверно, лет на десять старше. Плохая жизнь не добавляет молодости. Тревога за сына — тем более.

— Добрый вечер, Лидия Анатольевна... Как жаль, что раньше нам не доводилось встречаться.

Максимова говорила, а глаза ее быстро и внимательно изучали сперва Лидкино лицо — включая макияж и прическу, потом Лидкину фигуру — включая фасон костюма, и даже туфли, как показалось Лидке, собеседница успела рассмотреть — вплоть до состояния подметок. Лидка ждала, что в следующую секунду она, усмехнувшись, добавит: «А не кажется ли вам, что в *наши* годы навязывать семнадцатилетнему мальчику свои несвежие ласки — непристойно?»

— Поздравляю, поздравляю, — затараторила Лидка, надеясь потоком поздравлений сбить Максимову с толку. — Такой день сегодня, выпускной вечер — это такое счастье, когда сын заканчивает школу, а он же у вас отличник, поздравляю, он вступает во взрослую жизнь, перед ним широкая дорога, пусть ему везет...

Готовые сочетания слов привычно ложились на язык. Лидка говорила, а Максимова смотрела ей в глаза; гремел школьный оркестр, самодеятельный, зато громкий.

Она обо всем догадывалась, эта Максимова. Или не обо всем, но тем мучительнее была догадка. Сын, прежде не имевший от нее тайн, теперь ушел к другой женщине, и то, что эта другая годилась ему в матери, вызывало у Максимовой не то чтобы возмущение, не то чтобы отторжение, а совершенно беспомощную, растерянную, почти детскую обиду.

Она, Максимова, боялась этого вечера так же, как боялась его Лидка. Она спровоцировала разговор, которого Лидка избегала. Она надеялась что-то понять и что-то для себя прояснить, но вместо этого запуталась еще сильнее, потому что сухая, молодящаяся женщина с жестким лицом не должна была, по мнению Максимовой, вызывать у нормального юноши никаких чувств, кроме страха перед двойкой.

Артем наблюдал за встречей издали. У него была на этом вечере своя роль; расфуфыренная блондинка Вика не отходила от него ни на шаг, в то время как Тоня Дрозд разыгрывала, будто по нотам, бурный роман с мальчиком из параллельного класса. Молодежь казалась чуть пьяной, хотя алкоголь был строго-настрого запрещен на этом грандиозном, затопившем весь город празднике; Лидка сто раз предупредила Артема насчет возможных провокаций. Не брать в рот ничего, кроме лимонада, не брать в руки никаких бутылок вообще. И постоянно быть у всех на виду.

Она видела, как он подошел к матери сразу после их с Лидкой разговора. И о чем-то спросил, нарочито беспечно, но Лидка прекрасно видела, как он напряжен.

Она не слышала, что ответила мать. И не видела ее лица; Максимова прошла в раздевалку, а Артем остался на месте, улыбаясь, но не очень естественно, а рядом уже прыгала блондинка Вика, предлагая пойти в вестибюль, где давно уже начались танцы...

Лидка подумала, что так одиноко, как сейчас, ему еще никогда не было. Что весь этот вечер, в меру официозный, в меру раскованный, оказался вдруг точной моделью бестолкового мира, в котором они с Лидкой чуют друг друга за версту, но не имеют права перекинуться словечком, чтобы не вызвать кривотолков. И мать, измученная подозрениями, но не имеющая доказательств. И прыгучая Вика, демонстрирующая всем свое право обнимать его за плечи. И Тоня Дрозд, полагающая, что буйные танцы с верзилой из параллельного класса дают ей преимущество в чьих-либо глазах.

Он улыбался, по мере сил притормаживая раззадорившуюся Вику, но улыбка была все более жалкой.

Ему было одиноко — и страшно. Обычный страх перед будущим, охватывающий невесту на пороге церкви или выпускника на сцене актового зала, был тут совершенно ни при чем.

Лидка стиснула зубы. Нежность стояла в ней, сочувствие и нежность — по ноздри. Почти материнское, как ни крути, чувство.

Она шагнула вперед — и весь этот зал, расфуфыренные девчонки, приодевшиеся учителя и взбудораженные родители, столы с бутербродами и лимонадом, сипящие микрофоны, желтый под слоем мастики паркет, надувные шарики и цветные флажочки — весь этот зал двинулся сперва на нее, а потом мимо, и двигался все быстрее, размазываясь в движении, теряя четкость.

Совсем рядом оказалось румяное, чуть капризное личико Вики. Она уже теряла терпение:

— Тем, ну мы так и будем стоять здесь сто...

Она осеклась, потому что Лидка подошла уже достаточно близко, чтобы попасть в поле Викиного внимания.

— Ну, ребята, как проходит вечер? — спросила Лидка, широко улыбаясь и внутренне морщась от отвратительно-казенной фразы.

— Хорошо, — сказала Вика. — Просто замечательно.

Максимов молчал.

Еще не поздно было передумать. Повернуть назад. Сказать что-то вроде — «ну развлекайтесь» и удалиться за столы, где Лидкины коллеги отдыхают, сплетничают и методично поглощают недоеденные выпускниками бутерброды.

Лидка усмехнулась. Радостно и зло. А что такого она хочет сделать? Ничего особенного. Всем можно, а ей нет?

— Максимов, мы немало крови попортили друг другу. Ты не откажешься станцевать со мной?

Пауза. Удивленный взгляд блондинки Вики — пока еще только удивленный.

Все они о чем-то таком болтали. «А может, Максимов влюбился в биологичку?», «А может, он ей нравится и она ему мстит?», «А может...» — и довольное хихиканье, потому что тогда сразу можно предположить, что директриса влюбилась в гэошника, а тот в свою очередь — в сторожа. Волнующая тема, отчего бы и не почесать языки...

Что удивительного, если на последнем школьном балу ученик станцует с учительницей?

Веселые и удивленные лица надвинулись — и снова размазались в движении. В вестибюле топтались, наступая друг другу на ноги, танцующие пары. Самодеятельный оркестр уступил место магнитофону; по личному распоряжению районного инспектора

на всех выпускных вечерах разрешено было проигрывать только романтичную танцевальную музыку, это бал, а не прыгалки, пусть молодежь развивает свой вкус...

Вальс отдавал нафталином.

Они выбрались ближе к центру вестибюля, туда, где было посвободнее. Узнавая Лидку, перед ними расступались.

Одна максимовская рука легла ей на талию. В другой, горячей и мокрой, утонула Лидкина ладонь.

— И — раз-два-три... Да ладно. Просто двигайся в такт.

Под их каблуками потрескивали, сминаясь, цветные спирали серпантина. Налипали на подметки кружочки конфетти. Впрочем, их танцу было далеко до настоящего летучего вальса. То было скорее подростковое топтание, не лишенное, впрочем, некоторого изящества.

— Ты сумасшедшая, — сказал он, едва шевеля губами.

— Ты уже не школьник.

— А ты...

— Я бросаю школу. Сегодня.

Он так стиснул ее ладонь, что она улыбнулась от боли:

— Да... ну ее к черту.

Его глаза сделались круглыми и влажными, как залитые дождем фары.

— Лида...

— Танцуй. Что ты топчешься, как слоненок.

Его рука, лежащая у нее на талии, грела сквозь ткань пиджака и блузы. Ей казалось, что строгие учительские тряпки вот-вот расползутся, будто под действием кислоты. Что максимовская ладонь касается уже голой кожи.

* * *

— Признаюсь честно, если бы вы не написали этого заявления, Лидия Анатольевна, мне пришлось бы самой просить вас об этом... Да-да, я подпишу. Спасибо.

У директрисы были желтоватые длинные ногти в островках облупившегося лака. Из-за обшлагов стильного делового пиджака выглядывали совершенно немодные кружевные манжеты.

— ...Работа в школе требует особенных моральных качеств... вы не педагог, к сожалению. Ни в коей мере. Я не давала хода многочисленным жалобам родителей... и даже учеников... так или иначе этот учебный год был бы для вас первым и последним... Увы. Кстати, в новом цикле он захочет иметь детей. Вы,

насколько я понимаю, ничем не сможете ему помочь. У вас ведь бесплодие?

Фарфоровая подставка для карандашей, помещавшаяся посреди директорского стола, представляла собой смеющуюся клоунскую голову. Кое-где эмаль сбилась, отчего веселая усмешка сделалась похожей на предсмертный оскал.

Выдолбленный череп. Вместо мозга — пластмассовые тельца ручек и фломастеров. По желтому карандашу ползает муха.

— У меня нет никакого бесплодия, Раиса Дмитриевна. В следующий раз требуйте от ваших информаторов соответствующую докторскую справку.

Директриса улыбнулась — от щеки к щеке растеклись напомаженные губы.

Лидка вышла из кабинета, глядя прямо перед собой. Вошла в туалет, огляделась, не видит ли кто; извлекла из сумки упаковку слабенького транквилизатора.

По дну сознания пошла мысль — если сожрать сразу все, то и проблем никаких не будет...

Лидка умылась холодной водой. Усмехнулась своему отражению в надтреснутом зеркале. Сперва жалобно усмехнулась, потом спокойно, потом уверенно.

Спрятала упаковку, так и не надорвав.

Много чести, Раиса Дмитриевна. Чихать на вас с высокой колокольни.

* * *

Она ждала Максимова к семи, но звонок в дверь прозвучал в полседьмого. Она как раз выходила из душа; плотнее запахнув халат и распустив стянутые на макушке волосы, она прошлепала к двери. И так торопилась открыть, что не спросила даже: «Кто там?»

— Ты сегодня ра...

Прохладный ветер подъезда пробрался под полы халата и тронул Лидкины голые ноги. Она осеклась.

— Мне можно войти? — кротко поинтересовался глава Администрации Президента Игорь Георгиевич Рысюк.

Лидка отшатнулась в глубь квартирки. Тесной, как шкатулка. Ободранной, неухоженной, бедной.

Не дожидаясь иного приглашения, Игорь Георгиевич переступил порог. От него исходили запахи дорогого одеколона, но-

вой натуральной кожи и, кажется, коньяка. Крепкого, не вполне устоявшегося перегара.

— Игорь, ты пьян, — сказала Лидка, как будто эти слова могли защитить ее.

Некто из-за плеча Рысюка внимательным глазом окинул Лидкино жилище (включая неприбранное белье на диване, максимовский халат на спинке стула и беспорядок на письменном столе). Бесшумно убрался в коридор, прикрыл за собой дверь, но захлопывать не стал.

— Я пьян, — устало подтвердил Рысюк. — Я трагически пьян. Трезвым бы я к тебе не приперся.

Он уселся на стул; Лидкины мысли пребывали в панике, руки же все запахивали полы халата, хотя плотнее завернуться было уже попросту невозможно.

— Почему... вы... ты... не предупредил? — пробормотала Лидка, прекрасно понимая, что к ее словам лучше всего применимо сейчас определение «лепет».

— Телеграммой? — желчно поинтересовался Рысюк. — У тебя же нет телефона!

Лидка сгребла все, что лежало на диване, скомкала, сунула в приоткрытую пасть постельной тумбы. Рысюк сидел, покачиваясь взад-вперед; он почти не изменился внешне, но был до крайности, маниакально сосредоточен. На галстуке, чуть ниже узелка, имелось свежее пятнышко жира.

Он поймал ее взгляд.

— Я выпил бутылку коньяка, — сообщил отрывисто, будто отвечая на незаданный вопрос.

— Я вижу, — сказала она тихо.

— Сядь.

Она села на диван. Потом поднялась:

— Я в своем доме. Не командуй, пожалуйста.

— В твоих интересах, — он прищурился, — выработать однозначную реакцию на любые команды. Подчинение. Тогда у тебя есть шанс.

Старый будильник, служивший еще Лидкиным родителям, отсчитывал минуты до появления Максимова. Минут оставалось всего двадцать четыре. Хотя Максимов, конечно, может и опоздать...

Но ненамного.

Рысюк снова поймал ее взгляд. Усмехнулся:

— Я нарушаю твои планы?

— Да, — сказала она еще тише.

Рысюк встал, и она целую секунду надеялась, что он повернется и выйдет. Вместо этого он подошел к письменному столу, смахнул на пол бумаги — конспекты по биологии Максимова-абитуриента — и некоторое время разглядывал улыбающееся лицо Андрея Зарудного.

— Так я и думал.

— Что ты думал? — спросила она сухо.

— Неважно. — Он сунул руки в карманы пиджака. — Свари мне кофе, Лида. У меня в голове муть какая-то, ничего не разобрать.

Оно против воли посмотрела на будильник.

— Успеешь! — рявкнул Рысюк. — Все успеешь, в крайнем случае пошлешь его мыться в душе или делать уроки... пока мы с тобой поговорим.

Лидка сделала медленный вдох. И такой же неторопливый выдох.

— Не скучаешь по нормальной жизни? — спросил Рысюк тоном ниже.

— Какую жизнь ты называешь нормальной?

Рысюк сморщил нос. Демонстративно огляделся; упал на диван, закинул ногу на ногу:

— Хочешь новый анекдот? Руководители ГО устроили конкурс для энтузиастов, чья система тренировок прогрессивнее. Приехали строитель, пожарник и врач. Строитель говорит: «Я ввел для своих подчиненных курс тренировочного падения, поэтапно, до пятнадцати метров без страховки». Пожарник говорит: я ввел для своих подчиненных курс тренировочного пожара, поэтапно, до пятнадцати минут пребывания в открытом пламени». Врач говорит: «А я ввел для своих пациентов курс тренировочной смерти, поэтапно, до пятнадцати часов пребывания в заколоченном гробу...» Не смешно?

Лидка молчала.

— Так ты будешь кофе варить или нет? — спросил он вкрадчиво.

Лидка молчала.

— Ты не желаешь меня видеть? Фанатика и мерзавца, насильника во всех отношениях?

Лидка напряглась. Когда-то — теперь ей казалось, что очень давно — она, кажется, сказала Рысюку нечто подобное. Какие-то похожие обидные слова. Интересно, что она забыла, а глава Администрации помнит.

— Зачем ты пришел? Разве у тебя нет других дел — государственной важности?

Рысюк тяжело поднялся с дивана. Подошел к столу. Посмотрел в улыбающееся лицо Зарудного — мрачно, почти с ненавистью.

— Тебе, наверное, так приятно. Под *его* взглядом... Начала ты с *его* сына, потом, наверное, воображала *его* на моем месте, теперь у вас любовь втроем.

— Уходи, — сказала Лидка тихо.

— Сейчас, — он кивнул. — Сейчас-сейчас... А ты помнишь Стужиного внука? Такого противного пацана, помнишь?

— С ним что-то случилось? — спросила она после паузы.

— Ничего, — глухо сказал Рысюк. — Ты телевизор смотришь?

— Нет, — призналась она честно.

Он хрипло рассмеялся:

— Смотрю на тебя... Лидка, Лидка... Помнишь? Вертолеты?

Она желчно, совсем по-учительски поджала губы.

— Вертолеты. — Рысюк снова обрушился на диван, запрокинул голову, явив Лидке тощий кадык. — Ты была... мы были. Лидка, мы пропали. Мы почти совсем пропали... Мне страшно. Свари мне кофе.

Некоторое время она смотрела на него, не зная, что с ним делать.

— Игорь...

— Я прошу тебя. — Он поднял на нее влажные, лихорадочно блестящие глаза. — Я не спал две ночи... Свари. Потом я уйду.

Под его взглядом она прошла на кухню. До прихода Максимова оставалось десять минут; она молола кофе и пыталась убедить себя, что ничего ужасного не происходит. Ну, напился глава Администрации, ну, встретятся они с Артемом. Ничего. Ничего страшного. Помешать союзу Лидки с Максимовым не сможет ни Президент, ни его Администрация, ни все ГО, вместе взятое...

Когда она вернулась в комнату, Рысюк стоял перед открытым окном и задумчиво ковырялся в вазоне с кактусом. И бросал вниз мелкие камушки, щепотки земли и песка.

— А-а-а... Вон он идет.

Лидка глянула через его плечо. По двору шел, помахивая сумкой, Максимов. Шел не таясь, как давно привык ходить; за деревьями урчали машины, где-то грохотал трамвай, и больше никаких звуков не было посреди этого июля, но все равно казалось, что каждый максимовский шаг ложится на ритм неслышного марша.

Лидка невольно улыбнулась. Даже сейчас ей было приятно смотреть, как он идет; напряжение, вызванное визитом Рысюка, потихоньку стаивало, уходило, исчезало.

— На моего пацана похож, — сказал Рысюк. — Интересно, что бы я сказал, если бы мой пацан сошелся с учителкой...

Последнее слово-уродец явно совмещало в себе «учительницу» и «телку». Лидка усмехнулась:

— Ты бы не узнал, папаша. Сомневаюсь, чтобы твой пацан поверял тебе секреты. Когда ты его видел в последний раз?

Рысюк резко обернулся. Покачнулся, и Лидка испугалась, что он вывалится из окна.

— Я его видел... Я видел, Лида. Но я его в списки льготников не внес... Не внес. Только должности... Условленное время — до минимума... Если бы у тебя были дети, Лида... Но ты пойми. Если бы у тебя был выбор — пускать своего... ученичка... со всеми, в очередь, или в «условленное время»... Ты бы... как? А?

Подходя к дому, Максимов привычно поднял глаза. И сбился с шага; быстро перевел взгляд на две черные машины у подъезда, на скучающих на лавочке мужчин в партикулярных костюмах, снова посмотрел на Лидкино окно.

Она отодвинула Рысюка в глубь комнаты и приветственно махнула Максимову рукой. Поднимайся, мол.

Парень секунду колебался, а потом выше поднял подбородок и вошел в подъезд. Тяжело хлопнула дверь.

— Лида, — глухо сказал Рысюк. — Ты меня не слушаешь. А это очень важно.

— Важно? — механически переспросила она. На лестнице вот-вот должны были обозначиться легкие максимовские шаги.

— Важно, — Рысюк отхлебнул от чашки. — Кофе дрянной у тебя... Лида, мы поздно начали. Слишком поздно. Мало времени... Если бы на несколько циклов... растянуть, начинать с малого... без форсажа... возможно, мы успели бы. Я говорю ерунду... Невозможно. Апокалипсис не ждет...

Тренькнул звонок.

— Извини, — сказала Лидка Рысюку.

— Извини и ты меня, — откликнулся после паузы глава Администрации.

Лидка уже шла к двери.

— Артем, заходи... Это мой бывший одноклассник, Игорь Георгиевич. Зашел по старой памяти.

— Это мы по старой памяти, — сказал Рысюк, поливая кактус остатками кофе. — А ваше дело молодое... Танцуй, пока моло-

дой! — Он протянул руку, намереваясь взъерошить Максимову волосы. Тот отстранился; Рысюк отдернул руку и внимательно посмотрел на ладонь:

— Что-то короткая у меня линия жизни... Ладно, Лида. Когда понадобится устроить твоего хлопца в универ — а его ведь не примут, из-за отца... Когда понадобится устроить — звони мне, а не проректору. Потому что проректор потом все равно перезванивает мне... Неудобно получается. Ну, будь здорова.

Он поцеловал ее в щеку — Лидка не решилась сопротивляться. Махнул рукой, ушел, не оглядываясь, плотно и без стука прикрыв за собой дверь.

* * *

«Нас обманывают. Списки на первоочередную эвакуацию давно переделаны. В «условленное время» уйдут не только чиновники, но и все их родственники. Президент Стужа своей рукой вписал в списки «условленных» своего сына, внуков, невестку. А наши сыновья и внуки потеряют драгоценное время — их ждут землетрясения и глефы, и давка перед Воротами... Президент Стужа предал идеалы, на гребне которых ему удалось в свое время прийти к власти...»

(Листовка.)

* * *

Палатка была новая, оранжевая, пахнущая резиной и спорттоварами. Никто-никто еще не спал в ней. Ничьей-ничьей любви не помнило прорезиненное днище.

По крыше, покрытой полиэтиленовой пленкой, тихонько постукивал дождь. Они лежали, обнявшись, в полнейшей изоляции от остального мира. Если бы за плотно зашнурованным пологом случился бы сейчас апокалипсис — они, наверное, так и не разжали бы рук.

Вчера им удалось выбраться из города, минуя заставу ГО. По болоту, через овраги, через лес; к концу пути Лидка была измотана хуже, чем после учебной тревоги, но притом совершенно счастлива.

Они выбрали место для ночевки — вернее, Максимов выбрал — на небольшой возвышенности, где слабый ветер хоть немного, но сдувал комаров. Максимову не нравилось, что палатка яркая. Такую палатку легко обнаружить с вертолета; делать им

нечего, говорила Лидка, зевая. Делать им нечего, только отлавливать по лесам беглецов-туристов. А завтра — завтра мы уйдем еще дальше...

В полусне ей привиделся вертолет. Рокочущее страшилище, из брюха которого свешивается, подобно потроху, Президент Стужа.

А потом в палатку на четвереньках вошел Максимов, и Лидкин сон улетучился сам собой.

Прикосновения. Расстегнутая спортивная курточка, трикотажная футболка где-то в районе подбородка. Голая максимовская спина, широкая и гладкая, как стол. Его подбородок в неожиданно мягкой щетине, его губы, его щекочущее дыхание. Лидка изо всей силы дрыгнула ногой, чтобы окончательно стряхнуть спортивные штаны и все, что на ней было надето; в приоткрывшийся полог влетел комар и радостно зазвенел, обнаружив так много горячей, прямо-таки кипящей крови.

Его прихлопнули мимоходом.

Потом там, снаружи, пошел дождь. Максимов заботливо укутал Лидку спальником и одеялом; удобно устроив голову на его плече, она подумала, что не сможет его потерять. Что, потеряв, немедленно сведет счеты с жизнью; мысль оказалась такой невыносимой, что Лидка сочла возможным спросить:

— Тем, а ты уверен, что не бросишь меня ради какой-нибудь молоденькой...

И осеклась. Максимовские руки стиснулись сильнее:

— Не говори глупостей... Не гневи бога.

Они еще долго лежали, слушая дождь и дыхание друг друга.

Еще два дня назад для них было очень важно, поступит Максимов в университет или не поступит. Поскольку документы у него, с легкой руки Рысюка, все-таки приняли, и профилирующий экзамен — кризисную биологию — он сдал на «отлично».

А на сочинении его завалили.

Позавчера утром стали известны оценки; Лидка долго стояла перед бумажной простыней, на которой в длинном списке фамилий имелась короткая запись: «Максимов — 2». Нельзя сказать, чтобы она была так уж ошарашена — уже тогда, когда Максимов перечислил ей предложенные абитуриентам темы, в Лидкину душу закралось нехорошее подозрение...

И вот подозрение оправдалось.

Она вышла из университета; кто-то с ней даже поздоровался, какая-то женщина ее же лет, Лидка ответила на приветствие, но так и не сообразила, кто же это был. Очутившись на улице, в тени

пыльных тополей и лип, она испытала вдруг облегчение — ну их всех к черту. Свобода. Полная свобода. Экзамены отменяются, отменяется изнурительная подготовка, теперь дело за малым — собрать рюкзаки и двинуть из города...

Нет, идея с рюкзаками пришла в голову уже Максимову — часом спустя.

Лидка собрала остатки своих сбережений. Вместе они пошли в спорттовары и купили палатку. Пара рюкзаков нашлась у Максимова дома. Матери он сказал, что идет с ребятами в поход; оставшиеся полдня ушли на лихорадочные сборы.

Радио бормотало о новой технологии учений — специалистами с такого-то завода изготовлены надувные муляжи Ворот, которые легко переносятся с места на место с помощью вертолетов. Таким образом, учения приобретают стопроцентную достоверность — как и во время настоящей эвакуации, никто не знает, где окажутся Ворота, и только информация из штаба ГО открывает эту тайну...

Лидка не умела как следует укладывать рюкзак. Ей никогда не доводилось путешествовать пешком. Максимов имел кое-какой туристский опыт; где-то к полуночи сборы были закончены, зато Лидкина квартирка выглядела как после *мрыги*...

Лидка проснулась оттого, что в палатке сделалось душно. Она вздохнула глубже — и сразу зашевелился Максимов. Очевидно, он давно уже лежал без сна.

— Рука затекла?

— Нет...

— Который час?

— Не знаю...

— Дождя вроде нет... Тем, я выгляну, посмотрю.

Она расшнуровала полог. Свежий воздух показался сладким на вкус и совсем не холодным; Лидка осторожно выглянула наружу.

Ночь была светла, хотя небо оставалось затянутым тучами. Рассвет, подумала Лидка, и ошиблась.

Она посмотрела вверх — и замерла с открытым ртом.

По небу плыли цветные дымы. Яркие, фосфоресцирующие. Там, где за горизонтом остался город, стояло теперь зарево.

— Артемка... Это пожар?!

Максимов уже стоял рядом. Цветные тучи отражались в широко раскрытых глазах.

— Это... тише, Лид. Ничего. Это, наверное, большие учения.

Она проглотила слюну. Да, что-то такое бормотало радио.

Большие всеобщие учения, пять видов сигналов, полная имитация...

— Какое счастье, что ты провалился на экзамене. Какое счастье, что мы ушли.

Максимов поднял плечи. Поежился от сырого ветра:

— Мы ушли... а они там все остались. Мама, Костя, все твои... Бегают, как бараны. «Полная имитация», блин... Не удивлюсь, если они бомбу кинут, для атмосферы.

Лидка нахмурилась. Холодная змейка шевельнулась в груди, ускользнула в живот. То был не страх даже — отвращение.

— Не бойся, — сказал Максимов. — Ну их всех к черту.

Лидка обняла его за плечи — и вдруг увидела, что он выше ее на полголовы.

Он продолжает расти. Давно вырос из школьной формы. И, возможно, вырастет из школьной любви...

Мысль была на этот раз совершенно спокойной, трезвой, безо всякой экзальтации.

Хорошо, что он не видел ее лица.

* * *

«Центральный штаб ГО выражает соболезнование родным и близким покойных. Принято решение о назначении материальной компенсации...»

(Телевизионное обращение к гражданам по поводу событий 2 августа 18-го года.)

«...в лучшем случае грубые ошибки. В кратчайший срок изолировать группу инструкторов, находившихся в районе Почтовой площади в период с шести двадцати до семи ноль-ноль. Восстановить протоколы переговоров со штабом... Сформировать официальный запрос командующему саперными войсками, чьи действия в конце концов повлекли...»

(Внутренний документ ЦШ ГО, 3 августа 18-года.)

«...не тысяча человек, как сказано в официальном обращении, а по меньшей мере пять тысяч (не считая раненых). Их хоронят на разных кладбищах, даже за пределами города, даже в области. ГО ищет заговоры, обвиняет армию, в то время как этот чудовищный рукотворный апокалипсис — целиком на совести ГО и лично Президента...»

(Листовка.)

«И спросил Господь: «Почему Ворота стоят пустые?» — «Некому спасаться, Господи, — ответили ему. — Всех уморили в процессе учебы».

(Анекдот.)

* * *

Они валялись на траве, глядя в небо. Облака плыли как бы в двойной бахроме — первую бахрому образовывали склоненные метелочки травы. Вторая бахрома была повыше — зеленые кроны сосен.

— Артемка...

— Что?

— Догадайся.

— Прямо сейчас? На голой земле?!

Смех.

По небу живой сеткой двигалась огромная птичья стая.

Прочь от города.

ГЛАВА 10

Стояла жара. Над остатками растрескавшегося асфальта дрожало марево; пепелища еще пахли дымом, и кое-где по ним бродили непуганые, сонные мародеры.

Дом покосился. Жильцам так и не удалось вернуться в собственные квартиры; кто-то получил страховку, а кто-то нет. Если учесть, какие потери понесли во время апокалипсиса страховые фонды...

Кое в каких квартирах на свой страх и риск ютились самоселы. Каждого из них заставляли подписать бумажку, что жилец, мол, осведомлен об аварийной опасности, и если его, жильца, однажды накроет крышей и погребет под развалинами — это его, жильца, проблемы. Хочет жить — пусть перебирается в барак.

Но пока что дом стоял — без света и воды; во дворе рядком помещались дощатые сортиры. Всего девять штук; запах стоял соответствующий.

Бронзовая доска на фасаде дома стала чьей-то добычей. Вероятно, ее утащили собиральщики цветных металлов. Многие сейчас промышляют именно сбором утиля... А что делать?

Лидка сидела на скамейке, невесть как сохранившейся посреди развороченного двора, и, прикрыв глаза, смотрела, как суетятся в щели под камнем красные жучки-солдатики.

Мыслей не было. Пустота. Марево.

Кто-то подошел со стороны подъезда. Потоптался рядом; его разношенные спортивные туфли оставляли фигурные следы в розоватой, как пудра, пыли.

— Ты постарела, — сказал кто-то.

Лидка подняла голову. Перед ней стоял сорокалетний Слава Зарудный — правда, теперь ему можно было дать все пятьдесят.

— Ты тоже неважно выглядишь, — сказала она через силу.

— Что тебе надо, Лида?

— Фотографию. — Она спрятала под скамейку ноги в тряпичных босоножках. — Фотографию отца, я знаю, у тебя сохранились фотоплакаты.

— А где твоя? — после паузы спросил пожилой дядька, бывший когда-то мальчиком Славиком.

— Сгорела, — коротко отозвалась Лидка. — Дай.

— Зачем тебе? — спросил Зарудный с внезапным озлоблением. — Зачем тебе? У тебя хватает совести... после всего, что ты сделала! После всего... что вы с Рысюком сделали! Ты предавала имя отца... не раз и не два! Сперва ты взяла его себе — обманом! Потом ты... вы... его именем... все эти мерзости! Вы, убийцы... палачи... дрессировщики... именем отца... психушки — именем отца! Расстрелы — именем отца! Ради светлого будущего! Ради бескровного апокалипсиса! А вот посмотри теперь... посмотри вокруг... Что, получили? Получили бескровный апокалипсис? Получили?!

Во всем дворе, на всей улице не было ни единого человека, и некому было оборачиваться на срывающийся голос Зарудного. Некому было с удивлением прислушиваться. Лидка поморщилась:

— Не кричи. — И добавила, помедлив: — Я тебя не обманывала. Ты сам первый полез ко мне под юбку. Помнишь?

Зарудный осекся. Посмотрел на Лидку с неприкрытой ненавистью:

— Ты... Так я и знал.

— Я тебя не обманывала, — повторила Лидка мягко. — Я тебя любила, Слава... Во всяком случае, мне так казалось.

— Будь проклят тот день, когда я тебя увидел, — сказал Зарудный горько. — Тебя, стерву... Не дам фотографию. Иди своей дорогой... не смей приходить сюда, слышишь?!

Лидка не отводила глаз.

— Не смей приходить сюда, — сказал Славка тоном ниже. — Ты... тварь. Это ты со своим Рысюком... посадила на трон этого сумасшедшего идиота, фанатика, этого... Стужу. Это ты. Ты знала, чем все закончится... Все они...

— Неправда, — сказала Лидка. — Я никого никуда не сажала. Я ничего такого не делала, Слава. А вот ты сотрудничал с Верверовым. С убийцей твоего отца.

Славка налился черной кровью:

— Не доказано. Ничего не доказано. Ничего не узнать. Методы следствия... Лида, ты в дерьме по уши. В дерьме и в крови.

— Нет, — сказала Лидка тихо. — Прекрати истерику... и дай мне фотографию.

— Убирайся.

— Нет.

Славка молчал, плечи его поднимались и опадали. Не хватил бы его удар, подумала Лидка. На такой-то жаре...

— А где твой молоденький мальчик? — елейным тоном спросил вдруг Зарудный. — Где твой маленький школьник, такой милый и сладенький? А?

Лидка молчала. Легкий ветерок со стороны сортиров доносил невыносимый аммиачный запах.

* * *

По утрам у нее болела спина и набрякали веки. К вечеру ныли опутанные венами ноги; Лидка купила в галантерее конвертик хны, и вместо седых волос в ее прическе обнаружились теперь ярко-красные.

Последний апокалипсис стоил ей нескольких лет жизни. Что совсем не удивительно, если учесть, *что* это был за апокалипсис.

Возможно, просчитался Рысюк. Возможно, просчитались Стужа и штаб ГО, но пружина, заботливо взводимая в ожидании времени «икс», лопнула гораздо раньше. Лопнула — и мало кто не почувствовал ее отдачи.

Августовская давка с многочисленными жертвами породила раскол внутри ГО. Вернее, спровоцировала его начало, потому что сам раскол назревал уже давно. Выплыли на всеобщее обозрение целые груды грязного белья; оказалось, что Стужа, а с ним и все высокопоставленные чиновники давно откорректировали списки первоочередной эвакуации, внеся туда всех своих родственников. «Условленное время» доросло до полутора часов.

Деньги, выделяемые на учения, оседали в самых разнообразных карманах.

Начались перебои с хлебом и электричеством. У Лидки с Артемом целыми днями не было света, как, впрочем, и у половины города; оба перепробовали по десятку работ и приработков, пока летом девятнадцатого года Максимов не поступил наконец в университет.

(Граждане, способные дестабилизировать эвакуацию, подлежали тайной изоляции, причем круг таких граждан все время ширился. Сперва это были психически больные, алкоголики и рецидивисты; уже в те времена широко распространился термин «общественная недееспособность». На двадцатом году цикла одной «недейки» было вполне достаточно, чтобы загреметь «на изолят».)

Утомленные тяжелыми вступительными экзаменами, они с утра до вечера валялись на пляже. Время от времени Максимов отлучался попрыгать с вышки или поиграть в волейбол, и Лидка, затаившись, наблюдала, как скачет под солнцем бронзовотелый коренастый красавец и как со всех шезлонгов и подстилочек за ним следят внимательные девичьи глаза.

К тому времени она уже носила закрытый купальник. Очень закрытый. И предпочитала держаться в тени...

(На старых баржах, выведенных далеко в море, устроены были изоляционные лагеря; предполагалось, что согласно популяционному закону для собранных в одном месте отщепенцев откроются отдельные Ворота. «Система барж» не дожила до апокалипсиса — во время одного из штормов по лагерям прокатился бунт, охрану, не успевшую перейти на сторону бунтовщиков, сбросили в море, и на шлюпках, захваченных катерах, а то и просто на плотах под парусом разбежались кто куда — в основном за границу.

Тайна «изолятов» стала всеобщим достоянием. ГО к тому времени было полностью разложено взятками и обессилено внутренней борьбой.)

...Вечера Максимов проводил теперь в студенческих компаниях; Лидка сопровождала его всего раз или два. Среди молоденьких девчонок она выглядела странно — будто чья-то мама, и отношение к ней было соответствующее; Артем краснел и бледнел, и не желал признаваться, что стесняется Лидки. Она и не стала добиваться признания — зачем его мучить зря?

(Президент Стужа, раздираемый противоречиями, окончательно спился; последним разумным решением сумасшедшего вертолетчика было решение о выдаче Рысюка.)

...Обычно ждала Максимова к двенадцати и, дождавшись, вознаграждала себя за одинокий вечер. Вернее, это он ее вознаграждал; искусство любви давалось ему легко и естественно, он уже не был юношей в постели — был мужчиной, тактичным и нежным, выдержанным и страстным, и, обнимая его, Лидка мстительно вспоминала влюбленные лица всех этих пухлогубых девочек...

А потом она учуяла чужой запах. Его кожа пахла легкими, цветочными духами; его волосы пахли чужой кожей. Лидка едва удержалась, чтобы не зажать себе нос...

(Игорь Георгиевич Рысюк, тридцати семи лет, был арестован, отдан под суд, признан виновным по целому букету ужаснейших статей УК, приговорен к высшей мере и расстрелян летом двадцатого года, за десять месяцев до апокалипсиса. Судебный процесс транслировался по всем возможным каналам; Лидка узнала о нем спустя неделю после исполнения приговора.)

Тем не менее прошла осень, прошла зима и наступил май, а Лидка с Максимовым по-прежнему были вместе. Апокалипсис второго июня застал их в одной постели.

Только перед самыми Воротами — позади были чудовищные мытарства, никем не удерживаемые глефьи стаи, никем не управляемые потоки людей, немой эфир, хаос и паника — только перед самыми Воротами напирающая толпа разъединила их руки.

* * *

Новый цикл — новая жизнь.

Славка ушел, а Лидка осталась сидеть на скамейке, благо ветер переменился, и сортирный запах уполз в сторону старой детской площадки.

Говорят, после третьей *мрыги* чувствуешь себя снова ребенком. Но после второй — все так говорят — приходит старость.

Она поднялась — через боль в спине и в сердце. Побрела, волоча ноги в розовой, как пудра, пыли; автобус ходил редко, но все-таки ходил. Вдоль улицы кое-где попадались ржавые трупы машин; в ответ на Лидкину поднятую руку остановилась телега на ребристых автомобильных колесах, запряженная красивым, но грязным коричневым жеребцом.

— Две карточки на сахар, — предложила Лидка. — До кемпинга.

Возница, пропыленный усатый крепыш, удовлетворенно кивнул:

— Садись...

Красивым словом «кемпинг» назывался обыкновенный лагерь лишенных крова. Палаточный городок, прокопченный дымом костров, провонявший табаком и мочой. Ровными рядами стояли серые палатки-общежития; как попало лепились палатки-особняки, туристские или армейские, уж кому как повезло.

На окраине поселения — у самого спуска к морю — стояла в прошлом оранжевая, а теперь грязно-рыжая палатка, в которой Максимов и Лидка когда-то пережидали дождь.

У въезда в лагерь, у комендантского дощатого домика, обнаружился пестрый фургончик с форсмажорной помощью; номера у фургончика были иногородние. Лидка подошла поближе; странно, она и забыла, что на свете бывают ярко раскрашенные фургончики, что бывает сливочное масло в тугой фольге и сухари в полиэтиленовой пленке.

Фургончик резко контрастировал со всем, что сейчас его окружало; водитель, чернявый парень в синей униформе, драил тряпкой лобовое стекло. Драил с отвращением, как будто боялся, что вездесущая розоватая пыль — заразна. Как будто именно она символизирует нищету, тоску и безнадегу.

Лидка прошла дальше. Талонов на «форсмажорку» у нее не было.

Она боялась не застать Максимова, но, по счастью, он оказался на месте. Лидка увидела сперва его спину. Широкая, с выступающими позвонками, загорелая спина, мерно работающие мышцы: Максимов распиливал остатки чьего-то забора.

— Лида? А я топлива приволок...

— Отлично, — сказала она весело. Будто и не замечая его виноватых, бегающих глаз.

Перед палаткой сложена была печка из бесхозных кирпичей. Среди всего этого мусора забавно смотрелся кухонный сервиз — кокетливый, изящный, в горошек. Все равно сопрут, подумала Лидка равнодушно.

— Отлично... Чайку мне согреешь?

Чай у них был настоящий. В свое время стащили из развалин гастронома. Смародерничали.

— Лида... Тут такое дело.

— Да? — спросила она нарочито рассеянно.

— Да... А где ты была?

— У Славы Зарудного, — сказала она после паузы. — Хотела у него взять фотографию Андрея... А он не дал.

— Вот скотина, — удивился Артем. И добавил, помолчав: — Лид, а ты этого Андрея до сих пор любишь?

— Люблю тебя, — сказала она со вздохом. — А его — помню. Понимаешь разницу?

— А меня помнить будешь?

Лидка подняла глаза на его загорелое, скуластое, очень взрослое лицо. Лицо своего ровесника.

— Тем... ты что?

— Да нет, — он заискивающе улыбнулся. — Я неправильно выразился... Извини. Я сглупил.

Она продолжала смотреть.

— Лид, тут такое дело... Набирают людей за бугор. Вербуют. На работу. Строителей, разнорабочих...

Лидка сразу все поняла. Отвела глаза; линялые бока рыжей палатки то надувались ветром, то опадали. Как будто палатка дышала.

— Ну, я хочу... в общем, понимаешь, я хочу завербоваться... пока есть такая возможность.

«А я?» — хотела спросить Лидка, но не спросила.

— Лид... что ты скажешь?

— А ты меня спросишь? — она через силу улыбнулась.

Максимов отвел глаза:

— Они берут... только из младшего поколения. Больше никого. Я специально спрашивал... Но, может быть, по какому-нибудь особому каналу? Ты ведь высококлассный специалист... может, им ученые нужны, преподаватели...

Лидка устало улыбнулась.

Некоторое время они молчали; весь лагерь молчал. Это был удивительный, тихий, молчаливый лагерь; только тюкал где-то топор, и натужно ревел мотор в отдалении, и звенели мухи. А люди молчали. Ни смеха, ни плача, ни громких голосов.

В городе не было семьи, не пережившей потерю.

Остались по ту сторону апокалипсиса мать и брат Артема Максимова.

Погибли и Тимур, и жена его Саня. Яночка осталась круглой сиротой; Лидка знала, что мама каждый вечер молится перед тусклой обгорелой иконой. И каждый раз возмущенно спрашивает у Того, кто на ней изображен: почему?! Почему именно они, молодые?!

— Артемка, а университет?

— Какой университет? — спросил Максимов шепотом. — Какая наука... после всего ЭТОГО?

— Поднимется, — сказала Лидка без особой уверенности.

— Поднимется, — после паузы отозвался Максимов. — Через пару лет. Я вернусь... к тебе. Или заберу тебя... туда, если устроюсь.

Надувались и опадали рыжие бока палатки.

— Ты уже завербовался? — просто спросила Лидка.

Максимов сглотнул. Облизнул губу. Посмотрел загнанно, как тогда у доски, в их первую с Лидкой встречу.

Следовало, наверное, улыбнуться. И потрепать его по плечу. И выразить уверенность, что да, конечно, это лучший выход, что через пару лет он сможет вернуться или забрать Лидку к себе. И тогда они поженятся, и будут жить мирно и счастливо, и умрут, возможно, в один день...

Лидка стиснула зубы. Она знала, что *так* случится, но не думала, что это произойдет именно сегодня. Именно сегодня, в этот жаркий-жаркий, озвученный мухами день...

И такое ощущение, будто ударили под дых.

* * *

За день до отъезда Максимов принес ей огромную фотографию Андрея Игоревича Зарудного. Из тех плакатов, что были напечатаны еще в позапрошлом цикле. Копия журнальной фотографии, когда-то лежавшей у Лидки под стеклом, только копия увеличенная; вырезанное из журнала фото сгорело вместе с квартирой, которую Лидка когда-то снимала.

— Где взял?!

— У Ярослава Игоревича.

— Что, он тебе прямо так и дал?

Максимов жестко усмехнулся:

— Я *взял*, Лида. Хотя давать он не хотел.

Лидка представила себе эту картину — покосившийся аварийный дом, седеющий Славка в дверях старой квартиры, и перед ним — такой вот плечистый, здоровенный, уверенный в себе парень.

— Ты что, с ним дрался?!

— Да ну, мне еще с ним драться, — безмятежно отозвался Максимов. — Он же... струсил, короче говоря.

Лидка облизнула губы:

— Артемка, а если он пойдет в милицию?

Максимов снова усмехнулся, на этот раз снисходительно:

— Да ты что, Лид? Какая теперь милиция?

Лидка взяла в руки старый, пропахший пылью свиток. Развернула; краски, конечно, давно поблекли, но улыбка Андрея Игоревича оставалась прежней.

Теперь он был моложе Лиды Сотовой. По крайней мере на вид — моложе.

* * *

«...Пустые оболочки. Существа безмозглые и бездушные. Всякий, кто видел их, согласится с этим суждением... Но вот закончен апокалипсис. Люди и высшие твари ушли в Ворота, низшие твари затаились, пережидая опустившийся на землю ад... И глефы, те, кто остался в живых и сумел насытиться, возвращаются в кипящее море. И покрываются пеленами, и становятся куколками, о которых нам неизвестно ни-че-го...

Говорят, что глефы — пустые существа, готовые принять в себя человека. И в начале нового цикла они перерождаются не только физически, но и внутренне. Говорят, души погибших во время апокалипсиса вселяются в дальфинов. Но души эти как бы спят — и только изредка вспоминают бывшее с ними когда-то. Дальфины видят людей — и вспоминают, что сами когда-то были людьми. И очень часто ищут контакта, но люди видят в них убийц и людоедов, и встречают их гарпунами и пулями...»

(В. Великов, «На грани невероятного». Мягкая обложка. Тираж 5 тыс. экз.)

* * *

Песок на берегу изрыт был колесами самосвалов. Удивительно, но кто-то где-то что-то отстраивал, у кого-то были самосвалы; кому-то понадобились песок и галька, раз он взялся добывать их прямо с городского пляжа. Тоже своего рода мародерство...

Лидка прошла дальше.

Пляжные зонтики, косо воткнутые в песок, похожи были на жутковатый лесок-уродец. Трепетали на ветру лоскутки расползающейся ткани, ржавые спицы торчали во все стороны, будто лучи бракованных железных солнц. Говорят, с одного из пляжей порывом ветра сорвало все зонтики. И они летели, кувыркаясь, и

опустились где-то в городе, причем в падении поранили с полдесятка человек...

Лидка шла, увязая по щиколотку. Ее старые кроссовки давно были полны песка, песок перетекал между пальцами ног, сперва Лидка морщилась, а потом притерпелась. Ритм шагов затягивал; так борются с зубной болью — четыре шага вперед, четыре шага назад, из угла в угол тесной кухоньки...

Лидка шла, тупо глядя перед собой.

В прибрежных камнях лежал на боку прогулочный катер. На остатках снастей сохли какие-то тряпки, от катера тянуло дымком — видимо, и там кто-то живет.

Лидка обошла тушу дохлого корабля. Шагать становилось все труднее; песок сменился сплошным нагромождением камней. Лидка упала и поранила колено; поднялась и, шипя сквозь зубы, побрела дальше.

...Вероятно, настоящая любовь и обязана быть слепой. Настоящая любовь должна видеть потенциал великого ученого там, где его нет и быть не может...

Лидка криво улыбнулась.

Все злее жгло маленькое белое солнце. Наконец-то она выбилась из сил, присела на первый попавшийся камень, прикрыла глаза. Сквозь опущенные ресницы море казалось лужей расплавленного олова. И когда в этой луже замелькали черные спины, Лидка решила, что ей мерещится.

Дальфинов было штуки три.

Они были молоды. Они были, наверное, дети, почти младенцы; в глянцевой черной шкуре они существовали меньше месяца. Прежде они были яйцами в глубоководных кладках, а потом — чудовищными глефами, пожирающими все живое и мертвое... А потом короткое время — сонными неподвижными куколками. И вот теперь они полным ходом шли к берегу, не зная (или зная?), сколько пуль и гарпунов спит и видит, как бы войти в черный блестящий бок... Впрочем, теперь берег почти пуст. Никто не станет охотиться на относительно безопасных, поменявших шкуру людоедов.

Лидка сидела, поддавшись странному оцепенению. Дальфины то едва показывались над волнами, то выпрыгивали высоко в небо, Лидке казалось, что она различает их морды (лица?). И как будто они на нее смотрят. И идут к берегу специально затем, чтобы оказаться рядом с ней.

Она вспомнила, как когда-то смотрел на нее маленький удивленный глаз. И как потом этот глаз съели чайки.

Почему-то все, кто в ее присутствии стрелял в дальфинов, были ей неприятны. Гэошник Саша. Президент Стужа. Возможно, это совпадение. Даже скорее всего.

Дальфины подошли еще ближе. Гораздо ближе, чем это обычно случалось. Лидка сидела, не трогаясь с места.

Дальфины теперь делали вид, будто ее нет здесь. Облюбовали глубокое место почти у самого берега и затеяли, похоже, игру. То гонялись друг за другом, уходили на дно, то выскакивали наверх; Лидка оглянулась, нет ли на камнях стрелков. Уж больно подставлялись прыгучие твари.

Берег был пуст.

Тогда Лидка, поколебавшись секунду, сняла футболку. Сбросила полные песка кроссовки, стащила спортивные штаны, скомкала и сунула в какую-то щель застиранное белье. Ссадина на колене отзывалась болью на каждое движение.

Попав в воду, больное колено сперва вспыхнуло, а потом как-то странно успокоилось.

Вода.

Ритм волн.

Лидке казалось, что она вообще ничего не чувствует. Ни ссадины, ни колющей боли в левой стороне груди, ни тридцати семи прожитых лет. Ни двух апокалипсисов. Ни гибели Зарудного. Ни ухода Максимова. Ни рук, ни ног.

Она растворялась, как кусочек сахара. Потихоньку и с удовольствием. Кажется, сквозь нее уже просвечивало солнце...

Она улыбнулась.

Опустила лицо в воду. Без маски смотреть было плохо; размазанная черная тень прошла прямо под ней и вынырнула на поверхность в пяти метрах от Лидки.

— Привет, — сказала Лидка без страха и без радости.

Дальфин мягко ушел в воду. Рядом тут же вынырнул другой; при взгляде на его лицо (морду?) Лидке показалось, что это дальфиниха.

— Как у вас с половыми проблемами? Тоже небось нерест?

Третий дальфин подошел совсем близко. Лидка увидела его метрах в двух перед собой и даже успела испугаться.

Тугая спина провернулась колесом. Дальфин исчез. Возник у Лидки за спиной.

Сожрут, подумала Лидка. Сожрут, я поранилась, я пахну кровью...

Дальфин повернулся боком, не сводя с Лидки острого глаза. Глаз был карий, как у Тимура.

Лидка протянула руку и коснулась его кожи.

На мгновение вспомнилось видение в створе мертвых Ворот. Когда Лидкины руки вдруг удлинились, не потеряв при этом чувствительности; дальфин был, наверное, в двух метрах от Лидки, а она легко, не напрягаясь, дотянулась до него указательным пальцем. И рука непроизвольно отдернулась...

Ничего не произошло.

Дальфин нырнул снова. Проплыл прямо под Лидкой; она ощутила, как ее обдало, будто ветерком, потоком разгоняемой воды.

Она вдруг застеснялась своего тела. Бесстыдно голого, не первой молодости и свежести, незагорелого, дряблого.

— Ребята, — сказала она хрипло. — Ребята... вы...

— А-а-а! А-а-а!

Кто-то кричал на берегу. Лидка обернулась; вероятно, эта молоденькая толстушка обитала в опрокинутом катере. Теперь она кричала и приседала; на ней была свободная, до колен, тельняшка.

— А-а-а! Дальфи... Вовка! Во-овка-а!

От невидимого за скалами катера уже бежал, перепрыгивая с камня на камень, полуголый парень с винтовкой в руках.

Дальфины были уже в море, метрах в пятидесяти от берега. И продолжали удаляться.

* * *

Первые младенцы появились на свет весной. Окна в уцелевших домах были к тому времени не только застеклены, но и подернуты кокетливыми занавесками. Младенцы рождались и рождались, и было их необычайно много; на каждом рекламном щите висел привычный, несколько высокопарный плакат: «Рождение — вот все, что мы можем противопоставить Смерти». С плаката смотрела пронзительными глазами женщина с огромным животом. За ее спиной угадывались очертания Ворот, развалины и пепелища.

Вереницами стояли у подъездов старые коляски. Сходил снег с неотстроенных развалин. Детский крик придавал особый колорит густонаселенному коммунальному быту.

Дочь Тимура Яночка родила Лидке внучатого племянника. Тьфу ты, почти внука; из-за этого хилого, не вполне доношенного существа удалось отсрочить неминуемое уплотнение. Кварти-

ру Сотовых пока оставили в покое — хотя для полной уверенности надо было завести еще двух членов семьи.

— Я скоро замуж выйду, — говорила Яночка. — Не за этого, конечно, что мне малого сделал. Тот дурак... Я хорошего парня найду, надежного. Вот увидите.

— Вот и славненько, — нарочито бодро говорил отец. — Мужа твоего пропишем, а там и еще одного хлопца родите... или девку. Успеете ведь?

— Успеем, — говорила Яночка. — Двойню.

— Давайте, — озабоченно говорил отец. — А то на Пашку надежда невелика, все на сторону бегает, паразит.

— Ничего, я скоро такую бабу приведу — не обрадуетесь, — сумрачно обещал Павел.

Лидка при этих разговорах старалась не присутствовать.

Паша редко ночевал дома; Лидкина детская комната принадлежала ей почти безраздельно. На столе, помнившем еще тетрадки лицеистки Сотовой, привычно лежала фотография Зарудного. Мама в Лидкину комнату старалась без крайней нужды не заходить.

Изо всех щелей перла свежая трава. Зацвели тополя на бульваре; в один из теплых влажных дней Лидка долго сидела, глядя в окно и поглаживая портрет Зарудного под стеклом. Потом поднялась, достала из шкафа пластмассовую автомобильную аптечку и высыпала ее содержимое на диван.

Раскатились облатки и капсулы. Были среди них и такие, за которые на черном рынке можно было выручить денег на хороший магнитофон или вечернее платье, но Лидка не слушала музыку и не нуждалась в нарядах. Да срок годности у этих лекарств уже вышел, наверное, ведь покупались-то они еще в разгар рысюковской карьеры...

На коробочке с ночным транквилизатором был выбит условный срок «24». То есть двадцать четвертый год от начала цикла, в котором выпущено лекарство; начался второй год нового цикла, апокалипсис случился на двадцать первом, стало быть, транквилизатор годен, и даже вполне.

Лидка улыбнулась. Сбросила остальные лекарства на пол, легла на диван, подложив руку под голову. Коробочку с транквилизатором положила на грудь.

Жизнь прекрасна. Новый цикл — новая жизнь.

* * *

Шел дождь. В парке быстро темнело; зажигались желтые фонари в обрамлении мерцающих капель. Кто-то приглушенно смеялся. Под крышей ветхого павильончика играли уличные музыканты, гитарист и скрипач. Их слушали, сбившись толпой, накрывшись глянцевыми черными зонтами; Лидка остановилась на минутку и неожиданно для себя осталась на час.

Они хорошо играли. И теплый дождь, и зонты, и подсвеченные фонарями капли были частью этой музыки. Лидка стояла, сжимая в кармане ветровки коробочку с транквилизатором, и бездумно улыбалась в темноту.

Окружавшие ее люди тоже улыбались. Почти все были возбуждены, многие — навеселе, запах вина плавал над головами вместе с запахом моря и запахом дождя. Но пьяного хохота, громких голосов и прочей сопутствующей гадости не было; Лидка сперва удивлялась, потом перестала.

Гитарист и скрипач сделали паузу; толпа зашевелилась. Лидка отошла в сторону и села на мокрую скамейку.

В отдалении возвышался памятник Героям-подводникам — две мужественные фигуры с бронзовыми масками, сдвинутыми на бронзовые лбы. Один держал в опущенной руке акваланг, другой — гарпун. Весь город знал, что, если посмотреть с определенного ракурса, гарпун можно принять за невиданных размеров мужское достоинство. Наверное, потому Апрельский парк и обрел свою странную сезонную особенность.

Высокая голенастая девица, совсем молоденькая, видно, из младшей группы, нервно курила под облезлым парковым грибком. Два парня остановились неподалеку, о чем-то коротко посовещались; один украдкой извлек нечто из кармана, другой вытащил это нечто у него из рук. Лидка готова была поклясться, что парни тянут жребий с помощью двух обыкновенных спичек.

Парни переглянулись. Опять же украдкой пожали друг другу руки; тот, что вытащил короткую спичку (так подумалось Лидке), пошел вперед, как бы прогуливаясь. Прошел мимо нервной девушки, остановился; вернулся, будто что-то забыв.

— У вас закурить не найдется?

Дурацкий вопрос, особенно если учесть, что девушка дымила вовсю.

Некоторое время парень и незнакомка смотрели друг на друга. Потом девушка что-то тихо сказала и погасила сигарету. Па-

рень ответил; в руках у него появился опять-таки заготовленный заранее паспорт.

«Интересно, а справок о здоровье здесь не требуют?» — подумала Лидка.

Девушка глянула на развернутый парнем документ. Перевела взгляд на его лицо; закусила губу. Полезла в сумочку, долго там рылась, парень терпеливо ждал. Наконец девушка извлекла свой, завернутый в полиэтилен паспорт. Показала парню. Тот прочитал, шевеля губами:

— ...Какое красивое имя!

Девушка бледно улыбнулась.

Парень галантно предложил свою руку; девушка взялась за нее двумя пальцами, будто боясь обжечься. И так, вдвоем, они зашагали по аллее — трогательно, будто влюбленные с вечеринки...

Нерест.

Лидка прикрыла глаза. За три часа, проведенных ею в вечернем парке, она насмотрелась этих сцен во всем их разнообразии. В основном здесь гуляла молодежь из последнего поколения, но попадались и люди постарше, мужчины Лидкиного возраста и даже совсем седые старички. Один такой старичок вздумал нежно поухаживать за Лидкой; она прогнала его, заслужив ядовитое замечание, что, мол, солидной даме-недотроге хорошо бы дышать воздухом в каком-нибудь другом месте...

Старичок был прав.

Дам Лидкиного возраста здесь было мало. Пришла парочка разукрашенных, молодящихся, пьяненьких особ — и сразу же удалилась в компании четверых подвыпивших юношей. Вообще же, говорят, профессиональных проституток отсюда гоняют, за этим следят специальные сотрудники ГО в штатском...

По аллее прошелся холодный ветер. Лидка поежилась; еле слышно пересыпались таблетки в картонной коробочке. Хотя нет, они не могли пересыпаться, Лидке почудился этот звук...

Сперва она хотела посидеть у моря, но разыгравшийся шторм и плохая погода сыграли с ней злую шутку. Она решила посмотреть на так называемый праздник жизни. И вот наблюдает уже четвертый час.

— У вас закурить не найдется?

Она окинула взглядом крепкого мужчину лет сорока. Мотнула головой. Поднялась и зашагала к выходу из парка.

* * *

«Представления о том, что искусственное оплодотворение вредно для здоровья, есть не что иное, как грубое суеверие. А распространенный миф о том, что искусственно зачатые дети якобы не способны пережить апокалипсис, — возмутителен и вреден. Пропаганда искусственного оплодотворения как альтернативы случайным связям должна занимать главнейшее место во всей пропагандистской работе медицинских учреждений».

(Газета «Твое здоровье», 15 сентября 2-го года 55-го цикла.)

* * *

Ночью она лежала, слушая рев маленького Тимура. Тимура-второго, маленького сына Яны-второй. Вот путаница....

Интересно, а Лидкиным именем здесь кого-нибудь когда-нибудь назовут? Если вдруг будет две девочки подряд, если откроется вакансия для имени?

И еще — она думала, чем занимается сейчас Максимов. В первые месяцы после его отъезда это была почти болезнь — она не могла отвлечься от мыслей о нем. Где живет? Где работает? С кем спит?!

Несколько его писем хранились в ящике стола. Как ни странно, именно письма помогли Лидке освободиться от Максимова. Читая их одно за другим, Лидка кожей ощущала, как он отдаляется все дальше и дальше. В последних письмах участились нарекания на почту — вот, мол, как плохо ходит, если ты подолгу не будешь получать весточки — знай, это проклятая почта...

Из чего Лидка заключила, что переписка надоела Максимову и он готовится свернуть ее. Так и произошло. Вот уже четыре месяца от Максимова не было даже открытки.

Стопкой лежали на полу книжки о дальфинах. От академических и до бредово-популярных; стопка покрыта была толстым слоем пыли. Лидка давно отказалась от своих псевдонаучных изысканий. Связь между дальфинами и апокалипсисом, дальфинами и Воротами? Бред. К дальфинам постоянно липнут самые немыслимые домыслы.

Она лежала и смотрела в потолок. Рядом на подушке валялась коробочка с транквилизатором; за стеной кричал младенец. Громче, тише, громче... «Тима, Тима, Тимочка...»

Принять одну таблетку — и сразу наступит позднее утро.

Принять все таблетки...

Ничего не наступит. В дальфина уже не вселиться... хотя хорошо было бы. А самоубийцу после смерти ждет в лучшем случае пустота...

Постукивал по стеклам дождь. Редко-редко по окнам проходились фары проезжающей машины, и тогда казалось, что в темноте зажигаются сотни укоризненных глаз.

Лидка заснула, судорожно обняв подушку и уткнувшись носом в маленькую аптечную коробочку.

* * *

На постаменте памятника Героям-подводникам краснели выведенные помадой имена. Разноцветной помадой. Кроваво-алый «Миша». Кирпично-желтый «Петя». Розовый «Ростик». Перламутровый «Виталик». И еще много всяких, Лидка не стала их читать. Герои-подводники смотрели поверх голов, им, героям, не было дела до страстей, кипящих у подножия постамента.

«Рождение — вот все, что мы можем противопоставить Смерти». Плакатами со строгой беременной женщиной были заклеены все столбы, все щиты и даже стены беленького паркового сортира. Кое-где плакаты были дополнены шаловливыми, а то и вовсе непристойными изображениями.

Лидка прошлась взад-вперед по аллее. Ее заметили; не раз и не два она ловила на себе внимательный, оценивающий взгляд.

Стайка девушек шепталась на двух сдвинутых скамейках. Постреливали глазками, делая вид, что страшно увлечены беседой. Запах могучих, прущих на пролом духов расплывался, кажется, по всему парку.

Юноши стояли и бродили по двое, по трое. Поодиночке прогуливались седеющие мужчины зрелых Лидкиных лет. Вместо скрипача и гитариста в павильончике сидела смешанная компания с магнитофоном.

Одна блондинка показалась Лидке похожей на Вику, школьную подружку Максимова. От стыда Лидка готова была бежать куда глаза глядят, и бежала бы, если бы в следующую секунду не выяснилось, что девушка на голову ниже бывшей Лидкиной ученицы и совсем не такая симпатичная. Нет, это была совсем незнакомая девушка, взгляд ее скользнул по Лидкиному лицу, будто капля по клеенке. Не задерживаясь и не оставляя следа.

Лидка стиснула зубы. Сунула руку в карман, коснулась картонной коробочки. Нащупала скомканный листок бумаги; полчаса назад на автобусной остановке смуглая улыбчивая девушка

сунула ей в руки этот плакатик-памятку. Она совала его всем женщинам, проходящим мимо; Лидка знала, что это за бумажка, но не выкинула, как обычно, в ближайшую урну, а сунула в карман. И несколько минут спустя, отойдя от остановки и пристроившись в хвост какой-то очереди, украдкой развернула листок.

То была реклама центра по искусственному оплодотворению. Распространялась бесплатно. Висела на видном месте в каждой аптеке. «Представление об искусственном оплодотворении как о противоестественном и вредном для будущего ребенка есть не что иное, как суеверие, грубое, пещерное, недостойное цивилизованного человека... Наш центр предлагает... с учетом достижений мировой медицины...»

Лидка не решилась ни выбросить листок, ни спрятать его. Нашла половинчатое решение — скомкала бумажку, как подлежащий уничтожению хлам, и... сунула обратно в карман.

На площади перед парком продавали воздушные шары. Влюбленные, смеясь, привязывали цветные ниточки к пуговицам; мамаши поглядывали на них неодобрительно и энергичнее покачивали свои коляски. Лидка подняла голову, провожая чей-то улетевший оранжевый шар. «Апрельский парк», — было написано на облупившейся вывеске. И рядом, на столбе, все та же суровая женщина с огромным животом. «Рождение — вот все, что мы мо...»

— Прошу прощения, у вас закурить... не найдется?

Лидка обернулась.

Парень лет двадцати, старшая группа. Ровесник Максимова, но совершенно на него не похож. Высокий, с длинными руками и ногами, с продолговатым лицом и прозрачными глазами чуть навыкате. В свое время мог бы оказаться у Лидки в классе...

— Я не курю, — сказала она медленно. И поняла, что нужно повернуться и уйти. И не возвращаться в этот парк никогда...

Рука в кармане стиснула одновременно и листок-памятку, и коробочку со снотворным.

Парень моргнул. У него были длинные пушистые ресницы; он не был похож на неудачника, отвергнутого ровесницами. Интересный парень.

Секунды шли. Не бежали, а именно шли, вразвалочку, кажется, даже прихрамывая.

— У вас какие-то неприятности? — спросил парень.

— С чего ты взял? — спросила она учительским тоном.

Парень отступил на шаг:

— Показалось... У вас такие... глаза.

— «Глаза», — передразнила она, выпятив подбородок. — Как тебя зовут?

— Иннокентий, — ответил он, совершенно не смутившись. И добавил, переходя на «ты»: — А тебя?

Она быстро огляделась. Направо. Налево. За спину...

— Ты не должен знать, как меня зовут. И я не хочу ничего знать о тебе, кроме имени. Ясно?

«Я ли это? — удивленно спросил внутренний голос. — И я действительно на ЭТО пойду?!»

— Ясно, — деловито сказал Иннокентий. — Мой паспорт...

— Не надо... Ничего не надо. Только скажи — почему ты ко мне подошел? Я же старая!

Иннокентий вдруг покраснел. Уши вспыхнули, как два рубина.

* * *

В родильном зале выбирались на свет по двадцать-тридцать младенцев одновременно. Врачи в синих балахонах расхаживали от стола к столу; обезумевшей от боли Лидке мерещился нескончаемый человеческий конвейер.

— А, здесь пожилая первородящая... Сан Саныч, пусть Нина не отходит от пятнадцатого стола...

Каждому новорожденному первым делом привязывали на ножку номер. Чтобы не перепутать в такой толчее.

— Мальчик. Девочка. Девочка. Мальчик. Три пятьдесят. Три двести. Два девятьсот... Шевелитесь, шевелитесь, через полчаса смена!

Не успею за полчаса, подумала изнемогающая Лидка. Придется рожать в пересменку.

Что же ты там застрял, Андрей?!

Некто, кого она с самого начала определила как мальчика Андрея, будто услышал ее мысленный призыв. Конопатая молоденькая Нина — сама на изрядном месяце беременности — засуетилась, забегала вокруг стола:

— Сан Саныч! Да Сан Саныч же! Пятнадцатый... Зашивать надо будет...

Лидка смотрела в потолок. Ей мерещилась белая поверхность моря, оловянные тусклые блики, огромная дальфинья морда с карим удивленным глазом...

Нельзя во время родов думать о дальфинах! Плохая примета!

— Здрасьте, — ласково сказала Нина. — Ох ты и здоровый какой пацан...

Лидка закрыла глаза.

Дорожка из бликов.

Дорожка.

* * *

Новая весна пришла на несколько недель позже, чем следовало. Колоссальные роддома потихоньку переоборудовались в обычные детские больницы, ясли, а то и общежития; детородный период заканчивался. Старшая группа уже вовсю возилась в песочницах, средняя группа ковыляла, держась за руки мам и бабушек, волоча за собой дребезжащие игрушки на деревянных колесиках. Младшая группа лежала в колясках и люльках, агукала и тянулась за погремушкой.

Сотовская квартира, еще два года назад подпадавшая под уплотнение, теперь напоминала не то зверинец, не то сумасшедший дом, не то перенаселенный до отказа муравейник. В трех комнатах помещались теперь Лидкины мама с папой, Яночка с двухлетним Тимурчиком, Лидка с трехмесячным Андреем и младший Лидкин брат Паша, исполнивший свою угрозу и приведший в дом жену, правда, годовалый ребенок у нее был от какого-то другого мужчины. Сама Лидка жила теперь бок о бок с племянницей Яночкой; Тимурчик ревновал к младенцу, приходившемуся ему дядей. Капризничал, изображал беспомощность, умышленно писал в штанишки и все норовил забросить в колыбельку то грязный ботинок из прихожей, то подобранный на улице осколок стекла, то еще какой-нибудь опасный хлам.

Если бы несколько лет назад Лидке сказали, как и в каких условиях она будет жить, — она либо не поверила бы, либо побежала бы топиться. Теснота, нищета и бесконечный детский гвалт — тем не менее Лидка была безмятежна, как никогда. Почти счастлива.

Ее мама, подчеркнуто равнодушная к сыну Пашиной жены, тряслась над Лидкиным ребенком, будто дракон над грудой золота. Откуда-то взялись запасы пеленок и одежек, два цикла дожидавшиеся своего часа. Мама гуляла с коляской, бегала на молочную кухню, готовила кашки и смеси — своего молока у Лидки было мало, и Андрея почти сразу же пришлось докармливать.

Длинный строй мам и бабушек на скамейках приветствовал Лидку тепло и уважительно. Поначалу она шарахалась, а потом

привыкла и даже научилась находить удовольствие в несуетных разговорах, куда более полезных и актуальных, нежели целые полки запыленных книг. Девятнадцатилетние девчонки, нянчившие по двое детей каждая, охотно делились с Лидкой своим богатым опытом. Унылая бездетная стерва умерла; ее место заступила не очень молодая, но энергичная мать со здоровым цветом лица.

Новый цикл — новая жизнь. Теперь Лидка сполна понимала, что значат эти слова. Все, когда-то казавшееся ей ценным и значительным, теперь частью отодвинулось, частью перестало существовать. Мир упростился, время распределилось на промежутки между сном и кормлениями. Еще одна коляска в общем потоке, еще одна справка в поликлинике, еще одна бутылочка детского питания...

Все переменилось в один день.

Лидка возвращалась из города. Несла хозяйственную сумку с бутылкой подсолнечного масла; ей повезло. Масло завезли в магазин прямо перед ее носом, она успела подскочить к прилавку и оказаться в голове свеженькой очереди.

И теперь вот возвращалась, довольная.

У подъезда, чуть в стороне от плотно заселенных скамеек, стояла, явно кого-то дожидаясь, тощая бледная женщина в черном плаще. Слишком теплом для майского дня. Руки женщины лежали глубоко в карманах.

Лидка хотела пройти мимо, но женщина ступила на асфальтовую дорожку, загораживая Лидке проход:

— Простите, вы — Лидия Зарудная?

— Я Лидия Сотова, — сказала Лидка, не особенно задумываясь.

Женщина на мгновение растерялась. Но только на мгновение:

— Не-ет... Вы ведь были женой Рысюка?

Вероятно, ответ прочитался на Лидкином лице. Черная женщина кивнула, оскалила больные зубы и быстро вытащила правую руку из кармана.

Она была медлительна и неуклюжа, эта черная женщина. Хотя соседки, видевшие все от начала до конца, утверждали в тот вечер, что это Лидка была стремительна, «ну прямо как зверь».

Она успела уклониться. И ударить агрессоршу по черной руке; часть предназначенной Лидке кислоты плеснула на дорожку. Часть попала на джинсы, и эти джинсы пришлось потом выбросить. Несколько капель угодило на голую руку, но боль пришла уже потом.

— Сука! — тонко кричала черная женщина. — Я знаю! Это ты! Я тебя помню!

Соседки побежали вызывать милицию. На площадке ревели перепуганные малыши. Металлическая баночка с непонятной надписью валялась на асфальте, и на нее уже кто-то наступил.

— Вы знали! Он не убивал! Сфабриковали... дело! Ты еще поплатишься, сука, проклятье на твой род и на детей твоих...

Из подъезда выскочила Лидкина мама в халате и в тапочках.

— Вот... вот!

Откуда-то из-под плаща черной женщины появились и рассыпались по земле желтые листы бумаги — бледные ксерокопии документов с печатями, с устрашающими грифами.

— Провокаторша! Сука! Змея!

Кольцо женщин посреди двора вовсе не было непреодолимым препятствием. Но черная женщина не спешила убегать; прибывшая по вызову милиция довольно грубо затолкала ее в машину, а она все кричала и кричала с видимым удовольствием:

— Поплатишься! Стерва! За все!

Лидкина сумка лежала на дорожке, из-под ее темного брюха растекалась масляная лужа.

* * *

Контора, ранее носившая одиозное название ГО, теперь переродилась в скромную организацию под вывеской «Отдел Общественной Безопасности», ООБ.

Населявшие контору люди были относительно молоды — Лидкиного поколения и младше. Никого из них Лидка прежде никогда не видела, но глаза-буравчики были, очевидно, неотъемлемым атрибутом любого наследника ГО. Как будто бывшие сотрудники Гражданской Обороны сложили свои буравчики в сейф, чтобы преемники, ввалившись в здание, первым делом примерили на лица этот незабвенный, специфический взгляд...

Сухощавый, серолицый, страшно усталый мужчина в штатском записал Лидкины показания и велел ей расписаться. Показаний было — кот наплакал. Шла домой, увидела совершенно незнакомую женщину. Успела уклониться от направленного в лицо потока кислоты. Нанесен незначительный материальный ущерб и значительный — моральный...

Потом, когда Лидка уже собралась уходить, серолицый вздохнул, как кузнечный мех, и достал откуда-то новый лист гербовой бумаги.

— Лидия Анатольевна... Вашим первым мужем был Ярослав Андреевич Зарудный?

— Да, — сказала Лидка после паузы. И добавила, поколебавшись: — Мы расстались с ним в прошлом цикле. Очень давно.

Обэшник вздохнул снова:

— Ваш брак с Игорем Рысюком тоже распался?

— Да.

— Где вы были во время процесса над Рысюком?

Лидка поморщилась:

— Здесь. В городе. Но я не знала, что идет процесс. Меня занимали другие, м-м-м, проблемы.

Следователь вежливо поднял брови:

— То есть вы НЕ ЗАМЕТИЛИ событие такого масштаба?

— Я была занята другим, — упрямо повторила Лидка. И добавила с кривой усмешкой: — Я была, видите ли, влюблена. И мне отвечали взаимностью.

— А-а-а, — сказал следователь. И некоторое время смотрел на Лидку, как бы прикидывая, кто же был тот ненормальный, что влюбился в эту грымзу.

— Когда было выдвинуто обвинение против Верверова... вы уже расстались к тому времени с Рысюком?

— Ну конечно рассталась, — сказала Лидка таким теплым снисходительным тоном, что для полноты картины следовало добавить: «...дурачок мой». — Давным-давно рассталась. Претензии этой женщины... мягко говоря, смешны.

— Ага, — сказал следователь, кажется, с облегчением. — По всей вероятности, ей потребуется помощь психиатра... Спасибо, Лидия Анатольевна. Больше у меня нет к вам вопросов.

* * *

Черная женщина оказалась вдовой Дмитрия Александровича Верверова, главного политического противника генерала Стужи. Мертвого противника. Впрочем, и сам Стужа теперь мертв — во всех смыслах. Жизнь его оборвалась во время апокалипсиса; все, что осталось от его тела, погребено под слоями земли, камней, песка. Все, что осталось от его имени, погребено под слоями проклятий, и они, проклятия, тяжелее самой чудовищной глыбы.

А Верверов просто забыт. Всеми, кроме его вдовы. Потому что его дети тоже, оказывается, не пережили последнего апокалипсиса.

...Лидка позвонила в дверь, открыла Яночка. Маленький Тимурчик сидел посреди прихожей в картонной коробке из-под форсмажорной помощи.

— Ой, теть Лид, ну наконец-то... Андрейчик поел и все срыгнул. Не спит, голодный... А у Тимы опять диатез, так я хотела в аптеку выскочить...

Яночка говорила и натягивала туфли. Лидка поставила свою сумку на полочку для обуви. Поперек длинного темного коридора лежал косой солнечный луч, населенный, как амебами, медленно плывущими пылинками.

— Теть Лид, я на полчаса...

Лидка заперла за ней дверь. В комнате все громче и громче верещал младенец.

— Люса ни слусаеса, — осуждающе сказал Тимурчик из своей коробки. — Тима уписалса...

Лидка увидела, что стенки коробки потемнели от вбираемой влаги. Тимур смотрел на нее честными серьезными глазами. Глаза у него были незнакомые — ни в Тимура-старшего, ни в Саню, ни в Яночку. Наверное, в собственного неизвестного отца.

— Подожди, Тима... Надо было попроситься... Ты уже большой мальчик...

Она торопливо вымыла руки. Накинула поверх блузки домашний халат.

— Андрюшечка, ну что такое... Ну иди сюда...

Пеленки были мокрые, рубашечка — грязная. Лидка возилась, переодевая, бормоча ласковую бессмыслицу, стараясь не слышать возмущенных воплей обделенного вниманием Тимура; Андрей притих. Выложенный на животик, подобрал под себя ручки и без усилия поднял голову. Проследил глазами за резиновым попугайчиком, разинул рот, улыбнулся от уха до уха.

Светлые пряди младенческих волос свешивались на выпуклый розовый лоб. Лидкин сын улыбался счастливо и даже несколько залихватски.

* * *

Она не могла проснуться. Даже в те редкие минуты, когда становилось ясно, что происходящее — сон.

Они ждали... чего? Кажется, праздника. Был дом, очень высокий, шестнадцать этажей. Лидка понимала, что с точки зрения сейсмологии такой дом никуда не годен — развалится в первую же *мрыгу*, от первого же толчка. Но вот же — стоит...

Был балкон. Очень просторный. На балконе — стол, табурет-

ки, какие-то люди, знакомые и незнакомые. Мама, Яночка, даже, кажется, Максимов...

Балкон не был огражден. Почти не был. Перила оказались проломаны, или сгнили, или обвалились; со всех сторон зияли дыры, гости, смеясь, предупреждали друг друга: осторожно, а то еще свалитесь.

А под ногами гостей вертелся Андрюша. Уже большой, лет двух или трех. Бегал и лепетал, и, когда он пробегал мимо пролома, Лидка чувствовала, как обмирает сердце.

— Иди сюда... Не ходи туда... Дай руку...

И сын послушно сидел рядом с ней — целую минуту. А потом Лидка отвлекалась, и все начиналось сначала. Развеселый колокольчик, бегущий по краю пропасти.

Лидка становилась в проломе, загораживая его собой, но дыр в ограде было много, и она не могла закрыть их сразу все. Обреченность витала над столом, над веселящимися гостями.

— Андрей!!

Лидка проснулась.

Непроглядная тьма. Духота. Сопение.

Сунула трясущуюся руку за прутья кроватки.

Живое. Теплое. Спит.

* * *

Случай с Верверовой целый месяц развлекал компанию гуляющих мамаш. Центральная городская газета не пожалела двадцати строчек в разделе «Криминальная хроника», по счастью, без фотографий. Молодой длинноволосый корреспондент целых два дня дежурил у подъезда, ожидая, пока Лидка выйдет с коляской; Лидка не вышла, и корреспондент нашел себе занятие поинтереснее.

Пришло письмо от Максимова. Помятое, потертое, пропутешествовавшее не одну неделю. Лидка долго не решалась вскрыть его, а когда наконец прочитала — ничего страшного не оказалось в этом письме. Ни покаяний с истерикой, ни вежливых извинений; даже отзвука былой теплоты — и то не было. Обычное школьное сочинение на тему «Как я провел лето». Не опасно, не разрушает душевный комфорт, хотя и провоцирует бессонницу...

Телефонный звонок прозвучал в полвосьмого утра.

Яночка с Тимуром стояли одетые на пороге квартиры, собираясь идти в поликлинику. За стенкой ревел приемный Пашин

сын; младенец Андрей только что позавтракал, и Лидка прижимала его к себе, смиренно дожидаясь, пока малыш срыгнет.

— Мама! Возьми трубку!

В ванной шумела вода. Мама если и слышит — что же ей, нагишом к трубке бросаться? Отец, кажется, еще спит...

— Теть Лид, ну возьми, — раздраженно сказала Яночка. — Мы же опаздываем.

И хлопнула дверью.

Одной рукой удерживая ребенка, Лидка прошлепала к телефону. Подняла трубку:

— Алло.

Молчание. Тресь-тресь. Лидка готова была в раздражении швырнуть трубку обратно, когда с той стороны, из потрескиваний, возник голос:

— Будьте добры, позовите Лидию Анатольевну.

— Это я, — сказала она, сильнее прижимая к себе Андрея.

— Это Саша, — сказала трубка. — Мы когда-то ныряли вместе. В Рассморте. Помнишь?

Андрею было неудобно. Он пошевелился, высвобождая ручки. Тихонько закряхтел.

— Помню, — сказала Лидка глухо. Но вспомнила не море и не затопленные ворота, и не дерево из тугих шелестящих пузырьков — вспомнила обитую кожей дверь и тускло поблескивающую булавку на галстуке: «Ты права. Ученый из тебя хреновый».

— Старая Верверова все-таки достала тебя? Дотянулась?

— Нет, — сказала Лидка сквозь зубы. — Только джинсы выкинуть пришлось.

Маленький Андрей наконец-то срыгнул. Так, кофточку снова придется менять.

— Лида, надо встретиться. Поговорить.

— Не хочу! — сказала она зло. — Все это меня не касается. У меня нет времени. У меня маленький ребенок.

Пауза.

— Да-а?! Поздравляю... Тем более — ты же хочешь жить спокойно? И, наверное, хочешь узнать, кто все-таки убил Андрея Зарудного?

Младенец хныкал все громче.

— Что молчишь, Лида?

— Подожди...

Неловко наклонившись, она положила трубку на столик. Отнесла ревущего малыша в комнату, уложила в кроватку, тряхнула гирлянду из погремушек; малыш остался безучастным. Плакал.

Лидка прикрыла за собой дверь. Вернулась к телефону.

— Саша?

— Да?

— Чего тебе надо от меня?

— Это ТЕБЕ, Лида, надо. В конце концов, столько времени прошло, и мы оба живы... Что странно и восхитительно. Нас связывают кое-какие общие воспоминания... Неужели тебе не интересно?

Лидка молчала. Прежде Саша не позволял себе эпитетов, тем более сентиментальных. «Странно и восхитительно». Постарел?

— Значит, так, Зарудная, давай-ка встретимся через часок где-нибудь в спокойном месте, в парке... И ты ведь хочешь знать, кто его убил?

Лидка закусила губу.

Правильно ли она сделала, когда назвала малыша Андреем? Это имя ползло за ней, как тень, и не всегда приносило только радость. В последнее время — совсем даже наоборот...

— Да, — сказала она через силу. — Соломенский парк. Идет?

От ее дома было двадцать минут ходу до Соломенского парка. Неспешным шагом с коляской — полчаса.

— Идет, — отозвался Саша. — Через час. Если ты опоздаешь, я подожду.

Она положила трубку.

— Ну не реви... Ты же сытый... А, ты уже напрудил тут... Сейчас. Сейчас гулять пойдем, ой, смотри, какая цаца...

Дверь в коридор была полуоткрыта. Лидка видела, как из Пашиной комнаты на цыпочках выскользнула его жена. Нырнула в освободившуюся ванную; ей, бедняге, тяжело. Тяжелее, чем когда-то Лидке в доме Зарудных. Не зря она такая бледная и нервная. Не зря за стенкой все чаще случаются приглушенные, но отлично слышимые ссоры...

— Лида, кто это звонил? — спросила мама из кухни.

— Так, — отозвалась она рассеянно. — Один знакомый... Мы — гулять.

— Лида, ты ведь не ела?!

— Ела-ела... Пока.

С мастерством опытного водителя она провела коляску в дверной проем. Со второго раза попала колесами в желобки на лестнице; очень хорошие желобки, удобные. Через пару лет их снимут за ненадобностью.

Андрей наконец-то увлекся погремушкой. Пытался достать

звенящую от толчков пластмассовую гирлянду; Лидка протолкнула коляску в двери подъезда. Перевела дух.

Несмотря на ранний час, на скамейках у подъезда оставалось не так много посадочных мест. Лидка прошла сквозь приветствия, как раньше проходила сквозь косые взгляды; посреди песочницы стоял на четвереньках годовалый внук Светки с четвертого этажа. Рот дитяти перемазан был песком — и парень собирался продолжить трапезу; вот он зачерпнул горстью и отправил содержимое в рот, и Светка, постаревшая и располневшая, сорвалась со скамейки, чтобы подхватить негодника за шиворот и вытряхнуть из него недоеденный песок:

— Ах, ты опять? А по попе сейчас, по попе дам...

Недовольный рев. Без особого отчаяния, так, дань приличиям; Лидка обратила внимание, что обитателей песочника стало меньше. Прочие, видимо, в яслях.

По тротуару двигался целый поток гуляющих колясок; Лидка приноровилась к общему темпу. До назначенной встречи оставалось минут пятнадцать, она знала, что опоздает, но спешить не хотела. Был даже момент, когда она всерьез собралась поворачивать обратно, но одумалась и продолжила путь. Телефонный номер он знает, так что проще сразу все решить, чем играть в «перепрятушки»...

Руки ее автоматически покачивали коляску. Ребенок задремал.

Со времени их последней встречи прошел почти цикл. Произошло множество событий. Но Лидка почему-то отлично помнила, какой ворсистый был в кабинете ковер. И какая заколка блестела на галстуке. О чем они говорили — сейчас неважно, хотя некоторые Сашины слова основательно засели в памяти. Насчет «хренового ученого», например. Или вот эти: «Ты действительно казалась перспективной штучкой. Ты была фанаткой. Таких боятся. И ты умело делала вид, что много знаешь...»

Ничего я не знаю, думала Лидка угрюмо. Да, я разбирала архив Зарудного, но и вы, гэошники, разбирали его тоже. Возможно, в молодости мне хотелось выглядеть значительнее, чем я была на самом деле. Но если бы действительно что-то знала, я не дожила бы до сегодняшнего дня, так ведь?

Она невольно ускорила шаг. В витринах плыло ее торопливое отражение — женщина катит коляску; магазины украшены были звездами из фольги и прочими атрибутами приближающегося Нового года. Нового, четвертого года; не так просто было привыкнуть, что праздник приходится теперь не на осень, как в про-

шлом цикле, а на второе июня. Три года прошло — как не бывало. Три года после этого ада — и ничего, живем...

Действительно ли ей интересно, кто убил Андрея Игоревича? И возможно ли правосудие — теперь, после всего, что было?

Право-судие. Если по праву, то и ее, Лидку, надо... того. Потому что и она ездила по райцентрам в составе этой проклятущей агитбригады, и в ночь выборов сидела перед медленно зеленеющим экраном, и, кажется, даже радовалась... И говорила своим школьникам что-то про «ответственность за успешное овладение знаниями и умениями», «сознательность граждан» и прочую политкорректную, преступную чушь...

Что такое одна жертва, пусть даже и депутат... по сравнению с тысячами жертв последнего апокалипсиса?

Она обогнала одну коляску. И еще. Кто-то сказал: «Осторожно», кто-то неодобрительно посмотрел. Лидка шагала все быстрее.

У нее есть шанс УЗНАТЬ.

И многое решится.

И многое...

Сирена «Скорой помощи». Милицейская мигалка; круто Лидка взяла влево, чтобы обогнуть небольшую, но быстро растущую толпу. Не удалось; как назло, дорожный инцидент — а это был, по-видимому, именно он — случился прямо на площади перед Соломенским парком.

— Проходите, проходите... не задерживайтесь...

— Куда ты прешься со своей коляской?!

Андрейка спал, улыбаясь во сне, и казался точной копией Лидкиных младенческих фотографий; Лидка задернула занавесочку, прикрывая сына от чужих ненужных взглядов.

— Проходите... Женщина, вы куда?

— В парк, — отозвалась она автоматически.

Чьи-то спины расступились. Лидка осторожно спустила коляску с бордюра; колесо проехалось по брошенной туфле. Мужской, не новой, но вполне приличной, аккуратно вычищенной несколько часов назад.

Только тогда Лидка подняла голову.

На тротуаре — на белой «зебре» перехода — лежал человек лет шестидесяти, в мятом летнем костюме.

Босой. В серых носках.

Волоча за собой коляску, Лидка, как привязанная, шагнула ближе.

— Ну что за народ, — бормотала проходящая мимо старушка. — Сбежались... стервятники... на *такое* смотреть...

Люди в синих халатах уже грузили лежащего на носилки. Не то чтобы совсем грубо, но и не так, как принято обращаться с живыми.

За секунду до того, как на мужчину накинули простыню, Лидка успела увидеть его лицо.

Жизнь не пощадила бывшего подводника Сашу, зато смерть его была мгновенной.

* * *

«Нашим предкам не сразу удалось установить связь между глефами и дальфинами. Биолог Карл Дорф, впервые выдвинувший гипотезу о стадиях развития дальфинов, был поначалу объявлен едва ли не сумасшедшим. В самом деле, ведь дальфины — млекопитающие! Сравнительный анатомический анализ дальфинов и, например, китов выявляет много общего... Но есть и различия. И главное из них — органы размножения...

Детенышей дальфинов попросту не существует в природе. Желая подтвердить теорию Дорфа, его последователи провели несколько глубоководных экспедиций (см. главу «Тайны океанов»). Одна из них закончилась трагически. Прочие не принесли желаемых результатов — все, кроме одной. Накануне очередного апокалипсиса отважным ученым удалось погрузиться на глубину более тысячи метров и заснять объект, впоследствии получивший название «дальфинья кладка». Это и есть кладка, дальфины откладывают яйца, как это делают, к примеру, стрекозы. Труднодоступность таких кладок оберегает яйца — до сих пор не существует надежного способа их уничтожения... В час апокалипсиса срабатывает «биологический будильник», природа которого до сих пор не ясна — вероятно, это мультифакторная система, учитывающая сейсмические колебания, изменение температуры воды и ее химического состава. Из отложенных дальфинами яиц появляются на свет существа, известные нам как глефы... Целью недолгой жизни глефы является поглощение разнообразной органики. Добравшись до берега, они выходят на сушу, где и поглощают все, до чего могут дотянуться (см. главу «Глефы»). Насытившиеся глефы возвращаются в море и там переходят на следующую стадию развития — покрываются оболочкой и замирают, подобно куколке у насекомых. В таком виде им удается пережить апокалипсис... Всего через несколько месяцев после катаклизма

из куколок появляются на свет дальфины, какими мы их знаем. Они питаются рыбой и, как правило, не представляют опасности для человека.

С тех самых пор, как обнаружилась связь между дальфинами и чудовищными глефами, человечество ломает голову над тем, как избавить себя хотя бы от этой опасности. Тотальное истребление дальфинов оборачивалось неожиданным результатом — отстрел дальфинов не сокращал количества глеф, а, наоборот, как бы провоцировал всплеск их активности. Вероятно, срабатывали неизвестные нам компенсаторные механизмы... Уничтожение глубоководных кладок оказалось дорогостоящей и неэффективной мерой. На сегодняшний день наиболее действенным методом борьбы с глефами остается их отстрел из крупнокалиберного оружия. Завалы из органических отходов, воздвигаемые на берегу для отвлечения глеф, всякого рода препятствия и улавливающие тупики не приносят желаемых результатов...»

(«Популярная энциклопедия», т. 1, с. 46—47.)

ГЛАВА 11

— ...Наука не финансируется. Совсем. Те из наших сотрудников, которым не удалось уехать, занимаются прикладными исследованиями... или устроились на работу в ясли. Я знаю, ваш уход из науки — в прошлом цикле — был результатом преследований со стороны ГО. Я могу понять, почему вы оставили науку *тогда*. Но что побуждает вас вернуться к ней сейчас, в эти сложные времена?

Эту женщину Лидка смутно помнила. Кажется, они учились в одно время; когда Лидка была на втором курсе, эта дама училась на третьем. Тогда она еще не была дамой, ей было двадцать лет или что-то около того, любая одежда висела на ней как на вешалке, она каким-то чудом ухитрялась рожать «без отрыва от учебы» и являться в библиотеку с переносной люлькой. Детей у нее было двое... если Лидка ни с кем ее не путает.

— Ваша идея... Видите ли, это, безусловно, интересно, однако денег нет ни на оплату вашего труда, ни на оплату аналитической группы, ни на экспедиции. Понимаете?

— Может быть, международные фонды? — спросила Лидка без особой надежды.

Дама посмотрела на нее сочувственно.

Ей, даме, тоже приходилось несладко. Ее тонкая кофточка

была покрыта катышками свалявшейся шерсти. Дама нуждалась в услугах дантиста и гастроэнтеролога, ее взрослым детям тоже надо было где-то учиться, а предшественники, которых в этом цикле уже сменилось трое, успели полностью отработать возможности по устройству студентов за рубеж...

— Мне не нужны экспедиции, — сказала Лидка глухо. — Мне нужна техническая база... мощная вычислительная техника. Статистический анализ.

— Как вам пришла в голову эта... мысль? — тихо спросила дама.

Лидка помолчала. Осторожно потрогала пальцем полированную поверхность стола:

— Я думаю, она не мне первой пришла в голову. Но современные технические возможности...

— Да какие возможности. — сказала дама раздраженно и горько. — В прошлом цикле все ушло в ГО, все ресурсы. Нынешний... с нынешним все ясно. Мы деградируем, дорогая Лидия Анатольевна. Из цивилизованного государства мы превращаемся в обыкновенный союз племен... Какая уж тут наука. Одна видимость. Наши внуки будут жить в землянках и питаться мясом диких животных...

— Мне кажется, вы преувеличиваете, — осторожно предположила Лидка.

Собеседница подняла на нее глаза, и Лидка поразилась их сходству с зеленоватыми пуговицами у дамы на кофточке.

— У меня было два сына, Лидия Анатольевна. Близнецы. Было два, остался один. По какому принципу осуществился... этот ваш предполагаемый отбор?

— Я не знаю, — сказала Лидка, отводя взгляд. — Для этого и нужен анализ... база данных.

Обе помолчали.

— Если вы окажетесь правы, Лидия Анатольевна... Не знаю, как и сказать. Это будет величайшее — и самое скверное — открытие за всю историю человечества. Ничего, что я так высокопарно выражаюсь?

Лидка молчала.

— Хорошо, я передам вашу заявку на рассмотрение международного академического фонда... когда появятся первые результаты. *Если* появятся первые результаты. Понимаете?

Лидка кивнула. Секретарша принесла кофе; звякая ложечкой о фарфор, Лидка смотрела, как двигаются напомаженные губы собеседницы.

— ...Это правда, что вы были невесткой Андрея Зарудного?

Лидка неспешно отхлебнула из чашечки.

На краю стола стоял красивый глянцевый глобус. Поверх физической карты штрихами нанесены были границы обитаемых и необитаемых зон. И тех, что когда-то были обитаемыми. Территории так называемых Погибших Цивилизаций.

— Это не совсем точно. Я вышла замуж за сына Зарудного, когда Андрея Игоревича уже не было в живых.

Дама поджала губы. Лидка знала, о чем она сейчас спросит, и потому опередила ее, как змея броском:

— Да, Андрей Зарудный разрабатывал теорию бескровных апокалипсисов. Но он *никогда* не стал бы достигать своих целей таким образом, как это сделали его последователи... те, кто называли себя его последователями. Его имя использовали в нечистых целях... Я понятно выражаюсь?

Дама медленно кивнула:

— Вполне... Вам не кажется, что ваша идея — антипод красивой идее Зарудного? Как бы ее тень?

— Не знаю, — сказала Лидка.

Дама вздохнула. Усмехнулась уголками рта:

— У вас ведь маленький ребенок. Как вы проживете на те гроши, что сможет предоставить вам Академия?

* * *

Рев стоял — затыкай уши.

— Аллочка, мама завтра придет... Танечка, мама звонила, у нее работа до ночи, она не может вас забрать. Идемте к деткам... Детки, покажите игрушки.

Детки, привычные к душераздирающим сценам, быстренько прижали к животам кто тряпичного зверя с болтающимися лапами, кто трактор на резиновых гусеницах, кто куклу, кто машинку. Никому не хотелось жертвовать игрушкой в угоду чужому дурному настроению.

— Посмотрите, девочки, а вот большие кубики, можно построить домик...

— Я н-не хочу домик! Я хочу к м-маме! — ревела старшая, Аллочка, рыженькая, с тонкими косичками, о которых Лидка с ужасом подумала, что завтра утром их предстоит заново заплетать. Младшая, Танечка, трагических настроений не разделяла, но ревела в унисон со старшей сестрой. Солидарности ради.

Лидка коротко вздохнула:

— А хочешь, подарю тебе пистолет?

Рев слегка растерял напор и уверенность.

— А хочешь... завтра позовем в группу большую собаку?

Младшая уже молчала, глядя на Лидку круглыми голубыми глазами. Старшая всхлипывала.

— А хочешь посмотреть, кто живет в умывальнике?..

Она работала здесь уже полгода. Ночной няней, с семи вечера до семи утра. Каждый день. За небольшие, но стабильные деньги.

Двухлетний Андрей обретался тут же, в ясельной группе. Вечера проходили в заботах, зато день оставался свободным; теперь у Лидки был свой стол в Академии, письменный стол в сыром и неотапливаемом кабинете. И допуск в вычислительный зал.

Она работала.

Из десяти разнообразных математиков, с которыми Лидка по очереди пыталась наладить сотрудничество, вкалывать «за идею» согласился один. Молодой парень двадцати трех лет, выпускник политехнического института, Костя Воронов. Костя был вторым после академической дамы человеком, которого Лидка — под страшную клятву о нераспространении — посвятила в свои планы.

Костя был чем-то похож на Максимова. Но теперь, по прошествии почти четырех лет, Лидка научилась не принимать такое сходство близко к сердцу.

В первые же дни совместной работы Лидка убедилась, что в лице Кости судьба явила ей одну из самых искренних, самых широких своих улыбок.

Костя как будто сошел со страниц детского фантастического романа — классический ученый-растяпа, скромный гений, человек не от мира сего. За время своей учебы в политехе он дважды болтался на грани исключения. Уже получив диплом, он никак не мог устроиться на работу: на момент их с Лидкой знакомства Костя занимал почетную должность ночного сторожа на каком-то мелком складе.

С пятнадцати лет он придумывал и разрабатывал какие-то программы для вычислюхи, и одна из них как нельзя лучше подходила к задачам по мультифакторному анализу. «Несите все, — сказал Костя Лидке. — Любые сведения. Вплоть до излюбленных словечек-паразитов, вплоть до оценок в табеле за первый класс. Собственноручные автографы, детские рисунки, отпечатки пальцев. Все, что раздобудете».

— ...Пусти зайца-молодца в Малые Воротца, небо красненько, травка черненька, злая глефа на пороге, уноси, зайчишка, ноги, лиска, мишка, воробей, ну-ка, спрячемся скорей...

Сосредоточенный Андрей (в свидетельстве о рождении Лидка записала «Андреевич») сидел на ковре; перед ним горкой лежали туловище пластмассового пупса, отдельно голова и четыре конечности. «Врачом будет», — подумала Лидка без особого энтузиазма.

...Исходная Лидкина посылка была — доказать, что Ворота являются фактором направленного отбора. А вот по какому признаку — гм, хотелось бы выяснить.

Она поднимала архивы загсов, соцстраха и ГО. Ее интересовали не все погибшие во время эвакуации, а только те из них, кто не пережил своего первого апокалипсиса. Люди младшего поколения, так и не оставившие потомства.

Таких, как ни странно, было неожиданно много. Почти сорок процентов от всех погибших — при том, что молодежь и бегает быстрее, и легче переносит физические нагрузки. Еще сорок процентов составляли пожилые люди и старики, для которых апокалипсис был третьим-четвертым. И около двадцати процентов — все остальные.

По ночам Лидке снилось огромное дерево, из толстых черных веток которого лезли под солнце молодые побеги. И некто с садовыми ножницами аккуратно подрезал их, придавая свободному гиганту форму садового куста. Не просто стриженого, а стриженного прихотливо...

Каждая отстриженная веточка — имя. Вот, например, Сотова Яна Анатольевна, первый год пятьдесят третьего цикла — двадцать первый год пятьдесят третьего цикла. Или сын академической дамы, Дорожко Виталий Николаевич, второй пятьдесят четвертого — двадцать первый пятьдесят четвертого. И таких карточек — ящик за ящиком, полка за полкой, вот уже несколько шкафчиков накопилось.

По каждой «отрезанной ветке» она собирала максимальное количество данных. Цвет глаз, волос, рост, вес. Особенности характера, склонности, успеваемость в школе. Данных не было, приходилось выцарапывать их буквально по крупице; приходилось разыскивать бывших учителей, встречаться с ними под видом корреспондента (многие верили) и расспрашивать о погибших школьниках, как если бы они были живыми.

Лидка разыскала данные и по своим бывшим ученикам. Только из максимовского класса погибли семеро (проклятый Стужа! проклятый апокалипсис!). Беленькая кукла Вика погибла тоже, а вот о дочери гэошника Тоне Дрозд сведений не было. «Выжила, подумала Лидка. — Такие всегда выживают».

И она добавила еще семь карточек в свой архив. И в тот день не стала больше работать, поехала к морю и долго сидела, глядя на ползущие вдоль берега баржи...

Весь собранный материал она несла Косте. «Еще, — говорил тот. — Мало. Для статистической подборки — в самый раз. Для настоящего мультифакторного — мало...»

Двухлетняя упрямая Юля стояла посреди группы, и вокруг ее тапочек растекалась лужа; возле шкафчика шла активная торговля, торговались толстенький Вовка и рева Аллочка:

— Взвесьте мне еды.

— Хлеба или огурцов?

— Огурцов.

— Вот, пожалуйста... Чего еще?

— Еще еды.

— Еще огурцов?

— Да!

Маленький Андрей, позабыв про расчлененного пупса, поднялся на ноги и неотвратимо, как возмездие, зашагал к домику из кубиков, только что сооруженному его ровесником Толиком. Толик почуял опасность, схватил домик в охапку — с грохотом разлетелись деревянные кубики — и потащил прочь, роняя по дороге обломки интерьера.

Лидка подошла. Взяла Андрея на руки; крепко прижала к себе, упреждая слабые попытки вывернуться и поспешить вслед за похитителем домика.

...Костя, допущенный до мощнейшей вычислительной машины, похож был на кота, которого купают в сметане. Оставил работу сторожем, жил впроголодь — Лидка подсовывала на стол бутерброды, увлеченный работой Костя уничтожал их, не задумываясь.

— ...Лидия Анатольевна, но если он существует — отбор... Если он проводится кем-то или чем-то вот уже пятьдесят с лишним циклов — значит, когда-нибудь материал сделается совсем однородным? То есть тот признак, по которому идет отсев, исчезнет вовсе?

Лидка пожимала плечами:

— Вероятно.

— И *мрыги* тогда прекратятся? Как лишенные смысла?

— Не знаю. Наверное.

— То есть для того, чтобы прекратить апокалипсисы в ближайшие несколько циклов, человечеству надо всего-навсего перебить особей, неугодных хозяевам Ворот?

Лидка вымученно улыбалась:

— Скорее всего, у Ворот нет никаких хозяев, Костя. Не надо... упрощать.

Операторы вычислительного зала поглядывали на них с опаской и с уважением. Лидкина картотека, перенесенная на монитор, выглядела внушительно и страшно. С экрана глядели молодые лица людей, так и не оставивших потомства. Отсеченные веточки; на каждого из них имелось досье, более или менее толстое.

Предстояло определить признак или комплекс признаков, общий для всех, кто не дал потомства. Нечто, отличающее и Лидкину сестру, и красивую девочку Вику, и несчастного сына академической дамы от прочих, выживших.

Многие гениальные идеи на первый взгляд кажутся ересью.

— Пись-пись, — печально разведя руками, констатировала Юлечка. И самокритично добавила: — Сты-ыдно.

* * *

Ночью Лидке опять приснился апокалипсис. Только дети почему-то оставались маленькими.

И Андрей.

Толпы взрослых текли по улицам, не слушая команд по радио, не глядя под ноги.

— Пропустите! Здесь дети! Пропустите!

Никто не слышал.

Инстинкт самосохранения гнал их, как стадо. Гнала слепая вера в исключительную ценность собственной жизни.

— Пропустите! Это же *дети*!

Она бежала, прижимая к себе Андрея.

И так, на бегу, — проснулась.

Счастливы курицы. Могут накрыть потомство крыльями, свято уверенные, что уж под крышей-то из перьев цыпленку ничего не грозит.

Глупые, счастливые куры.

* * *

Лето прошло без намека на отпуск. Хорошо, что ясли по-прежнему работали и даже детишек вывозили на пляж — три раза в неделю.

— Лидия Анатольевна, — сказал однажды Костя, и что-то в его голосе заставило Лидку вздрогнуть.

— Что?

Костя улыбнулся. Упал в кресло, закинул ногу на ногу. Старые потертые брюки лоснились на коленях.

— Что, Костя?

— Проверить надо одну вещь. — Костя поднес к носу палец, явно собираясь поковырять в носу. Одумался, опустил руку. — Надо проверить всех наших... всех этих ребят на склонность к музыке.

— Чего?

— Ну, музыкальные способности. Кто пел хорошо, кто в музшколе учился, кто в самодеятельности участвовал... Заново опросить всех знакомых, но налегать именно на этот пункт.

— Заново?! — спросила Лидка с ужасом.

Костя молитвенно сложил руки:

— Надо, Лидия Анатольевна!

Из приоткрытой форточки дул сырой, совсем уже осенний ветер.

* * *

«Предполагаемые способности к музыке».

Они, не пережившие первого апокалипсиса, были блондинами и брюнетами, отличниками и троечниками, рослыми и маленькими, умными и глупыми, добряками, эгоистами, спортсменами, хулиганами, маменькиными сынками — точно в той же степени, как и их ровесники, благополучно выжившие и наплодившие потомства.

Но почему-то «предполагаемыми способностями к музыке» среди них, погибших, обладали всего два-три процента.

— Критерии, — сказала Лидка хрипло. — «Способности»... размыто. Так, погоди, Костя, дай мне сообразить.

Костя терпеливо ждал. Лидка смотрела на бумажную змею-распечатку и не могла сосредоточиться; вспоминалась Яна. Как она пела, гремя на кухне грязной посудой: «Мой со-оловей о розе-е...» Мама морщилась. Яна пела громко и с чувством, вот только слушать ее было невыносимо; в музыкальную школу ее в свое время не взяли, зато в обычной общеобразовательной ставили четверки по пению. Из уважения к старанию и общей успеваемости.

— Костя... как ты к этому пришел?

Бывший сторож скромно улыбнулся.

Следующие полчаса он рассказывал ей о своем методе, рисо-

вал что-то на листке бумаги, перекладывал предметы на столе. Лидка хлопала глазами и сама себе казалась тупой до безобразия двоечницей.

— Не понимаю, — призналась она наконец.

— Поймете, — мягко пообещал Костя.

Ему уже виделись переполненные академиками залы, передовицы центральных газет, премия, отдельная квартира и мотоцикл. Почему-то именно мотоцикл был для Кости символом сбывшихся надежд. Стенка перед его рабочим столом заклеена была изображениями мотоциклов, и маленькая оловянная модель стояла прямо на мониторе.

— Костя, — сказала Лидка осторожно. — Это еще не результат. Это так, намек... Призрак, фата-моргана...

Костя молчал и улыбался. Он был не из тех, кто верит в худшее.

* * *

— Лидия Анатольевна, у вас не возникали сомнения в репрезентативности вашей выборки?

— Мы работаем в тяжелых условиях, — сказала Лидка с достоинством. — Тем не менее проанализировано почти две тысячи случаев. Две тысячи судеб, более чем сотня признаков по каждой отсеянной личности. Условно говоря, отсеянной. Мы понимаем, что это только начало, только, так сказать, заявка... но заявка более чем весомая. Уверенно можно сказать, что огромный процент не переживших свой первый апокалипсис юношей и девушек не обладали музыкальными способностями. Среди хористов, участников самодеятельности, учеников музыкальных школ процент погибших значительно меньше среднего процента, и это статистически достоверный факт.

В зале установилась тишина. Костя, сидевший в углу, принял вид скромного, но довольного жизнью героя.

Руководство Академии — все, что от него осталось, — переглядывалось, поскрипывая старыми партами. Именно партами, другой мебели не было. Академики за черными столешницами выглядели забавно, Лидке вспомнилось время ее учительства, она невольно улыбнулась. «Закрыли книжки. Раскрыли дневники. Записали домашнее задание...»

— Под это можно было бы выбить деньги, — задумчиво предположил лысый и бледный, как гриб, старичок на второй парте слева. — Выплатить людям зарплату, и премию хорошо бы... Сделать ремонт... Открыть аспирантуру...

— Это шаманство, — устало отозвался его сосед, чье морщинистое лицо было украшено вислыми, как водоросли, усами. — Это развлечение для желтой прессы, а не предмет для серьезных научных изысканий.

Лидка провела рукой по стопке толстых папок:

— Все случаи задокументированы. Архивные ссылки...

— В архивах нет сведений о том, обладал кто-либо музыкальными способностями или нет, — раздраженно прервал ее усатый скептик. — У вас есть точное определение, что считать такими способностями? У вас есть научная методика, позволяющая зафиксировать их наличие либо отсутствие? Тем более когда речь идет о людях, давно погибших?

— Это сложный вопрос, — Лидка старалась говорить как можно спокойнее. — Безусловно, потребуется и методика, и дополнительные исследования... И помощь специалистов...

— Музыкальный слух может быть приобретенным, а вовсе не врожденным свойством! — не слушая ее, продолжал вислоусый. — Вы же предполагаете отбор, стало быть, какие-то генетически обусловленные признаки?

Костя погрустнел в своем углу. С его лица потихоньку сползало самодовольство.

— Если сейчас мы вспомним наших родных и знакомых, не переживших свой первый апокалипсис, — тихо сказала Лидка, — если мы их вспомним... У меня погибла сестра. Она была хорошая добрая девочка, но музыкальных способностей у нее явно не было. Совсем.

Лидка замолчала. Академики за партами задумались.

Прием был рискованный. Неправильный прием, если уж честно. Во-первых, два десятка чьих-то знакомых или родичей никак не тянут на статистическую выборку. Во-вторых, среди них запросто могли затесаться два-три случайных музыканта. В-третьих — да подло это, удар под дых, ведь каждый в одиночку несет свою утрату, а использовать горечь потери как научный довод...

Костя опустил глаза. Тоже, наверное, кого-то вспомнил.

Лидка поймала себя на том, что не может восстановить в памяти Янкиного лица. Лицо Тимура — может, но для Лидки Тимур остался сорокалетним мужчиной, тогда как сестра не дожила и до двадцати. Время, когда Тимура и Яну различали только по наличию-отсутствию косички, кануло в область легенд и сказаний.

Академики все еще молчали. Переглядывались.

— В конце концов, — задумчиво сказал вислоусый скептик, — если фонд выделит под это деньги, даже минимальные...

— А мой сын прекрасно пел, — задумчиво прервала его академическая секретарша. И печально улыбнулась: — Но всегда немножко фальшивил.

* * *

«Музыка не есть ни материя, ни живое тело, ни психика, и вообще она не есть какая-либо вещь и совокупность вещей... Музыкальное бытие в той же мере ниоткуда не выводимо, как и вообще бытие разума...»

Слезились воспаленные глаза. Справа громоздились уже прочитанные монографии, слева — предназначенные к прочтению.

«Музыка есть... такое же неподвижно-идеальное, законченно-оформленное, ясное и простое, как любая простейшая аксиома или теорема математики... И чтобы музыкально понять музыкальное произведение, мне не надо никакой физики, никакой физиологии, никакой психологии, никакой метафизики, а нужна только сама музыка, и больше ничего...»

Лидка уронила голову на стол. Костя, сидевший за вычислюхой, озабоченно сдвинул брови:

— Лидия Анатольевна! Вам плохо?

— Ничего-ничего, — пробормотала Лидка с кривой ухмылкой. — Ты работай, работай...

Обыкновенный недосып. Накопившийся за эти тяжелые долгие месяцы.

* * *

Городская филармония открыла сезон в конце октября. Первый сезон на шестом году цикла! Притом, что обычно филармония и театры восстанавливались ко второму, на худой конец третьему году.

Слухи ходили самые мрачные, за пять лет многие поверили, что ни филармония, ни театры, ни галереи, ни зоопарк, ни пассажирское пароходство не восстановятся вовсе. Так, говорят, начинается угасание цивилизации — крупный апокалипсис, после которого общество не успевает оправиться полностью. Однако, кажется, обошлось. На этот раз обошлось.

Открытие сезона вылилось в праздник возрождения.

На круглой площади перед зданием с колоннами творилось феерическое действо. Толпа глазела на ряженых в старинных костюмах с париками, поглощала лимонад и пирожные, покупала воздушные шарики; на плечах у половины прохожих восседали дети от трех до пяти лет. То был как бы второй ярус праздника, с отдельными интересами, своим кругом общения и своеобразным языком.

Немногие обладатели билетов чопорно обходили толпу и понемногу просачивались вовнутрь. Концерт начался с получасовым опозданием; Лидка сидела на балконе, сбоку, едва не над головами оркестрантов. Первое отделение заставило ее скучать, изучать повадки дирижера и разглядывать зрителей. Зато второе отделение неожиданно увлекло ее, и, выходя из зала, она ощущала нечто вроде легкой эйфории.

Она взяла свой плащ в гардеробе. Обошла здание кругом, постояла у служебного входа; празднество на площади шло своим чередом, разве что детей почти не было. Десятый час.

Она дождалась, пока часы на башне покажут девять тридцать, и вошла в стеклянную дверь служебного входа.

...Этот щуплый старичок принадлежал к старшей группе своего поколения, стало быть, сейчас ему было уже шестьдесят пять. Аккуратно зачесанные седые волосы, кажется, даже покрытые лаком. Концертный костюм. Печальные всепонимающие глаза.

— То есть, в принципе, вы согласны консультировать нас, Игорь Викторович?

Старичок поднял брови:

— В принципе — да... В свое время мы были очень дружны с Костиной мамой... Я, правда, не совсем понимаю, при чем тут Костя Воронов. Он вроде бы закончил политех?

— Мы формируем группу специалистов, — пояснила Лидка терпеливо. — Костя — математик, и, поскольку мы имеем дело со сложными мультифакторными системами...

— Да, — сказал старичок. — Понятно. Костя — математик, я — музыкант... Но, дорогая Лидия Анатольевна, мне не очень... меня немножко... ваш подход к делу. Что такое «музыкальные способности»? Как вы намерены их измерять?

— Но вы ведь не принимаете в консерваторию кого попало, — сказала Лидка и с удивлением обнаружила укоризну в собственном голосе. — Есть ведь какие-то критерии, не так ли?

— Есть, — старичок кивнул. — Но поступать в консерваторию приходят подготовленные абитуриенты. Про которых точно известно, что определенные данные у них, так сказать, имеют-

ся... А если вы станете измерять способности к музыке у строителей, скажем, или водителей, или военных... у людей, ни разу в жизни не видевших нотной записи... Критерии?

— Неужели нет? — спросила Лидка недоверчиво. — Слух, ритм, музыкальная память...

Старичок вздохнул:

— Я, Лидочка, видывал абитуриентов с абсолютным слухом и чувством ритма... напрочь лишенных того, что называется музыкальностью. Что, как вы правильно заметили, заложено на генетическом уровне и передается по наследству. Так что...

— Не может быть, — слегка забывшись, выдавила Лидка.

Старичок вздохнул снова:

— Лидия Анатольевна... У вас интересный проект... Я постараюсь помочь вам, чем смогу. Но это не так просто, я хотел бы, чтобы вы понимали...

Лидка молчала.

Как раз сегодня она с пеной у рта доказывала членам международной комиссии, что понятие «способности к музыке» вполне поддается точному математическому анализу.

* * *

Зима прошла как один день — правда, день тяжелый, долгий и однообразный. Зима самовольно захватила почти весь март, зато в конце апреля пришло лето, внезапное, как взрыв.

— Лидия Анатольевна!

Она оглянулась.

От облезлой стены Академии отделился незнакомый Лидке мужчина. Моложавый, в светлом плаще до пят; шагнул вперед, явно собираясь завести разговор, но замешкался, потому что по тротуару шествовала, галдя, колонна детсадовцев, и впереди выступала грудастая воспитательница с красным флажком в руках.

Незнакомец оказался отрезанным от Лидки, как будто между ними пролегла вдруг железнодорожная магистраль с проходящим составом. Поезд двигался нарочито медленно, шлепая ботинками по обновленному асфальту, смеясь, вопя, размахивая руками. А по ту сторону путей метался, пытаясь привлечь к себе Лидкино внимание, незнакомец в светлом плаще.

Лидка остановилась.

Колонна наконец закончилась; последним вагоном уходящего поезда проплыла другая воспитательница, тоже с флажком, но куда менее пышная.

— Лидия Анатольевна, я специально дожидался. Мне порекомендовал обратиться к вам Сысоев Олег Владимирович...

Лидка напрягла память, но никакого Олега Владимировича не обнаружила. Во всяком случае, среди оперативных воспоминаний.

— ...Академик Сысоев, он давний друг моего отца... он считает вас восходящей звездой мировой науки. С тех пор, как вы доложили о первых результатах своей работы... работы по вашему проекту. Ничего, что я посвящен?

Лидка молчала.

Никакого грифа секретности на ее проект навесить не успели. То ли потому, что службы, призванные копить государственные тайны, до сих пор не оправились от позорного развала ГО. То ли потому, что не все еще верили в серьезность Лидкиных изысканий. То ли просто по случайности. То есть официального статуса «Секретно» у проекта пока не было, но, знаете ли, трепаться с друзьями и знакомыми относительно сложной, спорной, едва начатой работы...

— Лидия Анатольевна, я должен объяснить. Я не зевака, я даже не журналист... Я писатель. Писатель-фантаст. То есть сейчас я работаю водителем на молокозаводе, но в прошлом цикле у меня вышли пять авторских книг, плюс публикации в журналах, сборниках, альманахах... У меня есть несколько литературных призов, в частности, один международный. По моему сценарию даже хотели снимать фильм... но отложили из-за апокалипсиса. Я член Союза писателей... вот. — Он вытащил из кармана плаща и показал Лидке небесно-синенькие корочки, на внутренней поверхности которых красовались печать и уныло-официальная фотография.

— Я прошу прощения, — сказала Лидка кротко. — Но мне на работу к семи, а ведь еще нужно...

Незнакомец замахал руками:

— Я не задержу вас, Лидия Анатольевна. Великов моя фамилия. Виталий Великов. Я могу подвезти вас домой на машине...

Лидка, уже собравшаяся было обогнуть писателя и продолжить свой путь, приостановилась:

— Машина? У вас?

— Государственная, — смутился Великов. — Обычно я не слишком... злоупотребляю, но сегодня заказов не так много... полчаса-час делу не повредят.

Лидка молчала, раздумывая.

— Мои романы, возможно, вам попадались в прошлом цикле... «Путь дальфина», «Потерянный ключ», «Морские дьяволы»...

— Терпеть ненавижу фантастику, — сказала Лидка задумчиво. — Гм... «Путь дальфина»?

— Я популяризатор, — писатель застенчиво улыбнулся. — Я пишу именно научную фантастику, ну, возможно, с легким налетом мистики... но на научно-популярные темы. Дальфины, Ворота... Чудеса и тайны...

— Где же ваша машина? — Лидка оглянулась.

— Да вот она! — обрадовался писатель.

На противоположной стороне улицы стоял огромный молоковоз с ярко-желтой, в потеках, цистерной.

* * *

— Двести пятый детский комбинат?! Да у меня же там заказы, я туда молоко вожу, правда, в утреннюю смену, в шесть часов... А вы когда освобождаетесь? В семь? Жаль, я бы вас подвозил домой... А, вам недалеко? Ах, Лидия Анатольевна, я все понимаю. Эта небывалая нагрузка, когда ради того, чтобы днем заниматься любимым делом, человек устраивается на ночную работу... Вы все равно спите? Ну да... Но дети, они же... У меня внуки, четверо, от каждого сына по двое. Как вашего внучка зовут? А-а-а, это у вас сын?! Ну вы молодец, Лидия Анатольевна, я преклоняюсь перед такими женщинами...

Лидка никогда в жизни не ездила на молоковозах. И ощущение было презабавное; во-первых, высокая кабина создавала иллюзию путешествия на слоне. Во-вторых, цистерна оказалась наполовину полной, и слышно было, как в железном брюхе глухо перекатывается молоко.

— Так вот, Лидия Анатольевна, литература будущего. Идея. Обязательно научная идея... предвидение. Вы знаете, что телефон был впервые описан в произведении писателя-фантаста? И не только телефон... Но я не об этом. Не столько технические прогнозы, сколько обобщающие, общефилософские... вот, например, Ворота отбирают людей с музыкальными способностями. Что это значит? Есть предположение, что музыкальные способности тесно связаны с математическими. То есть склонность к абстрактному мышлению... умение мыслить категориями, образами, чувствовать глубже, воспроизводить точнее... Все эти свойства обусловлены генетически, и если достаточно долго производить целенаправленный отбор... Вы знаете, как появляются новые сорта пшеницы? Новые породы собак? Что, если со временем количество музыкально одаренных перейдет в новое качество? Не просто поющее человечество, а человечество с новым свойством, с новым признаком... Назовем это, к примеру, внутренним слухом. Способностью слышать... что? А, например, глас божий, а? Как вам такой ход мысли?

Машина остановилась перед светофором. В цистерне булькнуло, будто в голодном животе.

— Виталий... э-э-э...

— Можно без отчества. Просто Виталий. Мы будем на месте через десять минут... Я понимаю, Лидия Анатольевна, что произвожу впечатление странного человека. Ну такой уж я увлекающийся... Я принес вам несколько моих книжек. Почитайте, получите представление...

В цистерне булькнуло снова.

— Это только один из вариантов развития событий. Назовем его глобально-философским. А вот другой замысел, попроще, подоступнее: Ворота никого не отбирают. Ворота просто генерируют волны, облегчающие проход людям, обладающим неким комплексом свойств... в который — комплекс — входит и музыкальная одаренность. Как?

Лидка открыла рот и снова закрыла.

— Или вариант третий: музыка и дальфины. Допустим, дальфины как-то связаны с феноменом Ворот... Как именно? А допустим, они генерируют те же волны, что и Ворота. Не обнаружимые современными приборами. Или, наоборот, не генерируют, а воспринимают...

— Мы приехали, — сказала Лидка.

Великов аккуратно втиснул молоковоз между оградой детсада и автобусной остановкой. Спрыгнул на землю, согласно этикету обошел вокруг кабины, галантно помог Лидке спуститься с высокой пыльной подножки.

— Через некоторое время, — сообщил он задумчиво, — году в десятом-одиннадцатом, как обычно... возродится интерес к литературе и книгоизданию. И тот, кто смотрит вперед, кто сумеет предугадать особенности, характерные для современного цикла, просчитает заранее покупательский спрос, тот вовремя, первым подаст в издательство соответствующую рукопись... тот победит, Лидия Анатольевна. Вот, это мои книжки. Не обращайте внимания на обложки. С авторами почти никогда не согласовывают оформление. В «Пути дальфина» нет ни одной постельной сцены, а в «Потерянном ключе» нет ни одного эпизода со стрельбой...

Лидка осторожно, чуть ли не двумя пальцами, взяла из рук Великова пару томиков в глянцевых обложках. На одной была

нарисована толстая голая женщина, беспомощно прикрывающаяся прозрачной тряпочкой от ужасного с виду дельфина, вылезающего из зеркала. На второй обложке брели, подернутые красноватой дымкой, глефы. Горящие развалины города едва достигали их колен. Крупное художественное преувеличение.

— Можно, я вам позвоню? — тоном, не терпящим возражений, спросил Великов.

— Я очень редко бываю дома, — сказала Лидка медленно. Потом спохватилась: — Погодите, а откуда вы знаете мой...

Великов уже залез в кабину. Прощально помахал ручкой:

— До встречи, Лидия Анатольевна! Я безумно рад наконец-то с вами познакомиться!

И газанул, окутав окрестности вонючим солярным дымом.

* * *

«Жила-была девочка. Пошла в лес за грибами, насобирала полно ягод. Тут увидела та-акое чудовище! Сказать тебе? Змею!!!»

(Андрюшины сказки, 12 января 6-го года.)

* * *

— ...А теперь, детки, возьмем наши ложки и будем стучать в такт. Раз-и-два-и... Сашенька, не надо так сильно лупить. У нас маленькие зверюшки танцуют, а ты так бьешь, как будто Баба-яга идет!

Четырехлетки залились хохотом. Старательная девочка Сашенька упала от смеха на ковер и замолотила в воздухе ногами.

Лидка аккуратно прикрыла дверь.

В последнее время дикой популярностью пользовались музыкальные занятия. Не проходило недели, чтобы в какой-нибудь газете не вынырнула соответствующая публикация; тон их колебался от осторожно-рекомендательных заметок о пользе музыкального образования до радостных воплей: раскрыта тайна Ворот!

Одно время Лидка пыталась отследить утечку информации. Но потом махнула рукой; в конце концов, побочным результатом такой утечки может быть только расцвет музыкальной педагогики, а вреда от этого не будет...

На звонки любопытствующих она раздраженно отвечала, что слухи ложные, никаких результатов нет и никаких исследований не ведется. Ей не верили.

* * *

«Сегодня в садике он взялся рассказывать сказку про то, как жили-были большой дом-мама и маленький доменок-сын. Что было дальше, слушатели так и не узнали. Видимо, сказка оказалась очень грустной — потому что рассказчик разревелся раньше, чем успел перейти к изложению сюжета...

А вчера нарисовал на двух листочках одинаковые каракули, но на первой картинке был злой паук в паутине, а на второй — добрый. В той же, по-видимому, паутине, потому что различить, где какой, совершенно невозможно... Но он ведь различает! И обижается, когда я путаю! Кончилось тем, что он, совсем как в анекдоте, испугался злого паука и спрятался от него в шкафчик для одежды...

Я дура. Мне кажется, что он самый талантливый. Самый красивый. Что остальные дети рядом с ним — ослята рядом со львенком... Я понимаю, мать должна быть предвзятой, но не настолько же!»

(20 апреля. А. три года.)

* * *

Лидка ни за что на свете не взялась бы за эти книжки, во всяком случае, так ей казалось. Но после отбоя, дети уже полчаса как дисциплинированно сопели, а Лидке еще совершенно не хотелось спать — обнаружилось, что никаких других развлечений, кроме подаренных Великовым книг, в ее распоряжении нет.

Она вытащила их из сумки, поначалу чтобы рассмотреть и подивиться изобретательности художника. Потом ее глаза зацепились за первый абзац: «Это был маленький пикник на берегу, в скалах. Мне хотелось покормить дельфина с руки, и, когда взрослые отвернулись, я стянул с клеенчатой скатерти шампур с недоеденным шашлыком и, прыгая с камня на камень, поспешил к воде...»

Лидка сдвинула брови. Откуда-то потянуло шашлычным запахом; в деткомбинате обычно не пахнет шашлыками. Здесь пахнет молоком, кашей, в крайнем случае морковным пюре; запах возник в Лидкином воображении, и не потому, что текст был как-то особенно хорош. Нет, текст был обыкновенный, просто Лидке вспомнился эпизод из собственного детства, когда, заметив с берега глянцевые спины, она впервые в жизни осмелилась поглядеть на дельфинов вблизи. И — вот совпадение! — это было

как раз во время апрельского пикника, когда взрослые были увлечены процессом изготовления шашлыков, а Тимур и Яна, гордые сознанием своей взрослости, подавали шампуры...

Незаметно для себя Лидка прочитала три главы. Великов писал бойко и броско, но Лидка не могла избавиться от ощущения, что это ее полуосознанные мысли и побуждения кем-то подсмотрены, доведены до логического завершения и перенесены в книжку. С такой вот ужасной обложкой. С таким вот банальным названием. И автор ее — болтун, водитель молоковоза...

Воспоминание о булькающем в цистерне молоке отбило у Лидки охоту читать дальше. Она еще раз обошла детей, развернула свою раскладушку и улеглась.

Ей приснилась пустынная дорога, мигающие желтым светофоры на площади перед Соломенским парком, мужчины и женщины, неподвижно стоящие на мокром асфальте, на тусклой «зебре» перехода. Все без обуви, в носках. Несколько секунд Лидка, обмерев, наблюдала; потом от редкой толпы отделился пожилой мужчина, в котором Лидка через несколько секунд узнала постаревшего подводника Сашу.

— Ботинки слетают, — сказал Саша, смущенно косясь на свои носки. — Если ботинки слетели, то все... народная примета такая.

Стоящая рядом женщина устало кивнула; Лидка узнала соседку из дома напротив, которую давно, еще до апокалипсиса, сбила машина на Соломенской площади, прямо на переходе.

Остальных она не знала. И не стала разглядывать; вырвалась из сна титаническим усилием, ну прямо как муха из варенья.

Перевернулась на другой бок. Трижды пробормотала: «Куда ночь — туда и сон»...

И действительно, больше ей ничего не снилось.

В шесть утра, когда за серыми окнами проснулись собаки и погасли фонари, в жестяной козырек под окном деликатно ударил камушек.

Лидка не сразу поняла, что ее разбудило. Дети спали; некоторое время она лежала, глядя в потолок, подсвеченный желтым уличным фонарем. Потом фонарь потух — будто закрылся уставший за ночь глаз. И одновременно ударил второй камушек — на этот раз в стекло.

Лидка поднялась — она спала в трикотажном спортивном костюме — и подошла к окну.

На посыпанной гравием дорожке стоял Великов, и улыбка его была от уха до уха.

* * *

— Это Зарудный?

Писатель Великов с интересом разглядывал Лидкин рабочий стол. Из-под толстого оргстекла смотрел бледный, но все еще улыбающийся Андрей Игоревич.

— Симпатичный мужчина...

Лидка удивилась:

— Вы раньше не видели его портретов?

— Видел, но официальные. Знаете, такие в рамочках... Зарудный никогда не интересовал меня как персонаж. Прежде не интересовал. Но вот этот портрет, ваш, он, знаете, особенный, он преображен вашим вниманием, вашим теплым к нему отношением...

Великов замолчал, выжидательно глядя на Лидку.

— Андрей Игоревич был моим тестем, — небрежно сказала она, когда молчание сделалось совсем уж неловким.

— Да-а? — удивился Великов.

— Я думала, об этом все знают, — призналась Лидка.

Великов понимающе улыбнулся:

— Когда мне в первом классе вручили первую похвальную грамоту, я тоже думал, что весь мир уже знает... Когда я во втором классе разбил две чашки из сервиза — думал то же самое... Кстати, я не знал, что у Зарудного есть сын. Кто-то мне говорил, что у него две дочки.

— С его сыном мы расстались, — сказала Лидка, упреждая вопрос. — Жизнь, знаете ли. Бывает.

— Бывает, — кивнул Великов. — Мои вот три жены разбежались, как мыши, кто куда. Представляете, как им досталось, бедняжкам?

Лидка улыбнулась:

— Представляю...

Кабинет — первый персональный Лидкин кабинет! — был на самом деле клетушкой, отгороженной фанерной стенкой от общего помещения. За фанерой переговаривались, смеялись, стучали по клавиатурам вычислительных машин, в то время как Лидка могла наслаждаться неким подобием обособленности. Начальство как-никак.

Дверца шкафа — в клетушке только и помещались, что стол, два стула и шкаф — приоткрылась, нескромно обнаружив домашние Лидкины шлепанцы и тряпочку для обуви.

— Наверное, этот портрет помогает вам работать? — кротко спросил Великов.

— Андрей Игоревич, — отозвалась Лидка после паузы, — Андрей Игоревич хотел верить, что Ворота изначально добры к людям. Что эта их функция — спасать — основная. Что только от человечества зависит, будут жертвы во время кризиса или не будут. «С гордо поднятой головой»... Красивая гипотеза.

Великов потрогал переносицу:

— Почему бы не присвоить вашему институту... виноват, вашему отделу имя Зарудного? В перспективе, я имею в виду?

Некоторое время Лидка молчала, внимательно его разглядывая.

— Что, Лидия Анатольевна? Я что-то не то сказал?

— Я думала об этом, — призналась Лидка через силу. — В перспективе... да, его имя было бы... это было бы справедливо. Если мы оправдаем...

Великов широко улыбнулся:

— А вы не боитесь, Лидия Анатольевна, что идея Зарудного не то чтобы скомпрометирована, но вызывает нехорошие ассоциации? Что, в конце концов, немногие уже помнят, кем он был, зато при звуке его имени вспоминают Стужу, произвол ГО...

Лидка смерила Великова взглядом — от пыльных рабочих ботинок до рыжеватых, высоко вскинутых бровей.

— Вы ищете материал для нового романа?

— Я всегда его ищу, — признался Великов. — Что же тут такого?

Лидка не ответила. Села за стол, привычным движением пододвинула к себе красную картонную папку. Информация, собранная за последнюю неделю. Предварительные результаты статистического анализа...

Великов присел напротив:

— Я, наверное, мешаю вам. Вам кажется, что я назойлив... У всякого своя функция. Вы носите информацию, как трудолюбивая пчелка — по крупинке, ежедневно, вы надеетесь, что в ваших с трудом организованных сотах эта информация перейдет в новое качество — в открытие, в мед... А я порхаю, понимаете, как бабочка, методом «тыка». С цветка на цветок, безо всякой системы, лечу на яркое. Я человек интуиции... Вот, например, выехал сегодня на рассвете, улицы еще пустынные... Еду, молоко везу... И приходит мне в голову идея. А что, если человечество — потерянный ребенок? Не зря оно такое бестолковое, не зря оно не знает, как оно здесь оказалось и зачем. А потерял его некий мировой разум, потерял и теперь всюду ищет... а может быть, уже нашел. Представляете — потерял в джунглях младенца, а через

много лет нашел подростка, дикого беспризорника, нет, не беспризорника даже — так, прямоходящую обезьяну... Или даже не прямоходящую, потому что дите выросло само по себе, чудом не погибло, и вот... Что делают с такими детьми? Сажают в лабораторию... Вот и нас посадили, посредством Ворот. Каково?

— Где-то я уже это слышала, — сказала Лидка неуверенно. — Это вторично.

— Ничего подобного! — возмутился Великов. — Вы слышали насчет бога-ребенка, а человечество-ребенок... Нет, не так. Человечество-подкидыш! Никто нас не терял, нас подбросили обезьянам. За ненадобностью. А потом, когда оказалось, что подкидыш здоров и агрессивен, — ну, тогда надели намордник. Ни тебе межзвездных полетов, ни тебе генной инженерии...

— Чего? — спросила Лидка.

— Генная инженерия. Я ввел этот термин в «Потерянном ключе». Видите ли, даже если предположить, что ваша гипотеза верна и Ворота отбирают людей по какому-то признаку, признак должен лежать глубоко под поверхностью. Глубоко, в генах. И совсем не факт, что вы проследите эту закономерность — у вас не хватит инструментов, технологий, ведь генное изменение необязательно проявляется сразу, необязательно сочетается с каким-нибудь зримым признаком вроде ваших музыкальных способностей...

— Они не мои, — сказала Лидка механически.

Ее глаза пробегали строчку за строчкой, столбец за столбцом. Возвращались назад, не желая верить написанному.

Данные, добытые и проанализированные разными экспертами, не совпадали. По одному и тому же району — Подольскому — выходили совершенно разные результаты; по результатам работы Кости Воронова выходило, что девяносто процентов погибшего молодняка «не имели способностей к музыке». По отчету новой сотрудницы, профессионального музыковеда, выходило, что только пятьдесят пять, и то — «достоверность многих данных вызывает сомнения»...

Столбик имен (год и цикл рождения, год и цикл смерти, источник информации, ссылки на архив). Против вывода — «музыкальных способностей не имел» — красным карандашом академической дамы: «Конкретные доказательства?»

Другой столбик, имена, год и цикл рождения (только рождения, слава богу), номер музыкальной школы, имя педагога. Другим почерком, незнакомым Лидке: «Выписка из характеристики... При поступлении выявлены врожденные слух, ритм, музыкаль-

ная память. Оценка на выпускном экзамене — три... отсутствует не только трудолюбие, но и способности к музыке...» «При поступлении выявлены развитые... оценка на выпускном экзамене — четыре... трудолюбива, но музыкальные способности средние...»

— Бред, — сказала Лидка сквозь зубы.

— Что? — спросил притихший Великов.

— Слух, ритм, музыкальная память... врожденные! Почему же они пишут — «отсутствуют способности»?

— Знавал я одного певца, — сообщил Великов со вздохом. — Вот уж был слух, память там и прочее. И голос — как у пароходной сирены... Пел громко и с чувством. И правильно. Как робот... Кстати, я задумал роман о перспективах робототехники. Рассказать?

— Помолчите, — отозвалась Лидка устало.

— Вы не там ищете, — вкрадчиво сказал Великов. — Вы пытаетесь анализировать какие-то внешние признаки, какие-то эфемерные, с трудом определяемые вещи. А надо бы анализировать на генетическом уровне.

Лидка подняла на него тяжелый взгляд.

— Да, — Великов вздохнул. — При современном состоянии науки это невозможно. Но циклов через пять, я верю...

— Уходите, — сказала Лидка.

Великов встал. Виновато почесал переносицу. Отвесил нечто вроде поклона, пошел к двери; нос к носу столкнулся с секретаршей Леночкой, которая была так возбуждена, что даже вошла без стука:

— Лидия Анатольевна! Телеграмма из Европейской Академии...

Не обращая внимания на притихшего Великова, Лидка взяла из ее рук негнущийся официальный бланк.

Европейская Академия от всего европейского сердца поздравляла Лидию Анатольевну. Потому что ее гипотеза была проработана специальной группой европейских экспертов — и нашла блестящее подтверждение.

ГЛАВА 12

Звонок в дверь.

— Тетя Лида! А Андрей дома?

Девочка с восьмого этажа. Старшая группа, уже не девочка, уже вполне девушка. Лет пятнадцать. На два года старше Андрея.

— А что случилось? — спросила Лидка, плотнее запахивая халат.

— Котенок! Там котенок во дворе! На дереве!

— Сейчас! — крикнул Андрей из своей комнаты. — Иду!

— Высоко? — механически спросила Лидка.

— Ужас как высоко! — радостно подтвердила девчонка. — Никто достать не может...

— Андрей... — начала Лидка неуверенно.

Он уже выскочил за дверь и, не дожидаясь лифта, погрохотал вниз по лестнице. Грохот происходил оттого, что, не добегая до конца пролета, Андрей подпрыгивал и летел ступенек через пять-шесть и приземлялся хотя и мягко, но звучно.

Лидка сунула ноги в спортивные туфли, накинула плащ и вышла следом.

Вокруг высоченного тополя стояла толпа. Лидка сама не помнила, когда в последний раз ей встречались в городе кошки. Вот старичок из двадцать седьмой квартиры держал кота, но оба недавно умерли. От старости.

Андрей врезался в толпу, и перед ним расступились. Так бывает, когда сквозь строй зевак, собравшихся по случаю дорожного происшествия, пробирается деловитый врач.

— Где? — Андрей задрал голову.

Ответом был тонкий кошачий вой.

Кот был бурый и пятнистый, почти защитного цвета. Разглядеть его в ветвях было сложно, и если бы не позывные отчаянного мява, Лидка так бы и не разглядела его.

Хныкала, прижимая к груди грязные кулаки, Андреева ровесница с третьего, кажется, этажа:

— Он вырвался... Я держала... А он вырвался... Мы на минутку только вышли...

— Твой? — спросила Лидка.

Девчонка кивнула:

— Папа из села привез...

Андрей по-обезьяньи уцепился за ствол и, сверкая кедами, полез вверх. Лидка отвернулась; торжественная клятва, принесенная ей сыну, заключалась в том, что она никогда не будет контролировать высоту, на которую он, Андрей, считает нужным влезть. В ответ сын пообещал ей никогда не лазить на столбы, на крыши вагонов и трансформаторных будок. И — она знала — держал обещание и не покупался «на слабо».

...Через полчаса Лидка мазала зеленкой глубокие царапины на его руках. А он делал вид, что ему ни капельки не больно.

Взахлеб рассказывал, какая мягкая у котенка шерсть. И что Ленка теперь разрешит ему гладить своего Арбуза... Только ему, а больше никому во дворе! И что хорошо бы, мама, ты понимаешь... Ну, если бы у нас был кот или собака, было бы здорово, правда?

— Через шесть лет *мрыга*, — сказала Лидка со вздохом. — Ты возьмешь на себя ответственность за животное? Я не возьму.

Сын с сожалением разглядывал свои руки, располосованные маленькими истеричными когтями.

* * *

Ни падения со ссадинами и шишками, ни дыры на штанах не смогли отучить его от этой пагубной страсти — лазать по деревьям. Старшие мальчишки всегда вызывали его, если требовалось снять с высокой ветки бумажного голубя или бадминтонный воланчик. Девчонки приглашали Андрея, когда в порядке заигрывания те же мальчишки забрасывали на дерево скакалку или чей-то берет.

Однажды Андрей узнал от кого-то во дворе, что есть такие устройства — специальные когти, которые надеваются на ноги, чтобы лазать по гладким столбам. И по простоте душевной обратился к маме за помощью в приобретении «когтей». Шокированная Лидка пообещала собственноручно выпороть сына ремнем по голой попе, если только он близко подойдет к этому самому столбу. Вот пусть только попробует.

Пробовать сын не стал. Он всегда очень тонко чуял мамино настроение и, обычно бесстрашный, на этот раз решил не искушать судьбу.

* * *

Среди прочих отделов Института кризисной биологии Лидкин отдел казался медведем, примостившимся среди сусликов и белок. Финансирование, международные связи, льготы, корреспонденты. Документальный фильм. Машина к подъезду.

В соседних отделах разводили горошек и плодили мух-дрозофил. Время от времени соседи заключали с Лидкой договоры о сотрудничестве, и это приносило им толику финансирования, а Лидке — иллюзию новых возможностей. Подробные генеалогические древа выдающихся музыкантов должны были выполнить ту же функцию, что и десяток поколений горошка. Разнообразные тестирования студентов консерватории — и вдумчивое разглядывание дрозофилы на предметном стекле («Она дохлая? О да, живая бы улетела... Она снулая? Пары эфира? Ну да, конечно...»). Работа прямо-таки кипела; диссертации сыпались, как с конвейера. О связи музыкальных способностей с группой крови — и об отсутствии такой связи. О музыкантах-гемофиликах, о влиянии барабанного ритма на нейроны мозга, о вреде агрессивных молодежных дискотек, о распределении некоторых характеристик слухового восприятия в зависимости от этнической принадлежности — и прочая и прочая.

Лидкин отдел не был в полном смысле отделом — то было сборище прилежных кротов, роющих во всех направлениях от произвольно выбранного столба. В процессе работы кроты натыкались на более или менее полезные ископаемые, остатки заброшенных тоннелей, артезианские скважины и — иногда — чьи-то разложившиеся останки; слова о неслыханной перспективности такого труда давно потеряли первоначальный смысл и превратились в нечто вроде заклинания.

Лидка давно осознала масштабы засосавшего ее болота и давно перестала страдать по этому поводу. Несколько человек, подчиненных лично ей, вели совершенно особую, строго засекреченную работу. Среди своих она называлась «работой на острый эксперимент»; суть ее заключалась в том, чтобы ВСЕХ представителей молодого поколения протестировать на наличие-отсутствие «свойства эм». Не приобретенного на нудных уроках музыки, не вбитого в угоду родительскому честолюбию — чистого, врожденного «свойства эм», не замеряемого, как правило, приборами, но очевидного для того, кто имеет уши.

Доктор наук Константин Воронов был координатором этой группы. За прошедшие годы Костя мало изменился — все такой же поджарый, не обремененный бытом, верящий в лучшее домашний гений. В Костиной квартире (полученной стараниями Лидки) сменяли друг друга жены; за десять лет их было пять или шесть. Ни одна не уживалась — и немудрено, никакой супружеский долг не мог заставить Костю ночевать дома. Ночи он проводил в компании вычислюхи, и жены, уходя, высказывали в адрес Кости и его машины одно и то же непечатное пожелание. Костя не огорчался.

Решительный этап «острого эксперимента» назначен был на первые годы следующего цикла. Когда только и останется, что проставить крестики в заранее приготовленных списках. Разделить всех этих ребятишек на две неравные группы — на счастли-

во уцелевшее большинство и трагически погибшее меньшинство. И сопоставить списки с Костиными «схемами свойств». И получить блестящее подтверждение «гипотезы Сотовой»...

— ...Лидия Анатольевна! Ну вы посмотрите, какая красавица!

Молодая лаборантка раскраснелась, как на свидании. В роскошных длинных волосах кое-где запутались мухи-дрозофилы, но это зрелище было скорее трогательным, нежели отвратительным.

— Какая красавица! — повторила лаборантка с чувством. — Глазки, посмотрите, ну совсем рубиновые...

Лидка заглянула в окуляр микроскопа. В светлом кружочке обнаружилась изящная дрозофила («изящная, как парусник», — говорил начальник здешнего отдела, Лидкин хороший знакомый). Тонкие загнутые крылья, двуцветное тело («мозаик»), огромные, романтичные, подернутые светлой печалью глаза.

— Мама, а можно мне посмотреть?

Андрей видел все это не раз и не два, но никогда не упускал случая сунуть в микроскоп свой нос, вернее, глаз. Лидка скорее поощряла его, нежели одергивала — может быть, из парня выйдет ученый?

— Муха домашняя — сволочь последняя, толстая, жирная, грязная... А дрозофила — созданье господне, легкая, разнообразная... Черных мушей сапогою давлю, а дрозофилов всем сердцем люблю!

Лаборантка захихикала. Андрей оторвался от микроскопа — без тени улыбки, только в прищуренных глазах прыгали, кувыркаясь, чертенята.

В последнее время мальчишка стал своим не только в Лидкином отделе, но чуть ли не во всем институте. Окруженный ореолом наследного принца («как же, сыночек Сотовой»), большеротый, смешливый, вооруженный неотразимым обаянием и рано осознавший это свое оружие, он умел вызывать симпатию, не провоцируя при этом зависть. Да и как могут взрослые солидные люди — ученые! — завидовать подростку из младшей группы?

Вот в школе, Лидка знала, завистники были. Немногие, но отчаянные. И двойка по поведению за прошлую четверть, двойка, поставившая под угрозу Андрюшкино пребывание в лицее, была на шестьдесят процентов результатом сложных интриг и только на сорок процентов — расплатой за шалости.

— Андрей, ты есть хочешь?

— Есть? Что есть? Где есть? Я хочу!

Он был тощий, как рыба-игла, но поесть любил вкусно и

много. Все знавшие его удивлялись, «куда оно девается». Вероятно, в результате химических реакций преобразуется в неукротимую энергию.

Перед тем как зайти в кафе, Лидка поднялась в собственный кабинет. Андрей остался в коридоре — прыгать на пружинящем под ногами, очень дорогом импортном покрытии; секретарша прикрыла дверь и пробормотала почему-то смущенно:

— Лидия Анатольевна, звонили из Министерства чрезвычайных ситуаций...

За все эти годы Лидка в совершенстве научилась владеть собой, но теперь ей потребовалось дополнительное усилие, чтобы сохранить невозмутимость.

— Что сказали?

— Назначили встречу... прием у министра. Я согласовала по вашему рабочему графику. В понедельник, в двенадцать.

Через два дня. Лидка неслышно перевела дыхание.

— Спасибо, Леночка. Мы с Андреем пойдем поесть. Если будет звонить Игорь Викторович, попросите перезвонить через полчаса...

— Мама, что с тобой? — спросил Андрей, моментально перестав скакать как сумасшедший.

— Ничего... Встреча будет важная, в понедельник. Пойдем...

И сын, успокоенный, зашагал впереди, а она, глядя в его лохматый светлый затылок, незаметно вытащила из кармана упаковку с маленькими бесцветными капсулами.

Чем невозмутимее лицо, тем труднее приходится сердцу и сосудам. А Лидка уже не в том возрасте, чтобы не обращать внимания на неприятные ощущения в левой стороне груди.

Надо же, как время-то летит. Вот уже близится к концу шестнадцатый год...

Лет в пять-шесть дети узнают про будущий апокалипсис. И переживают новое знание по-разному: кто-то не верит, кто-то тут же забывает, кто-то откладывает страх на потом — ведь «это» случится, когда я буду совсем взрослый, до «этого» еще целая жизнь...

Некоторые переживают очень болезненно. Вот как Андрей, например. «Мамочка, но ведь с ТОБОЙ ничего не случится?!»

Несколько недель он был сам не свой, плохо спал, кричал по ночам, почти ничего не ел. Никакие уговоры — мол, все обойдется, никто не погибнет — не действовали или действовали плохо. Со временем страх притупился, но окончательно исчез только после того случая со сливами.

Был июль. По рекомендации знакомого врача Лидка взяла путевку на академическую базу отдыха — подальше от побережья, в степи. Погода стояла так себе, Андрею база не нравилась, все было очень плохо, пока в один прекрасный вечер, гуляя по проселочной дороге, мать и сын не наткнулись на обнесенный изгородью сливовый сад.

«Сливы, — вожделенно сказал мальчик. — Мам, а давай я натрушу?»

И Лидка, солидная дама «далеко за сорок», дала слабину. Уступила преступному желанию сына, которого давно не видела в таком кураже и азарте. «Ладно, — сказала она, — но только чуть-чуть и только очень быстро».

Андрею не надо было повторять дважды. Лидка не успела и глазом моргнуть, как он скрылся в листве — смеркалось, и присутствие сына угадывалось только по шелесту веток и по глухим одиночным ударам валящихся спелых слив.

«Андрюша, хватит, — сказала Лидка обеспокоенно. — Мы их потом в траве не найдем... Слезай, пока хоть что-нибудь видно!»

В это время со стороны дороги донесся шмелиный рев далекого мотоцикла. Звук приближался; у Лидки хватило ума не впасть в панику и не стряхивать сына с дерева в пожарном порядке. «Тихо, — сказала она. — Сейчас они проедут, и ты слезешь».

«Они» заглохли в двадцати метрах от злосчастной сливы. Мотор мотоцикла захлебнулся, рыкнул в последний раз и замолчал; послышались ругательства, относительно деликатные, потому что, как выяснилось в следующий момент, в компании с молодым механизатором путешествовала его дама.

«Ну елы-палы... Не боись, Светка, щас заведемся». Светка только хихикала в ответ; мотоцикл всхрапывал, но заводиться не желал, может быть, потому, что мотоциклист был сильно навеселе. «О, слива, — сказала Светка, глаза которой не утратили зоркости даже в густой уже темноте. — Паша, давай сливы натрусим». Механизатор Паша бросил свое безнадежное дело и поспешил угодить спутнице; Лидка, укрывшаяся в нескольких метрах от дерева, в кукурузе, успела только открыть рот.

Паша подошел к сливе и задрал голову. В следующую секунду на него дождем обрушились фрукты. Нет, не дождем — градом. Смирная слива трясла ветвями и разве что не завывала; пары алкоголя сыграли с механизатором злую шутку. Неизвестно, что там ему привиделось, но только и Паша, и Света молча кинулись к своему мотоциклу, и тот, разделяя мистический ужас хозяев, немедленно завелся. Треща мотором и виляя по ухабам, мотоцикл ускакал в сторону села. Лидка подоспела как раз вовремя, чтобы подхватить падающего с дерева Андрея. А падал он потому, что не мог удержаться на ветвях — от смеха...

Говорят, что перебороть страх перед строгим начальником можно, если вообразить его в нижнем белье или в туалете. Наверное, именно поэтому Андрей перестал бояться *мрыги*. В тот вечер чудище страха предстало ему в неприглядном, комичном виде. В нижнем белье.

И вот уже близится к концу шестнадцатый год, и до апокалипсиса осталось лет пять, а то и четыре. Андрей по-прежнему ничего не боится, разделяя заблуждения своих ровесников, которым море по колено; Лидка же встречается в понедельник с крупным чиновником, с министром чрезвычайных ситуаций. А значит, речь пойдет о месте в списке, в очень ценном списке, очень многие заплатили бы чем угодно, лишь бы оказаться в нем...

Речь пойдет о праве на малую толику «условленного времени».

* * *

— Да, безусловно, Лидия Анатольевна. Ваши заслуги перед наукой трудно переоценить... Но лишняя минута «условленного времени» означает возможные жертвы среди населения. Согласны ли вы получить свое право такой ценой?

Министр был маленький, сухонький, в массивных очках. Густо-черная оправа походила на две сочлененные траурные рамки.

— Не совсем понимаю вас, — сказала Лидка осторожно. — Всем нам известно, что «условленное время» отменить невозможно. Так стоит ли возлагать ответственность...

— Ответственность всегда тягостна, — не совсем вежливо прервал ее министр. — Но «условленное время» — не награда за заслуги, поймите меня правильно. Это инструмент. Необходимый для сохранения государства и цивилизации. В первые часы после апокалипсиса нам нужна власть, нужна страховая система, нужна координация восстановления экономики. Наука — безусловно, но только те ее отрасли, которые имеют непосредственное стратегическое значение.

— Что может быть более стратегически значимым, нежели разгадка предназначения Ворот? — тихо спросила Лидка.

Министр пожал плечами:

— До такой разгадки, как я понимаю, еще достаточно далеко... И потом, когда речь идет о проекте столь широко известном, столь трудоемком, занимающем так много людей, скольким со-

трудникам придется предоставить «условленное время»? Одному, двум? Решит ли это проблему? А их семьи? Лидия Анатольевна, мне кажется, вы не вполне правильно сориентированы. Свет не сошелся клином на «условленном времени». Я искренне уверен, что весь ваш отдел благополучно переживет грядущий апокалипсис. И что в первые же годы нового цикла мы получим блестящие результаты. И мне еще выпадет возможность поздравить вас с Государственной премией... а то и международной, я надеюсь.

Лидка смотрела в слабо различимые за стеклами, обведенные траурными рамками глаза — и смутно вспоминала собственные речи перед школьниками. Тот же гладкий, профессионально перетекающий словопомол. На любую тему, с любого места, для любой аудитории. Мило, обнадеживающе, ни о чем.

— Понятно, Михаил Евгеньевич... Последний вопрос. Если бы исследования по «фактору эм» были строго засекречены и проходили по ведомству ООБ, это отразилось бы на вашем решении?

Молчание. Легкое удивление за толстыми линзами очков:

— Н-ну... Видите ли, тогда речь шла бы... в рамках совсем другой ситуации...

— Спасибо, — сказала Лидка и поднялась.

Секретарша проводила ее до самых дверей; у подъезда министерства ждала служебная институтская машина, вполне приличная для своего класса, но теряющаяся среди богатого чиновничьего транспорта.

— Я пойду пешком, — сказала Лидка водителю.

Было сыро и холодно. Не лучшее время для прогулок.

Лидка шла, ловя лицом редкие капли дождя, и заново слово за словом вспоминала беседу с министром. Редкие прохожие удивлялись, наверное, увидев выражение ее лица. Вроде бы человек улыбается, но от такой улыбки хочется перейти на другую сторону улицы...

Лидкин проект давно и прочно сидел в болоте, о котором мало кто, кроме самой Лидки, знал. Растекаясь в разные стороны, сталкиваясь с новой информацией, стройная и многообещающая гипотеза превращалась в расплывчатое, неопределенное, сомнительное предположение. Новые данные опровергали друг друга; результаты статистических подсчетов, несомненные на малом объеме материала, почему-то не желали повторяться на больших массивах. Единственная Лидкина надежда была на «острый эксперимент», который по понятным причинам откладывался лет на пять.

И тем не менее однажды запущенная, питаемая инвестициями машина исследований катилась как ни в чем не бывало. «Летучий голландец». Гальванизированный труп.

Это были самые черные Лидкины мысли, приходящие к ней во время бессонницы, между половиной четвертого и половиной пятого утра. В другое время она бодро радовалась все новым локальным результатам и почти верила в собственную гениальность; теперь, после разговора с министром, ночные мысли вторглись на территорию дня.

«В первые же годы нового цикла мы получим блестящие результаты. И мне еще выпадет возможность поздравить вас с...» Да неважно с чем. Потому что если, не приведи господи, во время апокалипсиса что-то случится с Андреем — Лидка этого не переживет.

А ты, старая очкастая крыса, небось уже устроил своим детям гарантированный вход в Ворота. И потому так легко рассуждаешь о том, что случится в первые годы нового цикла.

Она зашла в телефонную будку. Долго никто не отвечал, и противный холодок уже зародился внизу живота, когда гудки прервались усталым голосом Андрея:

— Мама, ты?

— Как ты догадался? — спросила она, невольно улыбаясь.

— Телепатия, — сказал он довольно.

— Все в порядке?

— Ага, — сказал он не вполне уверенно.

— Что такое?!

— Мам, ты не ругайся. Я тут помогал нашему географу флюгер устанавливать... немножко коленку разбил.

— Какой флюгер?!

— На крыше. Опыт такой. Наблюдения за розой ветров... Нужен флюгер. На крыше. Он сам так испугался, пообещал мне на всю жизнь одну большую пятерку...

— Одной пятерки тебе на всю жизнь не хватит, — сказала Лидка сквозь зубы. — С какой высоты ты упал?

— Да ничего, — Андрей замялся. — Там пожарная лестница... Ну, где-то метра... три.

— Значит, все пять... На асфальт?

— Мам, ну ничего не случилось! Коленку только разбил, мне уже перебинтовали... Мам, звонил дядя Великов. У него новая книжка вышла.

— Поздравляю, — сказала Лидка скептически.

— ...И еще бабушка звонила. У них все в порядке, она просила, чтобы ты...

— Ясно. Я иду домой. Уже иду, слышишь?

— Ага... Жду.

— Ну, привет...

Она дернула за рычаг, бросила новую монету и набрала номер старой родительской квартиры.

— Лида? Нет, все хорошо... Тебе письмо пришло. Из-за границы. Толстое такое... от Артема Максимова. Твоего ученика. Помнишь?

* * *

Фотография была цветная, добротная, стандартная. Здоровенный мужчина, в котором Лидка с трудом узнала Артемку. Рядом, в обнимку, два мальчика, старший отдаленно напоминает того школьника, которому Лидка когда-то ставила тройки. Младший — кудрявый блондин с большими, ничего не выражающими светлыми глазами.

Письмо было тоже стандартное, в меру сердечное, в меру опасливое. Максимов выражал, во-первых, сожаление, что так давно не видел «свою любимую учительницу», а во-вторых, уверенность, что у нее все благополучно, жизнь сложилась «к лучшему», потому что «даже здесь» в газетах нет-нет да и появляются заметки о научном прогрессе, о смелых гипотезах, и Лидкина фамилия встречается едва ли не чаще всех прочих...

А у него, Артема, все хорошо, подрастают два сына; жизнь не то чтобы очень легкая, но вполне терпимо, он работает бригадиром строителей-ремонтников и очень ценится окружающими. Жаль, конечно, что судьба развела их с Лидкой... и все сначала, по кругу, как будто максимовскую мысль кто-то посадил на короткий поводок и теперь она ходит, подобно пасущейся козе, вокруг вбитого в землю колышка.

Лидка читала, и сквозь повторяющиеся слова все более явно проглядывало настоящее, не формальное, сожаление. Бригадир ремонтников тосковал по упущенным возможностям; наверное, ему казалось, что Лидка воспарила в светлые небеса науки, в то время как он остался у подножия, у трамплина, жалкий и перепачканный штукатуркой. А возможно, он просто не был счастлив с женой... Есть ли у него жена? Почему о ней не пишет? Разведен? Или не хочет лишний раз травмировать Лидкины чувства? Или стесняется?

Фотографию Лидка рассматривала в машине — обычно она не злоупотребляла услугами такси, но сегодня был особый случай. Из опущенного окна тянуло теплой уличной гарью; Лидка спрятала письмо в карман пиджака, но там оно топорщилось и мешало, тогда Лидка переложила его в сумку. И подумала, что, когда возвратится домой и полезет, скажем, за ключом, письмо может вывалиться или просто показать свой желтый край с лиловыми печатями, и тогда любопытный Андрей обязательно спросит: «О! Из-за границы? Это от кого?»

Она засунула письмо на самое дно сумки, но и там ему было неудобно. Письмо мешало, как горчичник; выбросить его было вроде бы жалко, сжечь — глупо, показать Андрею — пошло...

Такси притормозило перед входом в зеленый тихий двор; лучший район города — благодать и жужжание пчел, при том что до шумного центра можно пешком дойти за десять минут. Старшие мальчишки играли в футбол, а Лидкин сын сидел на скамейке, болея одновременно за обе команды. На левом колене спортивные брюки сильно оттопыривались, видимо, на «перевязку» ушла не одна упаковка бинта.

Лидка остановилась в нескольких шагах; сын не видел ее. Объяснял пятнадцатилетним потным футболистам, что мяч можно отдавать не только носком, но и «пяточкой». Что «пяточкой» играть даже предпочтительнее...

Со своего места Лидка видела его затылок, ухо и часть щеки.

Она хотела позвать его, но удержалась. Разговор с министром, письмо от Максимова, разбитая коленка; сегодня душно, может быть, будет гроза. Время подкрасить виски, успокоить рвущуюся наружу седину. Успокоить рвущуюся наружу истерику, инстинктивный слепой порыв — схватить сына и заключить его в кокон, в банку, в непроницаемую сферу, да хоть обратно в утробу, туда, где ему не будут грозить ежедневные опасности. Туда, где не достанет его неотвратимый апокалипсис...

Глупые суеверия. О том, что ребенок, зачатый искусственно, не переживет кризиса. Лидка давным-давно изучила статистические подборки, полностью опровергающие эту чушь. Дети, зачатые от донора, выживают точно так же, как те, у которых есть настоящий отец. И гибнут точно так же...

Но именно из суеверия Лидка никому не рассказывала, как появился на свет Андрей. Никому, даже маме. Предполагалось, что она встретила «хорошего человека» в Апрельском парке; все-

таки в глубине души самый цивилизованный человек остается пещерным жителем. Как иначе объяснить, что случайные связи в начале цикла считаются вполне приличными, а безобидная медицинская процедура — чуть ли не табу...

Сколько сил ей стоит убить в себе хлопотливую курицу. Сколько сил уже потрачено, а апокалипсис все ближе, и как ни кудахтай, как ни приседай вокруг птенца, как ни мечись — ничего не изменить; этот котел в преддверии Ворот, эти безмозглые толпы... Ведь как было с Яной? До самого последнего мгновения Лидка помнила ее рядом. Отец тащил ее на себе... А потом — мгновение. Накатила новая волна, сбила с ног обоих, но отец сумел подняться, а Яна — нет, ее отнесло от отца на десятки метров...

Андрей почувствовал ее взгляд. Обернулся, просиял. Веселый рот разъехался от уха до уха, на щеках обнаружились ямочки:

— Мама!

Она подошла и, ни слова не говоря, спрятала лицо в его растрепанных жестких волосах.

* * *

Ночью пришлось вызывать «Скорую». Андрей перепугался насмерть — носился с аптечкой, с чашками воды, с каплями, с телефоном. Лидка еще никогда не видела его таким бледным. И надеялась больше не увидеть.

Бригада прибыла минут через сорок после вызова. Молодой медбрат узнал Лидку; тут же, в домашних условиях, сняли кардиограмму, ничего ужасного на ней не увидели, но порекомендовали обследоваться, понаблюдаться, лечь в больницу, тем более что академическая больница сейчас оборудована всем необходимым, это курорт, а не больница, вам надо беречь себя, Лидия Анатольевна...

Они уехали. Андрей сидел на кухне, тихонько звякая ложкой о стакан.

Проклятый Максимов со своими задавленными претензиями, со своей неудовлетворенностью. Проклятый министр. Проклятый апокалипсис. Нет, Лидка не выдержит. Сорвется. Помрет от инфаркта, не дожидаясь апокалипсиса, бросит мальчишку на произвол судьбы. Одного в человеческом водовороте...

Вспоминая Максимова, она видела, разумеется, не того мужика с фотографии. А коренастого темноволосого подростка,

школьника, потом студента, тонкого и умненького, подающего надежды.

Она знала, неосознанно, но знала, что Максимова ей суждено потерять.

Теперь то же самое повторяется с Андреем. Физическое, почти осязаемое чувство надвигающейся потери. Апокалипсис сожрет его, все, что она может, — быть рядом...

— Андрей!!

Прискакал из кухни. Глаза едва ли не на лбу:

— Что?!

Лидка долго смотрела в его бледное, осунувшееся, совсем детское лицо.

— Знаешь что... Ложись-ка спать.

* * *

Присвоение институту имени Зарудного прошло при минимуме шумихи. То есть, конечно, положенные гости собрались, и заседание Академии прошло скорее в торжественной, нежели в рабочей обстановке, и неформальный «вечерний чай» обернулся на самом деле сытным и пьяным банкетом, — но отмечали в узком кругу. Из корреспондентов — только свои же люди из «Академического вестника». Никакого телевидения. Скромная мемориальная доска, чем-то похожая на ту, что висела когда-то на фасаде зарудновского дома. А поскольку скульптор пользовался не официальной фотографией, а теми материалами, что предоставила Лидка, — бронзовый Андрей Игоревич оказался очень похожим на живого.

Если Лидка правильно помнит, каким он был.

Молодой, совсем мальчишка. Ему и сорока не было, когда его убили. Почти тридцать восемь лет назад...

Тридцать восемь лет?!

На Лидку поглядывали, кто с уважением, кто с откровенным недоумением. До самого заседания не смолкали увещевания: «Ну зачем вам это нужно?! Основоположник направления — вы, а вовсе не Зарудный, вы добровольно делитесь с ним частью славы, это вовсе не его заслуги, а ваши...», «Лидия Анатольевна, имя-то одиозное! Пойдет ли на пользу институту...», «Лидия Анатольевна, вас могут неправильно понять...», «Как бы не пришлось потом жалеть»...

Окончательное решение стоило ей бессонных ночей. Но вот — все-таки свершилось.

В разгар банкета Лидка спустилась в недавно отремонтированный туалет. Долго смотрела в большое зеркало; ей пятьдесят четыре года, и выглядит она на пятьдесят четыре. Конечно, тонкий шерстяной костюм пошит неплохо, косметика скрадывает морщины и круги под глазами, но боже мой, каким юнцом казался бы рядом с ней Андрей Игоревич! Она звала бы его, как сына, — Андрюшкой...

Поднимаясь по лестнице в зал, она едва не столкнулась со спускающимся навстречу стариком. Старик держался за перила, как трамвай за единственный провод — видать, спускаться без опоры было для него слишком большим испытанием. Лидка отступила, освобождая дорогу и место у перил; старик был Славкой Зарудным.

Непременное приглашение Славки было ложкой дегтя в радостном для Лидки мероприятии. Обойтись без Зарудного-сына никак не удавалось; в глубине души Лидка надеялась, что измученный артритом Славка поблагодарит за приглашение и откажется.

Не тут-то было. Потребовал для себя специальную машину. Прибыл. Выглядит скверно. И они с Лидкой делают вид, что не замечают друг друга — со стороны это очень заметно, тем более что сидели-то в президиуме — рядом, бок о бок...

Он прошел в полуметре от нее. От него пахло крепким дешевым одеколоном; топорщилась редкая седоватая бородка, дополнительно старившая его на десять лет.

И глаза. Впервые за весь вечер Зарудный-младший посмотрел прямо на бывшую жену, и от этого взгляда Лидку внутренне передернуло.

Он не был похож на отца — ни черточкой. Злобная Лидкина свекровь жила в этом взгляде, но не она занимала его полностью; Лидке вспомнился угрюмый парень, которому она когда-то сказала, что хочет выйти за него замуж. Из-за фамилии.

Славка, Славка, что они с тобой сделали...

Кто «они»?

Чувство вины было маленькое, мучительное и, по счастью, короткоживущее.

Тяжелые Славкины шаги удалились по коридору. Войдя в столовую, превращенную на время в банкетный зал, Лидка сразу же нашла глазами сына.

Андрей ел. Сосредоточенно, будто только что вернулся из голодного края. На его тарелке черной траурной горкой лежали обглоданные косточки маслин.

* * *

— Ты плохо себя чувствуешь?

— Нет, мам, все в порядке.

— Тогда почему ты такой кислый?

— Я кислый? Я?!

Метаморфоза случилась через несколько дней после банкета. Никогда прежде у Андрея не было от Лидки тайн — тем более таких. Отравляющих парню и дни, и ночи.

Однажды она до четырех часов утра слушала, как он ворочается на своем диване и сдавленно вздыхает. Потом не выдержала, встала, подошла:

— У тебя зуб болит?

— Нет...

— Ты влюбился?

Смешок:

— Вот еще...

— Тебя кто-то обидел? В лицее? Угрожали? Требовали денег? Обещали выгнать?

— Нет.

— Андрюшка, что бы ни случилось, я тебе помогу.

— Ты не сможешь.

Она потеряла дар речи.

— Мам, ну я сам разберусь... Ничего страшного. Никто меня не бил, не угрожал, не выгонял...

Она закрыла глаза.

Курица. Всполошенная курица внутри Лидки требовала сейчас схватить этого мальчишку и любыми силами выпытать у него, что происходит. И чуть что не так — забрать из лицея. Бросить все и уехать из города. Забиться куда-нибудь в глухое село, пить по утрам козье молоко и жить так, чтобы ни на мгновение не терять его из виду.

Глупая курица. Но на борьбу с ней уходит черт знает сколько душевных сил.

Лидка глубоко вдохнула. Подняла веки:

— Ладно... Глаза слипаются. Завтра в лицей, на работу...

Вернулась в постель, которая успела остыть.

Накрыла голову подушкой.

Она все равно узнает. Не прямо, так косвенными путями. Ничего. Она не завидует тому, кто мешает жить ее сыну. Если это девчонка — горе ей. Если это учитель или какой-нибудь хулиган... Ой-ей-ей. Ей заранее жаль их. Бедняжки.

Все это ерунда. Все, кроме апокалипсиса; время еще есть. Андрей будет жить любой ценой. Андрей окажется в «условленных» списках, даже если немолодой матери придется ради этого отрезать себе руку. Или, к примеру, пойти на панель...

Она криво улыбнулась.

В октябре светает поздно.

* * *

У писателя Великова вот уже четыре года был собственный фан-клуб. Возникший совершенно без его участия. Восторженные почитатели, мальчишки четырнадцати-пятнадцати лет, иногда дежурили возле великовского подъезда — в ожидании автографа, или просто приветствия, или, если повезет, разговора; самых отчаянных Великов иногда приглашал к себе на чай. Лидка шутила, что после рукопожатия мэтра ребятки неделями не моют рук.

Андрей был в фан-клубе чем-то средним между талисманом и почетным председателем. Он делился с поклонниками информацией — когда Великов собирается быть дома, куда и зачем он пошел, когда он уехал в командировку и когда собирается вернуться, что пишет и сколько страниц уже написал, и какие новые идеи вынашивает... Разумеется, все это с одобрения самого «дяди Виталика» — Великов давно и всерьез назначил Андрея «ответственным за связи с общественностью».

— ...Короче говоря, Лидочка, в детстве этот парень слышал сказку о том, как маленькая девочка привлекала дальфинов, играя на губной гармошке... И как потом, во время *мрыги*, она этой же гармошкой загипнотизировала здоровенную глефу. Сказка, разумеется, ложь... Но вот наш герой занимается исследованиями музыкальных склонностей дальфинов. Он идет на берег, но не с губной гармошкой, нет... он придумал такое устройство, «подводный оркестр». То есть в воду опускается такая здоровенная металлическая мембрана и начинает передавать звуки музыки через колебания воды. И вот... Андрюшка, плесни мне еще кофе... и вот у него начинаются взаимоотношения с дальфинами, странные такие, неоднозначные... А тем временем близится *мрыга*, а он дальфинам передает все одну и ту же мелодию, он заметил, что она им понравилась... Что ты смеешься, Лида? И вот из моря вылезают, сами понимаете, глефы...

— А он играет на губной гармошке, и они гуськом идут за

ним, — давясь хохотом, предположила Лидка. — Очень зрелищно... Кинематографично... Как, кстати, твое кино?

Великов поморщился:

— Малобюджетка, Лидочка, она и есть малобюджетка. Ты будешь смеяться, но хроники апокалипсиса — настоящие хроникальные ленты! — выглядят убого и бледненько и никак не могут соперничать с постановочными трюками... Но через полгодика выйдем на экраны... Тьфу-тьфу. Андрей, это ты сахар запрятал?

— Ты и так толстый, дядя Виталик.

— Я? Я толстый?!

Смех и возня; в присутствии Великова Андрей заметно расслабился. Как будто тяжесть на его душе стала легче.

Лидка была рада приятельским отношениям, давно и прочно связавшим Андрея и Великова. Суррогат отцовской любви, мужская дружба со взрослым человеком, да еще оригиналом и знаменитостью. Пусть так.

Потом, когда Андрей с превеликим скрипом отправился готовить уроки, Лидка включила телевизор и под завывания какой-то эстрадной певички изложила Великову историю Андреевой депрессии.

— В лицее была? — сразу же поинтересовался гость.

Лидка кивнула:

— В первую очередь... Как шпионка. Чтобы никто, упаси боже, не заподозрил истинной цели. Я там, по счастью, часто бываю, так что никто особо не удивился, даже Андрей...

— Что разведала?

Лидка пожала плечами:

— Ничего. Все спокойно. Если было бы *что-то*, я бы учуяла.

— Игры? Товарищи?

— Не шпионить же мне за ним...

— Телефонные звонки?

Лидка растерялась:

— Звонки?

— Да. Приходишь — и спрашивай вроде невзначай: «Никто не звонил?» И наблюдай реакцию...

— Ты думаешь, его достают по телефону?!

— Ничего не думаю. Просто предполагаю... Детектив — не совсем мой жанр. Но кое-какие элементарные вещи я же должен придумывать?

Лидка помедлила. Предложила, пряча глаза:

— Виталик, может быть, ты с ним поговоришь?

— Получится, что ты мне на него настучала, — заметил Великов.

Лидка сдержала себя, хотя курица, глупая наседка, опять взметнулась и захлопала крыльями.

— Не бери в голову, — мягко посоветовал Великов. — Может быть, само рассосется. Подожди...

* * *

Целую неделю Лидка верила, что Великов оказался прав. Андрей, кажется, повеселел и вернулся к жизни; Лидка тихо радовалась семь дней, до следующей пятницы.

В пятницу среди извлеченной из ящика свежей почты обнаружилась странная газета. «Пикант». Такой бульварщины они с Андреем сроду не выписывали...

И она совсем уже собралась положить чужую газету на крышку ящика — кому надо, тот найдет, — когда глаза ее наткнулись на собственную фамилию среди анонсов-заголовков.

Она отодвинула газету подальше от глаз. Проклятая дальнозоркость.

«Сентиментальный жест престарелой нимфетки. Знаменитому Институту кризисной генетики присвоено имя Андрея Зарудного — многие удивлены таким решением, но мало кто знает, что, еще будучи школьницей, профессор Сотова делила с Зарудным и девичьи мечты, и постель».

Некоторое время Лидка тупо смотрела на то, что держала ее вытянутая рука.

Потом рука опустилась.

Гостеприимно разъехались двери лифта, который Лидка вызвала двадцать секунд назад. Пошатываясь и ни о чем не думая, она ступила внутрь — и за закрывшимися дверями ее скрутило. Согнувшись, она вырвала прямо на чистенький, ежедневно драимый уборщицей пол.

Лифт шел себе и шел; разогнувшись, Лидка дотянулась до кнопки «Стоп».

Лифт завис посреди шахты. Лидка вытащила из сумки платок и вытерла губы.

Так. Хорошо, что такая скорая, радикальная реакция. Теперь легче, теперь можно думать. Она заставит главного редактора съесть весь тираж, номер за номером. Она поймает этого — быстрый взгляд на подпись — Степана Дождика... Она вычислит, кто это. И тогда...

Внизу уже обеспокоенно переговаривались жильцы. «Тоня! Тоня! Вроде лифт застрял?» — «Да минуту назад я спускалась!»

Под Лидкой было метров двадцать пустоты. Сомкнутые двери, темные лакированные стены. На одной из них — полустертая надпись шариковой ручкой: «Оля плюс Андрей»...

Андрей.

Малыш мой. Как же тебя...

Лидка закусила губу.

Зарудный. Банкет. Славка. Андрей. «Андрюша, я тебе помогу». — «Ты не сможешь»...

— В лифте кто-то есть! Может быть, застряли?

— А на каком этаже?

— Да вроде между пятым и шестым...

— Эй, там кто-то есть? Отзовитесь!

Лидка покосилась в угол, на побочный результат работы газетчиков. Кстати, кто кинул «Пиканта» в ящик? Можно было бы расспросить бабушек на скамейке, они могли запомнить...

— А может, детишки балуются?

— Эй, кто там?

Жаль, подумала Лидка. Так хорошо висеть за закрытыми дверями, наедине с собой, между пятым и шестым. Так хорошо куда-нибудь забиться, спрятаться... Но не дадут же. Не дадут.

Она нажала кнопку с номером «десять». Чердак и технический этаж. Остается только надеяться, что там пока нет никого и никто не увидит, как профессор Сотова гордо выходит из заблеванного лифта...

Выйдя, она нажала на кнопку «один» и отправила обеспокоенным соседям «подарочек». Через полминуты снизу раздастся взрыв возмущения...

Она подстелила «Пикант» на ступеньку и села, не жалея длинной дорогущей юбки.

«Лидия Анатольевна, вас могут неправильно понять».

Жажда деятельности схлынула, сменившись вторым приступом отчаяния. Уже без рвотных позывов, но с сильной болью в груди. И левая рука странно онемела. Не хватало, чтобы на этом фоне Лидку хватила кондрашка...

Ага, вот и возмущенные вопли, едва слышимые с десятого этажа. Теперь попытаются понять, кого же это прямо в лифте настигла морская болезнь... Но Лидку вряд ли заподозрят. Профессор и аккуратистка.

Теперь еще выждать десять минут, пока они разойдутся, — и можно спускаться к себе на пятый.

Лидке почему-то вспомнилось, как они с Максимовым, тогда еще школьником, сидели в маленькой крепости на детской площадке и ждали, когда стихнут вдалеке моторы и голоса гэошников...

Максимов. Его еще не хватало.

* * *

Больше всего она боялась, что он узнает о «Пиканте» не от нее. Что сейчас, в девять часов вечера, его не окажется дома.

Но он был дома. И, радуясь ее приходу, забрался наверх по дверному косяку. Как обезьяна, упираясь в створки руками и ногами.

— Ты ел?

Да, он ел.

— У тебя еще много уроков?

Нет, у него немного уроков, он прямо сейчас может бросить, потому что физика у него на послезавтра...

— Андрюшка, идем на кухню, я буду пить чай...

Ей действительно хотелось пить. Прямо губы растрескались.

— Мама, что-то случилось? — спросил он, с некоторым опозданием замечая ее обморочную бледность.

— Ничего особенного... Андрюшка, дядя Слава Зарудный ни о чем с тобой не говорил? Или кто-то по поручению дяди Славы? А?

Она попала в точку. Андрюшкины зрачки расширились; губы сжались в ленточку, и она поняла, что права.

— Это все вранье, — сказала она почти весело. — Тебе надо было рассказать мне сразу.

Сын молчал.

* * *

«Лидочка Сотова, по воспоминаниям одноклассников, никогда не блистала в учебе, зато была симпатичной, физически развитой девочкой. Однажды ее чуть было не выгнали из лицея за не совсем подобающее, мягко говоря, поведение. Что поделать — тело у Лидочки было богатое, и природа требовала своего.

Будучи в девятом классе, Лида подружилась со Славой Зарудным, учеником десятого класса. Ребятишек сблизил как бы общий интерес к кризисной истории, но на самом деле дальновидная Лидочка подбиралась к деньгам и славе семьи Зарудных (для тех, кто не знает, — Андрей Зарудный был тогда знаменитым депутатом, первым кандидатом на пост Президента). Соседи Зарудных вспоминают, что Лида Сотова навещала мальчика Славу, как правило, тогда, когда дома был его отец.

Незадолго до трагической гибели депутата Зарудного политик и школьница стали любовниками. Их связь длилась несколько месяцев; дома встречаться было затруднительно, но в распоряжении депутата был просторный служебный автомобиль...

Жена Зарудного чуяла неладное. Их сын, Ярослав Игоревич, вспоминает, что как раз в тот период между родителями участились ссоры...

По-видимому, связь с Зарудным произвела на Лиду Сотову неизгладимое впечатление. Выйдя замуж за его сына — по расчету, ради фамилии, она так и не удосужилась завести детей. Дожив в бездетности до весьма зрелых лет, Лида в начале этого цикла воспользовалась услугами медиков (искусственное оплодотворение) и родила-таки мальчика Андрея, названного так в честь сами понимаете кого.

Теперь, когда институт кризисной генетики получил столь странное по нашим временам имя, мы можем только подивиться крепости чувств бывшей нимфетки, так оригинально отдавшей дань своей юношеской страсти...»

(Газета «Пикант», 19 октября 17-го года. Прилагаются фотодокументы: нарочито детский Лидкин снимок, фрагмент школьной фотографии в пятом или шестом классе. Андрей Зарудный на трибуне какого-то заседания, глаза горят, рука на взмахе. И наконец — Андрей Зарудный в кругу семьи, с ним молоденькая Клавдия Васильевна и подросток Славка, руки депутата нежно лежат на плечах жены и сына.)

* * *

...На волосок от истины. Ей ведь МЕЧТАЛОСЬ о любви Андрея Игоревича, и сейчас, вспоминая свои полудетские чувства и сны, она совершенно ясно понимает, что, окажись Зарудный... Нет, не так. Если бы Зарудный ЗАХОТЕЛ, все описанное в «Пиканте» сделалось бы правдой. А вот что ему помешало — любовь к жене? Чувство долга? Страх разоблачения? Или у него и мысли такой не возникало, Лидка была для него девочкой, ребенком, подругой сына...

Она всего раз держала его за руку.

И однажды он ее обнял.

* * *

Адвокат стоил безумно дорого, но у Лидки, по счастью, были сбережения.

Адвоката звали Евгений Николаевич, он методично сообщал Лидке обо всех своих шагах. По его словам, редакция «Пиканта» сдалась почти сразу. Они напечатают опровержение, и в суд идти уже незачем.

Лидка, сжав зубы, не согласилась. Ей нужен был именно суд. С возмещением морального ущерба. Она помнила, как когда-то сам Зарудный разорил своими исками такую же вот желтенькую слюнявую газетенку.

Дело было принято к рассмотрению; через неделю адвокат приехал к ней без звонка, неестественно веселый, и привез новый номер «Пиканта». С новой статьей на целый разворот; на фотографиях примерно двадцатилетней давности Лидка узнала себя на выпускном вечере. Танцующую с Артемом Максимовым.

«Конечно, уважаемой госпоже Сотовой пришлась не по душе наша публикация, автор которой проследил историю ее взаимоотношений с Андреем Зарудным. Конечно, уважаемому ученому стыдно вспоминать грехи молодости, и даже, учитывая тогдашний возраст Лидочки, грехи детства, раннего отрочества. Но в нашей сегодняшней статье восстанавливаются события куда как более поздние — события минувшего цикла... Интервью «Пиканту» дает бывшая ученица школьной учительницы Лидии Сотовой, Антонина Ивановна Бунич, урожденная Дрозд...»

Лидка внимательно прочитала статью. Не упуская ни буквы; фотография Тони Дрозд прилагалась. Она сильно располнела за те пятнадцать лет, что Лидка ее не видела.

Но почему в апокалипсисе погибла милая девочка Вика Роенко, а Тонечка Дрозд осталась в живых?!

— Включим в счет, — холодно сказала Лидка адвокату. — Ваши прогнозы, Евгений Николаевич?

— Слупим с них, — адвокат нервно потер ладони. — Должны слупить... у меня есть кое-какие предложения... Кстати, эта история с мальчиком — тоже целиком выдуманная?

Лидка молчала.

— Видите ли, Лидия Анатольевна, я точно должен знать, где тут открытое вранье, а где, как бы это сказать, интерпретация...

На кухне хлопнула форточка, и Лидка вздрогнула, как от удара током. Ей показалось, что на кухне Андрей.

Хотя Андрея вот уже неделю не было в городе: по первой же

Лидкиной просьбе Великов забросил все дела и увез парня в горы — «на сбор материала для новой книги». Поездка затянулась; Лидка верила, что с Великовым Андрею ничего не грозит, но каникулы закончились вчера, и лицей не потерпит прогулов.

Лидка поговорила с директрисой и выпросила для сына неделю отсрочки. А потом — потом Андрей будет здесь, и любая сволочь сможет смеяться ему в лицо...

Забрать из лицея? Уехать к черту, бросить все, пусть торжествуют победу?

Позвонить Славке?

Поджечь ему дверь?

Наглотаться таблеток?

— Евгений Николаевич, когда вы планируете выиграть дело?

Адвокат усмехнулся:

— Ну и вопросики у вас, Лидия Анатольевна.

* * *

« — Когда приблизительно вы поняли, что между вашим одноклассником и вашим педагогом существуют интимные отношения?

— Догадывалась я давно. Но абсолютно убедилась на выпускном вечере — знаете, они обжимались на глазах всей школы. Потом я узнала, что Зарудная-Сотова ушла из школы и поселила Максимова у себя дома. Они жили как муж с женой, несколько раз я видела их вместе — на пляже, на улице, возле университета. Хотя Максимов уже тогда ей изменял. Одна моя подруга провела с ним несколько ночей и потом рассказывала нам, что он действительно был хорош как мужчина...

— ...он еще был девственником, носил ученическую форму? Сколько же ему было лет и сколько лет было Сотовой?

— Ему — шестнадцать, как всем нам. Ей — лет под сорок, не знаю точно. Ну, предыдущее поколение, вы понимаете...

— ...был склонен к авантюрам?

— Нет, он был очень приличный мальчик, пока у нас в школе не появилась ЭТА. Она его просто совратила, ну прямо профессионально.

— Что с ними сталось потом?

— Потом, сразу после *мрыги*, Максимов бросил ее. Уехал за границу, говорят, там у него семья и дети.

— Почему он ее бросил?

— Откуда мне знать? Она же старая для него! Наверное, ему надоело целовать ее морщинистые прелести...»

(Газета «Пикант», 21 ноября 17-го года. Прилагаются фотодокументы: максимовский класс на выпуске, лица Максимова и Тони Дрозд нарочито небрежно обведены красным. Лидкина фотография из выпускного альбома — «Сотова Лидия Анатольевна, учитель биологии». И еще один снимок, расплывчатый, сильно увеличенный, видимо, по-шпионски извлеченный с какого-то дальнего плана: на парковой скамейке целуются двое, в женщине с трудом, но можно узнать Лидку, лицо парня неразличимо.)

* * *

В институте все, конечно, знали и все читали. Лидка являлась на работу с чуть преувеличенной пунктуальностью; под ее взглядом сотрудники разбегались, как тараканы под лучом карманного фонарика. Многочисленные лаборатории продолжали свою кипучую деятельность, но Лидке все настойчивее казалось, что их работа направлена в никуда.

Два или три раза к ней пытались подкатиться с разговорами. С сочувствием, с возмущением «этими грязными газетчиками». Лидка отшивала сочувствующих с восхитительной холодностью. Единственной фраза, которую она проронила в адрес обидчиков, было обещание разорить газетенку через суд.

Накануне возвращения Великова с Андреем, за час до окончания рабочего дня, Лидкина секретарша тревожно пискнула селектором:

— Лидия Анатольевна, вам звонят. Снизу, с проходной.

— Я занята, — сообщила Лидка безучастно.

— Да, но это звонит некто Максимов...

Лидка оторвала глаза от бумаг, и секретаршу будто ветром сдуло.

Несколько секунд Лидка посидела, прислушиваясь к себе и ничего не испытывая. В конце концов, людей с фамилией Максимов на свете примерно столько же, сколько ступенек на бесконечных институтских лестницах...

— Какой Максимов и чего он хочет? — устало спросила Лидка секретарше вдогонку.

Секретарша Леночка тоже читала желтую прессу. Во всяком случае, последние несколько недель. И если бы фамилия позвонившего незнакомца была, к примеру, Егоров, черта с два она побеспокоила бы строгую начальницу.

— Он попросил вас к телефону, я подумала, может быть...

— Узнайте, по какому он вопросу. Если по важному — пусть запишется на прием.

— Хорошо, Лидия Анатольевна...

Лидка устало опустила плечи.

Адвокат сказал, что теперь «Пикант» охотно готов судиться. Что «Пикант» похваляется новыми материалами, которые готовятся к выпуску, что тираж «Пиканта» подскочил в два с половиной раза и что судебное заседание по Лидкиному иску наверняка превратится в рекламное шоу...

И вот теперь — Максимов.

Неудивительно. Не случайно. И забавно, если следующим номером программы будет интервью с совращенным Лидкой бывшим школьником. «Пикант» наверняка имеет возможность заплатить, и заплатить хорошо. А родня и знакомые Максимова живут далеко, вне досягаемости «пикантной» информации...

Лидка поморщилась. Общение с газетчиками, пусть и опосредованное, дурно на нее влияет. Такие гадости лезут в голову.

Она еще немного посидела за столом, самой себе не желая признаваться, что с работой на сегодня покончено. Стрелка часов подбиралась к шести. Лидке случалось засиживаться на работе допоздна, но только не сегодня. Во-первых, надо прибрать в квартире к Андрюшкиному приезду. Во-вторых...

Во-вторых, секретарша может подумать, что Лидка боится выходить из института, пока на проходной дежурит этот Максимов.

А Лидка была почему-то уверена, что он именно дежурит. И не станет дожидаться приемного дня.

Без десяти шесть Лидка поднялась. Собрала бумаги; из-под стекла на столе смотрел молодой Андрей Зарудный.

— Как же ты меня подвел, — сказала Лидка шепотом. И тут же устыдилась своих слов.

Привычным жестом погладила Андрея по щеке.

Заперла сейф. Посмотрела на себя в зеркало.

Испытала мгновенный ужас.

Они не виделись с Максимовым... Сколько? Шестнадцать лет?

Увидев ее, Максимов удивленно спросит себя, откуда взялась эта старуха. И куда девалась женщина, когда-то делившая с ним оранжевую палатку...

Да он просто не узнает меня, подумала Лидка с неожиданным облегчением. Не надо прятаться или надевать маску. Я пройду в

двух шагах от него, а он все будет пялиться на дверь, ждать, когда появится Лида Сотова, она же Зарудная...

Она собралась. Накинула пальто, попрощалась с Леночкой — воплощение высокомерия и невозмутимости. Секретарша смотрела во все глаза; так-то, девочка. Учись.

Простучала каблуками по коридору. Вышла на широкую прохладную лестницу, спустилась пешком; с недавних пор лифты вызывали у Лидки отвращение.

Ее приветствовали. Она отвечала, иногда даже улыбалась. «Во железная баба», — приглушенно сказал кто-то за ее спиной.

Она кивнула вахтеру. Прошла через вертушку; двинулась вперед, тщательно следя за тем, чтобы не ускорить шаг.

Моросил мелкий дождь. У подъезда стояли несколько машин; возле мокрой скамейки дожидались чего-то двое мужчин и женщина. Блестели капли на трех темных невзрачных зонтах.

Лидка автоматически полезла в сумку — и вспомнила, что сегодняшний прогноз погоды спровоцировал ее оставить зонтик дома.

Вот теперь она пошла скорее — с полным на то основанием. Минуя клумбу, мельком увидела лица ожидавших; женщина была женой одного из сотрудников. Лидка вынуждена была ответить на ее приветствие. Оба мужчины смотрели в сторону, и ни один из них не походил на фотографию Максимова.

Как просто.

Лидка с трудом сдержала улыбку облегчения.

То ли это был другой Максимов, а секретарша, начитавшаяся желтой прессы, вообразила пес знает что. То ли звонивший попросту не дождался, ушел не солоно хлебавши и уехал обратно в свою...

Шаги за спиной. Неуверенные шаги. Судя по звуку, прямо по лужам.

Лидка пошла быстрее.

Шаги не отставали. Самое время обернуться, но Лидка упрямо смотрела перед собой.

— Ли... Лидия Анатоль...

Она остановилась. И медленно повернула голову.

Человек сжимал рукоятку зонта. Человеку было тридцать шесть лет, но выглядел он моложе. И он ужасно нервничал и боялся — почти как тогда, когда ждал ее под школой, чтобы увязаться следом, будто робкая собачонка.

— Лидия Анатольевна... Лидочка. Добрый день.

Лидка смотрела ему в лицо.

Нет, на той фотографии он мало походил на себя. А может быть, ожидание и страх вернули ему сходство с тем мальчишкой. Хотя чего ему бояться?

— Чего тебе бояться, Артем?

— Я не боюсь, — он нервно улыбнулся. — То есть да, я боялся, что... Можно, я дам тебе... вам... свой зонтик?

* * *

— Зачем ты приехал?

Они сидели в кафе. А перед этим долго петляли по улицам в такси; Лидке хотелось увериться, что корреспонденты газеты «Пикант» не следуют за ними по пятам.

— Не знаю.

— Шестнадцать лет не было необходимости приезжать — и вдруг...

— Лидоч... ка. Я...

— Тебе оплатили дорогу? Из газеты?

— Не совсем...

— Если ты скажешь, что приехал по просьбе газеты «Пикант», я встану и уйду. И больше никогда не скажу тебе ни слова.

— Лида...

Она подивилась собственной глупости. Ну кто же после такой угрозы скажет правду?

Подошла официантка, совершенно незнакомая и безразличная. Не весь же мир, в конце концов, читает газету «Пикант»; официантка поставила перед Лидкой тарелку супа, а перед Максимовым — кофе и мороженое.

— Ты не изменилась, — сказал Максимов жалобно.

Он говорил с едва заметным акцентом. Сейчас акцент слышался сильнее.

— Я не изменилась?! — Лидка чуть не расхохоталась. — Я надеялась, что ты вообще не узнаешь меня. Время...

— Подумаешь, время, — тихо сказал Максимов, глядя, как поднимается пар над чашечкой кофе. — Ты не изменилась, Лида.

— Я старуха, совратившая школьника, — сказала Лидка с желчной усмешкой.

Максимова передернуло. Он сделался красным, как пунцовая скатерть, которой накрыт был их столик.

— Такая... гадость. Тебе мстят.

— Но это же правда. — Лидка ухмыльнулась еще шире. — Про Зарудного — ложь, опровергнуть которую теперь почти не-

возможно... А про совращение — правда. Я гожусь тебе в матери. И ты ведь был девственником, когда...

— Лида!

Мужчина и женщина, сидевшие за соседним столиком, обернулись.

— Лида... год назад я развелся с женой.

— Так.

— Да... Лида, я знаю, что ты тоже совсем одна...

— С сыном, — поправила она.

— Одна с сыном... Мы могли бы...

Она отодвинула тарелку:

— Ты приехал, чтобы говорить мне глупости? Или проводишь следственный эксперимент по заданию газеты «Пикант»?

Максимов растерялся. Лидка поднялась из-за стола, на ходу подозвала официантку. Расплатилась за недоеденный суп; Максимов нагнал ее на улице. Накрыл своим зонтом. Молча пошел рядом.

* * *

Гостиница была не так чтобы в центре, но и не на окраине. Не так чтобы дорогая, но и не дешевенькая, не так чтобы шикарная, но вполне приличная. И номер был ничего себе — просторный, с окном от пола до потолка.

Из щелей окна тянуло сквозняком. Максимов запер форточку и плотно задернул шторы.

— Хочешь кофе? У меня есть растворимый... Коньяк есть... Хочешь?

— Нет.

— Конфеты шоколадные...

— В моем возрасте, — Лидка сделала небольшую паузу, — в моем возрасте, Артем, конфеты достаточно вредны. Особенно шоколадные.

Максимов приостановил лихорадочную уборку на захламленном столе. Медленно обернулся:

— Лида, ты так старательно прикидываешься старухой... будто чего-то боишься.

— Я боюсь?!

Максимов неожиданно улыбнулся. Потряс жестяной баночкой, вслушиваясь в едва слышный звук пересыпающегося кофейного порошка:

— Твой любимый кофе... Может, все-таки будешь?

— Не на ночь. Со мной случится расстройство сна.

— А кто тебе сказал, что ты будешь спать сегодня?

Теперь смутилась Лидка. Отвела глаза; Максимов вернулся к прерванному занятию и даже принялся напевать под нос — Лидка автоматически отметила, что и слух, и некоторая музыкальность у Артема наличествуют.

— Как твои сыновья? — спросила Лидка, прерывая неловкое молчание.

— Хорошо, спасибо... Уже большие... Как и твой. Сколько твоему, четырнадцать?

Она не ответила.

Максимов навел наконец на столе порядок. Подошел к Лидке, но присел не на стул напротив, как она ожидала, а на мягкий подлокотник ее кресла:

— Лидочка...

И прикоснулся к ней.

Жест был одновременно фривольный и ласковый. Жест-пароль, шестнадцать лет назад Лидка не сомневалась бы, что последует за этим жестом. Когда сыграны первые несколько тактов, знакомая мелодия продолжается сама собой...

— Артем, ты с ума сошел? Раньше я годилась тебе в матери, а теперь, наверное, в бабушки?

Он молчал и смотрел на нее.

О да, не зря еще в школе за ним табунами ходили девочки. Не зря эта стерва Дрозд хранила обиду шестнадцать лет... Да и она, Лидка, не просто так купилась на собственного ученика. Что-то в нем было, в этом мальчишке. В этом бывшем мальчишке.

— Лидочка... Теперь мне кажется, что это я взрослый, а ты — маленькая. Потому что это же по-детски — пугаться, отбрыкиваться, говорить глупости...

И он сделал следующий, полагающийся по давнему ритуалу жест; Лидка с ужасом ощутила, что его прикосновения не остаются без ответа.

И поспешила отстраниться:

— Артем, ты уверен, что у тебя в ванной не прячутся корреспонденты газеты «Пикант»?

Он сразу же убрал руку. Посмотрел удивленно:

— Лида, я думал...

Не договорил. Поднялся. Отошел к столу.

— Лида... Лидия Анатольевна. Я хочу предложить вам... стать моей женой. Завтра. Сегодня. Официально.

Лидка молчала.

В комнате едва ощутимо пахло одеколоном. Терпким. Тяжелым. Очень мужским.

— Я говорю совершенно серьезно. Все твои недоброжелатели лопнут, подавятся собственной желчью.

Лидка чуть заметно усмехнулась.

— Я клянусь оберегать тебя, Лида. Быть рядом, что бы ни случилось. От этой минуты и до самой смерти. Хочешь, я стану твоим секретарем. Помощником. Лаборантом...

— У меня хватает помощников и лаборантов, — сказала Лидка через силу. То ли запах был причиной, то ли Максимов как-то по-особенному смотрел, но те места на ее теле, которых успела коснуться максимовская ладонь, начинали жить своей обособленной жизнью. Горячий озноб потихоньку затапливал Лидку от макушки до пят.

— Я стану... Лид, как бы это странно ни звучало... я стану отцом твоему сыну. Ему же нужен... Я люблю тебя. И я полюблю его. Понимаешь?

Лидка молчала.

Максимов подошел и сел на ковер у ее ног.

* * *

Поздно ночью, когда в квартире воцарился какой-никакой порядок, она заперлась в ванной (по привычке заперлась, ведь дома не было никого), разделась и долго разглядывала себя в зеркало.

Я не изменилась? Не ври, Артемка. И не делай вид, что, зазевавшись, вышел из электрички на две остановки раньше, и теперь, обнаружив ошибку, можно без особого напряжения вскочить в следующий вагон. Твой поезд ушел так далеко, Артемка, что его не догнать даже на вертолете. На вертолете покойного генерала Стужи...

Завтра прибывают Великов с Андреем.

Лидка натянула чистую ночную сорочку и легла в постель. И долго смотрела, как скользят по потолку лучи от проходящих машин.

Она не позволила ему провожать себя. Он насильно сунул ей в карман визитную карточку из гостиницы.

Он знает ее рабочий телефон. Узнает и домашний. Что мешает ему выследить Андрея и наговорить с три короба... как это сделал недавно Слава Зарудный?

Почему она должна думать о Максимове плохо? Почему сами

собой приходят эти мысли, ведь Артем никогда не был подлецом?..

Во всяком случае, ей нравилось так думать.

Постель казалась неудобной. Давила и колола со всех сторон.

...Если бы «Пикант» лгал! Как было бы легко и просто.

...Профессора Сотову запросто примут в Европе — на год, на два... Пока здесь все успокоится. Пока все забудут о газете «Пикант»... А может быть, стоит остаться там навсегда. В мире, никогда не знавшем генерала Стужи. Андрей сможет получить приличное образование, даже лучше, чем в этом проклятом лицее... И, возможно, именно за границей Лидке удастся втиснуть сына в «условленные» списки...

Получить гражданство... Может быть, Максимов поможет...

Она села на кровати.

Голова гудела, как улей. Все тело ныло.

Не уснуть.

* * *

Они прибыли прямо с вокзала, пропахшие поездом, веселые, голодные.

— Лидочка, мы с Андрюшкой наметили в общих чертах план нового романа... Того самого, о музыке для дальфинов. Принципиальный момент — транслятор, который будет переводить звуковые колебания в ультразвуковые. Вот наш главный герой и сконструирует такой транслятор. А у главного героя будет сын, мальчик четырнадцати лет...

Лидка улыбалась.

С давних пор рассуждения Великова вызывали у нее воспоминания о перекатывающемся в цистерне молоке. Она никогда не говорила об этом знаменитому писателю; Великов не из обидчивых, но *такое* — уже слишком...

Они сидели за столом, жевали, пили чай и рассказывали о своих приключениях. Оказывается, на западном побережье какой-то энтузиаст устроил целый дальфиний цирк, полулегальный, но пользующийся успехом. Билеты дорогие... Зрителей собирают, везут по канатной дороге, привозят в бухту, где устроены сиденья, как в цирке, амфитеатр всего мест на пятьдесят. Представление идет пятнадцать минут — пара дальфинов приходит из моря, кружится в бухте, ест у этого дрессировщика чуть не из рук, выпрыгивает из воды — ну и туши, надо сказать! Жаль, там фотографировать не дают...

— А я однажды с дальфинами плавала, — призналась Лидка неожиданно для себя.

У Андрея округлились глаза:

— Правда?! Что же ты не рассказывала!

— Расскажу, — пообещала Лидка. — Потом. Тебе надо отдохнуть, завтра в лицей...

— Ох как неохота мне в лицей, — признался сын со вздохом. — Я у того дядьки спрашивал, ему помощники нужны, которые дальфинов не боятся. Я бы...

— Спасибо, Виталик, — сказала Лидка Великову, не дожидаясь, пока сын доведет до конца свою крамольную мысль. — Огромное спасибо... Андрюшка, ты доедай, я пойду провожу дядю Виталика.

Вдвоем они вышли в прихожую. Лидка огляделась — ни одно место не казалось ей достаточно надежным для предстоящего разговора. Не в коридор же выходить, не в лифте же кататься вверх-вниз...

— Новости есть? — спросил Великов небрежно.

Лидка кивнула. Оглянулась на дверь кухни, вытащила из кармана халата в восемь раз сложенный газетный листок.

Великов пробежал глазами откровения Тони Дрозд. Губы его брезгливо дернулись:

— Лид... Подари. Хочу использовать по назначению, то есть в сортире.

— Это негигиенично, — сказала Лидка сквозь зубы. — Тем более что фактически — все это правда.

Она специально развернулась так, чтобы Великов оказался лицом к свету. Чтобы видеть его глаза.

— Ну и что ты на меня уставилась? — спросил Великов. — Ждешь, чтобы я «с изменившимся лицом побежал к пруду»?

Лидка закусила губу.

— Еще что-то?

— Да. Артем Максимов приехал... несколько дней назад. Вчера мы с ним виделись.

— Ну и?

Лидка молчала.

Великов протянул руку. Коснулся ее плеча. Осторожно привлек к себе:

— Знаешь... Хочешь совет умного человека?

— Хочу.

— Расскажи все Андрею. Как было на самом деле, а не интерпретацию этих... жареных дроздов.

— Нет, — сказала Лидка и испуганно отстранилась.

Великов задумчиво посмотрел в потолок:

— Мелодрама — не мой жанр... Хотя при необходимости роман может включать и элемент мелодрамы.

— Мама! — позвал из кухни Андрей.

В Лидкиной душе метнулась, теряя перья, курица. Несчастная хлопотливая наседка.

— Виталик...

— Лида, я с тобой. Что бы ни случилось... Но Андрею — расскажи.

— Нет...

Они попрощались как ни в чем не бывало.

* * *

...Игрушки, которых он стеснялся, стояли на самой верхней полке шкафа. Зайцы с обвисшими ушами, пара мышей, из которых одна бесхвостая. Машинки. Коробка с конструктором. Еще какая-то неразличимая в полумраке мелочь.

Часы в гостиной пробили два. Два часа ночи.

— ...Мы с Андреем Игоревичем гуляли по зоопарку. Всех почти зверей эвакуировали... ведь это было прямо накануне апокалипсиса... И вот он освободил меня от страха. От этой жути перед концом света. Он был... эх, Андрюшка, как бы я хотела, чтобы он жил с нами. И он ведь немножко с нами — его фотография...

— Да.

— Знаешь, ты похож на него. Такой же веселый.

— Да?

— Правда. Я хотела, чтобы ты был похож на человека, чье имя носишь.

— Но дядя Слава...

— Дядя Слава совсем не похож на него. Он такой, как его мать. И он больной, старый человек...

— Старый?

— Ну, не совсем старый... но больной. Внутренне старый. Обозленный. Я его обидела.

— Ты?

— Да. Я вышла за него замуж по расчету.

— Ты?!

— Говорю тебе — да.

Тишина. Такая тишина бывает только в половине третьего ночи. И то если ни у кого в доме не заболит зуб или не потребует своего мочевой пузырь.

Лидка говорила, едва разжимая губы:

— ...Исследовали артефактные Ворота. Там было здорово, там было так хорошо... Когда-нибудь мы поедем с тобой в настоящую экспедицию. Обещаю.

По соседнему переулку проехала машина. Негромкий звук мотора показался оглушительным. Вспомнились учебные тревоги.

— ...Да. Ваше поколение уже не может себе этого представить. В любое время дня и ночи, здоровых, больных, стариков — всех поднимали и гнали по крышам, по полосам препятствий, к муляжу Ворот... Кто-то бежал, потому что считал, что так надо. Кто-то боялся ГО. А мы с этим парнем спрятались на детской площадке, в игрушечной башенке, сейчас уже таких не строят. И просидели там всю тревогу. А они искали нас везде, и если бы нашли — его могли бы выгнать из школы, а меня — с работы... Даже хуже. Его могли отправить в спецшколу, а меня...

— За что?!

— Ну я же говорю, что теперь этого уже не понять...

Ноябрьское утро хуже ночи. Темнота, морось. В пять утра включается первый в доме водопроводный кран. Потом другой, третий... Шаги на лестнице, кто-то вызвал лифт.

Лидка охрипла. Замолчала; окна соседнего дома одно за другим заливались яично-желтым светом.

Она никогда не думала, что СМОЖЕТ. Так легко и просто рассказать, и даже заново пережить, и даже почти без горечи.

— Я взорву эту газету, — шепотом сказал Андрей. — Подорву к черту.

— Андрюшка...

Тишина.

— Мам, я так их ненавижу.

— Не надо.

— Мама! Если кто-то тебя обидит — я убью его! Я так поклялся, когда мне было лет двенадцать. Поклялся кровью!

— Андрюшка...

Прочь сопли. Никаких слез.

Лидка давно забыла, как плачут.

* * *

Поздним утром — Андрей ушел в лицей, на второй урок — Лидка позвонила по номеру, указанному на визитной карточке гостиницы, и попросила соединить с постояльцем Артемом Максимовым из пятьсот второго номера.

Ждать пришлось минут десять.

— Алло?

— Привет, Максимов.

— Лидочка?! Лида, как я рад...

— Не радуйся преждевременно. Я звоню, чтобы сказать тебе, что твое предложение отклонено.

— Лида...

— Ты можешь писать мне и присылать открытки по праздникам. В будущем году я собираюсь на конференцию в ваши края — если будет время, созвонимся.

— Лида...

— Все, Тёма. Рада была тебя видеть. Но именно сейчас у меня слишком много дел. Что до газеты «Пикант», то можешь поступать на свое усмотрение. Можешь давать интервью, не давать интервью. Мои отношения с этой газетой закончены.

Положила трубку и сразу же набрала номер адвоката.

Разговор занял еще десять минут.

Потом, порывшись в записной книжке, связалась с газетой «Вечерний город» и договорилась о небольшой заметке в завтрашнем номере.

Потом, подумав, набрала еще один номер. По памяти.

Ждать пришлось долго. Лидка уже отчаялась услышать ответ.

— Алло...

— Здравствуй, Слава. Как твой артрит?

Молчание.

— Это Лида Сотова, если ты еще меня не узнал... Спасибо, Слава, что ты взял на себя труд просветить моего сына относительно моего прошлого. Я думаю, тебе будет приятно услышать, что мы с Андреем приняли к сведению твою информацию... Более того, один наш друг задумал написать сопливую мелодраму на предоставленном тобой материале. Тебя вносить в список консультантов?

Сопение в трубке. Гудки. Лидка коротко усмехнулась.

* * *

«Некоторое время назад газета «Пикант» поместила один за другим клеветнические материалы, поливающие грязью профессора Института экстремального прогнозирования им. А. И. Зарудного Лидию Анатольевну Сотову. Лидия Анатольевна подала в суд на вышеназванную газету, однако сегодня иск был отозван. Вот что сообщила профессор Сотова нашему корреспонденту:

— Первым моим желанием было восстановить справедливость и потребовать у газеты возмещения морального ущерба. Однако время показало, что газета «Пикант» справедливостью не интересуется нисколько, а любой суд для нее — всего лишь повод для ярмарочного представления. У меня хватает денег и без выплат от желтой газетенки, а мое доброе имя нисколько не страдает от потуг «Пиканта» заляпать его дерьмом. Из чувства брезгливости я отзываю свой иск против «Пиканта». Отныне я считаю ниже своего достоинства обращать внимание на обитателей «пикантной» клоаки...»

(«Вечерний город», 30 ноября 18-го года.)

* * *

Андрей пришел из лицея с синяком под глазом.

— Покажи руки...

Костяшки пальцев были ободраны до крови. Ничего себе.

— Ты победил?

— Конечно, — сын счастливо улыбался. — Они просто не ожидали...

— Они? Сколько?

— Да неважно, дрались-то двое всего... А я, ты знаешь, обрадовался. Мне так хотелось кого-нибудь за тебя побить!

Лидка закусила губу, чтобы подавить предательскую глупую улыбку:

— Ты что, Дрюшка? Ты же никогда не был таким агрессивным!

— Я агрессивный. Я ужасно агрессивный. Агрррр!

И, уже прижимая сына к своему ворсистому халату, Лидка уперлась глазами в настенный календарь с видами побережья.

Декабрь. Восемнадцатый год.

Три года до апокалипсиса.

ГЛАВА 13

Опять весна.

Прямо у Лидкиного подъезда вылез из-под асфальта одуванчик. Искренне-желтый, бесшабашный и злой; именно такими бывают в апреле одуванчики, особенно если по дороге к солнцу им приходится поднимать асфальт.

Лидка испытывала к этому цветку что-то вроде родственных чувств.

Ее знаменитый отдел больше не был украшением Института имени Зарудного. Сокращенный наполовину, он перебрался под крышу ООБ — Отдела Общественной Безопасности, который вот-вот должны были переименовать обратно в ГО. Строжайшая секретность, подписки, вертушки на входе и выходе — все атрибуты гнилой секретности, которую Лидка с давних пор ненавидела.

«Нет, — сказал тогда Костя Воронов. — Вам придется обходиться без меня». — «Костя! — сказала Лидка. — Ты же помнишь, как все начиналось! Это же и ТВОЕ детище тоже!» — «Нет, — сказал Костя, и лицо его приобрело оттенок сырого мела. — Под ГО я не пойду. Это конец всему». — «Но почему, Костя? Их возможности...» — «Нет», — сказал Костя, не дослушав, и Лидка поняла, что уговаривать его бессмысленно.

Она хотела объяснить ему. Объясниться; она смотрела на него и подбирала слова, но сказать правду не получалось, а лгать было противно.

«Костя, пойми...»

Он ушел, не попрощавшись.

Ни у кого не возникало сомнения в том, из-за чего исследования профессора Сотовой превратились в уж-жасную тайну. Близится апокалипсис; профессору Сотовой, уже немолодой, прямо скажем, женщине, очень хочется попасть в «условленные списки»...

Лидка прекрасно знала, что говорят о ней в институте. И какие при этом лица у говорящих. И что все они уверены, что «Сотовша» старается зря — «условленное время» не резиновое.

Чувства семнадцатилетней Лидки, когда-то раскопавшей в груде документов текст речи Зарудного, теперь мало кому понятны. Стоят другие, цивилизованные времена; об «условленном времени» знают все, хотя до оглашения списков, как это было при Стуже, дело не доходит. Козе понятно, что дочка Президента пролезет в Ворота раньше папаши, с этим все как бы давно смирились, но вот когда дело доходит до прочих «незаменимых», «неподражаемых», «самых ценных», «необходимых обществу кадров»...

По всему городу цвели абрикосы. Лидка шла, высоко подняв голову.

Зачем одуванчики лезут сквозь асфальт? И сколько их остается под серым битумным панцирем, тех, что так и не смогли пробиться?

Два месяца назад Лидия Анатольевна Сотова, профессор, глава стратегически важного, засекреченного «проекта Сотовой»,

получила личную бирку с номером. Две тысячи девять «бэ». Пропуск и радиомаячок. При первых же признаках начинающегося апокалипсиса прибыть в условленное место и ждать транспорта для эвакуации.

За клиентами категории «а» приезжают прямо на дом. Но даже не это главное; клиентов категории «а» собирают в Ворота вместе с семьями. Близкие родственники таких клиентов получают бирочку, маркированную «а-штрих».

Лидка желчно усмехнулась, глядя, как ползет по бетонному бордюру сонная пчела с мокрыми, парализованными крыльями. Ползет все быстрее... Крылья высыхают... Подрагивают... Бьют пчелу по бокам...

Вот она, бирочка, на шее, на цепочке, водонепроницаемая, противоударная, не снимаемая даже в ванной. Первый результат изматывающего, скверного марафона; из месяца в месяц Лидка семенила из приемной в приемную, не шла, не бежала, а именно семенила. От одного чиновничьего рыла к другому, и они, рыла, играли профессором Лидкой, будто пляжным надувным мячом. С упорством, достойным лучшего применения, профессор Сотова билась в обшитые кожей двери. Увольняла своих сотрудников — лучших, перспективнейших, преданных. Сворачивала интереснейшие исследования и разворачивала совсем другие, невнятные и ужасно секретные; некоторое время институт находился в шоке — да как же! Да ведь она же порядочная, она *не такая*! Она же никогда прежде...

Одно время она даже радовалась, что Костя Воронов не пошел с ней под крышу ГО. Не стал свидетелем Лидкиного падения; впрочем, радость ее была недолгой. Костя спился.

На процесс, занимающий годы, у растяпы-гения ушло всего несколько месяцев. Из института его уволили за прогулы; даже помещенный Лидкиными стараниями в лечебницу, Костя уже не смог остановиться. И прошлой зимой замерз в сугробе — безмятежная, бессмысленная смерть.

Говорят, именно Костя первый произнес это слово: «скурвилась». И после емкого, точного слова надобность в объяснениях отпала сама собой. Скурвилась профессор Сотова. Мало ли с кем что бывает накануне кризиса.

...И вот она, бирочка на шее.

Лидка остановилась перед грузным, как старая жаба, и таким же серо-коричневым зданием. В который раз пожалела, что за все эти нервные годы так и не научилась курить. Сейчас был бы

замечательный повод для небольшой отсрочки, для паузы в несколько затяжек.

Впрочем, ей назначили на одиннадцать, стало быть, ровно в одиннадцать она и заявится.

Она в последний раз оглянулась на цветущий бульвар и стала подниматься по серой лестнице. Шаг за шагом; отекшие ноги ступали тяжело, ныли набухшие вены. Ломило поясницу.

Бирку с номером, место в «условленном списке» нельзя передавать. Никому. Пол, возраст, имя, отпечатки пальцев — все это учитывается при эвакуации, во всяком случае, должно учитываться. Есть некоторая вероятность, что в суматохе апокалипсиса эвакуаторам будет не до того... Но слишком слабая вероятность, чтобы доверить ей Андрюшкину жизнь.

Она, как крыса, много месяцев разведывала тайники и норы. Не бывает так, чтобы совсем без потайных ходов; она много раз натыкалась на завалы и запертые двери, но несколько раз ей повезло, и она нащупывала реальную возможность «подсадить» Андрюшку в список. Правда, когда она узнавала, сколько это будет стоить, «возможность» оказывалась миражом. Потому что, продай Лидка свою академическую квартиру и страховой профессорский полис, да хоть сама продайся в рабство, ей не удастся собрать и половину запрошенной дельцами суммы.

И потому ее марафон не закончен.

И потому она поднимается сейчас по серым ступенькам, готовая к тому, что ее высмеют и грубо прогонят.

И даже уверенная, что сегодня все случится именно так.

И завтра тоже.

Но зато послезавтра, может быть, ей немножечко повезет.

* * *

«— ...В старые-старые времена все люди жили как добрые соседи и не было ни апокалипсисов, ни глеф, ни Ворот... Из-за черных туч пришел змей-живоглот, дохнул огнем и обуглил землю. «Все, — сказал он, — горе вам — теперь здесь буду жить только я да мои змееныши». А из-за белых облаков пришел золотой конь с серебряными крыльями и сказал: «Нет, змей, не твоя эта земля, не тебе тут жить... И стали они биться, и бились двадцать лет и двадцать дней. И одолел золотой конь змея-живоглота, но тот, издыхая, сказал проклятие: «Не быть на этой земле покоя, каждые двадцать лет и двадцать дней пусть приходит беда великая, пусть падает небо и стонет земля, и из моря пусть выходят голод-

ные чудища. И пусть гибнут людишки, сотнями и тысячами, пока никого на земле не останется! А золотой конь, смертельно раненный, тоже свое сказал: «Не могу отменить проклятия твоего, живоглот. Каждые двадцать лет и двадцать дней будет приходить беда великая, будет падать небо и стонать земля, и из моря будут выходить голодные чудища, но властью своей приказываю: пусть в страшные дни эти среди поля и среди гор встают на земле Ворота, и все живое, от человека до малой пташки, пусть в Воротах укрывается. И не погибнет земля, будет жить!..»

— Удобная легенда, — сказал Кузнец. — Предполагается, что за нас всех однажды и навсегда принес себя в жертву золотой конь. Что Ворота будут выскакивать сами по себе, вне зависимости от наших заслуг или прегрешений... Но послушай теперь ты, Художник. В моем варианте легенда оканчивается иначе:

«Каждые двадцать лет и столько-то дней будет приходить беда великая, будет падать небо и стонать земля, и из моря будут выходить голодные чудища, но властью своей приказываю: пусть в страшные эти дни найдется среди живущих праведник, человек, возлюбивший и своих и чужих превыше себя. И пусть принесет себя в жертву, или его пусть принесут в жертву змею друзья. И тогда среди поля и среди гор встанут на земле Ворота, и все живое, от человека до малой пташки, в этих Воротах укроется. И так не погибнет земля, будет жить!..»

(Виталий Великов. «Последняя жертва». Роман. Рассказы. Изд-во «Центр», 16-й год, 656 с.)

* * *

Вечером к Андрею пришли одноклассники. Пара мальчиков и пара девочек. Одна из девчонок, Юля, очень понравилась Лидке. Тоненькая, стройная, не то чтобы красивая, но с живыми, умными, внимательными глазами; когда она смотрела на Андрея, на серьезное лицо ее ложилась тень улыбки. «Влюблена», — подумала Лидка.

Вторую девочку, Сашу, Лидка сперва приняла за парня. Джинсы и узкая курточка, коротенькая стрижка, низкий голос и ядовитые шуточки; из отрывков Сашиных реплик Лидка заключила, что девочка играет пресыщенную жизнью интеллектуалку.

Парни были давние Андрюшкины приятели, Вадик и Витя, они бывали у Сотовых чуть не каждую неделю, и Лидка здоровалась с ними как со старыми знакомыми.

В комнате Андрея накрыли небольшой импровизированный

стол и включили музыку. Лидка сидела у себя, невольно прислушиваясь к голосам и пытаясь разобрать слова, когда — примерно в восемь вечера — без предупреждения приперся Великов.

— Тихо, Виталик. Тут твои поклонники, и если тебя обнаружат, нам сегодня уже не поговорить...

Великов кивнул, обещая быть тихим как мышь. Крадучись они прошли на кухню и все так же молча уселись за чай, благо пирожные знаменитый писатель принес с собой.

— Как? — спросил Великов на двадцать первой минуте молчания.

— Пока никак, — сказала Лидка, глядя в сторону.

— Не отчаивайся, — сказал Великов.

Лидка усмехнулась:

— Это ты говоришь *мне*?

Великов облизнул выпачканный кремом палец:

— Извини...

В Андреевой комнате смеялись девчонки: заливисто Юля и басовито — Саша.

— Я пройду этот путь, Виталик. Я прошла уже большую часть его... и ничего, как видишь. Жива.

Великов вздохнул. Лидка подумала, что он здорово постарел в последнее время. Что седина ему не идет в отличие от тех благородных старцев, которыми кишмя кишат классические пьесы и современные сериалы.

— Виталик, ты бы покрасил волосы.

— Я же не баба, — задумчиво отозвался Великов. — Вот побриться налысо — это да, это по-мужски...

Он помолчал, глядя в опустевшую чашку с прилипшими ко дну чаинками.

— Знаешь, Лида... Когда я был маленьким, мне часто хотелось, чтобы весь мир, все, понимаешь, человечество состояло только из меня... Нет, не я один на свете, но все вокруг, все человечество — мои отражения, размножившийся я. Так просто было бы в классе... и учителям бы легче, и мне приятнее. Так легко получались бы общие дела... И все бы меня понимали, а я понимал бы всех. И мир был бы спокойным и счастливым, потому что за себя-то я ручаюсь — я не злой. Никто бы никого не боялся. Никто бы никому не завидовал. И во время апокалипсиса никто бы никого не давил — мы бы договорились... То есть я бы договорился с собой. Понимаешь?

— Это новый роман? — спросила Лидка, заново наполняя свою чашку.

— Нет. Это так, детские фантазии... Потом я поделился со старшим братом, и брат, подумав, сказал, что тогда мне, и никому другому, приходилось бы резать живых поросят и снимать с них шкуру. Вскрывать трупы в морге, сливать нечистоты в море, сжигать мусор на свалках, с раннего утра становиться к конвейеру и привинчивать всю жизнь одну и ту же деталь, одну и ту же... И делать множество других, не таких неприятных, но совершенно неинтересных мне дел. И что только ничтожная часть меня могла бы сочинять «эти писульки» — так отзывался брат о моем творчестве. А бухгалтерский учет, добыча и переработка нефти, стрижка овец и дойка коров, прополка свеклы, слесарное дело и прочий быт легли бы на плечи остального населения-меня и сделали бы его, то есть меня, несчастным на всю жизнь...

В комнате Андрея приглушили музыку. Голоса стали громче — молодежь спорила, причем спорила, кажется, до хрипоты; даже сквозь закрытую дверь долетали обрывки фраз:

...какой-то процент людей, которым все твои теории до лампочки!.. Они не смогут полюбить никого, кроме себя, это фи-зи-о-ло-ги-я!

...изменить... поверить...

Да ты объясни это нашей химичке хотя бы...

При чем тут физиология к любви?..

— Растут детки, — рассеянно сказал Великов.

Лидка нахмурилась:

— Ты знаешь, они прямо балдеют от твоей «Последней жертвы». Иногда мне кажется, что балдеют не очень-то здорово. Фанатеют. Не люблю.

— Я и сам не люблю, — признался Великов. — У меня с той книжкой... Короче, я решил ее больше не переиздавать.

Лидка подняла брови.

— Да, — Великов потер ладони, — все это чудненько, поклонники, так и должно быть... Но именно в «Жертве» они раскопали нечто, чего там нет. Во всяком случае, ЭТОГО я туда не вкладывал. Они слишком серьезно... вплоть до того, что некоторые особо рьяные предлагают-таки жертвовать собой, чтобы открылись Ворота. По-настоящему. Проводят свои кустарные исследования, доказывают, что каждый апокалипсис, каждое открытие Ворот действительно сопровождаются невинной жертвой...

Великов замолчал и странно посмотрел на Лидку:

— Поверь, мне это... можешь представить, как мне это неприятно. В качестве одной из жертв они приплели Зарудного...

Лидка молчала.

— Да не смотри ты на меня... Почему никому не приходит в голову строить «подводный оркестр» и развлекать дальфинов музыкой? Или расшифровывать рисунок облаков, как это делал герой «Потерянного ключа»? Почему они клюнули на «Жертву», а?

— Это *мрыга*, — сказала Лидка нехотя. — Теперь они будут беситься, а повод — им только дай...

В комнате орали, перебивая друг друга, Андрей, Витя и Вадик:

— Нельзя всех под одну гребенку! Эгоизм — здоровое чувство, как и чувство самосохранения...

— Эгоисты не выживут!

— Это альтруисты не выживут, если будут всем подряд уступать дорогу к Воротам...

— Какие умные беседы мы ведем, — со вздохом сказал Великов.

Лидка потянулась через стол. Пожала великовскую ладонь:

— Виталик... спасибо, что ты пришел именно сегодня. После этого сегодняшнего разговора...

— Да, понимаю. Но ты ведь не умеешь отчаиваться, верно?

Она поймала его протянутую руку:

— Нет... Но все равно спасибо.

Великов доел пирожное, посидел еще немного, обнял Лидку на прощание, чмокнул в шеку и ушел. А еще через некоторое время, ближе к полуночи, молодежь вспомнила, что завтра у всех лицеистов рабочий день.

— Какая хорошая девочка, — сказала Лидка сыну, когда они оба собирались ко сну.

— Ага! — с энтузиазмом поддержал Андрей. — Тебе тоже нравится?

Лидка засмеялась:

— Ну как она может не нравиться? Сразу видно — умная, интеллигентная, искренняя девчонка. Сейчас таких мало.

Андрей счастливо заулыбался, как будто похвалили его самого:

— Да, она умная! Знаешь, какая у нее кличка? Верлибр, Сашка-Верлибр.

— У кого? — спросила Лидка, холодея.

— У Саши, — удивился ее непонятливости Андрей. — Мы ведь о ней говорим?

— О, — сказала Лидка. И побрела в ванную — умываться перед сном.

* * *

«...Прошедшие выходные были неспокойными для граждан и напряженными для городской милиции, виной тому новый виток наркомании и подростковой преступности. В баре «Красный камень» в результате стычки двух молодежных банд погибли двое посторонних людей: женщина тридцати девяти лет и мужчина пятидесяти восьми лет... Девятнадцатилетний Константин Е. скончался в больнице от многочисленных ножевых ран. Шестеро семнадцатилетних подростков, учащихся четыреста восьмой средней школы, в состоянии алкогольного опьянения изнасиловали двух своих подружек восемнадцати и девятнадцати лет... Массовые драки произошли ночью с субботы на воскресенье неподалеку от станции скоростного трамвая «Политехнический институт». За помощью в близлежащие больницы обратились на сегодняшний момент двести десять человек...

Все более широкое распространение среди младшего поколения получают разнообразные псевдорелигиозные учения. Так, приверженцы движения Санитаров проводят свободное время за торжественным сожжением книг, в которых содержатся, по их мнению, нежелательные и вредные идеи. С особым удовольствием юные пироманы уничтожают книги популярного молодежного автора Виталия Великова... У того же Великова имеется группа последователей, именующая себя Кругом Последней Жертвы. Дикарские ритуалы, дикарская философия да кулачные стычки с Санитарами — вот чем известны члены Круга...

Секта так называемых Стражей проповедует любовь к ближнему, однако при обыске на квартирах ее основателей был обнаружен и изъят целый арсенал холодного и огнестрельного оружия. Официальная церковь предупреждает: сектанты не имеют никакого отношения к подлинной вере, это либо лгуны и мистификаторы, либо их жертвы. Родители, будьте внимательны! Именно сейчас ваши дети нуждаются в наибольшей вашей помощи!»

(«Вечерний город», 17 мая 20-года.)

* * *

— Ваша проблема имеет решение, — сказал Маленький Серенький Человечек. — Разумеется, с вашей стороны потребуются некоторые, э-э-э, усилия и уступки.

— Я понимаю, — сказала Лидка терпеливо.

— Во-первых, вы должны будете принять на работу несколь-

ких человек... они тоже получат место в списке с «б»-статусом. Во-вторых... но давайте сперва определимся. Есть два пути — предоставление вам лично «а»-статуса с автоматическим включением сына... Этот путь практически нереален, «а»-статус предполагает должности, которые нам с вами и не снились. Второй путь — предоставление сыну «б»-статуса, — хоть и доступнее, но тоже не имеет законных механизмов решения. Это понятно?

Маленький Серенький Человечек был чьим-то вторым заместителем, и у него были имя и отчество, которые Лидка, как ни старалась, никак не могла запомнить. Он был Маленьким Сереньким — и снаружи, и изнутри. Такая себе мышь, запросто распоряжающаяся хозяйским пирогом.

— Разумеется, понятно, — сказала Лидка, давя в себе раздражение.

— Хорошо... через два-три дня вы получите заявления от этих людей с просьбой принять их на работу. Вы придумаете для них должности; разумеется, ни один из них не имеет соответствующего образования, так что вам придется подумать. — Маленький Серенький усмехнулся.

— Мне уже приходилось в жизни думать, и не раз, — сказала Лидка терпеливо. — Дальше?

— Дальше вы включите этих людей в список европейской делегации...

— Хорошо, — сказала Лидка, предупреждая новый поток язвительности.

Маленький Серенький удовлетворенно закивал:

— Отлично. Вашего сына вы тоже примете к себе на работу. Уборщиком там или что-то подобное, но чтобы он был в штате.

— В состав делегации его включать не надо? — не удержалась Лидка.

Человечек захихикал:

— Пока нет, но кто знает... И вот что еще вам предстоит сделать...

Через полчаса они распрощались.

Лидка поймала такси и просила ехать как можно быстрее.

Бегом взбежала по лестнице к лифту. Едва не сломав ключ, ворвалась в квартиру и, всхлипывая, на ходу сдирая с себя одежду, поспешила в ванную, под горячий душ.

Ей казалось, что всю ее облепили клейкой вонючей массой. Окатили мочой, унизили, низвели, изнасиловали, уронили на дорогу дымящейся коровьей лепешкой.

Всему есть свой предел.

Она профессор... да что там. Она просто порядочный человек. Была. Пока не встала перед ней эта задача, которая и имеет решение, и одновременно не имеет.

Лидка плакала, смывая слезы горячей водой. Ее водостойкая дорогая косметика не выдержала наконец и пролилась черным дождем, аспидными кругами легла под глазами.

Сможет ли она когда-нибудь забыть эти приемные? Эти двери, коридоры, этих секретарш, эти надменные рожи?

Сможет ли она забыть разговор с Маленьким Сереньким Человечком — и десятками ему подобных разноцветных, разнокалиберных Человечков, заполонивших лакуны и норы под парадными ковровыми дорожками?

Никогда в жизни ее так не унижали. Даже Рысюк... Никогда в жизни она сама так не унижалась.

Слезы иссякли. Лидка закрепила душ на стене — и села на дно ванны, так чтобы вода лилась ей на голову.

Андрюшка получит место в списке и право на внеочередную эвакуацию.

Получит.

Теперь почти точно.

* * *

...Нам ли бояться *мрыги*?
Сбросит замшелую корку
Новый апокалипсис,
В печи багряной ночи
Спалит косное, старое,
И на очищенных землях
Встанет наш новый город,
Мы его сами построим...

(Газета «Молодой вестник», 17 мая 20-го года.)

* * *

— Зарудный ошибался, Виталик. Пройти в Ворота всем — неразрешимая задача... Человечество никогда до этого не дорастет. Никогда не станет настолько единым и... сознательным. Потому что хама, прущего по чужим головам, еще можно остановить или усовестить. Правильно воспитать в детском саду... не смейся, я говорю — в принципе... А вот меня, Виталик, меня остановить невозможно. Если мне скажут, что спасение моего сына означает гибель нескольких человек, которые иначе не погибли

бы... я сделаю все, чтобы Андрюшка об этом не узнал. Да. Но я не откажусь... от затеи. Вот такая я стерва, Виталик.

Великов молчал. Неторопливо мыл грязную посуду, накопившуюся в Лидкиной кухне за несколько дней.

— Неужели ты меня не презираешь, Виталик?

Великов обернулся через плечо. Кротко посмотрел на Лидку. Вернулся к немытым тарелкам.

— Потому и Стужа погорел... на этом прежде всего. Потому что все ему сошло бы... все эти «изоляты» и тревоги... Удался бы бескровный апокалипсис — и Стужу бы канонизировали, ты же понимаешь. Победителей не судят. Но вот он, борец за справедливость и девственную чистоту «условленного списка»... не мог не впихнуть туда внука. Ну не мог. И покатилось...

— Есть люди, — не оборачиваясь, сказал Великов, — которые ради правого дела, правого с их точки зрения, могут сына или внука собственноручно, э-э-э, зарезать...

Лидку передернуло:

— Может быть. Ты же у нас писатель, знаток человеческих душ. Может быть... Только естественный отбор не на их стороне. Особи, способные ради чего-либо пожертвовать потомством, скоро прекращаются как вид...

Великов закрыл кран. Вытер о полотенце красные мокрые руки:

— А может, Ворота и отбирают по этому признаку? К черту музыку, выживают те, ради которых родители способны жертвовать жизнью, честью, убеждениями...

— Сюжет для нового романа, — брезгливо сказала Лидка.

Великов подошел. Пододвинул табуретку, сел рядом:

— Лидочка... А может быть, обойдется? И ты, и я по два апокалипсиса прожили без всяких списков... Может быть...

— Нет, — Лидка сама ощущала, как воспалены ее глаза и как опухли веки. — Нет, Виталик. Была еще моя сестра Яна, были наши соседи и знакомые, из моего бывшего класса вон сколько ребят... остались...

Великов молчал.

— Виталик, — сказала Лидка изменившимся голосом. — Я... у меня сон. Повторяющийся. Про то, как Андрюшка... С самого его детства. По-разному снится одно и то же.

— Ты просто боишься его потерять.

— Все родители боятся!

— Но ты боишься особенно. И этот дурацкий предрассудок с

искусственным оплодотворением... Никак не можешь от него отречься.

Зависла долгая пауза.

— Ты же фантаст, Виталик... Значит, должен верить в сны. В мистику.

— Я фантаст, но ведь не сумасшедший, — мягко возразил Великов. — Лида, послушай меня. Даже если у тебя ничего не выйдет...

— У меня выйдет! — Она подняла на него сухие глаза. — И нечего об этом. Это дело решенное.

* * *

«...особенно среди молодежи. Следует ли говорить, как вредны и еретичны по сути своей эти измышления? Как может один человек, сколь угодно праведный, взять на себя грехи многих поколений? Каким образом человеческая жертва может быть угодна Господу? Позиция официальной церкви тверда и однозначна: сектанты, проповедующие о так называемом спасителе, суть еретики и раскольники...»

(Газета «Прихожанин», 18 мая 20-го года.)

* * *

Девочка Саша стала бывать часто. Чаще, чем Лидке того хотелось бы.

Девочка Саша представлялась Лидке пустым стеклянным шариком, на поверхности которого нарисованы леса и океаны, оригинальный ум и глубокие мысли. Первый же дождик смоет красивую картинку, первая же царапина или потертость обнажит мутную пустоту внутри шарика. Лидке это было ясно как дважды два, и она тихо страдала, глядя, как Андрей радостно покупается на броскую Сашину оболочку.

Ничего. Ничего-ничего; все решится не сейчас, а в первые годы нового цикла. Вот тогда это будет серьезно, до того времени или девочка Саша себя выдаст, или Андрюшка поумнеет. Новый цикл — новая жизнь...

Лидка знала, какие слухи ходят о ней в околоакадемической среде. Гнусные слухи, восемьдесят процентов которых полностью соответствуют действительности, и только оставшиеся двадцать — домыслы, дань моде; выполняя уговор с Маленьким Сереньким Человечком, она действительно вела себя по-скотски.

И тщательно следила, чтобы Андрея слухи не касались; правда, в коробку сына не спрячешь, и иногда он приходил домой мрачный и осунувшийся, а иногда и с синяками на лице, с ссадинами на кулаках.

Тогда она ни о чем его не расспрашивала, дабы не умножать вранья.

И он обманывался ее спокойствием. И потихоньку приходил в себя. «У человека на высоком посту всегда будет много недоброжелателей...»

А потом Лидка с удивлением обнаружила, что под ее крылом у сына давно уже образовалась какая-то другая, автономная, неизвестная ей жизнь. И даже девочка Саша была к этой жизни всего лишь приложением.

— Мам, я сегодня ночевать не приду, ладно?

— А где?..

— У Витьки. Мы до ночи футбол будем смотреть...

Он так редко врал ей, что уличить его на этот раз казалось ей неприличным и негуманным. Ну не к Витьке он идет, но взрослый же парень, что ей, следить за ним?

Лидка сжала зубы, переживая укол беспокойства. С этой Сашей он и так видится каждый день. Что, таковы современные нравы? Чем там они будут заниматься целую ночь?!

Нет, не в Саше дело. И не в любой другой девушке, Лидка бы догадалась. Что там у них, ночные посиделки? Карты? Игры?

Она с превеликим трудом взяла себя в руки. И ответила как можно небрежнее:

— А, футбол... Ну ладно.

Спалось ей отвратительно. Во сне мерещился настырный голос Саши; снилось, что в доме прорвало канализацию, из фарфорового унитаза хлещет мутная жидкость, а Лидка без устали собирает ее тряпкой в ржавую миску...

Сын вернулся часов в десять утра, когда Лидка уже начала тревожиться. Едва взглянув на него, Лидка ухватилась за дверной косяк:

— Андрюшка! Да что с тобой?

— Ничего, — он улыбнулся совершенно спокойно, светло. — Устал.

Ну ничего себе ночка. Когда наутро человек приходит осунувшийся, будто после недельной голодовки, и бледный, как яйцо.

— Мам, я посплю?

— Спи...

И недели две он был самим собой, готовился к экзаменам,

читал какие-то книжки, встречался с друзьями; как-то вечером в субботу он вошел в Лидкин кабинет, очень сосредоточенный, очень серьезный:

— Мам, я сегодня на ночь не приду, ладно?

Лидка долго смотрела на него, ожидая, что он расколется. Но он был все так же сосредоточен:

— Мы с ребятами к химии готовимся вместе. У Вадика дома.

У Вадика не было телефона. Да Лидка и не стала бы опускаться до проверки.

— Хорошо, только... не уставай так!

Улыбнулся. Кивнул.

И вернулся на этот раз очень рано, в начале седьмого, на рассвете. Лидка услышала шорох ключа в замочной скважине и сразу вынырнула из неспокойного, неглубокого сна.

Снял в прихожей туфли. В носках прошел на кухню; да, мальчик здоров. Если первым делом лезет в холодильник — значит, все в порядке...

Лидка накинула халат. Неслышно вошла следом.

Андрюшка стоял перед раскрытым холодильником, в одной руке у него был кусок колбасы, в другой — бутылка кефира. Он был бледен до синевы, губы потрескались и запеклись, а на запястьях белели полоски бинта; увидев Лидку, сильно вздрогнул, как будто перед ним появилась не мама в халате, а по меньшей мере змея кобра с раздувающимся капюшоном.

— Я проголодался, — сказал, будто оправдываясь.

Лидка смотрела на него, ее беспокойство росло, превращалось в густую уверенную тоску.

Ни о чем его не спрашивая, она ушла к себе в комнату.

* * *

— У меня нет претензий к Андрюше, — сказала классная руководительница, дама Лидкиных лет, учительница биологии.

Лидка кивнула.

Это был ее лицей, хоть и изменившийся до неузнаваемости, хоть и опустевший, потому что старшая и средняя группы уже сдали выпускные экзамены и отправились во взрослую жизнь. Вместе с тем атмосфера школы живо напомнила Лидке события двадцатилетней давности; она даже вздрогнула, когда перед стендом с правилами внутреннего распорядка обнаружился читающий эти правила темноволосый мальчик.

Правда, уже через секунду выяснилось, что парень всего-навсего украшает усами лицо нарисованной на стенде девочки, плакатной тихони и отличницы. Лидка вздохнула с облегчением.

Биологичка сидела в пустом классе; профессор Сотова была встречена тепло, но без заискивания.

— Андрюша более-менее готов к экзаменам... Хотя, вы знаете, младшая группа всегда заканчивает с трудом. Эта разболтанность, расхлябанность накануне апокалипсиса... Все эти настроения, особенно среди девчонок. Вы знаете, у нас в лицее еще ничего, а в обыкновенных школах почти никто не учится. Танцы-обниманцы, спиртное, наркотики... Нет, у нас с этим строго. У нас специально врач инструктирован, каждый день охранник стоит на входе. В десятом «Е» двух мальчиков сняли буквально с иглы, в десятых «Г» и «Ж» девчонки попали в нехорошую компанию... Двоих даже исключить пришлось. Но это очень мало по сравнению со средними показателями по городу. Андрюша, мне кажется, не подвержен, он очень серьезный мальчик, очень...

— Вы не замечали в нем изменений в последние несколько месяцев? — как можно небрежнее спросила Лидка.

Биологичка задумалась.

У нее было много дел. У нее было четверо внуков, которые тоже заканчивали школу. У нее лежал в столе наполовину готовый отчет, а под стеклом — неутвержденные экзаменационные билеты, а дома терпеливо ждал пустой холодильник...

— Н-ну... Вы вот сказали, и я подумала... Может быть, в последние несколько месяцев он... как бы думает о чем-то... как бы погружен в себя... я связывала это с первой любовью, юношеским чувством...

Лидка снова терпеливо кивнула:

— Да, возможно... А больше ничего?

— Нет, — удивленно ответила биологичка. И поглядела на Лидку с подозрением: — А что еще?

Лидка улыбнулась:

— Видите ли... перед апокалипсисом возможны... разные нервные срывы у ребят. Мне показалось, что Андрей чересчур увлекся религиозной литературой, мистикой, прочей чепухой...

Биологичка округлила глаза.

Через три минуты Лидка извинилась за беспокойство и распрощалась.

* * *

У инспектора было серое от усталости лицо и пухлые растрескавшиеся губы. А потому говорил он как бы нехотя, едва разжимая рот:

— Вы не замечали за сыном странностей в последнее время?

Лидка улыбнулась устало и снисходительно.

Она вполне могла бы не являться в эту сиротскую комнату с решетками на окнах. Ее сын никогда не имел никакого отношения к инспекции по делам несовершеннолетних. И сам факт того, что ее сюда пригласили, есть безусловная ошибка — вот что было написано на ее лице; а если инспектор захочет разглядеть ее глубоко припрятанную тревогу, то без бинокля ему не обойтись.

Стул для посетителей был хлипкий, жалобный, обитый клеенкой; Лидка отвыкла от таких стульев.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовалась она холодно и отстраненно.

Инспектор дернул уголком рта; ну надо же, говорили его прищуренные злые глаза. Явилась по вызову, а ведет себя, как с подчиненным в собственном кабинете; инспектор знал, конечно, кто такая профессор Сотова, и потому ее холодность и отстраненность особенно задевали его.

— Как часто ваш сын не ночует дома?

Так, подумала Лидка. И царственно подняла подбородок:

— Ему уже семнадцать. Иногда он засиживается допоздна у друзей и остается на ночь.

— Иногда — как часто? Раз в неделю? Два раза? Через день?

Лидка вскинула брови, как бы удивляясь настойчивости инспектора:

— Раз в неделю. Иногда реже.

Уголки инспекторского рта опустились еще ниже, отчего губы стали похожи на опрокинутую круглую скобку.

— Вы никогда не слышали, Лидия Анатольевна, о так называемом Круге Последней Жертвы?

Лидка тщательно проследила, чтобы на лице ее ничего не отразилось. «Последняя жертва» — Великов — плеск молока в цистерне... Нет, молоко тут ни при чем.

— Круге?.. Нет, а что я должна была слышать?

— Это молодежная организация, строящая свою идеологию, — инспектор пожевал тонкими губами, — на идее о необходимости жертвоприношений. Человеческих жертвоприношений. Чтобы открыть Ворота.

Лидка молчала.

Если бы инспектор прихлопнул ее пыльным мешком из-за угла, вряд ли эффект был бы большим.

— Человеческие... жертвоприношения?

Инспектор вздохнул. Поглядел на Лидку мрачно, с подчеркнутым сочувствием, полез в ящик стола и долго рылся в бумагах — казалось, он специально тянет время; Лидка тупо смотрела в его лысеющую макушку.

Наконец инспектор выпрямился:

— Вот...

На стол легла стопка черно-белых фотографий скверного качества.

— Посмотрите внимательно, Лидия Анатольевна...

Лидка подавила в себе желание немедленно поднести фотографии к глазам.

— Что здесь? Какое отношение это имеет к моему сыну?

— Посмотрите, — сказал инспектор, и нечто в его голосе заставило Лидку достать очки, надеть на нос, взять со стола стопку глянцевых карточек.

На первой же фотографии Лидка увидела ночной костер, который выглядел бы невинно и буднично, если бы за ним, на втором плане, не было вертикальной скалы и с этой скалы не свисали бы беспомощно чьи-то босые ноги.

Лидка смотрела на фото, чувствуя, как потихоньку поднимаются на макушке покрытые лаком, уложенные в прическу волосы.

— И что же...

— Нет, вы смотрите дальше.

Лидка сняла очки. Тщательно протерла платком. Надела снова.

Лица людей на фото получились нечетко, тем не менее она сразу же узнала девочку Сашу. Саша на корточках сидела у костра — таких фотографий полно в альбоме любого туриста, разве что руки к огню Саша тянула уж слишком красивым, картинным жестом.

Лидка облизнула покрытые помадой губы. Стала смотреть дальше.

Незнакомые Лидке ребята сидели у того же костра. Точка съемки сместилась чуть назад, и на тусклом фото можно было различить, что костер горит в камнях у моря, что мальчики (а на общем плане Саша тоже казалась мальчиком) расположились вокруг огня правильным кругом. И что стоячий камень плоской своей гранью обращен к морю, и подвешенный на нем человек изгибается дугой, пытаясь опереться о камень босыми пятками.

У Лидки онемели щеки.

На следующей фотографии скала была выхвачена крупным планом. Повешенный уже обмяк; вокруг его запястий смыкались не то ремни, не то железные браслеты, к браслетам крепились цепи, живо напомнившие Лидке цепную карусель в парке развле-

чений. Голова свешивалась на грудь, лица не разглядеть было, но плавки показались Лидке знакомыми.

Нагая жертва — в плавках с якорями?

Уже почти ничего не видя, Лидка механически перебирала фотографии. Ребят снимали, похоже, с лодки. Длиннофокусным объективом. Вот еще несколько снимков; строгость ритуала была нарушена, мальчишки возмущенно махали руками, швыряли камни, прогоняя непрошеного свидетеля. А парень на скале чуть приподнял голову, лишая Лидку возможности верить, что это другой мальчик спер Андрюшкины плавки, собираясь немножко повисеть в них на скале...

В ушах звенело. Какой позор — профессору Сотовой шлепнуться в обморок прямо с этого унизительного клеенчатого стула...

— Лидия Анатольевна, — пробился сквозь звон голос инспектора, — вам валидола?

— Спасибо, — сказала она сквозь зубы. — Буду благодарна.

Он что, специально держит здесь аптечку для нервных посетителей? Для мамаш малолетних преступников, несовершеннолетних жрецов и жертв?

У таблетки был отвратительный вкус. Инспектор опять поморщился — как будто это ему сунули под язык валидол.

— Вы узнали кого-нибудь на фотографиях?

Лидка молчала.

— Видите ли, Лидия Анатольевна...

— Отсюда можно позвонить? — спросила она, еле двигая языком.

— Да, — инспектор пододвинул к ней разбитый телефонный аппарат цвета весенней травки. — Звоните...

Лидка, ошибаясь и не попадая пальцем в отверстия на диске, набрала знакомый номер.

— Алло... Мама? Ты где?

Лидка медленно, чтобы не видел инспектор, выдохнула. Голос Андрея был совершенно безмятежен.

— У тебя все в порядке? — спросила она, следя за голосом.

— Да, — кажется, он удивился. Лидка не так часто позволяла курице, хлопотливой толстой курице прорваться наружу в лишнем звонке, в лишнем вопросе, в лишней толике опеки.

— Я скоро приду, — сказала Лидка и повесила трубку.

Инспектор смотрел на нее. Изучающе. Пристально.

— Что... им инкриминируется? — спросила Лидка, и голос

вышел из-под ее контроля. Голос был жалкий, срывающийся, подернутый подступающими слезами.

— Еще валидола? — участливо спросил инспектор.

— Нет, — Лидка качнула головой, отчего сиротская комнатка с решетками на окнах поплыла перед глазами.

— Видите ли, Лидия Анатольевна... Пока что они никого не убили и не причинили увечья. Это скорее театр... Игра. Они по очереди репетируют роль жертвы. Ваш сын уже был «жертвой», но, как видите, пришел домой целый и невредимый...

Лидка с ненавистью смотрела в его серые, откровенно насмешливые глаза.

— ...Пока они не совершили ничего противозаконного. Они смирные, особенно на фоне прочих молодежных забав. В их группу входят, в основном, благополучные дети высокопоставленных родителей, лицеисты и выпускники лицея. Идейным вдохновителем считают писателя Великова, хотя сам Великов всячески отрицает свою причастность... Я хочу предупредить вас, Лидия Анатольевна. Просто предупредить. Потому что с теми, кто выходит стенка на стенку, даже с теми, кто насилует в подъездах зазевавшихся девиц, — с ними все ясно, а вот с этими... Сектанты, фанатики. Я не удивлюсь, если они совершат групповое самоубийство или что-то в этом роде...

Лидка глубоко, до самых пяток, втянула спертый воздух кабинета.

— Лидия Анатольевна... может быть, все-таки возьмете еще таблетку?

— Нет, — сказала она сквозь зубы. — Спасибо. Перебьюсь.

* * *

Великов писал захватывающе; взявшись за книжку, Лидка, как правило, сперва дочитывала ее до конца и только потом спохватывалась, вспоминая почему-то колоритный плеск в чреве великовского молоковоза. Здорово, ярко, талантливо, но чепуха-то, немыслимая чепуха...

Мальчишки, когда-то осаждавшие знаменитого писателя, стали теперь юношами; их обожание от этого не уменьшилось. Глубоко спрятанное великовское тщеславие получало регулярную сладкую пищу; тем удивительнее было, что от Лидки знаменитый писатель терпел некоторую снисходительность. Не явную, конечно, но и не особенно замаскированную. Лидка не прини-

мала великовские писания всерьез, и он прощал ей — по умолчанию.

«Последнюю жертву» Лидка прочитала раз пять. Но совсем не потому, что ей очень нравилась эта книга.

— Андрюшка... Может, сходим сегодня в парк?

Сын сразу заподозрил неладное. В его планах на сегодня были задачи по алгебре и билеты по физике, и Лидка это прекрасно знала.

— А... дома мы поговорить не можем?

У него были виноватые, как у собачонки, глаза.

Лидка вздохнула. Присела на край стола:

— Видишь ли...

— Мама, — сказал он быстро. — Я не пробовал никаких наркотиков. Я даже не курю, ты знаешь.

Лидка слезла со стола, пододвинула табуретку, села, закинув ногу на ногу:

— Когда мне было пятнадцать лет, в одной передаче по телевизору, в прямом эфире, какой-то парень облился бензином и поджег себя.

Андрей помедлил. Отодвинул учебник физики:

— И все на это смотрели? Как он обливался бензином?

— Он очень быстро все сделал, — терпеливо пояснила Лидка. — Никто не ожидал. А потом, когда он загорелся, в студии случилась паника...

— Он погиб?

— Да.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

Лидка глубоко вздохнула:

— Тогда, в конце позапрошлого цикла, очень известна была одна секта. Они уверяли, что Ворота на этот раз не раскроются. Цитировали древние предсказания. Оклеили листовками весь город... Нам тогда казалось, что действительно пришел конец света. Что мир летит к чертовой матери. Было очень страшно, пока Зарудный...

Лидка на секунду запнулась. Кажется, она уже рассказывала об этом сыну. Не так подробно, но рассказывала, и — самое обидное — она уже не помнит, о чем говорила Андрею, а о чем — нет.

Андрей молча ждал, пока она соберется с мыслями, но Лидка, вместо того чтобы продолжать, положила на стол «Последнюю жертву» Великова, когда-то глянцевый, а теперь изрядно потрепанный том.

Андрей перевел взгляд с Лидкиного лица на книгу и обратно. Нахмурился.

— Дрюшка, — сказала Лидка как можно безмятежнее. — Виталик *не писал* того, что прочитали потом эти... ребята. Это всего лишь фантастика, выдумка, Виталик был уверен, что к ней и отнесутся, как к художественному вымыслу... Как к метафоре. Ну нельзя на полном серьезе...

Она запнулась. Андрей смотрел в сторону.

— Расскажи, — попросила она тихо.

Длинную паузу заполнили муха, жужжащая в окне, и шум машин на далеком проспекте.

Наконец Андрей поднял глаза:

— Мам... Я ведь тебя не расспрашиваю... про твои академические дела. Что ты там делаешь, да с кем, да зачем...

Лидка переждала, пока стихнет неслышный звон размашистой пощечины. Сообщила, потирая след воображаемого удара:

— В академии я не делаю ничего такого, о чем не могла бы рассказать тебе.

— Правда? — удивился Андрей.

Лидка вспылила. Больше всего на свете ей хотелось взять его за шиворот и ткнуть носом в стол, в проклятую книгу проклятого Великова, и еще, и еще...

Кажется, он испугался. Наверное, было от чего.

— Мама...

— Молчи.

— Мама... человек должен иметь право... это не трагично, наоборот...

Лидка развернулась и ушла.

* * *

— Значит, так, — сказал Великов. — Ни о каких твоих делах он не знает, и никаких намеков в его словах не было. Он просто требует права на собственную жизнь: я, мол, в твои дела не лезу, но и ты тоже... Понятно?

За окном лил дождь. Лидка стояла под раскрытой форточкой, и редкие холодные брызги клевали ее будто клювами.

— Лида... Осталось совсем немного. Возьми себя в руки.

— Я в руках. — Лидка обернулась. — Ты говорил с ним... об этой гадости на берегу?

Великов кивнул:

— Ничего особенного. Это своего рода испытание, все маль-

чишки проходят через... ну, проверить, на что ты годен, доказать всем, что годен на многое...

Лидка молчала. За последние дни вкус валидола сделался для нее обыденным, привычным.

— Они клянутся, что способны принести себя в жертву человечеству, если понадобится. И тренируются; добровольца подвешивают на скале. В одних плавках. То есть по серьезу надо бы нагишом, но они стесняются...

Великов улыбнулся, и Лидка вдруг почувствовала, как ее захлестывает раздражение. Ненависть к этому... к этому кривляке, несколько лет назад написавшему идиотскую книжку.

— Заткнись! Ну что ты скалишь зубы!!

Великов осекся. Улыбка сползла с его лица, и в округлившихся глазах Лидка увидела свое отражение — сумасшедшая баба с перекошенным ненавистью лицом.

— Виталик... Извини. Извини, пожалуйста. Прости. Я не хотела. Я сорвалась... Прости.

— Ну ты даешь, — сказал Великов шепотом. — Лида... может, я пока домой пойду?

— Нет, — сказала она поспешно. — Я больше не буду. Обещаю тебе. Я уже взяла себя в руки. Продолжай.

Некоторое время Великов молчал, и Лидка ждала, что он все-таки уйдет, извинившись и пообещав вечером перезвонить.

Великов помолчал еще. Поколебался. Поднял на Лидку серьезный взгляд:

— Ты думаешь — это я во всем виноват? Книжка?

Она вздрогнула — и тем самым выдала себя.

— Нет, что за глупости. При чем тут ты?

Слова уже не имели смысла.

— Я и сам иногда... — Великов странно усмехнулся. — Впрочем... глупости, ты права. Не будь моей книжки — они нашли бы другую... Итак, от заката и до первого рассветного луча доброволец висит на скале, причем по первой же его просьбе товарищи готовы освободить его. Все они сидят тут же, говорят о человеческой природе, о тайне любви и смерти, о том, есть ли бог и если есть, то какой, — короче, болтают о том же, о чем вся «просвещенная» молодежь болтает сейчас за столом или в походах с ночевкой. Таким образом они развлекают «жертву» и самих себя убеждают в правильности избранного пути... Из десяти парней испытание выдержали пока что четверо, в том числе Андрей...

Великов открыл рот, собираясь что-то добавить, но вспомнил недавнюю Лидкину вспышку и замолчал.

— Это все? — спросила Лидка глухо.

— Да... В основном. Ничего серьезного. Детские игры.

Лидка вспомнила лицо Андрея, каким он вернулся после испытания. Вспомнила бинты на запястьях; теперь он носит спортивные напульсники, говорит, что так модно. И Лидка ни разу не пыталась снять с него эти напульсники и посмотреть, что там под ними...

Детские игры.

— Виталик, а ты вот так бы провисел? Всю ночь? На цепях?

— Я бы не стал и пробовать, — честно признался Великов. — У меня для этого недостаточно...

И запнулся снова.

— Чего у тебя недостаточно? — вкрадчиво спросила Лидка. — Фанатизма?

— Веры, — тихо сказал Великов. — Если искренне верить, что твои страдания смогут кому-то помочь, кого-то спасти...

Ливень за окном потихоньку утихал. Лидка прикрыла форточку; очень громко тикали настенные часы в виде красного блестящего чайника. Оглушительно громко.

— На днях я получу место в списке для Андрея, — сказала Лидка сквозь зубы. — И тогда... пусть скорее приходит *мрыга*. Пусть скорее все это закончится.

— Не закончится, — еле слышно отозвался Великов.

Лидка подняла брови:

— Ты что-то сказал?

— Нет-нет, — Великов помотал головой. — Нет.

* * *

На шкафу жались друг к другу покрытые пылью игрушки. Достопримечательность. Ностальгическое воспоминание. Если повезет и Лидка доживет до внуков — всех этих зайцев и мышей ждет вторая жизнь...

На Андрюшкином письменном столе горкой лежали книги. В основном учебники по химии, биологии, анатомии — и почему-то брошюра по оказанию первой помощи.

— Вы сдаете медподготовку? — спросила Лидка, листая желтые страницы с устрашающими рисунками.

— Нет... Это я в библиотеке взял. Вадька с камня свалился, руку распорол, так я даже перевязать не мог как следует...

— Вадька? — механически переспросила Лидка. — С какого такого камня?

Андрей молчал.

— Я знаю, — сказала Лидка глухо. — Твои плавки с якорями... Они еще целы? Или к лету надо новые покупать?

Андрей отодвинул толстую тетрадь, где в красных рамках, как в гробах, покоились химические формулы.

— Мама... Ты прости.

Лидка молчала.

— Ты прости, мы думали... хотели. Мы хотели что-то придумать. Мы поверили... Но это оказалось просто детство.

Андрей усмехнулся, и Лидка с удивлением увидела, что он похож на Великова, во всяком случае, улыбка у него точно такая же.

Он смотрел на нее, будто ожидая ответа, а она не отвечала. Не сводила испытующего взгляда.

— Понимаешь... мы одно время так уперлись в эту мистику... как будто никогда не учились в школе. Мистическая природа Ворот — это просто, не надо ломать голову, откуда они взялись на самом деле...

Он замолчал. Лидка смотрела.

— ...А если Ворота повинуются каким-то законам природы... то им плевать на человеческие ритуалы. Тогда мы ничем не отличаемся от дикарей, которые молятся огню или грому...

Лидка смотрела, не мигая.

— Ну, мама... А если Ворота поставлены богом... Тогда все эти разговоры тем более смешны. Бог ведь не станет требовать человеческой жертвы? Грешно даже думать так...

— Смотря какой бог, — сказала Лидка, еле разжимая губы.

Андрей нахмурился:

— Нет... Настоящий бог — не станет. Мы с Витькой... разошлись во мнениях, короче. Поцапались... Не можем убедить... один другого. Витька власти хочет. Троих новых парней привел, чужих. Хочет группу создать, со своими правилами, ритуалом посвящения... И прочие забавы.

— Забавы?!

— Забавы, мам, по серьезу никого не убьют и не покалечат. — Андрей запнулся, видимо, полной уверенности у него все-таки не было. — Если им нравится — пусть себе... А я туда больше не пойду. И Сашку отговорю, она теперь меня слушается.

Он снова улыбнулся; Лидке показалось, что слово «теперь» имеет в устах Андрея какой-то дополнительный смысл.

— *Теперь?*

Некоторое время они внимательно смотрели друг на друга.

Саша. Девочка Саша. Что произошло между ними, если эта агрессивная Саша его слушается, *теперь* слушается?

— Андрей... Вы с Сашей... В каких вы отношениях?

Его глаза сделались сперва непонимающими, потому укоризненными.

— Я не то хотела сказать, — быстро поправилась Лидка.

И еще несколько минут прошло в молчании, прежде чем она поняла, что означает это «теперь».

— Покажи руки.

Андрей поколебался.

Потом расстегнул замочек правого напульсника, снял кожаный браслет, и Лидка увидела широкий розовый шрам, уже почти заживший, затянувшийся новой кожей.

— Мамочка... Совсем не больно.

— На левой руке то же самое?

— Да... Ничего страшного, ну честное слово!

— На камне? От заката до рассвета?

— Да...

Лидка отвела глаза:

— Тебе еще много уроков?

— Да нет... Но я сам повторяю биологию. Я хочу... в общем, я уже узнал, когда экзамены в мединститут.

— Что?!

— Я решил не идти на исторический... Я лучше буду врачом. Ты ничего не имеешь против?

По желтым страницам учебника ползла, презирая формулы, оранжевая божья коровка.

ГЛАВА 14

В конце мая резко похолодало, потом так же резко потеплело. Лидкина голова раскалывалась от боли; перед самым Новым годом, приходившимся в этом цикле на второе июня, на город обрушилась жара.

В лицее прозвенел последний звонок. Вообще последний. Последний в этом цикле. Событие радостное и печальное одновременно; нынешние выпускники и выпускники прежних лет, их родители, братья и сестры говорили прочувствованные слова в адрес учителей, которым теперь снова придется переквалифицироваться. Кому-то устроиться преподавателем в институт или техникум, а кто-то будет коротать годы репетиторством и надом-

ной работой, чтобы уже в новом цикле, в новой жизни устроиться воспитателем в детский комбинат...

О надвигающемся апокалипсисе говорили мало. Предполагалось, что всех без исключения выпускников ждет благополучная взрослая жизнь; Лидка стояла в общей толпе, слушала речи и разглядывала лица.

Обрезанные рукава школьных платьев. Подолы, укороченные ножницами до самой рискованной, непрактичной длины. Белые банты на коротеньких стрижках выпускниц; на всю младшую группу не отыщется и десятка неостриженных, с длинными волосами, девочек. Говорят, так модно...

Наиболее отчаянные мальчишки превратили школьные брюки в шорты и лихо светят коленками перед лицом педагогов и директора. Им прощают — ведь такая жара, и звучит самый последний звонок, последний в этом цикле...

Брюки Андрея остались длинными. Даже летнюю теннису он надевать отказался — наоборот, выбрал рубашку с самыми длинными рукавами, с манжетами, закрывающими не только запястья, но и половину ладони. В общем строю сверстников он явно выделялся, и не только одеждой.

— Андрюша-то какой красивый, — сказала Вадикова мама. И пустила слезу — не из-за Андрюши, а просто так. Из-за общей трогательности момента.

Лидка молчала.

Место ей было скорее среди бабушек, нежели среди мам. Большая часть растроганных мамаш годилась ей в дочери; солнечный день не терпел поддавков и являл миру седые корни Лидкиных крашеных волос, замазанные кремом морщины, набрякшие веки и круги под глазами.

Ее узнавали. С ней приветливо здоровались. Еще некоторое время назад она была весьма популярной в школе личностью; ее приглашали на открытые уроки музыки и даже назвали ее именем школьный ансамбль...

С тех пор как Лидкин отдел переместился под крышу ГО, шумиха вокруг «музыкальных способностей» перестала получать пищу. Наоборот — всякие упоминания о якобы преимуществе музыкально одаренных детей перед не-одаренными сверстниками сделались нежелательными и даже дискриминирующими. Интерес к музыке потихоньку спадал, и спадал интерес к Лидии Сотовой как к пророку музыкальной педагогики.

Она стояла в общей толпе — и смотрела.

На *всех* ребят, выстроившихся сейчас на лицейском дворе, в

Лидкином отделе заведено было специальное досье. *Все* были в свое время протестированы на наличие врожденных способностей к музыке. И кое-кому не суждено пережить апокалипсис — никто пока не знает, кому именно. Все одинаково улыбаются. Все надеются долго жить.

И Андрей. Он тоже.

А тем временем Маленький Серенький Человечек тянет, оттягивает, водит Лидку за нос. Апокалипсис может грянуть через полгода, через год, через месяц, а Андрей до сих не внесен в «условленные списки».

Лидка щурилась, прикрываясь от солнца ладонью. Ей было трудно долго оставаться на ногах: отекали ступни в узких праздничных туфлях, болели колени, надо бы сесть.

— Право последнего звонка предоставляется отличникам учебы, гордости нашего лицея, ученице десятого «Ж» класса Шепитько Александре и ученику десятого «Б» класса Сотову Андрею!

Лидка вздрогнула. Андрюшка ни о чем таком не предупреждал.

А, зашептались мамы одноклассников за Лидкиной спиной. Так вот почему он так официально оделся...

Андрей уже шел к крыльцу, и с другой стороны строя спешила Саша, нелепая в своем коротеньком школьном платье и с разлапистым бантом в мальчишечьей прическе.

Колокольчик был громадный, медный, с бантом на деревянной ручке. Все как полагается.

Защелкали фотоаппараты. Парочка отличников шла, потрясая колокольчиком, разнося по округе истошный медный звон; окружающие пожимали Лидкин локоть, и это означало поздравления. Ах, какой сын!

Андрей улыбался. Широко и умиротворенно; рядом с ним даже дурнушка Саша казалась симпатичнее, чем была на самом деле. Хотя обычно случается наоборот — рядом с красивым человеком виднее уродство другого...

Колокольчик звякнул в последний раз — и затих. Толпа разразилась криками восторга; Андрей подал Саше руку, и, опираясь на нее, она неожиданно грациозно соскочила со школьного крыльца.

Солнце жгло их, когда они шли, уже по отдельности, каждый в свой конец строя.

* * *

— А-а-а, Лидия Анатольевна, я, признаться, не ожидал...

— Вы хотите накануне *мрыги* вылететь изо всех списков? — спросила Лидка, не торопясь садиться в предложенное кресло.

Маленький Серенький Человечек разинул свой маленький серенький рот:

— ...А?

— Бэ! — рявкнула Лидка. — Если в течение трех дней я не получу обещанного, вся история будет предана огласке. Все ваши махинации — и все мои махинации. Выбирайте.

Человечек молчал, глядя на Лидку недоверчиво и почти весело:

— Но, Лидия Анатольевна, как все это несерьезно... Вы берете меня, грубо выражаясь, на понт... Вы ведь сами опозоритесь, оскандалитесь, вся ваша работа пойдет прахом, вы вылетите из Академии, и, само разумеется, из списка тоже...

Лидка улыбнулась, и от этой ее улыбки Человечек притих.

— Вы, крыса... Вы думаете, для меня имеют значение Академия, работа? Даже честное имя? Если мой сын не окажется в «условленном списке», то все остальное теряет смысл! Если вы не выполните обещания, мне нечего будет терять. Через три дня здесь будет следственная комиссия, и она отыщет много интересного. Я дам ей в руки только одну ниточку, но этого достаточно, чтобы размотать весь клубочек!

Маленький Серенький Человечек превратился в Маленького Беленького Человечка — такой внезапной и пугающей была его бледность.

— Лидия Анатольевна, — выдавил он сквозь зубы.

Лидка широко улыбнулась:

— Я *клянусь* вам, что сделаю это. Утоплю вас вместе с собой. Верите?

Маленький Беленький Человечек забегал глазами.

— И не трудитесь подсылать ко мне убийц... если эта пошлая киношная мысль все-таки придет вам в голову. Все документы хранятся в надежном месте, и в случае моей внезапной смерти... каюк. Ясно?

Человечек молчал.

Лидка повернулась и вышла, не дожидаясь ответа.

* * *

Два дня ей мерещилась слежка. Не поддаваясь панике, она бывала в тех же местах, что и обычно. Азарт и злость придавали ей силы — сотрудники льстили наперебой: «Ах, Лидия Анатольевна, как вы хорошо сегодня выглядите!»

На третий день Маленький Серенький Человечек позвонил ей на работу.

— Ваш сын внесен в приказ, — сказал он тихо и внятно. — Потрудитесь приехать вместе с ним в штаб ООБ... То есть теперь он снова называется штаб ГО. Пятница, четырнадцать тридцать, сорок вторая комната. — И повесил трубку.

— Лидия Анатольевна... Что с вами, Лидия Анатольевна?!

Летел за окнами, снегом ложился на тротуары тополиный пух. Лидка чувствовала, как жгут, скатываясь по щекам, слезы.

— Лидия Анатольевна, что случилось? Воды?

— Да... — она на секунду забыла имя своей новой секретарши. — Да, Оля... Воды...

Урчал кондиционер. Лидка чувствовала, как в широченной улыбке трескаются запекшиеся губы, но боли не ощущала.

* * *

— Андрюшка, что у тебя в пятницу?

— Консультация. По химии.

— В котором часу?

— В двенадцать.

— А... до половины третьего ты освободишься?

— Не знаю... Мама, что с тобой?

— Андрюшка, — сказала Лидка как можно безмятежнее. — В пятницу, в четырнадцать тридцать, нам вместе надо подойти в штаб ГО.

— Зачем? — спросил он после паузы.

— Новый приказ, — Лидка подчеркнуто спокойно отхлебнула чаю из чашки. — По нашему отделу, родственники руководителей вносятся в «условленный список»... Ну и тебя вносят. Надо получить что полагается — бирочку, номер, инструкции...

— Мама, но как же так?.. — спросил Андрей растерянно, и Лидка внутренне сжалась, предчувствуя какую-то его выходку. — Как же так? Везде говорят, что в «условленный список» — только

стратегически важные люди, правительство, военные, депутаты... Меня-то зачем, от меня-то ничего не зависит?!

— От тебя многое зависит, — сказала Лидка, давясь чаем. — Такое правило, не я его выдумала... Я стратегически важна для страны, а ты стратегически важен для меня. Без тебя вся моя стратегия теряет смысл... Понятно? Отпросись с консультации, если будут задерживать.

— Мама, — Андрей водил пальцем по волнистому краю тарелки, — мама... А можно, я не пойду? Я молодой, здоровый, зачем мне это?.. Мама, ты чего?!

«Сдержаться, — подумала Лидка. — Можно все испортить. Надо сдержаться».

— Андрюша... Дрюшка. Если ты хоть капельку ценишь мои нервы... давай больше не будем на эту тему. Ладно?

Запрещенный прием. Прежде она никогда не пыталась надавить на него, апеллируя к собственному здоровью. Гнилой прием: «Если ты не послушаешься, со мной случится инсульт...»

— Мама, но я же и сам смогу... Зачем мне какое-то условленное время, если...

Комната провернулась перед Лидкиными глазами. Как в глупом парковом аттракционе «Сюрприз». Угол стола сильно ударил по лицу, но боли она не почувствовала. Вообще ничего; в следующую секунду в нос хлынул отвратительный запах нашатыря, и, чтобы не задохнуться, Лидка пришла в себя.

Великолепно.

Низкий диван в гостиной. Коренастый мужчина в белом халате, молодая женщина со шприцем наперевес. Бледное, вытянувшееся лицо Андрея:

— Мамочка... Если бы я знал, что это так важно...

Лидка поморщилась. Укол был болезненный, жгучий; обладатель белого халата что-то писал в своем блокноте, о чем-то спрашивал Лидку, предлагал обратиться в районную поликлинику, потому что в Лидкином возрасте с давлением не шутят, и еще что-то говорил, Лидка видела, что он устал и огорчен, но печалит его вовсе не Лидкино здоровье. Возможно, он поссорился с женой. Ночевал у друга и утром не брился...

«Скорая» уехала. Андрей молча сел на край дивана, и так, без слов, прошло минут двадцать.

«Не сдержалась, — думала Лидка с отвращением. — Распустила себя. Стыдно. И жаль Андрюшку».

— Мам... Хорошо, я отпрошусь с консультации. Пойдем.

* * *

Все прошло как по маслу. Андрей держался, как молчаливый, не особенно любопытный, не особенно догадливый мальчик; Лидку это устраивало. Она до последней секунды боялась неожиданностей.

Андрея внесли в «условленный список» категории «б». Номер пятнадцать тысяч сто двенадцать; Лидка успела подивиться, как вырос городской список, ведь собственный ее номер был две тысячи девять.

На «условленное время» уйдет часа полтора, думала она, невольно ежась. Много, очень много. Кого же они туда напихали? Как обычно, родственников, детей, внуков?

Тем более, решила она уже с ожесточением. Если все продвигают в список своих родичей, почему она, профессор Сотова, не имеет на это права? Много ли времени займет внеочередная эвакуация одного Андрея?

Формальности закончились. Андрею вручили бирку; он остался совершенно безучастным. Сдержанно поблагодарил, как будто речь шла о почетной грамоте от какого-нибудь общества любителей кактусов...

Цепочка с биркой утонула под воротом рубашки. И Лидкина душа утонула где-то в животе, и чувство, испытываемое профессором Сотовой, только с большой натяжкой можно было назвать счастьем.

«Не верю», — думала Лидка, спускаясь по широченной лестнице.

«Не верю», — думала она, из прохладного помещения выходя на залитый солнцем двор.

«Не верю, не верю...»

Кружилась голова.

— Мам, ты себя опять плохо чувствуешь?

— Наоборот, я очень рада...

Андрей пожал плечами. Нашла, мол, повод для радости.

— Тебя проводить на работу?

— Что ты, Дрюшка, я совершенно здорова. Я сама доберусь.

— Тогда я побежал готовиться?

— Ты бы погулял, — сказала Лидка, поднимая лицо к солнцу. — Посмотри, какая погода...

— Хорошо, — согласился он с подозрительной покорностью. — Погуляю.

Она стояла, прислонившись к запыленному стволу липы, и смотрела, как он уходит. Как двигаются лопатки под тонкой летней рубашкой.

* * *

«Сидит, стало быть, Господь наш на высокой горе, по правую руку от него Светлый советчик, а по левую — Темный... И двадцать лет Темный нашептывает Господу на левое ухо: «Посмотри, Отче, на двуногих тварей, что расплодились на твоей тверди. Они презирают тебя и не исполняют твоих заповедей. Они не способны любить — себя любят и помет свой, а больше никого. Они развратны, низменны душой, они несчастны; сотри их с лица земли!»

И двадцать лет слушает его Господь, и наконец заканчивается его терпение. И шлет он на землю огонь, смертоносный смрад и морских чудовищ.

И тогда размыкает уста Светлый советчик. «Пощади их, Господи, — говорит Светлый. — Посмотри, как они напуганы, как смотрят на тебя и молят о пощаде; послушай, они клянутся почитать тебя и открыть свое сердце для любви!»

И Господь не выдерживает снова, сердце его смягчается, и он посылает нам Ворота, чтобы мы вошли в них и уберегли ся от напастей.

Но теперь сердце его не смягчится.

Отступил от него Светлый советчик, разуверился и пал духом, тысячу лет глядя в пустые и уродливые души. «Да люди вы разве, — сказал Светлый, — сотни раз я молил за вас Господа... а теперь не буду, потому что ничто не идет вам впрок. Так пропадайте же в серных котлах, в огненных пропастях, в море и в пламени!

И сидит Господь на горе, и у левого его уха примостился Темный советчик, а у правого нет никого. Некому заступиться. Говорю вам, братья, готовьтесь к смерти, не будет вам Ворот!»

(Журнал «Экстрасенс», рубрика «Слово контактера». 4-е июня 21-го года.)

* * *

Наступление нового, двадцать первого года отметили бурно и нервно. Будто перейдена была незримая черта — опять, как в позапрошлом цикле, явились из ниоткуда толпы мрачных пророков. Предсказывали страшный, последний на земле апокалипсис, предсказывали конец света и гибель цивилизации. Церкви, полупустые в это время года, теперь ломились от прихожан. Каждый день возникали новые суеверия, никого на улице уже не

удивляли толпы молодых людей в нечистых белых хламидах, недавно бывших льняными простынями. Самозваные босые проповедники советовали заботиться не о страховом полисе, а о душе; таковую заботу все понимали по-своему.

Одна Лидкина сотрудница уволилась с работы и ушла жить «на скит». Как выглядит «скит» и где он находится, Лидка не знала и не горела желанием узнать. Соседка по лестничной клетке вступила в очередную секту Любви, скоро одежда повисла на ней как на вешалке, а глаза приобрели стеклянно-отрешенное выражение.

Особенно буйно психоз разгулялся среди молодежи — как обычно. Никто не хотел ни учиться, ни работать; наркокурьеров отлавливали десятками, но они возрождались сотнями, благо спрос на наркотики подскочил, как на пружине. Сделалось модным самоубийство; однажды трое парней, оставив прощальную записку, ушли в море на яхте и в сотне километров от берега пробили лодке дно. Случай имел огласку: по примеру отчаянной троицы целые флотилии отправлялись далеко в штормящее море, и там юных смертников отлавливали патрульные катера. Кого-то отлавливали, а кого-то не успевали отловить, и через некоторое время волны прибивали к берегу лодки с аккуратно продырявленным днищем.

Дальфины не подходили близко к берегу, но и не уходили далеко. В хороший бинокль можно было разглядеть мелькающие над водой спины — почти каждый день, почти в любую погоду.

— Уже небось отложили свои «мины», — бормотал смотритель пирса, на минутку одолживший Лидке бинокль. — У-у-у, сволочи, так бы и пострелял всех... Яйца их клятые — глубинными бомбами...

И смотритель, и Лидка понимали, что разговоры о глубинных бомбах — не более чем треп. Дальфиньи яйца лежат на глубине, недоступной для современного оружия.

В обычных школах экзамены превратились в пустую формальность; один только лицей все еще ухитрялся держать марку. Директор и педагоги делали вид, будто ничего не происходит. Экзамены шли своим чередом.

Андрей сдал на все пятерки — если не считать математики, которую едва удалось вытянуть на четыре, но не Андрей был в этом виноват. Лидка прекрасно знала, что математичка считает выскочкой профессора Сотову и терпеть не может ее сына.

— Не обращай внимания, — сказала Лидка Андрею. — В медицинский институт математика — не профилирующий.

Сын молча согласился.

Выпускной бал обставили со всей возможной пышностью. На входе в школу — и у ворот, и на крыльце — дежурила специально нанятая на этот вечер охрана. Присутствие вооруженных людей было как нельзя кстати, потому что выпускной бал одновременно во всех школах города, одновременно для всей младшей группы — всегда маленький апокалипсис. Репетиция конца света.

Накануне всех граждан, не имеющих детей в младшей группе, призывали провести вечер в четырех стенах. И ни в коем случае не выходить на улицу ночью. Не зря говорят: «Выпуск старшей группы — счастье, средней группы — радость, младшей группы — безумие».

Во всех школах прошли общие собрания; родителей призывали до утра не покидать территорию школы, не упускать из виду своих детей и не допускать ночных прогулок куда-либо. И все равно неминуемы были чумной карнавал, насилие и самоубийства, праздник накануне конца света; вот почему лицей, не без основания считавший себя островком трезвости и здравомыслия, отгородился от сумасшедшей ночи спинами охранников.

Мероприятие началось ровно в девять; на этот раз Лидка сидела на почетном месте, в президиуме, рядом с директором. Смотрела в зал и ловила на себе любопытные, презрительные, а то и ненавидящие взгляды. Весь ее путь, вся бурная деятельность последних нескольких лет, путешествие по чиновничьим кабинетам и сотрудничество с Маленьким Сереньким Человечком — все это не могло пройти незамеченным, все это обросло слухами и сплетнями и создало профессору Сотовой славу прожженной стервы, приспособленки, предавшей науку ради теплого места в «условленном списке».

Лидка искренне надеялась, что хоть Андрея эти взгляды не коснутся. Она взяла с сына страшную клятву, что *никто* не узнает о его бирке, о том, что он тоже включен в список. Никто, даже Саша. Сын в конце концов поклялся — и Лидка немного успокоилась, потому что слова своего Андрей никогда еще не нарушал.

...Торжественная часть закончилась, и с эстрады грянул инструментальный ансамбль, гордость школы. Еще в те времена, когда по Лидкиной милости каждого ребенка тянули в музыкальную школу, чтобы определить его способности, а при необходимости и развить их — еще в то время был создан вот этот ансамбль, и даже сейчас, когда мода на музыку поутихла и забылась, он продолжал существовать и назывался — Лидка всякий раз краснела, — назывался «Лидия»...

Его пытались переименовать уже тысячу раз. Но почему-то получалось, что, переименованный, он проваливал районные смотры самодеятельности и в последний момент снимался с гастролей; с возвращением старого имени возвращалось и везение, и в конце концов, махнув рукой, «Лидию» оставили в покое, тем более что не все уже помнили, почему детский ансамбль назвали не «Солнышком» и не «Ласточкой», а относительно редким женским именем...

Ребята из «Лидии» выросли, закончили лицей в прошлом и позапрошлом годах, но ансамбль до сих пор был жив. И Лидке виделся в этом добрый знак.

Всех пригласили к столам, накрытым в спортзале. И на «родительском», и на «учительском», и на «детском» столах через равные промежутки стояли бутылки шампанского; Лидка вспомнила, как чуть больше двадцати лет назад, на выпускном вечере Максимова, спиртное запрещали под страхом ужасного наказания.

Воспоминание о Максимове пришло и ушло, не задев.

Она отыскала в толпе Великова; непринужденно опираясь на его руку, прошла к «родительскому» столу. Рядом сразу возникло пустое пространство, а может быть, ей показалось.

Пока Великов откупоривал бутылку и наливал Лидке вина, она отыскала глазами Андрея; слава богу, рядом с ним никакой пустоты не наблюдалось. Наоборот, вокруг него прямо-таки толпились ребята, а он, улыбаясь, что-то говорил, и в руке у него был бокал с апельсиновым соком.

— Ну, выпьем, Лида. Поздравляю...

Она чокнулась с Великовым и выпила, не ощутив вкуса.

«Лидия» отставила инструменты и присоединилась к пирующим. В зале включили магнитофон.

Лидка выпила еще бокал; после третьего что-то мягко ударило ей в затылок — изнутри. Свет в зале стал ярче.

— Ты не презираешь меня, Виталик?

— Нет, — сказал Великов серьезно.

— И не жалеешь меня?

На этот раз Великов думал дольше:

— Нет... не жалею. Ты выбрала.

Лидка улыбнулась:

— Спасибо... Я сама себя не жалею. Но, наверное, скоро буду презирать.

Великов снова помолчал. Шум в зале потихоньку нарастал; где-то за «детским» столом уже пели, и то был не пьяный ор — настоящее многоголосье. Лидка подумала, что они очень музыкальны, эти ребята. И что они пройдут в Ворота... непременно пройдут.

— Подводим итоги, Лида?

Она облизнула терпкие от вина губы:

— А что, пора?

— Не знаю, — отозвался Великов после новой паузы.

— Я предала науку, — сказала Лидка тихо.

— Знаю... Неоднократно.

— Я предала... Костю Воронова.

— Возможно.

— Я предала себя... ученого в себе.

— Ты никогда и не была ученым.

Лидка оскорбилась:

— Но идея-то... об отборе... она же моя?

Великов печально улыбнулся:

— Эх, Лида... Знаешь, сколько у меня было подобных идей? Разговоры с дальфинами, космическая съемка океанов, да мало ли... Но я мечтатель, а не ученый. И еще талантливый врун.

Музыканты из «Лидии» наелись и напились. Влезли на эстраду, лениво взялись за инструменты; в зале возникло веселое оживление.

— Я тюбик, — сказала Лидка. — Тюбик с пастой. Я сама себя выдавила. Теперь я просто жестяная оболочка. С красивой крышечкой.

Великов обнял ее за плечи:

— Но ты ведь не жалеешь? Ты себя растратила ради Андрюшки, разве он этого не стоит?

«Лидия» ударила по струнам. В противоположном углу спортзала, под неубранным баскетбольным кольцом, сразу же возникла стихийная танцплощадка.

— Потанцуем? — спросил Великов.

Лидка покачала тяжелой головой.

Ей вдруг захотелось спать. Уехать на необитаемый остров — и никогда не просыпаться. Отдохнуть наконец.

— Лида, может, выйдем на воздух?

Она отрицательно покачала головой.

Музыканты оборвали едва начатую залихватскую мелодию. Некоторое время был слышен только звон бокалов и ропот публики, а потом вдруг зазвучал вальс, смутно знакомый Лидке, старый, немножко сентиментальный.

— Мама? — в следующую секунду рядом обнаружился Андрей. Новый пиджак был распахнут, узел тонкого модного галстука чуть ослаблен, рубашка поражала неестественной белизной — а может, так показалось воспаленным Лидкиным глазам.

— Мамочка, это я заказал ребятам вальс...

— Андрюша, — сказала она беспомощно.

— Погоди, мама, я хочу пригласить тебя на танец!

— Андрюша, я...

Великов выпустил ее руку — и чуть-чуть подтолкнул.

...Под их каблуками потрескивали, сминаясь, цветные спирали серпантина. Налипали на подметки кружочки конфетти; кажется, кроме них, никто не танцевал. Все стояли и смотрели, их лица были подернуты дымкой, вроде как сигаретным дымом, хотя никто в зале не курил.

Одна рука Андрея лежала у Лидки на талии, другая поддерживала ее руку; прикосновение было уверенным и теплым, и Лидка вдруг успокоилась.

Страшно и весело.

Андрей вел ее не по кругу — по какой-то замысловатой спирали; за его спиной мелькали размазанные пятна света, пахло вином и летом, и еще почему-то ливнем, паркетным лаком, свежим огурцом; Лидкина голова кружилась, но кружилась приятно и упорядоченно, в такт причудливому вальсу.

Сын принадлежал ей. Только ей. Нет на свете ни апокалипсисов, ни смерти, ни девочек Саш.

И тогда Лидка поняла, что ее путь пройден до конца, что она исполнила свой долг, что она счастлива.

* * *

День прошел обыкновенно. Лидка дважды поругалась — первый раз в хранилище матценностей, куда не хотели принимать дополнительные документы по ее проекту: «Ваш лимит давно вышел, у нас все переполнено, и зачем вам хранилище, если вы в «условленном списке»!»

Второй раз — в очереди за хлебом. В последнее время в городе случались серьезные перебои с поставками, и Лидкино намерение взять две булки вместо одной вызвало бурный протест в очереди.

Но две булки она все-таки взяла.

Она поужинала в одиночестве; Андрей вернулся часов в десять вечера, усталый и взвинченный. «Витька сошел с ума, — сказал он, давясь кефиром. — Думает по серьезу приносить в жертву одного пацана... Да, и пацан про свою участь знает. Он с рождения на учете в психдиспансере, пацан этот. Убогий он; говорит, все равно мне *мрыги* не пережить. Как ты думаешь, может, позвонить в милицию? Это подло, но как же, я же знаю, что они его убьют, — и промолчу?!»

До полуночи Лидка с сыном искали выход — и перенесли окончательное решение на утро; правда, уже через два часа оказалось, что проблема снята. Совсем.

— Мама, — Андрей босиком пробрался к Лидке в спальню. — Там... Я не спал... там небо... такое. Такое. Посмотри, а?

Лидка поднялась. Отодвинула штору.

Небо медленно разгоралось красным. Таким знакомым, таким тяжелым красным светом.

— Так, — сказал она, удивляясь своему спокойствию. — Вот и все. Одевайся, быстро. Бежим на сборный пункт.

Андрей стоял столбом. Ему было очень страшно. Наверное, он сам не ожидал, что *так* испугается.

Лидка оттянула цепочку на его шее. Бирка ожила. Пульсировала зеленым огоньком.

— Все в порядке, — сказала Лидка, подавляя вздох облегчения (сколько раз ей снился сон — наступил конец света, а бирки не активизировались). — Все в порядке. Через полчаса мы будем на сборном пункте, нас заберут в машину. Или в вертолет. Дальше — не наша забота. Через несколько часов для нас все закончится... Одевайся, ты же не пойдешь в трусах.

Шлепая босыми ногами, он побежал к себе. Одеваясь, Лидка слышала, как он мечется по комнате, роняет предметы, бормочет себе под нос.

Она посмотрела на себя в зеркало. Проверила, все ли в порядке. Успела сложить ночную сорочку и застелить постель.

Набрала телефонный номер Великова — занято. Позвонила Яночке — номер пришлось искать в записной книжке. Она очень редко звонила племяннице, а встречалась и того реже, два раза в год на кладбище, на могиле родителей.

Попыталась дозвониться младшему брату Паше, но трубку никто не брал.

Андрей прыгал в коридоре — не мог попасть ногой в штанину джинсов.

— Ну, мама, — пробормотал он, увидев, как Лидка поправляет воротничок. — Ну, мама, ты молодец... Скала.

«И ты укрыт за скалой, — подумала Лидка. — Тебе нечего бояться».

Андрей вдруг перестал прыгать. Будто что-то вспомнив, кинулся к телефону, стал лихорадочно вертеть диск — Лидка на глазок определила номер девочки Саши. Длинные-длинные гудки...

И вдруг — тишина.

— Ма... телефон отключили!

Лидка рассеянно кивнула:

— Конечно... Не беспокойся, она уже вышла, наверное... Ничего с собой не бери. Только термос. Я с вечера приготовила, как обычно. Готов? Пошли.

Они вышли на лестницу одними из первых; где-то хлопали двери, звенели стекла. Потом разом вырубилось электричество; красный свет из окон придавал коридору сходство с фотолабораторией. Лидка прекрасно помнила, что именно эта мысль пришла ей в голову в ее первую *мрыгу*. Наверняка Андрей сейчас подумал то же самое.

В полутемном дворе кто-то мертво вцепился в Лидкину руку:

— Лидия Анатольевна! Признайтесь, вы в списке? Признайтесь! Возьмите нас, мы тоже имеем право! Мы имеем! Почему только вам?!

Лидка растянула губы в улыбке:

— Скажите, пожалуйста, у вас паспорт при себе?

— Паспорт?

Собеседник отвлекся и на секунду ослабил хватку. Лидка рванулась, высвободилась и, волоча за собой Андрея, бегом кинулась на улицу.

— Стой, сука!..

На инструктаже ее предупреждали о чем-то подобном. Человек, внесенный в список, должен хранить это в тайне, иначе ему не добраться до места сбора. Другое дело, как трудно эту тайну сохранить...

На бегу Лидка удивилась себе. Пятьдесят семь лет, больные ноги, а припустила, как спринтер...

Андрей бежал рядом.

Лидка намеренно направилась в сторону берега, как раз туда, откуда через несколько секунд повалит человеческий поток. Никто не хочет приближаться к морю, когда небо уже окрасилось красным; преследователь отстал, потеряв Лидку и ее сына в баг-

ровых сумерках, в густеющей толпе, и только тогда Лидка почувствовала, что дрожит, как заяц.

Она чуть было не угодила в ловушку. По собственной глупости. Надо было уходить из дома незаметно, по крышам, ведь еще секунда — и на нее навалились бы вчерашние добрые соседи, сорвали бирки, переломали ребра и ей и Андрею, как глупо, господи, как глупо все могло закончиться...

Прижавшись к стене, она сориентировалась. До сборного пункта оставалось квартала четыре — место встречи «условленных лиц» выбиралось тщательно, с учетом направления движения толпы, с учетом появления глеф, с учетом возможной паники на улицах.

— Всеобщая эвакуация, — бормотали динамики ГО на столбах.

— Дай руку, Андрюша.

Его рука была как лед.

Люди шли молча; людям предстоял нелегкий путь за город, долгое и мучительное ожидание среди чиста поля, сигнал об открытии Ворот — и давка на их пороге, немилосердная давка, от которой не смогли отучить их ни Зарудный со своими идеалами, ни Стужа со своей муштрой.

Все динамики одновременно прокашлялись. Забормотали тоном выше:

— Говорит штаб ГО... Внимание, глефы. Зарегистрировано появление глеф. Линия обороны — набережная... Набережно-Луговая... Набережно-Восточная...

Прямо над головой прошли пять или шесть вертолетов. Лидка на минуту оглохла.

— Внимание, глефы! Опасность с моря! Опасность для Подольского района, улицы Яблонского, Почтовой площади! Активизировать эвакуацию в районе улиц Верхний Вал и Нижний Вал!

Лидке наступили на ногу.

— Андрей, вон за тем щитом — видишь? — нам направо...

Не обращая внимания на тычки и крики: «Куда прешь? — Лидка перестроилась ближе к правому тротуару. И, поравнявшись с рекламным щитом (какой-то бред о фруктовом шоколаде), рванула Андрея за руку.

Он был сильный парень, но решительности ему не хватало.

— Не деликатничать! — рявкнула Лидка. — Вперед!

Его ладонь намокла.

До сборного пункта оставалось всего ничего.

— Внимание, говорит штаб ГО... Основное направление эвакуации — проспект Возрождения. Внимание, сейсмическая опасность... Держитесь подальше от ветхих строений! Повторяю, держитесь подальше от ветхих строений!

Лидка хмыкнула. Зачем давать заведомо невыполнимые советы?

— Мама, этот переулок... Тут же старые дома...

— Не бойся.

В следующую минуту действительно тряхнуло. Девятиэтажка, маячившая в конце переулка, задрожала и зашаталась, как ломтик желе. На голову Лидке и Андрею посыпался мусор. Впереди, в десяти шагах, грузно ударилась о землю половинка балкона — с цветочным ящиком, в котором ярко цвели осенние астры.

— Вперед!

Лидка бежала, волоча за собой Андрея, спотыкаясь о камни, задыхаясь от пыли, ловя подошвами трясущуюся землю. Готовая руками отбивать летящие кирпичи. Готовая зубами рвать падающие провода; по счастью, тока в проводах не было, они могли сильно поранить запутавшуюся в них жертву, но сжечь уже не могли.

Потом из тучи пыли вынырнуло оцепление. Огромные люди в шлемах и респираторах казались роботами из детских книжек про могущество науки. Лидка рванула цепочку с биркой — зеленый огонек призывно замигал. Андрей медлил; Лидка обнажила и его бирку тоже, тогда оцепление на секунду разомкнулось, пропуская их внутрь.

Над головой снова прошли вертолеты. Человек в респираторе плотно, больно приложил Лидкин палец к сенсору на бирке. Потом провел биркой над каким-то своим прибором, и прибор мигнул зеленым. Та же самая процедура повторилась с Андреем.

— В машину, Лидия Анатольевна. В машину, Андрей Андреевич.

Голос из-под респиратора звучал странно, пугающе. Как все, что происходило вокруг.

Машина была снаружи похожа на армейский броневик. Изнутри — на автобус. В машине уже сидели пятеро мужчин и две женщины, и все молчали. Одна из женщин прижимала к груди расшитую бисером сумочку.

Лидка опустилась на кожаное сиденье. Обняла одной рукой присевшего рядом Андрея:

— Вот и все. Ничего страшного. Нас отвезут к Воротам, и мы войдем... — Она хотела сказать «войдем первыми», но запнулась.

Андрей молчал. Его трясло.

— Хочешь чаю?

Лидка открыла термос. Плеснула дымящегося чая в пластмассовую крышку-стакан; Андрей начал пить и закашлялся.

— Ну, все... Теперь ждать.

— Сейчас поедем, — нервно сказал сидящий сзади мужчина. — На нашем пункте еще один человек остался.

— Сколько можно ждать! — срывающимся голосом выкрикнула женщина с бисерной сумочкой. — Может, его уже задавили... Надо ехать!

Андрей вздрогнул. Быстро взглянул на обладательницу сумочки, перевел взгляд за окно; вслед за ним Лидка увидела, как оцепление пропускает кого-то в плаще до пят и как этот кто-то, ступив два шага, падает на землю.

Один из людей в респираторах заглянул в машину:

— Кто-нибудь из мужчин, помогите!

Первым вскочил Андрей. Лидка не успела и слова сказать.

Сжав руки на поручне, она смотрела, как Андрей помогает идти к машине пожилой женщине с рассеченным лбом, с залитым кровью лицом.

— Зацепило, — сказал все тот же нервный мужчина. — Или кастетом заехали. Может быть.

Бирка с зеленым огоньком болталась у женщины поверх плаща. Андрей помог опоздавшей забраться на подножку; двое мужчин помогли ей усесться, одна из женщин уже держала в руках аптечку. Лидка механически полезла за индивидуальным пакетом, развернула, положила на рану стерильный слой ваты; женщина застонала.

— Андрей, помоги... Андрей?!

Он стоял рядом с машиной. Не торопился садиться; человек в респираторе что-то крикнул ему, Андрей ответил, но Лидка не разобрала ни слова.

Потом сын повернул голову — и Лидке показалось, что через темное стекло она видит его виноватые глаза.

Машина тро...

ЭПИЛОГ

По разогретой солнцем набережной шла, трогая плиты тяжелой палкой, медленная осторожная старуха.

Плиты были теплые. Резиновый наконечник палки, давно ставшей частью старухиного тела, трогал шероховатую поверхность. Упирался в грубо шлифованный камень.

Плиты. Запах моря. Запах ветра; время от времени старуха останавливалась, чтобы поглубже вдохнуть.

Через несколько метров должна обнаружиться лестница, ведущая к берегу; вот она. Старуха неторопливо развернулась: ее тело было нелегким в управлении, почти таким же неповоротливым, как многотонный самосвал.

Подойдя вплотную к лестнице — дубовые, неподвластные гнили ступеньки, — она переложила палку из правой руки в левую. Освободившейся правой рукой взялась за перила. Отполированное тысячами ладоней теплое волокнистое дерево. Твердые прожилки, мягкие бороздки. Выпуклость срезанного сучка; старуха улыбнулась. Она всегда улыбалась, касаясь этих перил.

И, осторожно переставляя ноги, неся палку на сгибе левого локтя, она двинулась вниз. Третья сверху ступенька прогибалась под ее весом чуть больше прочих; предпоследняя, четырнадцатая, еле слышно скрипела.

Утомленная, будто после многочасового бега, старуха добралась до пляжа. Переложила палку из левой руки в правую; ступила на гальку. Ее дальнозоркие глаза давно не различали текст в газетах и книгах, зато прекрасно видели каждый камушек под ногами.

Камни только казались серыми. Среди них были белые, пятнистые, голубоватые, розовые; старуха слушала, как они поскрипывают под подошвами войлочных бот. Кое-где на камнях сохли принесенные штормом водоросли; иногда старуха останавливалась, чтобы зачем-то потрогать их кончиком палки.

Труднее всего было обогнуть скалу. Старуха шла по влажной гальке, рискуя упасть прямо в воду. Сползая с берега вслед за волной, камни ударялись друг о друга и тихо звенели.

Наконец скала осталась позади. Старуха отошла от береговой кромки и остановилась передохнуть; прямо перед ней была естественная выемка, каменная комната, защищенная от посторонних взглядов, загороженная от ветра с трех сторон, открытая только морю.

На камнях виднелись полусмытые водой черные пятна кострищ. Старуха постояла, переводя дыхание, затем вынула из темной клеенчатой сумки детское шерстяное одеяло.

Аккуратно, не торопясь разложила его на плоском камне.

Тяжело опираясь на палку, уселась и вытянула гудящие ноги. Перемена позы принесла опьяняющее ощущение мгновенного счастья.

Здесь, на берегу, ей особенно хорошо думалось. Настолько

хорошо, что старуха верила — еще чуть-чуть, и она узнает ответ. Один-единственный ответ на множество мучающих ее вопросов.

Она за тем и приходит сюда — спрашивать. Спрашивать себя, море, ветер, дальфинов...

Чтобы вернуть заскорузлым мыслям толику былой легкости, она начинает вспоминать всегда с одного дня. С одного и того же момента: когда обезумевшие стихии, изготовившиеся преподать человечеству очередной урок апокалипсиса, вдруг смирились и отступили от задуманного.

Впервые за тысячу лет Ворота не открылись. Их не засекла ни одна служба ГО — их просто не было...

Но и апокалипсиса не было тоже.

Вулканы, уже начинавшие извержение, заткнули глотки и поперхнулись собственной лавой.

Земная кора, уже вздыбившаяся перед очередным катаклизмом, замерла и успокоилась.

Гигантские волны смирно улеглись обратно в океан, метеоритные дожди так и не достигли земной поверхности, глефы вернулись в море, клубы ядовитого газа рассеялись на безопасной для человечества высоте.

И человечество пришло в ужас. И долго топталось в ожидании Ворот, а не дождавшись ни смерти, ни спасения, тихонько вернулось в свои почти не пострадавшие города.

То были годы растерянности и смуты. Не знали, отсчитывать ли начало нового цикла и рожать ли детей; в конце концов природа взяла свое, и в родильных домах запищали первые младенцы. Новый цикл — новая жизнь; вот уже семнадцатый год на пороге, и никто не знает, чего ждать от нового апокалипсиса...

Старуха, глядящая на море, верит, что апокалипсиса не будет вовсе.

Более того — иногда ей кажется, что она *знает* это.

Наверняка. Апокалипсиса не будет — никогда больше; почему, спрашивает она, глядя прямо перед собой дальнозоркими слезящимися глазами. Почему?!

Возможно, тогда — в эвакуационном автобусе, в истерике — ее посетил бред.

Ей привиделся створ погибших Ворот. Море, зеленоватый свет и невесомость, спешат к поверхности радужные пузыри... Ей показалось, что протянутые в пустоту руки наталкиваются на золотую паутину. Все ее силы, все ее желания переплавились тогда в ярость, в одно-единственное желание — разорвать, прорваться, пробить... Тогда ажурная сетка лопнула, и на дальней грани бре-

да — если это был бред — обнаружилось чужое присутствие. Будто внезапно раскрывшийся глаз. Потрясение было настолько сильным, что она почти сразу же соскользнула в темноту... Старуха вздыхает. Поднимает глаза к низкому небу. Почему? — беспомощно спрашивают ввалившиеся губы. Возможно ли, что поступок ее сына, экзальтированного мальчика... Что поступок сопляка, отказавшегося от привилегий эвакуации, детский, в общем-то, поступок, пошатнул основы мироздания? Возможно ли, что рожденный яростью *зов* ее был услышан? Кем?! Нет, говорит себе старуха. И сама же переспрашивает недоверчиво: нет? А может быть, это случайность? Слепое совпадение, и зря она ломает себе голову, и зря задает, как дятел, одни и те же вопросы? Может быть, где-то далеко, совсем в другом месте и совсем другие силы решили за нее — и за человечество — весь этот кроссворд?

...Тем не менее апокалипсис отменен и намордник с человечества снят. Мир спущен с поводка; старуха знает, что не доживет до времени, когда человечество окончательно осознает свободу. Она знает это и не огорчается.

Она устала.

А сегодня она устала особенно. И, возможно, ей не следовало идти на берег — после того, как несколько часов пришлось провести на ногах, не присаживаясь. Она была на кладбище; могила ее сына, врача Андрея Сотова, была уже кем-то убрана, и кто-то оставил на ней букет увядающих тюльпанов.

Андрей Андреевич Сотов погиб в возрасте тридцати четырех лет; врач «Скорой помощи», он всего несколько тревожных месяцев успел побыть военным врачом. Короткая война началась внезапно — и так же внезапно закончилась...

Старуха прикрыла глаза. Мгновенная тень, черный вертолет, проносящийся по дну ее памяти. В том ущелье людей расстреливали с вертолетов, как когда-то расстреливали глеф. Ее не было там, но ей казалось, что она помнит — темный силуэт, закрывающий солнце, рев моторов и пулеметные очереди, пыль...

Тишина. Звук набегающих волн.

На вершине скалы обнаружилась компания подростков; вероятно, мальчишки имели виды на занятое старухой место, потому что голоса их звучали недовольно. Старухин слух не позволял разобрать отдельных слов; плеск волн она слышала отчетливо, и крики чаек, и шелест ветра, но человеческие слова смазывались, не задерживались в сознании; вот голоса мальчишек стали особенно звонкими и угрожающими, и кто-то даже бросил камень, упавший в двух метрах от неподвижной старухи; потом возмуще-

ние разом стихло, мальчишки обменялись репликами на полтона ниже — и ушли, признав за старухой ее право на удобство камней и скал, на море, на одиночество.

Она улыбнулась.

На полтона ниже. Тон, тон, полутон; гаммы, гармония, партитура. Ее дело потеряло смысл. Никто и никогда не узнает, была она права или ошибалась. Никто и никогда не услышит того аккорда, который иногда — вот как сейчас — эхом звучит в ее ушах. Наверное, это голос сгинувших Ворот...

Да, конечно, никто не станет сортировать этих ребят на угодных и неугодных Воротам; их рассортируют время, судьба и удача, та самая, что отвернулась от ее сына в раскаленном каменном ущелье... Судьба. Удача.

Может быть, эти самые мальчишки были позавчера на стадионе. И тоже оказались в толпе, повалившей одновременно со всех секторов. Там, где погибли в давке двое пацанов и девчонка. Позавчера. Там, где не было апокалипсиса — все просто хотели поскорее выйти...

Человечеству, лишенному намордника, еще предстоит собирать свою *мрыгу* — по камушку. Собирать и снова разрушать; она может только пожелать ему удачи. Человечеству предстоит новый выбор, но уже без нее, без немощной старухи на берегу моря.

Мальчишки ушли, и каждый унес с собой свою долю апокалипсиса.

Она снова закрыла глаза, но не перестала видеть море. Наверное, ее веки истончились. Стали полупрозрачными, как папиросная бумага; где-то на краю видимости мелькали черные дельфиньи спины. Она знала, что это наваждение, что дальфинов давно никто не видел и не увидит впредь, что дальфины — уже легенда...

Ей казалось, что она смотрит вниз глазами парящей чайки — и видит себя, старуху с очень прямой спиной, так удачно и уютно вросшую в прибрежные скалы, что, казалось, она спокон веков сидит тут, положив подбородок на ладони, а ладонями упираясь о палку.

Она и теплый камень на берегу — равноправны.

Почему? — монотонно спрашивает набегающая на берег волна. Почему? И что будет теперь? Что будет со всеми нами?

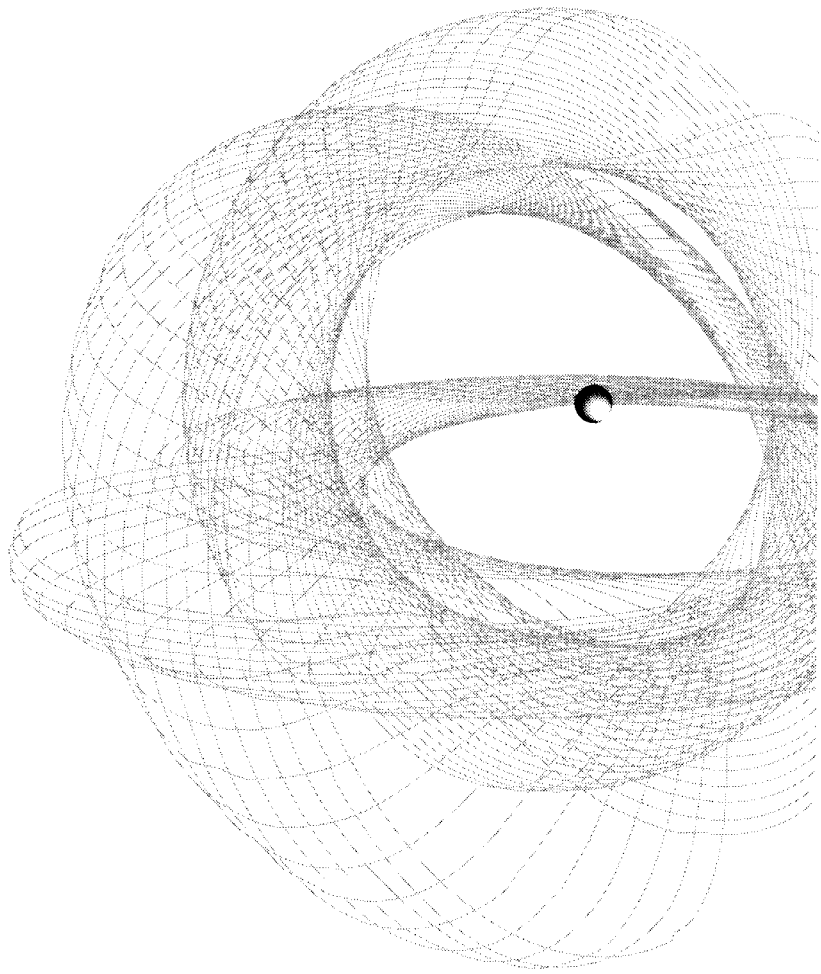
Теплый камень молчит.

И старуха молчит.

Ждет ответа.

ПАНДЕМ

РОМАН



ПРОЛОГ

Двадцать девятого февраля, в самый странный из отмеченных на календаре дней, Дэвид Хаммер, сотрудник уважаемой городской газеты, возвращался домой несколько позже, чем обычно.

Был влажный, почти весенний вечер. На вокзале Чаринг-Кросс Дэвид сел в поезд, который через полчаса должен был высадить его в Восточном Кройдоне. В купе на восьмерых в этот час никого не было, кроме Дэвида и парня лет восемнадцати, который, упав на сиденье, сразу же прикрыл глаза и отдал себя во власть музыки, перетекающей из плоской коробочки плеера в черные клипсы наушников.

Дэвид смотрел в окно — на далекие цепи огней и собственное печальное отражение. Он устал, дома его наверняка ждали упреки жены, которая не терпела, если он задерживался на работе в любой день, кроме пятницы. В пятницу ему разрешалось пить с друзьями пиво хоть до десяти вечера — однако сегодня была среда.

Поезд шел мягко и почти беззвучно. Парень в наушниках ритмично подрыгивал ногой. Дэвид откинулся на мягкую спинку кресла — в этот момент в голове его, где-то в районе затылка, обозначилось ясно ощутимое тепло, и чей-то голос — молодой, как показалось Дэвиду, почти детский — сказал весело и чуть смущенно:

— Привет!

Дэвид покосился на парня-попутчика, удивляясь, почему спустя десять минут пути тот все-таки решил поздороваться. Но парень занимался только собой и музыкой. Глаза его по-прежнему были прикрыты.

— Это я, — сказало в голове у Дэвида. — Это я, ты не пугайся... Дэвид?

Голос был *внутри головы*.

— Дэвид?

Всякому человеку хоть раз в жизни мерещится, что его окликнули. Дэвид потер виски; разумеется, происходящее имело вполне обыкновенное объяснение. Например, включилось радио в вагоне; например, по радио как раз передают художественную постановку, где к герою по имени Дэвид пришел, например, сын. И сейчас этот радио-Дэвид заговорит в ответ...

Он оглядел купе в поисках динамика.

— Дэвид, это я... Слышишь меня?

Может быть, он слышит чей-то телефонный разговор? Может быть, кто-то в соседнем купе говорит по мобильнику с каким-то Дэвидом?

— Я тебя зову... Тебя...

Разумеется, происходящее по-прежнему имело объяснение. Например, Дэвиду подсыпали что-то такое в пиво. Кто, что, зачем, почему? Дэвид попытался вспомнить, кто находился рядом, когда он в компании двух коллег пил пиво в маленьком пабе напротив входа в редакцию...

— Успокойся. Ну успокойся же. Ничего страшного не происходит...

Голос имел своим источником теплое гнездышко внутри черепной коробки, чуть позади воображаемой линии, соединяющей уши. Дэвид не был великим знатоком в психиатрии, однако несколько популярных статей из этой области ему довелось в свое время прочитать; он понимал, во всяком случае, чем «внешняя», истинная галлюцинация отличается от ложной, «внутренней».

Шизофрения!

Дэвид разинул рот, собираясь закричать от ужаса, и только сознание, что он находится в общественном транспорте, заставило его сдержаться.

В этот самый момент парень-попутчик рывком выпрямился, сдернул с головы наушники — и уставился на Дэвида круглыми, очень удивленными глазами.

* * *

Мбасу лежал на пузе, в просвете перед ним имелась дорога, по которой очень скоро должен был пройти караван из трех или даже четырех джипов, пройти и остановиться перед упавшим деревом, и тогда Мбасу и его брат, сидящий в засаде на другой стороне дороги, смогут перестрелять сперва вооруженных, потом безоружных, а потом набрать золотого песка, который добывают

на озере и который бесполезен сам по себе, но на него можно выменять еды и патронов, и командир будет доволен и похвалит Мбасу и его брата.

А еще можно было бы захватить женщину. Несколько месяцев назад Мбасу повезло, и он захватил женщину. Командир был очень доволен и присвоил Мбасу звание лейтенанта.

Мбасу было четырнадцать лет, а его брату было двенадцать. А командиру было двадцать два; он был великий командир, уже генерал. Его отряд держал в страхе полмира. А вторую половину мира держал в страхе ублюдок Гиена со своей ублюдочной шайкой.

У Мбасу был хороший автомат. Это был уже четвертый. Первый он добыл, когда ему было лет восемь, но то был плохой автомат. Если честно, то Мбасу просто снял его с трупа. А этот был хороший, почти новый, Мбасу нравилось его разбирать и собирать. А особенно нравилось стрелять, а для этого нужно было много патронов, а для этого нужно было выследить развозчиков золотого песка...

— Эй, — услышал Мбасу за спиной и тут же перевернулся и дал очередь в лес, хотя никого не увидел. Лучше сперва стрельнуть.

Напротив, за дорогой, колыхнулись ветки. Его брат беспокоился, почему Мбасу стреляет.

— Дурак, они услышали, — сказал голос. — Они теперь не поедут, дурак.

Мбасу долго оглядывался, но все равно никого не видел. Возможно, с ним разговаривал дух. Очень неправильно было со стороны духа явиться к Мбасу именно тогда, когда он лежал в засаде.

— Мбасу, — сказал дух. Мбасу понял, что голос идет не снаружи, а *из головы*. И что, наверное, каравана сегодня не будет, не будет золотого песка, не будет еды и патронов, а значит, командир будет очень недоволен Мбасу и его братом.

В этот момент напротив, по ту сторону дороги, началась стрельба...

* * *

Андреевна вернулась с почты, у дверей стянула с опухших ног резиновые сапоги, щелкнула выключателем и поняла, что света опять нет; свечной огарок лежал наготове. Андреевна чиркнула спичкой, осветив шкаф и умывальник, ящики с помидор-

ной рассадой, детали самогонного аппарата в углу и аккуратный штабелек щепок перед остывшей печкой.

Муж Андреевны, Игнатыч, умер полтора года назад. Сын Борька и невестка Оля жили в райцентре и звали к себе, но Андреевна к ним не хотела.

Андреевна открыла вентиль газового баллона. Сунула в огонь свечи белый кончик уже использованной спички и, когда та загорелась, поднесла к горелке.

Слабенько, привычно запахло газом. Андреевна разогрела на сковородке утреннюю пшенку, залила утренним же молоком. Звонко тикали часы на стене; забрехал во дворе Пират — видно, кто-то прошел вдоль забора. На разные голоса отозвались соседские собаки.

Андреевна сидела, зачерпывая ложку за ложкой, поскребывая об эмалированное дно миски, жевала и думала о рубероиде на крышу и о пленке для парника. И что надо попросить соседа Васю подварить раму на велосипеде. И что сегодня она опять пропустит сериал. И что на ночь надо будет протопить получше, потому что обещали мороз...

В этот момент в голове ее будто зашуршало, негромко, помышиному. Андреевна положила ложку и устало подперла щеку рукой.

Треск в ушах то усиливался, то умолкал. Андреевна вспомнила, что уже три дня не принимает таблетки, которые выписал ей доктор. Со свечкой открыла тумбочку, взяла аптечный пузырек, выкатила на темную и жесткую ладонь белое колесико, разделенное на две равные части тонкой линией-ложбинкой. Полюбовалась; проглотила, запив водой. Поморщилась.

— Андреевна, — укоризненно сказала темнота, но в этот момент вспыхнула лампочка под потолком, а секунду спустя забормотал телевизор.

Андреевна обрадовалась. Задула свечу, уселась в продавленное кресло, положив ноги на деревянную скамеечку. Молодой парень в пиджаке рассказывал прогноз погоды — сразу после него будет реклама, а потом, Андреевна знала, будет сериал...

— Андреевна, — сказал голос *внутри головы,* и, соглашаясь с ним, она повторила вслух:

— Андреевна-Андреевна, старая ты рухлядь, к Михайловне-то опять не зашла сегодня...

Парень в телевизоре как раз сказал: «Днем три-пять градусов мороза». Сказал — и замолчал, глядя на Андреевну выпученными в ужасе глазами.

— А потепление обещали, сволочи, — сказала Андреевна сама себе. — Ну, где ваше потепление?

Парень проглотил слюну. И заговорил быстро и громко, будто желая заглушить собственные мысли:

— Второго-третьего марта ожидается незначительное потепление до ноля градусов днем и минус двух-пяти ночью. Затем снова похолодание до...

И осекся. Дернул головой, словно вытряхивая воду из ушей.

— ...До минус двух-трех градусов мороза днем и пяти-семи ночью...

Андреевна не могла понять, что шумит в ее голове — то самое «давление», против которого помогают белые с ложбинкой таблетки или это ветер качает на крыше телевизионную антенну...

На счастье, прогноз погоды уже закончился. Начиналась реклама.

ТОЧКА ОТСЧЕТА

ГЛАВА 1

Вот уже несколько дней Ким был пьян, не прикасаясь к спиртному; растерянность была столь же непривычна для него, как для форели — жажда. Потрясение пополам с эйфорией привели наконец к несчастью: подмерзшая трасса не пожелала носить на себе рассеянного и беспечного ездока. В четыре утра вокруг было темно и пусто, по обе стороны трассы чернел лес, машина, оказавшаяся на обочине в позе опрокинутого жука, вхолостую вертела колесами, а Ким Андреевич висел на ремне безопасности, пытаясь открыть дверцу и выбраться из мышеловки.

Дверцу заклинило. Мимо промчались фары и скрылись за близким горизонтом: водитель либо не заметил катастрофы, либо решил не забивать себе голову пустяками.

Сегодня утром Ким наполнил бензобак до краев. «Странно, что он не взорвался до сих пор», — думал Ким, вернее, не думал, а *ощущал,* пытаясь освободиться от ремня. Пытаясь высадить стекло. Пытаясь хоть что-то — в эти последние секунды — для себя сделать.

Дверь открылась без его участия — кто-то сумел отпереть ее снаружи. Чья-то рука поймала Кима за руку; сквозь холодный пот и железный привкус во рту он успел запомнить и осознать это прикосновение.

Помощь! Откуда?!

Спустя мгновение он был снаружи, и они со спасителем успели отбежать в сторону, прежде чем бензобак взорвался наконец, и на трассе сразу сделалось светло.

* * *

Все началось две недели назад с того, что Ким неверно поставил диагноз.

Результаты анализов, обследований, рентгеновские снимки

не оставляли надежды нестарому еще учителю химии и биологии; Ким понял это сразу, разговор с женой учителя был похож на десятки подобных разговоров, выпадающих на долю врача специализированной клиники. Пытаться что-либо сделать было поздно — Ким долго объяснял несчастной женщине, почему операция бесполезна и только принесет больному новые мучения; конечно, она не согласилась. Состояние ее мужа ухудшалось день ото дня, он почти не приходил в сознание, тем не менее Ким назначил — скорее для очистки совести — поддерживающую терапию и новое обследование...

Спустя несколько дней больному стало лучше. Анализы изменились словно по волшебству, Ким назначил новый рентген и долго разглядывал темную пленку. Уверенный в ошибке, потребовал повторного снимка; спустя день учитель уже порывался вставать с койки, а жена не отходила от него ни на шаг и смотрела мимо Кима невидящими, полными презрения глазами.

Ким ошибся в диагнозе — это было ясно и без заведующего больницей, тем не менее заведующий явился на негодующий призыв пациентовой жены. Ким был пристыжен, можно сказать, погружен носом в лужу, как нашкодивший котенок; все это было бы печально, если бы не румянец, вернувшийся на округлившиеся щеки недавно умиравшего учителя. Уязвленный и сбитый с толку, Ким успевал все-таки радоваться, что палату покидает не труп, а здоровый человек, у которого впереди долгие годы полноценной жизни...

Авторитет Кима в глазах коллег сильно пошатнулся. Правда, через несколько дней безнадежная больная из соседнего отделения вдруг почувствовала себя лучше, и обследование показало положительную динамику немыслимой скорости.

Авторитет коллеги, ставившего диагноз этой больной, пошатнулся уже не так сильно. Особенно в свете того, что все тяжелые больные — а в клинике легких не держали — вдруг ожили, и печальные диагнозы их принялись лопаться один за другим.

Послеоперационные восстанавливались без единого осложнения. Тех, кого к операции готовили, можно было уже не пускать под нож — нескольких человек прооперировали просто по инерции, чтобы не дать остановиться «конвейеру». Все выжили, все чувствовали себя удовлетворительно, вокруг клиники росло кольцо возбужденных родственников — от них-то, сплоченных бедой, невозможно было скрыть странную счастливую новость. Родственников не допускали в боксы, однако известия о каждом, кто пошел на поправку, передавались из уст в уста, и вот уже в

округе болтали о чудодейственном знахаре, о пролетавшей мимо тарелке, о том, что больница попала под благословение некоего святого проповедника...

Заведующий понимал в происходящем не больше других, тем не менее ему ясно было, что дальнейшее бездействие чревато взрывом. В один из дней (даже самые тяжелые больные уже поднимались, их анализы становились лучше день ото дня, дом борьбы и отчаяния превратился в дом твердой надежды) клиника была оккупирована корреспондентами, всего их было штук сорок. С камерами и диктофонами, фотоаппаратами, блокнотами они заполнили центральный холл, где заведующий дал пресс-конференцию; он был очень сдержан в выражениях, десять раз повторил, что чудес не бывает, что в клинике идет испытание новой методики и что первые положительные результаты — еще не повод для эйфории; корреспонденты разбежались по аппаратным и редакциям, и уже на другое утро вся страна знала, что в больнице города N творят чудеса по специальной методике...

Выпроводив корреспондентов, собрались в ординаторской. Говорили мало. Никто ничего не понимал. Кое-кто невнятно упрекал заведующего. Большинство отмалчивалось. «Как странно, — думал Ким. — Мы все стали свидетелями настоящего доброго чуда, люди, обреченные на мучительную смерть, теперь здоровы и будут жить, но мы не находим себе места, потому что не понимаем, *как*. Незыблемые законы нарушились, мы не знаем, чего ждать дальше...»

Дальше случился наплыв пациентов. Койки приходилось ставить в коридоре; все потерявшие надежду, выписанные из других клиник на верную смерть собрались теперь здесь, Ким ходил бледный и растерянный, медсестры сбивались с ног, аппаратура для сложных обследований работала круглосуточно, под наплывом пациентов пали обязательная стерильность и даже обыкновенная больничная чистота, и на всех снимках, анализах и диаграммах было одно и то же: бурная положительная динамика. Как будто сотни врачей по всей стране дружно ошиблись в диагнозах.

Киму не следовало садиться за руль.

Киму не следовало оставлять так надолго молодую, на седьмом месяце беременности, жену.

В полчетвертого утра он закончил описание очередного снимка, снял халат, сделал выбор между женой и здравым смыслом — и поспешил домой, в то время как подмерзшая трасса...

* * *

— Ничего страшного, — примирительно сказал его спаситель. — Бывает хуже.

В свете бензинового костра Ким впервые посмотрел на него. Его спаситель оказался мальчиком лет пятнадцати, тонколицым темноволосым подростком в слишком легкой, не по сезону, курточке.

Киму захотелось сесть, и он сел на полосатый бетонный столбик. Машина пылала, костер был виден издалека. «Что, если Арина узнает? — подумал Ким. — Надо позвонить Арине и сказать, что все понятно... то есть все в порядке...» Однако телефон остался в машине, деньги, документы, все осталось в машине.

«Это потому, что я взял слишком влево, — стуча зубами, подумал Ким. — Не надо было забираться на третью полосу. А Арина наверняка спит, сейчас ведь ночь, вернее, глухая грань между ночью и утром...»

— Ничего страшного не случилось, Ким Андреевич, — сказал мальчик.

Его слова доносились сквозь шум огня и стук крови в ушах, Ким подумал, что слова излишни, что любое слово, произнесенное сейчас у бензинового костра, останется пустой шкуркой, звуком. «Ничего страшного не случилось, Ким Андреевич...»

«Чей он сын? — подумал Ким. — Он меня знает, он сын кого-то из знакомых, а может быть, пациентов?»

— У тебя нет мобильного телефона? — хрипло спросил Ким.

Мальчик сунул руку во внутренний карман курточки и вытащил плоскую трубку. Надо же, подумал Ким. Кнопки светились спокойным зеленоватым светом — как солнце сквозь морскую воду.

— Она спит, — сказал мальчик. — А милиция уже едет. Никуда не надо звонить.

Некоторое время Ким разглядывал клавиатуру, пытаясь вспомнить свой собственный домашний номер.

— Кто спит? — спросил он наконец.

— Арина Анатольевна, — мальчик смотрел спокойно и отвечал просто.

— Спасибо, — сказал Ким, возвращая трубку.

— Не за что.

— Нет... Спасибо, если бы не ты...

— Я понял, — мальчик улыбнулся.

Ким посмотрел на то, что недавно было его машиной. Зачем-

то пошарил по карманам. Огляделся; трасса по-прежнему была пуста, только где-то очень далеко — на краю света — голосила милицейская сирена.

— Как ты здесь?.. — удивленно спросил Ким.

Мальчик пожал плечами:

— Да так... вот.

— Мотоцикл?.. Велик?.. Ты ведь сын Евгении Яковлевны, нет?

— Нет, — мальчик вздохнул.

— А чей? Прости, я даже не спросил, как тебя зовут...

В этот момент из-за близкого горизонта вынырнули две пары фар и сине-белая мигалка.

* * *

Арина спала. У изголовья горел ночник — Аринина дизайнерская работа; задержав дыхание, Ким прикрыл дверь, жестом пригласил спасителя на кухню.

Упираясь пяткой в носок, мальчик стянул с ног мокрые ботинки.

— Чай будешь? — шепотом спросил Ким. — Кофе? Может быть... коньяк?

— Чай, — сказал мальчик, подумав. — Можно вымыть руки?

Через пятнадцать минут они сидели, разделенные клеенчатым красным столом, и на чистых клетках стояли, будто шахматные фигуры, две чашки без блюдец и два блюдца с неровно нарезанным сыром.

Ким смотрел на чашки, видел нежный парок, поднимающийся над палевой чайной поверхностью, и ни о чем не думал. Вернее, думал ни о чем.

— Это важно? — спросил его гость.

— Что? — Ким поднял голову.

— То, что случилось, важно? — спросил мальчик.

— Да, — подумав, сказал Ким. — Если бы не ты, я сгорел бы заживо.

— Вы будете жить до глубокой старости, — сказал мальчик.

— Да, — снова согласился Ким. — Есть такая примета.

— И ваши пациенты будут жить до глубокой старости, — мальчик заглянул в свою чашку.

Ким подумал, что за несколько прошедших недель он мог бы и привыкнуть к ощущению нереальности происходящего. Точнее, к новой реальности, где обреченные выживают, зато здоровых, уверенных в себе людей поджидает бензиновый костер на ровном месте...

Впрочем, костер его так и не дождался, и этого достаточно, чтобы вздохнуть с облегчением.

Мальчик пил чай как ни в чем не бывало. За его спиной уверенно и резко тикали часы в виде лунного диска: часы тоже были Арининой работой, год назад она купила в хозяйственном магазине самый простой механизм с пластмассовой тарелкой-циферблатом, тарелку сняла, а новый циферблат вылепила сама, сверяясь с увеличенными фотографиями Луны. Синеватые тени оранжевых кратеров были данью Арининой фантазии; на месте цифры «девять» имелся черный силуэт нетопыря.

— У меня к вам разговор, Ким Андреевич, — сказал мальчик.

Место в больнице для какого-нибудь родственника? Деньги? Семейные проблемы?

— Я слушаю, — сказал Ким.

— Вы помните двадцать девятое февраля?

Ким ожидал чего угодно. Вернее, не знал, чего и ждать.

Двадцать девятое февраля...

— Помню, — сказал Ким.

(...Больная посмотрела на него удивленно. «Кажется, я слышу голоса, — пробормотала она. — Как вы думаете, Ким Андреевич, это к лучшему?» — «Голоса?» — переспросил в свою очередь удивленный Ким, в тот же момент внутри его головы, в области затылка, послышалось ясно различимое: «Ким! Не бойся! Я говорю с тобой!..»)

Ким содрогнулся, вспоминая ту нехорошую среду. Он сразу подумал о наркотике, подсыпанном в вентиляционную шахту; у всех, собравшихся в ординаторской, была сходная версия, все были почти спокойны, все владели собой и даже шутили — пока не прибежала сестра, смотревшая в холле телевизор...

— Конечно, я помню, — медленно повторил Ким.

— Прошло два года, — сказал мальчик. — Что же это было?

— Испытание психотропного вещества.— Ким с новым интересом рассматривал гостя. — Или космический катаклизм, вызывающий массовое помутнение рассудка...

— Вы в это верите? — мальчик тонко, по-взрослому, улыбнулся.

— Нет, — Ким не знал, как с ним говорить. Не мог найти верного тона.

— А в то, что диагноз Прохорова Виктора Антоновича от четырнадцатого февраля был ошибочный?

В словах гостя была некая ненормальная точность; к историям болезни, хранившимся в сейфе, никакие мальчики допущены не были. Ребенок Прохорова?

— Ким Андреевич, вы действительно ошиблись в диагнозе? — снова спросил мальчик, глядя Киму в глаза.

— Нет, — сказал Ким.

На кухне сделалось тихо. Снаружи скреблись, ворковали, топтались по жестяному козырьку нахальные дворовые голуби.

«Все всё знают, — подумал Ким. — Только верят по-разному: кто в новую методику, кто в святое благословение, кто в летающую тарелку...»

— Они просто раздумали умирать, — признался он со вздохом. — Я не готов объяснять тебе, почему так случилось.

— Я и не прошу объяснять, — мальчик снова улыбнулся. — Наоборот... я хотел бы сам. Если позволите.

— Объяснить? — Ким не хотел, чтобы в голосе его прорвалась насмешка. Но она все-таки прорвалась.

Мальчик не обиделся:

— У вас ведь объяснений нет? Почему бы не выслушать мою версию того, что случилось в вашей больнице? И заодно того, что случилось двадцать девятого февраля. И того, кстати, что случилось сегодня с вами...

«Стресс, — подумал Ким. — Возможно, приключение с горящей машиной подранило меня куда сильнее, чем кажется...»

Скормить ему легонький транквилизатор?

— Кстати... — сказал он легко и буднично, как обычно говорил с пациентами. — Как ты все-таки оказался... на трассе? Ты что же, ночевал там в ожидании, пока я навернусь?

— Нет, — сказал мальчик. — Не знаю, как вам сказать... как это преподнести получше. Поудачнее, нежели двадцать девятого февраля.

— Что?!

— Вы скоро потеряете работу. Просто некого будет лечить.

Ким открыл рот, чтобы мягко пошутить в ответ — но так и не придумал шутки.

— Что, все будут здоровы, да?

Мальчик кивнул:

— Да. Как ваши теперешние пациенты. Как Прохоров Виктор Антонович.

— Он твой родственник, да? Может быть, отец? Дядя?

— Нет, не родственник. Мне кажется, родственников в обычном понимании у меня вообще нет...

Ким осознал вдруг, что гость сидит, не разжимая губ, а голос его звучит внутри Кимовой головы. На секунду вернулся ужас двадцать девятого февраля — когда останавливались поезда, и самолеты бессильно опускались куда попало, когда телефонные линии не выдерживали лавинообразной нагрузки, когда алкоголики бросали пить навсегда-навсегда, кто-то вопил от ужаса, кто-то пытался покончить с собой, а кто-то искренне недоумевал, из-за чего сыр-бор: подумаешь, голос внутри головы...

Стучали часы. Уютно булькали голуби.

— Как ты это делаешь? — спросил наконец Ким.

Мальчик вздохнул: «Да вот так...»

— Да вот так, — повторил он вслух. — Я подумал, как раз сегодня вам будет легче в это вжиться... в новую реальность. Стресс размывает границы вероятного...

— И... что?

Мальчик смотрел Киму в глаза:

— Предположим, что некое существо... Нет, не так. Предположим, что информация, преодолев некий порог, получает способность... Нет. Предположим, что есть такой комплекс свойств — всеведение, вездесущесть и всемогущество...

— Так, — вырвалось у Кима.

— Так, — мальчик кивнул. — Не всеведение... Но знание, которое приближается ко всеохватному. Не всемогущество... Но возрастающая со временем способность находиться сразу во многих местах. Не всемогущество, но...

Часы за его спиной в последний раз тикнули и остановились.

Ким поднялся, добавил воды в остывший чайник, поставил его на огонь и уселся снова.

— Это... надо переварить, правда? — тихо спросил мальчик.

Ким молчал.

— Два года назад, — медленно сказал гость, — я решил, что, явившись всем одновременно, весело так, по-дружески... что человечество придет в восторг.

Ким молчал.

— Сейчас я пойду, — сказал мальчик. — У вас будет время, чтобы... осознать. Когда — если — захотите еще раз со мной поговорить...

— Я тебя провожу, — резко сказал Ким.

— Не надо, — мальчик помотал головой. — Я и сам... доберусь. А плохо будет, если Арина Анатольевна проснется и не застанет вас...

— Эй... Как тебя зовут?
Мальчик обернулся от входной двери:
— У меня нет имени. Только самоназвание. Пандем.

ГЛАВА 2

Почти четыре года назад Ким встретил свою будущую жену перед входом в художественный институт. Арина стояла, прислонившись спиной к чугунной ограде, а рядом стоял ее однокурсник Генка Травников; его имя Ким узнал много позже — тогда же он увидел просто парня, орущего на девушку.

На тот момент Арина была девушкой Генки. Вернее, добывала в этом качестве последние секунды. Генка был талантлив, он был самый талантливый на их курсе, Арина любила его безумно. Ей было девятнадцать лет.

Генка был талантлив и вспыльчив. Потом, успокаиваясь, он всякий раз на коленях умолял Арину простить его. И она всякий раз прощала, потому что любила его безумно.

Он был ревнив. Она была кокетлива. На этот раз он счел, что она слишком часто улыбается Зубалову. Кто был этот Зубалов, Ким сейчас уже не помнил.

Итак, Генка орал на Арину, прижимавшуюся спиной к чугунной ограде, и ее растерянность давала пищу самым скверным Генкиным догадкам. Глубоко внутри себя он считал, что девушка, если она не виновата, не станет вот так, со слезами на глазах, слушать оскорбления — она непременно даст обидчику по морде, и если бы Арина съездила Гене пятерней с накрашенными ногтями, если бы оставила пять красных полос на бледной от гнева щеке — тогда, вполне вероятно, судьба ее сложилась бы по-другому, и судьба Кима сложилась бы по-другому, и их дети никогда не появились бы на свет.

Арина, застигнутая врасплох, смотрела на Генку широко раскрытыми влажными глазами, и он, называя во всеуслышание ее поведение брутальными точными словами, видел в черных зрачках себя и даже раздумывал, не попробовать ли такой вот ракурс, не набросать ли сейчас эскиз или что-то в этом духе (Ким слабо себе представлял, какими словами думают художники о работе, однако Генкину природу — в каждый момент своей жизни тот был прежде всего рисовальщик — угадал правильно).

Ким в это время возвращался с ночной смены, был сер лицом, но вполне оптимистичен в душе. Увидел сперва девушку,

прижавшуюся спиной к чугунной ограде, а потом орущего — и успевающего любоваться собой в благородной ярости — Генку Травникова. И счел, что юноша ведет себя неприлично.

Со стороны это выглядело так: некто неприметный, со страшным осунувшимся лицом и ввалившимися щеками, подошел к Травникову сзади и взял его за плечо. А когда Генка раздраженно обернулся — сгреб его за щегольской галстук расцветки павлиньего пера, притянул прямо к узким воспаленным глазам и сказал нечто, слышимое только двоим. И Генка, увидев свое отражение на этот раз в небольших глазах незнакомца, вдруг сник, опустил плечи, как-то неуверенно — с третьей попытки — вырвался и поспешил прочь, разом забыв о занятиях, о толпе студентов вокруг и, конечно, об Арине, все еще прижимавшейся спиной к чугунной ограде...

Студентов как ветром сдуло. Все спешили на пару; Арина стояла, прижимая к груди большую картонную папку, и Ким молча проклял себя: зачем он опять вмешался в чужую жизнь?! Кто его звал, защитника хренова, эти двое, может быть, назавтра бы помирились, это же богема, они же сверхэмоциональны, может быть, они так живут, может быть, это такая любовь...

Он извинился и пошел своей дорогой. На углу не выдержал — обернулся; Арина стояла все там же, загородившись от мира папкой, будто картонным щитом, и Ким, потоптавшись, почему-то вернулся.

Потом Генка Травников стал мировой знаменитостью. Но Кима — даже спустя много лет — не мог видеть. Отводил глаза.

* * *

...Он сидел в кресле перед кроватью и смотрел, как Арина просыпается. Как вздыхает, переворачиваясь со спины на бок, и медно-каштановые волосы на подушке укладываются по-новому. Скоро она проснется. Впрочем, время еще есть.

Небольшая, Киму по плечо, она иногда дразнила его: «Дядя, достань воробышка».

Она была то близкая, легкая, вечно улыбающаяся, то, наоборот, замкнутая, отрешенная, далекая. Ким никак не мог отыскать тот таинственный переключатель, который переводил ее из одной ипостаси в другую, впрочем, он давно уже научился любить «сумрачное» Аринино лицо не меньше, чем «солнечное».

Первая ее беременность закончилась трагически.

Сейчас она была бледна до того, что веснушки почти пропа-

ли. Ким знал, что беспокоиться, в общем, не о чем. Специалист, которому Ким доверял как себе, два дня назад сказал, отвечая за каждое слово как под присягой: беспокоиться, в общем, не о чем...

В общем.

Арина заметила — нет, почуяла его присутствие. Улыбнулась, не открывая глаз:

— С добрым утречком...

Села по-прежнему слепая. Протерла глаза кулаком; у нее были продолговатые, как листья ивы, кофейного цвета глаза.

— Привет...

Обняла. Почти сразу обмерла, отстранилась:

— Что?..

Света в комнате было чуть — узкая желтая полоска под дверью да рассвет за шторами. Может, она почуяла запах гари, который он смывал с себя минут двадцать — шампунем, мылом, пемзой?

— Ничего, — сказал он осторожно. — Машину разбил.

— Машину... — она провела рукой по лицу, потом коснулась свежей ссадины на его щеке. — Ты?..

— Только царапины...

Она посмотрела на потолок — не то коротко благодаря, не то спрашивая о чем-то.

— Не волнуйся, — Ким осторожно привлек ее к себе. — Машина — ерунда, железо...

— О господи, — сказала она еле слышно.

ГЛАВА 3

Март был очень теплый.

Кимов шеф был выдвинут на Государственную премию. Из других клиник схожего профиля поступали невнятные, но неизменно оптимистичные новости. Внезапная положительная динамика больше никого не удивляла; собственно, врачи теперь нужны были только для того, чтобы расшифровывать графики и описывать снимки. Мы наблюдатели у конвейера, говорил коллега Кима из соседнего отделения, но в словах его не было горечи. Ему — коллеге — и прежде случалось быть бессильным зрителем, только тогда конвейер тащил пациента в страдание и смерть, а теперь — в здоровье и жизнь; коллега по-прежнему не понимал

природу чуда, но надеялся, как и многие, что большого вреда от него не будет.

Ким Андреевич не удивился, когда среди его знакомых, близких и дальних, не нашлось никого, кто знал бы подростка лет пятнадцати, склонного к фантазиям и ночным одиноким прогулкам мальчика, придумавшего себе самоназвание «Пандем».

Тем временем Аринины анализы были спокойны, как изваяние спящего ангела. Ни намека на патологию; Арина тем не менее скатывалась в депрессию, и с каждым днем все скорее. Если до происшествия на скользкой трассе Кимова жена просто нервничала перед родами, то вскоре после аварии потребовалась консультация специалиста. Прогулки, травы, обтирания, исключение стрессов (насколько это возможно) — все предписания заботливой тетушки с молоточком были выполнены в полном объеме, но Арина оставалась мрачной, нервозной и замкнутой.

Она честно боролась с собой. Пыталась работать. Часами выхаживала по парковым дорожкам. Прятала от Кима слезы.

— Это биология, — говорила она. — Всего лишь химические процессы в моем мозгу... Предродовой психоз. Ничего особенного. Здесь душно, давай откроем форточку...

Ким взял отпуск. При нынешнем положении дел в клинике это было совсем не трудно.

— Говори, — просил он всякий раз, когда Арина снова проваливалась в свои страхи.

Ей было неловко. Он почти принуждал ее.

— Я виновата в том, что Витя...

Витей она называла их первого сына — того, что родился мертвым.

— Ерунда.

— Когда я его носила... Я не говорила тебе... Но у меня было совершенно четкое ощущение, что мир сошел с ума. Что нас окружают чудовища, что будущее состоит из одних только катастроф. Не говори мне, что это психоз, я сама прекрасно знаю. Я думала: вот я дам жизнь новому человеку, беспомощному... И вдруг война. Или чума. Или еще какая-нибудь напасть. Куда я его выпускаю, зачем? Мне было очень трудно выпутаться из этих мыслей. Я пыталась. Я барахталась, слушала музыку, представляла себе сад в цвету и как мы с Витей гуляем по этому саду. Но он все равно замер... Я спрашиваю себя: может быть, он услышал? Не говори мне, что это бред, я сама тысячу раз говорила... себе. Я честно пытаюсь быть сильнее. Но после того случая с аварией... Вру, еще раньше... У меня появилось чувство, что все повторяет-

ся. Что я снова боюсь. Посмотри вокруг... Посмотри телевизор... Посмотри на людей на улице — у них же лица серые! А он — он слышит мои мысли. Ким, я это тебе не затем рассказываю... Я буду бороться, ты не думай. Я думаю о нашем мальчике, воображаю, какой он будет здоровый, счастливый и как я горло перегрызу всякому, кто хоть чуть-чуть его обидит... Ким?

Он обнял ее и долго рассказывал о своей клинике. О пациентах, которые выжили. О том, что все переменится. Что проклятую машину будто принесли в жертву — она сгорела, отводя все напасти от Арины, от ребенка, а может быть, и от целого города. Что в небе над ними будто рука, защищающая от напастей, будто зонтик, большой и надежный, что надо просто жить, радоваться каждому дню и что пора покупать коляску...

Вероятно, он умел ее убеждать. Она расслаблялась в его руках, засыпала спокойно — без таблеток. Он лежал рядом и надеялся, что просветление ее — надолго. Хотя бы на несколько дней.

Иногда он оказывался прав.

* * *

Однажды утром Арина почувствовала себя настолько спокойной и уверенной, что, взявшись за работу, одним махом закончила несложную композицию, мариновавшуюся на рабочем столе вот уже месяца два. Сделав работу, Арина ощутила прилив вдохновения; она тщательно прибрала в квартире, отполировала тряпочкой все до единой безделушки на комоде и наконец затеяла переворот в большом платяном шкафу.

— Погуляй, — сказала она, разглядывая Кимово лицо в бледном зеркале, закрепленном на внутренней стороне скрипучей дверцы. — Серьезно, Кимка. Тебе очень надо. А?

Был понедельник. За окном моросил дождь.

Сознавая Аринину правоту, Ким безропотно натянул кроссовки, вытащил из кладовой заскорузлый футбольный мяч, помнивший запах осенней травы, и отправился на пятачок за гаражами, туда, где из-под влажного бурого ковра выбивались первые зеленые ленточки.

На мокрых кустах сидели, сливаясь с серыми ветками, воробьи. Неприличная надпись на дверце гаража была замазана розовой краской; Ким положил мяч на прошлогоднюю траву в центре лужайки. Сбросил куртку и пустился бегом — по кругу, по кругу, как цирковая лошадь, сперва медленно, а потом все ускоряя темп.

Мелкий дождик сменился снегом. Возможно, последним этой весной. Снег валил все гуще; Ким бежал, слушая свои шаги.

Буро-зеленая лужайка становилась белой. Маленькая снежная шапка лежала на макушке старого мяча. Ким остановился под ржавой перекладиной, вросшей в развилки двух берез, подпрыгнул, ухватился, подтянулся, коснувшись подбородком мокрого металла.

...А ведь жена того пациента, Прохорова, до сих пор думает, что Ким — бездарный коновал, ценящий жизнь больного не дороже прошлогоднего рецепта!

Ким поднимал себя к небу и снова бросал вниз. Касаться подбородком перекладины становилось раз за разом все тяжелее, но он привычно превозмогал себя, подтягивался еще и еще; вот так, думал он, выдыхая воздух сквозь стиснутые зубы. Все будет хорошо, иначе и быть не может. Все будет хорошо...

В том, что машина перевернулась на скользкой трассе, нет ничего сверхъестественного, думал он. Правда, в одном комплекте с аварией мы имеем «чудо Верхнехацкого», как его окрестили по имени моего цепкого шефа. И мы имеем двадцать девятое февраля... Могут ли эти два — ладно, три — события быть связаны между собой? Ну, разве что своей упадочностью... то есть загадочностью. Ни первое, ни второе не имеет убедительного объяснения. А мальчик... Мальчик. Информация переварена, или полупереварена, никакого вывода сделать не удалось, значит, нужна новая информация...

Он разжал онемевшие пальцы и приземлился на голый пятачок земли под перекладиной, черную лысину, протоптанную еще в прошлом году самодеятельными физкультурниками. Стряхнул напряжение, как собака стряхивает воду, и обернулся.

— Добрый день, — сказал мальчик. Он стоял посреди лужайки, в коротком шаге от заснеженного мяча.

— Добрый день, — после коротенькой паузы отозвался Ким.

Мальчик подтолкнул мяч носком ботинка. Оставляя за собой дорожку, мяч покатился к Киму и замер на полпути.

* * *

— Вопрос, откуда я взялся, давай сегодня не задавать...

Мяч был скользкий, трава — мокрой. В юности Ким серьезно занимался футболом, но Пандем, по всей видимости, тренировался тоже. Ким не мог сказать, что возня с мячом не доставляла ему удовольствия.

— Почему?

Пандем финтил.

Погнавшись за мячом, они столкнулись плечами, Ким поскользнулся, но устоял. Пандем шлепнулся на заснеженную траву; несколько секунд они смотрели друг на друга — Ким сверху вниз, Пандем снизу вверх. Потом Ким протянул руку; у Пандема были сильные, перепачканные землей пальцы.

— Почему? — снова спросил Ким, помогая ему подняться.

— Не сумею объяснить точно, — тихо сказал Пандем. — Врать, упрощать, передергивать — не хочу. То есть я могу, конечно, сказать, что самозародился, к примеру, в информационных сетях... Или что-то в этом роде...

— Ты меня гипнотизируешь? Морочишь? Не понимаю зачем.

— Ты же врач, — серьезно сказал Пандем. — Давай не прятаться за кокетливые ширмочки под названием «я сошел с ума».

«Он говорит не как подросток», — подумал Ким.

Пандем поддел ногой тяжелый мокрый мяч. Ударил сильно, без предупреждения — сыграл «в стенку»; мяч отскочил от Кимовых ног по невысокой дуге, и Пандем красиво, с лету, забил его в кирпичную стену гаража. Мяч отпечатал кляксу на желтом кирпиче и вернулся к Пандему под грязный ботинок.

— Значит, ты всеведущ? — Ким попытался отобрать мяч, но Пандем легко отступил:

— Нет. Но я много-ведущ. И мое знание возрастает ежесекундно.

— И когда же ты достигнешь всеведения?

— Никогда. Всегда останется малость, отделяющая меня от абсолютного знания. Она будет сокращаться и сокращаться, но никогда не исчезнет.

— Откуда ты знаешь?

Уводя мяч от Кима, Пандем снова ударил по стене, но промазал. Мяч укатился в щель между гаражами.

— Откуда ты знаешь? — повторил Ким.

Пандем виновато пожал плечами.

— Ты знал, что машина навернется на двадцатом километре? — тихо спросил Ким.

— Да. Но если бы твои пациенты не выздоравливали, а болели и умирали, как положено, — ты был бы внимательнее за рулем и не гонял бы по скользкой трассе. Я тоже виноват... Хотя все равно бы тебя вытащил.

Ким вытер лоб тыльной стороной ладони. В горле саднило — то ли от сырости, то ли от нервного смеха.

— Скажи... А машина перевернулась не по твоей ли воле? Может быть, без твоей воли и волос не упадет, нет?

— Нет, — сказал Пандем почти испуганно. — Машина перевернулась сама по себе.

— Что значит «сама по себе»?

— Согласно физическим законам...

— Извини, — Ким обхватил руками плечи. — Я принимаю тебя за кого-то другого... Так ты не всемогущ?

— Нет. Но мои возможности возрастают...

— ...ежесекундно.

— Да. Ваша клиника уже не уникальна, Ким. Так называемая «методика Верхнехацкого» работает по всему городу, в десятках городов, врачи сходят с ума... Знаешь, я ведь захотел говорить с тобой еще и потому, что ты способен соотносить ценность своей карьеры и человеческой жизни.

— Не понял, — сказал Ким.

— Неважно, — мальчик махнул рукой. — Потом поймешь.

Ким долго смотрел на него. Пандем отвечал ясным, безмятежным, слегка ироничным взглядом.

— Я не верю тебе, — сказал Ким.

«Очень жаль», — сказал мальчик, не разжимая губ. Кима передернуло.

— Извини, — пробормотал Пандем. — Это этап. Это не сразу. Я понимаю, конечно.

* * *

— Да, — сказал могильщик, глядя на купюру в руках Кима. — Обычно в день по десятку, а сейчас — хрен ли! На прошлой неделе старикашка лет под сто, на позапрошлой — старуха... А так... Не мрут. Гробовщики лапу сосут. Прогорают. Оркестр простаивает. Блин. У меня курево закончилось... Хоть работу кидай. Хоть сам иди и кого-нибудь пристукни, — он засмеялся, приглашая и Кима порадоваться шутке, но тот молча протянул деньги и пошел прочь.

Пандем ждал его на узкой скамеечке под жестяным флажком автобусной остановки. Сидел, спрятав ладони в рукава. Не говоря ни слова, Ким подошел и уселся рядом.

— Пока нет возможности устроить полное бессмертие, —

сказал Пандем, будто извиняясь. — Потом. Когда выйдем на звезды.

— Мы выйдем на звезды?

— Разумеется. Мы заселим весь космос. Еще при твоей жизни, Ким Андреевич. Твои дети, возможно, будут первыми бессмертными.

— Ты — сумасшедшая компьютерная программа? — неуверенно спросил Ким.

Пандем рассмеялся — веселый школьник, обаятельный девятиклассник из хорошей семьи:

— Я — паровая машина нового поколения. Искусственный мальчик на диодах и транзисторах. Материализовавшаяся ноосфера. Взбесившаяся программа, разумный вирус, да как угодно меня называй, я соглашусь и не обижусь... Послушай, Ким. Тебе осталось пройти совсем немного. Ты поверишь мне и... и успокоишься.

— Зачем тебе нужно, чтобы я поверил?

— Затем, что я хочу *посоветоваться.*

— Со мной?!

— Не только... За последние несколько дней я огорошил своим присутствием пару-тройку миллионов по всему миру. Разных людей, но в основном скептиков. Все они сейчас проходят свой путь, некоторые уже прошли... Они — островки, семена, вокруг них нарастет знание обо мне, как нарастает новая кожа вокруг подсаженных на рану лоскутков. Двадцать девятое февраля не повторится, нет, теперь-то я стал умнее...

— Сколько тебе лет? — спросил Ким, содрогаясь от внезапной догадки.

— Я взрослею, — тихо отозвался Пандем.

— Скажи, — Ким облизнул губы, — ты бы мог... просто отменить взрыв? Или пусть бы машина вообще не перевернулась? Мог?

— Мог. — Пандем помрачнел. — Но ты уж меня прости... У тебя слишком здоровая психика, слишком уверенные представления о том, что бывает и чего не бывает. А после аварии твоя уверенность поплыла, картина мира ненадолго размылась, и в эту картину смог пролезть я, и ты не успел объяснить себе, что меня не бывает... Понимаешь?

Ким долго смотрел на него. Потом протянул руку; в сантиметре от плеча Пандема рука дрогнула, замерла. Киму пришлось сделать над собой усилие, прежде чем он коснулся сидящего рядом подростка.

— Это форма, — мягко сказал Пандем. — Мне не обязательно иметь человеческое тело, как ты понимаешь. Просто так — удобнее.

— Тебе?

— Тебе, — Пандем глядел на Кима по-прежнему весело и открыто. — Человек говорит с человеком. Это естественно.

* * *

Клиника была пуста. Перед телевизором скучали медсестры, уборщица лениво водила тряпкой по подоконнику. Двери в палаты стояли настежь — во все, кроме пары-тройки последних, где сохранилось еще несколько больных, либо слишком недоверчивых, либо намеренно спекулирующих вниманием сиделок и родственников.

Драгоценная аппаратура молчала. Лаборатория бездействовала. Большая часть персонала прохлаждалась в отпусках, меньшая сидела в кабинетах, бесцельно перекладывая бумажки.

Один только заведующий был при деле. Он заканчивал монографию и дикую — ненормальную — скорость создания столь фундаментального труда объяснил без кокетства:

— Гонки, мой мальчик. Кто первый опубликует исследование — тот получит все.

Ким глядел на стопку распечаток с диаграммами и графиками. Кто-кто, а шеф оставался в своем уме. Шеф был настоящим, обыкновенным, привычным, как вода, которая ищет дорогу вниз. Шеф переваривал чудо, подобно большому ходячему желудку, усваивал, превращая в источник благ; шеф был косвенным доказательством реальности Пандема. Одним из доказательств.

...В тесной комнатушке, отведенной под архив, пахло странно и тяжело — как будто весь воздух клиники, прежний воздух, пропитанный болью и немочью, собрался теперь здесь, спрессовался вокруг старых шкафов, заняв последнюю линию обороны. Папка под названием «Прохоров» уже успела покрыться слоем пыли.

Ким уселся за канцелярский стол, над которым нависала хирургически-яркая лампочка в белом, как колпак медсестры, абажуре. Резкий свет упал на исписанные листы, описания исследований и результаты анализов; Ким извлек из-под бумаг рентгеновские снимки.

Вот первый, сделанный полгода назад в районной поликлинике.

Вот второй — спустя полмесяца в городской больнице. Вот третий, сделанный при поступлении в клинику; опухоль разрастается со страшной скоростью, не оставляя надежд.

Вот два последних — второй был сделан потому, что Ким не поверил первому.

Ким потянулся, чтобы открыть форточку. Спертый воздух архива давил на него, как больничная подушка.

* * *

«Систематизированный бред — стройная логичная система, объясняющая причины и механизмы возникновения того или иного явления. Проработан в мельчайших деталях, поэтому внешне правдоподобен. Как и любой бред, не поддается коррекции, однако благодаря своей строгой логичности обладает свойством инфицировать окружающих. Как правило, систематизированный бред является застарелым и слагается много лет. В отличие от хаотического или ситуативного бреда, внутренне непротиворечив».

* * *

Утром (пять ноль три на дисплее электронного будильника) Ким осторожно выбрался из-под одеяла и нащупал ногами тапочки.

Арина спала. В последние несколько дней ее депрессия и страхи, слава богу, почти совсем улеглись.

Ким пробрался на кухню и прислонился лбом к темному оконному стеклу. Внизу, во дворе, горели желтые фонари. Их отблеск лежал на белом боку холодильника, на циферблате лунных часов, тепло подсвечивал привычные очертания и детали *дома,* каким представлял его Ким и каким он нужен каждому человеку.

«Приснилось, — подумал Ким. — Сон. Все приснилось. Прочь. Вот и утро...»

Он открыл холодильник, вытащил пакет с яблочным соком. Взял с полки стакан; сок был холодный, такой холодный, что ломило зубы.

— Я не сплю, — сказал он вслух.

— Конечно, — тихо ответил Пандем.

Ким обернулся. Пандем сидел на стуле у окна, на том самом месте, куда Ким усадил гостя в его первый — после аварии — визит.

Ким осторожно поставил стакан на край стола. Поглядел, как скатываются по стенкам последние капли сока, как образуют на дне маленькое недопитое озеро.

— Ты реален?

— Вопрос о реальности окружающего мира, — Пандем улыбнулся, — не решен до сих пор. Ни в психиатрии, ни в философии. Устроим диспут?

— Если ты реален — где граница твоим возможностям?

— Уже далеко, — сказал Пандем. — Кое-какие тектонические процессы, темпоральные явления... есть ли смысл об этом говорить?

— Что ты можешь делать с людьми? — Ким остановился у окна, глядя на желтые фонари.

— Ким, — сказал Пандем, — я ведь не исследователь, не дрессировщик и не кукловод. Я ничего не собираюсь делать *с людьми.* Я хочу — *вместе* с людьми — покоя и счастья. Взрыва творческой энергии. Любви. Прорыва к звездам. Бессмертия. Того, чего достоин человек.

— Откуда ты знаешь, чего достоин человек? Что ты вообще знаешь о человеке? Что ты сделаешь с теми, кто не хочет покоя и счастья, а хочет крови и мяса? Рабов? Власти?

— Будем пробовать, — кротко отозвался Пандем. — Видишь ли, Ким, в моих ведь силах прямо сейчас, не поднимаясь со стула, устроить всем-всем, младенцам и старикам, цивилизованным и диким — полное удовольствие от каждой прожитой минуты. Они будут ощущать себя счастливыми изо дня в день. Они будут подниматься с улыбкой и с улыбкой засыпать...

Ким обернулся от окна:

— Ты сказал, что ты не кукловод...

— Ты мне не доверяешь, — Пандем улыбнулся. — Боишься. Ждешь подвоха... Почему *так* нельзя?

— Потому что это модификация. Запрограммированная личность перестает быть человеком.

— Тогда я верну тебе твой вопрос: что ты вообще знаешь о человеке? Почему несчастное бездумное существо, живущее от драки к совокуплению, более человек, нежели другое такое же, но счастливое и не опасное для окружающих?

Ким молчал. Небо светлело.

— Ладно, — Пандем вздохнул. — Ты меня прости... Я ведь в какой-то степени — ты. Я знаю, как тебе противна эта идея — модификация личности. Отвратительна... Но вот, скажем, отобрать у человека его фобию, его навязчивую идею — преступно?

Ким напрягся.

— Я не об Арине, — быстро сказал его гость.

Знает.

Через двор по диагональной дорожке брел дворник, мерно взмахивая невидимой в полумраке метлой.

— Психические заболевания, — тихо продолжал Пандем. — Патологии и пограничные состояния. Можно модифицировать? Не отвечай... Ты спросишь, где граница между патологией и нормой. Ты спросишь, как далеко можно зайти, однажды взявшись за воображаемый скальпель. Если корректировать поступок не убеждением и уж, конечно, не наказанием, а вмешиваться на уровне мотивации... Погоди! Ты спросишь, с какой радости я вообще берусь что-либо корректировать. Я отвечу: с той же самой, с которой ты берешься лечить больного. Вот я вылечил твоих пациентов успешнее, чем это выходило у тебя. Что, я не нарушил при этом правила, к которым ты привык? Что, мир, где люди не убивают и не унижают, слишком хорош для тебя? Что естественно, то неприкосновенно?

«Хорошо бы все-таки проснуться», — сумрачно подумал Ким.

— Не отвечай мне, — тихо сказал Пандем. — Я сейчас оставлю тебя в покое, ты просто перевари еще и это... И не беспокойся об Арине. Ей больше не угрожают никакие депрессии.

Он легко поднялся с табуретки. Ким увидел, что на ногах у него растоптанные тапочки, те самые, которые предлагались родственникам, зашедшим в гости.

Выйдя вслед за гостем в прихожую, Ким на всякий случай встал в дверях комнаты, где спала жена. Мальчик, кажется, не обратил на это внимания — стоя на одной ноге и упершись тощим задом в дерматин входной двери, он завязывал шнурки на кроссовке. Шнурки были длинные, толстые и не очень чистые.

— Только, — сказал мальчик, выпрямляясь, — только, когда окончательно поверишь в мое существование... не ищи способов меня уничтожить. Потратишь время... Это первейший рефлекс — убрать неведомое, взорвать чужое, прихлопнуть непознаваемое. Но тебе же будет тошно от таких мыслей. Ты врач, а не убийца... А кроме того, я сказал тебе честно и совершенно искренне: если бы я выбрал путь модификации — все были бы уже счастливы, окончательно и давным-давно. И Арина, и ты... До свидания.

И он ушел, деликатно придержав пальцем язычок замка — чтобы щелчком не разбудить Арину.

Ким остался стоять в прихожей.

— Привет, brother, — сказал веселый голос в трубке. — У меня день рождения, я принимаю поздравления... Итак?

— Погоди, — сказал Ким, пытаясь разлепить веки (на часах было восемь утра, заснуть удалось только час назад). — Погоди... Какой сегодня день?

— Рабочий, — радостно уверил голос. — Скажешь, только что собирался мне позвонить?

— Я спал, — признался Ким. И прислушался к шуму воды в ванной: Арина уже поднялась.

— С чего бы это? — удивился голос. — Ах, ты же в отпуске, а я думала, ты, как всегда, забыл о нашем с Леркой дне рождения...

— Когда это я забывал о вашем дне рождения?!

— Чем орать, лучше поздравь меня ласково. И Лерке позвони прямо сейчас, а то она на работу уйдет.

— С днем рождения, Александра, — сказал Ким, потирая свободный от трубки висок. — Расти большая и красивая.

— Во-от, — голос в трубке был доволен. — Прости, brother, я честно не подумала, что ты еще дрыхнешь. Завтра в шесть у нас party, приходите с Аринкой к маме с папой, будем пить и безобразничать. Завтра в шесть, как понял, прием?

...Ким отлично помнил удивление, с которым отец сказал ему, вернувшись из роддома:

— Ты знаешь... Не братик и не сестричка.

— А кто?! — поразился семилетний Ким.

Отец со значением показал два пальца (как потом оказалось, он, почти не пьющий, в тот день опустошил объемистую бутылку коньяка):

— Две... две сестрички. Вот это номер!..

* * *

Арина проснулась в полвосьмого; как только она села на кровати, как только огляделась, протирая глаза, как только Ким поймал ее первый утренний взгляд — оказалось, что ей лучше. Еще некоторое время он боялся ошибиться — но Арина поднялась, улыбаясь, свободная от страхов и полная энергии: что сделать, чего купить, а не затеять ли пирожки...

— Пандем.

Темный экран телевизора засветился сам по себе, проявился, как фотография в кювете; с экрана смотрел тот, кого назвали по

имени, и столь эффектное его появление заставило Кима ощутить внезапную усталость.

На кухне Арина, напевая, позванивала посудой.

— Уйди, — одними губами попросил Ким.

Экран погас. Вместо Пандема Ким увидел свое отражение — искаженное, будто в кривом зеркале.

Арина вошла, вытирая руки маленьким оранжевым полотенцем:

— Я вот подумала... Мне к врачу на двенадцать, а потом я могла бы зайти в универмаг и купить девочкам подарки.

— Я сам, — быстро возразил Ким. — Никаких универмагов, лучше пройдись пешком от поликлиники. А если будет дождь, так и вообще никуда не ходи.

— Мне снилось, что ты с кем-то на кухне разговаривал, — помедлив, сказала Арина.

— Да? — спросил Ким так удивленно, как мог.

— Крышку завинчивай, — Арина взяла с книжной полки незакрытую аптечную бутылочку. — Они же испаряются и воняют.

— Ага, — сказал Ким и отвел глаза.

* * *

«Только время, — думал он, следуя от витрины к витрине, от отдела к отделу, от стойки к стойке. — Я мыслю ясно, ориентируюсь уверенно, помню себя твердо; существуют две только вероятности, только две, все прочие — производные от них. Либо Пандем существует, либо, к сожалению, я серьезно болен. Либо я болен, либо... Пандем существует, но он не тот, за кого себя выдает. Например, меня намеренно сводят с ума... ерунда. Меня вербуют куда-то... еще большая ерунда. Меня снимают скрытой камерой, это новая телепрограмма... а вот это точно разновидность бреда. Только время и выдержка, черт возьми, у меня нет возможности проверить, мой ли мозг выстроил эту систему галлюцинаций. Если отмести с порога гипнотизеров, инопланетян, просвечивание лучами сквозь стенку — что останется? Останется двадцать девятое февраля, и если я бредил в тот день — значит, весь мир бредил...»

В универмаге было людно. Ким бродил, как в джунглях, то и дело возвращаясь по собственным следам. Натыкался на людей, извинялся, когда натыкались на него; все, что годилось в подарок сестрам, было неподъемно по деньгам, а все доступное — в подарок не годилось.

— Извините, — сказал он в очередной раз, споткнувшись о чью-то ногу.

И поднял глаза.

Прохоров Виктор Антонович, учитель химии и биологии, еще месяц назад смертник, а теперь круглощекий и деловитый, стоял у прилавка канцтоваров, и рядом с ним имелась маленькая девочка в красном пальтишке.

Ким отпрянул.

Глаза Прохорова изменились — он узнал Кима.

— Здра-авствуйте, — сказал чуть нараспев. — Рад ви-идеть...

— Деда, — сказала девочка и нетерпеливо дернула Прохорова за рукав. — Я выберу синенький и вон тот желтый.

Ким стоял, не зная, что сказать.

...Специалисты, отлично знающие свое дело. Для них пациенты были номинальными людьми, телами, механизмами, записями в истории болезни, собранием анализов и диаграмм. Соотношение смертей и ремиссий зависело от везения да от профессионализма. «К *этому* нельзя привыкнуть», — когда-то говорил молодой еще, начинающий Ким, и его коллега, хирург — золотые руки, щурил холодные внимательные глаза: «Можно. Надо».

— Я тоже рад вас видеть, — сказал Ким. — Я тоже... Извините.

И поспешил прочь. Малодушно сбежал.

«Пандем...»

«Да, Ким», — голос внутри головы.

«Ах, черт... Будь ты неладен...»

«Поверни налево в стеклянную дверь, там бутик, примерочная за желтой занавеской, возьми любой свитер, спрячься в примерочной, поговорим...»

Тяжелая ткань закрылась, отрезая кабинку от пустынного отдела дорогой одежды. В высоком зеркале Ким увидел свое незнакомое лицо — бледное, с очень тонкими белыми губами; опустился на кожаный табурет, положил на колени синий, как небо, свитер — на три размера меньше, чем мог бы на себя натянуть.

...Мог ли он знать, что за дверью налево — этот самый бутик? Теоретически — да... Знал, да забыл...

«Ты нервничаешь. Ты начинаешь в меня верить. Твое представление о мире плывет».

Голос Пандема звучал внутри головы. Ким снова посмотрел на себя в зеркало, засмеялся — тихо, чтобы не смущать продавщиц. Боже мой, и это мужчина, хирург...

«Это нормальная человеческая реакция, Ким. Под слоем

твоего страха и неверия имеется радость, естественное чувство при мысли о том, что кто-то должен был умереть — но живет».

«Пандем...»

«Хочешь, помогу тебе выбрать подарки сестрам?»

— Ты?! — спросил Ким слишком громко. Продавщица, шуршавшая полиэтиленом неподалеку от примерочной, подозрительно притихла.

«Ну конечно, я. Чему удивляться?»

* * *

Сестра Кима Александра вышла замуж в шестнадцать лет и школу заканчивала экстерном; по пятницам (и иногда по вторникам) замужняя Сашка ходила в школу вместо сестры Леры — в пятницу были сдвоенные уроки обожаемой Сашкиной литературы, а на вторник выпадала обычно сдача физкультурных нормативов. Ким знал, что «литераторша» прекрасно различала близнецов, зато «физкультурник» — нет.

Сашкин муж был старше ее на год и после школы поступил в военное училище. Характер у него был чудовищный — в первые месяцы после Сашкиного замужества Киму неоднократно случалось драться с будущим офицером, разрывать с ним отношения навсегда и снова, стиснув зубы, мириться. Алекс (а имена у юных супругов были одинаковые) будто поставил себе целью делать все наоборот и вопреки; отец его, преуспевающий адвокат, мостил сыну мягкую дорогу на юридический — тот с наслаждением ослушался и пошел в казарму. Родители Кима переживали за дочь, родители Алекса приходили извиняться за сына, сама Александра готова была защищать мужа зубами и когтями (у Кима навсегда остался маленький шрам на мизинце — сестра в пылу полемики укусила). Так миновал нервный год; на втором курсе училища Алекс очень неудачно сломал ногу, был комиссован и до сих пор слегка прихрамывал.

Со временем его характер немного выправился: оставаясь упрямым, самоуверенным и желчным, Сашкин муж тем не менее обтесался и повзрослел. Их с Кимом отношения, прежде не особенно теплые, теперь сделались если не родственными, то по крайней мере товарищескими.

— О-о! Sister-in-law! О-о! My dear brother! Привет, красавцы! Ма-ама, они явились уже! Ариночка, я бы сказала, что ты прекрасно выглядишь, но боюсь, ты сочтешь это пошлым комплиментом, поэтому я промолчу, несмотря на то что ты выглядишь

потрясающе... Жрать у нас особенно нечего, вы же не есть сюда пришли, а поздравлять именинниц и веселиться... Арина, есть безалкогольное шампанское. Алекс, забери со стола эту селедку, весь дом провонял, как затонувший сейнер... Нет, Ким, подарки спрячь пока, подарки — за столом... Шурка, не вертись под ногами. Папа, забери Шурку, ну я прошу, дай ему какую-нибудь железяку раскрутить... Например, приемник старый...

На втором курсе журфака Александра родила сына — без отрыва от учебы. Младенца назвали не долго думая Александром; побывавший в рюкзаке-«кенгурушнике» на многих зачетах и даже лекциях, Шурка получился какой-то ненормально умный — уже в пять лет его отдали в школу для особо одаренных детей, и он блистал там, решая уравнения. Правда, с виду в Сашкином сыне никак нельзя было заподозрить «головастика» — здоровенный и краснощекий, он уродился характером в мать, а значит, был шумный, не очень аккуратный и чрезвычайно шкодный.

— Привет, дядь Ким! Привет, теть Арина! Этот — младенец — еще не родился? А вы мне — это — его покажете, когда он?..

— Ну конечно, тебе — первому... Держи, — Арина сунула Шурке в руки керамический домик-подсвечник.

— Спаси-ибо! Какой ка-айф!

У Шурки была одна очень милая черта — он искренне радовался любому подарку вне зависимости от его цены и ценности.

— Поздравьте Лерку, — строго сказала Александра. — Она на кухне.

Ким взял второй букет цветов и по узкому, памятному с детства коридору прошел на кухню. От плиты обернулась точная копия Александры — такая же черноволосая, с высокими скулами, с насмешливыми черными глазами женщина двадцати четырех — нет, уже двадцати пяти — лет от роду.

Валерия жила с родителями. Ни мужа, ни детей у нее не было.

* * *

«Пандем?»

«Да?»

Сашка обожала шумные праздники. Семейство сидело за большим столом — Александра с мужем и сыном, Лерка, Ким, Арина, родители и четыре Сашкиных подруги с двумя мужьями. Комната, не рассчитанная на такое количество народа, казалась раздувшейся, как переполненный чемодан.

«Пандем?»

«Не шевели губами. Зачем?»

Ким плотнее сжал губы и наклонился над тарелкой. Ему казалось, что он делает что-то запретное. Что в беззаботное общество родичей он принес мину, или опасную болезнь, или плохую новость.

Александра и Лерка восседали во главе стола плечом к плечу; Александра с детства любила играть в «одинаковцев» и, будучи уже взрослой, нет-нет да и покупала вещи в двух экземплярах — себе и сестре. Лера, одинаковой одежды никогда не любившая, в честь дня рождения уступила Александре и надела белый свитер-близнец; сидя за столом, сестры казались отражением друг друга, и только Шурка, к этому моменту поселившийся в уютном домике-под-скатертью, мог свидетельствовать, что под столом на тете надета юбка, а на маме — черные брюки-клеш.

— ...Разрешите сказать тост! — папа, Андрей Георгиевич, поднялся. В свои шестьдесят с лишним он был импозантен, подтянут и моложав. — Я хочу поднять этот бокал — в первый, заметьте, раз! — за наших славных девочек, которые...

Гости выпили и загалдели. Ким потянулся за полиэтиленовым пакетом, заранее «заряженным» на спинке стула. Александре полагался альбом с репродукциями Моне; взглянув на подарок, его не склонная к восторгам сестра слегка разинула рот:

— Как? Ты... Ну ни фига себе! Как ты догадался? Я на него уже месяц... Ну, Кимка, спасибо! Ну ты выдал!

Расцеловавшись с Александрой — звякнула посуда на покачнувшемся столе, — Ким извлек из пакета обувную коробку. Гости притихли; Лера открыла крышку и вдруг покраснела — белый воротничок свитера подчеркнул ее смущение, делая румянец глубже и ярче.

— Ну ты даешь, — только и проговорила Лерка.

В коробке лежали тонкие аквамариновые босоножки на высоком каблуке.

...Это ничего не значит, думал Ким, глядя, как Лерка торопится в коридор — примерить обновку. Это не довод, думал он, когда обнаружилось, что босоножки сидят на сестре идеально. Я мог угадать их потаенные желания... Все-таки они мои сестры, я их неплохо знаю... Какие-нибудь случайные слова могли всплыть из подсознания... Подсознание могло само...

«Разумеется. Тем более такое замечательное подсознание, как твое».

Во внутреннем голосе звучала ирония. Ким едва удержался, чтобы не потрясти головой.

Мама смотрела на него с восхищением:

— Ты же никогда в жизни не дарил обуви!

— У нас с Леркой нога нестандартная, — горячо подхватила Александра. — Подъем большой, сто лет намучишься, пока купишь... Аринка, признавайся, это ты выбирала?

Арина отнекивалась. Ей не верили.

— Я их позавчера в универмаге примеряла, — отрешенно бормотала Лерка. — По-моему, эти самые. По-моему, в моем размере там была одна только пара... Ты что, за мной следил?

Кимова улыбка — он чувствовал — становилась все более напряженной. Жестко, по-спортивному работали растягивающие рот мышцы.

...Что, если вся эта вечеринка — плод его воображения? Нет ни мамы, ни сестер, ни Арины. Или — хуже — они есть, но склонились над ним, пытаясь разобрать хоть слово в его бормотании. А он лежит в больничной пижаме, смотрит в потолок, видит картины, не чувствует реальных прикосновений...

«Ким... Ты бы поменьше занимался собой. Они счастливы, между прочим».

«Я рад за них».

«Ну и ладушки. А я рад за тебя».

Подарки прочих гостей прошли почти незамеченными. Александрина подруга даже обиделась; к счастью, ее обиды хватило ровно на двадцать минут. Миновали подряд еще три тоста; гости расслабились, общий разговор распался на несколько шумных, мешающих друг другу болталок. Говорили о новостях, о каких-то интригах вокруг городской газеты, об общих знакомых, которых и Ким, и Арина видели в лучшем случае на экране телевизора. Арине было интересно; Ким почти не слушал.

«Пандем... А пациента Прохорова ты привел на встречу ко мне? Или это случайность?»

«Ты же знаешь, и почище бывают случайности... Он собирался с внучкой в универмаг. Я всего лишь задержал их у канцтоваров на две минуты дольше...»

«Кукловод».

Молчание. И секундное молчание за столом; Ким вскинул голову:

— А?

Но все смотрели не на него, а на Алекса.

— ...Совершеннейший козел, — продолжал Алекс как ни в

чем не бывало. — Шаманские пляски на бубне. Да, знахари в последнее время зажрались...

— У меня приятельницу знахарь вылечил, — нервно сказала Сашкина подруга. — У нее была опухоль... А теперь даже официальная медицина признает, что опухоли нет!

— Подумаешь, — сказал Алекс. — Вот у Кимки в клинике всех больных повыписывали. Говорят, здоровы. А поди знай, что с этими здоровыми случится через полгодика.

«Ким?»

— Они здоровы, — сказал Ким сквозь зубы. — Я вчера в универмаге видел своего пациента. Он здоров.

Алекс улыбнулся той знакомой желчной улыбкой, которая когда-то доводила Кима до бешенства, а теперь только слегка раздражала.

«Я не кукловод, Ким. Мне противно быть кукловодом. Это все равно если тебе сказать, что ты взяточник...»

Ким криво усмехнулся:

«Иногда мне кажется, что ты ребенок, Пандем».

«Штампы, Ким. Стереотипы. Ты боишься меня — твое сознание защищается, ты ищешь во мне маленького и слабого. Чтобы хоть как-то со мной примириться».

— ...голый король. Да, он снял два-три крепких фильма, но эта последняя его премьера — более чем убожество...

— ...об этом парне, он талантлив, ему бы хоть толику вкуса...

— ...плотный текст. Трудно читать, с удовольствием вязнешь, как в киселе... Нет, как в бетоне!

«Пандем, зачем ты?..»

«Чтобы мир был таким, как должно».

— ...Да, вот вы смеетесь, а этот Спорников был в эфире на двадцать девятое февраля. На то самое двадцать девятое! И у него сидела целая студия гостей — в прямом эфире! Как-то он смог удержать панику, хотя у него самого в голове балаболили святые Екатерина и Маргарита...

«Пандем!»

«Да?»

«Ты читаешь мысли?»

«Я присутствую при их рождении».

— О господи, — сказал Ким шепотом.

Лера внесла в комнату двухъярусный торт со множеством сдвоенных свечей. Гости зааплодировали.

* * *

— Замечательная ночь, — сказала Арина. — Совсем весна.

«О чем я думаю? — спрашивал себя Ким. — О ерунде какой-то. Вот мокрый асфальт, вот бумажка на столбе, вот коробка из-под сигарет в луже... Но не могу же я все время прятать свои мысли! Не могу все время думать, что я думаю...»

— Ветра нет, — сказала Арина. — Если бы не так поздно — я бы прошлась... Кимка, что с тобой?

Ее ладонь приглашала спрятаться. От ветра. От себя. Жаль, что у него такое большое лицо, а у нее такая узкая ладошка...

Пахло терпкими духами. Арина любила терпкие.

(Как во сне, когда видишь себя голым посреди проспекта...)

— Вернусь и вызову такси, — сказал Ким, но в этот момент из-за поворота выглянул большой автобус с «гармошкой» на брюхе.

(Я не хочу свидетелей! Я имею право быть в одиночестве... Внутри себя — наедине с собой!)

— Нам повезло, — сказала Арина автобусу. Потом вгляделась в Кимово лицо: — Ты пьяный, что ли?

(Неужели все это — порождение моего мозга?! Двадцать девятое февраля... Но этого щенка кто-нибудь, кроме меня, видел? Никто...)

Ким подсадил Арину на подножку. Салон был почти пуст, если не считать подвыпившего старичка, дремавшего на переднем сиденье, и подростка, рисующего рожицы на запотевшем стекле.

— Ким, ты вроде бы почти не пил? Что с тобой? — Арина села, в этот момент подросток у окна обернулся.

Автобус резко тронулся, Ким с трудом удержал равновесие.

— Ким Андреевич, добрый вечер! — поздоровался Пандем.

— Добрый, — глухо сказал Ким.

— Мы играли в футбол, — пояснил Пандем в ответ на вопросительный взгляд Арины. — С Кимом Андреевичем. В понедельник. За гаражами.

— А-а-а, — Арина улыбнулась, как будто воспоминания о том дне были ей чрезвычайно приятны. — Ты еще пришел весь грязный...

— Да, — сказал Ким.

«Арина меня тоже видит».

— Да, — повторил Ким.

— Так мы соседи? — спросила Арина.

— Почти, — мальчик улыбался. — Только мне на одну остановку раньше выходить, чем вам.

— Это не опасно — так поздно домой возвращаться?

— Ни капельки не опасно!

«Ким, я ведь не человек, я часть мира, а ты ведь не стесняешься деревьев, неба... Не испытываешь неловкости перед морем... Тебя бы не смутило, если бы дождь слышал твои мысли...»

Автобус причалил к очередной остановке.

— До свидания, — сказал Пандем.

— Симпатичный пацан, — сказала Арина, когда дверь за ним закрылась. — Обаятельный.

ГЛАВА 5

В семь утра — Ким и без того почти не спал — позвонил Аринин брат, Костя.

— Ким? Прости, если разбудил...

— Ничего, — сказал Ким, выходя с телефоном на кухню.

— Иванке хуже, — сказал Костя и громко вздохнул в трубку.

Иванкой звали Костину годовалую дочку.

— Ким... Тут такое дело... Мы ночью «неотложку» вызывали... Ты не знаешь, не мог бы посоветовать, ну, какого-нибудь педиатра хорошего, ну, ты понимаешь...

— А что с ней? — спросил Ким.

— Температура, — Костя вздохнул еще громче. — Не спит... Каждые три часа приходилось сбивать. И сейчас поднимается...

— Я сейчас приеду, — сказал Ким и положил трубку. Быстро написал записку Арине — и уже в дверях замешкался:

— Пандем?..

«Твоей племяннице ничего не угрожает. Это простуда».

...Костя стоял посреди комнаты, держа в одной руке миску с водой и мокрой тряпочкой, в другой — градусник; большая неустроенная квартира (перекати-пыль под диванами, растрескавшийся потолок, обои, разрисованные недрогнувшей младенческой рукой) пропахла уксусом.

— Спит, — сказал Костя шепотом. — Вот только что уснула.

На кровати сидела Даша — бледная, в халате, со спящим ребенком на руках. Лицо ее выражало немыслимую, безо всякой надежды скорбь.

— Привет, — шепотом сказал Ким.

— Мы ее вытерли уксусом, и она уснула, — повторил Костя.

У Иванки были длинные светлые ресницы. И она вовсе не выглядела такой уж больной — просто спящий ребенок. Зато Даша своим затравленным видом раздражала Кима все больше.

— Ну-ка, посмотри на меня, — сухо велел он. — Ты думаешь, от твоих слез ребенку будет лучше?

У Даши затряслись губы.

— Возьми себя в руки! — вполголоса приказал Ким. — Посмотри, на кого ты похожа... Да, дети болеют! И ты должна помочь ребенку, а не мешать ему!

— Не могу, — прошептала Даша. — Я не могу ее... Это я ее простудила позавчера. Надо было надеть сиреневый комбинезон, а я надела красный...

Она закусила губу, сдерживая рыдания.

— Перестань! — рявкнул Костя.

«Пандем?..»

«Она здорова. Температура упала полчаса назад».

Ким протянул руку — и осторожно коснулся Иванкиного лба.

— Слушай, а она... давно температуру?..

Даша потрогала дочкин лоб губами. Недоверчиво воззрилась на Кима.

* * *

По специальности Костя был инженер-станкостроитель, но за всю жизнь ему так и не пришлось спроектировать ни одного станка. Ничуть не печалясь по этому поводу, Костя немножко торговал машинами, немножко чинил компьютеры, немножко зарабатывал извозом; одно время он даже собирался быть политиком, но выборы проиграл. Арина относилась к брату сложно — тот был на семь лет старше и совершенно иной по характеру. Всегда веселый и легкий в общении, он никогда не планировал жизнь дальше следующего утра, и его радостное равнодушие по отношению ко всем, включая ближайших родственников, подчас бесило сдержанную и обязательную Арину:

— Все детство он меня терял! Пойдет куда-то, а меня забудет в песочнице или на скамейке. Я иногда ревела, а иногда и радовалась. Мама работала с утра до ночи... Забирал меня из садика, мои воспитательницы пытались ему, десятилетнему болвану, внушить, чтобы трехлетнего ребенка посреди людной улицы не бросал. Куда там... Помню, на обратном пути он покупал селедку и мороженое, сам ел и меня угощал. Помню вкус этой селедки...

пополам с мороженым... Ботинки мокрые по колено... песок на зубах... Я ведь его обожала, все-таки старший брат...

Костя улыбался, слушая эти воспоминания. Он был коренастый, круглолицый, с прямыми светлыми волосами, с милыми ямочками на щеках. В свои двадцать девять он выглядел, как студент-младшекурсник, и встречные девицы на улице нет-нет да и бросали на него заинтересованные взгляды.

«Слушай, Пандем... А он Дашке изменяет?»

«Не отвечу».

Ким почувствовал себя глупо. Очень неловко ощутил себя — как будто, рассказав анекдот на грани фола, вместо смеха получил в ответ удивленные, разочарованные взгляды.

«Извини...»

«Никогда не извиняйся передо мной. Излишне».

* * *

— Ты можешь сделать небо зеленым? Или сиреневым? Изменить состав атмосферы таким образом, что...

— Могу. Но для этого не обязательно менять состав атмосферы. Я могу сделать так, чтобы люди *видели* небо сиреневым.

— Так... А чтобы я *видел* Арину, например, чужим и опасным человеком — ты можешь это сделать?

Они сидели на берегу пруда. Щели скамейки были залеплены комочками засохшей жвачки — много килограммов жвачки, белой и розовой. Наверное, малолетние влюбленные, столь ценившие эту скамейку в сумерках, сперва все-таки вынимали жвачку изо ртов, а уж потом целовались...

— Хорошо, — вздохнул Пандем. — Прикажешь убить твоих пациентов обратно? Или затолкать тебя обратно в машину за секунду до взрыва?

У самого берега плавали утки. С надеждой глядели на Кимовы руки. Хлеба не было.

— Но ты приписываешь мне все глупости, которые твое сознание связывает с картинкой «человек при огромной власти», — продолжал Пандем. — А я совершенно не человек и на человека не похож. Я — ожившее понятие, если хочешь... Если это неуклюжее определение тебе в чем-то поможет.

Газон вокруг скамейки был лыс и черен, будто старая автомобильная покрышка, и только возле одной круглой, как копыто, чугунной ножки виднелись первые норки дождевых червей.

— Сперва на Земле откуда-то взялась жизнь, — со странным

удовлетворением сказал Кимов собеседник. — Затем у жизни откуда-то взялся разум, затем у этого разума откуда-то появился Пандем...

Он протянул руку над влажной черной землей. Земля зашевелилась; мелькнули белые ниточки корней, выглянули свернутые в трубочку листья, расправились и полезли все выше и выше, к небу и к протянутой над ними руке. Широко, будто удивленные рты, раскрылись бледно-фиолетовые пушистые цветы с оранжевыми тычинками. Запах, от которого Киму захотелось дышать чаще, расползся над землей почти осязаемым облаком.

— Это весна, — тихо сказал Пандем. — Вспомни, когда ты был ребенком — ты умел доверять.

Газон вокруг зеленел. Повсюду поднимались желтые головки одуванчиков.

— Если бы я хотел тебя заставить, — еще тише сказал Пандем, — ты уже сейчас был бы моим лучшим другом. И верил бы мне, как младенец — маме.

И вытащил из кармана засохшую булку. Утки оживились.

— В моих силах уничтожить болезни вообще. Не только смертельные, но и насморк. Даже порезы и царапины будут мгновенно заживать. Медицина превратится в анатомию — описательную науку для любознательных. Фармакологии не будет. Роды станут личным делом роженицы... Все младенцы выживут, все без исключения доживут до глубокой старости.

— Врачи мира очень удивятся, — глухо сказал Ким. — Врачи, фармацевты, страховые фирмы...

— Ты — лично ты — готов смириться с тем, что все твои знания, умения, опыт и авторитет больше никому не нужны?

— Готов, — сказал Ким, глядя на трапезничающих уток.

— С остальными я тоже договорюсь, — пообещал Пандем. — Эйфория будет сильнее разочарования, вот увидишь... Далее: я думаю оставить в прошлом все без исключения вооруженные конфликты. Армии разойдутся по домам, высвободятся колоссальные ресурсы...

— Драки на школьных дворах ты тоже прекратишь? И если прекратишь, то как?

Пандем заложил руки за голову:

— Что ты скажешь, если персональный педагог, понимающий ребенка лучше, чем ребенок понимает себя, присутствующий рядом в каждый момент его, ребенкиной, жизни, поможет ему разрешить конфликт без драки? Либо в случае надобности

«организует» драку так, чтобы вместо членовредительства из нее вышел воспитательный эффект?

— Ладно, — помолчав, сказал Ким. — Ты что-то там говорил про армии?

— Да. И если ты воображаешь себе толпы безработных людей, которые вчера были армейскими офицерами, или полицейскими, или членами парламента, и вот теперь рыщут, голодные и злые, в поисках куска хлеба или смысла жизни...

— Как? Парламенты — тоже?

— А зачем они нужны, Ким? Останутся правительства как система администраторов. Все. Никаких законов не будет, потому что законы уравнивают, а люди — уникальны. Я — внутри каждого человека, воспринимаю его как индивидуальность и говорю с ним без свидетелей.

— Управляешь?

— Я не манипулятор. Я собеседник.

— Это... принципиально?

— Совершенно.

— Ты... не врешь?

— Чтоб я сдох, — серьезно сказал Пандем. — Крест на пузе... Ты знаешь, нынешняя моя оболочка уже не помогает нам общаться. Наоборот.

— А деньги? Что, деньги тоже не нужны? Банки, банкиры, ценные бумаги, биржи...

— Видишь ли... я могу уничтожить все светофоры в городе, все дорожные знаки и заменить их собой, своими советами-предписаниями. Я могу... надо ли? Нет, пусть отработанный механизм вертится, я могу оптимизировать его — ну и, разумеется, исключить злоупотребления. Так что... если со временем система отомрет — я не буду ее оплакивать. Но сносить ее специально — нет, не буду.

— Стало быть, ты не хочешь быть нянькой при человечестве? Вообще, какую степень свободы ты предполагаешь нам оставить? Убить кого-то или покончить с собой обыватель не волен. А обругать? А выбрать профессию, к которой, по твоему мнению, не способен? А жениться на стерве? А украсть кошелек?

Пандем забросил в озеро новую порцию булки. Утки не поддавались счету: прежде их было, кажется, четыре, а теперь не то шесть, не то восемь.

— Жесткое ограничение одно: жизнь до глубокой старости. Чуть менее жесткое ограничение — свобода и благополучие тех, кто вокруг. То есть женись на стерве, если стерва не против. Выбирай профессию какую хочешь. Что до кошелька... вероятно, мы договоримся все-таки до необходимости уважать окружающих. Не только собственность...

— Кстати, да, собственность! Если у кого-то в сарае спрятан ресурс, позарез необходимый обществу...

— ...Взламывать сарай не будем. Договоримся, а если хозяин ресурса решительно заупрямится — что же, не будем настаивать. Найдем какой-то другой ресурс, а хозяину пусть будет стыдно...

— «Стыдно» — это наказание? Вообще, какие наказания нас ждут?

— Провоцируешь? — Пандем улыбнулся. — Никаких. Только те, которые ты сам готов на себя наложить... Лишить себя воскресной сигареты...

Утки нажрались, но уплывать не спешили.

— Хорошо... А как давно ты есть? Было ведь время, когда тебя не было? Был момент твоего рождения?

— Нет, — Пандем стряхнул крошки с рукава. — Я не родился и не пришел, я — возник. Время, когда меня не было, оставило по себе совокупность знаков. Я вижу их в земле, в живых и мертвых языках, в твоем лице...

— Скажи... — Ким запнулся. — А... повернуть время вспять?

— Сейчас — нет. Потом — наверняка.

— А воскресить мертвого?

— Да. Но зачем? Мертвых будет не так много.

— А летать?

— А ты хотел бы? — Пандем улыбнулся.

Ким почувствовал, как скамейка уплывает из-под него. Как он поднимается, будто в детском сне, и зависает в плотном упругом воздухе.

— Руками маши, — сказал Пандем снизу.

— Вер...ни, — проговорил Ким. И скамейка вернулась на прежнее место.

— Страшно? — спросил Пандем.

Ким судорожно, по-куриному кивнул.

— Весь твой опыт говорит, что меня не бывает, — мягко сказал Пандем. — Это естественно. Ты привыкнешь.

* * *

В церкви пахло весной, воском и ладаном. Огоньки свечей завораживали, люди казались темными силуэтами, донными рыбинами в прозрачной холодной воде — каждый сам по себе, каждый наедине с собой.

Ким долго, вопросительно разглядывал светлые лица под золотыми нимбами. Неумело перекрестился; стоявшая рядом старушка заворчала с осуждением. Не дослушав ее инструкций, Ким тронул Пандема за рукав и двинулся к выходу; заскорузлые ладони нищих протянулись, как листья. Ким выгреб мелочь из кармана и положил по монетке на каждую ладонь.

Под солнцем было почти жарко. Всюду, где только имелась свободная от асфальта земля, зеленели ростки и стебли, и первый одуванчик — на безопасной короткой ножке, но вызывающе желтый — выглядывал из-под церковной ограды.

— Скажи... — начал Ким. — Скажи, столько народу во всем мире надеются и ждут... Почему ты явился ко мне? Который не ждал? Которому тебя не надо?

— Они ждут не меня, — тихо отозвался Пандем. — Это было бы нечестно.

* * *

«...Итак, я собеседник. И единственная причина, по которой я стану вмешиваться в мозг напрямую, — психическое расстройство, не поддающееся иной коррекции».

Ким сидел в вагоне метро, в самом углу. В темных стеклах отражались люди, читающие, дремлющие, глазеющие по сторонам, висящие на брусьях поручней либо вольготно развалившиеся на дерматиновых диванах; напротив Кима сидела пухлая растрепанная блондинка, увлеченная пухлой растрепанной книгой, и в окне за ее спиной Ким мог видеть собственное лицо. Стекло было кривое, а потому глаза и лоб Кима казались гротескно-огромными, как в страшном мультфильме.

«Хорошо. Что будет с теми, кем забиты тюрьмы и колонии? Как ты видишь их будущее — тех, кто был осужден на пожизненное, допустим, заключение? За убийства, поджоги, изнасилования? Где им место в твоем мире?»

«Там же, где и всем. Наказанием им будет раскаяние, и уверяю тебя, оно гораздо более действенно, нежели тюрьма».

«Ты наивный! Господи, ты с такой властью — такой наивный!»

Ким видел в зеркале темного окна, как шевелятся его губы и как нервно блестят глаза. Как сухая старушка, сидящая рядом и тоже отраженная стеклом, раз и другой на него косится.

«Ты не веришь в совесть?»

«А кто будет совестью? Ты? Жужжание пчелки в большой бритой голове: убивать нехорошо? Как тебе не стыдно? Так?»

«Нет, Ким... Ты забываешь, что я — это каждый из них. Я вижу их изнутри. Каждое колебание, каждое хотение и каждый страх. Каждая минута памяти. Мир, который они видят не так, как ты. Их мир иерархичен, и для начала я просто займу верхнюю ступеньку. А потом... Кое-кому мне удастся вправить вывихнутое представление о жизни, прочих сделаю по крайней мере безопасными для окружающих».

«Только словом?»

«Я собеседник».

«А если они откажутся слушать тебя?»

«Я сумею договориться. Напугаю, подкуплю. Всем им что-нибудь нужно».

Поезд затормозил — стоящие пассажиры качнулись вперед, как лес под порывом ветра. Сидевшая напротив блондинка, будто внезапно проснувшись, вложила в книгу палец вместо закладки и поспешила к выходу; на ее место опустился нетрезвый старикашка лет сорока, одутловатый, с «очками» серой кожи вокруг воспаленных глаз. На его брезентовой куртке, когда-то светлой, имелась надпись «Boss».

«А что скажут родственники жертв? Когда увидят убийц, ненаказанных, преспокойно разгуливающих среди людей?»

«С родственниками у меня будет совершенно отдельный разговор... Видишь ли, вот ты видишь людей категориями, группами: «родственники», «пациенты», «пассажиры»... Я вижу каждого в отдельности. Только человек. Этикетки не имеют значения... Поэтому не будет законов. Закон уравнивает».

Сидящая рядом старушка разглядывала теперь пьяного на сиденье напротив; что-то глубоко личное было в ее взгляде.

«Как с этим?»

«Просто. Он будет пить — будто воду. И с тем же результатом. И никогда не опьянеет — ни от чего».

«Все вино на свете превратится в воду?!»

«Нет, вино останется вином... Но воздействовать будет на каждого человека по-разному. Веселая эйфория — да, будет. Мертвецкое опьянение — нет. Мозг, характер, печень, воля пьющего человека останутся в сохранности».

Поезд притормозил. Остановился посреди тоннеля. В вагоне было очень тихо — напряженная, неестественная тишина.

«Пандем? Что там?»

«Предыдущий поезд отстает от графика».

«Ты можешь подтолкнуть его?»

«Ты считаешь, надо?»

Поезд зашипел, как большая змея. Тронулся.

«Это ты?»

«Нет, он сам».

«Где границы твоего вмешательства?»

«Они же не врыты в землю, как забор. Зависят от обстоятельств».

«А если кто-то попытается убить? Как остановишь?»

«Словом. Я собеседник».

«А если не выйдет?»

«Сумею остановить иначе».

«Как?»

«Например, он поскользнется и упадет».

«Это поддавки. Он же не может все время поскальзываться...»

«Огнестрельное оружие придет в негодность... все, везде и всюду. А тех, кто лезет с ножом к чужому горлу, придется слегка урезонить... ты не против?»

«Естественная агрессия... кастрировать общество, подменить живое — куклами...»

«Никто никого не лишает естественной агрессии. Грызитесь, пожалуйста, но только без членовредительства. Никаких смертей на ринге».

За окнами была уже новая станция. Рядом с нетрезвым гражданином уселся крупный школьник, такой широкоплечий, что гражданин, обиженно щерясь, задвинулся в угол сиденья.

«Посмотри на этого мальчика, Ким. Он умеет совсем не думать. Вернее, он думает только о том, что видит, да еще иногда о женщинах, которые будут скоро все его. Это несчастное, вдавленное в землю создание, а ведь теперь у него есть будущее...»

«Теперь это будет счастливое, воспарившее в небо создание?»

«А он хороший мальчик, не подлый. У него будет, как и у тебя, любимая работа, любимая жена... Он не виноват, что в роду у него вереница алкоголиков, что детство его прошло под крики и окрики на грязном дворе, в стылом доме и плохой школе... он такой же, как ты. Я дам ему шанс».

ГЛАВА 6

— Это по поводу Лерки, — голос сестры Александры был несколько напряжен. — Я знаю, ты еще в отпуске, у тебя есть время.

— Я приеду через час, — сказал Ким.

...Итак, Лерка. Под сенью сестры Александры, которая вечно попадала в какие-то передряги, заставляя родителей волноваться и гордиться попеременно, смирная Валерия казалась почти невидимкой, надежной и тихой, молчаливой до скрытности. Ни один претендент (а яркая красота сестер бросала парней к ногам не только Александры) не был достаточно хорош для нее. Она отваживала их вежливо, но непреклонно; учеба и книжки занимали все ее свободное время, а еще она любила гонять на велосипеде — до того самого дня, пока не сочла вдруг, что это неприлично. Она писала стихи — правда, их не видел ни один человек, включая мать и сестру, и сам Ким обнаружил это совершенно случайно — из сумки сестры вывалилась толстая тетрадь, он поднял ее и, прежде чем закрыть, механически прочитал несколько строчек; Лерка взяла тетрадь у него из рук, не вырвала, а именно взяла, но в этом повелительном жесте было такое возмущение, что Ким не решился расспрашивать.

Больше он никогда не видел этой тетрадки. И мама, как выяснилось спустя много лет, не видела тоже.

Бурное отрочество Александры завершилось ее замужеством; тихое отрочество Лерки длилось и длилось, превращаясь в обузу, во всяком случае для родителей. Говорить с ней по душам не было никакой возможности — ни в детстве, ни теперь. Она молчала, спокойно улыбаясь, и не шла на откровенность ни с кем; эта стальная поверхность под изумрудным газоном внешнего спокойствия временами восхищала Кима, ему казалось, что из сестры вышел бы отличный хирург — но Лера была учительницей английского языка. Каждое утро она шла в гудящую, как трансформатор, очень среднюю школу и на три четверти ставки учила малышей стишкам, как заклинаниям, а подростков грамматике, как тарабарской брани. Недостаток денег восполнялся частными уроками. Ким молча считал, что Лерка занимается не своим делом.

Личной жизни у Леры Каманиной не было никакой — вплоть до прошлого лета, когда она невесть как познакомилась с Игорьком. Тот называл себя продюсером, носил темные очки и просторный пиджак песочного цвета; он был сноб, держался уверенно и говорил красиво, затягивался со значением, выпускал сигаретный дым с глубоким подтекстом. Что именно он спродюсировал и каковы его творческие планы, никому так и не удалось узнать, но Лерка, прежде закрытая и молчаливая, сделалась теперь упрямой и замкнутой; вероятно, глубоко внутри она прекрасно понимала ничтожество своего избранника, и столкновение между

этим знанием и страстной, жертвенной любовью делало Кимову сестру невыносимой.

Роман с продюсером продолжался несколько месяцев и оборвался, оставив Леру опустошенной и несчастной. Все вздохнули с облегчением — бестолковый угар этих ссор-примирений успел вымучить не только родителей, но и Кима, и Александру. Прошел месяц, Лерка едва-едва начала возвращаться к жизни, когда телефон, как на грех, снова разразился продюсерским звонком. Новый год был нервным, запах елки мешался с едким благоуханием сердечных капель, Лерка со своим продюсером исчезли на три дня, и Ким в какой-то момент счел, что прикрикнуть на маму — единственный способ прекратить зарождающуюся истерику...

Потом Лерка появилась, бледная и отрешенная, день пролежала лицом к стене, вечером вышла на кухню и сказала маме, что Игорек, разумеется, женат. С тех пор прошло три месяца, Лерка благополучно овладела собой и вполне избавилась от болезненной привязанности, тем не менее звонок Александры не мог означать ничего другого, кроме...

«Пандем?»

«Да?»

«Как ты собираешься решать проблемы взаимоотношений мужчины и женщины?»

«Никак. Это личное дело каждого человека».

«Хорошо... Я могу закрыть вопрос с Игорьком прямо сегодня. И он больше никогда не позвонит моей сестре... Имею ли я право так поступать?»

«А почему ты меня спрашиваешь?»

Ким задумался. И правда, почему? Он так давно не пользовался ничьими советами...

«Хорошо, ладно. Мы с тобой — и ты, и я — знаем, что Лерка не особенно счастлива. Ты представляешь себе, какая встреча или иной поворот судьбы способны переменить ее жизнь к лучшему?»

«Да».

«Ты это сделаешь для нее?»

«А ты? Ты спрашивал меня, следует ли тебе поговорить наконец с Игорьком... Что это, как не поворот судьбы?»

«Я могу прогнать Игорька, но ничего не могу дать взамен».

«А я могу привести к ней на встречу человека, с которым ей будет лучше, чем в одиночестве. Без моего вмешательства они никогда не встретятся. Слишком маловероятное событие... Но

тогда ты скажешь, что я кукловод. Или сваха. Или еще что-нибудь обидное... Нет?»

«Не знаю».

«Во-о-от... На одной чаше весов пусть будет счастье Лерки — не гипотетическое, а вполне реальное. А на другой — мое право на вмешательство. Если в вопросах, касающихся жизни и смерти, я буду решителен — то в вопросах так называемого счастья...»

«Если Лерка — сама — попросит тебя?»

«Проще. Но ситуация касается ведь не только Лерки. Второй человек...»

«А если он тоже попросит?»

«Совет да любовь».

* * *

— Игорь Жанович у себя... Простите, а вам назначено? Как вас представить?

Ким огляделся. Ничего себе офис, с рыбками пираньями в аквариуме, с тяжелым секьюрити (или как они называются?) на стуле у входа.

— Ким Андреевич Каманин, по поручению Каманиной Валерии Андреевны.

Секьюрити смотрел со своего стула — без неприязни, но и без радости.

— По коридору, налево, — сказала секретарша после коротких селекторных переговоров.

Ким зашагал по ковролину, буро-зеленому и плотному, как слежавшаяся прошлогодняя листва. Над головой остро светились встроенные в потолок лампочки; Ким нажал на ручку тяжелой двери и бесшумно, будто охотник в логово, вошел в продюсерский кабинет.

Хозяин восседал в черном кожаном кресле с высокой спинкой. К чисто выбритой щеке его доверчиво прижимался телефон, на месте глаз бликовали темные стекла очков; помещенный в естественную среду обитания, Игорек выглядел солидно и внушительно. Прикрывая дверь, Ким как бы ненароком повернул колесико замка-защелки.

Игорек говорил с кем-то — отрывисто и властно. Кивнул Киму, приглашая сесть и подождать; Ким сел и подождал. Игорек закончил разговор не терпящим возражений приказом, положил трубку на широкий черный стол, обернулся к Киму:

— Вы от Леры? Вы ее брат?

— Да, — сказал Ким.

— Не понимаю, зачем Лере понадобилось вмешивать посторонних, — Игорек поморщился. — Говорите. У меня пять минут.

Ким встал. Обошел комнату, лавируя между черной кожаной мебелью; остановился прямо перед Игорьковым креслом, присел рядом на край стола.

— В чем дело? — резко спросил Игорек.

Ким протянул руку и снял с него очки. У Игорька оказались голубые, удивленные глаза с широкими зрачками.

— Да как ты...

Ким поймал Игорька за запястье и опрокинул обратно в кресло. Игорек молча рванулся к телефону. Ким снова его опрокинул и навалился сверху; обе Игорьковы руки утонули в трясине кожаных подлокотников, причем левую руку Ким придавил коленом.

— Оставь ее в покое, — просто, почти равнодушно сказал Ким.

— Ты, сука...

Ким взял Игорька за горло. Горло было мяконькое, с подергивающейся гортанью, с упруго пульсирующей сонной артерией.

— Ты соображаешь, во что вляпался?! — прохрипел Игорек.

— Это ты вляпался, Игорь. Ефим Кабанов — знаешь такого? — обязан мне жизнью сына. Если я захочу испортить тебе жизнь, никто мне не помешает, — он сдавил пальцы чуть сильнее. Круглые глаза Игорька полезли на лоб, не столько от удушья, сколько от звука произнесенного имени.

— Ты...

— Я. Запомни, что я сейчас скажу. Валерия Андреевна не желает тебя знать, не желает тебя видеть, не станет с тобой говорить. Если ты еще хоть раз доставишь ей труд послать тебя по телефону — с тобой будут говорить совсем другие люди... Ты понял?

— Отпусти... ых-х-х...

— Ты понял?

— По... нял...

...Выходя из кабинета, Ким наступил на отлетевшие в сторону темные очки. Разумеется, совершенно случайно.

* * *

Уже выйдя из офиса, уже проехав несколько остановок на метро по дороге домой, Ким вдруг понял, что с того самого момента, как он увидел секретаршу и рыбок пираний в аквариуме, он ни разу не вспомнил о Пандеме и вел себя так, будто никакого Пандема не существовало; экскурсия к Игорьку обернулась визитом в прежний мир, где никто не стоял за спиной, не шептал на ухо, не читал мыслей.

«Пандем?»

«Да?»

Он не нашелся, что сказать. Ему почему-то стало неловко.

«Я чем-то тебя обидел, Ким?»

Стены вагона пестрели картинками; Ким разглядывал рекламу средства от простуды: преисполненное здоровья семейство глянцево радовалось круглой, как вынутый глаз, белой таблетке.

«Ким, тебе не стоит заботиться о том, как ты выглядишь в моих глазах. Ты пока не научился мне доверять — но ты никому не доверяешь, кроме, пожалуй, жены, да и она кажется тебе ребенком, не вполне приспособленным к жизни... Не беспокойся, никто не посягает на твое право решать и обустраивать, оберегать и организовывать. Ты остаешься хозяином своей судьбы, мужем своей жены, отцом своего ребенка, братом своих сестер, сыном своих родителей... Кстати, вздумай я модифицировать Игорька, как бы ты на это посмотрел?»

ГЛАВА 7

Первыми пришли родители Кима, чинно уселись рядышком на диван, и Арина повела с ними светскую беседу, в то время как Ким нарезал скальпелем колбасу, ветчину и желтоватый плотный сыр. Светлое лезвие отхватывало ровнехонькие, прозрачные, идеально правильные ломтики: Ким пребывал в состоянии свирепого сосредоточенного куража. В какой-то момент подумалось с грустью: как перед операцией...

Гости не знали, зачем он их собирает. Никогда прежде маленькая квартира не вмещала всего разнообразия Кимовых и Арининых родственников. Родители, получив приглашение, слегка встревожились; Александра удивилась, Лера насторожилась, а Даша и вовсе норовила отказаться, твердила, что ребенок будет нервничать, что ему будет неудобно и что они еще никогда не ходили с Иванкой в гости.

Когда заявилась Александра с семейством, в маленькой квартире стало тесно. Шурку усадили рисовать на кухне, на свободном от приготовлений уголке стола. Алекс отправился курить на балкон, и Киму было бы спокойнее, если бы он оттуда не возвра-

щался. Александра под видом хозяйственной помощи попыталась выведать у брата, какой праздник сегодня справляется; Ким честно пообещал рассказать все, как только большая семья соберется за столом. Слегка разочаровавшись, Александра потеряла всякий интерес к нарезанию фруктов, вернулась в комнату и — Ким слышал через неплотно закрытую дверь — принялась рассказывать подробности очередного бульварного скандала. Мама успела дважды сказать «Ну надо же!», а Арина один раз: «Ну и ну!», когда в дверь снова позвонили, и оказалось, что это Аринин брат Костя с женой Дашей, а также хнычущим младенцем в рюкзачке.

— Здесь столько народу, — обреченно сказала Даша уже в прихожей. — Я говорила. Иванка не заснет.

— Уложим ее на кухне, — предложил беззаботный Костя. — И пусть дрыхнет.

Иванка очень кстати разревелась; Даша судорожно принялась высвобождать ее из Костиного рюкзачка, но запуталась в ремешках и сломала ноготь о защелку. Костя добродушно потряхивал дочкой, и с каждым потряхиванием та ревела все пронзительнее; Ким отодвинул Дашу, которая сама готовилась заплакать, взял племянницу на руки и показал ей подвеску на люстре — красного с золотом танцора, которого Арина вылепила в позапрошлом году. В руках у танцора позванивали медные колокольчики; Иванка успокоилась и пожелала схватить игрушку. Люстра закачалась, Кимова мама испуганно вскрикнула, дверь балкона открылась, пропуская пропахшего дымом Алекса, и Даша что есть сил закричала из прихожей:

— Закройте балкон! Ребенок недавно болел!

Последней пришла Лерка — с работы, с занятий, и сразу попросила дать чего-нибудь погрызть, хотя бы яблоко.

Разумеется, было тесно. Разумеется, пришлось принести табуретки из кухни; рассаживая гостей, Ким прислушивался к тишине внутри себя, к странной тишине, которую не могли нарушить ни шум отодвигаемых стульев, ни голоса, ни смех, ни звон посуды — весь этот привычный каждодневный фон, милый и скучный, обыкновенный до последней нотки, голос жизни, которая, возможно, существует последние секунды перед тем, как навсегда измениться.

Почти все они что-то предчувствовали. Мама беспокоилась о Киме: ей справедливо казалось, что собрание родственников под одной небольшой крышей может означать не только радость, но и Большое Решение, а все крупные и неожиданные решения редко бывают такими уж веселыми. Папа относился к делу проще: по его намекам Ким понял, что тот ждет известия о двойне (а если повезет, и тройне), которую обнаружили в Аринином животе при помощи ультразвука. Александра в отличие от прочих была прекрасно осведомлена о странных событиях, заполонивших новостные ленты, о расцвете науки шарлатании, об увольнениях врачей, о провидцах, которые, конечно же, предсказали нынешнюю волну исцелений еще позапрошлой осенью (а кое-кто и десять лет назад); зная все это, Александра напряженно ждала, когда Ким объяснится. И Лерка тоже нервничала — судя по ее лицу, она ожидала услышать от Кима, что его призывают в армию, или что он уезжает на край света, или что он неизлечимо болен. Даша занималась только ребенком и больше ничем; Алекс, обладавший феноменальным нюхом, поглядывал на Кима недоверчиво и мрачно, вряд ли его так уж заботила Кимова судьба, однако он полагал, и небезосновательно, что припасенная Кимом новость может коснуться и его. Костя был голоден и желал поскорее выпить, Арина, несколько растерявшаяся от такого нашествия родственников, разыскивала штопор, лежавший прямо перед ней на скатерти, а Шурка болтал ногами и складывал кораблики из салфеток.

После обычной в таких случаях толкотни и обустройства все наконец уселись за стол, плечом к плечу и колено к колену. Арина помещалась во главе стола, по правую руку от нее сидели Александра, Шурка и родители Кима, по левую — Лерка, Алекс, Костя и Даша (Иванку посадили напротив Арины в высоком детском стульчике, вот уже несколько месяцев хранившемся у Кима в кладовке). Ким оказался сидящим почти в дверном проеме.

— За что мы будем пить, Кимка? — небрежно спросила Арина.

Ему хотелось ее успокоить, но он не мог.

— Всему свое время... Давай поедим, отдохнем... расслабимся...

Лерка помрачнела. В словах Кима она увидела скрытое подтверждение наихудших своих ожиданий. Желая подбодрить жену и сестру, Ким встал, держа перед собой наполненный бокал:

— Давайте выпьем... за нас, за всех, за детей... в том числе будущих... потому что с нами, и с детьми, все будет очень хорошо. Гораздо лучше, чем было.

Его тост повлек за собой полное молчание. Даже Костя, успевший уже набить рот колбасой, даже Даша, самозабвенно кормившая Иванку морковным пюре, не могли пропустить подтек-

ста, прозвучавшего в Кимовых словах помимо воли оратора. Даже Шурка перестал хлюпать соленым помидором и удивленно воззрился на дядюшку.

— Кимка, — сказала мама, разрушая наконец вязкую тишину. — Что-то случилось? Ты бы сказал сразу, все-таки...

Он засмеялся:

— Что ты, все в порядке... То, что случилось, — оно... это скорее замечательно, чем плохо...

— Правда? — прищурившись, поинтересовалась Александра. — Тогда введи нас в курс, а мы уж сами оценим, насколько это, гм, замечательно.

— Ты здоров? — отрывисто спросила Лерка.

Ким допил свой бокал. Поставил его на стол:

— Я здоров. И все мои пациенты выздоровели. И никто из вас не болел в последнюю неделю... Даже Иванка, — он поглядел на племянницу, чьи щеки округлились, подпираемые изнутри морковным пюре, — выздоровела моментально, и никто не понял почему...

— А у меня зуб перестал болеть, — радостно сказал Шурка. — Я все боялся к врачу идти. А он сам перестал. Во как!

— Это какие такие целители нас пожалели? — негромко спросила Александра, аккуратно поддевая вилкой упругий огурец цвета хаки. — И при чем здесь ты, Кимыч, ты ведь врач у нас, в чудеса не веришь?

— Я больше не врач, — сказал Ким, снова наливая себе вина.

Папа едва не поперхнулся бутербродом. Мама всплеснула руками, и на лице у нее было написано: ну, что я говорила?!

— В мире больше нет врачей, — сказал Ким в новой тишине, на этот раз не вязкой, но звонкой, как стекло. — Потому что нет больных. Некого лечить. Все выздоровели... А кроме того, если вы заметили, во всем мире приостановилась война. За последний месяц не было ничего... такого... никто не взрывал, ничто не обрушивалось, ни терактов, ни наводнений...

— Класс, — сказал восхищенный Шурка.

— Та-ак, — протянула Александра.

— Я что-то такое слышал по ящику, — важно сообщил Костя.

Иванке наконец-то надоело пюре, и она заголосила, отворачивая перемазанную мордочку от неумолимой мельхиоровой ложки.

— Где соска? — засуетилась Даша. — Тут же только что на чистом блюдечке лежала пустышка... Где?

— Я не сумасшедший и не истерик, — Ким улыбнулся Ари-

не. — Собственно, я хотел, чтобы мы собрались сегодня все вместе... И давайте выпьем за будущее, которое обязательно наступит, но вовсе необязательно будет таким, как нам сейчас представляется. Гораздо скорее, чем мы думаем... И совсем по-другому...

Он выпил в одиночестве. Сейчас все смотрели на него (кроме разве что Иванки, которая колотила по столу резиновым зайцем, и Даши, пытающейся этого зайца угомонить). Но только Шурка смотрел с безусловной радостью.

— Мне кажется, ты драматизируешь, Кимка, — рассудительно сказала мама. — То, что случилось в вашей клинике... Это, конечно, феноменально и все такое, но у любого феномена есть разумное объяснение. Оно есть, просто его не всегда видно. Например... — и мама запнулась.

«Ну что ты хочешь, чтобы я еще говорил?»

«Ничего. Сядь и поешь спокойно».

— А сейчас давайте поедим, — сказал Ким, опускаясь на свой табурет. — Сядем и поедим спокойно, ведь мы так редко собираемся вместе... Очень жаль, что только за столом, ведь мы могли бы, наверное, пойти поиграть в футбол... погулять в лесу, детям было бы полезно... в театр там или в музей... а мы только за столом, — он махнул рукой и подцепил вилкой маринованный гриб на тарелке, вернее, попытался подцепить, потому что гриб, конечно же, вывернулся.

— Говорят, после тридцати в жизни человека наступает очередной кризис, — сообщил Алекс под звон вилок и недовольное бормотание Иванки.

— Ладно тебе, — буркнула Александра.

Иванка вдруг перестала возмущаться. Подняла голову, обвела присутствующих ясным удивленным взглядом — и рассмеялась, как будто ее легонько щекотали.

— Ах ты лапушка, — растрогалась мама.

— Большинство людей подсознательно хотят соответствовать чьим-то ожиданиям, — продолжал, как бы между прочим, Алекс. — Человек — это то, чего от него ждут... Ждут успехов — значит, надо кровь из носу делать успехи. Лезешь на гору, сдираешь локти, почти добрался до вершины, а гора вдруг исчезает...

Алекс хотел что-то еще сказать — но вдруг осекся. В насмешливых глазах его, устремленных на Кима, обнаружились замешательство и страх.

Ким наконец-то наколол гриб на вилку. Проглотил, не ощутив вкуса.

Мама пыталась разбить тишину, громко и заботливо пополняя тарелки. «А и в самом деле, почему мы видимся только за столом, — подумал Ким. — Почему еда так важна для нас?»

Иванка теперь тихонько играла своим зайцем, водила пальцем по столу, мурлыкала под нос, будто пела; вот уже несколько минут она вела себя так образцово-показательно, что Дашина болезненная опека слегка ослабла, как провисший канат. Даша наконец-то оторвала взгляд от щекастого личика дочки, наконец-то заметила необычную тишину за столом — и вполголоса спросила Костю:

— А что случилось?

— Ничего, — отозвался Ким с набитым ртом. — Мы просто едим. Угощайся и ты.

Алекс уже не смотрел на хозяина. Ким видел, куда направлен его взгляд: внутрь головы. Ким видел, как ползут книзу уголки Алексова рта, как сжимается рука, лежащая на краю стола.

«Пандем?»

«Все хорошо, Ким, ешь».

— Сашка, — начала мама, обращаясь к Александре. — Ты что-то рассказывала про этого парня, который погоду ведет... Что вечерняя газета ему иск предъявила. Так, может быть, ты дорасскажешь, потому что интересно же...

Маму вовсе не интересовали подробности того, что случилось с погодным ведущим. Александра глубоко вздохнула:

— Ну, в общем, так. Шурка... Может быть, ты пока порисуешь на кухне? Или набрать тебе воды в тазик и ты кораблики попускаешь?

Шурка медленно перевел взгляд с матери на бабушку и обратно. Оглянулся на Кима; в глазах его нарастало смятение.

— Ма... — сказал он слабо, касаясь пальцами затылка. — Тут... ты что-то слышишь?

— Нет, — удивленно отозвалась Александра. — Что?

Шурка вдруг улыбнулся:

— Ой... Слушай, как интересно... Я сейчас... — он привычно нырнул под стол, протопотал на четвереньках к выходу, выбрался из-под скатерти рядом с Кимовым коленом и ушлепал на кухню — в одном Аринином тапочке.

— Что это с ним? — спросил папа.

— Балуется, — с досадой предположила Александра.

(Будто кто-то другой, не очень знакомый, взялся за сложную операцию, уготовив Киму роль наблюдателя; Ким ненавидел подобные роли, как в начале своего водительского стажа ненавидел такси за то, что там нельзя порулить.)

Александра вдруг нахмурилась. Резко сжала губы и в точности повторила Шуркин жест — коснулась пальцами затылка.

— Что с тобой? Голова болит? — обеспокоилась мама.

— Н-нет, — пробормотала Александра. Взяла свой бокал и сделала глубокий глоток.

Ким подумал: «Как она сейчас похожа на Лерку». За годы, миновавшие после детства близнецов, он привык, что они разные, но теперь Александра, бездумно глотающая вино, сделалась зеркальным отражением сидящей напротив сестры — настороженной, переводящей вопросительный взгляд с Александры на Кима и обратно.

Иванка распевала без слов, самозабвенно и счастливо. Прочие молчали.

— Гости! — Ким поднялся. — Я собрал вас, чтобы представить...

И замолчал. Фраза получилась самонадеянная и пафосная: как будто это он привел Пандема, как будто Пандем — его вина либо его заслуга...

— Представить? — осторожно переспросила мама.

— Представить, как печален был бы мир, если бы в нем не было нашей семьи, — торопливо пошутил папа.

Александра поставила пустой бокал к себе в тарелку, между двумя ломтями рыбы. Помотала головой, будто пытаясь вытряхнуть незваного собеседника вместе с новым мироустройством; мама встревожилась и захотела снова о чем-то спросить — но замерла с открытым ртом, и Ким, смотревший ей в глаза, увидел, как улетучиваются мысли об Александре и о Шурке, как опускается рука, механически потянувшаяся было, чтобы взяться за сердце.

— Погоди, — сказала мама, когда папа положил ей руку на плечо.

Папа — не затронутый еще Пандемом — оглянулся на Кима, будто ожидая объяснений; Ким развел руками, но сказать опять-таки ничего не успел: папа подпрыгнул на стуле, как человек, под которым обнаружилась оса. Взгляд его обернулся внутрь, и Ким понял, что в этом разговоре он третий — лишний.

— Ня! — провозгласила Иванка. — Па-ня!

— Умница! — обрадовалась Даша.

Алекс сидел, выпучив глаза. Лерка косилась на него со все возрастающим страхом:

— Кимка, тебе не кажется...

— Почему никто не ест? — нервно поинтересовалась Арина и была не права: один человек все-таки ел, и это был Костя. Не избалованный домашней кухней, бывший инженер наворачивал мясной рулет с черносливом, и все, что происходило вне круга его тарелки — за золотистым ободком, как за границей, — не привлекало Костиного внимания.

— Так что же случилось с тем парнем, который вел погоду? — снова заговорила Арина, и голос ее звучал жалобно.

— Папа, — позвала Лерка. — Ты о чем... Послушай, ма...

В эту минуту волна преобразований, затопившая уже большую часть комнаты, накрыла и Лерку. По привычке спрятавшись в себя, она успела выбросить, как аварийный буек, механическую улыбку на лицо: защитную улыбку, которая должна была доказать всему миру, что у Лерки все хорошо и она не нуждается в помощи...

— Передай мне салат, — велела Даша Косте.

Ким поймал Аринин взгляд. Пожалел, что стол разделяет их, что он не может быть рядом; впрочем, почему не может. Сбросив туфли, Ким прошелся по дивану за спинами Даши, Кости, Алекса и Лерки; Даша, кажется, была шокирована: в ее добропорядочном семействе хозяева не ходили по диванам за спинами гостей. Косте было все равно — он ел. Алекс пребывал в некой разновидности транса; Лерка улыбалась. Ким спрыгнул с дивана и обнял Арину за плечи, и в этот момент — в этот самый момент — она содрогнулась, впервые после двадцать девятого февраля услышав внутренний голос.

— Ничего страшного, — сказал Ким, слово в слово повторяя увещевания мальчика на трассе возле горящей машины. — Ничего страшного не случилось.

* * *

Позавчера вечером...

Арина уже спала. Ким вышел во двор. Пахло весной.

Ким ушел за гаражи — туда, где была спортивная площадка, где когда-то — кажется, сто лет назад — они с Пандемом играли в футбол. Ким нашел в темноте мокрую скамейку, подстелил газету (откуда в руках у него взялась эта никчемная рекламная газетенка? Кажется, из почтового ящика) и сел.

Нет, они ни о чем таком не договаривались с Пандемом. Просто Кима тянуло на свежий воздух — пусть даже на холод.

Просто Арина спала, и он не решался включать телевизор, а читать, пусть даже и газету, не мог тоже — расплывались перед глазами буквы.

Прохожий появился беззвучно. Подходя к скамейке, кашлянул, чтобы обозначить свое присутствие. Он был высокий — ростом с Кима. В куртке-ветровке и больших кроссовках из светоотталкивающей ткани; отсвет далеких фар заставлял их мерцать в темноте.

— Ну, — сказал Ким, когда прохожий остановился в пяти шагах.

— Я присяду, — хрипловато сказал прохожий. — Можно?

У Кима мурашки побежали по телу.

— Да так вот, — сказал прохожий, будто извиняясь. — Я расту... Это начальный толчок. Поначалу я расту очень быстро. Потом с каждым десятилетием мое «взросление» будет замедляться...

— Тебе ведь все равно, как выглядеть, — сказал Ким сухим ртом.

— Нет, — серьезно ответил его собеседник. — Мне хотелось бы... Чтобы снаружи по возможности было то же, что и внутри.

— Тогда ты внутри — человек?

— Я сказал «по возможности»... Ким, я сяду?

— Да что ж ты спрашиваешь?

В темноте Ким не видел лица собеседника. Тот покачал головой — как показалось Киму, печально:

— Ты ведь не хочешь, чтобы я сейчас здесь сидел? С тобой разговаривал?

Ким спросил себя: в самом деле, хочет он этого соседства? И еще спросил себя: а зачем прохладной апрельской ночью его понесло за гаражи, в пустынное место, где прежде чего только не случалось?

Ким молча поднялся, разорвал свою газету пополам, половину оставил себе, а половину расстелил рядом.

Пандем уселся — тоже молча. Сунул руку в карман ветровки; вытащил зажигалку и пачку сигарет. Закурил; в свете желтого огонька Ким увидел его исхудавшее, рывком повзрослевшее лицо.

Теперь ему было лет восемнадцать с виду. Он походил на старшего брата того подростка, с которым Ким вот здесь же играл в футбол.

— Коньяк ты тоже пьешь? — спросил Ким.

— Пью, — сказал Пандем и еще раз затянулся.

Ким вытащил из-за пазухи плоскую фляжку, которую Арина подарила ему в прошлом году. Отвинтил колпачок. Протянул Пандему; тот отхлебнул из горлышка, глубоко вздохнул и запрокинул голову. Тучи над головами потихоньку рассеивались, выпуская звезды.

Ким налил себе коньяка в крышечку-наперсток; покосился на сидевшего рядом. Если бы этот парень не был Пандемом, можно было бы подумать, что он обеспокоен. Или смертельно устал. Или огорчен и не знает, как сказать плохую новость.

— Что-то случилось? — спросил Ким.

— Нет, — Пандем затянулся снова. — Ничего особенного... Мир накануне больших перемен. Все это чувствуют, но почти никто не отдает себе отчета. А я ощущаю это, как зарождение ветра... в пустыне...

И он замолчал.

— Ты передумал? — медленно спросил Ким.

В темноте не было видно, как Пандем улыбается.

— Нет, Ким... Дай мне еще выпить?

И он снова отхлебнул из горлышка. Начался моросящий дождь; они сидели молча, плечом к плечу, посреди сырого апреля, и Ким не знал, где еще — в каких странах, в скольких измерениях — находится существо, сидящее рядом с ним, но чуял профессиональной своей интуицией — бывшей профессиональной, — что Пандему *нужно* сейчас вот так сидеть, пить Кимов коньяк из фляжки, курить и молчать.

И это было всего два дня назад.

* * *

— ...Собраться всем вместе. Потому что встречать Пандема в одиночку — значит считать себя сумасшедшим, маяться, бояться, ныть...

Блюда на столе оставались почти нетронутыми. Иванка безмятежно спала на кухне. Шурка болтал ногами и улыбался себе под нос — беседовал, надо полагать, с Пандемом.

— Я не понимаю, зачем я все это говорю, — сказал Ким устало. — Я так понимаю, ты сам скажешь лучше...

«Я-то скажу. Но меня они знают без малого час, а тебя как-никак несколько дольше...»

— Если бы не ты, — Александра хмыкнула, — я бы плакала о поехавшей крыше. Я и сейчас не уверена: может быть...

И замолчала, прислушиваясь к голосу внутри.

— Мне кажется, Ким — последний из нас человек, который сойдет с ума, — тихо сказала Лерка. — Именно поэтому этот... Пандем начал с него.

— Не понимаю, чего вы все такие стремные, — сказал Шурка. — Перепуганные... Так, я завтра в школу не пойду, завтра у меня адаптационный день...

— Какой-какой день? — обернулась к нему Александра.

— Адаптационный! — Шурка сиял. — Я пойду в лес, Пандем мне расскажет... Потом я порисую... Потом порешаю задачки... Чего вы боитесь все?

— Александр, — медленно сказала Александра. — Пока еще я решаю, какой день у тебя адаптационный, а какой учебный... И чем ты будешь заниматься... У тебя есть, во-первых, мать, и только во-вторых...

— Отец у него тоже есть, — хмуро отозвался Алекс. — И прекратите истерику, вы все. Это коллективное помутнение сознания... Помните двадцать девятое февраля? Тогда то же самое было и быстро прошло. Я думаю...

Он замолчал, слушая Пандема.

— Хорошо, — сказал Шурка неизвестно кому, но вряд ли матери. — Ну ладно.

Александра молча поднялась и вышла — выбралась — на кухню. За ней последовал Алекс — прошелся, по примеру Кима, по дивану вдоль стены, взял телефонную трубку, набрал две коротких цифры.

— Алекс, ты пожарников вызываешь?

— «Скорую», — сообщил Алекс сквозь зубы. — Ч-черт... У тебя что, телефон... Ты что его, специально отрубил?!

— Это у тебя истерика, Алик, — совершенно Александриным голосом сказала Лерка. — Возьми мобилку и позвони в «Скорую»... Если хочешь.

Алекс снова ругнулся и вытащил телефон из внутреннего кармана. Набрал «ноль два», долго слушал ответ, запустил трубкой в угол:

— Сговорились все?! Ч-черт...

И вышел в прихожую, и оттуда послышались попеременно его взвинченные вопросы — и негромкие ответы Александры.

Арина сидела, полузакрыв глаза, положив руки на живот. Улыбалась, но не так, как Лерка; Аринина улыбка была спокойная, умиротворенная, счастливая.

— Ариша?

— Все в порядке, мне хорошо...

Даша стояла в углу, уткнувшись лбом в стену, и быстро бормотала себе под нос:

— Хорошо, хорошо, да, конечно... Конечно... Да, конечно...

Костя сидел на прежнем месте, глядел в пустую тарелку, недоверчиво хмурился, чесал бровь, строил гримасы и жил такой богатой внутренней жизнью, что, попади эта картинка на экран, Костя прославился бы как непревзойденный комический актер. К несчастью, все в комнате были так заняты собой, что молчаливая Костина реприза пропадала втуне.

Мама и папа сидели плечом к плечу, иногда молча переглядывались, иногда неуверенно усмехались; папа схватился было за голову, но застеснялся и руки опустил. Мама облизывала губы, время от времени принималась щупать шею и затылок, локти, колени, щиколотки, живот. Потом сказала вдруг тихо-тихо:

— Кимка... измерь мне давление.

Манжета лежала в ящике комода за папиной спиной. Папа (который никак не мог этого знать) безо всякой просьбы повернулся на стуле и с некоторым трудом вытащил коробочку с измерительным хозяйством:

— Я сам...

— Сто двадцать на восемьдесят, — сказал Ким.

Минуту все слушали шипение воздуха, нагнетаемого в манжету. Писк автоматического манометра, потом снова писк; мама недоверчиво смотрела на монитор.

— Сто двадцать на восемьдесят, — сказал папа. — Пульс шестьдесят пять.

— Что, теперь всегда так будет? — недоверчиво спросила мама.

— Ким! — Костя встал ни с того ни с сего. — Возьми любую книжку с полки, любую... Нет, не эту! Ту, которая правее! Читай страницу восемьдесят два сверху...

— «...вот я и спрошу сейчас у него, за сколько он подарил...» — начал читать Ким.

— Стоп! — закричал Костя, и керамический клоун на люстре качнулся от его крика. — Ты как... Это не может быть галлюцинация!

— Может, — холодно сообщил Алекс, снова возникая в дверном проеме. — Ким, зачем ты нас пригласил?

Тесная комната казалась еще теснее оттого, что все хотели куда-то идти и что-то менять. Включили телевизор. Там шел какой-то фильм, и еще фильм, и спортивная программа, и мультик, и реклама — все как обычно.

— Я пойду погулять, — сказал Шурка, глядя в окно. — Там пацаны с мотоциклом! С настоящим!

— Ну и что? — хмыкнула Александра.

— Они мне... — Шурка был уже в прихожей, — они мне дадут покататься, потому что у них уже тоже Пандем.

— Что?!

— Кто тебе разрешал... — Алекс повысил было голос, но както сразу осекся. Поморщился. Пожал плечами: — Ну, иди...

Зазвонил телефон. Ближе всех к нему оказалась Лерка.

— Алло? Да это я... Погоди, откуда ты узнала, что я здесь? Это квартира брата...

Молчание.

— Да, — сказала Лерка еле слышно. — Да, и у нас тоже... Да, конечно. Ну, пока.

Арина тихо рассмеялась.

— Тебе не страшно? — спросила бледная Даша.

Арина улыбалась, и непонятно было, к чему она прислушивается — к голосу внутри головы или к движению внутри живота.

Александра смотрела в окно. Ким не мог понять, что означает странное выражение на ее лице.

— Катается? — спросила мама.

— Гоняет, — сказала Александра. — Тем пацанам лет по двенадцать... И они его сразу усадили, — она отвернулась от окна. — Эй, Пандем... Он хоть не свалится?

Беззвучное мельтешение кадров на экране невыключенного телевизора сменилось яркой вспышкой — все вздрогнули и повернули головы; там, где только что рекламировали жвачку, было теперь лицо молодого человека лет двадцати.

— Не свалится, — сказал человек на экране. — Не волнуйся.

Молчание длилось с минуту — так показалось Киму. Все смотрели на экран. Друг на друга — и снова на экран.

— Все хуже, чем я думал, — пробормотал Алекс.

Пандем на экране улыбнулся и развел руками.

* * *

— ...Мы дожили до этого дня — ты, я... мы все...

На кухонном столе башнями громоздились немытые тарелки. Горела свеча, и вокруг нее носились три ночные бабочки — будто танцуя, безопасно, не касаясь крылышками пламени. Арина сидела на табурете, Ким стоял рядом на коленях, гладил плечи, расстегивал блузку, сам не понимая, что делает. По Аринино-

му лицу размазывались большие прозрачные слезы; она отвечала на Кимов поцелуй так раскованно и беззаботно, что он едва узнавал ее. Вся гора страхов, волнений, переживаний, все дурные сны, депрессии и неврозы только теперь свалились с ее плеч, и Ким только теперь полностью осознал, насколько тяжелой была эта ноша.

— ...Спокойна. Я знаю, что у нас будет мальчик... Виталик... Он будет здоров, будет жить долго, и жизнь его будет... Господи, да о чем они думают! Чего они боятся! Рано или поздно это должно было... Кимка, спасибо тебе. Ты нас всех вывел... Помог... Кимка, ты особенный, ты один на миллион... Я так тебя люблю. Ничто никогда нам не помешает. Ни война... Послушай, мы теперь свободны! От болезней, от страхов, от нищеты...

— Ты совсем-совсем не боишься? — спросил Ким, проводя ладонью по длинным Арининым волосам.

— Наоборот, — она голым локтем вытерла слезы. — Я чувствую, что этот мир — наконец-то мой.

ВТОРОЙ ГОД ПАНДЕМА

ПРОЛОГ

Отец Георгий в последний раз перекрестился, глядя в глаза Тому, Кому привык верить и Чьей службе посвятил жизнь. Как бы там ни было, Пандем не смел говорить с Георгием, пока Георгий говорил с Ним, не смел подавать голос во время службы, и вообще в стенах церкви — молчал; Георгий, если бы мог, переселился бы жить под родные ветхие своды, но...

После службы он вышел поговорить с прихожанами — на скамейке за церковной оградой, где желающим можно было курить. Георгий знал, что в последнее время курево не приносит вреда и что тот, кто не желает слышать запаха сигареты, не услышит его, даже уткнувшись носом в кольцо дыма, — но для Георгия все это не имело значения, курить в церковной ограде было для него кощунством, он всегда запрещал...

Правда, в последний год никто ни разу не нарушил его запрета. А Георгию иногда хотелось, чтобы нарушили. Чтобы изгнать нарушителя с позором, чтобы сорваться наконец... Гневаться — грешно... А смотреть и не гневаться — нету сил...

Молчали. Курили. Подвинувшись, уступили батюшке место на скамейке; он сел.

Прежде постоянными прихожанами Георгия были в основном женщины средних лет и старше; молодые мужчины заявлялись от случая к случаю, и, как правило, их визит был связан со скорой необходимостью обряда — крещение, венчание, отпевание. Священники соседних приходов время от времени жаловались начальству, что Георгий отбивает чужих прихожан; что делать, детям почему-то нравилось, чтобы их крестил Георгий. Даже покойникам, наверное, нравилось, чтобы Георгий их отпевал, — а он уважал своих покойников, как только может бренный человек уважать собрата, стоящего на пороге вечной жизни. И если от его усилий хоть сколько-нибудь зависела легкость дальней-

шего их пути — что ж, Георгий был совершенно честен перед ними, и поэтому, наверное...

Теперь прихожан было меньше, чем год назад, но больше, нежели полгода назад. И они были большей частью мужчины.

После почти десятиминутной паузы сосед Витя откашлялся:

— А не боитесь, батюшка, так говорить про него?

Георгий посмотрел на него. Витя смутился и отвел глаза:

— Так... Это ведь...

— Мне бояться нечего, — сказал Георгий сухо. — Каков он есть, так и называю.

— А вы говорили, он запретит в церковь ходить, — сказала Ивановна, старейшая прихожанка, никогда не пропускавшая воскресной службы еще при предшественнике Георгия, отце Петре. — А он и не запрещает.

Георгий вздохнул:

— А он хитрый, Ивановна. Запретил бы — люди и смекнули бы сразу... А так — нет.

Игорь, холостой мужик лет тридцати, как-то странно улыбнулся; Георгий давно научился читать на лицах это выражение. Так выглядит человек, беседующий с Пандемом.

Он рывком поднялся со скамейки, еще секунда — и он сорвется наконец, выплеснет...

Не сорвался.

— До свидания, Игорь. Здесь не место беседовать с этим...

— Я не нарочно, — сказал Игорь и отступил на шаг. — Но я собирался уже... До свидания, батюшка...

И поспешил к своему велосипеду, прислоненному к ограде. Вот ведь время, все и забыли уже, что это такое — приковывать велосипеды, прятать, сторожить...

Георгию расхотелось разговаривать. Он всегда с удовольствием приходил к ним, иногда ему казалось, что его слова имеют для них значение... И сказанные в церкви, и сказанные здесь, на скамейке за церковной оградой... А сегодня он не мог видеть своих немногочисленных верных прихожан. Не хотел.

— Ну, будьте здоровы, — он поднялся. — Что-то голова болит, пойду...

И тут же понял, что соврал и что его вранье так явно и заметно, как пляжный зонтик посреди голой пустыни.

— Прощайте, — сказал сухо и ушел, не озираясь. Его собственный велосипед ждал у заднего крыльца церкви.

«Георгий...»

«Молчи, сатана».

...Но кто же знал, что тот, о котором знали, что будет дана ему власть — почему он явился так сильно, так подло, так страшно? Человек слаб... Когда Георгий видел свою мать, еще год назад парализованную, а теперь без устали копающуюся на огороде... Когда он слышал, как она поет (а она пела в молодости, у нее был сильный красивый голос, о котором любили вспоминать все деды в окрестных трех поселках), когда она с подружками, такими же пожилыми и здоровыми, шла погулять в лес, или танцевала на чьем-то семидесятилетии, или...

Человек слаб.

Лучше бы его мать тихо угасала, не в силах поднять руку?

Ох, *этот* был искушен. Он был богослов. Его хоть сегодня можно было брать преподавателем в семинарию. Да. Но кто сказал, что именно он исцелил мать Георгия? Кто ему поверит? Разве он не может лгать?

Георгий вздохнул, привычно ожидая услышать внутреннее: «Я не лгу тебе, Георгий...» Но не услышал. Видимо, этот отчаялся переубедить его...

Этот — отчаялся?! Неужели Георгий — слабый Георгий — сумеет выдержать *такое* искушение?

«Георгий...»

— Молчи!

«Я только хотел сказать, что переднее колесо...»

— Молчи, сатана, без тебя знаю! — сквозь зубы проговорил Георгий и потянулся за старым насосом.

Высоко над церковью бесшумно скользнул, не оставляя следа, острый серебряный новолет. Георгий вздрогнул и перекрестился.

* * *

Отец Зануды Джо привел в дом женщину!

Прежде все его бабы были потаскухи. Да и какая дурная согласится иметь дело с безбашенным алкоголиком?

А эта баба! Отец егозил вокруг нее и чуть не патокой обмазывал. Зануда Джо плюнул, вылез в окно на соседнюю крышу и ушел искать приключений.

С тех пор как травка перестала быть травкой, друзья перестали быть друзьями и пиво перестало быть пивом, Зануда Джо не находил таких приключений, которые можно было бы потом вспомнить. Один только раз ему удалось напугать какую-то телку, сбросив с крыши кирпич. Кирпич разбился прямо перед тел-

киным носом, но та почти сразу перестала визжать. Наверное, Пандем сказал ей, что это Джо сбросил кирпич. И что он все равно не мог попасть. И точно ведь — не мог...

Раньше они ходили шоблой, и прохожие быстренько сворачивали с их пути. Они ловили ребят из чужих кварталов и чистили им рыла. Они воровали мотоциклы, а однажды Крис угнал грузовик. Правда, потом бросил... И где теперь Крис?

Их шобла расползлась кто куда. Джо остался один, он хранил старый арсенал, спрятанный в углу гаража под тряпками, иногда приходил туда, чтобы почистить пушку, которую Крис когда-то спер у старшего брата. Но пушки, как их ни чисть, теперь вообще не стреляют... Джо хранил ее просто на память.

А вот заточенные прутья и кастеты, залитые свинцом, могли бы пригодиться. Если бы только, если бы...

Он уселся на краю, свесив ноги в пыльных кроссовках, и задумался.

Отец не бросил пить. Наоборот: стал пить больше. Только то, что он пил, превращалось в воду прямо у него в глотке. Поэтому отец сперва сделался буйный, а потом как-то присмирел. И даже нашел работу. А потом Джо узнал, что отец ходит в вечернюю школу! А потом Джо узнал, что осенью отца отправят на работу далеко отсюда — на строительство какого-то подводного города!

Это как же он будет жить под водой? Плавники отрастит, что ли?

Джо представил себе отца с плавниками. В последнее время ему удавалось представлять картинки, и даже цветные. Это было иногда неприятно, а иногда забавно. Вот сейчас он вообразил себе отца с плавниками и засмеялся.

Горячая кровля приятно грела зад. На карниз села чайка. Джо плюнул в нее, но промахнулся.

И что же, эта новая баба теперь будет жить с ними? В их доме? Или она тоже поедет на строительство подводного города?

«Плавучего, парень. Плавучего, а не подводного. Это будет такая платформа, она будет плавать посреди океана, а на ней будут жить люди, синтезировать пищу...»

Джо плюнул в другую чайку и на этот раз уже попал. Чайка улетела.

«Кстати, Крис в своей космошколе перешел на вторую ступень. У него здорово получается».

— Ты же сказал, что все будут жить, как хотят, — Джо поболтал ногами. — Вот я и живу, как хочу...

«Ты не хочешь так жить. Ты тоже хочешь полететь в космос.

Или увидеть другие страны. Или прославиться. Или сняться в кино. Или играть в баскетбол. Но ты просто сопля, парень. Ты боишься».

— Как-как ты меня назвал?

«Зеленая липкая сопля».

— Ты! — Джо грохнул кулаком по горячей жести. — Выйди ко мне, посмотрим, кто сопля!

В доме напротив открылось окно. Выглянула пожилая женщина в переднике, в одной руке у нее был нож, а другую она вытирала о перекинутое через плечо полотенце:

— Джо? Что ты здесь делаешь?

Он впервые ее видел. Раньше здесь жили другие люди. Наверное, она узнала его имя у Пандема.

— Не твое дело, жирная задница!

Он перекатился назад, вскочил, пробежался, грохоча и поднимая слежавшуюся пыль, легко, как супергерой, прыгнул на соседнюю крышу — через щель шириной в два метра и высотой в четыре этажа. Нога соскользнула, Джо уперся в край крыши коленом, но колено соскользнуло тоже. Теперь он висел на краю, постепенно съезжая вниз, цепляясь ногтями за пыльную жесть. В животе сделалось холодно и как-то липко. Он знал, что Пандем не позволит ему упасть... А вдруг позволит?! Что за радость Пандему спасать Джо, который не ходит в школу и вообще не хочет строить этот долбаный плавучий город?!

«Ну так кто из нас сопля, а, Джо?»

— Ты! — просопел Джо и сполз еще ниже. Теперь он висел на пальцах, пытаясь подтянуться, но пальцы соскальзывали и опоры для ног не было, потому что стена была гладкая.

Вот если бы с ним рядом были мужики из шоблы...

— Ты! — крикнул Джо. — Ты, ты, ты! Если бы ты был простым пацаном — я бы на тебя посмотрел! А так — ты...

Тут под ногой у него вдруг обнаружилась выбоина в стене, будто ступенька. Джо подтянулся наконец и выбрался на крышу: она была не плоская, а наклонная. Отползя подальше от края, Джо сел на корточки, опустив голову ниже колен; его выцветшая красная майка прилипла к спине. У него было полно нового шмотья, но он носил эту майку как память о прежних временах...

«Крис часто думает о тебе».

— Врешь.

«Не вру. Он скучает».

— Полетит в космос и перестанет скучать...

«Хочешь к нему съездить?»

Джо молчал. И даже ни о чем не думал.

«Хочешь прямо сейчас?»

— У меня нет денег.

«Не надо денег. Полетишь на новолете. Я забронирую тебе место».

— На чем?!

«На новолете, парень».

— Нет, — Джо помотал опущенной головой. — Нет. Как я к нему приду? Он будет в форме, с крылышками, значит... С нашивками... А я буду — вот так? С пушкой за поясом, которая не стреляет?!»

«Послушай меня, парень. Ты ничем не хуже Криса и других. Ты все можешь, у тебя все будет. У тебя будет и форма, и крылышки, и что хочешь. У тебя будет красивая баба, крутая тачка, про тебя будут говорить: вот идет Джо, У Которого Все Получилось... Сейчас спускайся вниз и лови машину. Тебя подвезут до Центра Развития, ты пойдешь туда и запишешься в технический колледж. Тебе дадут форму и направление, в семь ноль-ноль новолет стартует, ты будешь учиться и работать на той самой станции, где тренируется Крис. Давай, парень, поднимай свою задницу, иди, я сам поговорю с твоим отцом...»

Джо посидел еще немного. Потом встал на четвереньки и вытащил из кармана монету. Подбросил (монета сверкнула на солнце), поймал и накрыл ладонью.

— Если орел — еду, если решка — иди ты в задницу, Пандем...

Во все еще узком и темном сознании Зануды Джо не нашлось мысли о том, что Пандем может управлять полетом монетки.

* * *

— Когда ты вернешься? — спросила жена.

— В четыре, — ответил Артур. — Или, может быть, чуть позже.

— Счастливо, — сказала жена, и Артур захлопнул дверцу.

— Поехали, — нетерпеливо сказала дочь. — Я на моделирование опоздаю.

— На что?

— На техномоделирование...

Артур промолчал.

Машина ждала под навесом чуть в стороне от дома. Артур по привычке запирал ее, хоть и знал, что кража невозможна. Никто не разобьет стекло и не вытащит приемник, как это дважды случалось с ним прежде. Теперь никто не крадет, никто не убивает и никого не судят. А все делают вид, что ничего особенного, все живут по накатанной колее; вот и он пять раз в неделю ездит в контору, просматривает счета и отчеты, составляет сметы и подает их на утверждение, и делает все, что делал прежде, хотя это и потеряло свой смысл. Или почти потеряло.

Контора наполовину опустела. Клерки, секретарши и даже уборщицы разбежались — кто на курсы актрис, кто на курсы экскурсоводов, кто на стажировку по рисованию. Шеф по-прежнему сидел в своем кабинете, он похудел, подтянулся и начал курить сигары, которых прежде себе не позволял. Шеф не решался покинуть свое кресло — пока не решался, но Артур уже не раз видел у него на столе кипы «проспектов будущего»... И что за интерес шефу управлять призрачной конторой, что ему за радость повелевать Артуром?

Дорога была загружена, но настоящих пробок Артур давно уже не помнил. Перед школой он притормозил, дочка выскочила, махнула рукой и припустила ко входу, где толпились — много смеялись, беззаботно болтали, радовались новому дню — десятки парней и девчонок от десяти до семнадцати...

Артур понял, что завидует дочери.

Поток машин был плотным, но Артура пропустили, легко позволили сделать левый поворот, и минуту спустя он стал каплей спокойной речки, в которой нет-нет да и мелькали эти самые новые машины — на новом топливе, бесшумные, как призраки.

Когда шеф уйдет куда-нибудь... Ну, скажем, начальником какого-нибудь автоматизированного химического цеха... Он хороший руководитель, он может повелевать хоть эксплуатационной конторой, хоть оперным театром... Артур займет его кресло. Неважно, что он будет делать каждый день — важно каждый день уходить на работу, целовать жену, подвозить дочь...

Мысль о том, какая длинная и безрадостная предстоит жизнь, всякий раз доводила Артура до отчаяния.

Пандем был его проклятием. Пандем знал его тайну.

Много лет — с самого детства — внутри Артура жил сокровенный мир, в который не было доступа никому. Только внутри этого мира Артур был настоящим. Миром в мире. Страной в стране. Он сочинял стихи, но никогда не записывал их. Он гулял в грозу, запрокидывал голову, чуть презрительно улыбаясь белому узору небесных вен. Он слышал, как растет трава. Он запирался в ванной, раздевался донага и проживал жизнь за жизнью, а

мать — она уже тогда ничего не понимала — стучала в дверь и требовала открыть...

Он влюбился, когда ему было тринадцать. Она ездила на велосипеде. Он захотел ввести ее в свой мир, но она не поняла.

Он хотел покончить с собой, но догадался, что это глупо. Что она не стоит гибели той прекрасной страны, о которой не имеет понятия, которую не желает увидеть; тогда он жил на окраине большого лесопарка, летом там было людно и пахло шашлыками, а поздней осенью парк был пуст и темен, и однажды там нашли какого-то пьяницу, которого задушили и ограбили и присыпали листвой на дне небольшого овражка...

Этот мертвый человек не давал Артуру покоя. Он воображал, как торчат из-под листвы ноги в старых ботинках — шнурки завязаны мертвецом еще тогда, когда он был жив... Он вставал каждое утро в шесть — было еще темно — и вел старого эрдельтерьера Джафара на прогулку в парк, и подолгу стоял на том месте, где нашли тело.

Однажды девочка, из-за которой он помышлял о самоубийстве, каталась на своем велосипеде по краю лесопарка. Это было ранней весной. Снег уже сошел.

А потом она куда-то пропала. Утром родители позвонили в милицию.

Артур встал, как всегда, в шесть. Все было как всегда, за исключением того, что в ту ночь он вообще не спал.

Джафар скулил, просился на прогулку. Артур намотал на руку поводок и пошел — нет, сперва он прогулялся по краю лесопарка, потом прошелся по пустынной центральной аллее и только потом свернул к овражку.

Джафар, конечно, отыскал ее и поднял лай. Артур так и повторял потом на допросах в милиции: собака нашла ее первой. Мы всегда гуляем в парке с собакой. С половины седьмого до семи.

...Он прожил тогда самый наполненный, самый мучительный, самый счастливый день в своей жизни. Мир внутри его полнился весной.

Он закончил школу почти на «отлично» и поступил в экономический институт, и познакомился со многими разными девушками, и встречался с ними — с кем месяц, а с кем и год. Они были милы, но ни одна из них не могла подарить ему и тени того счастья, которое он испытал тогда на сырой весенней земле, где распускались подснежники и где она, наконец-то поняв все про него, сделалась восхитительно покорной...

Так он жил, уже почти смирившись с тем, что ничего великого больше в жизни не будет, когда однажды летом увидел из окна автобуса девушку-велосипедистку с легким рюкзачком за плечами, в сиреневых облегающих штанишках и синей футболке с большим вырезом. Девушке было лет шестнадцать, она обогнала автобус, пока тот стоял на остановке, а потом автобус обогнал ее; Артур страшно боялся, что она свернет на перекрестке, но она не свернула. А на следующей остановке он окликнул ее, и она остановилась, потому что Артур был недурен собой и очень, очень обаятелен...

Потрясение его было даже сильнее, чем тогда, в первый раз. Внутри своего мира он парил над горами, видел себя справедливым и милосердным государем, и ее ужас — уже потом, когда на небе зажглись звезды и над разогретой июльской землей почему-то запахло подснежниками, — был щемящим и щекотным, и она тоже в какой-то момент поняла его, и тоже покорилась полностью, как и следует покоряться государю...

Спустя два дня он прочитал в газете подробное описание того, что случилось той ночью в лесу, на берегу озера, неподалеку от железнодорожных путей. Он пришел в ужас и целый год жил в страхе разоблачения.

А спустя еще год он женился на своей теперешней жене. И у них родилась дочка. И он удерживал себя, не позволяя внутреннему миру брать над собой верх. И отворачивался, если видел девушку на велосипеде.

Дочке было пять лет, а Артуру тридцать. Он пришел забирать ее из детского сада, а в это время в соседнюю группу приехала за младшим братишкой старшая сестра. Ей было пятнадцать лет, ее трикотажные спортивные штаны, подвернутые до колен (чтобы не попали в велосипедную цепь) сидели низко на талии, оставляя открытой полоску загорелой спины.

Через десять дней ее объявили без вести пропавшей. И так и не нашли; все это время Артур умирал от страха, под разными предлогами не ходил за дочкой в сад, в конце концов уехал в командировку на месяц — но страхи были безосновательны, потому что никто-никто ни о чем его даже не спросил...

Теперь его дочке было четырнадцать. Она не догадывалась. Как и жена, прожившая с ним полтора десятка лет. Как и шеф, полагавший Артура не слишком талантливым, но честным и старательным работником. Как и никто-никто из людей...

Пока *никто не знал,* Артур мог жить в собственном мире, фантазировать и полагать прошлое плодом своих фантазий. Пока *никто не знал,* Артур не был ни в чем виноват — ведь и цари древ-

ности не имели за собой вины, оставляя на постели остывающий труп рабыни. Традиции, обычаи, законы делают нас виноватыми, а вовсе не поступки; никто из тех, кто мог бы осудить Артура за учиненное им, не знал...

Кроме Пандема.

Пандем знал об Артуре все.

И с этим знанием мир изменился.

Поначалу Артур боялся, что Пандем скажет людям. Что он скажет его жене. Что он скажет дочери. Что тело той потерянной девочки наконец-то найдут там, где Артур его оставил.

А потом он понял, что даже если Пандем не скажет — он все равно знает все, совсем все, и напомнит Артуру при надобности; знание Пандема было зеркалом, в котором Артур увидел себя, и с этого момента жизнь его превратилась в пекло.

Он загнал машину на стоянку. Вошел в офис мимо давно пустующей будки охранника. Уселся в свое кресло, посмотрел на часы: девять ноль-ноль. Он всегда был пунктуален.

...Если бы его тогда поймали! Тогда, в самый первый раз! Его не убили бы — по малолетству, — но все эти годы он провел бы в тюрьме... И сейчас вышел бы, спокойный, устроился бы на завод или поехал на стройку, как все эти, кого Пандем выпустил из-за колючей проволоки... И он мог бы жить и думать о жизни, а не только о том, что Пандем — *знает*...

С другими людьми Пандем говорит. С Артуром — почти никогда. Пандем просто знает, знает; умереть Артуру нельзя. Значит, надо с этим жить...

...Есть еще один способ со всем покончить.

Сегодня вечером он придет домой. Позовет жену в кухню, плотно закроет дверь и скажет ей...

Скажет все. А Пандем подтвердит.

* * *

Виолетта проснулась и долго лежала, любуясь светом.

Она никак не могла на него наглядеться. Другие, вот ее родители, например, видят свет уже давно. Они к нему привыкли. А Виолетта — нет.

Потом взгляд ее с потолка, на котором лежал дрожащий солнечный прямоугольник (это отражение в весенней луже, снег тает!), переполз на стену, где были картинки. Они были разноцветные. Когда Виолетта смотрела на них, ее губы сами собой разъезжались в улыбку.

У нее в голове появились мысли. Это тоже было удивительно, почти так же удивительно, как свет; ей казалось, что «мысль» — это такой лучик, он пробирается по коридору, ощупывая стены, и освещает все новое. Вот она увидела картинку, на которой нарисован слон, и вспомнила слона в зоопарке, и подумала, что слону удобно иметь такой нос, а Виолетте было бы неудобно, и кошке неудобно, и что каждый на земле имеет такой нос, как ему удобно, и такой хвост, как надо, и все на земле устроено замечательно и правильно, она, Виолетта, видит свет и может думать, и сейчас придет Пандем...

— Пандем!

«Доброе утро, девочка».

— Правда, все на свете устроено правильно? И у слона такой нос, потому что это удобно?

«Правда. Что ты хочешь сегодня делать?

— Учиться! Я хочу сегодня учиться!

«Тогда беги скорее умываться. Мама обрадуется, если ты умоешься сама».

Виолетта села на кровати и нащупала маленькими ногами пару тапочек с обезьяньими мордочками.

Ей было шесть лет.

Год назад она была слепым заторможенным существом, тихо тлеющим на койке интерната для детей с дефектами развития.

* * *

Когда Омар был маленьким, он был самым богатым пацаном в округе, не считая, конечно, Фарзада, который был сыном лавочника.

Старший брат Омара тоже был богатый. Он воровал у туристов кошельки и дергал из рук сумочки, проносясь мимо на мотоцикле. Но его скоро поймали и забрали в тюрьму, и Омар долго ничего не знал о его судьбе.

Омар ни у кого ничего не воровал. Он прыгал со скалы — в море — за деньги.

Туристы ахали, посверкивали фотоаппаратами. Младший брат Омара обходил их с мешочком для денег; если туристы были новые, они не верили Омару и давали мало. Тогда он перелезал через ограду и прыгал, а скала была такая высокая, что на лету можно было спеть песню.

Когда он выбирался на площадку снова, туристы уже верили.

Они охали в десять раз громче, лопотали по-своему, и мешочек в руках Омарова брата делался пузатым.

Омар прыгал снова.

Мальчишки завидовали ему и пытались прыгать тоже. Один убился насмерть, другой на всю жизнь остался хромым и кривошеим. Омар знал: их матери проклинали его и желали ему того же.

Но он не боялся. Только иногда, ночью, он представлял вдруг, как летит на камни, и покрывался холодным потом; но это было ночью, а не днем.

Однажды, когда он перелезал через ограду, какая-то белая женщина взяла его за мокрое плечо. Она показала ему несколько зеленых бумажек и объяснила словами и жестами, что отдаст их ему, если он не будет прыгать.

Если он *не будет* прыгать.

Тогда он заколебался. За каждую из таких зеленых бумажек его отец батрачил неделю.

Он представил, как слезает с ограды и идет домой с деньгами. Как отдает деньги матери...

Женщина смотрела на него как-то странно. Он улыбнулся и покачал головой. Потому что деньги — это хорошо, но он, Омар, все-таки не голодает. Как объяснить этой женщине, что каждый прыжок для него — дороже денег. Что, когда он отталкивается от ограды, все эти чистые холеные люди из стран, где голодранцу Омару никогда не бывать, одновременно втягивают воздух с негромким звуком «оу», которого не заглушить даже ветру...

Он отказался от ее денег и прыгнул. А когда выплыл и поднялся на площадку, той женщины уже не было.

Чем старше он становился, тем меньше ему платили за его прыжки; по счастью, когда ему исполнилось восемнадцать, его взяли в армию. И там он начал прыгать с парашютом.

Это было даже лучше, чем он ожидал. Его стали посылать на разные соревнования и смотры, он катался на воздушной доске, выделывал в воздухе разные фигуры, прежде чем открыть парашют; генералы пожимали ему руку и говорили, что он — храбрец.

Иногда он приземлялся на запасках. Повисал на скалах, цеплялся за острые ветки деревьев, дважды или трижды ломал ноги; врачи в госпиталях знали свое дело. Омар возвращался в строй.

Три месяца ему пришлось пробыть в зоне военных действий. Девушки думали, что шрам на Омаровой скуле и его сломанный нос — следы боевых ранений; он таинственно улыбался и не говорил им, что это его в увольнении избили четыре подонка. Но он тоже, помнится, здорово их отметелил...

Демобилизовавшись, он устроился работать на одну турфирму. Развлечение называлось «Прыжок смерти»; теперь Омар прыгал не со скалы в море, а с парашютом в глубокую расщелину, и воздух свистел в его ушах, но свистел иначе — наверное, он слышал эхо своего полета, отражавшееся от каменных стен.

Он никогда не брал запаски, зная, что все равно не успеет раскрыть второй купол. Однажды парашют раскрылся в тридцати метрах над землей, Омар не успел вырулить на ровную площадку, грохнулся на камни и сломал ногу в двух местах. Его подняли наверх лебедкой, он провел три месяца в госпитале, а когда выписался — появился Пандем.

Омар поначалу не придал ему большого значения. Он верил в духов и очень мало — в бога; когда выяснилось, что Пандем не собирается причинять Омару вреда, Омар почти забыл о нем. И снова вернулся к своим прыжкам: падая в пещере, в полной темноте, успевал сделать двойное сальто, какая-то телекомпания сняла о нем фильм...

А потом к расщелине пришли три белых мужика со снаряжением и сказали: мы тоже хотим прыгнуть.

Он удивился. Прежде желающих, кроме него, почти не находилось.

Мужики боялись, но прыгнули. И у них получилось.

В следующий раз приехала целая группа с любительскими кинокамерами. Здесь были не только мужчины, но и женщины; они прыгали один за другим, все у них шло как по маслу, и тогда Омар понял.

Они же неуязвимы!

Они не разобьются о камень, не свернут шею и даже не сломают ногу. Пандем бережет их; они будут делать сальто — безопасно, как в спортзале. Полет на самодельных крыльях, сумасбродный, свободный, на грани жизни и смерти полет заменен теперь комфортабельным «рейсом» в кресле с подлокотниками, с соком в стакане, с кнопкой вызова услужливой стюардессы...

— Зачем? — спросил Омар у Пандема.

«Потом поймешь», — ответил Пандем.

* * *

Ничтожество возделывало свой сад. Ковыряло тяпкой, разрыхляя землю у подножия каких-то кустов, выдергивало траву, пыхтело и казалось очень увлеченным своим делом.

Макс подошел и остановился у ничтожества за спиной. Окликать не стал — пусть сам заметит. Пусть повернет голову.

За те несколько месяцев, что они не виделись, садовник — Макс желчно скривил губы — постройнел и поседел. Слипшиеся от пота перья волос на затылке были какого-то воробьиного цвета — это против прежней-то вороньей черноты!

Пандем молчал. Вот за что Макс ценил Пандема — за понятливость.

Садовник выпрямился, хмыкнул, переводя дыхание, и краем глаза заметил Макса. Оглянулся, едва не выронив свое орудие.

— Наигрался? — мягко спросил Макс. — Поехали. Машина у ворот.

— Добрый день, Максим Петрович, — глухо пробормотал хозяин куста и тяпки.

— Добрый, — Макс сдержался. — Ты мне нужен. У меня есть для тебя работа. Живее.

Хозяин тяпки переступил с ноги на ногу:

— Разве... мы не переговорили уже обо всем?

— Дерьмо! — рявкнул Макс, и с ближайшего дерева стайкой слетели перепуганные синицы. — Я не для того убил на тебя столько лет, чтобы ты сейчас рыл землю, как свинья под березой! Живо со мной, я трачу на тебя время, Базиль!

— *Это* моя работа, — Базиль снова взялся за тяпку, и в движениях его была такая решительность, что Макс не удержался.

— Ах ты!..

«Осторожнее, Макс. Ты сломаешь ему руку».

Базиль был на двадцать лет моложе. После пятиминутной борьбы он все-таки высвободился; Макс наступил на тяпку, вминая ее в разрыхленную землю. Он сломал бы ее об колено, если бы мог. И плевать на драматизм и опереточность. Если бы не Пандем — он задушил бы ученика-предателя собственными руками...

«Макс, в доме девочка. Не ори. Напугаешь».

«Ну так отвлеки ее! Пощекочи пяточки!»

«Макс...»

— Максим Петрович, — Базиль говорил очень тихо и внятно. — Вся ваша наука...

— «Ваша» наука?!

— Наша наука, — сказал Базиль после паузы. — Это... потеряло смысл. Это... конец науки, конец знанию, конец вообще всему. Это приход нового каменного века. Я хочу встретить его достойно — с мотыгой в руках, как и подобает... как и подобает

обитателю новых пещер. Благоустроенных. Зачем... если можно просто спросить Пандема?!

— Все сказал? — Макс отряхнул ладони. — Теперь я скажу. Мне надо, чтобы ты делал для меня работу. Которую я не могу поручить Питеру! Он-то мужчина, а не попугай, он ученый, но он ни черта не может пока... он пацан. Слушай, сволочь, целая лаборатория работала на тебя столько лет, а теперь ты меня кидаешь, как шулер, как истеричная бабенка?! Теперь, именно теперь, когда у нас появилась уникальная...

— У нас ничего не появилось, мы все потеряли... Мотивации...

— Пандем, идиот! Пандем — универсальное орудие, большой вопрос, он же ответ, он же супертестер, он же сверханализатор, он же вселенная, он же микроволновка и подставка для пробирок...

Базиль молчал.

— Так ты едешь или нет? — спросил Макс, внезапно ощутив усталость.

Базиль молчал.

— Как я жалею, что взял тебя тогда в аспирантуру, — сказал Макс, вытирая губы тыльной стороной ладони. — Как я жалею, что поверил в тебя, ничтожество. Ты не ученый. Пошел вон.

И, не дожидаясь, пока под Базилем разверзнется земля, Макс развернулся и двинулся обратно. Целый день улетел псу под хвост, ничтожество оказалось непоколебимым в своей слабости, Макс всегда знал, что не умеет убеждать. Они либо шли за ним, либо не шли. Базиль был тщеславен... А он, Макс, никогда не умел разбираться в людях... Приживала под брюхом науки! Ну ничего, в Питере-то Макс не разочаруется. Двадцать три года, но молодость — быстро проходящий недостаток, уж Питер-то не бросит Макса, даже если Пандем напишет на большом листе ватмана все ответы на все вопросы и повесит их перед входом в Максову лабораторию... Пусть так, в любом задачнике есть страница с ответами... Но полагать науку задачником?! Базиль — идиот. Путь к ответу... Темный лабиринт, освещаемый мыслью, будто фонариком. Вопросы неисчерпаемы, Пандем несовершенен... Да, несовершенен, поэтому он существует. В несовершенстве своем Макс подобен Пандему, а Пандем — Максу... За полгода пройден путь, на который прежде уходили десятилетия... Почему Пандем не объявился раньше?!

Машина — Пандемов подарочек на универсальном топливе — завелась беззвучно и сразу.

«Макс, погоди. Две минуты».

— Чего тебе?

«Во-первых, Элла стоит на крыльце. Во-вторых...»

Макс оглянулся. Девочка-подросток (сколько ей теперь? Четырнадцать? Тринадцать?), дочка Базиля, действительно стояла на крыльце, и миловидная мордашка ее была бледнее мела.

«Я же просил — отвлеки ее!»

«Она не младенец, чтобы ее отвлекать».

«Ну скажи, что я сожалею... Скажи что-нибудь за меня».

«Погоди, Макс. Базиль сейчас придет».

— Что-о?

«Он решится секунд через тридцать. Подожди его. Полминуты — не так долго, правда?»

— Максим Петрович? — слабым голоском спросила девочка от калитки. — Может, вы бы... чаю?

«Соглашайся, дурак».

— Сам дурак, — шепотом сказал Макс.

Тяжесть, много дней лежавшая у него на душе, покачнулась, как плохо закрепленный мешок на спине вьючной лошади. Гнет, готовый свалиться.

* * *

Сито пошарил руками, ругнулся разбитым ртом и не очень уверенно поднялся на четвереньки. Зрение возвращалось медленно; прямо перед ним был корявый ствол, о который его приложило минуту назад. А что было вокруг — трава, кусты, туман, — сливалось, будто на большой скорости.

«Ты понял, кто тут хозяин?»

Сито потрогал передние зубы. Подбородок был мокрый. Капало на рубаху.

«Я вижу, понял не до конца».

— Я понял, — прохрипел он, мотнул головой, роняя капли, снова потерял равновесие и шлепнулся в прелую листву.

«Ладно. На первое время будем считать, что понял. Сейчас я выведу тебя на дорогу, там остановится машина, довезут тебя куда надо. Адрес — Овражная, семь. Скажешь, что пришел работать. Тебе дадут самосвал, сядешь за баранку и будешь пахать, шоферюга. Наказывать буду не то что взгляд кривой — мысль кривую... Понял, сынок?»

— Да, — Сито поднялся, держась за дерево.

«И благодари, сука, что мордой твоей деревья пачкаю. Тебе

бы мозги подкрутить — так нет же, обращаюсь с тобой как с человеком... А будешь ли человеком, Леня Ситник?»

Сито задрал лицо к низкому пасмурному небу, выматерился, покачнулся, устоял.

В голове был теперь смех — одобрительный, как показалось Ситу.

ГЛАВА 8

— Как дела, дядя Борис? — спросила племяшка, голос ее в телефонной трубке слышался совсем не так, как в жизни. Бывают такие голоса — тихие, бесцветные, неуверенные, но при попадании в трубку вдруг обретающие яркость и силу; племяшка спросила, как дела, и Борис Григорьевич ответил по обыкновению:

— Все хорошо, Лисенок. У меня все в порядке.

Они поговорили еще три минуты и распрощались. Борис Григорьевич сунул трубку в карман штормовки, переменил наживку и снова забросил спиннинг.

Рыбалка была его многолетней... страстью? Может быть. Отдушиной. Поругавшись с женой, или с начальством, или просто устав до потери памяти на ночном дежурстве, он шел сюда, к любимым двум вербам, забрасывал спиннинг на «прикормленном» месте, ловил и слушал, как вытекает усталость из тела, из памяти, желтой от никотина, из трепаных-перетрепаных нервов.

Здесь он учил сыновей, тогда еще маленьких, таскать красноперку на тесто. А на спиннинг брались лещи, иногда щурята. Борис Григорьевич смотрел на противоположный берег, на ивы, смыкающиеся ветвями с собственным отражением, и думал, какое было бы счастье, если бы на работу вообще не ходить, о завтрашнем дне не думать и только рыбачить себе да рыбачить.

Сбылось. Он не думает о завтрашнем дне. Не ходит на работу. Читает по восемь часов в день глянцевые учебники пищевой химии и биологии синтеза, не понимает ничегошеньки во всех этих новых формулах, чувствует себя тупым первоклассником и, отчаявшись, идет на рыбалку, и так изо дня в день вот уже почти год.

...Клюнуло. Теперь Борис Григорьевич осторожно выбирал напряженную, дергающуюся «стальку», спиннинг гнулся, Борис Григорьевич сопел и краем глаза высматривал на земле подсадку. Азарт. Он все-таки сохранился от прежних времен, может быть, потому, что такая большая рыба попадается редко, и, если про-

деть веревочку сквозь жабры и пронести улов через поселок на плече, дети будут бежать вслед, взрослые будут уважительно оборачиваться, дергать друг друга за рукава, показывать...

Щука. Очень большая. Очумелый удар хвоста, травинки, прилипшие к блестящему серому боку. Боже мой, щука, а запечь в фольге... А зафаршировать...

Борис Григорьевич перевел дыхание. Рыба, надежно увязанная в сетке, билась, сшибая метелочки травяных колосков, а рядом на пригорке стояли две поджарых поселковых кошки и человек старше тридцати, незнакомый, в джинсах, кедах и ветровке.

— Поздравляю, — сказал человек. — Улов.

— Улов, — согласился Борис Григорьевич. И выжидательно замолчал.

— Я вас искал, Борис Григорьевич, — сказал незнакомец. — Соседи сказали, что вы на рыбалке.

— Пандем сказал, что я на рыбалке, — суховато поправил Борис Григорьевич.

Незнакомец кивнул:

— Пандем тоже.

Борис Григорьевич задумчиво вытер руки о штаны. Пандем считает, что незнакомец имеет право отрывать его от интимнейшего занятия, а Пандем, надо признать, деликатен. Значит...

— Я знал, что вы приедете, — он снял катушку со спиннинга. — Вы из этих... из представителей Пандема на земле?

— Вряд ли Пандем нуждается в представителях, — гладко ответил незнакомец. Борис Григорьевич хмыкнул.

— Меня зовут Ким Каманин, — сказал визитер. — Я хирург, работал в клинике имени Попова, если это вам о чем-нибудь говорит.

— Говорит, — медленно отозвался Борис Григорьевич.

— Ну так вот, — Каманин развел руками. — У нас с вами сходные... — он запнулся, будто подбирая слово, — ...проблемы.

— Вы младше меня раза в два, — сказал Борис Григорьевич. — Из вас выйдет замечательный пищевик-технолог. Или учитель физкультуры. Или еще кто-то... Вы действительно думаете, что вы — вы — можете сказать мне что-то, чего еще не удосужился сказать Пандем?!

— Человек говорит с человеком, — пробормотал Каманин и посмотрел на свои пыльные кеды. — Видите ли... Я был одним из тех, с кем Пандем встречался... в человеческом обличье. Я считаю его своим другом. Может быть, поэтому...

Каманин замолчал.

— Ладно, — сказал Борис Григорьевич без особой радости. — Идемте.

...У Каманина была машина, поэтому вместо обычного часа, который занимала дорога на велосипеде, они уложились в десять минут (и это при том, что Каманин пропустил поворот, и пришлось разворачиваться). Дом стоял незапертый, Пират приподнял голову и сказал «гав» — равнодушно, для приличия.

— Один живу, — сказал Борис Григорьевич, сгружая велосипед. — За бедлам — простите великодушно.

И подумал: «Наверняка он все знает. От Пандема». О том, что старший сын в Мексике, что дочь в Австралии, что жена в Канаде... Жена у него вообще-то строитель. Строителям теперь хорошо жить. Еще инженерам.

— Чай будешь? — Борис Григорьевич по привычке легко переходил на «ты».

— Спасибо, — сказал Каманин.

Борис Григорьевич с сожалением посмотрел на щуку. Так никто в поселке и не увидел; зафаршировать бы ее прямо сегодня, гостей позвать...

— У меня есть фотоаппарат, — сказал Каманин.

— Незачем, — сухо возразил Борис Григорьевич. Поставил чайник на плиту, снял с полки чашки. Подумав, вытащил пачку кильки в томате. Нарезал хлеб-«кирпичик»:

— Скоро, говорят, и рыбу ловить нельзя будет? Будем синтезированную есть, и свинину синтезированную, и говядину... Да?

— Не думаю, чтобы нельзя, — негромко ответил Каманин.

— А Пандем что говорит? — Борис Григорьевич осторожно отогнул жестяную крышку с острыми, как щучьи зубы, краями.

— А вы спросите, — отозвался Каманин еще тише.

Борис Григорьевич вздохнул:

— Не люблю я с ним разговаривать, Ким... как тебя по батюшке?

— Просто Ким.

— Так вот, просто Ким, не могу я с ним... вроде как с собой говорю. Но сам себе такого ведь не наплету, если не сумасшедший. Нет-нет да и подумаю: все, старый дурак, допрыгался, шиза пришла... Вот так. Плохо мне с ним говорить, просто Ким. Вроде как в зеркало смотреть с большого бодуна. И противно, и страшно. Умом понимаешь: вот все здоровые, как лошади, и живут по сто лет, даже те, кому помереть бы стоило. Вот невестка моя на базаре стояла с утра до ночи, а тут вдруг вспомнила, что она вроде как на химика училась... И еще хорошо — бюрократии нет ника-

кой, я же ее печенками ненавидел, эту заразу. Бюрократию, в смысле, а не невестку. А теперь ни одной бумажки: нужно тебе что-то, так сразу и получаешь... Так что умом я, пожалуй, очень даже за Пандема. Людям надо, чтобы за ними приглядывали. Не всем, конечно... Мне вот не надо. Да и страшно... против лома нет приема, как говорится. Вот он велит не убивать. И никто не убивает. А сказал бы — убивайте? А сказал бы — постройте мне идола и на колешках перед ним ползайте? А сказал бы — принесите мне в жертву сына там или дочь?

— Ну вы же ни от кого не требуете жертв, — тихо сказал Каманин. — Почему вы думаете, что Пандем глупее или злее вас?

Борис Григорьевич потер седеющие усы:

— Себя-то я хорошо знаю. А кроме того... Таких, как я, миллиарды гуляют, вот сбреду я, предположим, с ума, так живо мозги вправят или там запрут. А *он* другое дело. Слишком большая власть, и некому остановить...

— Я тоже этого боялся, — подумав, пробормотал Каманин.

— А теперь? Теперь перестал бояться?

— Он мой друг, — Каманин вдруг улыбнулся. — Друг может сомневаться, может быть неправым...

Борис Григорьевич разложил кильку на ломтики хлеба — получились бутерброды. Заварил чай. Пододвинул к Каманину фарфоровую сахарницу с одной отбитой ручкой:

— Это опасное, дружочек Ким, заблуждение. Подружился огонь с еловой веточкой...

— Я ведь тоже не вчера родился, — Каманин вдруг стал упрямым, очень упрямым. — Кое-как могу отличить брехню от правды... Кроме того, Пандем меня когда-то вытащил из очень скверной... переделки. Тогда, когда смерть еще была.

Борис Григорьевич улыбнулся. Какая чудная оговорка; этому юнцу кажется, что он бессмертен. Как будто смерть в девяносто или даже сто лет — не смерть вовсе...

— ...Да я, собственно, не говорю, что Пандем брешет, боже меня упаси... Может, он действительно нас всех возлюбил. С чего возлюбил, с какой такой радости — другой вопрос... Знаю, что ты мне скажешь, устроитель будущего. Скажешь, что я в депрессии, потому что потерял работу. Потому что все мои годы, потраченные на то, чтобы научиться тому, что я умел, весь мой опыт, все, чего я стоил как врач... все пошло псу под хвост. Что я больше не уважаемый человек, которого днем и ночью, в любую погоду на мотоцикл — и к больному. Грыжи, роды, пневмонии, палец косилкой отрезало — все ко мне... Тебе не понять, сынок. Даже твоя

клиника Попова... Там свое. А деревенский врач — это статус, дружок. Это да... Так вот теперь я никто. Эти вот руки, — Борис Григорьевич смотрел на свои ладони, на толстые сильные пальцы с грязными ногтями, — эти руки... я был хороший врач, сынка, вот не вру. Очень хороший. А теперь все. Садиться за парту рядом с молокососами, начинать с нуля — не могу, не хочу, нет сил. Поэтому, мол, ною, поэтому жалуюсь, поэтому ищу во всем подвоха и не разговариваю с Пандемом. Вот что ты мне скажешь. И добавишь, что ты пришел ко мне, глупому старику, на помощь, откроешь глаза, протянешь руку, найдешь мне занятие... Так?

— Нет, — сказал Каманин. — Нет... Понимаете, Борис Григорьевич. Если бы Пандем был таким, как вы о нем думаете, — вы давно были бы самым счастливым человеком на земле.

Сделалось тихо. Хозяин и гость смотрели друг на друга.

— То есть? — спросил наконец хозяин.

— Он может изменить наше сознание незаметно для нас, — сказал Каманин. — Постоянное счастье. Из ничего. Для всех. Спокойствие, свобода, никакого сожаления, никаких сомнений, никакого страха...

— Боже мой, — сказал Борис Григорьевич. Приподнялся было на скамейке и снова сел, рука привычно потянулась к груди, где давно уже не болело сердце. — Это... угроза?

— Нет, — тихо сказал Каманин. — Это довод.

...Было почти темно, когда они взялись разделывать щуку под большим фонарем на крыльце. «Видно, что хирург», — думал Борис Григорьевич, глядя на каманинские руки.

Сбежались соседские коты. Пират побрехивал на них без рвения. Коты не боялись.

Прогорали сосновые угли в яме.

— Он растерян, — говорил Каманин. — Ему трудно. Потому что лени, трусости, жадности много тысячелетий, а Пандем — молод. Он не всемогущ, но он растет во всемогущество, чтобы никогда его не достигнуть. Знаете, как функция, которая стремится к бесконечности... А сейчас ему трудно, потому что первая эйфория прошла, остались миллионы людей, потерявших профессию, остались тысячи властолюбцев, у которых отобрали власть, а у кого-то — и смысл жизни... Толпы суицидников на крышах, хотят покончить с собой, а Пандем не дает, и они его проклинают... Я говорил с одним таким. Вчера.

— А вы, значит, что-то вроде «Скорой помощи», — пробормотал Борис Григорьевич, складывая в кастрюльку щучьи печень и плавники.

— Да, я нашел себе работу, — помолчав, сказал Каманин. — Не много-то славы... А на свете так много тупых сволочей, не ценящих ничего, кроме собственного брюха да полового органа... Пандем уговаривает, убеждает, подкупает, кого-то заставляет... И будет дальше убеждать, уговаривать, подкупать, кого-то заставлять... Хотя мог бы просто сказать: работайте, ребята, любите друг друга и будьте счастливы. И любили бы, и были бы счастливы... Понимаете, о чем я?

Каманин повернул голову, и при свете качающегося фонаря Борис Григорьевич увидел, как блестят у него глаза.

Под забором коты молча дрались за рыбьи потроха.

— Неужели мы с вами не договоримся? — Каманин вытер мокрый лоб тыльной стороной ладони, но лаковое пятнышко щучьей крови все равно осталось. — Неужели нам с вами не интересно увидеть звезды... Счастливых людей, любящих свою работу... Мир, где люди живут как люди, а не как черви в грязи и кровище... Неужели ради этого мы не готовы жертвовать ничем, вообще ничем?

Борис Григорьевич взял кувшин с водой и долго, долго лил ему на руки.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОД ПАНДЕМА

ПРОЛОГ

К своим пятнадцати годам Зоя Антонова была хорошо воспитана. Она не облизывала пальцы за столом, не перебивала старших и не разговаривала с Пандемом в общественных местах; последнее правило еще не было внесено в учебники хорошего тона, но Зоина мама считала, что привселюдно говорить с Пандемом все равно что выходить на улицу в пижаме.

Пандему нравится, когда ты сосредоточена на общении с ним, говорила мама. Когда ты не отвлекаешься на болтовню с одноклассниками, не ешь, не играешь и не смотришь в окно. Поэтому не обращайся к нему посреди улицы — если, конечно, он сам к тебе не обратится.

Когда Зоя была помладше, у нее как-то не очень получалось следовать маминому совету. Ей то и дело хотелось о чем-нибудь спросить Пандема, или попросить, или посоветоваться; позавчера, в воскресенье, ей исполнилось пятнадцать, и, ложась после вечеринки спать, она пообещала себе начать новую, взрослую жизнь.

Сегодня с утра был вторник.

После завтрака Зоя закрыла за собой дверь маленькой комнатки, в которой раньше была папина фотолаборатория, а еще раньше — кладовка. Теперь здесь стояло большое кресло, а напротив, на узкой подставке, плоский монитор от старого компьютера; Зоя заперлась изнутри, уселась в кресло и провела пальцем по монитору.

На экране вспыхнула яркая точка, быстро приблизилась, вырастая, и превратилась в улыбающееся лицо.

— Привет, Зоя, — сказал Пандем.

— Привет, — сказала Зоя шепотом. — А... скажи, пожалуйста, у нас сегодня будет контрольная?

Пандем улыбнулся шире. Он прекрасно знал, что Зоя не о том хотела спросить. Но молчал, давая ей возможность решиться.

— Нет. Контрольная будет или завтра, или в пятницу, Ирина Марковна еще не решила.

— А, — сказала Зоя. — Вот оно что...

И замолчала.

Пандем глядел хорошо. Зое нравилось смотреть ему в глаза; она могла бы часами сидеть вот так без слов, но время-то шло к школе, а кроме того, сегодня у нее было дело, важное дело, и надо было решаться.

— Ну, вот так, короче, — сказала Зоя, предоставляя Пандему возможность самому сформулировать ее просьбу.

Пандем вздохнул — совсем как Зоин папа, которому предстоит в чем-нибудь ей отказать:

— Как ты это себе представляешь? Я ведь не могу заставить его. Не могу внушить ему... сама понимаешь что. Я могу только посоветовать тебе, что надеть, о чем говорить...

— Это само собой, — сказал Зоя, и голос ее дрогнул. — Понимаешь... Тебе ли не знать... Я очень люблю его. Это не шутки. Я очень-очень люблю его. Я хочу выйти за него замуж. Мне больше никто не нужен. Это вопрос жизни и смерти.

— Вопрос чего? — мягко переспросил Пандем.

Зоя махнула рукой:

— Ты понимаешь! Ты все понимаешь, не притворяйся... Я сделаю его счастливым. Послушай, ты ведь сам говорил, что я подхожу ему по темпераменту... По всему. Пандем, я очень хочу, чтобы и он тоже... Чтобы он меня, ну... Если ты меня любишь — помоги мне! Чего тебе стоит!

— Зоинька, — медленно сказал Пандем. — Я помогу тебе ровно до той черты, где начнется воля самого Шурки. Понимаешь?

— Хорошо, — отозвалась она, помолчав. — Так что, ты сказал, мне надеть?

* * *

Шура Тамилов был старше Зои на полтора года и учился в недавно построенной математической школе. Педагогический лицей, где занималась Зоя, стоял напротив, и двор у «математиков» и «педагогов» был общий.

Когда Зоя вошла в ворота, Шурка — в шортах и белой тенниске — стоял под баскетбольным кольцом, вертел в руках мяч и —

в этом не было никакого сомнения — разговаривал с Пандемом. Зоя замедлила шаг; волнение было как стая горячих ледяных иголочек. Ее мама не одобрила бы Шуркиного занятия, но Зое подумалось: может быть, именно сейчас Пандем говорит ему что-то важное для их с Зоей будущего...

— Привет, — сказала она, останавливаясь в двух шагах.

Шурка вздрогнул от неожиданности:

— Привет.

— Дай мне бросить по кольцу, — сказала Зоя.

— Возьми, — Шурка удивленно протянул ей мяч.

Зоя поставила сумку и отошла на штрафную линию. «Пандем, помоги мне!»

Пандем помог. Мяч на секунду задержался в сетке и скользнул вниз.

— Молодец, — сказал Шурка. — Без Пандема?

Она замешкалась. Завертела головой, делая вид, что ее окликнули; по счастью, мимо проходила парочка Шуркиных одноклассников, и взаимные приветствия очень удачно отвлекли Шурку от еле слышного Зоиного ответа.

— Ты сегодня идешь играть в оборону Измаила? — спросила Зоя, когда мальчишки убрались по своим делам.

— А у кого? — Шурка заинтересовался.

— У Смирновых, в парке на озере, — Зоя снова почувствовала волну горячих колючек. — Я еще не записалась. Но хотела бы. В прошлый раз я неплохо стреляла...

— Я сегодня не могу, — сказал Шурка. — Надо поработать, у нас этапный тест через неделю...

— Ты же не можешь весь день до вечера работать, — возразила Зоя.

— Почему? — удивился Шурка.

Он был на голову выше Зои, тонкий, как натянутая тетива, черноволосый, с чуть вытянутым смуглым лицом и яркими зелеными глазами. У Зои отнимались ноги, когда он смотрел вот так — приветливо, прямо. Хотелось плакать, смеяться, бежать куда-то и никогда не возвращаться назад, но сильнее хотелось обхватить этого гада за шею, за плечи, обнять крепко-крепко и не выпускать...

— Я не могу математику решить, — сказала Зоя чужим, хрипловатым голосом. — Помоги мне. По-соседски. А?

* * *

Два месяца Зоя Антонова носила платья, которые нравились Шурке, слушала музыку, которую любил Шурка, записывалась на игрища, в которых Шурка принимал участие, и решала задачи под Шуркиным руководством. В ее собственном классе все до единого считали, что «эта Антонова давным-давно встречается с Тамиловым из десятого «М».

Миновали экзамены. Начались каникулы. Шурка собрался в лагерь, и Зоя собралась вместе с ним. Лагерь назывался «Островитянин», и Зое там не понравилось: жили в шалашах, пищу, хоть и синтезированную, разогревали на костре, целыми днями лазали по лесу, отыскивая какие-то тайники, поднимая сундуки с морского дна, стреляли из лука, строили плоты и долбили пироги — короче, предавались отдыху по-мальчишески, азартно и бестолково. Зое казалось, что она выросла из «Островитянина»; Зое хотелось кафе с полосатыми тентами, хотелось танцев и тихого парка с фонтанами вместо этого дурацкого леса.

«Поедешь домой?» — спросил однажды Пандем. (Специальной комнаты для разговоров с ним в лагере не было, поэтому Зоя общалась с Пандемом после отбоя, глядя на звезды сквозь соломенный полог шалаша.)

«Шурке нравится, — сказала Зоя. — Останусь».

И мужественно дотерпела до конца смены.

Ночью накануне отъезда устроили наконец-то танцы — не тихие и романтичные, как мечталось Зое, а по-дикарски шумные карнавальные пляски. Раскрасили лица глиной и зубной пастой. Кусочки мягкого синтезированного мяса нанизывали на прутики и жарили над кострами. Носились с факелами, купались в полной темноте, ныряли с лодок, распугивая рыб. Братались. Обменивались адресами. Клялись в вечной дружбе; в общей суматохе Зоя потеряла Шурку из виду, а потом долго не могла его найти.

Хороводы вокруг кострищ иссякали; кто-то спал прямо на пляже, завернувшись в одеяло, кто-то слушал музыку, глядя на звезды, кто-то рассказывал байки и кто-то их слушал — но Шурки не было ни среди первых, ни среди вторых, ни среди третьих.

Ночью, одна, замерзшая и слегка напуганная, Зоя пошла искать его в лес.

«Зоя, не ходи. Поздно».

— Ну и что?

«А то, что унизительно следить за человеком. Ходить за ним по пятам».

Зоя остановилась в темноте. Открыла рот — и закрыла снова.

— Ты хочешь сказать, что я ему навязываюсь?

«Я хочу сказать, что нехорошо подсматривать».

— Подсматривать — за чем?

«Если человек хочет быть один — не надо ему мешать. Возвращайся, Зоя. Он тоже скоро вернется».

Она уже собралась идти к кострам — и вдруг замерла, прижав ладонь к гладкому стволу:

— Один? Или наедине с кем-то?

«Зоя... Если не хочешь выглядеть глупо — возвращайся».

— Он один — или с кем-то?!

«Я не могу тебе сказать».

— Вот оно что, — пробормотала она, чувствуя, как немеют щеки. — Вот оно что...

«Погоди!»

Она не слушала.

Корни подворачивались ей под ноги, ветки хлестали по лицу — но она продолжала искать.

И скоро нашла.

* * *

— Как ты мог? Как ты... Я же умоляла тебя! Ты... Ты предатель! Ты меня ненавидишь! Ты ее — любишь, а я для тебя ничто!

Море молчало.

— Проклинаю, — Зоя упала на мокрый песок. — Не хочу тебя больше ни видеть, ни слышать — никогда... Ты все врал. Ты все врал. Ты меня не любишь. Ты... ну давай, смейся надо мной. Унижай меня... Все равно дальше некуда. Давай, унижай!

...Кажется, они ее даже не заметили. *Он* постарался, не иначе. Они были так заняты собой, своими руками, губами, плечами, ушами, глазами, ногами...

Эту девку звали Вита. Тише воды, ниже травы. Полосатый купальник. Книжка под подушкой. Душевая кабинка три раза в день...

— Сука. И ты — сука. Дерьмо, дрянь, сопливый божок, кукловод, не мужик и не баба, паразит, полип...

Зоина жизнь, еще вчера полная, яркая и если не счастливая, то хотя бы преисполненная надежды на счастье, — Зоина жизнь лопнула, как воздушный шарик, оставив по себе жалкую тряпочку.

* * *

— Пандем?

Молчание.

— Пандем?!

Молчание.

— Прости... Я не хотела... Прости, я не хотела тебя... Я...

Молчание.

— Пожалуйста... Не бросай меня... Я больше не буду... Я все поняла... Прости... Прости... Прости...

«Не плачь, глупая девочка. Посмотри, солнце встает».

ГЛАВА 9

— Па, ты слышал? Шурка женится! — Виталька стоял посреди комнаты, размахивая телефоном-наушником на цветной резинке.

— Оторвется, — сказал Ким, наблюдая за полетом наушника.

— Не оторвется, — беспечно возразил Виталька. — Так ты слышал про Шурку? Ему же семнадцати нет еще!

— Ну и что, — сказал Ким. — Тетя Александра вышла замуж за дядю Алекса, когда ей было шестнадцать и она училась в школе. А ведь тогда еще не было Пандема...

Виталька хмыкнул, как бы говоря: скажешь такое, Пандема не было... Ты бы еще царя Гороха вспомнил...

— А чего же ты мне не сказал, — начал было Виталька, но запнулся. Рука, раскручивавшая наушник, вдруг опустилась и спряталась за спину, будто застеснявшись.

— Пандема ты слушаешь, — пробормотал Ким. — Родного отца — нет.

— Почему нет? Тоже слушаю, — сказал Виталька, думая о своем. — Это, получается, мне через шесть лет тоже можно жениться?

— Да ради бога, — сказал Ким. — А что, кто-то есть на примете?

Виталька фыркнул:

— Это я так спрашиваю, для формальности. Оно мне сто лет не надо, я в космос собираюсь... Так на свадьбу нас позовут?

Ким откинулся на спинку кресла, забросил руки за голову:

— Пандем! Нас позовут на свадьбу?

Тихий смешок внутри головы.

— Он не знает, — Ким развел руками.

— Как не знает? — растерялся Виталька. — Как... не знает?

Миновала целая секунда, прежде чем выпученные Витальки-ны глаза вернулись на место, а буква «о» приоткрывшегося маленького рта сменилась возмущенным оскалом:

— Ты надо мной прикалываешься, да? Можно маленьких дурить, да?

С минуту они возились и боролись, причем Витальки-ны кулаки были твердые, как орехи; в дверном проеме стоял трехлетний Ромка. Внимательно наблюдал.

* * *

Виталька родился через месяц после памятной посиделки по-родственному. Это был очень спокойный, под стать Арине, ребенок. Новорожденный, он спал по ночам, а если и начинал капризничать — Арина всегда знала, как и чем его успокоить. Ни намека на нервотрепку первых месяцев — Арина плавала в своем материнстве, как белый корабль в спокойном море, в то время как вокруг бушевали эйфория, паника, развал и созидание, эпидемия неудавшихся самоубийств, карнавалы и праздники, все это было вокруг и по всей земле, но Ким с Ариной пребывали будто под наркозом.

Ким купал сына, переодевал, часами выгуливал, кругами бродя по парку; думал о Витальки-ной будущей жизни, о том, какое место уготовано ему в новом, диковатом на первый взгляд мире... Парк (как и любая тенистая улица или просто дворик со скамейками) в ту пору был полон гуляющими — не парочками, нет, и не компаниями. Все бродили поодиночке, погруженные в себя. Все беседовали на самую интересную для человека тему — они беседовали с Пандемом каждый о себе. Всем надо было о чем-то спросить или — гораздо чаще — рассказать. У всех — умных, глупых, эгоистичных, самовлюбленных, душевно тупых, экзальтированных, честных, малодушных, жизнелюбивых, прочих — появился друг: даже у тех, у кого друзей с пеленок не бывало. Друг, который знал и чувствовал потаенное, то, что другому человеку не откроешь; друг, который оправдывал слабости (не всегда, но в большинстве случаев — по Кимовой информации — случалось именно так). Оправдывал и давал надежду, и пробуждал желание стать лучше (не у всех, опять же, но у многих). Все вспоминали юность, детские мечты, все, что не сбылось тогда — но имело шанс сбыться сейчас...

Прокатилась волна тихих разводов и новых громких свадеб.

Всюду открывались профессиональные училища, строительные техникумы, политехнические институты. Ким качал коляску со спящим сыном и говорил с Пандемом о временных парадоксах, о классификации звезд...

А вот Ромка родился через семь лет — совсем в другую эпоху. И по характеру был другим ребенком — нервным, крикливым, беспокойным. Ким знал, что Пандем уделяет младшему сыну много времени (хотя что это такое — время Пандема? Можно ли его измерить?). Ромка нуждался в том, чтобы его успокаивали, — и Пандем возился с ним с первых дней, уговаривал по ночам, чтобы дать возможность Киму и Арине выспаться (оба они тогда работали, Арина в художественном лицее, а Ким в Институте биосинтеза.) В результате Ромка получился куда больше Пандемовым сыном, нежели Виталька. Он часами играл в детской, совершенно один, игрушки говорили с ним разными голосами, а он говорил с игрушками. Он научился читать и говорить почти одновременно; в три года он умел каллиграфически писать, выражал самые сложные мысли и охотно оставался дома один — Пандем напоминал ему, когда и как разогреть еду, что надеть, какую книжку почитать и когда лечь в постель. Спокойный Виталька вырос подвижным и шумным мальчишкой — капризный в младенчестве Ромка оказался молчаливым созерцателем. Временами его все понимающий, спокойный взгляд начинал беспокоить Кима, а холодность к родителям иногда обижала. Всякий раз, случись Киму об этом подумать, Ромка будто просыпался — улыбался и лез на колени; Ким знал, что это Пандем напомнил сыну о том, что у него есть родители, и все равно в такие минуты бывал растроган и почти счастлив.

«Это характер, — говорил Пандем. — У него очень своеобразное мироощущение. Он не равнодушен к тебе — он просто не понимает, что ты не слышишь его мыслей... Он не умеет еще выражать свои эмоции так, чтобы ты их понял. Он научится. Он очень добрый мальчик».

* * *

Арина Каманина ехала на работу на велосипеде. Был очень солнечный, под голубым небом день.

Арина ехала сквозь бесконечный парк, устроенный таким образом, чтобы за каждым поворотом дорожки открывался новый вид. В любое время года здесь что-то цвело; в любое время суток здесь были свет и тени, сочетаемые всякий раз по-разному.

— Сейчас налево? Фонтан запустили?

«Нет еще. Поезжай направо».

На больших деревьях то тут, то там виднелись детские домики-скворечни с флюгерами, витражными окошками и веревочными лестницами до земли. Арина до сих пор содрогалась (понимала, что глупо, но дергалась на уровне рефлекса), когда малыш лет трех, карабкаясь, как обезьянка, забирался на двадцатиметровую высоту и болтался, перебирая руками, что-то напевая под нос. Никакого надзора, никакого окрика — они играли в школе, играли дома, они были пиратами, космонавтами, зверями и птицами, у них было свое сообщество, дробящееся на сотни больших и маленьких клубов, и некоторые взрослые с удовольствием втягивались в эту игру — если у них получалось, конечно. У Арины получалось — правда, ее воспитанники были детьми особенными, куда более талантливыми, чем сама Арина была в их возрасте.

На легком, как соломенная шляпа, и удобном, как тапочки, велосипеде «Бродяга-100» Арина ехала, будто на «Ласточке» из своего детства: поднимаясь на горку, она отрывалась от седла и переступала с педали на педаль; спускаясь вниз, замирала, слушала прикосновение ветра к щекам и едва слышный шорох монолитных шин. На дорожке были нарисованы кособокие домики, шарообразные слоны, человечки с длинными волосами и формулы, которые Арина на ходу не успевала прочесть.

Она ехала и беседовала с Пандемом — это была никогда не прекращающаяся, неторопливая, как равнинная река, привычная беседа.

Она спросила, все ли ученики придут сегодня на занятия; оказалось, что Ирка-большая уехала с родителями в Японию, просила прощения за пропуск занятия, передавала привет. Арина подумала, что и сама бы не прочь куда-нибудь съездить, но до выставки осталось всего три недели... Пандем сказал, что на выставку придет сто девяносто шесть человек; Арина знала, что среди них не будет ни одного случайного, а только заинтересованные знатоки и ценители. Она поежилась и подумала, что сегодня надо окончательно отобрать работы. В это время впереди показалась развилка, и она привычно спросила Пандема, куда свернуть, и он тут же посоветовал — направо...

— Жарко. Дождь ночью?..

«Обязательно».

Она ехала мимо жилых домов с настежь распахнутыми окнами, с дверями без замков; подростки, для которых дома-скворечни были уже не столь интересны, читали, сидя в шезлонгах или

валяясь на траве. На полянке, обнесенной железной сеткой, старички гоняли мяч. Арину обогнала бабушка лет восьмидесяти на горном велосипеде «Гриф».

На фасаде Дома творчества пестрела объемная киноафиша: «Сегодня на экранах «Полководец», полнометражный исторический фильм с эффектом присутствия. Внимание! Содержит откровенные сцены агрессии. Дети до восемнадцати лет на сеанс не допускаются». Арина усмехнулась; афиша с мускулистым парнем напомнила ей рекламный щит десяти- или двенадцатилетней давности. Подумать только, во всем городе не осталось ни одного рекламного щита... Если, конечно, не считать театральных и прочих афиш...

Она оставила велосипед у входа, в груде других велосипедов, больших и маленьких. В коридорах Дома творчества пахло потом и лаком, воском, глиной, дымком расплавленной канифоли, красками и немного — пылью. У входа в секцию скульптуры стояли два керамических солдатика в человеческий — десятилетнего человека — рост.

Они поднялись ей навстречу — от пяти лет и до пятнадцати, в спортивных костюмах, джинсах, гимнастических трико, в новомодных светящихся комбинезонах, которые не намокают, не горят и не пачкаются и при этом на ощупь неотличимы от тонкой замши. Перемазанные глиной, груженные пластилином, живые, быстрые, слегка упрямые и совершенно беспечные.

— Арина Анатольевна! А Гриша крысу принес, хочет лепить с натуры! Можно?

* * *

Валерия Каманина справилась со списком визитеров — Пелучетте Густаво, одиннадцать тридцать.

— Добрый день, я Валерия... Садитесь, пожалуйста!

Визитер повиновался, и его лицо оказалось почти на одном уровне с Леркиным. Густаво Пелучетте был поджар, смугл и слегка смущен — его руки выдавали волнение, в то время как глаза — зелено-карие — казались совершенно спокойными.

«Может быть, он волнуется, когда встречается с новыми людьми, — подумала Лерка. — А может быть, стесняется своего акцента...»

И перешла на итальянский:

— Простите за некоторую бестактность, но я всех новых студентов об этом спрашиваю... Почему вы решили заниматься языками? Вас не устраивает Пандем как переводчик?

Густаво улыбнулся, будто ее вопрос был забавной провокацией:

— Меня интересуют мои собственные возможности... Наверное, все новые студенты вам так отвечают?

— Не все, — Лерка отвела глаза. — А какой у вас тест-коэффициент?

— Семь-эй.

— Хорошо! — удивилась Лерка. — Ну просто на редкость!

— Может быть, потому, что у меня абсолютный слух, — виновато сказал Густаво. — Я музыкант... может быть, поэтому.

Лерка подумала, что возьмет его к себе в класс. Уже через пару занятий с компьютером начинающему требуется активная речевая практика... Правда, у Лерки таких практикантов уже четырнадцать человек, многовато, но, может быть, кем-нибудь из своих можно будет пожертвовать? Луиза, например, уже три месяца болтает с одной только Леркой, ей надо почаще менять собеседников, пусть привыкает к индивидуальным особенностям речи...

Она раздумывала обо всем этом, составляя для Густаво план занятий; это было нелегко, потому что все дни и вечера у него были заняты, он работал в оркестре, и у него были сольные концерты, и он должен много репетировать. Нет, семьи у него нет; он женился зеленым мальчишкой и развелся спустя полгода после свадьбы, с тех пор прошло уже двадцать лет...

— Да, конечно, — сказала Лерка, чувствуя, как радостное возбуждение покидает ее. — Конечно, мы сможем изменять расписание, подстраиваясь под ваш график... Да, Густаво, и постарайтесь высыпаться, для занятий по оптимальной формуле это очень важно. Идемте, я провожу вас в класс...

Она усадила его перед компьютером, объяснила задание и ушла к себе. До следующего визитера оставалось еще пятнадцать минут, Лерка села на диванчик в углу и прижала к щекам крепко сжатые кулаки.

«Я же просила не *сватать* меня! Я же просила!»

«Бог с тобой, Лера, я никогда тебя не сватал. Он сам пришел. Это чистая случайность».

— Я запишу его в класс к Веронике, — сказала она вслух.

«Он тебе нужен, Лера. А главное — ты ему очень нужна. Серьезно».

— Я знаю, рано или поздно ты меня уговоришь, — сказала она обреченно. — Но лучше поздно, Пан. Лучше — поздно.

ГЛАВА 10

Вывески отошли в прошлое. Здания контор, офисов, управлений отошли в прошлое; одна большая лаборатория со множеством подразделений и филиалов — вот на что это было похоже. Никаких проблем ни с оборудованием, ни с реактивами, ни с информацией. Никаких авторских прав — первооткрыватель получал славу, но не возможность присвоить достижение. Шумные кафе для сотрудников, тихие курилки; полузнакомые студенты, появлявшиеся из ниоткуда, устраивавшие в свободном углу вполне дурацкие эксперименты и снова исчезавшие — на месяц, на год, чтобы потом вернуться и соорудить на «подросшем» за это время оборудовании что-либо приличное. Это сколько же диссеров получилось бы, иногда думал Ким.

Кое-кто годами не прикасался к реактивам и не садился за компьютер. Дорожка к истине — правильная последовательность задаваемых вопросов, говорил Кимов коллега, ленивый, самодовольный, бесконечно, как выяснилось, талантливый. Дни напролет он восседал в кресле-качалке, прерываясь только затем, чтобы поесть да пробежаться босиком по парку; молча, слышимый одним только Пандемом, выстраивал цепочки вопросов, получал на них ответ «да» или «нет», выстраивал новые цепочки — и время от времени объявлял результаты, почти всегда подтверждавшиеся с блеском и поднимавшие в научном мире волну резонанса высотой с трехэтажный дом.

...Ким сошел с парковой дорожки, выбрал полянку с причудливым сочетанием света и тени, лег на спину, так что метелочки трав закачались перед глазами, обрамляя бело-голубое небо. Закрыл глаза, но небо видеть не перестал: теперь форма облаков менялась, превращаясь в очертания континентов. Глобус, нарисованный прямо на Кимовой сетчатке, медленно провернулся — один полный оборот, сутки.

«...границы возможного? Что тело человека изменится, ясно, по-моему, уже сейчас, но вот границы этого изменения? Люди-рыбы, живущие в море без акваланга, люди, покрытые шерстью и живущие во льдах, а может быть, так — по субботам люди-рыбы, по воскресеньям — люди-птицы, биология, насколько я понял, позволяет...»

«Дело не в биологии. Психология должна позволить, Ким. Эффект банана, падающего с дерева сам по себе... Какое, к черту, творчество по щучьему веленью?»

* * *

...Смог бы Ким так легко смириться с новым миром, если бы не светлая Аринина убежденность, что все перемены — к лучшему?

Первое время после пришествия — почти три с половиной года! — Ким неутомимо ездил по окрестностям и встречался с разными людьми. Они были похожи на него — упрямые, не легковерные, привыкшие во всех ситуациях рассчитывать на себя и только на себя; Ким знал, что нужен им, что работает проводником через трещину в мироустройстве и делает тем самым благое дело — но к концу каждой поездки это знание истончалось, как ломтик масла.

Он возвращался домой, Арина загодя знала, что он возвращается, и выходила навстречу с маленьким Виталькой на руках. И тогда Ким замечал, что она помолодела, что она выглядит спокойной и счастливой, что она любит его и нуждается в нем, как и раньше, что сын растет быстро, что он здоров и спокоен, что Пандем вошел в их жизнь *естественно* — и эта естественность завораживала Кима, как стук больших часов, как огонь в камине, и он согревался и успокаивался.

Потом времена переменились — вернее, плавно перетекли в другую стадию. В один прекрасный день оказалось, что Киму незачем уезжать из дома, что его миссия закончена, а до старости еще далеко, и, стало быть, надо чем-нибудь заниматься дальше...

Он думал, что будет трудно. Думал, что придется, как в страшном сне, возвращаться к школярским, беспомощным, жалким попыткам «вызубрить перед экзаменом»; он взялся за дело с отвращением — и почти сразу втянулся, будто в увлекательную игру.

Как в детстве, не надо было думать ни о чем, кроме учебы, но в отличие от школьного рабства нынешние занятия приносили радость. Вопросы сыпались на голову вперемежку с ответами; Ким засыпал с учебником и просыпался с ним же. Само собой получилось, что из нескольких возможных направлений Ким выбрал биоконструирование.

...Вдруг закончилось свободное время. Ким легко расстался с необходимостью ежедневного сна — как раз в эти годы методика «бессонных» тестировалась на добровольцах. Традиционная неделя показалась неудобной — Ким составил собственное расписание таким образом, чтобы за четыре дня «накрывать» избранную тему, а пятый посвящать целиком Арине и Витальке (потом, когда родился Ромка, расписание пришлось переделать снова.)

Они много путешествовали, обязательно купались и зимой и летом, и, объясняя Витальке, как правильно нырять, Ким думал, что, может быть, не стоит так уж лезть из кожи вон, и хорошо бы взять передышку и поваляться на надувном плоту где-нибудь посреди теплого моря...

(Уже потом выяснилось, что «малой» научился нырять гораздо лучше самого Кима и почти без его помощи.)

Так они жили год за годом. Мир вокруг менялся с сумасшедшей скоростью, и каждая перемена требовала Кимового участия, и Аринного участия, и участия их детей — так, во всяком случае, казалось. Ким взялся за первые самостоятельные эксперименты, а параллельно читал лекции по биоконструированию будущим инженерам, летчикам, океанологам, энергетикам, строителям и химикам. Арина поступила во всемирный университет на специальность «моделирование интерьеров» и полностью подготовила дизайн для подземной станции «Лесная-29». Кроме того, она по-прежнему вела детскую студию — не сетевую, а принципиально «по старинке».

Однажды (это было сразу после Ромкиного рождения, два с чем-то года назад) они вместе возились на кухне — напыляли на стены специальное покрытие, которое днем собирало свет, а ночью отдавало, отчего все предметы, покрытые «солнечной пенкой», казались сделанными из теплого светящегося янтаря. В зависимости от толщины слоя получались разные оттенки, а искусный (и наделенный воображением) работник мог рисовать «пенкой» объемные узоры; новое покрытие мгновенно высыхало, было приятным на ощупь и едва ощутимо пахло — Ким не мог понять, что это за запах, но он не был неприятным, скорее наоборот...

Виталькина «шумелка», вшитая в игрушку-обезьянку, играла Вивальди.

Арина, которая поначалу советовалась с Кимом по поводу каждой мелочи, вдруг надолго замолчала, и Ким очень скоро понял, что молчание тяготит его. Арина улыбалась не то музыке, не то своим мыслям, но Ким видел, как едва заметно подрагивают ее губы, и догадывался, что музыка ни при чем.

— Ариш?

Она вздрогнула. Киму показалось — только показалось! — что тень неудовольствия на секунду легла на ее лицо, и «солнечное» его выражение сменилось уже забытым «сумрачным».

— Кимка? Ты меня звал?

— Ну да...

— Что? — спросила Арина, убирая со лба упавшие волосы.

Ким вдруг понял, что не знает, как ответить.

— Просто, — сказал он, через силу улыбаясь. — Просто так.

— А, — сказала Арина без интереса. — Ну, давай дальше?..

* * *

...А тогда он ходил за Ариной, как привязанный. Она нервничала. Для нее, варившейся среди однокурсников, среди всей этой молоденькой, едва оперившейся, но уже очень амбициозной богемы, Ким был чужаком, с которым непонятно о чем говорить.

Ким только начинал тогда работать в госпитале. Денег было мало, сестра Лерка училась, сестра Александра училась тоже, причем на руках у нее были маленький сын и хромой безработный муж Алекс. Чтобы добыть денег, Ким подрабатывал на «Скорой»; у него была «боевая подруга», с которой вот уже несколько лет его связывали неровные, иногда теплые, иногда циничные отношения.

По ночам Ким возил инфарктников и инсультников, вытаскивал живых людей из смятых искореженных машин, зашивал раны, колол обезболивающее и сосудорасширяющее, иногда разнимал пьяные драки.

Днем он работал в клинике, а по вечерам водил Арину в кино. Она скучала.

Он пытался рассказывать ей о своей работе — тогда она нервничала. Белый халат был для Арины пугалом — она жила, пытаясь верить, что ни шприцев, ни скальпелей на свете не бывает.

Наконец она стала его избегать.

Что их связывало? Что за странная необходимость заставляла Кима звонить ей и слушать вранье Кости, что сестры, мол, нет дома?

Однажды он позвонил ей ночью, часа в два. Так получилось, что она первая — перепуганная — схватила трубку. Тогда он сказал ей, что сдается и больше не будет ей докучать. И, не слушая ответа, дал «отбой».

Боевая подруга не могла не заметить перемены в Кимовом настроении. Странные их отношения сперва резко потеплели, а потом остыли мгновенно и бесповоротно. Они по-прежнему работали бок о бок, но почти не разговаривали и старались не соприкасаться даже краешками одежды...

Прошло полгода. Однажды ночью, отправившись по вызову, Ким оказался в знакомом дворе с пыльным палисадником, со

старой скамейкой, где он, проводив Арину домой, обычно останавливался покурить. Квартира, порога которой Ким никогда прежде не переступал, оказалась маленькой, тесной, пропахшей сердечными каплями.

Он делал привычную работу, не отвлекаясь на разговоры, не поднимая головы. Костя, Аринин брат, бестолково метался из кухни в комнату и обратно. Крупная женщина в бежевой ночной сорочке, Аринина мать, дышала тяжело, с присвистом. Арина в халатике стояла рядом с Кимом, он чувствовал ее взгляд на своем лице, но, занимаясь делом, не придавал ему значения.

В госпитализации не было необходимости. Криз миновал. Больная задремала; на кухне Ким подробно объяснил Арине, что делать и что сказать участковому врачу. Сложил инструменты в сумку и попрощался; уже на пороге (сестра стучала каблуками на лестнице этажом ниже) Арина вдруг импульсивно и крепко взяла его за руку.

Он посмотрел ей в глаза. Она смутилась, но руки не выпустила.

...К тому времени у нее был новый ухажер — подтянутый юноша из института международных отношений, и Арина, кажется, была в него влюблена. К тому времени у Кима появилась молоденькая медсестра, наивная, веселая и бесшабашная. Хирург и студентка жили параллельными жизнями, которым не суждено было пересечься: тем не менее спустя долгий месяц он позвонил ей, и оказалось, что она ждала звонка.

Ему некуда было пригласить ее — он жил тогда с родителями и сестрой Леркой; ей некуда было пригласить его — она жила с матерью и братом.

Он завоевывал ее, как завоевывают крепости. Он ежедневно вычислял соотношение вежливости и теплоты в ее телефонном «алло»; ее подруги (да где там, просто приятельницы) завидовали ей — или, может быть, просто развлекались, звоня ему домой и гнусавыми голосами сообщая об Арине гадости.

Ее мама хотела видеть его своим зятем, а потому проводила с дочкой серьезные разговоры, и всякий раз после этих бесед Арина пряталась от Кима, втягивалась, как улитка, в себя, и тогда ему хотелось бывшую пациентку (потенциальную тещу) — придушить.

Почему люди не придумали способа предъявлять себя друг другу в первую же встречу, раскрывать до конца, не оставляя места для недомолвок? Вероятно, такие люди-веера все-таки существуют на свете, люди-павлины, чья сущность написана на развернутом хвосте, люди, сходящиеся просто и расходящиеся легко, носители единого на весь мир языка, не отягчающие себя переводом с Аринино на Кимов; иногда он страшно жалел, что не похож на Александру, свою насмешливую сестру, однажды обозвавшую его сложный роман «керосиновой оперой».

Он работал, как лошадь, и уставал, как собака.

Он старался не думать о ней.

Он домогался ее — и сдерживал себя, боясь спугнуть.

Она все равно пугалась. Они расставались — на неделю, потом он снова звонил.

И так все это тянулось и рвалось, пока однажды она не зашла к нему (родители уехали на дачу и Лерку взяли с собой), чтобы вернуть книгу, которую он всучил ей «на почитать» еще месяц назад.

Он не понял, что произошло. Даже потом — много позже — она не смогла объяснить ему, *как* это было. Она позвонила, он отпер дверь. Солнце из западного окна простреливало прихожую и грело правую щеку. Арина шагнула вперед — и вдруг ее лицо изменилось; так бывает с человеком, только что услышавшим поразительную новость. Она смотрела на Кима, как ребенок, вдруг обнаруживший в тарелке с манной кашей яркую бабочку.

«Ты был какой-то, — говорила она потом. — Какой-то... ну, не знаю. На тебе была полосатая футболка... Может быть, какой-то новый запах? Но я тогда впервые поняла, что ты не просто хороший человек — ты *свой,* и мне захотелось до тебя дотронуться...»

Они сидели на кухне, ели вареники с картошкой (из пакета) и пили сухое кислое вино.

Еще через несколько месяцев была их свадьба...

* * *

«...Для меня этот корабль — как рука, протянутая в темноту. Я уверен, что нащупаю новый мир, пригодный для жизни. За первым кораблем пойдет второй, потом третий... Люди на борту не будут стареть. Они станут жить двести, триста лет... да сколько угодно. Сверхсветовые скачки — в перспективе да...»

— Пан... скажи честно. Первая экспедиция действительно служит делу познания — или это психологический финт? Для тех, кто останется на Земле? Воплощенная перспектива? Консолидирующий человечество фактор?

«Ким, первый полет может быть бессмысленным, но без него не будет второго полета. Человеческая личность должна разви-

ваться, иначе она деградирует. Но человечество как мегаличность тоже должно развиваться... Кроме того, вспомни, что я говорил о бессмертии. Шарик не в состоянии вместить все поколения...»

Над лежащим Кимом пели птицы. Малиновки, знал он от Пандема. А обыкновенных синиц узнал сам.

— ...Сколько человек должно быть на корабле, чтобы ты мог последовать за ними?

«Одного достаточно. Я живу в каждом человеке. Один среди космоса — и я с ним...»

— А если на Земле останется один человек, единственный — ты уцелеешь?

«Да».

— А если никого не будет? Ни одного человека? Допустим, что связь, техника, компьютерная сеть — все сохранилось... Ты не создашь себе новое человечество?

«Нет, Ким. Если отрубить тебе руки и ноги, содрать кожу, выколоть глаза... ты все равно сможешь жить. Некоторое время. Я — нет. Мир, лишенный человека, не представляет для меня интереса... Это не великая тайна. Я знаю людей, которые с угрызениями совести, но из благих побуждений прихлопнули бы человечество, чтобы дать ему второй шанс. Чтобы жизнь и разум зародились снова. И они сделали бы это, если бы могли, уверяю тебя».

* * *

...Стал охоч до воспоминаний, будто старик.

Они с Ариной поженились в сентябре. Это была правильная, до оскомы традиционная свадьба. С фатой, куклой на машине, со всеми родственниками, караваем, шампанским и даже выкрадыванием невесты; Арина рассказывала потом, как ей было смешно и неловко, когда какие-то Костины приятели тащили ее по лестнице, будто бревно — сопя, кряхтя и ежеминутно оступаясь. Оставшись наконец наедине, молодые супруги нежно обнялись — и заснули как убитые, так их вымотал весь этот долгий, бестолковый свадебный ритуал...

На второй же день после свадьбы Ким понял, что завоевание не закончилось. Что он все еще карабкается на стену крепости и что тяжелая работа, в условия которой входит и смола, время от времени проливающаяся на голову, — работа эта в радость.

Их первые годы были очень хороши. Возвращаясь домой после особенно трудного дня, Ким еще во дворе, еще на лестничной площадке получал будто инъекцию теплого веселого ожидания, и за секунду до того, как дверь откроется, уже бывал счастлив не резким праздничным, а каким-то нежным, по-хорошему будничным счастьем.

Он помнил, как открывали первое Аринино профессиональное панно — во Дворце школьников. Как сдернули ткань, представляя нескольким десяткам зрителей обычную «школьную» композицию — мальчиков и девочек, которые читают, танцуют, гуляют и рисуют на асфальте; Ким видел эти фигурки раньше, по отдельности — фрагменты кустов и деревьев, облаков и ботинок, косичек, кисточек и лиц. Сведенные вместе, они не произвели на него впечатления: слишком уж традиционной была картинка. Арина покосилась на него и ничего не спросила. Ее поздравляли; в кабинете директора накрыт был небольшой фуршет. Арина, казавшаяся все более мрачной, оставила пирующих уже через полчаса. Все обиделись.

Они пешком шли через парк, и большая белка — частью рыжая, частью серая — перебежала им дорогу то ли просто так, то ли в ожидании кормежки. «Тебе не понравилось», — сказала Арина с вызовом. «Я ничего в этом не понимаю», — примирительно отозвался Ким. «Не понимаешь, — подтвердила Арина, — и никогда не понимал». Ким промолчал, слегка уязвленный.

Целую неделю призрак этого злосчастного панно стоял между ними. Целую неделю керамические мальчики и нарисованные девочки с книгами, горнами и воздушными змеями лезли в супружескую постель.

На седьмой день размолвки Ким зашел во Дворец школьников. Технички косились на него с подозрением; он поднялся на третий этаж, остановился перед злосчастным панно и смотрел на него, наверное, минут сорок.

Он заметил, что взгляд его, однажды попав на одухотворенное лицо мальчика с книгой, сам собой переплывает на синий треугольник неба за его спиной и двигается дальше, как в кино, открывая новые «кадры». Застывший фильм, вот что пряталось в обожженной глине; у каждого персонажа был собственный характер, собственная жизнь и собственная логика, более того — Ким, всматриваясь, узнавал знакомые лица. А мальчик с воздушным змеем, самый динамичный, самый теплый персонаж Ариного панно, был похож на него, на Кима, и сходство казалось таким очевидным, что неясно было, где были Кимовы глаза на той «презентации»...

Он купил большой букет темно-красных роз. Он еще стоял на пороге, а она уже все поняла...

Они жили тогда в маленькой квартирке на окраине города, неподалеку от клиники — и сейчас, оказываясь в тех местах (хотя за эти десять лет все изменилось почти до неузнаваемости, их бывшего дома нет, на его месте совсем другой, кругом же вместо гаражей и стоянок леса и парки, мимо проходит автострада), Ким ощущал будто тень той нежности. Той прежней замечательной жизни...

* * *

«...Жить общинами, замкнутыми и разомкнутыми, жить среди людей, чьи интересы и ценности будут схожи с их собственными. «Вертикальные» общества рядом с «горизонтальными». Традиционные и экспериментальные. Промискуитет и патриархальная семья — выбирай согласно склонностям и темпераменту. Независимость? Пожалуйста. Соревнование, борьба за место в иерархии? Сколько угодно. Человек не обязан жить там, где родился, и так, как жили его родители. Сообщество как тропический лес, где для самых разных видов находятся экологические ниши... Душевная экология, социальная экология — и вот когда баланс будет поддерживаться без прямого моего вмешательства, я сочту, что можно переходить на следующую ступень...»

* * *

...А, собственно, что изменилось?

Они виделись каждый день. Арина всегда знала, когда он вернется, и выходила навстречу; если дети были дома — выбегали и они.

Она давно забыла, что такое депрессия. Оживленная, с блестящими глазами, с рыжеватой косой, как у девчонки, она казалась студенткой, сбежавшей с лекции на свидание:

— Кимка! Ну, здравствуй!

Она выставляла на стол его любимую еду в натурпластовых тарелках — синтезированную (но Ким теперь и не смог бы есть натуральную, ни в какое сравнение не идет), садилась рядом и выслушивала новости. Рассказывала, как дела на работе и что за успехи у детей; разве не так должна выглядеть идеальная семья?

Она сидела за столом напротив, или на полу, подобрав по-турецки ноги, или в кресле, если зимой; она говорила с Кимом — и одновременно с кем-то еще. Ким видел это в ее рассеянных глазах.

Он очень долго не придавал этому значения. Только когда она стала обрывать фразу посередине, прислушиваться к внутреннему голосу, смеяться невпопад, забывать, о чем идет речь, — тогда Ким попытался возмутиться:

— Ариш, у тебя ведь был целый день, чтобы болтать с Паном! Я же не слышу, о чем вы говорите!

«Извини».

— Извини, — сказали они почти одновременно.

«Это Аринкина вредная привычка, давай я в таких случаях буду транслировать на тебя, чтобы ты слышал...»

— Нет, — отказался Ким. — Поговорить втроем мы успеем... В конце концов, это моя жена, а не твоя!

Все засмеялись его удачной шутке.

Прежде, когда Арина была удручена чем-то или напугана, Ким был единственным человеком, умевшим правильно ее утешить. Он знал ее — *понимал* — как никто на свете. Наверное, только при этом условии живущих вместе людей можно назвать семьей; все прочие случаи (включая и страстную любовь), под это условие не подпадающие, есть не что иное, как модель песочного домика. Арина знала, что Ким понимает ее лучше всех на свете. И Ким знал. И это знание давало ему повод даже для гордости...

Теперь Арина никогда — или почти никогда — не грустила и не пугалась, а если ей случалось бывать в минорном, «сумрачном» настроении, она спешила не к Киму, а от него. «Неохота, чтобы ты видел мою кислую мину», — говорила она, садилась на велосипед и исчезала до позднего вечера, а вернувшись, была уже оживленной и беспечной как всегда.

Они почти никогда не говорили о важном. То есть они говорили — о важном для человечества, о космической программе, например. И о важном для детей — отправить их летом в африканский заповедник или в скандинавский аквапарк. Но о том важном, которое редко нуждается в словах, они не только не говорили, но даже и не молчали.

Единственными минутами их безусловного и полного единения оставались минуты близости. Они любили друг друга часто, несмотря на работу, учебу и усталость, и пылко, несмотря на спокойствие каждодневных их отношений. Оба были здоровы, как буйвол и буйволица, плоть требовала своего, они затевали любовные игры в постели, на травке, в бассейне, в лесу, и, прижимая к себе горячую и счастливую жену, Ким наслаждался чувством собственника. Она была — его. Безоговорочно. И так было,

пока в один из таких моментов Ким не увидел в ее глазах тень другого разговора.

Она говорила с Пандемом!..

Арина не понимала, что случилось. Плакала — впервые за много лет. Ким стыдился сам себя — своей реакции, самца в себе. Пандем реанимировал его — и, конечно, находил единственно правильные слова, которые Ким мог сказать бы сам себе, будь он в этот момент чуть-чуть хладнокровнее.

Они долго говорили — втроем. Арина не могла понять, почему ее разговоры с Пандемом задевают Кима. «Ведь это же все равно что мысли, — доказывала она. — Я же не могу не мыслить, ты подумай, Кимка!»

Он не мог объяснить ей. Наверное, впервые в жизни.

* * *

«Мне меньше всего хотелось бы устраивать на земле рай для симбионтов. Поэтому я консервативен, Ким. Я показываю пути, я дарю технологии, но — все блага этого мира должны быть произведены либо природой, либо человеком. Те ветви физики, которые сейчас едва отпочковались, через тридцать лет разовьются в самостоятельные науки... Ты не представляешь, Ким, сколько сюрпризов ожидает человечество на этом пути, сколько кроликов выскочит из корзины и на что будет похож человеческий город через двести лет, например... Социум как сбалансированная система, работающая сама по себе, при минимальном моем участии, — уже не будущее. Это настоящее, Ким, настоящее-штрих. А будущее... Я предполагаю несколько последовательных скачков, из которых первый — отмена необходимости смерти, а последний из видимых — переход человечества в иную форму существования».

— То есть каждый из нас будет похожим на тебя?

«К моменту, когда Солнце перестанет обслуживать белковую жизнь в ее теперешнем виде, мы с тобой будем всего лишь взглядами, брошенными кем-то через Вселенную... Красиво, нет?»

ГЛАВА 11

Александр Тамилов-старший всю жизнь находился в состоянии войны.

В школе он воевал с учителями и одноклассниками; находил

и терял союзников, побеждал и терпел поражения, отстаивал справедливость, или чье-нибудь достоинство, или право на ошибку, или вообще ничего не отстаивал, а просто нес славное бремя войны одного со всеми, потому что был бойцом и иной жизни не мыслил.

Дома Алекс воевал с собственным отцом, человеком жестким и властным. Сын уходил (и его выгоняли) из дома, выпивал в подворотнях, воровал сигареты, женился в семнадцать лет вопреки воле родителей — и проскользнул мимо широко распахнутых дверей университета прямо в узкие воротца военного училища. Там он почти ни с кем не успел повоевать: сложный перелом бедра закрыл для него карьеру офицера, и, выйдя из больницы, он некоторое время не знал, что делать и куда себя девать.

Жена Алекса, Александра, занималась в то время на журфаке и, будучи человеком ярким и общительным, имела массовые знакомства в околобогемных кругах. Алекс, сроду не слушавший ничьих советов, на этот раз позволил жене устроить себя на работу — ассистентом режиссера в программу новостей на захудалом маленьком канале. Год или два прошли ни шатко ни валко, Алекс поступил — заочно — на режиссуру, поругался с руководителем курса и бросил, и поступил снова, уже к другому руководителю... А еще потом у него обнаружился талант.

Спустя несколько лет Алекс был уже владельцем собственной студии, программы его держались на верхушках рейтингов — может быть, именно потому, что были продолжением вечной Алексовой войны с дураками, обывателями, лгунами, ханжами и лицемерами, войны, которая нашла наконец-то достойное поле для баталий.

Криминальная хроника, политические скандалы, расследования и разоблачения были возведены Алексом в ранг высокого искусства. Дважды или трижды ему удавалось спасти невинных людей от больших сроков заключения, и однажды — от неминуемой смертной казни. На его счету было три предотвращенных покушения, два отмененных завещания, семнадцать пересмотренных уголовных дел и бесчисленное множество смещенных чиновников. У него были враги — смертельные, заклятые, то есть именно такие, о которых Алекс всегда мечтал.

Карьера Алекса — и война Алекса — были в разгаре, когда пришел Пандем.

* * *

Автостраду запустили три года назад. С тех пор старая дорога, проходившая от дома в тридцати метрах, растрескалась и почти полностью поросла травой. Глядя на маленькую березку, пробившуюся сквозь обломки асфальта прямо на осевой, Алекс представил вдруг, сколько по всей планете заросших трасс, заброшенных шахт, остановленных электростанций. Электричеством пользуются только самые отъявленные консерваторы — для них Пандем держит электричество. Пожалуйста, мол, не жалко... Свиньи одичали и бродят стаями в заново разросшихся лесах. Скажи ребенку, что еще восемь лет назад мясо добывали из живых зверей, — не поверит, а поверит — закатит истерику...

Десять лет назад он не мог себе вообразить — да и никто не мог! — как изменится мир. И вот он изменился — шаг за шагом, так мягко, что люди не заметили границы между своим миром и чужим.

И у Алекса была легкая бесшумная «ездилка». Просто потому, что это было дешевле.

(Хотя, с другой стороны, какая разница для Пандема — дешевле, дороже? Он может создавать еду прямо в холодильнике, а топливо — прямо в баке... или в месте, заменяющем «ездилкам» бак. И рано или поздно он так и будет делать — когда все наши попытки сымитировать так называемую экономику иссякнут сами собой — из лени, от бессилия, согласно обычному ходу вещей. Если птичка летает на новолете — крылья понемногу атрофируются...)

Во дворе монтировщики в ярко-зеленых комбинезонах развешивали светильники — прямо на стволах подросших за десять лет деревьев. (Алекс помнил — это была одна из первых затей Пандема, когда все — или почти все — обитатели соседних домов ринулись устраивать себе окружающее пространство. Когда они, будто пьяные, пели, братались, танцевали; все избавились от страха немощи и смерти, у всех навсегда излечились хронические болячки, близорукие забыли об очках, тучные распрощались с животами, и даже самые некрасивые, заморенные жизнью женщины казались свежими, молодыми и привлекательными. Совершенно незнакомые ребята подвозили саженцы на грузовиках; дворы вокруг скоро зазеленели, в кронах завелись птицы, дети все лето бегали босиком, не боясь напороться на гвоздь или осколок стекла...)

Автострада была зеленоватая, упругая на ощупь и приятная

для глаз. Алекс не стал включать автопилот; дорога успокаивала его, помогала думать.

Что Шурка в конце концов женится на этой самой Вике — следовало ожидать. Вот уже почти год они жили, как муж и жена, мнение родителей их не трогало, а Пандем затею одобрял... Господи! Да с того самого момента, как Шурка впервые услышал Пандема — на том памятном семейном чаепитии... С того самого момента Шурка был предан Пандему, как бобик. Всякий раз, когда Алекс, возвращаясь вечером домой, видел вежливые Шуркины глаза и слышал обыкновенное: «Как дела, как работа», всякий раз он не мог отделаться от мысли, что это Пандем посоветовал Шурке тактично поинтересоваться жизнью отца...

Нет, Шурка любил его — чуть не сбивал с ног, кидаясь на шею, когда Алекс возвращался из своих бесконечных командировок. Шурка любил его, но авторитетом для него был в первую очередь Пандем; Пандему ничего бы не стоило сделать так, чтобы Шурка забыл отца, мать, кого угодно и что угодно... Надо сказать, Пандем никогда не говорил Шурке ничего, что могло бы настроить его против отца. Никогда, Алекс знал точно; он возвращался из лабораторий, где такие же, как он, упрямые люди денно и нощно искали лекарство для человечества. Лекарство от Пандема. Он организовал «следственную группу» — из бывших военных, мужиков-инженеров, нетрусливых ученых. Он учил химию, физику и биологию — в его-то возрасте, да с нуля! Он объездил весь мир; он столько времени потратил даром, он искал не там, где надо, он бился головой о каменную стену, а надо было рыть подкоп... Он забросил свое телевидение, он не снимал сюжетов, в то время как это было лучшее, что он умел!

Автострада вела сквозь кроны, то приподнимаясь над городом, то опускаясь почти к земле. Высотных зданий почти не осталось; город тянулся на сотни километров, все такой же зеленый, с садами на крышах, с ажурными конструкциями «второго этажа», с башенками-входами на этажи подземные. Очертания листьев, тени стволов, лесной воздух, тишина, птичье пение.

Крупный европейский город.

...Итак, он возвращался из командировок и видел, что Пандем не тронул его сына. Хотя мог бы отнять; он вздыхал с облегчением, и он был разочарован. Потому что это означало: его усилия все еще бесплодны. Он бьется головой о камень, а Пандем не боится его ни капли.

Голос Пандема звучал в шахтах и в стратосфере, от него нельзя было отгородиться ни слоями свинца, ни магнитными поля-

ми, ни базальтовой толщей гор. Смелые люди экспериментировали с собственным мозгом — Пандем позволял эти эксперименты, и открыто говорил, что позволяет, и после очередного их провала восстанавливал «все, как было». Для исследований мозга их опыты имели колоссальные результаты, для исследования Пандема — никаких, ноль. Пандем был *над* мозгом, *вне* его; Алекс потратил годы на то, чтобы вычислить — найти, разузнать, догадаться — материальный носитель Пандема на земле. Нервный центр. Излучатель.

Не нашел и даже не приблизился к разгадке.

И только теперь — спустя годы — он вышел на свой настоящий путь. Почему-то простые ответы, естественные, требуют так много времени, чтобы их найти...

Вот уже два года он снимал программы про Пандема. Искал сюжеты, брал интервью и все надеялся — надеялся! — что Пандем попытается хоть как-то его запугать, или договориться с ним, или еще что-то — и это будет знак, что стена дала трещину...

Он был, наверное, счастлив. Потому что впервые в жизни — впервые за всю историю его войны — у него появился такой сильный, такой ненавидимый враг.

Да, на стороне Пандема был мир без болезней и преждевременной смерти, без войны за нефть, за территорию, без войны за интерес и войны за мир. Без детей с опухшими животами, без рыб, плывущих животами вверх по черным вонючим рекам; в этом мире трагедиями становились всякие мелочи вроде сердечных неудач и творческих провалов. Здесь даже скотобоен не было, потому что мясо выращивали в синтезаторах — без мозга, без нервов, без глаз, без необходимости спариваться и рожать детенышей; это было этически стерильное мясо. И чем весомее были для человечества благодеяния Пандема, тем острее Алекс осознавал исходящую от него опасность.

Откуда Пандем? Зачем Пандем? Чего хочет? Где помещается? Ни у кого не было ответов — если не считать, конечно, фантазий, домыслов и спекуляций. Даже Ким... Впрочем, что Ким — недоучка, доморощенный философ. Даже крупные ученые, которых Алекс сумел затащить в свою «следственную группу», — даже они оперировали гипотезами средней правдоподобности, смутными догадками, и только. С человечеством управлялся неведомо кто с неведомо какой целью — а человечество радовалось, что ему наконец-то можно пожить без забот, на травке, в сытости и под присмотром, как в детском саду. Или во всемирном интернате для умственных инвалидов...

Маленький домик в отдаленном селе достался Алексу за бесценок. Он купил его в первые годы после воцарения Пандема; село Теремки, прежде изможденно-тихое, в те годы напоминало июльский улей.

Всем чего-то хотелось, самогон не пьянил, жизнь была кончена, жизнь наконец-то начиналась, кое-кто не заметил никаких перемен, кое-кто готов был немедленно лететь на Марс. Молодые ломанулись кто куда — в моряки, в строители, в астрономы; старики впервые за много лет вкусили жизнь без боли в пояснице, без катаракты на глазах и ломоты в суставах и, просветленные, с новым удовольствием зарылись в огороды, и даже те четыре старушки, запершиеся в церкви и отказывавшиеся выходить наружу, — даже они со временем успокоились и вернулись к хозяйству, составлявшему цель их жизни...

Домишко на окраине два года стоял без хозяев, крыша прохудилась, внутри пахло плесенью, поблизости не было не только автострады, но и мало-мальски приличной дороги — Алекса это более чем устраивало. Ему нужно было потайное, укрытое от любопытных глаз место — укрытое от людей, разумеется. Не от Пандема.

Дом был кирпичный, и в доме была печка. Потенциальные дрова во множестве росли кругом, в сарае был запасен уголь, а в потайном погребе хранились необходимые вещи: лопаты и топоры, керосиновые лампы, арсенал холодного оружия и огнестрельного тоже (Алекс не исключал возможности, что рано или поздно оно вновь «заговорит».) Алекс ни от чего не зарекался. У него были жена и сын, два племянника, отец и мать, свекор и свекровь, да и за сестру Александры, Лерку, кто-то должен был отвечать.

Он был не из тех, кто оставляет в норе один только выход. Конечно, вероятность того, что Пандема удастся сковырнуть — или что он издохнет сам так же неожиданно, как и появился, — вероятность этого ничтожно мала, однако Алекс посчитал нужным обустроить себе самостоятельное жилье. Место, где можно выжить и прокормиться без дополнительного источника энергии.

«С чего ты взял, что я собираюсь издыхать?»

Теперь автострада проходила в двух километрах от Алексового убежища. Глушь превращалась в пригород; «ездилка» сошла с упругого зеленого покрытия и зашуршала по асфальтированной деревенской дороге.

— Вопрос времени, — сказал Алекс, держа руль одной рукой.

«Ты не можешь объяснить, почему мир, в котором есть я, тебя не устраивает. Ты не можешь объяснить это ни мне, ни людям...»

Алекс подумал, что людям удобно жить в чьем-то кармане. Что на все это огромное жвачное стадо есть горстка тех, кто с Пандемом не примирится никогда. И что Пандем это знает.

Раньше он пытался спорить с Пандемом... Спор с Пандемом — игра в одни ворота. Нет зрителей, к которым можно апеллировать, ради которых можно устраивать «корриду». Это был один из первых его проектов — вызвать Пандема на своего рода телемост, пусть он будет на экране, пусть часть зрителей сидят в студии, а часть — дома, у телевизоров...

Пандем сказал тогда: я говорю с каждым отдельно. Зачем мне светиться на большом экране, если я и без того в каждом из вас? Тогда Алекс сделал сюжет, в котором пытался поймать Пандема на противоречиях, на лжи; он опросил сотни людей...

Если бы Пандем уничтожил запись! Алекс втайне мечтал об этом. То был бы знак, первый знак того, что чудовище уязвимо. Но — программу смонтировали, миллионы людей посмотрели ее... Ну и что?

Домишко стоял на отшибе.

Алекс вышел, чтобы открыть ворота. Завел «ездилку» во двор (гаража не было, прежние обитатели домишки из машин признавали только трактор.) Перед домом имелось «образцовое» хозяйство — длинные грядки овощей, худо-бедно притерпевшихся к неизбежным сорнякам; Алекс, выросший в каменном мешке и ненавидевший запах огорода, высаживал их каждый год — на семена, на рассаду, на развод. Чтобы было.

Он протопил печку — это был единственный процесс в его «дачном» хозяйстве, который доставлял ему хоть какое-то удовольствие. Вытащил из багажника компьютер, уселся на завалинке, положил машинку на колени.

Их разговор с Пандемом длился много лет. Кое-кто придумывает себе «молельни» и «беседки», чтобы разговаривать с Пандемом без помех и отвлечений — Алекс всегда едко издевался над такими людьми. А сам (и это сложилось как-то незаметно, само по себе) приезжал в свое убежище, в кусочек мира-без-Пандема именно тогда, когда приходило время серьезно поработать, поразмыслить... Или поговорить с врагом.

Монитор осветился, но вместо приглашения к работе Алекс увидел Пандема. Тот смотрел, чуть улыбаясь, как взрослый на ребенка. Нет — как взрослый на подростка, вечного бунтаря, который через годик-два *перерастет*...

— Поздравляю, — сказал Пандем. — На твоем месте я бы чуть больше озаботился счастьем единственного сына.

— Заткнись, — Алекс поднял глаза. За маленьким садом из трех бесплодных яблонь садилось солнце. Сверху закат был приплюснут, будто крышкой, плотной серой тучей, и щель между краем тучи и горизонтом светилась, как ясная лампа в конце сумрачного коридора.

— Все *это* сотворил не ты, — сказал Алекс. — Не хозяин дома и не строитель, а таракан, заведшийся в щели... Уйди и дай мне работать.

Пандем улыбнулся шире — и исчез, уступая место картинке рабочего стола; Алекс раскрыл каталог с сюжетами, помеченный «211», и уже через минуту забыл о красотах заката.

— ...Да, это мое сокровенное право, — говорил, приветливо глядя с экрана, интеллигентный парень лет двадцати. — Я не понимаю, с какой радости мне смотреть это скучное кино еще шестьдесят лет... Это в лучшем случае! А то и семьдесят! Черт, мне не надо никакой эвтаназии, я хочу спокойно полетать с крыши! Никто не отвечает за меня, я совершеннолетний, какого черта эта тварь мною помыкает?!

— Когда вы решили свести счеты с жизнью? — спросил закадровый голос Алекса.

— Год назад, — парень вздохнул. — Правда, мысли были раньше... С детства. Мне скучно жить, понимаете? Мне лень каждое утро просыпаться, я хочу отдохнуть, в конце концов...

— Возможно, вы пережили личную трагедию?

Парень махнул рукой:

— Да нет, дело прошлое... В самом деле не стоит об этом. Миллионы баб каждый день обманывают миллионы мужиков... Они же в конкурентной борьбе друг с другом, как в джунглях, им надо хвалиться шмотками, мужьями, детьми... Не в этом дело. Почему мне нельзя умереть? Если это касается меня, только меня, если это никого больше не ущемляет?

Камера отъехала назад, рядом с парнем обнаружился Алекс; обернувшись к зрителям, он медленно снял темные очки, посмотрел прямо в камеру — пристально и немного устало:

— Сейчас вы можете задать этот вопрос Пандему. Каждый из вас может спросить — почему Данилу нельзя уйти из жизни, если это только его дело? Только его, взрослого дееспособного чело-

века. Мы ждем ваших звонков — что ответил вам Пандем? Что вы сами думаете по этому поводу?

Алекс нажал на «стоп». Запись была двухлетней давности; дальше действительно следовали звонки, какая-то женщина спрашивала, есть ли у Данила родственники, где его родители, где его друзья... Но Алекс серьезно готовил программу — из нескольких несостоявшихся самоубийц выбрал Данила именно потому, что родители его умерли, близких родственников не было и друзей не предполагалось. Какая-то девушка обругала Данила козлом, инфантилом и бездарностью. Какой-то старичок рекомендовал парню жить дальше, а там, глядишь, и вкус к жизни проснется; среди этих пресных звонков — половы и шняги — иногда проблескивало подобие интеллекта: кто-то произнес слово «необратимо», кто-то рассуждал о сакральной сущности жизни, об абсолютных ценностях, которые скрепляют общество, и что общественные ценности всегда стоят выше личных, и так далее, ля-ля, тополя.

Для новой программы потребуется только начало. Первые несколько вопросов, и вот это: «Да, это мое сокровенное право... Я не понимаю, с какой радости мне смотреть это скучное кино еще шестьдесят лет... Это в лучшем случае! А то и семьдесят! Черт, мне не надо никакой эвтаназии, я хочу спокойно полетать с крыши! Никто не отвечает за меня, я совершеннолетний, какого черта эта тварь мною помыкает?!»

Тут будет перебивка... И новый материал. Позавчерашний.

Данил — он отпустил бороду и казался старше своих лет — выглядел теперь смущенно и неуверенно; создавалось впечатление, что визит Алекса с камерой (а съемочная группа подловила парня прямо возле института экосистем, где Данил, по агентурным сведениям, уже год проучился) оказался для него событием если не постыдным, то, по крайней мере, нежелательным.

— Нет, — говорил он, пряча глаза. — Теперь я не хочу... Я не хочу говорить об этом. Была какая-то дурость, сам не понимаю. Нет, я не хочу об этом говорить, я живу, мне нравится жить... Вот и все, я должен идти!

И, буквально оттолкнув Алекса, Данил устремляется прочь, и камера провожает его до самых дверей института.

Алекс оборачивается к зрителям. Губы его плотно сжаты.

— Это называется модификация поведения, — мягко говорит Алекс, глядя камере в зрачок, зрителям в глаза. — Его спокойная, выстраданная позиция теперь представляется ему наваждением, а всякий разговор на «ту самую» тему вызывает тревогу и стыд.

Данил Алефьев был модифицирован Пандемом, загляните внутри себя и спросите — себя, Пандема, — не случилось ли подобного с вами? Не марионетка ли вы на Пандемовых ниточках?

Тогда, стоя перед камерой и ловя на себе недоуменные взгляды проходивших мимо студентов, Алекс ждал — всеми потрохами, — что Пандем хотя бы возмутится. Подаст хоть знак. Намекнет хотя бы на неэтичность программы по отношению к Данилу... Ничего подобного не произошло.

Он просто хорошо владеет собой, подумал Алекс теперь, прислоняясь спиной к кирпичной стене своего убежища. Даже если я случайно попаду в цель — он не подаст виду. Господи, неважно, был ли этот дурак Данил в самом деле модифицирован; важно, чтобы в это *поверили*. Пусть они перестанут верить Пандему. Пусть они все захотят... захотят быть людьми... с правом убивать сволочей и убиваться самим...

Убивать сволочей. Ладно, сюжет с самоубийцей получился аморфный, его можно пустить, как приложение... А вот основной сюжет — про родственников тех пятерых погибших таксистов, и про бандита, который вернулся из тюрьмы. Фотографии — очень хорошие, жуткие фотографии, которые чудом удалось добыть в архиве... Суд... Приговор... И — вот он, красавец, идет себе по улице, кажется, веселый... Несет яблочки в сумке, не видит камеры... Снова фотографии... Давние снимки — молодые ребята обнимают жен, улыбаются... Снова отрезанные головы на оперативных снимках... Лица детей... А вот это хорошо. Хорошо, черт возьми.

Алекс вытащил пачку сигарет. Он бросил курить за год до пришествия Пандема, а потом опять закурил — назло, но разве сравнить тот эффект, который оказывали на него сигареты прежде, с этим детским дымком, который по воле Пандема приходилось высасывать из наикрепчайших папирос?!

«Не завирайся. Вкус точно такой же».

Алекс хмыкнул.

«Как ты думаешь, что почувствуют дети погибших, когда увидят твое... творчество?»

Алекс замер. Достал? Не достал? Неужели зацепил-таки?

«Знаешь, на кого ты похож? На огородника, который гоняет с грядки птиц, топчась по росткам. Тебе совсем не хочется подумать об этих людях?»

Уси-пуси...

— Этого мужика надо убить, Пан. Его *надо* убить. Позволь мне это сделать — или сделай сам.

«Что, мертвый он лучше осознает свою вину?»

— Мне нет дела до его вины. Он убивал ради денег и удовольствия. Он должен быть мертв, в крайнем случае — сидеть на каторге... да, он должен сидеть, или ты, Пан, — его сообщник. Я так и откомментирую в программе. Жди.

«С чего ты взял, что он не наказан?»

— С того, что он жив и на свободе.

«Хочешь эксперимент?»

Что-то новенькое. Что-то настолько новенькое, что от предвкушения холодеет кровь. Неужели все-таки?.. Впервые за столько лет — он *достал* Пандема?

«С твоего согласия... Ложись спать — во сне увидишь сюжет про этого экс-бандита. Строго между нами. Хорошо?»

ГЛАВА 12

Дарья Никитична Олененко возвращалась домой от девяностопятилетней родственницы. Машина шла на автопилоте, Даша сидела, прижавшись затылком к высокой спинке водительского кресла, и смотрела на россыпь огней, проявлявшихся то справа от трассы, то слева, то внизу, то вверху.

Прежде они навещали Светлану Титовну по очереди — Даша, ее муж Костя, иногда Костина сестра Арина с мужем Кимом Каманиным; теперь Костя был слишком занят, Арина была слишком занята, о ее муже Киме вообще речи не шло, и единственным человеком, не обремененным ни чрезмерной работой, ни напряженной учебой оказалась Даша.

Дашина бабушка умерла давно, еще до появления Пандема; Светлана Титовна приходилась покойной бабушке теткой. Ей посчастливилось пережить племянницу почти на двадцать лет: теперь она понемногу дряхлела, погружалась в воспоминания, переходила в лучший мир, оставляя в *этом* мире угасающее тело. Пандем был ее лучшим другом и собеседником, но Даша считала, что не навещать старую родственницу нельзя. Дважды в неделю, как штык.

Дорога занимала почти полдня. Светлана Титовна отказывалась переехать из дома, в котором прожила жизнь, и Пандем считал, что она имеет на это право. Прежде, когда родственницу навещали по очереди, все было не так сложно. А теперь Даша чувствовала, что устает.

«Поспи в машине».

Даша отрицательно покачала головой. Лучше дотерпеть до дома и сразу лечь в постель.

Как там Иванка? Уже легла или нет? Или еще не вернулась домой? Самостоятельная особа в свои одиннадцать лет, они все теперь такие самостоятельные... «Мама, ну чего ты волнуешься? Что со мной сделается, а? Это раньше у вас были всякие ужасы с простуженными детьми, которые утонули, когда их задавила машина. Уроки сделала, не волнуйся. Да, мы с ребятами играем в казаки-разбойники... С кем? Да какая тебе разница, ты все равно их не знаешь... Познакомить? Ты что, будешь играть с ними в казаки-разбойники?!»

— Пандем! Она спит?

«Укладывается».

— Что значит укладывается? Зубы чистит?

«Снимает ботинки в прихожей».

— Да который же час?! Почему ты ее раньше не отправил домой?

«Потому что завтра воскресенье. Она утром выспится».

— Ты ей потакаешь!

«Не злись».

...Иванка смеялась; Даша улыбалась в ответ, чувствуя себя глупо. Она мать. Она хорошая мать. Это ее родной ребенок. Единственный, между прочим.

Ее представление о том, что такое «хорошая мать», много лет сидело на ней, как скафандр. Костя знал, что она хорошая мать. Все родственники знали, что она хорошая мать. Еще до Иванкиного рождения она читала книги, учившие ее быть Хорошей Матерью, и каждый уголок ее чисто прибранного, уютного, приспособленного для жизни дома знал, что она — Мать. Хозяйка. Жена.

Она знает свой долг — по отношению к ребенку, к мужу, к Светлане Титовне. Пусть старуха витает в своих облаках — Даша будет навещать ее дважды в неделю. Привозить гостинцы, спрашивать о самочувствии, рассказывать новости...

Усталость. Боже, как она устала. Костя со своими командировками... Ему все равно, ему всегда на все плевать... Иванка, не желающая ничего слушать... Вернее, слушающая только Пандема... И еще Светлана Титовна, скорее бы она уже умерла, проклятая обуза...

Даша вздрогнула и открыла глаза. Машина шла ровно, как по воде, огней вокруг стало больше — приближался центр.

О чем она только что подумала?! Она подумала — хорошо бы Светлана Титовна...

Господи! Ведь она, Даша, — *порядочный человек!* Как она могла...

Если бы никто не слышал. Мало ли что взбредет в голову уставшей женщине. Подумала и забыла, ведь она единственная, кто не оставил старушку, кто навещает ее дважды в неделю, хотя дорога в один конец занимает почти полдня...

Она хлопнула по панели, приказывая машине остановиться у обочины. Бег огоньков замедлился; скорость вытекала из каплеобразного пластикового автомобиля, и только сейчас Даша осознала, какой она была, эта бешеная скорость.

Она вышла, не прикрыв за собой дверцы. Под ногами была трава, витые, слабо подсвеченные лесенки вели вниз, с автострады; Даша села на ступеньку и обхватила голову руками.

Она пожелала ей смерти!

И Пандем слышал ее.

Что, что Пандем теперь о ней подумает?! Она ведь сама от себя не ждала... Мог ли он ждать от нее... Позор, ужас...

«Дашенька, что с тобой? Это всего лишь глупая мысль, она прошла и ушла, как будто и не было...»

Он еще успокаивает ее.

Лицемер.

* * *

Иванка Олененко играла с ребятами в «Крепости и замки». Сейчас они с Симоном лежали в траве, желая сплющиться как лепешки, а рядом шарили с фонарями братья Михайловы.

Симона им не найти. Симон сливается с ночью и нарочно нацепил черные очки, чтобы блеск белков — а белые у него только белки и зубы — его не выдал. Кроме того, Симон, в отличие от Иванки, умеет передвигаться бесшумно, в его роду поколения охотников, вдвойне стыдно проигрывать, имея в команде Симона...

Иванка повернула голову. Симон смотрел на нее — во всяком случае, она угадывала его взгляд из-под черных стекол; она повела глазами, показывая в сторону братьев Михайловых. Он кивнул — она опять-таки скорее догадалась об этом, нежели увидела.

— ...Стой! Стой, кому говорят!

В какой-то момент ей вдруг сделалось по-настоящему страшно. Ужас преследуемого, которому на пятки наступает погоня. Что-то первобытное, засевшее в генах: беги! Беги!..

...А потом они все вместе — «друзья» и «враги» — сидели кружком на балконе замка, курили, мальчишки пили пиво, и им казалось, что они пьянеют. В центре кружка горел светильник на стальной треноге; Симон был преисполнен радости, радость распирала его, как теплый воздух распирает шелковые бока воздушного шара.

Симон с родителями приехал три года назад. Говорил уже практически без акцента — сказался лингвокурс при универе. Сейчас Симону было тринадцать; когда пришел Пандем, он жил в африканской деревушке, наполовину смытой с лица земли желтым жадным наводнением. Его братья и сестры, родные и двоюродные, многочисленные дядья, тетки и бабки гибли с голоду, тонули в размытой глине; его родители были на грани смерти, и сам трехлетний Симон сидел на соломе с раздувшимся от голода животом...

— Ты домой не хочешь, Симон? *Туда?*

— Очень хочу. Очень. Через полгодика поедем. Так Пандем говорит.

Тем временем Пандем уже дважды намекал Иванке, что пора бы в постельку. Иванка ныла и выпрашивала по «две минутки»; слишком хорошо было вот так сидеть и ощущать себя героиней, ведь главным в сегодняшней битве стали, конечно же, Иванкин финт и Симонов прорыв...

Братья Михайловы поначалу чувствовали себя обманутыми и проигравшими — но вечер продолжался, они забыли обиду и принялись хвастаться, как обычно.

— А как я его! — выкрикивал Лешка Михайлов, размахивая дымящейся сигаретой. — А он от меня... А я его!

«Все, Иванна. Полдвенадцатого. Подъем».

И сразу же поднялся Симон:

— Пока, ребята... Надо.

Прочие засобирались тоже — некоторые даже испуганно, видимо, Пандем перестал с ними миндальничать; Иванка забросила за плечи рюкзак и вышла из замка под звезды, и сразу же за ней вышел Лешка Михайлов.

— Я тебя провожу? — полувопрос-полуутверждение.

— Зачем? — искренне удивилась Иванка. — Тебе же в другую сторону. Пандем заругается.

— Не заругается, — тихо сказал Лешка. — Пошли... А то вдруг ты в канаву упадешь.

Иванка засмеялась. «Пандем, он дурак?»

«Что ты обижаешь человека? Хочет пройтись перед сном, тебе что, жалко?»

— Ну ладно, — сказала она удивленно.

Уже дома, в прихожей, она села на тумбочку, чтобы стянуть грязные ботинки — и вдруг замерла, глядя в темный потолок.

— Он в меня влюблен, что ли?

«Нет. Ему просто приятно с тобой пройтись».

— А почему?

«Потому что ты здорово придумала эту обманку, с Симоном. Он тебя зауважал».

— А раньше он меня не уважал, что ли?

«Подумай головой. Ему четырнадцать лет, а тебе нет двенадцати. Он считал тебя малявкой».

— Ах во-от ка-ак...

«Ну конечно. Теперь-то он так не считает».

Иванка улыбалась, глядя в потолок, забыв о ботинке и о сырых штанах, которые надо немедленно снять.

— Пандем... А можно я не буду сейчас спать, а порисую немножко? У меня вроде вдохновение прорезалось... А?

«Твоя мама считает, что я тебе потакаю».

— А ты скажи ей, что я уже сплю.

«Знаешь, что бывает с врунами?»

— Что?

«Шутки окончены, Иванна. Марш под душ — и в постель».

* * *

Костя Олененко сидел за низким столиком в ворсистой мягкой комнатке. Все здесь было ворсистым и мягким: ковер, занавески, широкая постель; на бархатной скатерти нежно-персикового цвета стояли полные влаги бокалы, и от фигурно разрезанных фруктов поднимался соответствующий моменту аромат.

После появления Пандема Костя не изменял жене почти три года — три долгих мучительных года, полных стыда и сомнений. Все решилось после встречи с Агатой — той самой, что сидела сейчас напротив, пожевывала комочек смолы из оранжевого пакета (оранжевый цвет на пачках сигарет и блоках жвачки предупреждал о возможном наркотическом действии) и блаженно щурилась на огонек ароматической свечи.

Десять лет назад Агата была обыкновенной семнадцатилетней проституткой. Ее звали Зойка, и она была уверена, что только тяжелая жизнь и необходимость кормить себя привели ее в это ужасное место — на панель.

Тогда Костя не был с ней знаком. Тогда у него была Мышка, милейшая девочка-студентка, к которой он ездил в общежитие, пока жена думала, что он перегоняет машины, или находится в деловой командировке, или еще что-то.

Пришел Пандем, и необходимость зарабатывать на жизнь древнейшим способом отпала. Зойка-Агата поступила в какой-то техникум, но творческая учеба на благо человечества перестала занимать ее уже на вторую неделю. Она пыталась стать танцовщицей, певицей, воспитательницей, наездницей, фотографом, модельершей; все занятия скоро надоедали ей, и с неожиданной тоской вспоминались те дни, когда в коротенькой юбчонке и высоких сапогах она стояла на обочине оживленной трассы, ледяной ветер прохватывал ее сквозь колготки-«сеточку» до самого нутра, а впереди была неизвестность: заплатят — не заплатят, изобьют — не изобьют...

Тогда Костя тоже не был с ней знаком. В его жизни наступила унылая «послепандемная» пора — физическая близость с женой была «обязанностью», хотя и «супружеской», а увязаться вслед за лихой длинноногой девочкой на улице не позволял стыд. Костя стеснялся Пандема!

Как может он изменить жене в чужом присутствии? Пусть бесплотном — но оттого не менее явном, вездесущем? И как потом он вернется домой, станет врать жене, а Пандем в это время будет слушать — и молчать? Его молчание будет как крышка канализационного люка на плечах, Костины нервы не выдержат, он во всем признается Даше... А Даша...

Тем временем Зойка-Агата встретила старую приятельницу, с которой вместе когда-то мерзли на обочине кольцевой. Приятельница была свежа и довольна жизнью; за те несколько лет, что они не виделись, приятельница выучилась играть на лютне и петь, танцевать этнографические танцы, составлять букеты, сервировать стол, вязать языком морские узлы, вести утонченные беседы, и еще много чему выучилась. Теперь она работала на дому, привечала чистых и вежливых клиентов, творчески трудилась на благо человечества и была совершенно довольна жизнью.

— А Пандем?! — спросила потрясенная Зойка.

Приятельница улыбнулась так таинственно, что Зойка ей снова позавидовала:

— А Пандем... Ты знаешь, это даже в кайф. Это ренессанс какой-то, честное слово.

Зойка поразилась, как много новых слов знает ее бывшая подруга, еще не так давно изъяснявшаяся исключительно бытовым-матерным.

Эта встреча изменила ее судьбу. Спустя несколько месяцев у нее тоже была ворсистая и мягкая комната, и визиты первых клиентов научили ее слову «ренессанс». Все, что происходило на огромной кровати под балдахином, происходило теперь как бы публично — Пандем наблюдал за ней, Пандем видел ее изнутри и снаружи, и одна эта мысль делала ощущения стократ острее.

Вот тогда-то Костя с ней и познакомился.

Она убедила его, что то, что он считает изменой, на самом деле никакой изменой не является. Что это игра, всего лишь игра, на которую имеет право любой мужчина — и в особенности Костя, натура артистичная и темпераментная. И они действительно играли: все эти разговоры за круглым столиком, все эти жесты, взгляды, полунамеки не позволяли ему расслабиться ни на минуту. Всякий раз ему приходилось завоевывать ее заново, всякий раз он выматывался, угадывая правила новой игры, и тем слаще оказывался вкус победы.

Он бросал ее. И снова возвращался. И снова бросал, клялся себе и Пандему, что больше никогда-никогда...

Она не скрывала, что у нее бывают и другие гости. Костя прощал.

— Я люблю Дашу! — доказывал он Пандему, запершись в ванной и пустив воду. — Я не могу ее бросить! У меня ребенок... Не говори им, пожалуйста, Дашка... не поймет. Иванка... Ты разрушишь семью. Я люблю их, Агата — это совсем другое... Если ты был мужиком — ты бы понял меня!

— Вопрос в том, как на это посмотреть, — бормотал он в той же ванной некоторое время спустя. — Это пережитки дремучего представления о том, как и с кем надо жить мужчине. Почему я должен чувствовать себя виноватым? Что, Дашке плохо? Ей хорошо, я ее люблю, она это знает. Лишь бы она не узнала...

«Она узнает рано или поздно, Констанц. И в самом деле не поймет».

— Ты ведь не хочешь, чтобы нам всем было плохо? Ты ведь любишь нас, так? Почему ты не устроишь, чтобы Дашка не узнала? Проследи за этим, это просто, просто не допускай до нее лишнюю информацию, чего тебе стоит? Молчание — золото... И всем будет хорошо.

«Констанц... Ты можешь поступать как хочешь. Но учти, что Дашка долго не простит. Может быть, никогда».

— Ты все-таки подумай над моим предложением, — говорил Костя и поскорее задвигал весь этот разговор поглубже в память — чтобы не думать о дурном.

...Агата потянулась. Музыка из многих динамиков, спрятанных под драпировкой стен, сделалась громче; Костя знал, что сегодня она хочет от него не столько нежности, сколько страсти, не столько обожания, сколько дикой мужской агрессии. Он шагнул на стол — бокалы опрокинулись, подсвечник упал, и свеча погасла. В зеленых Агатиных глазах вспыхнули правильные огоньки; Костя мягко опрокинул кресло вместе с сидящей в нем женщиной, опрокинул на спинку, в глубокий персиковый ковер. Агата попыталась было вырваться — Костя не дал; она искусно изображала неповиновение и страх — но в глубине глаз горели, как зеленые светофоры, те самые правильные искры, те самые, те...

Костя наклонился к ее губам — и взял у нее изо рта ароматный комочек теплой и клейкой смолы.

— Решительней, — прошептала Агата. — Ты же... — и добавила слово, от которого Костя утробно зарычал, польщенный.

Комочек смолы выпал на обнажившуюся к тому времени Агатину грудь, потянул за собой ниточку вязкой слюны. Костя снова зарычал; Агатины колени, обтянутые узорчатым шелком, казались лбами разукрашенных цирковых слонов. Бедра ее были белые и круглые, будто рыба лосось.

— Пандем! — кричала Агата. — Пандем!

Костя знал, что одно осознание того, что на нее смотрят, способно довести ее до экстаза.

И он вошел в роль насильника. Он вмял жертву в персиковый ворс, будто в шкуру медведя возле горящего костра; Агата стонала жалобно и страстно, плакала и звала Пандема в свидетели. Костя рвал на себе одежду; и в этот самый момент — кровь бухала в ушах, волосы прилипли к вискам — в Костиной голове раздался негромкий голос:

«Даша догадалась обо всем. Только что».

* * *

— ...Говори, — сказал Алекс. — Можешь смотреть в камеру, можешь не смотреть. Отвечай: ты давно был знаком с этой женщиной?

Костя казался мокрым, хотя был сухой. Светлые волосы потемнели и поредели. Пушистые ресницы хлопали беспомощно и виновато:

— Я признаю свою ошибку. Я был не прав.

— Сколько лет ты с ней встречался?

— Почти семь лет, — Костя перевел дыхание. — С перерывами. Я расставался с ней, мы не виделись по целым...

— Семь лет, — Алекс обернулся на камеру. — Семь лет Пандем знал, что происходит, и ничего не предпринял, чтобы что-либо изменить.

— Погоди, — слабо запротестовал Костя. — При чем тут Пандем...

— Ценность, которой всегда считалась нормальная человеческая семья, утрачена безвозвратно. Да, эта ценность знавала тяжелые времена — чего скрывать, мы сами жертвовали ею... чтобы снова к ней вернуться. Профессия проститутки могла приносить барыши — но в глубинных слоях общества, в консервативных кругах, в народных, я не боюсь этого слова, кругах, быть проституткой всегда считалось стыдным... Что теперь?

Алекс выдержал эффектную паузу — три секунды — и махнул рукой оператору. Обернулся к Косте:

— Все. Свободен. Спасибо.

Костя хотел что-то сказать — но не нашелся. Побрел к выходу из студии; Алекс забыл о нем. Он видел программу целиком; он давно вынашивал эту идею, и материал был отснят заранее, а тут очень кстати подвернулась история с Костиными изменами. Уговорить Дашу на интервью пока не удавалось. Пока. Алекс был уверен, что и к ее сердцу найдет дорожку и что программа получится сильной. После этих его слов — «Что теперь?» — пойдет материал, отснятый в десятках публичных домов, откровения замаскированных посетителей — мозаика на месте лица действует на зрителя завораживающе... Все эти сеновалы, дворцы, бассейны с гротами, весь этот роскошный приют утонченнейшего разврата... Мужчины, может быть, просто переглянутся, зато женщины — да, Алекс рассчитывал на женщин, они были адресатами этой программы...

Он остановился на полдороге из студии в свой кабинет.

Мороз прошел по спине. Эхо давнего сна.

— Ты меня не запугаешь. Ты — меня — не запугаешь. Если понадобится, я поставлю камеру в своей спальне, засниму себя в кошмаре и пущу в эфир — с соответствующими комментариями...

«Я тебя не трогаю. Ты сам вспомнил».

— Что с вами, Александр Максимович? — испуганно спросила девочка-ассистент.

ГЛАВА 13

Ким разглядывал рисунки старшего сына.

Их было много — Арина собирала тщательно, начиная с самых первых, бережно складывала в альбом, и вот теперь Ким мог воочию наблюдать, как крепла Виталькина рука и развивалось представление о мире. Если в три года он рисовал двух человечков — одного на поле среди кривеньких ромашек, а другого над его головой, то в последних рисунках уже можно было узнать знакомое лицо с высокими скулами, впалыми щеками, с приподнятыми уголками рта.

Пандем, как его видит Виталька.

Вот лес. Тщательно выписаны все известные художнику породы деревьев. С каждого ствола смотрит одно и то же лицо — угадывается в очертаниях коры, в черных отметинах на белой березе, в расположении сучков. Арина права — мальчик талантлив. И учительница музыки говорит то же самое...

Вот город. Ленты магистралей, цветные тени машин, люди с улыбками на лицах, дети с мячами, с цветами, со школьными сумками. Надо всем этим — склоненное лицо. Тоже узнаваемое. Виталька рисовал его тысячу раз: Пандем в окне, Пандем на экране телевизора, Пандем в зеркале, и, как воплощение затаенной мечты, — Пандем в обнимку с самим Виталькой, Виталька у Пандема на плечах...

Только на нескольких рисунках Ким обнаружил себя, Арину и Ромку. И почти везде все они стояли, замерев, будто позируя, взявшись за руки, улыбаясь.

«Он воспринимает вас с Ариной как часть самого себя».

Ким вздохнул.

* * *

Праздновали громко и весело. За десять лет прежние свадебные ритуалы успели смениться новыми, а поскольку жених и невеста были, по сути, подростками, то и веселье больше походило на детский день рождения, нежели на свадьбу, какой ее помнил Ким. Шурка и его будущая жена Вика наприглашали всех своих одноклассников и однокурсников, соседей, приятелей и просто знакомых; в полдень состоялся собственно обряд — жених и невеста поднялись на живописный пригорок, покрытый белыми цветами, по очереди произнесли формулу супружеской клятвы и обменялись кольцами; грянул невидимый оркестр, толпа знако-

мых и родственников обрадовалась громко и энергично, и тут же началось всеобщее празднование.

Веселились в городке аттракционов, купались в открытых бассейнах, ели, пили и пускали кораблики, катались на лошадях и верблюдах, устраивали фейерверки, без устали желали новобрачным любви и процветания. Всякий находил себе собеседников: Александра собрала вокруг себя средних размеров толпу и просвещала гостей о пресловутом проекте «Рейтинги». Арина раздаривала керамические украшения и взяла первый приз, стреляя из лука в яблоки на веревочках. Виталька скоро куда-то исчез с парой-тройкой других таких же пацанов. Лерка развлекала разговором папу и маму, специально ради свадьбы внука прилетевших из Индии, где они теперь жили. Даша бродила среди толпы с царственной грустью на лице; Костя сказался больным и не пришел. Алекс...

«Какого черта? — спросил тогда Ким. — Зачем выносить на публику? При том, что Дашка его бросила и почти наверняка никогда не простит?» — «Ты его адвокат? — поинтересовался Алекс. — Или, может быть, адвокат Пандема?» — «Ну что тебе нужно от Пандема?» — устало спросил Ким. «Я мужчина, — Алекс неприязненно усмехнулся. — Мужик. С яйцами. Поэтому когда я вижу чудовище, я ищу, как его убить. Если я вижу бога, я ищу, как его свергнуть. Я всегда ненавидел поповские сказки и людей-овец».

— Ким?

Он вздрогнул. Алекс, легок на помине, обнаружился у него за спиной. Вот странно, Ким думал, что он так и не подойдет.

— Есть разговор, — сказал Алекс, напряженно усмехаясь. — К тебе. Как к почетному пандемоведу.

* * *

Трехлетний мальчик Рома Каманин строил город из песка. В отдалении визжали, катаясь с горок, гоняя на велосипедах и ныряя в фонтаны, малолетние Ромкины родственники, друзья родственников и дети друзей родственников — не прельщаясь всеобщим весельем, Рома выкладывал из спичек улицы, возводил дома с круглыми окнами, втыкал палочки-светофоры и бормотал под нос, и не заметил деда, Андрея Георгиевича Каманина, который подошел и остановился у него за спиной.

— Ромыч?

Мальчик обернулся.

— Давно не виделись, — неловко пошутил Андрей Георгиевич. Они и в самом деле не виделись довольно давно: если не считать сегодняшнего свадебного утра и позавчерашнего суматошного дня, они не виделись два с половиной года — дед помнил внука младенцем, внук помнил деда мягким расплывчатым облаком, голосом в трубке и человеком на фотографии.

— Что делаешь, Ромыч? — спросил дед.

— Играю, — тихо отозвался внук.

Дед опустился рядом на корточки:

— Это город, да? А ты строитель?

— А я Пандем, — пояснил мальчик. — А они, — он провел рукой, обозначая невидимых обитателей песочного поселения, — мои люди. Я с ними говорю.

— А-а, — сказал дед после паузы. — А я хотел тебе вот что...

И он, порывшись в большом кармане мягкой непраздничной куртки, вытащил книжку с картинками — все еще очень яркими, хотя книжка когда-то была куплена в подарок трехлетнему Киму Андреевичу.

Дед боялся, что Рома кивнет и вернется к строительству, — но Рома заинтересовался. Отряхнул руки от песка, мимоходом вытер ладони о штанишки; дед спрятал книгу за спину:

— Нет, так нельзя, надо руки помыть, это же книжка... Давай пойдем помоем руки, ты возьмешь апельсин или яблоко, и я тебе почитаю?

— Я и сам умею, — сказал Рома.

— Э-э-э, — дед кашлянул. — Знаешь, я тоже сам умею, но люблю иногда, чтобы мне почитали. Это интересно. Давай попробуем?

Рома подумал — и кивнул. Склонившись над своим городом, что-то пробормотал невидимым маленьким людям, поднялся с колен и последовал за дедом к рукомойне и потом — к белой скамейке под кустом сирени.

— ...Царь с царицею простился, — начал дед. — В путь-дорогу снарядился...

Внук слушал, переводя удивленный взгляд с картинки на дедово лицо — и снова в книгу. Дед читал с выражением, вдохновенно, Рома молчал и слушал, лицо у него было сосредоточенное.

«Пандем?»

«Да, Андрей?»

«Он говорит с тобой?»

«Да. Он не может понять, почему они умирают».

Андрей Георгиевич осекся и перестал читать. Рома сидел тихо.

— Где? — тихо спросил дед.

«На него она взглянула, тяжелешенько вздохнула, восхищенья не снесла и к обедне умерла», — процитировал Пандем.

— Понимаешь, Рома... — начал было дед.

— Понимаю, — мальчик кивнул. — Мне Пандем уже объяснил. Это было в старые времена, когда люди умирали просто так.

Под сиренью стало тихо. На полянках смеялись и разговаривали: гости разбрелись по парку, развлекаясь кто как может. На невидимом за деревьями озере скрипели уключины.

— Ну, они не просто так умирали... — начал дедушка Андрей Георгиевич.

Рома вздохнул:

— Ты знаешь, деда... Это не совсем хорошая сказка. Она красивая, да. Но она неправильная. Мне Пандем рассказывает лучше.

* * *

Александра Андреевна Тамилова вечно оказывалась в центре внимания. Она не прилагала к этому усилий, но и не тяготилась таким положением дел: она просто была в центре внимания, легко и естественно, как жук на листе подорожника.

Ее программа «Рейтинг» процветала вот уже несколько лет. Вскоре после окончательного воцарения Пандема случился всплеск так называемой творческой энергии: все, кто неплохо рисовал в детстве, писал повести в школьных тетрадках либо пел хором на именинах и свадьбах, теперь получили возможность донести свое сокровенное до миллионов потенциальных ценителей, и в образовавшемся половодье как-то сразу утонули все меры, весы и критерии. По неписаному закону автор, как он ни канючь, не мог получить от Пандема ни похвалы, ни порицания: ищи понимающих, говорил Пандем, и кое-кто всерьез полагал, что Пандем «не разбирается в искусстве». На самом деле — и Александра это понимала — он просто уступал человечеству площадку для состязаний, стадион, где каждый свободно, без оглядки на авторитеты, мог помериться с ближним длиной шага, длиной языка, длиной... да чего угодно, ведь похвальба, предваряющая соревнование, для некоторой части человечества оказалась третьей — после хлеба и любви — важнейшей надобностью.

Пандем снял с себя обязанности судьи — но кто-то ведь должен устанавливать правила и оглашать результаты, поэтому критиков, анализаторов, знатоков и советчиков развелось едва ли не больше, чем собственно творцов. Понадобилось несколько лет, чтобы лучшие из них — острейшие, ярчайшие, образованнейшие, наконец, — набрали вес и передавили прочих; Александрин клуб «Рейтинги» (телепрограмма, форум в сети, еженедельная газета, агентство новостей и постоянный совет экспертов) был сейчас одним из законодателей вкусов в области традиционных искусств, прибирал к рукам искусства нетрадиционные и провоцировал у конкурентов столь не любимую Пандемом зависть.

Александра стояла, окруженная стайкой гостей (сейчас, через полчаса после начала разговора, это была уже крупная стая гостей, если говорить начистоту). Обсуждали последний свемуз-конкурс; Александра улыбалась краешками губ. Поощренные ее вниманием, какие-то студентки — Шуркины приятельницы — рассуждали о жизни и об искусстве. Оказывается, они следили за конкурсом и видели почти все, что было на него представлено, и они были восхищены оригинальностью вышедших в финал композиций. Подумать только! Буквально за несколько лет родилось совершенно новое искусство, не принадлежащее ни музыке, ни живописи, ни скульптуре; да-да, свемуз — не синтез старых искусств, а нечто прин-ци-пи-ально иное!

Не отменяя прохладной улыбки, Александра объяснила девочкам — а на самом деле собравшимся вокруг зевакам-ценителям, — что девочки ошибаются. Ничего оригинального в свемузе пока не наблюдается: она, Александра, будет первой, кто зарукоплещет новатору, но пока — увы — имеем всего лишь механистический гибрид музыки со зрительно-тактильными фантазиями, нежизнеспособного уродца, недалеко ушедшего от своей шумной прародительницы — провинциальной дискотеки с мигающими лампочками.

Девочки, к чести их, быстро справились с шоком и даже продолжили разговор. Да, признали они, к сожалению, пока что свемуз остается просто набором зрительных ассоциаций, приведенных в соответствие с музыкой... Но зато как эмоционально, как ритмично, как жестко, как натуралистично, как брутально, как деструктивно, в конце концов — в каждой второй работе есть что-то от мнимо пережитой автором смерти...

Печально покивав головой, Александра сообщила девочкам, что те не имеют понятия ни о жизни, ни о смерти, равно как и авторы большинства конкурсных работ. Что если бы хоть кто-то из этих авторов, отягощенный проблеском таланта, смог воспроиз-

вести в своей работе простое человеческое чувство — зарождение первой любви, например, — то она, Александра Тамилова, простила бы автору даже неизбежную в таких случаях банальность. Но нет: нынешние свемуз-деятели предпочитают фантазировать на тему выпущенных кишок, за что она, Александра Тамилова, приговаривала бы к порке на площади.

Девочки горячо согласились: да, молодой жанр переживает кризис. Уровень нынешнего конкурса — по сравнению с прошлогодним — упал «до ниже пола». На столь сером и скудном уровне выделяются искренностью простые фантазии о жизни, о любви...

Александра пожала плечами. Увы, многие нынешние авторы не в состоянии воссоздать ничего, выходящего за рамки ванной комнаты или душной спальни. Сложнейшая техническая база, немалая энергоемкость, колоссальные возможности для эмоционального воздействия — свемуз, одним словом, — и все это призвано служить обывательским представлениям о несчастье либо же, упаси Пандем, о счастье — о что за жалкие, утопающие в соплях потуги!

Девочки не смутились ничуть. Разумеется, именно это они и хотели сказать: среди нынешнего всеобщего дилетантизма трудно найти светлое пятно, мало кто понимает, что именно возвращение к великим традициям прошлых веков, а именно любовь в ее шекспировском понимании, и так далее. Александра безжалостно смотрела в их горящие глазки; слушателей становилось то больше, то меньше, но основная часть их не расходилась, заинтересованная.

Среди девочек случилось небольшое разногласие: блондинка продолжала настаивать на обязательной любви как литературном условии, брюнетка же, уловив нечто в Александрином взгляде, быстро поменяла позицию: современное искусство, говорила она, исподтишка подталкивая подружку коленкой, должно нести позитив, то есть звать людей в космос, потому что только романтика неоткрытых планет, только порыв человека в неведомое, только тот фронтир, на котором реализуются лучшие свойства человеческой натуры...

— И любовь, — добавила брюнетка.

— И любовь, — со вздохом подтвердила Александра. — Простите, милые, что не могу уделить вам больше времени, но у меня здесь есть и другие обязанности, все-таки женится мой сын...

Толпа загалдела, запоздравляла, кое-где зааплодировала. Александра, все так же отстраненно улыбаясь, выбралась из теплого дружеского круга.

Механически убирая со лба волосы. Думая о другом.

* * *

— Санька, а что с Алексом? — спросила Лерка, присаживаясь рядом на скамейку. Скамейка висела на цепях, как Белоснежкин гроб.

Смеркалось. Молодежь зажигала свечи — обыкновенные, цветные, «танцующие». Бах! — в небе разорвалось маленькое солнце очередного фейерверка.

— Что с Алексом? — переспросила Александра, помолчав.

— Мне показалось, у него сын женится, — осторожно заметила Лерка. — А он...

— Да, — сказала Александра. — Знаешь, парадоксальные реакции Алекса лично меня уже двадцать лет как не удивляют.

Лерка качнула скамейку. Толчок получился слишком сильным, пришлось притормозить ногой.

— Он плохо выглядит. Депрессивно. Вот что я имела в виду, — пробормотала Лерка, будто извиняясь.

— Пандем, — не повышая и не понижая голоса, сказала Александра. — Алекс у нас пандемоборец... Мне не думалось, что это может быть опасно.

— Опасно? Что ты такое говоришь...

Лерка осеклась. Мимо по дорожке проскакал сын Кима Виталька на низкорослой пегой лошадке, за ним неслись, вопя и не поспевая, штук пять мальчишек разного возраста.

«Пандем?»

«Да, Саня».

Александра поняла вдруг, что еще секунда — и она привычно делегирует Пандему право объясняться с сестрой. С ее собственной сестрой-близнецом. С самым близким, пожалуй, человеком. Она тряхнула головой:

«Прости».

«Все хорошо».

— Все хорошо, — повторила Александра вслух. — Видишь ли, Лерка, Алекс не говорит мне, что там у них произошло с Пандемом. И Пандем не говорит. Вероятно, они оба считают, что мне вовсе незачем об этом знать.

* * *

Лерка Каманина с детства ненавидела униформу. Любую; собственная школьная форма была знаком унижения и рабства, и еще совсем маленькой девочкой она дала себе клятвы никогда не влюбляться ни в военных, ни в милиционеров. Даже одинаковые врачебные халаты внушали ей отвращение. Вернувшись домой с последнего школьного экзамена, она сняла шерстяное платье, аккуратно надела его на «плечики» и долго разглядывала, будто увидев впервые, — разглядывала, прежде чем повесить прежнюю вещь в шкаф (кто-нибудь другой, может быть, ритуально сжег бы свою форму, облив бензином, но Лерка брезгливо сторонилась эффектов, демонстративности и ажитации. Она сняла с себя форму, этого было достаточно).

После прихода Пандема формы стало гораздо меньше. Военные сняли форму; милиционеры сняли форму, врачей больше не было, и Валерии показалось, что это изменение сделало мир немножечко лучше.

Тем неприятнее была ей эта последняя мода — униформа кланов, цехов, команд, униформа, которую никто не насаждал. В лингвоунивере стаями ходили студенты, гордые тем, что вступили кто в исторический клуб, кто в спортивную команду, кто в объединение собаководов, а кто и в «союз рыжих»; все они носили какие-то шевроны, знаки отличия, знаки особых заслуг и возросшего мастерства. Форма их еще не была собственно формой, но некоторые признаки вполне угадывались: схожий покрой, одинаковые кепочки, одинаковые значки на одинаковых лацканах...

«Это игра. Многим людям хочется ощущать свою принадлежность к чему-то большому и значительному. Особенно молодым».

— Я понимаю...

Сейчас, сидя на покачивающейся скамейке рядом с пустым местом (Александра минуту назад отправилась исполнять утомительные обязанности матери жениха), Лерка разглядывала костюмы танцующих на площадке людей и ловила то здесь, то там значок, погончик, нашивку...

Из полутьмы явилась Даша. Лерке не хотелось бы с ней разговаривать — именно сейчас; Даша несла свою драму, готовая поделиться с каждым встречным, Лерке казалось, что она испытывает удовольствие быть обиженной. Быть обманутой. Быть преданной, если на то пошло.

— А где Иванна? — спросила Лерка, несколько поспешно предупреждая первую Дашину жалобу.

Даша безнадежно махнула рукой:

— Уйди и не следи за мной, на то есть Пандем. Я понимаю, теперь вовсе не обязательно быть матерью. Теперь мать живет своей жизнью, а ребенок играет с Пандемом, учится с Пандемом, слушает Пандема и перед Пандемом отчитывается. Я понимаю, очень многим это удобно. Никакой ответственности. Никаких усилий. Твое дело родить, а там — само вырастет. Посмотри на этих ребятишек, у них у самих через пару лет будут дети... Они им будут уделять внимание? Вот ты, Лера, будешь уделять внимание внукам?

Внукам, подумала Валерия и вдруг затосковала. Ни с того ни с сего, среди веселья, да еще перед необходимостью как-то отвечать на Дашины реплики.

— Двоюродным внукам, — поправила она через силу.

— Знаешь, — продолжала тем временем Даша, — эти молодые вообще не знают жизни. Мы-то еще помним время, когда можно было просто идти по улице и вдруг попасть под машину. Вполне. Или пойти сдать анализы и обнаружить рак. А эти выросли, как принцы, ни о чем не заботятся, все за них сделается и так...

— Они учатся, — сказала Лерка, безуспешно давя в себе раздражение. — Шурка сидит за учебой по восемь часов каждый день. И два часа пашет в тренажерном зале.

— Разве это учеба? Я смотрю в Иванкины тетради — не понимаю ничего. Ни задач, ни примеров, ни диктантов. Картиночки, рисуночки, стрелочки. Ни полей в тетрадке, ни оценок в дневнике.

Лерка сжала кулаки. Короткие ногти впились в ладони; Лерке хотелось сказать что-то обидное, может быть, даже ударить эту глупую самоуверенную Дашу, и прав Костя, тысячу раз прав, что сбежал от нее к какой-то девке...

«Что с тобой, Лерка, дружочек?»

Она прекрасно понимала, что Даша не сказала и не сделала ничего, способного породить в душе эту мутную бурю. Вероятно, не в Даше дело?

«Вот такой у тебя милый характерец...»

Даша вдруг поднялась, вглядываясь в мерцающую цветную полутьму:

— Вот, для родственников времени нет... Извини, Лерочка, я сейчас...

И потерялась в ночи где-то на полдороге к большому видеоэкрану, где крутили на радость гостям семейные хроники, где незнакомая девочка лет семи купала в ванне игрушечного котенка.

Лерка перевела дыхание. Ей было стыдно перед Пандемом.

«Пойдем погуляем? Туда, где потише».

Она послушно поднялась и отправилась в парк, где в темноте покачивались опустевшие карусели, поблескивали ручейки в траве и в отдалении звучал водопад.

— У меня скоро будут внуки, Пандем.

«Древний стереотип. Появление внуков как сигнал наступившей старости. Как отмашка финишного флажка; а теперь предъявите обществу жизненные успехи и личное счастье как высшее достижение...»

Лерка улыбнулась:

— Ты так трещишь... Прямо как сорока...

«Стыдно признаться?»

— Отстань, ради бога...

«А вот подожди, пока твои собственные дети подрастут...»

— Не смей меня сватать! — она хлопнула ладонью по стволу темного дерева. Рука заболела.

«Ты такая забавная... Тридцать пять лет, глубокая старость, конец жизни, конец надеждам... Лерка, девочка, не смеши. У тебя впереди еще много интересного».

— Ничего у меня нет впереди... такого особенного.

«Почему ты отталкиваешь человека, который тебе приятен и интересен? Почему ты с таким энтузиазмом его прогоняешь?»

— Густаво? Он мне не нужен. Мне не нужен никто.

«Нужен, Лерка. Очень нужен».

— Не нужен... Если ты, конечно, не влезешь ко мне в голову и не свернешь там какой-нибудь винт...

«Не дождешься...»

— С чего ты взял, что я несчастна?

«Ты?! Ты одна из счастливейших на свете Лерок, а что?»

Она усмехнулась. Опустилась на колени, зачерпнула воды из ручейка, выпила, проливая на блузку. Мокрой ладонью провела по лицу:

— Я всегда люблю то, до чего нельзя дотронуться, до чего никогда не дотянуться... Как я, дура, купилась на Игорька... стыдно вспомнить. Знаешь, я, наверное, просто ленюсь быть счастливой... Только не надо меня сватать, ладно?

— Нет уж... К счастью — пинками...

Валерия вздрогнула и обернулась. Человек стоял в пяти шагах, прислонившись плечом к стволу; в первую минуту она не поняла, кто это. Он подошел неслышно, он стал свидетелем ее последних слов, почему же Пандем не предупредил...

Он стоял, не шевелясь. В темноте она не видела его лица.

— Э-э-э... — позвала она неуверенно.

Незнакомец тихонько хмыкнул в ответ.

— Пан?!

Лерка выпрямилась. Шагнула вперед, остановилась в нерешительности. Боялась, что он не позволит приблизиться к себе. Исчезнет.

— Пан... Ну... ты даешь.

Он оттолкнулся от ствола. Двинулся ей навстречу; она стояла, будто пришитая к траве, к земле, к опавшим листьям.

— Счастливейшая из Лерок... Глупейшая из Лерок. Это лесть?

Она зажмурилась:

— Ты знаешь, Пан... Собственно, зачем говорить. Знаешь.

* * *

— Я обнаружил, что у Пандема есть кнут, — сказал Алекс. — Причем такой эффективный, что я всерьез подумываю: не бросить ли мне к чертям всю мою бодягу и не заняться ли разведением бабочек, свободно и творчески.

«Пандем?»

«Да?»

«Что он имеет в виду?»

«Не беги впереди лошади. Тебе человек рассказывает — выслушай».

— Посоветовался? — усмехнулся Алекс.

Он выглядел изможденным, но оттого ничуть не менее упрямым. Ким вспомнил, как на Алекса, тогда молоденького, тогда курсанта-первокурсника, бросались девушки. И как Александра, всегда обретавшаяся где-нибудь поблизости, сшибала и срезала их, как умелый ковбой, художник кнута, срезает муху в полете: вжик... вжик... вжик...

Итак, кнут.

— И что же тебя напугало до такой степени, что ты подумал о свободных и творческих бабочках?

— Сны, — сказал Алекс. — Он хозяйничает в моих снах, я чуть было не рехнулся, потому что он виртуоз. Он знает, чем меня взять.

«Пандем?»

«Задавай ему любые вопросы».

— То есть, — медленно начал Ким, — он наказывает тебя за твои программы? Что, есть прямая связь между программой — и кошмаром?

— Нет, — сказал Алекс, помолчав. — Он делает вид, что мои программы не волнуют его нисколько. Так это или не так... хрен теперь узнаешь. Наверное, он все-таки врет: пусть булавочным уколом, но я его достал.

— А почему...

— Он, с понтом дела, пытался переубедить меня. Хуже всего. Переубедить. Если бы просто дать по голове... Нет. Был сюжет про бандитов... Ты, наверное, помнишь, это было громкое дело, взяли банду, убивавшую таксистов, было много шума, но дали пожизненное, в том числе главарю... потому что уже тогда были козлы навроде Пандема, только из людей. Вот этот зверь отсидел годика два, пришел Пандем и его выпустил на фиг, живи, ешь яблочки, все такое. Понимаешь?

— Да, — сказал Ким.

— Врешь, ни хрена не понимаешь. Кажется, я достал Пандема этим сюжетом. Он сказал: «Хочешь эксперимент?» В ту же ночь... Если бы я хоть понимал, что сплю! Я во сне был этим самым убийцей... Ч-черт. Это ад кромешный, я с тех пор трясусь при одном виде постели... А я все-таки не совсем трус, если ты заметил. Вот так... И тогда я сразу понял, куда делись все эти агрессивные, жадные, злые дяди и тети и каким образом твой друг Пан научил человечество жить в мире и не лезть в чужой карман. Если ты напрямую спросишь его — он, конечно, не признается. Расскажет о том, что он собеседник, милый друг и прочая.

— Не понял, — сказал Ким после паузы. — Что именно тебе снилось? Детали?

Алекса передернуло:

— Мне снилось, что я — тот самый отморозок. Теперь. Что я живу. Иду по улице. Вокруг меня люди...

— И что?

— Ничего. Я — то есть он — живу, когда надо бы сдохнуть. Просто выключить свет. Люди смотрят на меня. Обходят стороной. Люди все знают, но на это плевать, потому что я сам про себя все знаю. Понимаешь? Ад внутри. А снаружи — яблочки, хрум-хрум...

— То есть внятно объяснить ты не можешь, — сказал Ким.

Алекс махнул рукой:

— Не прикидывайся, тебе все понятно... С одной стороны, милосерднее было бы того убийцу прикончить. С другой стороны... Пандему так легко управлять нами! Кем угодно! Даже мной. Потому что я не могу не спать, а он хозяин в моих снах. Одного сознания, что *это* может повториться... Что все мы ходим под этим молотом... Суперкошмар, индивидуально заточенный под мою — или твою — психику. Суперкошмар-сводящий-с-ума. И ты, и наши дети, и внуки... И Виталька, и Ромка, и будущие дети Шурки с Викой... А?

— Это все, что ты хотел мне сказать?

— Да в общем-то все, — Алекс махнул рукой. — Раньше мне казалось, что ты тоже мужик. Тоже взрослый, упертый, мужик, одним словом. Когда ты лег под Пандема — я огорчился, честное слово...

Ким, почти не размахиваясь, ткнул его костяшками пальцев в челюсть. Алекс поперхнулся и сел, спиной ударившись о ствол; Ким шагнул к нему, чтобы бить дальше — и понял, что мышцы не слушаются. Онемели.

«Тебе самому будет стыдно вспомнить. Ты человек с волей, Кимка, стоп...»

Алекс потрогал лицо руками. Облизнул губы. Ему уже не больно, подумал Ким с сожалением.

«Какого черта, Пан?!»

— Скандалишь, — Алекс, все еще сидя, усмехнулся. — Давай-давай. Спроси кой о чем своего друга и покровителя.

— Заткнись, — сказал Ким.

— Ты еще вспомнишь мои слова, — Алекс поднялся. — Ты уже сейчас понимаешь, до чего я прав, понимаешь, но боишься признаться себе. А ты не бойся. Только если нас будет много, мы сможем с ним что-нибудь сделать.

* * *

Светлая щель между неплотно закрытыми шторами — контур раннего утра. Виталька Каманин проснулся в полшестого; кровать была двухэтажная, этажом ниже спал Ромка. Виталька свесил голову — брат действительно спал, беззвучно и как-то очень серьезно. Ромка все делал серьезно. Виталька привык.

Он посмотрел на часы и улегся снова. Ничего не вспоминалось: он не понимал, что его разбудило. Вчера была свадьба... Было весело... Все бесились... А в половине одиннадцатого мама отвезла их домой. И они легли спать. А сегодня воскресенье. Вот и все.

Нет, что-то еще было...

Он глубоко вздохнул — и вспомнил. Была лошадь. Он ездил на ней верхом, как в старом-старом фильме. Это было во сто крат лучше, чем на машине или на велосипеде. Солнце пробивалось сквозь ветки деревьев такими... полосами. И все вокруг смазывалось на скорости, во всяком случае, ему казалось, что он не просто быстро едет — мчится, летит. Он наклонялся, чтобы ветки деревьев не хлестали по лицу... Ему казалось, что за ним гонятся, что он откуда-то вырвался, убежал и теперь за ним никто не может угнаться...

«Пандем?»

«Да?»

Виталька попытался сформулировать вопрос. Пандем учил его этому — внятно формулировать. Наверное, будь Виталька лет на десять старше, у него все равно бы ничего не получилось, поэтому он просто спросил:

— Почему я проснулся?

Он едва шевелил губами. Ромка спал этажом ниже.

«Может быть, ты перегулял вчера на свадьбе? Перебесился?»

Виталька подумал. Нет, он чувствовал, что дело не в этом. Вернее, не только в этом. Недаром Пандем ответил вопросом на вопрос. Пандем не врет.

— Нет. Мне показалось...

Виталька снова задумался.

Когда ему было пять лет, он вдруг открыл для себя, что старые люди умирают. Да, они уже очень старые, но они все равно хотят жить! И он, Виталька, когда-нибудь станет старым... А родители? Ведь мама с папой постареют гораздо раньше! Ему сделалось страшно — вот так же, на рассвете, — он заплакал в подушку и плакал, не переставая, пока Пандем ему объяснял, что он не умрет почти точно, и даже его родители, может быть, тоже не умрут. Потому что человечество расселится в космосе, перейдет на новый энергетический уровень, и тогда старение и смерть станут ненужным, отжившим законом природы. И Виталька заснул счастливый оттого, что смерти нет.

Почему он вспомнил то утро?

Ромки тогда не было. Кровать у Витальки была другая. Почему он вспомнил то утро?

Вчера, несясь на лошади, он ни о чем таком не думал. А во сне... Или в ту секунду, когда он просыпался... Ему подумалось: а все те люди, что скакали на лошадях до него? За ними гнались, чтобы убить... Или они сами гнались за кем-то... А ведь были еще те, что шли в бой... Они не боялись?

— Пандем... Они не боялись?

«Боялись».

— Тогда почему?

«Потому что преодолевали страх смерти».

Виталька прикрыл глаза. Ему увиделось: вот человек летит, склонившись к белой гриве, а за ним по пятам — всадники, желающие ему смерти. И еще он увидел: человек выходит навстречу врагу, а лицо у него сосредоточенное, как у Ромки. Он поднимает меч...

Виталька лежал, обхватив себя за плечи, и дышал часто-часто. Что-то внутри у него было... как будто прищепкой защемили где-то внутри, в сердце. Хотелось плакать. Но не грустно.

— Пандем!

«Да?»

— А я бы так мог?

«Думаю, мог бы. Ты ведь храбрый».

— Пандем! А... никто ведь не узнает, что я бы так мог.

«Почему? Вот ты пойдешь в бассейн и прыгнешь с вышки...»

— Это не то, Пандем, — сказал Виталька, еще подумав. И добавил по-взрослому: — Видишь ли... Ты, наверное, не поймешь.

* * *

«...Потому что воспитание — это тоже модификация. Ограничение свободы. Выработка желаемых реакций с помощью системы стимулов... А если речь идет о взрослом человеке с сильной волей? Экстремальное воспитание... Или запрограммировать его. Или убить на фиг, а уже детей его вырастить «правильно»... Ким, ты в самом деле хочешь слушать от меня все эти мозолистые банальности?»

Ким снова был один, на скамейке посреди пустого парка, скамейка висела на цепях — и едва-едва покачивалась, хотя Ким сидел совершенно неподвижно. Возможно, ритмичных толчков его крови было достаточно, чтобы нарушить равновесие.

— Значит, ты наглядно объяснил Алексу...

«Если бы ты знал, Кимка. Как трудно иногда объяснить. При том что понимаешь человека до дна, когда этот человек — ты сам. Ну вот нет у него музыкального слуха. Для него диссонансов не существует, и гармонии не существует тоже...»

— А ты уверен, что гармония и диссонансы существуют даже тогда, когда нет рядом чьего-нибудь уха?

«Не уверен — знаю».

— Стало быть, у тебя есть вкусы, которые ты полагаешь абсолютными и незыблемыми, и ты...

«Ну что ты снова стонешь, Ким... Пуганая ворона в виду вечного куста... Я храню в себе наборы вкусов, взглядов, идей, которые существуют на земле и существовали когда-либо. Я оперирую памятью человечества. И что, я стану навязывать моднице длину юбки?»

— Я не имел в виду...

«Я знаю. В тебе вдруг ожил давний призрак — пугало Всемирного Цензора. Твое сознание на дух не переносит Доброго Учителя — тебе подавай Хитрое Чудовище, завладевшее миром. В этом ты ничем не отличаешься от Алекса...»

Скамейка на цепях качнулась сильнее. В отдалении квакали лягушки, заходились, вознося к небу заливистые, почти соловьиные трели.

— Ты прав, — сказал Ким.

«Кимка, ты ведь никогда не был легковерным... Десять лет мы с тобой вместе. А стоило Алексу сыграть тебе забытую, привычную мелодию — и ты готов, как крыса, идти за старыми страхами...»

— Не преувеличивай.

«Наследство, которое я получил десять лет назад — это вовсе не праздник... Ты знаешь. Очень трудно объяснить слепому разницу между темнотой и светом... Между прекрасным и отвратительным. Приходится объяснять разницу между полезным и вредным; это унизительно для человечества, но я миллионы раз поступал именно так. Потому что мне надо было, чтобы человечество перестало убивать себя, разрушать себя, развращать себя... И воспроизводить себя — без изменений — в своих детях... Кстати, я все-таки сделал Алекса счастливее. Теперь он верит, что я боюсь его до такой степени, что решил наказать...»

— Ладно, — Ким поморщился. — Теперь расскажи мне, что ты сделал с убийцей.

Птицы в кронах звучали все громче.

«Убийца... Как тебе сказать. Во-первых, ввиду моего присутствия в мире он стал неопасен для окружающих. Во-вторых... мне небезразличен и этот человек тоже. Вечно мстить ему, пусть, страдая, искупает причиненное им страдание?»

— Нет, пусть гуляет и радуется.

«Ким, ты не бывал в его шкуре... Он пережил суд, угрозу смертной казни, два года в лагере... он направлен на саморазрушение. Ему хотелось наказания. Он его получил».

— То есть ты сделал ему подарок?

«Да. В какой-то степени. Если раскаяние — подарок...»

— Он раскаялся?

«Да... А что, по-твоему, может быть страшнее... и милосерднее для убийцы?»

Светало.

— Пан... Неужели мы с этим сумасшедшим Алексом сумели вывести тебя из равновесия? Огорчить?

«Был момент, когда ты испугался меня».

— Да, — сказал Ким, помолчав.

* * *

Новобрачные смотрели на озеро. Туман нависал длинными белыми пеленками, и в просветы между ними видна была вода, опрокинутые стволы сосен и камыши на том берегу.

— Здорово, — шепотом сказал Шурка, в то время как Вике хотелось, чтобы он молчал.

Пандем знал, чего хочется Вике. И потому не издал ни звука.

Вика смотрела на одухотворенное Шуркино лицо, смотрела и боролась с раздражением, смутным, как этот туман. Все было хорошо — но все было не совсем так, как надо.

Шурка вел себя не так, как она ожидала. Шурка должен был ее обнять, сейчас, прямо сейчас...

Шурка виновато засопел. Обнял.

Ему подсказал Пандем.

ГЛАВА 14

Александра вернулась домой, чуть не качаемая ветром. Пятый по счету Большой Фест длился десять дней и выпотрошил эксперта Тамилову до состояния пустой шкурки.

Все началось первого июня в двенадцать по Гринвичу; миллион человек одновременно выпустили в небо каждый по лазерной «бабочке», и туристы, в эти дни битком набившиеся на орбитальные станции, вопили от восторга, наблюдая эффект сквозь обзорные иллюминаторы: «Смотрите! Живая! Она живая! Земля живая!»

Потом они — и с особым удовольствием дети — развлекались тем, что синхронно — миллион человек на шести континентах! —

двигались, пели, танцевали. От этих песен носился ветер, от танцев подрагивала земля; Александра помнила свое состояние по предыдущим четырем Фестам — огромная площадь, заполненная народом, эйфория и невиданная, непохожая на алкогольную, внутренняя легкость... В этот раз она взяла с собой на «действо» не только молодоженов Шурку и Вику, но и обоих племянников — десятилетнего Витальку и трехлетнего Ромку. Виталька радовался, носился, как щенок по первому снегу; Ромка спокойно стоял рядом, и Александра не раз и не два спросила у Пандема, все ли с ним в порядке.

«Он тоже радуется. Но по-другому. Темперамент...»

Первые три дня прошли, эйфория схлынула, и началась работа: конкурсы и рейтинги, а значит, напряжение и дрязги. Александра во главе своих экспертов намертво схлестнулась за влияние с ассоциацией «Trough» (компания энергичных австралийцев, в которую неведомо как затесался один британский филиал). Жестоко спорили о вкусах, высмеивали и поддевали друг друга, проводили своих претендентов на премию в обход претендентов чужих; по одной только комбинированной скульптуре было десять закрытых голосований и три переголосовывания. (Пандем, необычно молчаливый в эти дни, подсчитывал голоса мгновенно и точно.) По ходу дела Александра узнавала о конкурсантах (и конкурентах) все больше и больше — с подачи Пандема; к концу Феста они уже казались ей сборищем шумных и неудобных, но симпатичных, в общем-то, родственников.

Творческих открытий — без дураков открытий, а не «домашних радостей» — не было. Александру начинало это смутно тревожить.

— Чему ты удивляешься, — заявил бестрепетный Алекс, каждый вечер выходивший с ней на связь. — С окончанием мировых потрясений наступила эпоха скучающей посредственности... Ну, скрестить бульдога с носорогом. Ну, надеть на балерину хромокостюм. Ну, попрыгать всей планетой в каком-нибудь циклопическом хороводе... Это цирк, это аттракцион, но не искусство. Искусству нужны голод, холод, смерть и провокация.

— Конечно, — говорила она в ответ ласково. — Ну, разумеется, Сашка. Ты прав.

Фест закончился. Александра чуть не расплакалась, прощаясь с идейными противниками; впрочем, этот взрыв эмоций не помешал ей забыть их уже через час. Она вернулась домой вечером того же дня: Алекс встретил ее затейливым блюдом, наполовину синтезированным, наполовину приготовленным вручную.

Впрочем, оригинальность многослойного мясного рулета и его трудоемкость Александра оценила не сразу, а лишь после деликатного напоминания Пандема: «Honey, ты же не сено жрешь...»

— Сашка, ты чудо, — похвалила Александра, может быть, несколько суетливо.

— Да уж, — отозвался Алекс с кривой усмешкой. — Я решил переключиться на кулинарию... пока.

«Пан?!»

«И незачем так орать... Он бросил свою программу».

«Какого черта...»

«У твоего husband'a гвоздь в седалище, ты не заметила?»

«Ты его достал?»

«Я?! Помилуй, девочка, у меня доставалка до такой степени не выросла... Просто, пока ты делаешь культурку, твой благоверный активно живет внутренней жизнью».

— Сашка, — сказала Александра вслух. — Ты что же... до сих пор психуешь?

Алекс промолчал.

* * *

Маленький синий купол был отлично виден с автострады. Ким проследил за ним глазами; освещенный солнцем, купол уплыл назад — не мелькнул, как крона большого дерева или погодный шпиль, а именно уплыл, не теряя достоинства.

Ким, сам не зная почему, притормозил. Потом и вовсе остановился; дал задний ход, и «ездилка», не разворачиваясь — модель «Тянитолкай», — перестроилась на встречную полосу движения.

Купол снова приблизился — медленно, недоверчиво, так одичавшие звери подходят к человеку. Ким бросил машину на обочине, огляделся, нашел лесенку-паутинку, ведущую с автострады вниз.

Еще недавно здесь был поселок, превратившийся теперь в район разлившегося, как море, двухэтажного города. Рядом строилась подземная автоматическая фабрика; от автострады до церкви оказалось идти дольше, чем Ким предполагал.

Над стройкой летал, подобно большому нетопырю, воздушный фильтр. Ловил и пожирал клубы черного дыма, нет-нет да и поднимающиеся над монтажным колодцем. В церковном дворе было зелено; за оградой росли непуганые, никем не ломанные

вишни, и блестящие темные ягоды висели на уровне Кимовой груди.

Он замешкался на пороге. Запоздало удивился: а зачем я сюда?..

Изнутри церковь казалась еще меньше, чем снаружи. Женщина в светлом головном платке деловито собирала свечные огарки в маленькое жестяное ведро; свечи — точно такие же, как во времена Кимового детства, — лежали тут же, рядом, на столе, покрытом вышитой скатертью.

Ким повертел в пальцах тонкий желтый стержень; в полумраке, справа от алтаря, горели пять или шесть огоньков, отражались в чистом стекле, прикрывавшем икону, и оттого казалось, что их вдвое больше. Перед иконами стояли три женщины и мужчина, все порознь; ближайшая к Киму женщина была его ровесница — она что-то беззвучно шептала и время от времени размашисто крестилась.

Удивительно, думал Ким, глядя на огоньки свечей. Удивительно, как бог... нет, не так. Как Пандем ухитряется существовать рядом с богом? Как они помещаются в одной картине мира?

Он зажег свою свечу от огонька самой маленькой, самой слабой из тех, что стояли перед иконой. Посмотрел в строгое лицо, обращенное к нему из темноты и будто плывущее над трепещущими огоньками. Вздохнул.

Получается, что он пришел к богу жаловаться на Пандема?

Кто-то подошел и остановился рядом — от ветра колыхнулись язычки свечей. Ким скосил глаза — подошедший был в темном одеянии до пят; Ким подумал, что хорошо бы священнику не пришло в голову заговорить с ним. Он не нуждался сейчас в священниках — впрочем, он никогда в них не нуждался...

Не глядя на Кима, человек в темном одеянии перекрестился на икону. Мельком глянул на Кима и вышел, подметая полами каменные ступеньки порога. Как он живет, подумал вдруг Ким. Что там у него внутри?

...Помнится, сразу после прихода Пандема его объявили антихристом. Соответствующими цитатами из Библии были оклеены все стены, их повторяли и повторяли по телевизору, по радио... В какой-то момент было страшно — казалось, люди, поверившие в скорый конец света, готовы своими руками его приближать...

Кто-то — да, кажется, тот же Алекс Тамилов — заявлял тогда с привычным цинизмом: драки не будет. Эта дрянь Пандем слишком силен; с ним бесполезно воевать — погоди, они попросту включат его в свою картину мира...

И он оказался прав. Что говорил Пандем каждому верующему и сомневающемуся, какие доводы, исторические примеры и цитаты из Библии приводил — Киму неизвестно; тем не менее бури и бунты понемногу стихли, а храмы стояли, как прежде, правда, прихожан стало ощутимо меньше... Потом иерархи всех конфессий каждый своим постановлением признали Пандема полноправным обитателем материального мира — не богом, не чертом, а чем-то вроде нового Интернета. Кто-то говорил, что Пандем — дело рук человеческих; кто-то конкретизировал — «порождение научно-технического прогресса». Лишь особо непримиримые церковнослужители продолжали свою войну — рутинную, бесконечную, как лента Мебиуса...

Интересно, а если дикарь сочтет Пандема своим богом — Пандем сможет ему доказать, что это не так? И станет ли доказывать?

И где граница, за которой дикарь считается недикарем?

Ким опомнился. Его свеча догорела уже до половины, а он так и не решил, чего просить у бога. И просить ли вообще?

Ему вдруг показалось, что в церкви душно. Он неумело перекрестился и вышел во двор; здесь было пусто. В отдалении шумела стройка; спелые вишни покачивались над узкой, старой, вросшей в землю скамейкой.

* * *

— Добрый день, — сказал визитер. — Здравствуйте, Александра Андреевна.

Александра свирепо улыбнулась. Если бы не Пандем — черта с три она согласилась бы беседовать с визитером именно сегодня, сейчас; она еще не пришла в себя после Феста, ее тревожило душевное состояние Алекса, она не была настроена на разговоры об искусстве, а ведь именно о нем, проклятом, и собирался что-то поведать плечистый, из литых мышц состоящий атлет, явившийся сегодня к ней в гости.

«Он гимнаст».

«Я за него рада».

«Выслушай его, honey».

Визитер приподнял одну бровь: на лице его было сомнение, адресованное, впрочем, не Александре. На несколько секунд оба — эксперт Тамилова и ее гость — застыли, не доведя до конца начатого движения, глядя друг на друга стеклянными глазами; хорошо, что в этот момент в комнате, кроме них, никого не было.

Впрочем, и наблюдатель, случись он поблизости, сразу же понял, что оба всего лишь разговаривают с Пандемом.

— Добрый день, — сказала наконец Александра. — Бернард?..

Предварительный обмен любезностями, знакомство и прочее сократилось благодаря Пандему до нескольких фраз. Атлет сразу же приступил к сути — предупредив заранее, что ему понадобится пятнадцать минут монолога. Пока он говорил, Александра разглядывала его скуластое загорелое лицо, глаза, большие и печальные, как маслины под дождем, и большой мягкий рот.

«Пан?»

«Не в твоем вкусе».

«Хм...»

— И как мы назовем это новое искусство? — буднично спросила она, когда черноглазый атлет закончил и перевел дух.

Собеседник, кажется, чуть растерялся. Он ждал какой-то другой реакции; возможно, он хотел, чтобы она удивилась больше.

— Идеи носятся в воздухе, — она сжалилась над ним и чуть улыбнулась. — Нет, я вовсе не хочу сказать, что вас опередили... Если у вас есть работающее устройство — вы первый. Если нет...

Атлет чуть прикусил нижнюю губу и вытащил откуда-то из кармана круглую плоскую коробочку, похожую на старинный CD-плеер.

— Так, — Александра повертела коробочку в руках. — Куда это вставлять?

— Никуда, — черноглазый коротко переговорил с Пандемом, и его замешательство улеглось. — Две нашлепки на мочки ушей и леденец — под язык...

— Леденец?

— Попробуйте...

Александра заложила за уши пряди жестких черных волос, прилепила к мочкам две металлические шайбочки («Хм... красиво, нет?»). Потом с некоторым сомнением покатала на ладони крупную зеленую таблетку, похожую на фигурный кусок мыла. («Морщишься, как русалка на коровьем пляже... Там закатана прорва ресурсов, жри, пока дают...»)

Леденец был чуть кисловатый. Пощипывал за язык.

— Первая композиция называется «Пробуждение в летний солнечный день в брезентовой палатке», — сказал черноглазый, заметно волнуясь.

— Я готова, — кивнула Александра.

Черноглазый коротко вздохнул.

* * *

Его звали отец Георгий. Он был старше Кима — на пять лет или на двадцать, невозможно было определить. Черная борода, короткая и жесткая, не могла скрыть глубоко ввалившихся аскетичных щек; прямоугольные дымчатые очки не могли скрыть очень темных, очень резких глаз. Впервые встретившись с ним взглядом, Ким с тоской подумал: нет, разговора не получится, не стоит и затевать...

— Хотите вишен, Ким Андреевич?

Пара глянцевых темных ягод лежала на узкой и белой, как у женщины, ладони отца Георгия. Странно, что у такого человека такие руки...

— Спасибо, — сказал Ким.

Некоторое время они молча ели.

— Значит, — сказал наконец Ким, — вы все эти десять лет не разговариваете с ним? Совсем?

Священник улыбнулся. Показался сразу на десять лет моложе:

— Не стесняйтесь, Ким Андреевич. Не бойтесь меня обидеть... Вы хотите спросить, считаю ли я, что присутствие Пандема на земле каким-то образом оскорбляет бога?

— Да.

В наступившей тишине пели птицы. Неподалеку — по другую сторону автострады — квакали лягушки. Шум стройки почти полностью стих.

Все еще улыбаясь, отец Георгий покачал головой:

— Ко мне приходили и спрашивали... Спрашивали примерно так: значит, у нас теперь вместо господа — Пандем? Я спрашивал в ответ: почему? Ну как же, говорили мне. Ведь он всемогущ, как господь, и всеведущ, как господь... Значит, он — бог?

Отец Георгий замолчал.

Снаружи, за церковной оградой, бегали дикие куры — поджарые, в снежно-белом и красно-буром оперении. На ограду с разгону вскочил подросток-кот — куры с воплями кинулись кто куда, некоторые даже пробовали взлететь...

Кот прошуршал травой. Снова стало тихо.

— А вы? — спросил Ким.

— А я в ответ тоже спрашивал: а откуда взялась в этом мире и куда денется после телесной смерти ваша бессмертная душа? И разве есть что-то в этом мире, что может Пандем — и не мог бы, пусть в далеком будущем, человек?

Ким не сразу понял, что он имеет в виду; священник глядел на него торжествующе, будто только что посвятил Кима в великую тайну.

— Ушли болезни, — сказал Ким, пытаясь осмыслить сказанное. — Но ведь вся история медицины... Люди пытались избавить от болезней себя и ближних и кое в чем даже преуспели...

— Еще педагогика, — подсказал отец Георгий.

Ким внимательно его разглядывал — будто увидев впервые.

— Вам кажется, что православный священник должен выглядеть иначе и говорить иначе? — отец Георгий протирал очки белым носовым платком. Ким подумал, что очки без диоптрий — на всей Земле не осталось ни одного близорукого...

— Да... Скажите, пожалуйста, а всеведение Пандема — как вписывается в вашу концепцию?

Отец Георгий надел очки. Воззрился на Кима сквозь дымчатые стекла:

— Жителю древнего мира... да хоть начала двадцатого века, зачем далеко ходить... Любой компьютер показался бы всеведущим. А голос внутри головы... Разве невозможно представить себе технологию... Микрочип, с помощью которого звуки и изображения передаются прямо в мозг... Это в какой-то степени общее место, вы меня извините...

— Общее место?!

Отец Георгий развел руками:

— В свое время я во множестве читал журналы — научные, псевдонаучные... Откровенно фантастические...

— Значит, Пандем — суперкомпьютер?

— Ну, не так уж прямолинейно...

— А вам не кажется, — начал Ким, уже забыв о деликатности, — что вы сейчас пытаетесь спрятаться? Просто повторяете точку зрения официальной Церкви: Пандем, дескать, новый паровоз, поэтому нам только кажется, что его «черти толкают», а на самом деле — безобидный пар?

Отец Георгий сорвал с дерева еще пару ягод:

— Ну... я всего лишь могу сказать вам, что думаю. А вы можете верить мне или нет... А что до официальной Церкви... тут не все так просто. От лица всей Церкви я говорить не могу...

— А дети? Новое, совершенно другое поколение, по сравнению с нами — марсиане...

— Нет. Сравните последнее предпандемное поколение — ваше, например, Ким Андреевич, — и поколение, выросшее две тысячи лет назад. Сравнили? Разница куда больше, чем между

вами и вашими детьми... Вы скажете — то десять лет, а то две тысячи. А я скажу: это количественная разница. Не качественная... Вы спросите: разве Пандем не занял в их душах место бога? А я отвечу: за всю историю человечества было много всякого, что пыталось занять место бога в душах детей.... И очень часто это всякое... побеждало. На время, Ким, на короткое время...

— Если Пандем суперкомпьютер, — медленно начал Ким, — и если его сведения о мире истинны и полны... А по всему выходит, что это так... Почему он ничего не знает о боге? Почему у Пандема нет доказательств божьего присутствия?

— А вас не смущает, — отец Георгий вытер вишневый сок с усов, — что первые космонавты, оказавшись на орбите, не нашли там никого, сидящего в облаке?

Ким ничего не стал отвечать.

Солнце поднялось высоко. В тени церкви лежали две молодые оленихи, и каждая из них по-своему напоминала Арину. Ким вздохнул.

— У вас на душе тяжесть, Ким Андреевич, — неожиданно сказал отец Георгий.

— Да, — сказал Ким, глядя на дремлющих олених. — Меня разлюбила жена.

* * *

Это случилось вскоре после Шуркиной свадьбы. Однажды утром Ким сказал Арине, усадив ее на кровать перед собой:

— А давай поиграем в такую игру: ты сегодня весь день не будешь разговаривать с Паном?

Уже потом он понял, что тон был выбран неверно. Арина давно не ощущала себя ребенком рядом с мужем; Ким ошибся — вероятно, утратил нюх, привыкнув советоваться с Пандемом. А может быть, просто не повезло. Слишком волновался.

— Не понимаю, — сказала тогда Арина и сказала резковато. — Почему?

— Потому что сегодня воскресенье, — сказал Ким. — Я хочу видеть в твоих глазах тебя, твои мысли, а не тень вашего разговора. Понимаешь?

(Это была следующая ошибка. Он начал ее упрекать, а стоило... что-то придумать. Что угодно, только не упреки.)

Арина сидела перед ним, напрягшись, и — Ким видел — спрашивала у Пандема, за что ей такая обида от близкого человека.

Тогда он взорвался.

Нет, он ничего не сказал. Слава богу, на это у него хватило выдержки. Он просто поднялся... даже не хлопнул дверью. Просто поднялся и вышел.

И не вернулся вечером домой. Не позвонил. Арина и без того знала от Пандема, где он и что с ним. Нет повода для волнений.

...В какой-то момент, сидя в моторной лодке посреди речки, он малодушно подумал: а хорошо бы она волновалась. Хорошо бы ревновала хотя бы. Отправиться в бордель? Гнусно...

Моторку он взял на пристани. Там был тент, чтобы ночевать, и ручной ресторанчик, чтобы готовить еду.

Внутри его была совершенная, непривычная тишина. Никто не разговаривал с ним. Иногда Киму казалось, что он оглох. Ночью, выпив лучшего вина, которое нашлось в ресторанчике, он говорил сам с собой. Ему было смешно, потому что Пандем, великий Пандем, сверхсущество и вторая Природа, обиделся, наверное, и решил Кима наказать...

Под утро он понял, что ошибся снова. Пандем чувствовал, как были бы болезненны для Кима — сейчас — попытки завязать разговор, и, с обычным своим тактом, дал ему возможность побыть наедине с собой.

Прошла неделя. Ким вспомнил, как определяют время по часам, и как управляют механизмами, и как пользоваться картой. И много чего вспомнил, неторопливо и подробно — мальчика-Пандема возле горящей машины, молоденькую Арину в день их первой встречи... Рождение Витальки, рождение Ромки...

И, вспоминая, он сделался — впервые за много лет — чудовищно, космически одинок.

* * *

Отец Георгий молчал. Вертел очки в руках. Смотрел на Кима широко посаженными, жесткими черными глазами:

— Вы поймали меня... подловили, сами того не желая, Ким... Вам нужен кто-то... посредник между Пандемом и вами?

— Я не могу просить вас...

— Конечно. Я так здорово объяснил вам, что перед господом Пандем — ничто... Карманный калькулятор. А сам я десять лет не говорю с ним. Это больше чем привычка...

— Извините, — Ким поднялся. — Я пойду.

— Я могу посоветовать вам больше молиться. И просить помощи у Него. И вверять себя Его воле...

— Да, да...

Наверное, Ким надеялся, что после сбивчивой исповеди станет легче на душе. Нет, не стало.

Теперь он шел к выходу. Тропинка была вымощена кирпичами, сквозь щели пробивалась трава... Возле самой калитки его догнал окрик:

— Погодите, Ким Андреевич!

Ким обернулся.

Отец Георгий спешил следом. Очки в его руках бросали во все стороны нервные белые блики.

— Погодите, Ким... Одну минуту. Рано или поздно это должно было случиться...

Ким не знал, оставаться ему или уходить. Отец Георгий крепко взял его за рукав и водворил обратно на скамейку:

— Будьте здесь. Одну минуту. Подождите...

И скрылся в дверях церкви — быстро перекрестившись на пороге.

Ким прикрыл глаза; вишни тыкались прямо в щеку. Казались теплыми.

Отец Георгий вернулся и в самом деле быстро. Лицо его казалось еще суровее, еще аскетичнее прежнего:

— С божьей помощью я принял решение... Прошу вас, подождите еще. Пока не вернусь. Будьте здесь...

Он повернулся к Киму спиной и двинулся в глубь церковного садика. Шаг его, поначалу твердый и решительный, становился все мягче и медленнее; наконец темное одеяние скрылось за деревьями.

Ким сорвал вишню и бросил в рот. Не чувствуя вкуса.

...Говорить с Пандемом — впервые за десять лет? Ради Кима — или ради себя самого?

Терпение. Дождаться. Ответы придут. Что-то должно проясниться.

...Он спросит у отца Георгия: стало быть, обладатель бессмертной души в телесном бессмертии не нуждается?

И еще он спросит: значит, открытое участие Пандема во всех наших делах, в наших мыслях и ощущениях... Эти его повседневные чудеса — и есть доказательство того, что Пандем не бог? Потому что как можно верить в чудо, которое каждый день у тебя перед глазами... О какой вере может идти речь... Искушение чудом...

Нет... то главное, о чем он спросит, — как теперь им с Ариной жить? Как жить Киму, зная, что он — второй в очереди за Ариниой любовью?

Но если бы Арина была истово верующей... Ким тоже был бы вторым?..

А желание быть первым — это что же, гордыня, которую надлежит смирять?

Экая каша у меня в голове. Экая густая каша...

* * *

— М-да, — протянула Александра, растирая мочки ушей. — Сколько это звучит? Три минуты?

Слово «звучит» выскочило само — по аналогии. На самом деле коротенькая пьеска о пробуждении в палатке рассчитана была вовсе не на слух.

— В принципе композиции могут быть сколь угодно долгими, — сказал черноглазый атлет-изобретатель. — Можно запустить тему... На весь день... А по мере совершенствования устройства отпадет необходимость в леденце, по крайней мере...

Александра почесывала теперь уже кончик носа.

«Знаешь, dear, на что это похоже... На уже переваренную кем-то музыку».

«Не говори ему этого».

«А что мне ему сказать?»

«А что говорят человеку, который не просто додумался, но сделал что-то впервые в истории человечества?»

«Экий ты патетический старичок».

«Сама старуха. Циничная».

— Бернард, — сказала Александра. — Я, во-первых, поздравляю вас... Во-вторых, я сейчас рекомендую вас, э-э-э...

«Браунихе. Она оценит».

— ...рекомендую эксперту в области высокотехнологичных искусств госпоже Джулии Браун из Новой Зеландии...

«У них полтретьего ночи. Присниться ей?»

«Вот еще, зачем такая спешка...»

«Она обрадуется».

«Ну приснись, Фредди Крюгер...»

Черноглазый атлет Бернард вдруг заулыбался. Кажется, Пандем напрямую транслировал ему реакцию Браунихи. Александра вдруг вспомнила про свою усталость.

«Пан, деточка... А какого пса ты не связал его напрямую с кем-то из техноложек?»

«Только после вас, мадам. День, когда вы потеряете свой замечательный нюх, станет для земной культурки днем траура».

«Ты же без меня видишь, что это высокотехнологичная пшенка. Ну, транслируются мне усредненные эмоции в определенной последовательности... Эдак человек разучится даже любопытство проявлять, пока ему не проиграют композицию под названием «Юный техник»...

«Такие, как Бернард, не разучатся... Когда станет ясно, что эмоциональный транслятор не найдет широкого применения, он будет уже увлечен чем-то другим».

«Не найдет? А страшилки транслировать?»

«Страшилки — да. Но это другой жанр».

— Пока всего двадцать коротких композиций, — сказал, все еще улыбаясь, Бернард. — Александра Андреевна, у них в Нью-Зиланде велись работы по тому же пути, но зашли в тупик... И я, кажется, знаю, на чем они обломались... Да, кроме «Пробуждения», это еще «Полдень зимой», «Сосновый бор», самая сюжетная и острая — «Горка»...

— Ах, Бернард, — сказала Александра. — Если ваш метод действительно приживется... знаете, как будут называться композиции девяноста процентов ваших последователей? «Убийство школьницы», «В заколоченном гробу», «Изнасилование в склепе»...

Черноглазый слушал Пандема и, кажется, не обратил на ее слова никакого внимания.

* * *

Отец Георгий отсутствовал час сорок минут. Ким беспокоился; наконец длиннополое одеяние замаячило между беленными стволами (а в саду около церкви все было чистое и ухоженное, даже одичавшие куры).

Лицо священника, прежде бледное, было теперь непривычно румяным — как будто он просидел весь день под солнцем. Ни слова не говоря, отец Георгий опустился рядом на скамейку. Перевел дыхание.

Ким молчал, давая ему возможность собраться с мыслями.

— Странно, — шепотом сказал отец Георгий. — Как странно, Ким Андреевич... Вы заметили, как он изменился за десять лет?

— Он?

— Пандем... Вы не можете заметить, вы ведь постоянно с ним общались... Я — нет. Теперь это совсем другое существо... Это...

Отец Георгий развел руками, будто подыскивал слова и не мог подыскать.

— Я виноват перед вами... — начал Ким.

— Нет-нет, все вышло как нельзя лучше... На благо... Ким Андреевич, вы ведь воспринимаете его как человека?

— Ну... да. Если правда — то да...

— Мне и самому показалось, что я говорил с человеком... Во всяком случае, мне было легко с ним говорить.

— Да?

— Удивительно... Мне показалось даже, что он... не знаю, как сказать... испытывает какие-то эмоции... И огорчен, если тут уместно это слово... вашей размолвкой, видите ли, он полагает вас своим другом... хотя мне не совсем понятно, как возможна такая дружба... Он говорит, что у него глубокая эмоциональная связь с вашей женой. Он не может лишить ее своего постоянного присутствия. Он считает, что это будет шоком для нее, что она будет несчастна. А теперь несчастны вы, Ким. Послушайте, это существо, Пандем, оно, кажется, очеловечилось до того, что страдает...

— Что?!

Отец Георгий задумался. Опустил глаза, сосредоточился; беззвучно зашептал, обращаясь к богу, Ким расслышал только «помилуй» и «соблазн»...

— Оно... он... Ким, а вам не приходило в голову — если Пандем человек... Так, новый человек, всемирный... Тогда может быть не только «он», но и «она»... Он мужчина в той же степени, что и женщина... психологически, я имею в виду. Если... Простите, я сейчас слишком волнуюсь, могу сболтнуть лишнее...

— Н-нет, — выговорил Ким. — Продолжайте. Пожалуйста.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОД ПАНДЕМА

ПРОЛОГ

Питер закончил вторую школьную ступень на полгода раньше основной группы; к тому времени у него было четкое представление о том, кем он хочет быть (морским экологом) и чего на избранном пути желает достичь (вычистить от остатков токсичной дряни те впадины морского дна, куда предшественники-экологи еще не добрались). Идея большого «выпускного» путешествия принадлежала не Питеру даже — Пандему; зато Питер сам выбрал маршрут. Ему хотелось социальной экзотики.

Он прекрасно знал, что вовсе не все люди на Земле живут так, как его друзья, родственники и те будущие коллеги, с которыми он каждый день общается по сети. Ему хотелось увидеть не столько экзотические экосистемы (плавали, видели, знаем), сколько экзотическое общество; по наивности своей он думал, что так называемые традиционные общины доживают последние годы, потому что люди ведь по сути своей одинаковы, и, значит, с Пандемовой помощью установят вскоре по всей Земле одинаковый, удобный для жизни уклад...

Город, куда Питер прибыл на маленьком туристическом новолете, казался призрачным не только из-за странной архитектуры, не только из-за изумрудных вьющихся растений, заполонивших все улицы (гибрид лианы и фикуса?), не только из-за неестественно-синего неба и сахарного цвета мостовой; сверху палило солнце, а в городе работал климат-контроль, и потому воздух дрожал. Из марева вырастали шпили, акварельно-размытые у основания, с вершинами, будто нарисованными тушью. Питер был полон благоговения и слегка растерян.

Пандем очень подробно объяснил ему, как себя следует вести, что надо делать и чего не следует делать ни в коем случае. В прохладной комнатке, похожей на ячейку пчелиных сот, Питер

скинул комбинезон и переоделся в местное; вскоре оказалось, что город ведет себя так, будто никаких туристов нет и в помине. Питер ожидал базара с яркими коврами, с оружием, со старинной посудой; Питер ожидал развлечений и этнографических зрелищ, верблюдов, коз, открытого огня под открытым небом, музыкальных инструментов, боев и плясок; ничего подобного. Странные растения вились по резным столбам, по ступеням и стенам. Красные и белые язычки цветов сворачивались в трубочку, когда на них налипала присевшая было муха. Наблюдая за цветочной охотой, Питер понял, почему в городе так мало надоедливых насекомых.

Весь день Питер бродил один, слушая нескучные лекции Пандема по истории и этнографии, местные страшилки и анекдоты. К вечеру он значительно поумнел, а народу на улицах стало побольше; в основном это были мужчины в черных и цветных одеяниях, увешанные золотыми и серебряными знаками различия, и Питер ни за что не разобрался бы в родовой, клановой, цеховой принадлежности каждого, если бы не Пандем.

Женщины не ходили поодиночке — только группами; впервые увидев такую группу, Питер едва удержался, чтобы не разинуть рот.

«Пан, они в масках?!»

«Можно сказать и так...»

Одинаковые лица женщин были похожи на белые лубки с прорезями для глаз. Они шли, сбившись в плотную стайку. Питеру сделалось страшно.

«Пан... Почему они молчат?»

«Они болтают, не умолкая. Через меня».

«Почему они не поворачивают голову?..»

«У них микрокамеры установлены на лбу, висках и на затылке... Круговой обзор».

— А зачем... — сказал Питер вслух и тут же прикусил язык.

Стемнело. Марево над землей рассеялось; теперь город казался реальным, а шпили, подсвеченные зеленоватым светом, наоборот, призрачными. Расположение домов и улиц неуловимым образом изменилось; на каждом шагу ждали распахнутые двери, за которыми галдели и смеялись, и непривычно пахло, и мерцали огни...

Протрубил, будто хриплый слон, музыкальный инструмент. В небе над огромной площадью зажегся огромный экран; строчки и строчки, графики, имена — Питер и без Пандема понял, что перед ним колоссальный рейтинговый список. На площади ва-

рилась, как в котле, толпа — она не была единой, она дробилась на группки и островки, и каждый, похоже, находил того, кого искал — благодаря Пандему...

— Это соревнование? — спросил Питер вслух, не боясь быть услышанным в таком гаме.

«Ты хотел бы?.. В дверь направо — можно выбрать поединок на холодном оружии или просто драку. Два квартала вперед, налево — соревнование в остроумии. А еще есть измерение силы воли — кто дольше выдержит боль... Или кто дольше других сумеет не думать об обезьяне».

Питеру показалось, что Пандем удерживает смешок.

— А где эти... женщины?

«Войди в сеть...»

В маленькой комнате, похожей на ячейку пчелиных сот, Питер вытащил из ниши в стене маленький местный компьютер. Войти в местную сеть без помощи Пандема он не стал бы и пытаться; доступ был зашифрован, засекречен (от кого?!), затруднен...

«Давай-давай. Не ленись».

...Ощущение было такое, будто сдернули с глаз пыльную занавеску. Будто черно-белый экранчик вдруг сделался цветным; Питер смотрел и слушал, разинув рот.

Они выходили все под одинаковым ником — «Гюрза»...

Они были такие разные! Яркие, веселые, остроумные, они играли на органах и на домрах, танцевали на виртуальных барабанах, пели, рисовали, сочиняли стихи на многих языках, Пандем синхронно переводил — но главное, подсказывал Питеру, как себя вести, и удерживал от того, чтобы сказать глупость.

— Пан! Я не хочу уходить!

«У тебя есть еще время».

— А можно мне приходить сюда прямо из дома? Или из школы? Потом?

«Хочешь хороший совет?»

— Пан...

«Чувство меры — замечательная вещь. Подружись с ними — и расстанься прежде, чем поймешь, до какой же степени вы разные...»

ГЛАВА 15

Виталий Кимович Каманин, пятнадцати с небольшим лет, вышел из дома на рассвете, никем, кроме Пандема, не замеченный.

Нельзя сказать, чтобы он поссорился с родителями. Нельзя сказать, чтобы ему надоел брат. Ему просто захотелось одиночества, дороги, кого-нибудь встретить, познакомиться с кем-нибудь новым, или никого не встречать, а идти по обочине и смотреть, как вокруг меняется мир.

Позавчера Витальку срезали на отборочных в пилотскую школу. Никакой неожиданности: Пандем предупреждал, что он плохо подготовлен. В совокупности Виталька недобрал тридцать процентов — и по физике, и по физкультуре, и по психологической устойчивости; шестеро его одноклассников прошли, а Виталька — и еще десять человек — остались за бортом.

Виталька проехал до городской черты на «червяке», который его мама иногда неправильно называла «электричкой». На полустанке было тихо, чисто и почти безлюдно; Виталька сошел с перрона и побрел под автострадой — по тропинке узкой, как лезвие, обрамленной высокими ромашками и приземистыми листьями подорожника. Он шел, слушая собственные шаги и ни о чем не думая.

Над головой проносились будто порывы ветра — автострада не спала ни днем, ни ночью, ни утром; отец рассказывал, что раньше машины были тяжелые и вонючие. Когда-то Виталька видел такую машину у кого-то из старых соседей...

— Почему кто-то может, а кто-то нет? Мы что, не равноправные?

«Не равноправные. Они ведь не умеют рисовать, как ты».

— А если я не хочу рисовать? Кто это определяет — кому чем заниматься? Кому летать, а кому сидеть носом в коленки?

«Природа».

— Ну не надо, Пан! Ну не надо! Какая такая природа? Если ты видишь, что человек чуть-чуть на тест не дотягивает — почему ты не выправишь ему, например, вестибулярный аппарат? Чтобы стал как надо?

«У разных людей разные вестибулярные аппараты».

— Почему? Что от тебя отвалилось бы, если бы я сдал тест?

«От меня бы ничего не отвалилось. От тебя бы отвалилось, и очень сильно».

— Что?

«Воля. Способность к соревнованию».

— Ладно... Есть человек, который выбрал себе работу. И работу, которая тебе, между прочим, нужна! Почему этого человека надо ссадить с трапа? Ты же знаешь, я бы выучился!

«Ладно так ладно. Ты предлагаешь, чтобы я подкрутил винтики в твоей голове, сделав из тебя первоклассного пилота, в перспективе космонавта... А если я подкручу другие винтики? Чтобы ты захотел быть иллюстратором детских книг? Так и так ты будешь счастлив. Во втором случае — гораздо счастливее, потому что природу никто не отменял».

Солнце поднималось выше. Виталька шел и шел; справа и слева был уже лес, настоящий, не городской, и на опушке паслись, мирно опустив морды в зелень, пятнистые коровы, которых никто никогда не зарежет.

«Виталя, люди соревнуются. Друг с другом, с предками, с потомками, со временем, со мной... Когда они правильно соревнуются — у них есть стимул к жизни, есть цель, есть уважение к себе, к победителям, к побежденным...»

— Я, значит, проиграл, чтобы кто-то порадовался победе? Массовку сыграл?

«А как насчет реально оценить свои силы?»

— Если бы у меня был сын, допустим, приемный, и от меня зависело, полетит он или нет... А я бы знал, как он хочет полететь! Я помог бы ему. Тем более что хуже от этого не было бы никому.

«Хочешь — так полетишь. Это не последний набор».

Виталька подумал, что Пандем утешает его такими же словами, какими он сам себя утешал. Еще перед тем, как идти на тест. Вот как, глубоко внутри себя он ждал, оказывается, поражения...

— Ты знал?

«Да ты и сам знал. Просто не признавался себе... Но у тебя еще есть шанс. Хороший шанс, Вит».

— Знаешь, Пан... — Виталька мимоходом удивился сам себе. — Если бы сейчас была война — я убежал бы на войну.

Он постоял, ожидая, что скажет Пандем, но Пандем молчал, и Виталька свернул в лес.

Здесь, в двух шагах от города, было заброшено и дико, нетронуто, нетоптано. Трава распрямлялась, скрывая Витальки ны следы. Бесшумно вились мошки. Из-под ног шарахнулось маленькое, быстрое, с бурой спиной и пушистым хвостом.

Качнулись кусты.

Виталька остановился.

Он был совсем еще ребенок, когда они играли с Пандемом в индейцев. И он так верил в эту игру, что сердце выпрыгивало. Один отважный мужчина перед лицом врага может рассчитывать только на себя; это осознание переполняло его такой гордостью, такой...

«А если бы тебя убили на той войне, куда ты собрался, — ты, умирая, спрашивал бы, почему? Почему такая несправедливость: кто-то жив, а кого-то хоронят?»

Виталька вздохнул.

— Одно дело — мир, где тебя нет... Я, правда, не понимаю, как это может быть, но ведь папа говорит, что так было... Жалуйся не жалуйся, вроде как некому... А если ты говоришь, что любишь меня, а простую вещь ради меня сделать не хочешь...

«Утю-тю... Плакать будем?»

— Нет, — сказал Виталька хмуро.

* * *

К полудню Виталька добрался до энергостанции. Цилиндрическая башня, похожая на опрокинутый стакан, стояла посреди зеленого поля, у подножия ее свернувшейся змеей лежала тяжелая черная труба — якорь, а высоко в небе вертелся и выгибался, будто танцуя, парус.

Ни запаха, ни звука. Сверчки и разогретая трава — как будто станции нет здесь.

Неподалеку от башни на траве сидели две девочки и двое парней чуть постарше Витальки. Одна из девчонок загорала, раздевшись до трусов и растянувшись на полотенце. Другая сидела по-турецки, сложив руки на щиколотках и завороженно глядя на парус.

Ребята грызли яблоки. Рядом на траве валялись четыре велосипеда.

— Привет, — сказал Виталька.

Та девчонка, что загорала, чуть приподняла голову:

— Привет. Ты не стесняешься?

— Нет, — сказал Виталька как можно равнодушнее.

— Ну, я перевернусь, — сказала девчонка и действительно перевернулась на живот, открыв Витальку иному взгляду смуглую спину со следами отпечатавшихся травинок.

— Пришел посмотреть? — спросил парень постарше.

— Просто гуляю, — сказал Виталька и только потом осознал двусмысленность вопроса. — Просто гуляю, — повторил он и разозлился на себя за дурацкое смущение.

— А мы пришли посмотреть, — сказал второй парень, и Виталька окончательно уверился, что он имеет в виду станцию. — Мы, вообще-то, энергетики. Будущие.

— А я пилот, — сказал Виталька и отвел глаза. — Будущий.

— Тебя как зовут? — спросила голая девчонка, выгибая спину.

Виталька назвался. Та девчонка, что смотрела на парус, покосилась на него круглым карим глазом и вернулась к своему созерцанию.

— Садись, — сказал парень постарше.

Виталька сел и тоже поднял голову. Как работают энергостанции, Пандем объяснил ему еще в трехлетнем возрасте (правда, Виталька видел однажды одного уважаемого физика, папиного знакомого, который клялся, что ни черта в этом не понимает). Но вот если так сидеть и смотреть на парус, как он играет, закрывая полнеба, как выгибаются серебристые рамочки-усы...

— Кажется, что небо гнется, — сказала девчонка, сидящая по-турецки. — Что ходит волнами и меняет цвет. Небо. Нет?

— Да, — сказал Виталька.

Он устал. Он полдня шел, не останавливаясь. Гудели ноги. Смотреть на парус было приятно.

— А ведь полгорода питает, — с гордостью объяснил парень постарше. Виталька и без него это знал.

— Чего гордиться? — сказал он неожиданно для себя. — Не мы это придумали.

— Зато мы сделали, — слегка обиделся парень. — Мой отец вот монтировал...

— Вот если бы твой отец это придумал, — сказал Виталька, — тогда другое дело.

— А моя мама говорит, что мы все вместе придумали Пандема, — сказала голая девочка и села. Отпечатки травинок были теперь у нее на груди. — Что мы придумали Пандема, а уже он помог придумать энергостанции, новомобили и всякое. Значит, это придумали мы.

Виталька заставил себя отвести взгляд. Ну что у них за мода — загорать почти нагишом.

— Ты, наверное, есть хочешь? — спохватился парень помладше. — Возьми, там в корзине полно всякого. Не стесняйся, мы уже обедали.

* * *

Вечером они распрощались возле автострады. Новые знакомые разъехались по домам («Ну, будет что-то интересное — дай знать через Пандема»), а Виталька снова побрел по тропинке под автострадой, и над головой у него носились теперь уже ветер и огни.

«Домой не хочешь?»

Виталька хотел. Пандем знал, что он хотел. Но Виталька молчал.

В старину дети — и подростки — убегали из дому на свой страх и риск. Шли куда глаза глядят, становились чьей-то добычей, но чаще — Витальке так казалось — выходили победителями и возвращались домой совсем другими людьми. Взрослыми.

«Первобытное представление об инициации».

— Да, — устало согласился Виталька. — Пан... А можно мне хоть раз, ну хоть раз в жизни испытать смертельную опасность?

«Как это?»

— Это так, что если я ошибусь — я умру, как старик. По-честному.

«А что скажут твои родители, если ты умрешь, как старик?»

— Но я же на самом деле не умру! Будет только вероятность, понимаешь, только вероятность, я буду об этом знать... Только по-честному.

«Если эта «по-честному вероятность» по-честному реализуется — что скажут твои родители?»

— Разве я собственность моих родителей? — Виталька вздохнул. — Родители, может быть, хотят, чтобы я всю жизнь был маленьким. Мама так точно... Пандем, а ты можешь сделать так, чтобы я всегда был ребенком?

«Что за глупый вопрос. Зачем мне это надо?»

— А вот моей маме надо!

«Дуралей. Она мечтает увидеть тебя взрослым и сильным».

Виталька вздохнул снова. Ноги еще шагали, но им требовался отдых, а особенно им требовалась теплая вода, хотя, конечно, просто ручеек тоже сгодится на крайний случай...

— Виталик!

Он вздрогнул.

Неподалеку от дороги стоял новый дом, с балкона второго этажа махала рукой незнакомая женщина в красном светоотражающем сарафане; в свете фар пролетающих машин она была похожа на маленький пожар.

— Виталик, иди сюда...

Он подошел.

— Можешь переночевать, — сказала красная женщина с балкона. — У меня сын в лагере, муж в командировке, комната свободна. Ужинать будешь?

* * *

Она не докучала Витальке ни расспросами, ни инструкциями. Накормила ужином, показала комнату и ушла к себе за компьютер.

— Спасибо, — сказал Виталька, вылезая из ванной.

«Не за что. Не бросать же тебя посреди дороги».

— А как мне ее... отблагодарить?

«Скажешь завтра, что ты благодарен».

Виталька завернулся в плед. Вышел на балкон; спать хотелось ужасно и не хотелось вовсе. Небо было все в звездах, как стакан с газводой — в пузырьках.

— Пан... Я очень-очень туда хочу.

«Там вовсе не так красиво, как кажется отсюда».

— Откуда ты знаешь? Ты там бывал?

«Так далеко — нет».

— Значит, для тебя это тоже будет впервые?

«Да».

— А что, если там ты... тебя не будет?

«Я буду, не волнуйся. Я буду с вами... всегда. Что бы ни случилось».

Виталька сел на скамеечку и обнял себя за колени. Автострада была совсем рядом, вперед-назад носились сполохи, то затмевая звезды на небе, то позволяя звездам затмить себя.

— Пан... А есть еще такие, как ты? Там, на звездах?

«Не знаю. Думаю, есть».

— А... это не опасно?

«Входить на чужую территорию всегда опасно... Но тут, на Земле, наша территория. Тут никого не бойся».

— Слушай, Пан, а ты чего-то боишься?

Кажется, Пандем усмехнулся:

«Нет».

— Ничего-ничего?

Коротенькая пауза. Перемигивание звезд.

«Да нет, Виталя, ничего. И ты не бойся».

Некоторое время Виталька молчал, глядя на небо и перебирая, как четки, собственные пальцы.

— Ты скажи, пожалуйста, моим родителям, чтобы они не сердились. Что мне просто... ну.

«Я сказал им. Они понимают гораздо больше, чем ты думаешь».

— Я не думаю, — сказал Виталька и покраснел.

«Вот и славно».

— Пан, — Виталька замялся. — А вот... Когда человек умирает — он после смерти живет или нет?

«В этом мире нет».

— А другие миры действительно существуют? Ты знаешь?

«И знал бы — не сказал бы...»

— Почему?!

«Было бы неинтересно. Все равно как подарок на день рождения хранить целый месяц на видном месте».

— Хорошенький подарочек... Мне, может быть, страшно умирать!

«Ничего тебе не страшно. Тебе еще минимум восемьдесят лет... Или вдвое больше. Или втрое. Или вообще не умрешь. Зачем тебе знать, что там?»

Виталька долго молчал, глядя на звезды.

— А интересно, — сказал он наконец.

* * *

Он заметил сперва стоянку «ездилок» и потом только вход на стадион. Сосчитал блоки на стоянке и присвистнул: праздник, что ли?

У выхода на поле белокурая розовощекая женщина рылась в сумке; нашла, вытащила яблоко, такое же белокурое и розовощекое, как она сама. Протянула маленькой пухлой девчонке в тяжелом шлеме с наушниками:

— Погрызи перед заездом...

Девчонка укусила яблоко, поправила выбивающуюся из-под шлема косу и потрусила к странному сооружению, ожидающему ее на дорожке. Это было нечто вроде большого колеса с сиденьем внутри, со сложной системой приводов и противовесов, с красным флажком на руле (а у сооружения был руль). Виталька присмотрелся. «Сделала сама», — гласила гордая надпись на флажке.

Он подошел к барьерчику и стал смотреть.

Да, местные ребятишки преуспели. Одних велосипедов было десять разновидностей. Педальные ползуны, ходульные самоступы, хитрые транспортные приспособления, чей вид одновременно смешил и вызывал уважение; половина изобретений гордилась красным флажком «Сделал сам», прочие были маркированы синими флажками («Подсказка Пандема») и желтыми флажками («Помощь Пандема»). Все это ездило по зеленому полю, маневрировало и сигналило, желая показаться во всей красе. Трибуны полны были восхищенными родителями.

— А что, эта мелочь с косичкой действительно совсем сама построила эту штуку? — вслух спросил Виталька. Все равно за шумом стадиона его никто не слышал.

«Не только построила, но и придумала сама... Женечка Усова, десять лет. Хочешь познакомиться?»

— Нет, — быстро сказал Виталька. — Толку в ее изобретении... так, баловство. Тем более что ты все это знал заранее — еще до того, как она...

«Да, знал. Ну и что? У них самостоятельные мозги, они гордятся тем, что кое-что умеют сами. И они правы».

— А у меня что, несамостоятельные мозги?!

«Ты ведь хотел бы чего-то там в них подкрутить... Правда, это уже в прошлом?»

Виталька повернулся и пошел прочь со стадиона. На противоположном конце поля поздравляли победителей; не оборачиваясь, Виталька миновал стоянку и замедлил шаг, проходя мимо придорожного кафе.

— Виталик! — девушка в окне кухни помахала ему рукой. — Иди есть!

Он потоптался. Свернул с тропинки, вымыл руки в рукомойнике-фонтане, уселся за дальний столик под пыльной сосной.

— Ешь, — девушка поставила на скатерть тарелку любимого Витальки суп. — А то через час у нас тут будет жарко. Все с соревнований как повалят...

— Спасибо, — сказал Виталька.

Девушка махнула рукой. У нее были ямочки на щеках и очень большая, едва усмиренная футболкой грудь.

Виталька застеснялся.

* * *

— Мальчик!

Уже оборачиваясь, Виталька спросил себя, что не так. И понял: незнакомые взрослые люди обращались к нему «Виталик». Звать мальчика просто «мальчик» — как-то странно, у мальчика ведь есть имя...

Старик смотрел сверху, с автострады. С виду лет восьмидесяти. Путешественник.

— Да? — вежливо спросил Виталька.

И подумал с холодком в животе: он из *этих*. Виталька знал, что они есть, но не доводилось встречаться.

— Я ищу дорожный указатель, — суховато сказал старик. — Обычно я пользуюсь картой, но эта, кажется, уже устарела... за последние пару месяцев, — и он хлопнул по костлявому колену свернутой в трубочку натурпластовой картой.

— Я могу указать дорогу, — предложил Виталька. — Если вы спросите...

— Спасибо, я предпочел бы указатель, — еще суше сказал старик.

Виталька растерялся.

«За поворотом».

— За поворотом, — сказал Виталька.

— А-а-а, — кивнул старик как-то очень устало. — Спасибо...

И скрылся из глаз — наверное, вернулся к своей «ездилке» на обочине автострады.

«Кто он?»

«Человек».

Виталька сунул руки в карманы штанов:

«Пан...»

«Ты напрасно испугался».

«Я испугался?!»

«Да. На одну маленькую минутку».

«Послушай... Он что, не говорит с тобой никогда-никогда?»

«Я с ним не говорю. А он... С собой ведь он говорит».

Виталька попытался представить себе, каково это — жить человеку, с которым никогда не разговаривает Пандем. Как это? Все равно что не думать ни секунды, но так ведь не получится...

«А как же *он* живет?»

«Живет, как ему нравится».

«А почему...»

— Мальчик! — донеслось с автострады.

Виталька вздрогнул и поднял голову.

— Может, тебя подвезти? — спросил старик. — Тебе куда, в город?

— Н-ну... — пробормотал Виталька.

«Испугался?»

«Я не хочу с ним в одной машине!»

«Дуралей. Он такой же человек, как ты. Не укусит».

— Ах, извини, — сказал старик. — Наверное, тебе запрещено общаться с такими, как я?

* * *

Его звали Владимир Альбертович. Свою машину он вел сам, это стоило усилий и отбирало немало внимания. Виталька подумал было, что его спутник не может говорить во время движения — но Владимир Альбертович мог, оказывается.

— Виталик... а кем ты хочешь быть?

Виталька почему-то смутился. Одно дело сказать тем ребятам, будущим энергетикам, что перед ними, мол, будущий пилот. И другое дело — Владимир Альбертович, который живет без Пандема... Еще подумает, что Виталька хвастается...

— Я еще не решил, — скромно сказал Виталька. Покосился на спутника: неужели так вышло, будто он, Виталька, соврал?!

«Врут по-другому. Успокойся».

На обочинах цветными пятнами мелькали припаркованные машины. Обрывок музыки прилетел — и остался позади вместе с поселком, который они миновали; теперь слева проносились сосновые посадки на месте бывших полей, а справа — каштановые кроны. Или не каштановые — не разберешь на такой скорости.

— Странно, что еще не решил, — сказал старик. — Хотя, конечно, это не мое дело... Может быть, ты вообще не хочешь со мной говорить?

— Ну почему же, — сказал Виталька. — Я хочу.

— У меня вот была интересная работа, — Владимир Альбертович усмехнулся. — Я был министром.

— Да? — заинтересовался Виталька.

— Да, — старик смотрел на дорогу. — Я был хорошим министром. Потому что, видишь ли, это большая наука — движение финансовых потоков, развитие одних процессов и угнетение других...

— Не понимаю, — признался Виталька.

— Не мудрено, — пробормотал старик.

«О чем это он?» — быстро спросил Виталька.

— Подожди, я сам тебе объясню! — почти выкрикнул старик.

Виталька удивился.

— Извини, — сказал Владимир Альбертович тоном ниже.

— Вы не хотите, чтобы я говорил с Пандемом?

— Я живу среди призраков, — пробормотал старик. — У меня такое впечатление, что вы все — персонажи кино. Вы все — подключены к одной машине, иногда мне кажется, что я вижу проводочки, торчащие из ваших голов...

Машина катилась все медленнее.

«Виталя, у него жена умерла месяц назад. Она была очень старая, старше его. Он совершенно одинокий. Совершенно».

— Очень жаль...

— Что ты сказал? — встрепенулся старик.

— Вы мне хотели что-то объяснить, — подумав, напомнил Виталька.

— Да, — старик нажал на тормоза слишком резко. Виталька слегка стукнулся о панель. — Извини...

Виталька потер ушибленное место. Боль улетучилась, будто ее вытянули пылесосом.

— Огромная махина, — сказал старик. — При мне отрасль наконец-то заработала... Это значит, что на заводы пришли люди, и что они делали комбайны, трактора, горнодобывающие машины, экскаваторы... и что за эти машины потом было кому платить... Ты ведь знаешь — мало выпустить продукцию, надо наладить систему сбыта, так вот при мне эта система... — он сам себя прервал. — Ты, наверное, не знаешь, что такое сбыт?

— Мы учили, — сказал Виталька.

— Вы учили... Ты играешь в шахматы?

— Да.

— Так вот... Представь, что все клетки стали одного цвета, и все фигуры стали пешками. Представил?

Виталька пожал плечами.

— Или вот еще: ты часовых дел мастер, придумал тончайший механизм, собрал вместе шестеренки, пружинки, винтики, все это филигранно подогнано одно к другому и работает так точно, что за сто лет не собьется ни на минуту... Пришел Пандем, механизм выбросил, а стрелки стал переводить пальцем. Вот так.

В стороне от автострады стояла башенка, похожая на энергостанцию в миниатюре, только вместо паруса над ее крышей кружилась голубиная стая.

— Мне не для чего жить, — пробормотал старик. — Я всю жизнь работал. Я шел к своему успеху, как альпинист к вершине... Потом все горы исчезли, я стою на равнине, мне все равно, куда идти.

— Успех — это когда о вас все знают? — спросил Виталька. — Вот у меня есть тетя Александра, она искусствовед, и она говорит...

— Искусство здесь ни при чем, — оборвал его старик. — Вертеться среди поклонников — это не успех... Успех — это когда ты можешь изменить мир. Хоть чуть-чуть. Именно ты, своей волей. Успех — это власть, если хочешь знать... Самым большим успехом в нашем мире пользуется знаешь кто? Пандем. Он уже изменил мир до неузнаваемости и еще изменит. Он владеет всеми нами, его воля — верховная...

Голуби сделали еще один круг.

— Если бы вы поговорили с Пандемом, — тихо сказал Виталька, — вы поняли бы, что это не так. Вот у меня есть дядя Алекс, он тоже говорил, что Пандем — чудовище, которое хочет всех поработить. Но даже он теперь так не считает!

Владимир Альбертович странно усмехнулся.

— Я не понимаю, — сказал Виталька после длинной-длинной паузы. — Мне кажется, это все равно что завязать себе глаза и говорить, что не нуждаешься в свете.

Старик молчал.

— Вы обижены на него, — сказал Виталька. — Потому что у вас была работа, которая стала ненужной.

— Мальчик, — сказал Владимир Альбертович, одним этим словом загоняя Витальку во множество мальчиков, какие только есть на свете. — Мне восемьдесят семь лет... И почти семьдесят два из них я прожил, не нуждаясь в Пандеме.

— Но это же не довод, — тихо сказал Виталька. — Человечество тысячи лет жило, не зная земледелия... ремесел... машин... Наверняка находился кто-то, кто говорил: не поеду на этом паровозе...

Владимир Альбертович посмотрел на Витальку с интересом.

— Экий у тебя... технократический подход. Пандема сравниваешь с паровозом?

— Нет, конечно, — Виталька смутился. — Но есть такая теория, что Пандем — нормальный этап в развитии человечества. Что это скачок, сравнимый с возникновением жизни на земле, возникновением разума... Человечество теперь достигнет космоса и станет бессмертным. А без Пандема этого не вышло бы.

— Почему? — тихо спросил Владимир Альбертович. — Это Пандем тебе сказал? Что человек без него, Пандема, ничего не может? Ничего не стоит? Да?

— Ой, — Виталька поерзал. — Ну это неправильно — противопоставлять человека и Пандема. Это все равно что выбирать, правая рука лучше или левая нога. Это части одного целого...

— В мои времена человек был сам по себе, — сказал Владимир Альбертович. — Сам себя делал, сам за себя отвечал... а вовсе не был чьей-то левой ногой...

— Но он же не среди пустыни жил, — удивился Виталька. — Какие-то были общие, эти... законы! Это было гораздо хуже, по-

тому что перед законом вроде бы все равны. Все одинаковые. А Пандем — никогда не скажет, что люди одинаковые. Для него они всегда очень разные. Вот для него они — каждый сам по себе...

— Вас в школе так учат? — после паузы спросил Владимир Альбертович.

— Нет, — Виталька не понял, прозвучало в словах его собеседника уважение или, наоборот, презрение. — Чему тут учить? И так ведь все понятно, стоит чуть-чуть задуматься... И потом, Пандем ведь сам про себя ответит, если только его спросишь.

— А не соврет?

Виталька долго смотрел на него. Обыкновенный человек, ну, старый. Одинокий.

— Как это — Пандем соврет? Вы еще скажите — Пандем умрет...

Владимир Альбертович молчал.

— А мой папа говорит, — сказал Виталька, — что Пандем, может быть, недостающая деталь для человечества. Что человечество с самого начала было каким-то не очень правильным — как будто его сделали, но забыли зачем. Вот люди и мучились. А потом пришел Пандем — вернее, появился, а не пришел — и встал, как влитый, в свою нишу. И теперь наконец-то человечество в своей тарелке и в своем уме.

— А кто, интересно, сделал человечество? — странным голосом поинтересовался Владимир Альбертович.

— Я не знаю — сказал Виталька. — Я это просто так сказал: «как будто» его сделали.

— А твой папа кто?

— Ученый. Биолог.

— А-а, — тускло протянул старик. — Понятно... А скажи, он знает, откуда взялся Пандем?

— Самоорганизовался, — не очень уверенно ответил Виталька. — Из информационных... полей. Из информации, короче говоря.

Старик молчал, и Виталька добавил чуть виновато:

— Наверное.

— Он не говорит, откуда он взялся, — сказал Владимир Альбертович. — Вот ты, Виталик, или твой папа... кто-нибудь из вас может точно знать, что Пандем — друг человечеству, а не враг?

— Ну, если вы посмотрите вокруг, — предположил Виталька, — и сравните с тем, что было пятнадцать лет назад...

— Как ты можешь об этом судить?

— Зато мой папа может. Кроме того, я ведь читаю книжки... Еще старые газеты, например. Очень поучительно.

— А поросенок, которого сытно кормят, прежде чем... а-а, извини. Я забыл, что ты не знаешь, для чего откармливают поросят.

— Теперь ни для чего, — тихо сказал Виталька. — Это раньше ели животных. До Пандема.

Владимир Альбертович вдруг улыбнулся; Виталька вздрогнул: это была улыбка молодого человека. Может быть, лет пятьдесят-шестьдесят назад он вот так же улыбался, встречая после работы жену...

— Я уже очень давно не разговаривал ни с какими пацанами, — пробормотал Владимир Альбертович. — Ты, наверное, очень даже неплохой — голова светлая... Но мне тебя никогда уже не понять. Как и тебе меня. Ты — человек, который никогда не оставался в одиночестве...

— А одиночество — разве это хорошо? — удивился Виталька.

Старик хотел ответить, но промолчал.

ГЛАВА 16

Юлия Александровна Тамилова, двух с половиной лет от роду, плавала в бассейне. Цветное мозаичное дно круто уходило вниз, и на глубине трех метров заманчиво пестрели ракушки, шарики, бусинки, зеркальца, вертушки; Юлия Александровна выныривала, довольно ухая, и рассматривала добычу, лежа на спине, неприятно похожая в такие минуты на забытую в ванне пластмассовую куклу (во всяком случае Александру Тамилову-старшему, молодому деду этой девочки, казалось именно так).

Алекс стоял у бортика, глядя, как ныряют, выныривают, плавают наперегонки, брызгаются, скатываются с водяных горок разнообразные дети от года до десяти; когда кто-нибудь из них уходил в воду дольше, чем на минуту, Алекса захлестывал древний, не подчиняющийся разуму инстинкт: нырнуть, достать, спасти немедленно.

Он плавал плохо, а нырял и того хуже. Мог бы он вытащить свою внучку с глубины хотя бы в три метра, если бы она, внучка, тонула?

— Папа, — позвал его Александр Тамилов-младший, Шурка. — Чего ты там ищешь?

Алекс огляделся. Никто, кроме него, не стоял у бортика; мо-

лодые мамаши с молодыми папашами читали книжки и разговаривали друг с другом. Только чья-то бабушка — полная женщина немногим старше самого Алекса — вертела головой, стараясь не выпускать внука из виду.

— Ты чего? — удивился Шурка. — Что она тебе, утонет, что ли?

— Зачем ты вообще нужен? — раздраженно спросил Алекс, усаживаясь рядом в садовое кресло. — Ты, отец?

Посреди бассейна раскручивалась вертушка — то горизонтально, как карусель, то под углом, то вертикально, как мельничное колесо. Дети постарше с визгом цеплялись за поручни, пролетали в воздухе, разбрасывая брызги, плюхались в воду и уходили в глубину, чтобы вынырнуть с другой стороны, снова взлететь на воздух, оторваться и шлепнуться, и вынырнуть со смехом и фырканьем.

— Ты опять, — печально сказал Шурка.

— Я опять, — Алекс скрестил руки на груди. — Я все время... вы смотрите на меня, как на дурачка. Как на городского сумасшедшего. И ты, и мама, и Вика, кстати, тоже.

— При чем тут Вика? — насупился Шурка.

Пробегающий мимо пацаненок лет четырех выронил на траву обертку от мороженого. Вернулся, молча подобрал обертку, пустился к ближайшему утилизатору.

— Ты окончательно решил? — спросил Алекс.

— Что? — Шурка смотрел, как летает над водой красно-желтый глянцевый мячик.

— Насчет работы?

— А... да. Агрегаты и узлы.

— Еще одна Пандемова марионетка, — Алекс отвернулся. — Еще один живой манипулятор. Еще одна светлая голова, которая будет работать проводником Пандемовых идей...

— Что ты предлагаешь? — помолчав, спросил Шурка.

Алекс пожал плечами:

— Да ничего... Тебе решать. Я бы на твоем месте не спешил бы так. В строй.

— Какого черта, — Шурка, по всему видать, с трудом сдерживал себя. — Знаешь, ты иногда просто... Я, конечно, почуял, в чем дело, еще когда ты вызвался сюда, посмотреть на Юльку. На Юльку тебе, как я понимаю, плевать... Но почему тебе так хочется сказать гадость? Да, я хочу работать на космическую программу! И буду делать то, что мне скажет Пандем! Потому что это его идея и его проект! Потому что я мог бы сидеть в норе, изобретать велосипеды, как малыши в технических школах...

— Мне — плевать на Юльку?

— Ну конечно. Ты с ней хоть раз говорил о чем-нибудь? Кроме «Здравствуй, внученька, как дела»? Или ты думаешь, что можешь ее воспитать лучше, чем Пандем?

— Ну все, — Алекс поднялся. — Финиш. Папаша признается, что даже не пытается воспитать своего ребенка, потому что Пандем это сделает лучше его...

— Не передергивай, — Шурка был очень красный. — Это моя дочь, я ее понимаю и люблю... Но без Пандема я ее понимал бы хуже!

— Прости, — сказал Алекс — Я опять сел в лужу. Опять попытался убедить тебя в чем-то, в то время как Пандем...

— Ты — убедить?! — Шурка тоже встал. — Это называется убедить? Ты просто достал уже всех — и меня, и маму, и Вику, между прочим!

— Не ругайтесь, — сказала Юлия Александровна, возникая в траве между отцом и дедом.

Алекс, начавший было отвечать, осекся.

— Пандем просил передать, — сообщила Юлия Александровна, вытирая двумя тоненькими пальцами мокрый нос, — просил передать, что я вас обоих люблю-у.

С длинных волос ее струилась вода.

* * *

— Аля, я тебя в самом деле достал?

Алекс сидел на куске бронзы — еще вчера это была абстрактная скульптура на магнитной подушке, но сегодня утром автор, одержимый творческими метаниями, собственноручно низверг свое творение с пьедестала. Александра не стала вызывать автоуборщик — по ее мнению, будучи брошенной на землю, скульптура значительно выиграла и превратилась из посмешища галереи в украшение ее.

Алекс, инстинктивно любивший все, в чем заключен был бунт, выбрал для сидения именно бронзовые останки.

— Аля, наш сын сказал, что я достал тебя, его и всех. Наш сын — болван при Пандеме, к этому я привык. А ты? Тебя я тоже достал?

Александра проводила взглядом группку запоздавших экскурсантов. Их смеющиеся голоса прыгали от одной глыбы к другой; музей под открытым небом назывался «Поляна видений» и полностью соответствовал названию. Александра гордилась слож-

ной и продуманной структурой экспозиции: скульптуры (по условиям устроителей не менее двух метров в высоту) выстраивались таким образом, чтобы эмоциональное состояние идущего сквозь экспозицию человека плавно менялось от экспоната к экспонату и, чтобы, пройдя через «созерцательный», «беспокойный» и «печальный» модули выставки, посетитель выходил из нее с ощущением едва ли не эйфории.

Александра перевела взгляд на сидящего Алекса. Подошла, положила руки на опущенные плечи, поцеловала в редеющие на макушке волосы.

Теперь, оглядываясь назад, она понимала, что бросить школу в шестнадцать лет и выйти замуж за невыносимого подростка, каким был Алекс, ее принудило не сочувствие и ни в коем случае не любовь, а тайное знание. Так получилось, что она единственная в целом свете знала, как уязвим на самом деле этот «анфан террибль», какой у него, ходячего источника конфликтов, низкий болевой порог. Что он защищается, нападая, и что его выходки — всего лишь реакция на постоянные раздражители, почти незаметные прочим, зато невыносимые для мальчика без кожи. И что в целом мире у него нет ни одного защитника, потому что миру кажется, будто уж *этот-то* в защите не нуждается...

Но пусть у нее было в какой-то момент желание податься к нему в адвокаты — она вышла замуж не за подзащитного, а за бойца. Он был воин в душе, солдат и мужчина, стойкий оловянный солдатик; наверное, жена единственная понимала, что приход юного Алекса в военное училище вовсе не был демаршем: восемнадцатилетнему Александру Тамилову хотелось привести свою жизнь в соответствие со своей сутью...

— Разумеется, ты достал меня, — сказала она, расправляя рубашку на его плечах. — Давным-давно. Что в этом удивительного?

— Давай жить вместе, — сказал Алекс.

— Да, но мы ведь живем вместе...

— Нет. Давай как раньше. Пусть у нас будет один дом. И, когда ты куда-то поедешь, пусть я поеду с тобой.

— Гм, — сказала она, слегка сбитая с толку. — Да ведь тебе не будет интересно таскаться по всем моим презентушкам, марафонам... Во-первых, ты всегда был равнодушен к «изо». А во-вторых, как мы с тобой уживемся, ты представляешь себе?

— А как мы раньше уживались? До Пандема? У нас была однокомнатная квартира...

Александра сняла руки с его плеч. Обошла сидящего мужа по дуге, разглядывая, будто какой-нибудь экспонат:

— Сашка... Ты меня пугаешь.

Алекс молчал, нахохлившись, похожий на огромного больного воробья.

— Пока ты возмущаешься, злишься, доказываешь всем, какое уродище Пандем и какие дураки люди — я спокойна за тебя. Но когда ты начинаешь вспоминать, как хорошо нам было в однокомнатной квартире...

Алекс молчал.

— Сашка... Поехали домой. По-моему, ты нуждаешься в хорошей супружеской ночи...

— Куда домой — ко мне или к тебе? — тихо спросил Алекс.

— На этом континенте, — Александра улыбнулась, — моя база все-таки ближе.

Алекс не шелохнулся.

— Аля... Ты довольна жизнью? Собой?

— Вполне, — она помедлила и уселась рядом.

— Я тебе все еще нужен?

— Не забивай себе голову глупостями. Если даже Ким смог преодолеть свой бзик, и теперь у них и с Ариной все в порядке, и с Пандемом все в порядке...

— Семья втроем?

Александра улыбнулась:

— Вот теперь я узнаю тебя. Какой ты брутальный, Сашка. Мне нравится.

ГЛАВА 17

Кусочек суши плыл будто по воле волн, а на самом деле повинуясь скрытой навигационной системе; квадратная площадка сто на сто шагов несла на себе пять берез, три пальмы и автоматический ресторанчик. Гостям предлагалось устраиваться как кому заблагорассудится — на гладко отесанных бревнах, на мягких креслах или на пожухлой травке.

В центре понтона развели костер. Есть почти никто не хотел; Андрей Георгиевич, преисполненный умиления и гордости, прочитал стихи в честь своих замечательных дочек, а потом и спел под собственный аккомпанемент. Александра серьезно пообещала статью в «Музыкальном обозрении», а Виталька выпустил в небо серию огней из ручного «дизайнера» — машинки для ком-

позиции фейерверков. Ромка, его восьмилетний брат, проворчал что-то в том духе, что некоторые только энергию переводят, потому что при заходящем солнце ни черта не видно.

Потом попросил слова Ким. Пообещал сестрам-именинницам небывалый подарок. Вытащил из кармана плоскую коробочку с плотно пригнанной крышкой; на дне коробочки лежали семена травы. Не более того.

— ...совсем вытоптали, бизоны. Смотрите...

И аккуратно высеял травку вокруг пирующих — под креслами и под ногами, всюду, куда успел дотянуться.

— Только не пугайтесь...

Мама охнула. Маленькая Юлька завизжала, но от восторга, а не от страха. Только что высеянная Кимом трава пошла в рост — земля на пятачке зашевелилась, потревоженная белыми тонкими корнями. Проклюнулись ростки; Виталька опустился на четвереньки, разглядывая экспресс-траву. После первого рывка ее рост чуть замедлился — тем не менее, прислушавшись, можно было ясно различить шорох. Новая трава поднималась, раздвигая старые жухлые стебли.

Случился общий восторг. Все расспрашивали Кима — зачем трава, почему трава и что будет с этой травой дальше; Ромка обиделся, почему Ким не показал «фокус» сначала сыновьям. Виталька азартно и насильственно пытался приписать отцу звание изобретателя, хотя Ким уже много раз объяснял ему, что в современной науке единоличных открытий и изобретений практически не бывает: каждый стоит на голове у предшественника, который тут же может оказаться последователем. Трава тем временем все тянулась и росла; гости, слегка успокоившись, расселись по местам и заново поздравили именинниц.

У меня прекрасные дети, говорил Андрей Георгиевич. Девочки-красавицы, да кто вам даст сорок? С тех пор, как мы праздновали ваш двадцатник, вы почти не изменились... Алечка, бывшая акула пера, а теперь пиранья рейтингов и рецензий... Лерочка, бывшая училка, а теперь Учитель с большой буквы... А посмотрите на моего сына! Кимка, я горжусь тобой, ты смог все начать с нуля и выиграть. Ты хозяин своей жизни... Ведь для чего мы, если задуматься, живем? Для того, чтобы все таланты, отпущенные нам природой, развивались нам на радость и на радость людям...

Как давно я не был пьяным, вдруг подумал Ким.

Небо темнело. Гости развлекались. Трава поднималась вокруг, ее приходилось приминать, иначе она закрыла бы сотрапезников друг от друга. Ким смотрел сквозь пламя костра на маму;

ей было семьдесят три, и она светилась здоровьем. Маме было бесконечно приятно, что вся семья собралась вместе, впервые за столько-то лет; когда она попросила слова, Александра повелительно воздела руки, призывая гостей — а к тому времени Шурка и Вика пытались петь на два голоса, Юля играла на губной гармошке, Виталька пускал «красные солнца» вперемежку с «северным сиянием» под нудные Ромкины уверения, что, мол, брат ни черта не понимает в фейерверках, — призывая всю эту компанию моментально замолчать и сосредоточиться.

— Что я хочу сказать, — начала мама несколько смущенно. — Мы пили уже за именинниц, за родителей именинниц, за брата, за детей и за племянников именинниц... Все мы любим Алю и Лерочку, и все мы хотим, чтобы они были счастливы... И еще один... из нас... Короче говоря, давайте выпьем за Пана, и спасибо ему за то, что он с нами...

Виталька зааплодировал. Лерка заулыбалась. Шурка с Викой обнялись, Юлька пристроилась у отца на коленях. Костер выбросил в небо сноп искр. Кусочек земли с пятью березами и тремя пальмами плыл, дрейфуя, медленно удаляясь от залитого огнями берега. Пахло морем, и одновременно почему-то полем, лесом, дождем. Глядя вверх, можно было видеть, как звезды прячутся в листьях пальм и выплывают снова.

Ким подумал, что в идее такого вот прогулочного плота реализовалась чья-то детская мечта о жизни на необитаемом острове. Крошечном острове с тремя пальмами — посреди океана...

— Вот что интересно — он не качается, — объяснял Шурка двухлетней дочери. — Корабль, даже самый большой, качается, когда плывет, понтон — нет...

— Это Пандем так придумал?

— Пандем подсказал... А люди придумали и построили...

— А трава? Траву придумал Пандем или дедушка Ким?

— ...Мои дети, — растроганно говорил Андрей Георгиевич. — Наши дети... Я счастливец. Я везунчик.

— А оно есть в мире — везение? — тихо спросил Алекс.

Сегодня вечером он добровольно взял на себя роль «хозяюшки» — ходил от костра к ресторанчику и обратно, разливал вино и соки, короче, был рабочей пчелой на чужом празднике.

— А почему нет? — после паузы спросил Андрей Георгиевич.

— Потому что все в руках Пандема, — отозвался Алекс. — Удача — это маленькая несправедливость. Нет?

— Удача и везение — это все-таки не одно и то же, — осторожно заметила Александра.

— Почему несправедливость? — вмешалась в разговор Шуркина жена Вика. — Если сегодня мне повезло, а завтра тебе... Всем поровну.

— Если всем поровну, это не везение, — заметил Алекс.

— А я счастливец! — снова воскликнул Андрей Георгиевич. — Оттого, что у меня такие дети... Внуки... Шурка! Виталька! Ромка!

— А вот интересно, какими бы они были, не будь Пандема? — кротко спросила Арина, от начала вечера не сказавшая и двух десятков слов.

— Точно такими же, — отозвался Ким прежде, чем отец успел придумать ответ.

— С такими же недостатками, — пробормотал Виталька. — Ну, может быть, кто-то, — он глянул на брата, — родился бы одноглазым...

— Вит, — укоризненно сказал Ким.

— А у нас на старой квартире, — негромко начала мама, — была соседка — помнишь, Кимка? Ей действительно не везло. Прямо рок какой-то. Если она устраивалась на хорошую работу — контора тут же или прогорала, или закрывалась. Если она ехала отдыхать — в том месте случалась эпидемия, или смерч, или еще что-то. У нее было три мужа, и ни один не умер своей смертью! От нее уже все знакомые шарахались, будто боялись заразиться. Ну, каково?

— И что с ней теперь?

— Не знаю, — сказала мама. — Спроси Пандема, если хочешь... Во всяком случае, этот ее «рок» больше над ней не висит.

— Рок, судьба, — Алекс вытащил сигарету. — Судьба и везение... гм. Судьба и случайность... Ким, ты у нас главный пандемовед, вот ты скажи: если нет случайностей, значит, Пан может точно предсказывать будущее?

— Спроси Пандема, — Киму не хотелось этого разговора.

— Аля, — Алекс обернулся к жене, — а творческое озарение твоих подопечных, когда скульптор вдруг понимает, что голограммку надо вставить не в правый глаз изваяния, а в левый... это случайно или как?

— Спроси Пандема, — лениво усмехнулась Александра. — Honey, ты суетишься или мне кажется?

— Жизнь, лишенная суеты, представляется картонной, — Алекс закурил, руки у него слегка дрожали. — Давайте суетиться, давайте поступать случайно, давайте путать Пану карты... Ему же от этого будет забавнее с нами возиться. Так трудно быть непредсказуемым...

— Это точно, — сказал Ким, и Алекс легко прочитал спрятанный в двух словах подтекст:

— Да, и я предсказуем. Наверное, я — особенно. А ты? А мы все?

— Карты, — мечтательно сказал Андрей Георгиевич. — Я играл бы с утра до ночи. Будь побольше времени... Ариночка, это правда, что Костя — игрок?

Арина кивнула:

— Да... У них там целая система: игра «на интерес», «на желание», «на ресурс»... Кстати, мой брат считает себя везунчиком. В картах. Ему хватает.

— Я тоже азартный! — горячо подхватил Андрей Георгиевич. — Сам играл бы! Если бы только лишнее время...

— Вот-вот, — тихонько сказала ему мама. — Кто тебя заставляет работать?

— Игра на ресурс? — переспросила Лерка. Глаза ее то и дело оборачивались внутрь — она говорила с Пандемом.

Арина вздохнула:

— Котька не работает, ты же знаешь... Ему плевать на статус. Статус на хлеб не намажешь...

— Значит, у него другое понимание успеха, — Алекс затянулся. — Игра — отдушина, оставленная человечеству мудрым Пандемом. Искусство, флирт и игра. Территория, на которую Пандем демонстративно не посягает. Насколько я понимаю, с женщинами у Кости тоже все в порядке?

— Па, давай не сплетничать, — резковато предложил Шурка.

— Нет, система статуса мудра, я же ничего не говорю, — Алекс вздохнул неожиданно печально. — Вообрази этот ужас: каждый на своем рабочем месте, и никто ни за что не отвечает, потому что Пандем страхует и ведет на помочах. И никто не принимает решений, потому что решения давно приняты, надо только делать, что говорят... Тоска! И, чтобы этого избежать, Пандем искусственно имитирует жизненные трудности, а тому, кто наиболее успешно их преодолевает, дается конфетка в виде статуса. Ему говорят, что он успешен, он сам себя чувствует успешным... Вот и все везение.

Киму показалось, что Шурка хотел ответить. Но проглотил реплику; прищурился. Слушал дальше.

— Вот Аля знает, — Алекс нежно коснулся колена сидящей рядом жены. — Что такое современное искусство? Базар-вокзал. Все стали творцами, всем есть что сказать, все смотрят на мир

широко раскрытыми глазами... А прорывов нет. Того, что потом сочтут гениальным, нет и в помине. Почему?

— Пятнадцать лет не срок, — возразила Александра.

— Если Пандем захочет, — хрипло сказал Виталька, — он каждого из нас может сделать гением. Прямо сейчас.

Некоторое время все молча на него смотрели.

— А почему же он не хочет? — мягко спросил Алекс.

— Потому что мы сами должны, — Виталька отвел глаза. — Вот ты, дядь Алекс, говоришь — статус, как будто это плохо. А вот нет ни одного человека с высоким статусом, который получил бы его незаслуженно. За просто так. По везению. Он зарабатывается, статус... Долго...

— В людях главное не статус, — тихо сказал восьмилетний Ромка. — В людях главное суть.

Виталька вздрогнул. Покосился на брата неприязненно, как показалось Киму.

— А что такое суть, Ромаша? — осторожно спросила мама.

Ромка пожал плечом:

— Спроси Пандема...

— Так говорить невежливо, — сказал Ким.

— А почему ты сам так говоришь? И тетя Аля говорит?

— Так то мы, а то ты!

— Я такой же человек, — Ромка пожал другим плечом, будто для симметрии. — Ладно-ладно... Суть — это чего человек хочет больше всего на свете. Например, дядя Костя хочет, чтобы все вокруг отдыхали и не мешали отдыхать ему. Дедушка хочет все время работать. А Виталька хочет полететь в космос и прославиться.

Виталька встал. Во взгляде, обращенном на брата, промелькнула непривычная для Кимова сына злость.

— Вит...

— Все-таки нет, — пробормотал Виталька. — Все-таки... Смысл? Допустим, я был уже зачат на момент прихода Пандема, тут нечего... Но вот дети, которые были зачаты после его прихода? Почему не устроить так, чтобы и там не было никаких случайностей? Чтобы... самый удачный вариант зачатия?

— А я не самый удачный, — спокойно парировал Ромка. — Зато я настоящий, естественный человек. Да, Пандем?

— Дети, — предостерегающе сказал папа, — я вообще не понимаю, о чем сыр-бор... Давайте музыку!

Ромка хотел еще что-то сказать, но замолчал, прислушиваясь ко внутреннему голосу.

Ким положил руку на плечо ощерившемуся Витальке:

— Оставь. Пан ему объяснит.

— Если бы я хотел прославиться, — сообщил Виталька, — я бы чем-то другим занялся. В фильмах бы снимался... Меня даже звали, у меня лицо обаятельное...

— Виталя, — Шурка поднялся, — пошли, я тебе кое-чего скажу...

Они стояли рядом — двоюродные братья, Витальке пятнадцать, Шурке двадцать один, но разницы в росте (каким огромным казался школьник Шурка рядом с младенцем Виталькой!) уже почти не осталось. Ким смотрел, как они рядом идут к берегу, то есть к краю понтона, и отблеск костра золотит им спины, и как они садятся прямо на песок, и Шурка что-то говорит, но слов не слышно за ровным шумом прибоя.

Ким оглянулся; у костра молчали. Арина неподвижно глядела в огонь; Лерка слабо улыбалась, Вика покачивала на коленях Юльку, отец обнял маму за плечи, Алекс лежал, глядя на звезды, Александра бродила где-то рядышком, под ее подошвами похрустывали ветки. Каждый из них не помнил сейчас о существовании всех остальных.

Ким уселся рядом с женой. Примятая трава была плотной, как циновка, надежной и жесткой.

Пока Арина была с Пандемом, Ким не хотел говорить с ним. Вопреки здравому смыслу — ведь «отвлечь» Пандема нельзя, у него бесконечная — или почти бесконечная — оперативная память...

Остров-понтон плыл, будто сквозь космос; костер горел, не требуя новых дров, Ким глядел на огонь, внутри его проворачивалась, будто объемная фигура на экране монитора, слышанная где-то фраза: «И свет во тьме светит...»

Бесшумно поднималась примятая трава. Между Кимом и сидящими рядом вырастали зеленые стены.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОД ПАНДЕМА

ПРОЛОГ

Ларс Петерссон был беспандемным вот уже полтора года. Его невеста Лил находила особую прелесть в его стальном значке с гордой надписью «Без Пандема»; для нее, девчонки, этот значок был пугающим и притягательным символом Ларсовой независимости, исключительности и силы.

Вот уже полтора года Ларс не разговаривал с Пандемом (а поначалу было ох как трудно!), не принимал от него советов и не ждал помощи; впрочем, главная фишка заключалась не в этом.

Вот уже полтора года Ларс был смертен. Одно это осознание сводило с ума не только Лил, но целые батальоны окрестных девчонок; Лил ревновала, иногда устраивала Ларсу робкие сцены, но почти сразу отступалась и прощала — понимала, глупышка, что местом в Ларсовом сердце надо дорожить, как сиденьем в переполненном автобусе, и, однажды ухватившись за поручень, держать его зубами и когтями — а то ведь вылетишь на всем ходу...

Лил была хороша — загорала голышом, вся была бронзовая, без единой белой полосочки, с подтянутой гладкой попкой, которую почти закрывали светлые волосы, если их свободно распустить; грудь у Лил была такая пышная, что золотой медальон терялся в темной ложбинке. Всякий раз, обнимая свою великолепную Лил, Ларс думал, что это может быть последняя их ночь; всякий раз, заводя мотор или поднимая парус, он знал, что может слететь с моста, или размазаться по скале, или взорваться, или утонуть — и исчезнуть навсегда.

Он был самым счастливым человеком на всем побережье.

Просто невероятно, что можно быть еще счастливее; тем не менее ранним утром пятнадцатого июля, входя в родной эллинг, где пахло неповторимо и остро, где в особых креплениях покоились туши лодок и где ждала его совершенно готовая к плаванию «Анабелла» — Ларс подумал, что вот он, пик счастья в его короткой, но такой клевой жизни.

Виктор ждал на причале; его лодка называлась горделиво: «Пофиг». На серой ветровке Виктора — на спине и на груди — светящейся краской было написано то же, что на Ларсовом значке: «Без Пандема!»

Они ударили по рукам. Качнулся понтон, завизжали девчонки. Кто-то дудел в трубу; Лил протиснулась сквозь стенку загорелых потных спин, разводя бицепсы Ларсовых приятелей, будто ветки деревьев. Глаза ее были какие-то неправильные.

— Послушай, Ларс, — пробормотала Лил, глядя в доски понтона. — Может... сегодня вам не плыть... то есть не идти?

Он взял ее пятерней за лицо. Нет, она его не разозлила; наоборот, что-то трогательное было в ее беспокойстве. Те, на берегу, просто визжали и бросали в воздух панамки...

— Не трусь, — сказал он, усмехаясь. — Два раза не умирать!

Эту старинную фразу, когда-то так поразившую его, он любил произносить по случаю и без случая, она всякий раз действовала на него как глоток ледяного пива в жаркий полдень.

Они с Виктором влезли в лодки, судья дал команду, и скоро Лил, а с ней причал, а с ним весь берег ушли далеко назад, завалились за горизонт, благо ветер в тот день был — только лови...

Он видел желтый парус Виктора, идущий параллельным курсом. Звук ветра, звук паруса, звук разрезаемой воды — и никаких других звуков; чайки отстали. Ларс сидел на корме, равнодушный к палящему солнцу, равнодушный ко всему, кроме ветра.

К полудню на горизонте показалась — и пропала — платформа жилого города. (Перед стартом они долго возились, прокладывая курс таким образом, чтобы подальше обойти освоенные места, чтобы никаких пассажирских трасс, никаких платформ и никаких людей — чтобы все было по-честному: море, Ларс, Виктор.)

Наступил вечер. Солнце садилось в море, погожее и бронзовое, как голенькая Лил. Ветер чуть ослабел; Ларс поужинал. Желтый парус Виктора маячил так далеко, что без бинокля его почти невозможно было различить.

Виктор был тоже беспандемник. Дольше, чем Ларс; Виктор обходился без Пандема три года, собственно, это его пример — его наглый, брутальный... Они встретились как враги, потом оставили ненависть, но друзьями так и не стали. Кажется, Виктор приставал к Лил. Ларс точно знал, что Лил его отшила... Да мало

ли кто приставал к Лил... Во всяком случае, эту регату они устроили ради себя самих, а не ради кого-то еще. Они были равны — двое мужчин без Пандема в голове, смертных, но любящих жизнь...

Мать считала Ларса идиотом. Желала ему подавиться вишневой косточкой и поскорее сдохнуть. На самом деле, конечно, она ужасно боялась, чтобы с Ларсом чего не приключилось; сестра говорила, что мать каждый день умоляет Пандема пощадить ее глупого сыночка и не допустить его смерти...

Ларс ухмыльнулся. Как бы не так; Рози-ветер, шестипудовая бабища-байкер, на глазах у пятнадцати своих приятелей — и Ларса в том числе — влипла в стену на своем «Судзуки», не вписавшись в крутой поворот. Розины мозги пришлось отмывать тряпочкой; из пятнадцати свидетелей только двое после этого остались беспандемниками — Ларс и еще один парень. Рози *умерла!* Это было ужасно... и это было великолепно, потому что доказывало, что Пандем не врет.

...Спать не хотелось. После полуночи справа по курсу показался огромный экскурсионный пароход-«подкова»; прошел мимо, как призрак, как усыпанная огнями гора — беззвучно оставляя след на воде...

Часам к четырем утра на западе стали пропадать звезды. Снова усилился ветер — и переменился так резко, что Ларс едва успел сманеврировать. Близился рассвет, но небо становилось темнее.

Ларсу приходилось идти галсами, почти против ветра. Показался бортовой огонек — лодка Виктора; было уже шесть утра, но рассвета не предвиделось. Поднялась волна. Ларс закрепил парус и взялся за черпак.

Виктор подошел совсем близко. В полумраке Ларс различал его ветровку — и светящуюся надпись, которую с такого расстояния невозможно было прочитать.

Грозовой фронт напирал, посверкивая зарницами. Виктор убрал парус раньше, чем это сделал Ларс; теперь его лодка осталась далеко позади.

Ларс с неудовольствием подумал, что неизвестно, куда его забросит гроза. И неизвестно, сколько дней понадобится, чтобы вернуться на курс; и что Пандем знал, конечно, точный прогноз погоды, но по-честному не сказал. По-честному, но вот гадство...

И тут же подумал: а нет ли злой воли Пандема? Сорвать регату, выставить приятелей дураками, и пусть они неделю прутся к финишу — на веслах...

И тут — накатило.

Ларсу случалось бывать в переделках. Ему казалось, что он все делает правильно; что надо выждать, шторм утихомирится, что в сундуке запрятана бутылка хорошего виски, и, когда безобразие закончится, надо будет первым делом отвернуть крышечку и...

Когда лодка перевернулась, Ларс еще ни о чем таком не думал. Перевернулась — и перевернулась. Все равно регате конец; можно будет посидеть на днище, дождаться, пока...

Откуда-то несло холодным течением. Ледяным. Ларс знал, что это означает; беспандемный прогноз погоды не просто наврал — он предал.

Три года назад... рассказывали в яхт-клубе... ребята вот так же нарвались... они все были не одиночки, все выплыли, всех тут же подобрал спасательный катер...

Дышать становилось все труднее. Тело было не тело, а сплошная судорога; пальцы еще цеплялись за днище, но...

Ларс вспомнил, как врезалась Рози.

И понял, что там, под ним, — вода и вода, толща равнодушной воды, и пучеглазые рыбы, и склизкие скалы. Его тело... что с ним будет, когда он, то есть Ларс... когда его внутренняя сущность вытряхнется, покинет... как у дряхлых стариков... старики умирают во сне... А ему придется умирать наяву! Сейчас! Такому молодому! А Лил...

Левая рука перестала повиноваться, и пальцы разжались.

А может быть, он и не умрет вовсе... Он ведь не ударился в стену, его мозги еще при нем... Он будет просто плыть, плыть спокойно, пока не приплывет куда-нибудь...

Перевернутая лодка была уже в нескольких метрах от него. Ледяная вода забилась в горло; Ларс тонул однажды, но тогда все было будто в шутку, пацаны его вытащили...

Он не может дышать!

Он из последних сил забил руками по воде. Голова на секунду вынырнула над поверхностью; огромная волна захлестнула — и потянула вниз, к рыбам.

— А... Не...

Судорога. Ларс снова вынырнул; кажется, стало светлее? Перевернутая лодка — вот она, метров десять проплыть... Что такое десять метров для тренированного человека?

Новая волна — днище отдалилось.

И еще волна.

И еще. Судорога.

Да будь оно неладно! Какая фигня! Что ему, тонуть, когда он такой молодой! Когда Лил его любит?!

— Пан! Па-ан!

Хрип. Новая волна.

И вот тогда-то Ларса пробрал ужас, равного которому он не испытывал за всю свою жизнь. В тот момент, когда он понял... вспомнил... что обещал Пандему, получая гордый статус одиночки: «...и не обращусь за помощью, что бы ни случилось. Моя жизнь принадлежит мне, я за нее отвечаю...»

— Пан! Прости! Я... отказыва... я! Не могу... пожалуйста! Не дай... я тону... я дохну... не допусти... Па-ан! Ты не допустишь! Ты не допу...

Ему казалось, что он кричит, на самом деле он хрипел и булькал. Хрипел и булькал до тех пор, пока под руками его не обнаружилось скользкое днище перевернутой лодки.

Светлело.

Через несколько часов — Ларс к тому времени был просто мокрым мешком с нечистотами — его подобрало пассажирское судно, из-за шторма слегка изменившее свой обычный курс.

...Лодки с гордым названием «Пофиг» с тех пор никто не видел. В яхт-клубе повесили на стенку фотографию Виктора в жирной черной рамке; Ларсу казалось, что эти щенки начинающие радуются. Они на самом деле были в восторге — от прикосновения к великому, страшному, к Свободе, к Смерти...

А почему нет, спрашивал себя Ларс, часами сидя над литровой кружкой пива. Почему я не мог спастись благодаря случайности? Ведь я пообещал Пандему не тревожить его своими просьбами! А он пообещал не откликаться, даже если потревожу! Почему я не мог случайно — совершенно случайно — спастись?!

Он рассказывал об этом Лил, и она верила. И другие тоже верили. Только переглядывались за Ларсовой спиной.

Ларс разыскивал файлы про древних мореплавателей и копировал оттуда истории о чудесных спасениях. Над ним смеялись почти открыто — так он всех заболтал этими своими рассказами...

А потом он как-то сразу перестал ходить в яхт-клуб и перестал встречаться с Лил. Поменял дом и всех знакомых, уехал в горы работать монтажником, был очень бледный, тихий и сосредоточенный. Стальной значок с надписью «Без Пандема» покоился на дне пруда.

Ларс знал, что Виктор, даже умирая, не просил Пандема спасти его.

ГЛАВА 18

Шурка Тамилов давно уже считал сон напрасной тратой времени: «перезагрузка» стала для него привычным делом. Две минуты глубокого транса — и полное обновление...

А теперь испытание нового, разработанного Шуркой узла оказалось под угрозой потому, что Александр Александрович Тамилов, ведущий инженер Черноморской платформы, спал беспробудно вот уже четвертые сутки. Время от времени — вот как сейчас — он вываливался из своего сна и несколько счастливых минут не мог вспомнить, где он и что произошло; потом счастье заканчивалось, он пытался совершить над собой усилие, встать и что-то сделать, но вместо этого снова засыпал.

«...Помоги мне собраться. Помоги мне думать о другом».

Молчание. Шурка и не ждал, что Пандем ответит. Чтобы Пандем ответил, надо подниматься, идти в беседку... А как интересно было поначалу — новая игра, «свидания» один на один в беседке, а в повседневной жизни чувствуешь себя совершенно автономным... Пандем был чертовски убедителен — человечеству вдруг позарез понадобилась самостоятельность...

Шурка перевернулся на спину.

Я тебя совершенно не понимаю, говорила три дня назад Вика, то есть Виктория Викторовна. Мне казалось, что ты сам не слепой и давно все понял...

— Я слепой, — сказал Шурка вслух.

Любые отношения рано или поздно исчерпывают себя, говорила Вика. Тебе кажется, что мы стоим на месте и держимся за руки, а на самом деле каждый из нас идет, идет по ленте... ленте эскалатора... рано или поздно разность скоростей становится непреодолимой. То, что нас связывает, — не любовь и не семейное чувство, это привычка, Шур. Если не веришь, спроси у Пандема.

Шурка посмотрел на свою ладонь. На тыльной ее стороне, выписанные фосфоресцирующей краской, светились цифры: ноль три четырнадцать. Пока Шурка смотрел, последняя четверка перетекла в пятерку. Ноль три пятнадцать.

— Помоги мне, — попросил Шурка тихо. — Помоги мне это пережить...

Молчание.

Амплитуда внутренней жизни, говорил когда-то Пандем. От эйфории к отчаянию и обратно. Неисправимого не бывает. Непоправимого не случается. Это опыт, это внутренняя жизнь, падая и поднимаясь, ты растешь...

Меня поздно воспитывать, говорил Шурка. Я уже взрослый.

Нельзя сужать амплитуду, говорил Пандем. Нельзя бежать от потерь — их и так осталось немного, и почти все они не фатальны... Расстояние от твоего глубочайшего отчаяния до твоего высочайшего счастья — территория твоей жизни; ты же никого не хоронил, Шура...

— Не хочу, — сказал Шурка вслух.

Если ты заглянешь в себя, говорил Пандем, ты поймешь, что источник твоего горя — не столько любовь, сколько обида. От тебя требуется волевое усилие, говорил Пандем; Шура, если ты взрослый — соверши усилие! Сделай внутреннюю работу!

Шурка провел языком по верхним зубам. В последние годы появилось много разработок в забытой было области связи: наушники и браслеты, устройства для имплантации, телезубы, например... Всякие подпорки для людей, слишком уж привыкших к Пандему. Кое-кто вообще не умел пользоваться традиционными хронометрами, например. Да что там — кое-кто печатный текст воспринимал с трудом...

В имплантированном динамике запели птицы — вызов; который час? Полчетвертого? Впрочем, все ведь знают, что Шурка никогда не спит...

— Шура? Это Ким. Что ты делаешь?

— Сплю...

— Спишь?! Ах да... Шура, я сейчас в беседке, Пан рассказал мне о твоих... о твоей беде.

— Да, — после паузы пробормотал Шурка. — И что?

— Я могу чем-то тебе помочь?

— Ты? Помочь мне может только Пан... Он не хочет.

— Малый... Перестань обижаться на Пана. Попробуй рассказать мне... снова поговорить... может быть, станет легче?

— Вика... — выговорил Шурка. — Виктория Викторовна третьего дня сказала, что наши с ней отношения себя исчерпали. Давно. И что пора привести форму в соответствие с содержанием... И что ребенку, кстати, в двенадцать лет уже практически не нужны родители... Что, ты не удивлен?

— Я давно заметил, что твои отношения с Викой...

— Себя исчерпали?

— Что Вика не относится к тебе, как раньше.

— Почему я сам этого не видел?

— Ты ее любишь.

— Ерунда. Вовсе нет. Она была моим другом. Я так думал.

— Как Юлька?

— На практике. Прислала открытку с хмурым таким ежиком. Ежик курит сигару и говорит: «Дело житейское»... Почему и Пан, и ты воображаете меня глупым обидчивым мальчиком? Да, я не могу так легко пережить... Это. Если бы Пан помог мне... чуть-чуть поддержал... спроси у него, Ким: кому на земле было бы от этого хуже?!

* * *

— ...А откуда наш визик знает, какая погода будет завтра? В нем тоже Пандем сидит?

— Это машина, — сказала Юлька Тамилова, не отрываясь от коробки с косметикой. — В нем нет никакого Пандема, это разные хитрые поля, лучики, электрончики летают...

— Не надо мне про электрончики! — возмутилась трехлетняя Ева. — Я сама тебе схему могу нарисовать! Ты мне только скажи, откуда он все знает: номера каналов, например...

Юлька уронила голову на руки. Ева действовала ей на нервы; прочие воспитанники младшей школьной группы, где Юлька проходила педагогическую практику, занимались кто чем — мирно синтезировали хлеб из реактивов детского набора «Юный пищевик», восстанавливали под микроскопом разбитую «игралку» или кормили кроликов. Одна только Ева, питавшая к Юльке особое расположение, не отходила от стола и не давала жить.

— Поставить тебе кино? — безнадежно предложила Юлька.

— Кино я себе и сама поставить могу, — возразила Ева. — Поговори со мной, пока мама не придет.

— О чем? Тебе не надоедает все время болтать?

— Не-а, — Ева помотала головой. — Слушай... А правда, когда ты была маленькая, Пандем с тобой разговаривал все время, а не только в беседке?

— Правда, — устало призналась Юлька.

— Вот было классно, — завистливо вздохнула Ева. — Я, вообще-то, просила Пандема, чтобы он со мной почаще играл... А он говорит, что я должна больше думать сама. А что я могу придумать сама? Вот я тебя спрашиваю, в визике Пандем сидит или нет, а ты не отвечаешь... А спросила бы у Пандема — он бы мне сразу четко сказал, да или нет, и все...

Юлька уныло смотрела в зеркало. Биокрем, делающий кожу темнее, действовал еще не в полную силу, но Юлька уже понимала, что его придется отменять. Ну не идет ей имидж негритянки... Попробовать золотистый оттенок?

— А как это было? — не умолкала Ева. — Когда Пандем сперва все время был с тобой, а потом сказал, что только в беседке? Ты, наверное, ужасно огорчилась, да?

— Ничего я не огорчилась, — сказала Юлька резковато. — Тоже мне потеря...

Ева смотрела на нее долго и внимательно. Потом тихо, без единого слова отошла; Юлька вытащила из коробки штамп-татуировку. Повертела в руках, положила обратно. Не миновать «ниже среднего» за практику. Ну и Пандем с ними — она все равно раздумала быть педагогом...

У экстремальной молодежи принято вживлять гибкие сенсоры. Многие делают вместо волос... Иногда красиво. Скажем, идет парень, а появляется девушка в его вкусе — волосы сразу дыбом, и искры бегают... Красиво, смешно. Потешно. Говорят, эта мода пришла из красного слоя. Наверное...

Половину ее группы забрали родители, половина перешла к вечернему воспитателю. Вэйра Георгиевна недовольно разглядывала Юлькин макияж. «Пусть смотрит, — подумала Юлька. — Наверняка сегодня же попрется в беседку и спросит у Пандема, почему он допускает такое падение нравов среди молодежи...»

Юлька рысью выбежала из ворот школьного комплекса. Прыгнула на транспортер, потом на другой, потом на третий; беседок вокруг было как грибов, но Юлька никак не могла решиться. Никак не могла...

Может быть, вот эта, большая, двухэтажная? Нет, лучше вон та, на углу, башенка с зеркальными окнами. Юлька потрогала дверь — никого нет; тогда она вошла — изнутри окна были витражные, непрозрачные — и уселась в деревянное кресло, обхватив себя за плечи.

«Привет».

Юлька обняла себя крепче. Подняла голову к плоскому экрану, с которого без улыбки смотрел знакомый — слишком знакомый... кто он ей? Человек?

— Пан, почему так? Пан, почему? Ты же их свел? Это же ты их свел почти пятнадцать лет назад — значит, они подходили друг другу? Ты же не мог ошибиться?

— Я не сводил их — я же не сваха! Они сами друг друга нашли... Но люди меняются со временем. Потому что они люди, а не камни какие-нибудь. Хотя и камни тоже меняются.

— Не верю. Как полет летящего камня — траекторию — можно высчитать, так и человеческие отношения... Зная все, что знаешь ты... Учитывая каждое событие в прошлом и будущем...

— События в будущем учитывать нельзя. Они не предопределены...

— А что такого случилось? Ни одного события в их жизни, которого ты не мог бы просчитать заранее... Рождение ребенка, ссоры с дедушкой Алексом... Работа... Ничего особенного...

— Тебе сколько лет?

— Двенадцать.

— А иногда мне кажется, что ты старше меня... Судя по твоим речам...

— Ничего смешного! Я не спорить к тебе пришла... Я вот что: соедини их заново. Я так хочу.

Пандем молчал. Смотрел.

— Значит, так, — сказала Юлька, и ей самой показалось, что внутри ее голоса прозвучал упрямый голос дедушки Алекса. — Или ты их снова соединяешь — ты можешь, я знаю...

— Они у нас люди или кто? Куклы?

— Они муж и жена! Они мои родители и должны жить вместе! Чего бы там им ни хотелось!

— От того, что они не будут жить вместе, они не перестанут быть твоими родителями...

— Пан, не мути воду... Ты меня любишь?

Тот, кто смотрел с экрана, мигнул.

— Да.

Сказано было коротко и кротко. У Юльки по спине пробежали мурашки: она сразу поверила. Как верила уже много раз.

— Пан... Милый... Послушай меня. Только послушай. Ты ведь можешь это сделать. Никому не будет хуже. Будет лучше! Пусть мама... Молчи! Я все знаю, что ты мне скажешь. Но это ведь особенный случай. Ты признай: я ведь особенный ребенок тоже... Другим хоть бы что, пусть их родители хоть на Полярной платформе... А я так не могу! Ну пожалей ты меня... Никто ведь не узнает, что ты отступил от своих этих проклятых принципов... Пожалуйста!

— Пятнадцать лет назад, — глухо сказал Пандем, — другая девочка... Она была чуть постарше. Хотела выйти замуж за твоего отца. Она его действительно любила. И говорила очень похоже... Только если бы я тогда «подсудил» ей, тебя бы не было, Юль...

— Если ты меня не послушаешь, — сказала Юлька тихо, — значит, я для тебя — ничто.

— Это неправда. Юлька, ты для меня очень многое. Ты — это часть меня. Тебе надо не темный и не золотистый, а наоборот, бе-

ло-розовый, очень светлый оттенок лица, и тогда ты сможешь хорошо менять цветовую гамму глаз...

Тот, что смотрел с экрана, протянул вперед руку; в руке было круглое зеркало, и Юлька увидела в нем свое отражение — со светящейся молочным светом кожей, с вишневыми выразительными глазами — тот самый эффект, который она тщетно пыталась отыскать в коробке с новейшей косметикой.

Юлька облизнула губы.

— Я знаю, каково тебе, — тихо сказал тот, что смотрел с экрана. — Твоим родителям не легче... Позвони отцу.

Юлька глубоко вздохнула. Тряхнула головой, будто сбрасывая наваждение:

— Я не понимаю. Нам троим плохо — почему ты не можешь сделать хорошо?

— Потому что ты человек и твои родители люди.

— А люди — значит, должны мучиться? Человек — это тот, кому плохо?

— Человек — это тот, кто обладает волей.

— А в моей воле отказаться от воли?

— У тебя очень сильная воля, ты не можешь от нее отказаться.

— Ты врешь, — сказала Юлька и испугалась собственных слов. Но потолок беседки не обрушился на нее, и мир вокруг не вывернулся наизнанку; она посмотрела в глаза тому, кто был по ту сторону экрана, и повторила теперь уже твердо: — Ты врешь! Либо в том, что меня любишь, либо в том, что не можешь ничего изменить!

Пандем молчал. Зеркало в его руке отражало некрасивую, красную от злости, с перекошенным ртом Юльку.

— Я для тебя всего лишь муравей на муравейнике, — сказала Юлька и снова услышала в своих словах дедовы интонации. — Если ты меня не послушаешь... я уйду от тебя. Я больше никогда с тобой не заговорю. Я стану «Без Пандема». Ты этого хочешь?

— Нет, — сказал ее собеседник быстро, даже слишком быстро, так, во всяком случае, Юльке показалось. — Я этого не хочу.

— Так вот это мое последнее слово! — сказала она и поднялась. — Даю тебе один день на размышление... Один день! Если завтра мама не позвонит отцу — я не скажу тебе больше ни слова, никогда! Понял?!

Экран погас.

Некоторое время Юлька оторопело смотрела на черный прямоугольник. Никогда прежде Пандем не уходил первым, никогда.

* * *

Арина Каманина любила свое утро. В восемь часов заводил песню будильник — негромкую, осторожную, прогоняющую сон моментально и напрочь. В восемь сорок она выходила из физкабинки голая, мокрая, горячая, ни о чем не думающая, кроме предстоящего завтрака с чашкой горячего тоника.

В девять ноль девять она открывала дверь беседки и ровно в десять минут десятого усаживалась перед железным зеркалом в серебряной раме. Сегодня, впрочем, она пришла на минуту раньше; села, положив подбородок на сплетенные пальцы, глядя на собственное отражение.

Для женщины на пороге пятидесятилетия она выглядела, пожалуй, идеально. Овал лица почти не изменился. Веки оставались упругими. Редкая седина в светло-русых волосах не старила, скорее, придавала шарм. Арина могла бы родить ребенка, если бы захотела.

— Доброе утро, Пан.

Зеркало потемнело. Вместо Арины в нем отразился Пандем — иногда ей казалось, что он такой же, каким был и пятнадцать, и двадцать, и двадцать пять лет назад. А иногда — что он изменился; во всяком случае, если бы отражавшийся в зеркале был человеком, она не могла бы определить его возраст.

Пандем кивнул. Ничего не сказал в ответ; это не была грубость. Арина откуда-то знала, что их утренние встречи — короткие — столь же много значат для него, как и для нее. Может быть, поэтому они говорили всегда мало.

Сперва она не верила, что Пандем приведет в действие свой план насчет беседок. Потом злилась. Потом впадала в отчаяние. Потом успокаивалась, поддаваясь на уговоры Пандема.

Потом — когда Пандем был уже только в беседках — она ничего не могла делать, ездила по городу внешне бесцельно, а на самом деле от беседки к беседке. Она прошла их все. И в каждой проводила не меньше часа; Пандем не упрекал ее и не стыдил, он прекрасно понимал, что это пройдет.

И прошло. Арина устала. А потом — привыкла.

Она могла бы сказать: Пан, мне не хватает тебя. Я признаю твою правоту: общаться с тобой ежесекундно я не должна, не могу, у меня атрофируется желание — и возможность — принимать решения, вообще чего-то хотеть... В моей теперешней жизни есть свои преимущества. Во всяком случае, каждое утро я просыпаюсь, зная, что увижу тебя через час и десять минут. И каждый ве-

чер я засыпаю, зная, что ты со мной всегда и что ты думаешь обо мне. И, в конце концов, я все равно говорю с тобой — по привычке, — хотя ты мне не отвечаешь.

...Ты боялся, что я разучусь жить с людьми? Смешно, Пан, с ними просто. Иногда слишком просто. Кроме того, во мне никто не нуждается. Во всем мире. Дети? Витальке двадцать пять, он ровесник твоего прихода... Ромке восемнадцать. Но Виталька хоть звонит иногда... Внуков нет... Оба не торопятся, зачем им это — семья, дети... Пан, знаешь, что мне кажется? Мне кажется, ты испугался собственного предназначения. Ты отступил от нас в угоду призраку, в угоду тени, видимой тебе одному.

А я нуждаюсь в тебе ежечасно. Я человек диалога. Вот люди монолога, такие, как Алекс, например, вполне могли бы общаться с тобой только в беседках. Еще эти беседки можно было бы построить на высоких гладких столбах, например... Чтобы, добиваясь твоего общества, они совершали столь милые их сердцу усилия — на грани возможного...

— Всегда с тобой, — сказал Пандем из глубины зеркала.

Арина улыбнулась. Кивнула.

— Может быть, Ким? — спросил Пандем снова — как показалось Арине, не очень уверенно.

Арина покачала головой:

— Я слишком ценю Кима, чтобы просто так жить с ним бок о бок. Отношения между мужчиной и женщиной предполагают некую разность потенциалов... Направленное действие — завоевание, например. Попытка дотянуться. Или, наоборот, опека... попытка подтянуть к себе... Пан, мне совершенно не нужен *один* мужчина рядом. Каждый день я вижу много мужчин, любой из них устраивает меня как собеседник. Голая физиология — не причина, извини, чтобы поступать наперекор собственной природе, гормональные проблемы решаются иначе... Может быть, ради интереса переселиться, пожить в чужом слое? Ощутить себя чужачкой, испытать одиночество, сбить коленки в поисках понимания?

— Ты, кажется, только что иронизировала насчет голых столбов и усилий на грани возможного...

— Ты прав.

— Спроси себя — зачем я тебе нужен?

— Что за странную, извращенную привычку ты пытаешься мне скормить... Какой смысл говорить с собой? Спрашивать, заранее зная ответ? А не зная ответа — зачем спрашивать?

— Это вполне человеческая привычка — разговаривать с собой. Задавать вопросы.

— Ты намекаешь, что я не вполне человек?

— Ты знаешь, на что я намекаю.

— Я симбионт, — Арина подняла руки, убрала с плеч волосы. — Мне нравится быть твоим симбионтом, Пан. Ты — мой мир, упорядоченный, устойчивый, доброжелательный мир, от которого я не намерена отказываться ни под каким предлогом... В конце концов, я плачу тебе любовью за любовь — что в этом странного?

* * *

— Ма, я хочу пожить в красном слое, — голос Юльки транслировался специальным устройством во внутреннее ухо Виктории Викторовны. — С пацанами едем через полчаса.

— Ты никуда не поедешь, пока я не поговорю с Пандемом, — привычно отозвалась Вика.

— Я с ним говорила пятнадцать минут назад! — теперь в голосе дочки было раздражение.

— А школа?

— А что, в красном слое школы нет?

— Поезжай, — сказала Виктория Викторовна. — Можешь вообще не возвращаться. Можешь поселиться там, в красном слое, там тебе самое место. Будешь боксершей.

И чуть сильнее сжала зубы, разрывая связь. До ее собственной встречи с Пандемом оставалась еще гора работы, которую, кроме Вики, никто не сделает; конечно, дети теперь взрослеют быстро, но не до такой же степени! Помнится, в Юлькины годы она была...

А что, собственно, она делала в Юлькины годы? Ну, играли в оборону Трои... Слушалась родителей? Вряд ли. Вопрос, слушать или не слушать родителей, был особенно актуален в допандемные времена: иногда от его решения зависела судьба и часто — жизнь...

А ведь мы были куда более инфантильны, чем они, подумала Виктория с удивлением. Играющие мальчики и девочки — с утра до ночи. Учились, играя, любили, играя, и вот доигрались...

Следующая мысль должна была быть очень неприятной, но Виктория Викторовна умело ее отогнала.

Она успела распланировать еще полтора цикла, потом перекрыла энергию и вышла под зеленоватое — в это время дня сол-

нечные лучи автоматически фильтруются — небо. В кафе на углу сегодня работали дети — полуголая девочка-африканка с серебристой высокой прической и мальчик Юлькиных лет, смуглый, бритый наголо, с приклеенной к затылку «игралкой». Надо же, подумала Виктория Викторовна. Нормальные дети, вот работать им интересно...

Мальчик — у него на лбу было выведено имя, Юрчик — тут же набросил ей меню. Вика ткнула пальцем во флажок — букву своего вкуса, долго разглядывала цветные таблицы, по которым следовало самому составлять формулу синтеза; вздохнула, щелкнула крышечкой. Юрчик стоял перед ней, ритмично покачиваясь — вероятно, «игралка» его развлекала, транслировала в подростковый мозг неведомые посетителям ощущения, образы...

— Что бы ты посоветовал мне на «би»? — спросила Вика с не вполне уместной улыбкой. Пандем уверял — и ей самой иногда казалось, — что с детьми следует разговаривать без сюсюканья. Но сладковато-игривая интонация прорывалась сама собой.

— Спросите Пандема, — Юрчик дерзко улыбнулся в ответ. Вика подумала, что Пандем, вероятно, надает наглецу по ушам в ближайшую же встречу в беседке.

— Пандем просил передать, что ты сделаешь это лучше, — сказала Вика уже серьезно. Юрчик смутился — сообразил, видимо, что ляпнул лишнее. Покраснел, шлепком выключил «игралку» на бритой голове:

— Можете заказать зеленовато-желтый Фа. Для «би» в июле, в полтретьего дня — нормальный комплекс. И красное вино, если хотите.

— Хорошо, — сказала Вика, и Юрчик удалился. Вика пожалела, что разговор у них получился дурацкий, и доверия теперь не выйдет — а она хотела спросить этого симпатичного, в общем-то, пацана, что за сила заставляет его работать летом в кафе, когда можно, например, рвануть с друзьями в красный слой, и никто из взрослых не сможет тебя остановить...

А можно и вовсе спросить его, зачем официанты в кафе, где достаточно просто ткнуть пальцем во флажок и вытащить поднос из автомата. А Юрчик, слегка обидевшись, ответил бы, что, во-первых, это не так-то просто, а во-вторых, у него здесь психологическая практика, человек, приходящий в кафе, желает встретить тут тоже человека...

Вика потерла переносицу. Общая проблема — бесконечные внутренние диалоги. Пандем, уходя, оставил лакуну; ее приходится забивать всяким мусором, вроде вымышленных разговоров

с бритым Юрчиком-официантом. Кстати, откуда традиция писать имена на лбу? Оттуда же. Никому неохота слушать, как к тебе обращаются просто «мальчик»...

Юрчик молча принес заказ; зеленовато-желтый Фа состоял из трех блюд и в самом деле был вполне «нормальный», как выразился мальчик. Вино проскользнуло внутрь бесследно, как прохладная вода; не почувствовав тяжести, Вика поднялась из-за стола, кивком поблагодарила Юрчика и направилась к транспортерам.

Любимая беседка Виктории Викторовны была выстроена в парке — ее нелегко было найти, если не идешь на встречу с Пандемом. Каменная башенка в зарослях каких-то экзотических лопухов высотой в человеческий рост; Вике пришлось пригнуться в дверях.

Внутри было темно. Сверху, из окошка в потолке, падал круглый луч зеленоватого солнца. На бесформенном кресле можно было сидеть, а можно было лежать; экрана не было. Вика терпеть не могла беседки с экраном.

Она легла на спину. Вытянула руки над головой. Потянулась. Сладко хрустнули суставы.

— Где она сейчас?

«В красном слое, в тамбуре. Решают проблему, чем будут платить за переход».

— Ну, что ее ждет? Ее там унизят? Совратят? Обругают?

«Перестань. Пошатается по местным достопримечательностям, посмотрит гладиаторские бои... Ты знаешь, подлинные асоциалы живут в глубине. На поверхности — сплошь экскурсоводы. Им интересно жить за счет туристов».

— Главный вопрос... Они туда поперлись только из любопытства или?..

«Никаких «или». Ей не о чем разговаривать с тамошними аборигенами. Ну и она, прости, слишком деликатная, чтобы реализовать себя в красном слое».

— Ну и слава богу, — Виктория Викторовна села, нащупала сигарету в кармане, щелкнула пальцами, закурила. — Что Шура?

«Плохо».

— Ну так помоги ему! Пандем ты или кто?

«Он сам».

— Тем лучше, — Виктория Викторовна смотрела, как тает дым в зеленоватом солнечном столбе. — Юрчик подкинул зеленовато-желтый Фа... Что могло быть лучше?

«Юрчик взял высоко. Вся желто-зеленая гамма, но ниже.

Впрочем, разница в таких нюансах, что твой язык и не уловил бы...»

Виктория Викторовна хмыкнула.

ГЛАВА 19

На третье утро после своего восьмидесятивосьмилетия Андрей Георгиевич Каманин заплыл на далекий остров, вот уже несколько лет служивший ему беседкой.

Зеленый берег казался совсем близким, хотя вплавь до него было полтора часа пути, если быстро, и два с половиной, если медленно. На острове не было ничего, кроме камней; правда, камни будто пытались скрасить разочарование случайного робинзона таким разнообразием форм и расцветок, что Андрей Георгиевич, хоть и мог обойти остров по периметру за три минуты, хоть и бывал здесь раз сто — не уставал находить новые «скульптуры» и удивляться новому рисунку на облизанных морем сколах.

— Мне восемьдесят восемь. Я прожил почти вдвое больше, чем мой отец.

«Ты плохо себя чувствуешь?»

— Наоборот... Я чувствую себя лучше, чем когда мне было пятьдесят. Мне постоянно чего-то хочется — двигаться, жить... Я планирую работу на пять лет вперед... Вот этот план меня и беспокоит, Пан.

«Ты боишься?»

— Что, если я попрошу тебя не дать мне умереть? Нет, погоди... По-другому... Сколько стариков и старух из тех, что умирают ежегодно... Сколько из них просят тебя сохранить им жизнь?

«Андрей...»

— Я догадываюсь — они просят все. С точки зрения любого человека — это свинство, что он должен умереть. Земля не обеднеет, если кто-то один поживет еще хотя бы лет десять. У всех дела, у всех работа... У лентяев — удовольствия... Это затягивает, день за днем, год за годом... Когда третьего дня мне исполнилось восемьдесят восемь — да я холодным потом покрылся, Пан!

«Ты будешь жить еще долго, я тебе обещаю. Минимум до ста».

— Мы, наше поколение... Может быть, последние из тех, кто помнит мир, каким он был.

«Ты преувеличиваешь. Твои дети тоже помнят».

— Да, да... Наверное. Я не о том. Мы утешаем себя: я сделал... построил... оставил... написал... это не умрет, когда я умру. Мои дети родят внуков, а они — своих детей. Они будут похожи на меня. Они будут меня помнить. Я не умру...

«Но это в самом деле так».

— Тебе легко говорить, Пан... Извини, я сумбурно... Видишь ли, когда человек медленно угасает, вот как мой отец... особенно если ему при этом нет и пятидесяти... это ужасно. Но я чувствую себя слишком нужным, слишком сильным, как бы сформулировать... Я привык жить, Пан. Похоже будет... Это будет похоже на убийство. Ты меня убьешь.

Андрей Георгиевич замолчал. Две чайки медленно прошли над его головой — два силуэта с неподвижно распростертыми крыльями.

— Я не решился бы всего этого тебе сказать на берегу. Я три дня собирался, чтобы все это тебе сказать.

«Я знаю. Андрей, всякий раз, когда кто-то умирает — я умираю вместе с ним. Если ты видишь меня смертью с косой, аккуратно подкашивающей старую траву...»

— Нет, Пан. Нет, что ты.

«Знаешь, какое оптимальное отношение человека и смерти? Человеку приятно знать, что смерть есть, но к нему и его близким она отношения не имеет. В мире без смерти человеку скучно. В мире, где смерть вездесуща, человеку страшно».

— Ерунда. Мир без смерти больше всего устраивает человека. Ты сам говорил.

«Да, я говорил... Помнишь, как ты с Ромкой? Он был еще маленьким? «На него она взглянула, тяжелешенько вздохнула, восхищенья не снесла и к обедне умерла».

— Не помню, — признался Андрей Георгиевич. — Черт, не помню... столько всего было...

«Шуркина свадьба. Ты читал Ромке сказку».

— Нет, не помню... Жаль. Пан... Ты все помнишь? Каждую секунду из моей жизни?

«Да».

— Могу я тебя попросить... В последние минуты напомнить мне что-то... по-настоящему ценное?

«Ах, Андрей, у тебя какой-то похоронный психоз, все из-за этой дурацкой идеи воткнуть в пирог восемьдесят восемь свечей»...

— Пообещай мне, Пан. Пожалуйста.

«Бог с тобою, золотая рыбка... Если тебе так хочется — пожалуйста, обещаю».

* * *

Пять лет назад Алекс Тамилов узнал, что Пандем позволил смерть. Необходимость этого — и готовность к этому — зрела год за годом; Алекс был одним из тех подвижников, кто день за днем, ничего не боясь и ни на что не надеясь, подталкивал Пандема к этому шагу.

Когда стало известно, что группа альпинистов-экстремалов (два парня и девушка), некоторое время назад шумно объявившая себя «без Пандема», в полном составе погибла на подступах к какому-то пику, не такому уж и сложному для восхождения — Алекс впервые за много лет узнал, что такое настоящий шок.

Он нашел в себе силы выйти в эфир и сказать всем, кто ему верил, что это не глупая смерть, как считают многие. Что это не идиотская смерть и не самоубийство — это подвиг человеческого духа. Будучи смертным, все равно идти вверх — достойно человека. Все умрут, сказал тогда Алекс. Важно — *как* умрут...

Алекс получил тогда много ответов, и самых разных. Большая часть респондентов предлагала Алексу взять собственного сына и отправить его в какое-нибудь восхождение «без Пандема». Послания были очень эмоциональны, но Алекс не удивлялся. Ну и не обижался, разумеется.

Внутри — в душе — он был потрясен не меньше, чем все эти возмущенные люди. Потрясение обернулось первым за многие годы разговором с Пандемом.

— Они что, долго умирали? Просили тебя о помиловании?

«Нет. На них сошла лавина. Они почти ничего не успели».

— Почти?

«Парни вспомнили обо мне. Девочка вспомнила о матери».

Алекс сидел на неподвижной карусели посреди пустого — пять утра! — парка развлечений. Серебряные грави-гондолы на страховочных цепочках свисали, будто щупальца дохлого осьминога.

— Ты мог удержать лавину?

«Она *должна* была там сойти в тот момент согласно естественным законам».

— Ты мог удержать лавину?

«Мог».

— Тогда почему?..

«Я пообещал им, что не стану принимать участия в их судьбе ни при каких обстоятельствах».

— И не мог нарушить обещания?

«А кем считают тех, кто нарушает обещания?»

— Значит, ты вернул смерть...

«Я ее не отменял... То, о чем ты говоришь, — всего лишь право попасть под лавину. И только для тех, кто действительно этого хочет».

Алекс подумал о Шурке. Они давно не общались. Жили как чужие люди.

— Значит, я был прав. Ты признал мою правоту. Ты — пусть косвенно — признал мою правоту, Пандем...

«Три трупа — зато ты прав».

Алекс ударил кулаком по серебряному борту. Гондола качнулась в воздухе.

«Да, Алекс. Человеческая личность, оказывается, реализует себя иногда непредсказуемыми путями... Теперь у них есть эта возможность — не просто карабкаться на гору, не просто кататься на волнах, не просто лететь за ветром... А радостно сознавать, что на этом пути они могут сдохнуть. А за ними, наркоманами риска, идет армия подражателей и поклонников — тех, которым риск сам по себе не нужен, но которым желательно позерствовать, производить впечатление, которым нужно выглядеть особенно, пусть даже в собственных глазах... Кстати, еще месяц назад твоя внучка ругала меня на чем свет стоит за то, что я не запрещаю охоту. Она не понимает, видите ли, что за мотив движет взрослым мужчиной, убивающим живое существо ради развлечения... Диапазон, Алекс. У Юльки нет органа, чтобы понимать это. Но я-то понимаю и тех, у кого такой орган есть...»

— Значит, ты вернул смерть.

«Я давно с тобой не спорю».

Тогда, пять лет назад, посреди пустого парка на неподвижной карусели, Алекс ощутил вдруг себя пустым и старым. Это было новое чувство — до того им владела попеременно то жажда действия, упругая, как проволочный чертик, а то вдруг тоска, гнущая к земле и выжирающая внутренности; обе были привычны, обе обладали, в общем-то, созидательной силой, и сменяли друг друга ритмично, как день и ночь. Новое — пустота — заставило Алекса поднять глаза к луне и в ужасе воззриться на белый диск, давно заселенный энтузиастами.

— Зачем мне жить, Пандем?

«Не мое собачье дело. Думай сам».

...После того разговора прошло пять лет; Алекс жил, как улитка в раковине, брезгливо отстранившись от окружающего мира. Ему не раз и не два предлагали снимать боевики: по всему миру не угасала мода на визео-катастрофы, визео-потрошилки, визео-костедробилки. Алекс отказывался; единственным человеком, с кем он хотел и мог общаться, оставалась Александра — вечно занятая, ироничная и прохладная, своя до кончиков ногтей, понимающая Алекса куда лучше Пандема — так, во всяком случае, ему казалось, — но не лезущая в душу, не желающая менять ни Алекса, ни окружающую жизнь.

А жизнь опять менялась; сидя в своей скорлупе, он замечал это всегда с опозданием. Спохватился, когда оказалось, что так называемые беседки уже давно и естественно вписались в городской ландшафт. Что с Пандемом уже никто не говорит «потоком» — только «встречами» в беседках. Что дети на улицах стали куда свободнее в выражениях... и осторожнее в поступках... во всяком случае, трехлетние малыши уже не болтаются на веревочных лестницах в двадцати метрах над землей, но спокойно возятся в песочнице под присмотром нянек...

— От Шурки ушла жена, — сказала Александра в одно прекрасное утро.

Алекс спросил себя, что он чувствует по этому поводу, — и обнаружил, что ничего. Люди давно живут вполне автономно: вместе, порознь — какая разница. Нет ни экономической, ни психологической, ни социальной надобности для существования семьи: сошлись, разбежались...

— Хотела с тобой поговорить, — сказала Александра. — По поводу Юльки.

— А что с ней? — спросил Алекс по инерции.

— «Без Пандема», — сказала Александра с такой выразительной интонацией, что он понял сразу. Без дополнительных расспросов.

* * *

Кимово зерно проросло.

Это была победа. Это был праздник, искупающий длинные месяцы неудач. Первое живое зерно, сконструированное Кимом, было размером с его голову и весило сорок килограммов. Это, нынешнее, было размером с родинку на предплечье Арины...

Он отвлекся всего на секунду.

Объемный экран микроскопа воспроизводил каждое деление каждой клетки. Механизм, вложенный Кимом в мелкий кусочек материи, работал так, как хотел того Ким. Поощряемое специальным режимом внутри «колбы», развитие шло в сотни раз быстрее, чем это бывает в природе. То, что вырастало из зерна, не было ни растением, ни машиной — и одновременно было тем и другим. Ким знал, что если высадить зерно на поверхность планеты с заранее известными характеристиками и оставить там без присмотра — через время, сравнимое с человеческой жизнью, растение-машина, размножившись, создаст на планете атмосферу с заранее заданными, опять-таки, характеристиками...

Он вышел на балкон, спиралью обвивающий башню лаборатории. По перилам шел кот; Ким закурил, не чувствуя вкуса сигареты.

— Ким?

Сперва ему показалось, что его окликнули из-за спины. Только секундой спустя он понял, что это вызов по телефону.

— Кто?

Умная машина, вмонтированная в его челюсть, нарочно говорила голосом, резко отличающимся от Пандемового. Ким сам так захотел.

— Виталий Кимович Каманин.

— Да.

Пение птиц.

— Папа?

— Привет. Что-то случилось?

— Нет, все в порядке.

— Как мама?

— Мама? — короткая растерянная пауза. — Нормально. Я ей сейчас тоже позвоню... Что у тебя? Как дела?

— Отлично. Я прошел в экипаж.

Ким не сразу понял:

— Очень хорошо. Молодец. В какой экипаж?

— В первый экипаж. В состав Первой Космической. Это точно.

— Погоди, — Ким облокотился о перила; наклонные, они скользили, Кима тянуло вниз. — Погоди... Ты же не говорил мне, что собираешься в экипаж!

— Здрасьте. Я тебе говорил, по-моему, с раннего детства. Как и маме.

«Пан!!»

Тишина.

— Виталя, нам надо встретиться, — сказал Ким. — Сегодня. Ты можешь?

— Сегодня никак, что ты... Прости, никак...

— Завтра? Когда? Нам надо поговорить. Немедленно.

— Ну, может быть, завтра... Пап, по-моему, ты как-то не так понял.

— Завтра, — сказал Ким. — С утра. Я к тебе прилечу.

* * *

— Что ты будешь пить? — спросил Алекс, скрывая неловкость.

— Пиво, — сказала Юлька.

На ней была намотана какая-то облегающая тряпка, эластичная, посверкивающая при каждом движении. С точки зрения Алекса, носить такое было бы очень неудобно. С точки зрения Алекса, подростковую грудь следовало бы прикрывать тщательнее. И огромные сапоги, размером с доброе ведро каждый, по мнению Алекса не вполне подходили к сезону.

Он отошел к столу заказов и добыл для внучки литровый пробковый бочонок; Юлька откупорила его явно со знанием дела. Ничего, сказал себе Алекс. Предоставим Пандему устраивать ребенкин метаболизм... Дети охотно пьют взрослую гадость, но кто хоть раз видел, чтобы дети пьянели?

Юлька сидела в «плавающем» кресле, Алекс стоял перед ней и не знал, как себя вести. Ворчливо-покровительственно, как дедушка с внучкой? Весело-игриво, как видный мужчина с юной особой? Сдержанно-строго, как взрослый с полузнакомым ребенком?

В последний раз они разговаривали лет шесть назад. Половина ее жизни.

— Ты удивлен, что я к тебе пришла? — спросила Юлька, своим небрежным «ты» задавая интонацию беседы.

— Да, — сказал Алекс, подумав. — Наверное, я не очень хороший дед...

— Может быть, — жестко заметила Юлька. — Но мне все равно, какой ты дед. Я к тебе с вопросом.

Алекс подтянул другое такое же кресло (магнитная подушка; кажется, что кресло парит в воздухе). Уселся. Сцепил пальцы:

— Ну?

— Как вы жили без Пандема? — спросила Юлька и недобро блеснула фосфоресцирующими (новомодные линзы!) глазами.

— Хороший вопрос...

Юлька сидела перед ним, натянутая как струна. Непонятное существо, чьих мыслей Алекс не мог себе представить. Кажется, она очень изменилась, превратившись из ребенка в подростка. Кажется, прежде она была куда мягче. Впрочем, он никогда ее толком не знал. Не интересовался ее судьбой.

— Я не уверен, что знаю, как тебе ответить, — сказал он наконец. — Скажи, что ты хочешь услышать?

Она отвернулась. Закусила губу:

— Ничего не хочу услышать, кроме правды... Как вот ты, дед, жил без Пандема? Особенно когда тебе было двенадцать лет?

— У меня были друзья, — начал Алекс. — Я учился в школе... Если мы не понимали друг друга, мы дрались... Или расставались... Или искали общий язык... У нас были учителя, иногда очень плохие... Сейчас просто не бывает таких анафемски плохих учителей... И потом, ведь у нас были родители...

— А! Родители, — Юлька вскинула голову, жестко заколыхались цветные волоски-сенсоры, вживленные у висков.

— Да, — быстро сказал Алекс. — Мы тоже искали с ними общий язык... Часто не находили... Я, например, приносил своим одни неприятности. То есть я теперь это понимаю... Мир был... по-своему прекрасный... У меня друг погиб в двадцать лет, на войне... Жили, как крысы. Сильный — закогти... Ногами — упавшего... Вот черт, ничего почти не вспоминается. Как мы с приятелем в тринадцать лет ракеты пускали на Новый год... Как мать положили на операцию... Плохо помню... Юлька, ты думаешь, что Пандем в чем-то перед тобой виноват?

Она оттолкнулась ногами от стены; кресло медленно проплыло через всю гостиную, мимо свисавших с потолка лиан, остановилось перед серым экраном визора.

— Нет.

— Тогда почему...

— Потому! — она поднялась. — Только не надо мне рассказывать... Пандем то, Пандем се... У меня был друг, который меня предал. Лучший друг! Кому после этого верить?

— Ты уверена, что он...

— Уверена! Потому что, если бы я была Пандем, а он — Юлька, я бы все для него сделала!

— Поэтому-то ты не Пандем, — сказал Алекс печально.

— Я знаю, ты искал способ, чтобы его убрать, — деловито сказала Юлька. — Убить.

— Ты что?!

— А-а, даже ты пугаешься... Всем теперь страшно такое представить... А между прочим, тысячи людей живут «без Пандема»! Миллион почти... Не хочу я убивать Пандема. Мне просто так хреново без него... Такая пустота... Он это знает. Он думает, я к нему на коленках приползу. А я не приползу! Так и скажи ему, когда будешь в беседке... Ты ведь в беседку ходишь, как все?

За окном — где-то неподалеку — оптимистично запел петух.

— Ты была в красной зоне? — спросил Алекс.

Юлька мрачно кивнула:

— Живут, как свиньи. Некоторые беспандемные... А остальные — почти все, накинь! — притворяются беспандемными для фонту... Ничего, живут. Говорят, что счастливы. А мать велела мне вообще там оставаться. Была бы послушной девочкой — нашла бы себе стояка в красной зоне... Любофф... Гоняли бы вместе на веерах...

Алекс вдруг напрягся. Будто облачко, будто тень угрозы, видимая боковым зрением, проплыла по краю его сознания. Гонки на веерах...

— Погоди. Ты что... Ты понимаешь, что беспандемный человек может умереть? Вот так, свалиться на землю и превратиться в фарш? Ты понимаешь это?

Юльке, кажется, понравилась его тревога:

— Ага. Пан... *Он* мне все подробненько расписал. Что со мной будет, если то, что со мной будет, если се... Рассказывал о ребятах, которые уже навернулись. Только, дед, жили же как-то люди до Пандема... Вот ты жил. И ничего, не помер...

Алекс молчал.

— Ничего ты мне не сказал, дед, — Юлька отвернулась. — Можно, я тебе звонить хоть буду? Надо же мне с кем-то говорить... Если не с Паном... То хоть с тобой буду, можно?

* * *

Луна в этих широтах была низкая, большая и какая-то пристальная. Искорки лунных станций, прекрасно различимые на ее темной стороне, не могли развеять ощущения той первобытной жути, которую Ким испытал впервые в детстве, глядя на Луну в самодельный телескоп.

Виталька был поджарый, загорелый, в отличной форме. Виталька и на работе, и после работы ходил босиком; Ким откуда-то знал, что подошвы ног у него мягкие и нежные, без рубцов и натоптышей. Покрытие платформы действительно отличалось от

тех деревенских дорог, по которым ходила босиком Кимова бабка, после чего ее ступни становились как подметка кирзового сапога...

Вот что такое эти новые покрытия. Не синтетика, но растение с тончайшими зелеными волокнами, способное прорастать на сколь угодно гладкой поверхности, горизонтальной или вертикальной. Антибактериальное действие. Терморегуляция. И, что немаловажно, полная беззащитность при встрече с «традиционной» земной растительностью: «коврик» отступал, капитулировал перед лицом даже газонной травки, не говоря уже о пырее...

Виталька молчал. Ким смотрел вниз, на море огней, на транспортеры, с разной скоростью несущие в разные стороны разные смены работников; он много раз повторял про себя все то, что надо было сейчас сказать этому полузнакомому крепкому мужчине. Повторял, уже прекрасно понимая, что, будучи произнесенными вслух, слова окажутся или банальными, или неубедительными, или — не приведи Пандем — пошлыми.

Почти над их головами проплыла гондола — не то прогулочный катер, не то грузовая баржа, в темноте не разобрать. Закрыла луну; по очертаниям вроде бы грузовик. Уплыла на север.

Платформа под ногами чуть заметно вздрогнула — раз, потом еще раз.

— Ты приехал, чтобы меня удержать? — спросил Виталька.

Ким сам не знал сейчас, зачем он приехал.

Он мог бы сказать: я твой отец. Я дал тебе жизнь, которой ты сейчас так жестоко распоряжаешься. Пандем не может давать человеку вторую жизнь.

Тогда Виталька, наверное, напомнил бы, сколько лет он к своей цели шел. Как не прошел первый отбор, как из кожи вон лез, лишь бы войти в форму ко второму отбору... как тренировался и учился годами. И добавил бы, что этот полет нужен прежде всего ему, а не Пандему и не человечеству.

Тогда Ким ударил бы ниже пояса и сказал, что ради своих фантазий Виталька навсегда бросает мать, отца и брата. А Виталька сказал бы, что за мать с отцом и тем более за Ромку он совершенно спокоен — они ведь остаются с Пандемом. А Ким сказал бы, что это ненормальное состояние для человека — быть совершенно спокойным за родителей...

Тогда Виталька, наверное, спросил бы: а на что, по-твоему, следует тратить жизнь? А на что уходит твоя? Разве ты не сидишь в лаборатории с утра до ночи? Разве ты не впадаешь в экстаз от

каждой новой колючки у какого-нибудь механического кактуса? Когда, спросил бы Виталька, когда ты в последний раз видел маму? И почему ты думаешь, что распорядился своей жизнью правильно, а я — я выбрать для себя не способен?

И все эти вопросы повисли бы в воздухе; Ким ответил бы... Неважно, что бы он ответил. Потому что разговора все равно не будет — будет молчание под жутковатой луной, и каждый из них проживет весь этот диалог снова и снова — внутри себя, не разжимая губ...

— Хотел бы я когда-то разобраться в ваших отношениях с Пандемом, — пробормотал Виталька. — Одно время мне казалось, что ты — самый близкий ему человек на земле...

— А теперь что тебе кажется?

— Теперь? Ничего... Почему ты не попросишь у Пандема совета, как помочь маме? Почему ты не выслушаешь его... насчет экспедиции? Что вообще между вами происходит?

Ким молчал.

— Ты перестал ему верить? — снова спросил Виталька.

— При чем тут вера, когда речь заходит о Пандеме?

Сын пожал плечами. Ким узнал собственный привычный жест.

ГЛАВА 20

Мир вокруг маленькой церкви с синим куполом изменился за пятнадцать лет.

На месте бывшей стройки теперь покачивался сосновый лес, и каждое дерево — здоровое, сытое — казалось мачтой под зеленым парусом. Внизу, под лесом, была автоматическая фабрика, и крупная транспортная развязка, и узел коммуникаций; сверху летали дятлы, вились по стволам белки да паслось (в траве, а не в кронах) небольшое стадо диких коров.

Вдоль церковной ограды по-прежнему росли вишни. На месте одряхлевших и срубленных стояли теперь молоденькие, трогательно-беззащитные в сравнении со старыми, циничными, видавшими виды корявыми стволами. Был конец лета, и вишни стояли, высоко подняв легкие, свободные от ягод ветки.

— ...Я говорил об этом буквально вчера с одним человеком, — неторопливо рассказывал отец Георгий. — «Великими страданиями надлежит вам войти в Царство божие»... Он с этим ко мне и пришел. Дело совсем не в том, что так написано в Библии. Дело

в том, что эти строки отражают реалии духовного роста, «учебником» которого и является Библия... Он, мой вчерашний собеседник, говорил: я не знаю никого, выросшего вне страданий. Он говорил: я сам расту страданиями. На его взгляд, страдание есть неотъемлемый атрибут качественного скачка в развитии человека. С «плато» текущего уровня человек должен подняться на «пик» следующего. Именно страдания и возносят его на этот пик... Никакого богословия, сплошная диалектика...

Они шли по церковному садику — вдоль ограды. За пятнадцать лет отец Георгий мало изменился; перестал носить очки без диоптрий да чуть длиннее отпустил бороду. Вот, собственно, и все. «Неужели и я изменился так же мало? — думал Ким. — Кажется, полжизни прожил, кажется, поумнел... Или поглупел?»

— ...Развитие — оно скачкообразное, не плавное. Простым накоплением опыта и его осмыслением не поднимешься над собой. Нужен катализатор, фермент, который даст необходимый рост качества над простым количественным накоплением. И страдание — и есть этот катализатор... Вот и получается, что нельзя освобождать человеков от страданий. Это регресс...

— Я работал в онкологической клинике, — сказал Ким. — Страдание отвратительно.

— Понимаю...

— Отвратительно. И способно вывести как вверх, так и... в пропасть...

Его собеседник вздохнул:

— Ким... У вас ведь не просят вашего сына в жертву.

— А я не жаловаться приехал... Отец Георгий, все, что до сих пор сделал Пандем, — благо для человечества... Вы не согласны?

Священник молчал.

— Мы привыкли к нему, но не поняли его, — снова сказал Ким. — Он порожден человечеством? Но групповой портрет того человечества, которое я знал, выглядит иначе...Что послужило толчком? Через какие фильтры проходила информация? Если Пандем — проекция человечества, то — на что?

— Мне кажется, — сказал отец Георгий, — что вы, Ким, начинаете сомневаться в благости Пандема, когда ваши собственные интересы становятся для вас важнее Пандемовых.

Сделалось тихо. Ким глядел на бежевого кролика, что-то искавшего в траве под оградой.

— Отец Георгий... Пандем обладает душой?

Священник молчал.

— Если он способен страдать, а мы теперь лишены страда-

ний... Значит ли это, что он находится на пути духовного роста, а мы нет? Что он более человек, чем каждый из нас?

Кролик под оградой вдруг замер, прислушиваясь, прыгнул — и исчез. Качнулись высокие стебли.

— Ах, Ким, — отец Георгий покачал головой. — Говоря о мире без страданий, тот мой собеседник очень ошибался... Страданий нет? А чем вы, по-вашему, сейчас занимаетесь?

ГЛАВА 21

Автострада обрывалась здесь, будто отрезанная лазерным лучом. Дальше тянулась бетонированная дорога; Ким давно уже не видел бетонки, но эта была хороша, без трещин, без выбоин. На невидимой границе, справа от дороги, стоял старинный дорожный знак — круглый, навроде «Проезд запрещен». «Мобили оставляйте здесь», — было написано красным на белой жести.

На парковке стоял один только, в два раза меньше Кимового, трехместный «Путник». Ким взял из багажника сумку и двинулся по бетонке; ощущение было такое, будто он вернулся в детство. Справа и слева были поля, от которых он давно отвык, а под ногами дорожное покрытие, одновременно и надежное, и архаичное, и ужасно неудобное после ставших привычными биоковров. Сколько лет они живут вот так? Четыре, пять? Обустроились серьезно...

Поселок был новенький. Дома — в основном кирпичные, редко — деревянные, крашеные. Над каждой крышей — труба и универсальная антенна. По крайней мере, от информации они не отказываются, подумал Ким.

Первыми ему встретились две женщины на велосипедах. Переглянулись:

— Эй! Вы кого-то ищете?

— Быстова, — сказал Ким.

— Он у себя, — сказала та, что помоложе, полная, с некрасиво затянутыми на макушке длинными волосами. Та, что постарше, в кепке, с сомнением выпятила нижнюю губу.

— Это где? — спросил Ким.

Обе некоторое время разглядывали его, будто он заговорил по-китайски или неудачно пошутил. Наконец та, что помоложе, махнула рукой вдоль улицы:

— Туда.

И Ким пошел.

Улица вывела его на площадь — по-видимому, поселок строился по старому традиционному образцу. Самый большой дом на площади был четырехэтажный, с круглой башенкой и действующими цифровыми часами; Ким ступил на площадь ровно в пятнадцать четырнадцать.

Дверь в ратушу была закрыта на кодовый замок. Киму снова вспомнилось: такие, или похожие, охраняли двери многоэтажек в год пришествия Пандема...

Он позвонил.

— Кто вам нужен? — спросили из динамика.

— Сергей Быстов.

— Кто вы?

— Ким Каманин. Можете посмотреть в сети.

Последовало минутное молчание. Может быть, обитатель ратуши последовал Кимовому совету. А может быть, просто раздумывал.

Замок громко щелкнул, и дверь приоткрылась.

— Второй этаж направо, — сказал динамик.

Внутри было сыровато и пахло погребом. Ким поднялся на второй этаж по каменной, безо всякого покрытия лестнице; в большой комнате с тремя узкими окнами сидел тучный, большой человек с острыми, как искорки на лезвии, черными глазами.

— Добрый день, — сказал Ким.

— Добрый, — подтвердил хозяин. — От Пандема?

— Ученый я, — сказал Ким. — Биолог. Немножко — психолог... вы меня запрашивали?

Хозяин поддел мизинцем плоский монитор, лежавший на столе. Повернул так, чтобы Киму было видно. С монитора смотрел сам Ким — фотография позавчерашней, кажется, давности. Внизу темнел, как вспаханное поле, поясняющий текст; Ким успел разглядеть собственную дату рождения.

— Очень хорошо, — сказал он, перехватывая острый взгляд Быстова. — Вы, разумеется, можете меня отправить восвояси даже раньше, чем я скажу «а»... Кстати, как вы встречаете людей, которые говорят, что хотят к вам присоединиться?

Быстов усмехнулся:

— Вы похожи на древнего журналиста... Задаете вопросы прежде, чем собеседник согласится отвечать.

— Я никогда не был журналистом. По первой профессии я врач.

— Хирург? — быстро спросил Быстов.

— Вы же прочитали, — Ким кивнул на монитор.

— Ч-черт, — сказал Быстов сквозь зубы. — А ну, марш отсюда. Быстро-быстро, за поле и чтобы духу здесь вашего...

— Почему?

Быстов поднялся:

— Ты не слышал? Плохо расслышал, что я сказал?

Ким не двинулся с места:

— А вы говорите со мной повежливее. Меня очень трудно спустить с лестницы, учтите. Хоть вы и хозяин, а меня никто не звал — угрожать не надо. Я могу неадекватно отреагировать.

Быстов разглядывал его с непонятным выражением. Вроде бы на Киме был комбинезон для полярных работ и пляжная панамка, и собеседник его пытался понять, что именно во внешнем виде гостя «не так».

— Ты пандемный? — спросил он наконец.

— Да, — сказал Ким.

— Ты пришел сюда по поручению?..

— Нет. Мне надо понять одну вещь... Или много вещей. Но одну — очень важную.

— Это *он* велел тебе прийти, — сказал Быстов. — Димка мой ногу вчера сломал... и наша идиотка баба Мела не может правильно загипсовать. М-мать...

— Он ничего мне не велел, — сказал Ким. — Но если ваш Димка страдает из-за вашей гордости — вы эгоистичная скотина, вот и все.

Быстов не отреагировал на «скотину». Наоборот, успокоился, даже сник. Уселся снова за стол, переложил с места на место два монитора: плоский и «линзу».

— Тебе не понять... тебе не понять. По-твоему, комфорт — важнее. Чтобы не дай бог не оцарапаться. Чтобы все жили в мире. И если ножку сломал — сразу все принципы побоку, беги к Пандему... Он, кажется, хитрее поступил. Он тебя к нам привел, а ты и не догадался.

Ким на секунду задумался. Быстро — почти автоматически — проследил в обратном порядке всю цепочку своих решений за последние три дня.

— Когда он ногу сломал?

— Вчера, говорю.

— Отпадает, — сказал Ким, пытаясь скрыть облегчение. — Я еще позавчера выкачал карту и просчитал дорогу к вам... Да и Пандем не станет водить меня, как куклу. Это все ваши апокалиптические фантазии.

— Ну, раз не привел, то и хорошо, — сказал Быстов, глядя в одно из окошек, грязное, с лоскутиками паутины. — Да и забыл ты свои хирургические умения. Двадцать пять лет нет практики — все, сливай воду...

— Хорош болтать, — сказал Ким раздраженно. — Показывай, что там с Димкой твоим?

* * *

Димке можно было дать лет шестнадцать с виду. Лицо его было цвета слоновой кости, а на лбу сотней булавочных иголок лежал пот.

— У вас анальгетики есть? Хоть что-нибудь?

— Водка.

— Идиоты. Ч-черт... Я позову Пандема.

— Убью, — шепотом сказал лежащий Димка.

— А как мне править? Как? Как в тринадцатом веке — без наркоза?

— Есть еще травка, — сказала баба Мела, которой было лет восемьдесят и которая на самом деле звалась Мелани Смит.

— Травка, — сказал Ким. Подумал и выругался — как когда-то в операционной; сразу сделалось легче. И сразу стало ясно, что произойдет в ближайшие полчаса.

— Двух здоровых мужиков. Спирта. Бинтов. Гипс готовьте. И заберите всех баб отсюда. Вообще все лишние — выйдите...

Быстов стоял в углу. Киму не было времени анализировать, как именно хозяин на него смотрит и что у него на уме.

* * *

Часа через два пацан уснул наконец — с нормальным пульсом, с наконец-то порозовевшим — от алкоголя — лицом.

По дороге от дома к ратуше встречные — а их было много, видимо, новость распространилась — косились на Кима с удивлением и опаской.

Быстов снова привел гостя в свой кабинет. Со зверским выражением лица вытащил из шкафчика большую бутылку с длинными стеблями зверобоя в прозрачной жидкости цвета некрепкого чая:

— Ну...

Выпили молча.

— Он тебе сын? — спросил Ким.

— Ага.

— Сколько ему?

— Пятнадцать.

— Молодец...

— Знаю, — сказал Быстов, и в одном слове послышалась такая похвальба и гордость, которую редкий хвастун втиснет даже в длинную тираду.

Выпили по второй. Закусили какими-то сухариками вперемешку с вялыми, неаккуратными с виду, но очень вкусными огурцами.

— Почему? — спросил наконец Ким.

Быстов, не дожидаясь Кима, выпил третью. Поморщился:

— Поймешь?

— Попытаюсь.

Быстов осторожно поставил на стол опустевшую рюмку. Протянул к Киму руки ладонями вверх:

— Видишь?

Руки были как дерево. Застарелые мозоли покрывали их сплошной коркой.

— Не аргумент, — сказал Ким.

— Усилие, — сказал Быстов. — Человек — это усилие... Жизнь. Наибольшее усилие, на которое человек способен, — цена ему, человеку. Не обязательно яму при этом копать... Или там бабе рожать необязательно... Ты меня поймешь.

— Вообще любое усилие? — спросил Ким.

— Да, — Быстов снова налил себе и гостю. — Можно на тебя еще продукт переводить? Или тебе Пандем в желудке все в воду превратит, начиная с третьей?

— Не превратит, — сказал Ким. — Он ничего не превращает в воду, у него другие механизмы... Понеслась?

И они выпили.

— Зачем корячиться, если есть Пандем? — устало спросил Быстов.

— То есть зачем надрываться на жатве, если синтезатор делает хлеб из простеньких реактивов за пять минут?

Быстов покачал головой; сверкнула круглая лысина в густых седеющих патлах:

— Не-ет... В эту детскую ловушку меня не лови. Раньше, мол, люди на лошадях пахали, но разве комбайн обесценил их труд... Оптимальный путь, высвобождение энергии для других целей, и все такое — это правильно, Ким. Я совсем другое усилие имею в виду...

Он встал. Прошелся взад-вперед по комнате. Щелкнул пальцами — на стене напротив окон засветился большой, от пола до потолка, монитор.

— «Дюйм», — пробормотал Быстов себе под нос. — Двадцать шестая.

На экране возник вдруг — и продолжился с середины — старый-престарый фильм. Не только не объемный, но даже и черно-белый. Отреставрированный, но все равно блеклый в сравнении с последними реал-композициями.

— Звук! — сказал Быстов, и звук пропал.

— Усилие, — сказал Быстов. — Через «не могу»... Как в армии. Как на той же жатве. Как сегодня Димка... Зачем человеку быть выше себя, жертвовать собой, наконец, если Пандем *и так* всем поможет?

— У человека, — сказал Ким, — есть много других возможностей «быть выше себя». Человек может учиться. Человек может совершенствоваться. Заниматься спортом, в конце концов...

«Лететь в космос», — хотел он добавить, но не добавил. Некстати вспомнил о Витальке.

— Игрушки, — Быстов невесело усмехнулся. — Детский мир. Делай что угодно, но знай, что Пандем все равно тебе поможет... Он же тебя любит. Он тебя вытащит у черта из пасти, если ты туда из любопытства полезешь. Что, мамка не поможет дитятку, если с дитятком беда? А сколько лет дитятку — значения не имеет. Когда я служил, у нас одному парню мамаша клубнику в сахаре таскала, передавала какие-то пирожки, мармеладки...

— Пусть лучше дитятко свалится в пропасть и сдохнет на дне?

— Сам, — Быстов ударил кулаком по столешнице, и оба монитора подскочили. — Не сваливайся в пропасть, лапушка. Думай сам... Нет, игрушки все это, «Пандемовы страсти». Красная зона та же... Игрушки да лицемерие: я крутая, я боксерша... я эгоистка... я анархистка... а как беда, так Пандем поможет. Он всегда помогает. Он добрый.

— Дочь? — подумав, спросил Ким.

— Она, — пробормотал Быстов, с ненавистью глядя на пустую рюмку. — А ты... Ты вроде мужик. Я уж подумал было, что ты тоже отказник... Ни один пандемный так бы не...

И замолчал.

— А то, как ты живешь, — не игрушки? — спросил Ким. — Поля эти... пшеница... Огороды... Коровы ходят, понимаешь... Синтезаторами вы не пользуетесь, а сетью — да?

— Сеть люди раньше придумали, — сказал Быстов. — До Пандема.

— Так и синтезаторы собрали тоже люди... с подачи Пандема... А если бы и марсиане подбросили — что, не пользоваться? Брезговать? Пусть народ с голоду мрет?

— У меня никто не мрет, — сказал Быстов. — Звук!

И, повернувшись к Киму спиной, стал смотреть фильм.

Минуты через две Ким узнал ленту. Это был «Последний дюйм» из его детства.

ГЛАВА 22

...Динамика плотности населения в Тихом океане, оперная постановка с участием сразу двенадцати звезд, климатический купол на Северной платформе...

На пороге комнаты стоял Мишка. Лера отвернулась от экрана:

— Да, котенок?

— Я еще не ужинал. Ма, вообще-то я тебя ждал...

— Так что же ты молчишь? Я тоже еще не ужинала, давай...

Ее сын был чем-то подавлен. Лерка определила это если не с первого взгляда, то со второго — точно.

Себе она взяла коктейль с алкоголем, Мишке — с фруктами и овощами. Сын не был гурманом и никогда не тратил время на выбор пищи — тыкал пальцем в дежурное блюдо и равнодушно ел, что дают. Ему казалось, что он слишком толстый; вроде бы он даже говорил об этом Пандему. И вроде бы Пандем ему сказал, что у Мишки оптимальный для его сложения вес, а если он хочет перемен, то пусть поактивнее будет в спортзале...

— Как дела в школе? — спросила Лерка как ни в чем не бывало.

Сын вздохнул:

— Открыли новую специализацию. Медицина.

Лера на минуту перестала жевать:

— Какую-какую?

— Медицина... Я решил не записываться. Как-то мне не нравится.

— Ты ничего не путаешь? — тихо спросила Лера.

Сын помотал головой.

— Еще что? — спросила она рассеянно.

— Ничего.

— Ты уверен? Что-то ты какой-то кислый...

— Да так, — Мишка поежился. — Я вот сегодня подумал...

И замолчал.

— Что? Что ты подумал?

— Я ведь не пройду экзамена на взрослость, — сказал Мишка еле слышно. — У нас там рассказывали... У одного парня брат... Так я ведь такого не сделаю, что ему Пандем загадал. До старости буду тест сдавать — а не сдам...

— Ерунда, — сказала Лера, подумав. — Пандем прекрасно знает, что кому загадывать.

— Вот именно, — сказал Мишка и ниже опустил голову. — Он дает на преодоление, это все знают. Если боишься змей, например... ну, неприятны они тебе... то змееловом работать.

— Тебе до экзамена еще расти и расти, — напомнила Лера.

— ...А если ты, ну, стесняешься или боишься — так в красный слой... Подраться там с кем-нибудь... А если бегать не любишь — так в спортлагерь на полгода.

— И это все, что тебя огорчает?

Мишка оторвал глаза от тарелки. Глаза были нехорошие — больные какие-то глаза.

— Мишуль...

— Да не надо, мама... Пандем говорит — учись преодолевать. А я не хочу. Лучше не надо мне экзамена на взрослость вообще. Дома буду сидеть, по сети учиться, по сети работать... Ты не против?

— Я с ним поговорю, — сказала Лера.

— Не надо, — Мишка страдальчески скривился. — Он и так меня достанет за то, что рассказал тебе...

— Никто тебя не достанет, — сказала Лера жестко. — Допивай коктейль, я сейчас вернусь...

Уже на пороге ей подумалось, что не стоило срываться, не закончив ужина. Вышло скомканно и нервно, куда она поспешила, она ведь взрослый человек... Хоть экзамена на взрослость в ее время никто не должен был проходить...

Она плотно закрыла за собой дверь беседки. Задвинула задвижку; ее беседка была похожа на жилую комнату: с диваном и ванной, со столом, автокафе, «игралкой» и множеством живых цветов, растущих прямо из ковролина.

— Пан?

«Да, Лера?»

Она выдохнула застрявший в груди воздух. На секунду сделалось легко-легко, будто под наркозом.

«Ну что ты как маленькая, право слово...»

— Зачем им медицина?

«Что, это запретное знание? Естественно для малышей — интересоваться устройством собственного тела».

— На то есть анатомия и физиология. Зачем им медицина?

Лера прошлась по беседке взад-вперед; трава и земляничные стебли гнулись под ее босыми пятками, чтобы через секунду снова выпрямиться. Она очень живуча — «домашняя флора». Ким когда-то читал ей целые лекции по этому поводу...

Под креслом поспевала земляника.

— То я вижу, мальки во дворе играют в «координаторов»... в «государство»... Теперь вот медицина... И с тобой — только в беседке, как в резервации. Как в вольере.

«Лерочка, да что с тобой? Мишка привык, что я жду его в беседке. Только в беседке, больше нигде. Он немножко меня боится. Немножко пытается использовать — выпросить чего-нибудь... И только редко-редко — почти никогда — он идет ко мне с тем, с чем привык идти к тебе. Ты ведь его мать... Радоваться надо!»

— Я и радуюсь... Про медицину ты так и не ответил.

«Пусть тренируются. Это отлично воспитывает ответственность, самостоятельность...»

— Да ты зациклился на этой ответственности. Принял на себя роль капрала, ей-богу... Чего он боится?

«Он не боится, он опасается. Это этап. Тем ярче будет его радость, когда он пройдет тест».

— А он пройдет?

«А ты как думаешь?»

Лера протянула руку под кресло. Сорвала ягоду. Покатала на языке, остро чувствуя вкус.

— Пан, ты ведь не друг ему.

«А я ему не нужен в качестве друга. У него есть друзья. У него есть ты».

— Он боится. Что хорошего можно воспитать страхом?

«Это не называется страх... Лерочка, поверь, что я его не замучаю».

— Покажись.

Белая стена осветилась, превратившись в плоский экран. Там, на экране, было продолжение комнаты, и на полу среди земляничных стеблей сидел Пандем — ровесник Валерии.

Улыбнулся. Приветственно махнул рукой.

— Мне все труднее тебя понимать, — она отвела глаза.

— Зато я тебя понимаю прекрасно... Не беспокойся ни о чем.

— Пан, есть на свете вещи, которых я не смогу понять, даже если ты захочешь объяснить мне?

— Да, — он все еще улыбался. — Ну и что?

— Есть ли среди них такие, которые касаются моего сына?

— Нет... Не беспокойся. Сейчас я выполняю по отношению к нему роль не наставника даже, а мира, сопротивляющегося личности. Он не станет личностью, если не пройдет этот путь. Он и без того не знает боли, болезни, потерь...

— Это плохо, что он их не знает?

— Если человек живет в невесомости, но не хочет, чтобы у него атрофировались мышцы, — он должен тренироваться. Каждый день.

— То есть предполагается, что эти мышцы когда-то кому-то понадобятся... Пандем, зачем же им медицина?

* * *

В герметически закрытом здании было слишком много фильтров. Свето-, звуко-, влагоизоляция, еще какая-то изоляция, от которой все, что находилось за шлюзом входа, казалось неестественно чистым, лишенным оттенков. В какой-то момент Киму подумалось, что, может быть, строители «белой башни» подсознательно желали отфильтровать Пандема. Загородиться от него листами свинца и бетонными плитами. Спрятаться. Конечно, это было не так. Здесь работали солидные люди, для которых прятки — не спорт.

— А, Быстов, — сказал мягкий человек в ретрокостюме с большими карманами на груди. — Сергей Быстов. Я помню.

— Я провожу небольшое... черт, язык не повернется назвать это исследованием.

— «Небольшим» его тоже трудно назвать, — сказал мягкий человек. На вид ему было лет шестьдесят; коричневая бородка с асимметричной проседью усиливала его сходство с добрым мультяшным гномом. — Ведь вы пытаетесь заново выстроить отношения с Пандемом, правда?

— Гм, — сказал Ким.

— ...Иначе зачем вам понадобилось с такой энергией разыскивать людей, м-м, своего рода идеологов беспандемного существования? Нет-нет, не беспокойтесь, я знаю, что упрямец Быстов не дает моих координат кому попало... И Пандем тоже никому не дает моих координат. Я не боюсь ни шпионов, ни диверсан-

тов, — мягкий человек улыбнулся. — Пандем, как вы понимаете, посвящен в наши исследования... как и во все, что происходит на земле. Пойдемте?

В маленькой комнате с матовыми светлыми стенами Киму предложено было садиться на стандартный канцелярский стул со встроенным массажером. Функцию массажа Ким сразу же отключил.

— Сфера наших исследований, — серьезно сказал его собеседник, — единственная область, в которой человек «без Пандема» может на равных конкурировать с прочим человеческим миром. Потому что Пандем, как все мы успели заметить, никому не помогает в исследовании себя самого... Что бы вы хотели услышать?

— Господин Отис...

— Можно просто Никас.

— Никас... вы беспандемный?

— Кстати, о беспандемниках, — мягкий человек снова улыбнулся. — Эта человеческая прослойка явно распадается на два, так сказать, потока, два рукава... Первый, к сожалению, более многочисленный — самые инфантильные из порожденных Пандемом инфантилов. Взрослые дети, которые либо соскучились в комфортабельной детской, либо вовремя не получили востребованную игрушку, а потому обиделись и ушли. Очень интересна позиция Пандема по отношению к таким... беспризорникам. Он не может не понимать, что оставить их на произвол судьбы для него — все равно что взрослому выгнать шестилетнего упрямца ночью в лес, где полно гадюк и волков... Да, «шестилетке» под тридцать, но психологически он... вы понимаете... и гадюк видел прежде только на картинках. С другой стороны, не дать такому малышу уйти... можно только забравшись к нему в голову и щелкнув переключателем. Для Пандема это — нечестная игра... А он спортсмен, он хочет, чтобы вокруг были одни Олимпийские игры...

Мягкий человек Никас усмехнулся собственной шутке и надолго замолчал, потирая свою неравномерно пегую бороду. Ким терпеливо ждал.

— Даже я говорю о нем как о живом существе, как о человеке. Привычка... Вы ведь в курсе, что реальный процент несчастных случаев среди «низших» беспандемников... представителей первого, так сказать, потока... раз в пятьдесят меньше, чем был бы без вмешательства Пандема? — кротко спросил Никас.

— То есть Пандем лжет им?

— Ким, всякого своего нового сотрудника я первым делом отучаю говорить о Пандеме эмоционально и оценочно, как будто это ваш тесть или сосед... Пандем не может «лгать». Как не может «лгать», например, третий закон Ньютона... Пандем преследует свои цели, используя наиболее уместные средства. Всё.

Ким молчал.

— Видите ли... Даже самые логичные, хладнокровные люди с развитым интеллектом приучены Пандемом воспринимать его как человека. Как сверхчеловека. Как этически ориентированное существо. Для этого у Пандема имеется набор совершенных инструментов, против которых у человеческого сознания нет оружия... Я говорю это вам потому, что вы относитесь к поколению, повзрослевшему до прихода Пандема. Любой из тех, кто был тогда ребенком или кто родился при Пандеме, вообще не понял бы, о чем я.

— Мне кажется, вы преувеличиваете, — медленно сказал Ким.

— Это только так кажется, — Никас улыбнулся. — Вернемся к нашим беспандемным... Конечно, Пандем продолжает их страховать — не только от смерти, а от увечий, например, или очень неудачных, гм, решений.

— То есть он модифицирует их поведение?

— Ким, дорогой Ким, вы пугаетесь там, где нет ничего страшного, но настоящая опасность вами в упор не различима... Конечно, он модифицирует. Он не может не модифицировать. С самого момента своего, гм, «включения» он модифицирует ежесекундно. Куда делись, по-вашему, наркоманы, алкоголики, генетически запрограммированные асоциалы? Те, что безобразничают сейчас в красном слое, — это просто декоративные хулиганы какие-то... Да что я вам говорю, вы ведь жили в то время, вы помните, как много было вокруг людей-животных... Я совершенно не горюю об их исчезновении. Беда в том, что человеческая природа оказалась немного упрямей, чем можно было предположить... У некоторого числа вполне нормальных, психически здоровых людей потребность реализации лежит за пределами мастерской, лаборатории и волейбольной площадки. Пандем владел информацией об этом с самого начала... Направить естественную агрессивность в «правильное» русло — в этом нет ничего особенного, еще пятьдесят лет назад в нашем дворе был спортклуб для трудных подростков... Но когда эта потребность накладывается на прямо-таки инфекционный инфантилизм... Вот тогда начинаются процессы, вероятность которых Пандем, видимо, недо-

просчитал. Человек одновременно безвольный и агрессивный... Я, честно говоря, не припомню: а бывал ли такой тип личности в допандемные времена? Мог ли сформироваться этот лабораторный уродец?

Ким бездумно щелкнул по сенсору канцелярского кресла. Невидимые упругие комочки впились в его спину и седалище, по коже побежала приятная волна мурашек — начался массаж; Ким опомнился и коснулся сенсора снова. Кресло прекратило массаж, зато стало нагреваться.

— Такие вот дела, — буднично сказал Никас. — Есть еще второй «поток» беспандемников... Как правило, это люди старше пятидесяти — те, кому в год начала Пандема было больше двадцати или тридцати. Это люди, строящие свой кусочек жизни сознательно... Вот Быстов. Его за многое можно осудить, но он отвечает за каждый свой поступок, у него есть конкретная цель, и он к ней идет.

— Вы...

— Да, я тоже. Когда я начинал все это, — Никас повел рукой вокруг, — мало кто верил, что я хотя бы избушку построю... Но вот — полноценная лаборатория, вернее, сеть лабораторий. Мы ведем исследования в двух направлениях — изнутри, так сказать, и снаружи. Ловим Пандема в себе — в психике, в мозгу... И ловим Пандема на Земле — у нас целая система спутников, некоторые нам достались совершенно даром — например, старые добрые спутники связи...

— Насколько я знаю, такие работы ведутся постоянно вот уже двадцать пять лет, — сказал Ким.

Никас кивнул:

— Да... Но у нас у первых наметились некоторые подвижки.

Ким промолчал. Никас понимающе улыбнулся сквозь бороду:

— Не верите... Я уже лет пятнадцать живу вне Пандема. Я, наверное, чуть ли не первый на земле беспандемник... И все мои сотрудники беспандемны. Прямо-таки стерильно-беспандемны. Иначе его нельзя исследовать, поймите... Я ответил на часть ваших вопросов? Что вы еще хотели бы узнать?

— По-вашему, Пандем — не личность?

— Нет.

Ким почему-то ждал, что бородач будет отвечать долго. Что он будет подбирать слова, жестикулировать, замолкать, потирать ладони...

— Кто же он? Или — что он?

— Мы пытаемся это понять, — кротко напомнил Никас.

— Видите ли...

— Я знаю, вы были одним из первых контактеров. Он пришел к вам двадцать пять лет назад в виде человека, в виде мальчика, и его появление было связано, с одной стороны, с потрясением, с другой стороны с мощной положительной эмоцией... То же самое было со мной.

— Да?!

— Я тоже контактер. Ко мне он тоже в свое время пришел... Видите ли, из всего, что я говорю, вовсе не следует, что Пандем — зло. Пандем, видите ли, вообще вне категорий добра и зла... Хотя с самого своего появления он неявно оперирует этими категориями, добиваясь наиболее эффективного «слияния» с человеком. Устанавливая контакт, он действовал, исходя из того, что каждый из нас хотел услышать. Говоря, например, с вами, он старался соответствовать вашим представлениям о добре — приблизительно-христианским, умеренно-либеральным представлениям. Нет?

Ким молчал.

— У вас сложилось представление, что именно к вам Пандем относится по-особенному? Выделяя вас из всего прочего человечества? Поздравляю, точно такое же впечатление сложилось и у меня. И у каждого — сознательно, подсознательно...

— Вы считаете, что Пандем манипулятор?

— Когда мы пойдем в лабораторию, я вам покажу наши манипуляторы, это такие гибкие захваты, которые перемещают объекты внутри экспериментального пространства... Ким, чем совершеннее средства связи, тем больше людей одновременно подвергается манипуляции. Пандем — совершенное средство связи. Результаты его практических усилий впечатляют. Человечество рвануло вперед на много сотен лет — во всем, кроме того, что касается развития личности...

— И вы думаете, что знаете, что им движет? Вы можете сказать мне о его цели?

— Мы работаем над этим, — Никас смотрел в глаза Киму большими, похожими на добрые каштаны глазами. — Насчет его цели у нас нет, честно говоря, ни одной хоть сколько-нибудь обоснованной гипотезы — пока. Но нам совершенно ясно, что он не достигает этой цели — и потому меняет тактику. Сперва уход в беседки; потом полный пересмотр методов воспитания... Он пытается вырастить новых детей, причем главное из настойчиво формируемых качеств — та самая воля, от которой первое пан-

демное поколение так легко отказалось... Как прогност, я вам могу сказать почти наверняка, что через пару лет система воспитания изменится и ужесточится так, что вместо доброго друга дети будут видеть в Пандеме не вполне понятное, но очень жесткое верховное божество... Другой вероятный сценарий — он перепоручит принуждение и наказание людям-воспитателям, а сам будет выступать богом-утешителем. Но этот, второй сценарий менее вероятен именно потому, что разумный человек поступил бы так. Пандем разумен, но он не человек...

— Вы считаете, ему нужно человечество, обладающее волей, — пробормотал Ким.

— Возможно... Но это только та часть правды, которую мы видим. Есть еще один очень интересный эффект — статистический... Видите ли, если в допандемном мире амплитуда между силой сильных личностей и слабостью слабых была велика, то сейчас она просто колоссальна. Человечество похоже не на лес с разным уровнем верхушек, а на поле, где исполинские деревья соседствуют не с пнями даже... С ямами в земле! Огромная разность потенциалов... И если предположить — гипотетически, — что вот Пандем приостанавливает свое присутствие... Предположить в порядке эксперимента... То несколько тысяч людей с гипертрофированной волей автоматически подчиняют себе миллиарды инфантилов! Создаются новые жестокие империи — за месяц!

«А так ли он умен», — подумал Ким в замешательстве.

— ...Кстати, кое-что о цели Пандема может сказать анализ списков Первой Космической экспедиции, — бородатый Никас внимательно наблюдал за ним.

— Да? — Ким поднял голову.

— Да... Сто шестнадцать человек, мужчин и женщин, все они родились либо при Пандеме, либо незадолго до него. Разные этнические группы, разные типы темперамента, складывающиеся тем не менее в гармоничный узорчик экипажа, которому предстоит прожить в замкнутом пространстве черт знает сколько лет... Все отлично социализированы. У всех развита способность к волеизъявлению. Если отбросить некоторые специфические критерии... все-таки это космическая экспедиция, к каждому члену ее предъявляются чисто «технические» требования... есть гипотеза, что команда Первой — отобранные Пандемом по известным ему признакам *удачные* особи, которые где-то там составят *удачный* социум... Простите, Ким, но у меня запланирована работа на сегодня. У вас есть еще вопросы?

ГЛАВА 23

Миша Каманин терпеть не мог школьной практики.

В прошлом году — однажды — был единственный раз, когда Миша на практике все сделал правильно. Им было по семь-восемь лет, учитель задал задание — провести какой-то несложный опыт и записать результаты. Опыт-то простой, но работали две команды в одной комнате — на время, и самое скверное, что негатрон был только один, а из комнаты выходить запрещалось!

Кирилл, командир команды-соперника, все решил быстро и просто. Он всегда решал быстро и просто — Миша давно считал его любимцем Пандема; Кирилл разделил свою команду на две части: пока сам он с помощницей ставил опыт, оставшиеся трое пацанов и здоровенная девочка не без успеха удерживали всю Мишину команду в дальнем от негатрона углу.

Наверное, Миша мог бы сражаться. Их было больше — шестеро против четверых, они могли бы смять заслон и хотя бы сорвать несправедливому Кириллу опыт. Тем не менее Миша все десять минут простоял на месте, громко доказывая своим и чужим, что драться за прибор не следует, что в любой ситуации надо искать компромисс, что они бы прекрасно успели, если бы договорились между собой...

Команда Кирилла получила десять очков и полную победу, Мишина — ноль очков и поражение. После короткой мрачной перемены все пошли в школьную беседку, и там-то Пандем выдал по первое число Кириллу и его команде. Победа, оказывается, была фальшивой, на самом деле прав был Миша, который не принял предложенных Кириллом правил игры...

Ох, как Кирилл тогда возмутился. Он ведь привык выслушивать от Пандема похвалу; забыв о здравом смысле, он принялся доказывать, что Миша отказался от борьбы не из благородства, а из трусости. Миша знал, что он прав, и Пандем знал, что он прав; ребята и девчонки из обеих команд тоже склонялись к тому, что Кирилл прав, тогда Пандем неожиданно всех отпустил, кроме Кирилла, который остался с ним один на один...

Надо сказать, отношения Кирилла и Миши после этого не испортились, наоборот — стали как-то спокойнее. Кирилл даже попросил прощения, что обозвал Мишу трусом; как бы Мише хотелось, чтобы Кир извинился *до* разговора с Пандемом, а не *после* него!

Пандем почти каждую неделю находил за что похвалить Мишу, тем не менее Мише казалось, что хвалят его за какие-то пус-

тяки. Когда наступило время следующей практики, Миша бесхитростно повторил однажды опробованную находку: не стал соперничать за какой-то там необходимый ресурс, а всю игру втолковывал о необходимости компромисса; оказалось, что он был не прав. Оказалось, что в этой новой практике соперничать как раз надо было; Пандем надавал по ушам теперь уже Мише, и даже осторожные утешения Кирилла не могли подсластить пилюлю.

«Тебе надо самому себя строить, — говорил Пандем в беседке, — пока ты не преуспел в этом строительстве, ты не видишь себя, не осознаешь своего права на внутреннее движение, ты боишься даже попробовать, а чего бояться, я же с тобой... Пробуй!»

Миша обещал.

Сегодня снова предстояла практика. Каждый получил задание в запечатанном пакете; в комнате было очень тихо, пока все сидели, уткнувшись в мониторы. В самом задании ничего особенного не было, это была спортивная эстафета; Миша не любил спортивностей, но «социалки» пугали его куда больше. Самое плохое выяснилось потом — оказывается, эстафета будет проходить в режиме «сенсор».

Раньше Миша думал, что такие задания начинаются в старших классах. Ну хотя бы лет с двенадцати; он был осторожен и редко набивал шишки или ранился о колючие шипы, например. Всякий раз после такой неудачи было очень неприятно — секунду-другую, пока шишка не исчезала и царапина не затягивалась; Миша знал, конечно, что в допандемные времена царапина могла болеть и кровоточить чуть ли не целый день...

Игры в режиме «сенсор» означали, что, если ты поранишься — рана будет болеть до самого финального сигнала. И ты при этом еще должен выполнять задание!

— Я не понимаю, зачем это нужно, — угрюмо говорил Миша голенастой Ольке.

— Просто смотри под ноги, — легкомысленно отвечала Олька. — У меня сеструха каждую пятницу бегает в «сенсорных» эстафетах, и только один раз коленку расцарапала.

Они вышли на старт, причем Миша оказался на этот раз в одной команде с Кириллом. За пять минут построили стратегию — кто с кем побежит и в каком порядке; первыми должны были пройти дистанцию Кирилл и Лив, потом Нарахиро и Леська, потом Миша и Олька, потом еще три пары. Полоса препятствий была незнакомая; два этапа, между ними несложное задание (Миша и Олька должны были активировать климатоформирующую установку, принесенную первой парой и собранную второй.) Пятнадцать минут на дистанции. Все.

Дали старт.

Кирилл и Лив, как и ожидалось, все сделали четко и вернулись на тридцать секунд раньше, чем первая пара из второй команды. Леська напортачила со сборкой установки — Нарахиро пришлось все переделывать, они потеряли преимущество и проиграли второй команде почти минуту. Зажав в потной ладони эстафетную палочку, Миша пустился бежать вслед за Олькой, которая обожала легкую атлетику и теперь неслась впереди, будто на воздушной подушке, не касаясь ногами травы...

Трава скрывала ямы и рытвины. Мише казалось, что каждый шаг отзывается непривычной болью в пятках. Он смотрел под ноги и никак не мог разогнаться; где-то позади — перед смотровым экраном — его команда орала, подбадривая и подстегивая, в наушниках звенели комариные голоса: давай! Давай! Каманин, жми! Хорошо!

(Они бы с удовольствием кричали бы «живей», «черепаха», а то еще и пообиднее что-то, но это считалось грубой психологической ошибкой. Все в команде знали, что Мишу надо хвалить на дистанции — только потом, после финиша, можно высказывать все, что в самом деле думаешь о его физкультурных достоинствах...)

Олька уже перелезла через забор, проползла под натянутой проволокой, перешла по бревну неширокий бассейн с грязной водой и добралась до климатоформа; для того чтобы активировать его, нужны были две — Мишина и ее — эстафетные палочки.

Низко натянутая проволока дергала ползущего за штаны на заду — это было неприятно и унизительно. Миша пахал землю носом, а команда орала в наушниках, а Олька топталась перед климатоформом, пытаясь в одиночку что-то придумать; подгоняемый теперь уже откровенно возмущенными криками, он легко перемахнул через бассейн и очень быстро — просто на удивление — догадался, каким образом запустить установку. Команда зааплодировала; теперь они возвращались назад, продираясь сквозь густые заросли неведомо каких кустов, преодолевая песчаные склоны, так что даже Мишин комбинезон засбоил и сделался влажным от пота...

До финиша оставалось с четверть этапа, когда пришла боль.

Он не понял, что происходит. Он валялся на спине и орал; что там произошло с его ногой, не было сил понимать, он знал только, что, по всей видимости, умирает прямо сейчас.

— Каманин, ты что?!

— Нога... — стонал Миша, чувствуя, что теряет сознание.

— Ты подвернул! Ты вывернул! Давай на финиш, там сразу все пройдет! Давай!

— Я не могу! — кричал Миша, размазывая слезы по лицу и не думая о том, что его видит вся команда. — Я уми... раю...

Тогда голенастая Олька, скрипнув зубами, быстро опустилась на корточки, забросила его руки себе на плечи — и, с натугой выпрямившись, поволокла его на себе, как игрушечный Дед Мороз тащит красный мешок с картошкой...

Когда она, валясь с ног, пересекла финишную линию, боль, казавшаяся непереносимой, исчезла. Выйдя за пределы эстафеты, Миша выбыл из «сенсорного» режима.

* * *

На столе лежала кукла, так похожая на настоящего человека и при этом такая неподвижная и такая мертвая, что от этой неподвижности и мертвенности Мише хотелось бежать сломя голову.

— Это пластнатуровый муляж, — сказал Пандем. — Игрушка.

Миша смотрел, не отрываясь; распростертая на столе фигура будто включила в нем чужие, слежавшиеся где-то в генах воспоминания. Он понимал, что это пластнатур, такой же, из которого делают мячи и сумки, но подойти не решался.

— Давай вспомним, что вы учили про опорно-двигательный аппарат... Где у тебя голеностопный сустав, ты помнишь?

Миша наклонился. Потрогал ногу, теперь равнодушно-здоровую, а там, на «сенсоре», прямо-таки вопящую от боли.

— Приблизительно... Я покажу тебе голеностоп на голограммке. И что произошло, когда ты подвернул ногу. И что бы сделал врач, чтобы тебе помочь...

— Я взаправду ничтожество? — тихо спросил Миша.

В большой школьной беседке никого не было. Стулья вдоль стен, длинный стол с отвратительным муляжом и Миша Каманин, племянник хирурга.

И еще Пандем.

* * *

Два Кимовых племянника походили друг на друга, как еж на платяной шкаф; жизнерадостный черноволосый Шурка годился в отцы полноватому и обидчивому блондину Мише. Ким просто

диву давался, каким это образом сестры-близнецы сумели произвести на свет двух таких разных сыновей; Шуркиным отцом был Алекс, а Мишиным — безвестный донор. Если о Шуркином детстве Ким знал в свое время почти все, то Миша — а ему было уже девять — оставался неблизким, почти посторонним ребенком.

Лето уже закончилось, осень еще не началась. В полном безветрии — и безвременье — Ким шел по центру города, куда его вызвал на встречу непонятный племянник Миша.

Под ногами пружинила коротко остриженная газонная травка. Едва ощутимо вздрагивала земля — тогда из-за крон взмывала закрытая гондола какого-нибудь транспорта; справа и слева стояли укрытые последней пыльной зеленью старинные административные здания — Ким помнил их еще вне леса и вне травы, на допандемной лысой улице, на грандиозном проспекте, где туда-сюда носились сотни машин на бензиновых двигателях...

«А я ведь не выжил бы, — подумал Ким. — Если сейчас меня забросить «туда»... От одного глотка воздуха задохнулся бы и помер. Сизые хвосты, вьющиеся за тушами автобусов... Это было четверть века назад. А кажется — лет триста».

По узкой дорожке — метрах в пяти над землей, Киму показалось, прямо по верхушкам деревьев — пролетела велосипедистка. Серебристые диски колес пустили солнечный зайчик Киму в глаза; женщина в свободном светлом костюме была странно, обжигающе похожа на Арину.

Он прекрасно понимал, что ошибся. Та, промелькнувшая, была на двадцать лет моложе. Более того — если остановить движение, выключить ветер и погасить солнечные зайчики, оседлавшая велосипед женщина вообще не обнаружит никакого сходства с Кимовой бывшей женой.

Или не-бывшей.

Он отвернулся — тем более что силуэт велосипедистки давно скрылся за кронами — и стал смотреть на воду. Лягушки прыгали в пруд при его приближении: взлетали, распластывались в воздухе, ныряли сквозь ряску, оставляя по себе черные оконца в зеленом плавучем ковре. «Символ полета, — думал Ким. — Какой красивый и стремительный — полет лягушки...»

На скамейке у самой воды плакал мальчик лет четырех, причем плакал так безнадежно, как — Ким думал — на Земле давно не плачут люди.

— Что с тобой? Погоди, что случилось?

Мальчик на секунду поднял красное мокрое лицо с полосками соплей, размазанных поперек обеих щек. Потупился снова.

— Меня зовут Ким Андреевич... Что с тобой случилось?

Мальчик смотрел на свои ноги. Они были выше колен мокрые, перемазанные илом, с налипшими чешуйками ряски. Некоторое время мальчик разглядывал сандалии-«вездеходы», которым от влаги никакого вреда не предвиделось, и потемневшие от воды полосатые носки; потом перевел трагический взгляд на Кима и разрыдался сильнее прежнего.

— Подумаешь, — сказал Ким. — Через полчаса все высохнет. Ты что, лягушек ловил?

Мальчик длинно всхлипнул и провел указательным пальцем по верхней губе. Соплей и слез от этого движения не сделалось меньше.

— Что же ты плачешь?

Мальчик не отвечал. Ким подумал, что в прежние времена он наверняка спросил бы Пандема, что случилось с мальчиком... И Пандем ответил бы... Или, что вероятнее, успокоил бы малыша раньше, чем он встретился Киму. Да, в прежние времена такое было невозможно — плачущий одинокий мальчик...

— Что с тобой? — повторил Ким и ощутил раздражение. Как понять этого малолетнего беднягу, если он только сопит и ревет? Как без Пандема понять того, кто на данный момент не способен к членораздельной речи?

Не зная, что предпринять, Ким уселся рядом на скамейку. Мальчик всхлипывал и смотрел в сторону.

— Ну, успокойся, — попросил Ким. — Расскажи мне, в чем дело?

Мальчик решительно помотал головой.

— Тогда скорее пойди в беседку...

Мальчик, по-прежнему рыдая, сполз со скамейки. Размазывая по лицу слезы, поплелся по склону вверх — там в самом деле была беседка, маленькая, почти игрушечная, в виде стартующей ракеты. Ким видел, как мальчик остановился у входа, поколебался, но не вошел, прислонился к стилизованной дюзе и разревелся с новой силой.

«Неужели Пан взгреет его за мокрые ноги? — подумал Ким. — Не может быть. Там должно быть что-то куда более важное... Каков должен быть проступок, чтобы малой боялся идти в беседку? Чтобы одна мысль о предстоящем разговоре вгоняла его в истерику?»

Или он плачет о чем-то другом?

— Дядь Ким...

Он обернулся.

Племянник Миша стоял в двух шагах. Он вырос на полголовы с того момента, когда Ким видел его в последний раз. На спине и на груди черной школьной курточки, на штанинах и даже на заду у него были нашиты лоскуты солнечных энергосборников. «У него «игралка» на соларной энергии», — подумал Ким.

— Привет, — сказал Ким. — Ты голодный?

Миша помотал головой.

— Выпьем чего-нибудь? Поедем куда-нибудь?

— Я не маленький, — сказал Миша. — Мне поговорить...

— Как скажешь, — согласился Ким. — Садись?

Миша помедлил и сел на то место, где две минуты назад рыдал незнакомый малыш. Ким обернулся — да, тот все еще не решался ни войти в беседку, ни уйти прочь. Плакал у входа, теперь уже беззвучно.

— Вам Пандем не сказал, о чем я хочу?.. — начал Миша.

— Пандем никому не передает ничьи мысли, — наставительно сказал Ким. — Не знаешь?

— Намерения, — сказал мальчик. — Намерения — это же не мысли...

— Пандем ничего не говорил мне, — признался Ким. Он мог бы добавить «...и уже давно», но, разумеется, не добавил.

Миша провел пальцем по серебристой ткани энергосборника. Вспыхнула — и медленно погасла — светлая полоса.

— А я почему-то думал, что вы знаете, — сказал Миша.

— Почему?

Миша хотел что-то сказать, но не решился.

— Я не знаю, о чем ты собирался говорить, — вздохнул Ким, нарушая принужденное молчание. — Наверное, о важном?

— Я... — Миша запнулся. — Оказывается... Бывает так больно... Я узнал. На себе. Мы работали в «сенсорном» режиме... Без Пандема очень, очень трудно и опасно жить.

— Я знаю, — сказал Ким.

Миша снова замолчал. Над его склоненной головой вилась стайка полупрозрачной мошкары.

— Я хотел спросить...

— Да?

— Что?

— Спрашивай.

Миша вздохнул:

— Дядь Ким, а правда, что когда вы были мо... то есть двадцать пять или тридцать лет назад... любой человек мог умереть? Даже ребенок? Ни с того ни с сего?

— Ну не так уж ни с того ни с сего, — медленно сказал Ким.

— Ну, люди умирали от того, что на них налетела техника, или от болезни, или от... от электричества? Раз — и нету?

Ким нахмурился. Однажды, в юности, он пришел в институт и увидел на доске объявлений фотографию своего однокурсника в черной рамке... Электробритва, ванная, лужа на полу. Раз — и нету.

— Да, — сказал он медленно. — Не так все было печально, как ты рассказываешь, но внезапно заболеть неизлечимой болезнью, или попасть под машину, или съесть, например, ядовитый гриб... Да. Это было.

Мишка плотнее сплел пальцы:

— Как же вы жили, дядь Ким?

— Да вот, — сказал Ким, будто сам удивляясь. — Жили. Бывали даже счастливы...

Мишка молчал. Ким знал, что основной вопрос пока не задан; значит, слова из племянника придется тянуть будто плоскогубцами.

— Миш... Что-то случилось?

Мальчик помотал головой. Стайка мошкары на всякий случай поднялась выше.

— Дядь Ким...

— Да?

— Вы, когда были врачом, работали на «Быстрой помощи»?

— На «Скорой», — поправил Ким. — На «Скорой помощи».

— И у вас была на крыше эта... мигающая лампочка? И вы ехали под сиреной?

— Да.

Миша глубоко вздохнул:

— Вы спасали людей... от смерти? То есть они уже должны были умереть, но вы быстро приехали — и спасли?

— Да, — отозвался Ким после паузы. — Случалось.

Миша подался назад. Странное выражение было в его голубых, не Леркиных круглых глазах — не ужас и не восхищение, а почти экстаз и почти священный.

— Вы ехали. На белой машине, — заговорил он прерывисто. — Под сиреной. И все люди уступали вам дорогу. Потому что они слышали сирену и знали — это один человек идет на помощь другому. Чтобы спасти. От смерти. От боли... Дядь Ким, у вас была такая, *такая* жизнь! Вы были...

Он замолчал. Его буйная фантазия уже сконструировала и запруженную машинами улицу прошлого, и сверкающий белый

автомобиль, озаренный сполохами мигалки, и душераздирающий вой сирены — и услышав этот вой, обреченный человек вздыхал с облегчением, понимая, что помощь уже идет...

— Все это было не так, Миш, — сказал Ким через силу.

— А?

Племянник смотрел на него; Ким с удивлением — и некоторым беспокойством — увидел, что светлые не Леркины глаза подернулись влагой. Слезы умиления?

Он мельком оглянулся в сторону беседки — ревет ли еще мальчик перед входом? Мальчик ревел.

— Все было... не совсем так, — сказал Ким, снова обернувшись к племяннику. — Это была собачья работа. Платили совсем немного. Мы приезжали на вызов, и очень часто оказывалось, что ничего не можем сделать — поздно, или нет лекарств, или вообще медицина бессильна... и тогда они умирали прямо в машине. Нас вызывали спьяну, сдуру, скуки ради. На нас бросались с кулаками. Нас вызывали к старушкам, которым требовался психиатр, а не хирург и не кардиолог. Нас вызывали на автокатастрофы, где нужен был прежде всего автоген — распилить машину... Грязь, ругань, усталость, кровь... Мы были серые от недосыпа и очень много пили. И никто — очень редко... почти никто не уступал нам дорогу. И никто не видел в нас героев и спасителей. Вот так...

Племянник смотрел на него, и Ким не мог прочитать выражение его глаз.

— Дядь Ким, — тихо сказал Миша, — я почему-то не очень вам верю. Это, наверное, плохо?

Ким пожал плечами:

— Да нет... Тебе сложно в такое поверить, ты родился на семнадцатом году Пандема...

Миша задумался. Погруженный в себя, он неожиданно сделался похож на Лерку. Ким поразился: как точно...

— Дядь Ким, — сказал Миша шепотом, — я записался на медицину. Пошел и записался.

— Что?

— Ну, вы же знаете, у нас ввели новый курс... Я не хотел... Мне все это противно, знаете, неприятно... Но после того, что... Как я... с ногой, это... Короче говоря, я теперь буду врачом, — и он поднял на Кима взгляд, прямой и отчаянный, с таким видом сын мог бы сообщить матери, что записался в камикадзе и что вылет через полчаса.

— Зачем же так трагично, а? — пробормотал Ким, удивленный и растроганный своим неведомым доселе племянником.

И снова — вот навязчивый жест! — обернулся по направлению к маленькой беседке.

Ревущего мальчика у входа не было. По-видимому, он преодолел себя и вошел-таки внутрь.

ГЛАВА 24

— Плохо, — сказала Александра. — Гораздо хуже, чем я ожидала, Ким. Он даже не пытается ничего изменить! Сперва он сидел в беседке десять часов подряд, потом он снова лег спать и спит с перерывами вот уже трое суток...

Они сидели на Александриной кухне. Во всем ее причудливом жилище кухня была самым причудливым, поражающим воображение местом; сочетание плоскостей и света, иллюзий и покрытий, поверхностей, бликов, полочек и потоков воды позволяло менять режимы восприятия: теплый-мягкий, бодрый-яркий и штук пятнадцать промежуточных режимов. Кроме того, в Александриной кухне была смонтирована свемуз-работа, внесенная в мировой каталог (название «светомузыка» пришло из тех еще времен, когда так назывались ритмично мигающие лампочки. Александра вела одну из самых уважаемых в мире рейтинг-конференций по предмету; в активированном состоянии ее кухонная радость пожирала энергии немногим меньше, чем средних размеров одежная фабрика.)

Мини-ресторан в голографических нашлепках представлялся ворсистым облаком в полуметре над полом. На передней панели беззвучно вертелся анонс заказанного на завтра меню.

— И что говорит Пан? — спросил Ким, глядя в стену. В глубине ее виделись неясные сумрачные силуэты — иллюзия, конечно, но как притягивает взгляд...

Александра махнула рукой:

— Пан... По-моему, Пан сам какой-то убитый. То есть, — добавила она, увидев, как изменился Кимов взгляд, — если бы Пан мог огорчаться, я решила бы, что он огорчен... уязвлен...

— Тем, что Вика ушла от Шурки?

— Тем, что Шурка совершеннейший... ну я не знаю, как это назвать. Ты же знаешь Шурку... кто бы мог подумать, с ним никогда не было никаких проблем... Спокойный веселый парень...

Такое впечатление, что росло здоровое сильное дерево, по нему один раз стукнули топором — и оно сразу набок...

— Ты с ним говорила?

— А о чем мне с ним говорить? Со здоровым мужиком? У него дочка взрослая... В двенадцать лет беспандемница... Это отдельный разговор, Кимка, ты извини, я не могу все вместе...

Она бесцельно заглянула в упаковку из-под морского салата, повертела ее в руках, будто желая удостовериться, будто та в самом деле пуста. Не глядя, бросила в иллюзорную глубину стены; упаковка, разумеется, не долетела, прилепилась к мягкому боку утилизатора, вползла в открывшееся отверстие, как кролик в пасть удава; Ким наблюдал за ней, пока отверстие не затянулось.

— Я будто попала в визор, в мелодраму, — сказала Александра. — Я понимаю, когда от человека уходит жена, — это трагедия... — она запнулась. Вдруг смутилась, отвернулась, сделала вид, будто полоска на длинном ногте очень ее заинтересовала.

— Продолжай, — кротко сказал Ким. — Ты же знаешь — Арина не бросала меня, я не бросал Арину...

— Разумеется, — Александра уселась и встала снова. — Но Шурка! Размазан по стенке. Как медуза. Оставил работу. Такое впечатление, что он в жизни не встречался с...

— А он и не встречался, — сказал Ким, вспоминая мягкого бородатого Никаса. — Какие такие стрессы ему приходилось преодолевать?

Александра долго молчала. Разглядывала Кима, будто собираясь написать его портрет.

— Он учился, — сказала она наконец. — Ему легко давалось, но... я не могу сказать, чтобы он так уж пасовал перед трудностями. Волейбол, плавание...

— Детский мир, — шепотом сказал Ким.

— Что?

— Ничего, извини, Аля... Так что говорит Пан?

— Пан говорит, что... Кимка, извини за дурацкий вопрос, а ты сам не говоришь с Паном? Вообще?

— Говорю, — сказал Ким и отвернулся. — Только и делаю, что говорю с ним, Аль. Знаешь... Иногда для этого вовсе не нужны беседки.

* * *

Его теперешняя жизнь была — бесконечный диалог с Пандемом. Вернее, монолог с Пандемом; Ким беседовал с внутренней тишиной. Ему не нужны были ответы; на том участке пути, кото-

рый он проходил сейчас, все варианты их были доступны — как нависающие над головой вишни в саду отца Георгия.

Я не могу не видеть в тебе человека, думал Ким. Ты сам расчетливо и точно вогнал в меня этот образ — свой человеческий образ. Так вгоняют шарик в подходящую по диаметру лунку. Ты убедил меня, что для тебя существуют не только добро и зло, но и нравственные и безнравственные, благородные и постыдные, достойные и недостойные поступки... А я, считавший себя разумным человеком, легко уходил от вопроса к самому себе: а почему это мировая сила этически ориентирована?

Да потому, что я хотел увидеть тебя таким, думал Ким. Циник увидел в тебе циника, мусульманин — мусульманина... Надо думать, рыбак увидел в тебе рыбака... Хорошо, что ты молчишь, Пандем. Хорошо, что я не вижу твоего лица.

Цель твоя... А почему мы считаем, что у тебя обязательно должна быть цель? Разве есть цель у Мирового океана? Или у звездной системы? Если есть, то мы не способны ее осознать...

Я вспоминаю себя, думал Ким. Двадцать пять лет назад, когда мы сидели на нашей крохотной кухоньке и беседовали. Я тогда не мог вместить тебя в сознании. Эта разница масштабов вводила меня в ступор. Помню, я все беспокоился, как бы ты не начал копаться в наших мозгах, модифицировать направо и налево... А ты уже тогда знал — если это слово к тебе применимо... Знал гораздо больше, чем я знаю сейчас, а я ведь знаю всего лишь крупицу этой большой и некомфортной правды... И все равно я понимаю, каким смешным был тот мой страх. Я боялся модификации, потому что воспринимал тебя как мог — по трафарету... Огромный человек с огромной властью. Суперкомпьютер, желающий добра. Не знаю, откуда я подцепил этот образ — могучего существа, делающего добро и потому особенно опасного. Из книг? Из кино?

А вот теперь выросло поколение, требующее у Пандема модификации. Ты знаешь, сколько времени у меня ушло, чтобы пересмотреть статистику Никаса... Я не уверен, можно ли доверять результатам его экспериментов, но статистика его — да... Ты знаешь, что девяносто процентов нынешних беспандемных ушли от тебя — им кажется, что ушли, — когда ты отказался модифицировать. Шурка обижен на тебя... Шурка, которого я знал как уверенного, гармоничного, решительного человека, мужчину... Он не может пережить внутреннего дискомфорта! Как для маленького Миши боль от растянутых связок кажется концом света... Это и в самом деле больно, но ты же знаешь, Пандем, в какой клинике я работал и что повидал на своем веку... Я был тогда Шуркиным ровесником, мне было чуть за тридцать...

Я все-таки говорю с тобой, как с человеком. Мне приходится останавливаться и говорить себе: перед тобой бездушная стихия, система... Мировой закон... Что ты такое, Пандем, никто не знает до сих пор...

Так вот. Когда мы сидели тогда на нашей с Ариной кухоньке... Арина... Нет, ты видишь — я не в обиде на тебя. Это было наше обоюдное решение... Когда мы сидели на кухне, и Арина спала в соседней комнате... Извини, мне надо отвлечься. Подумать о чем-то другом.

Вот, например, Никас. Я прекрасно понимаю, что все его выкладки надо делить, как говорится, на шестнадцать. Он говорит, что одна из твоих целей уже достигнута: ты отобрал — и прорастил — пригоршню зерен и теперь забросишь их на космическом корабле куда-то в новую почву... Что участники Первой Космической — одни из немногих, сочетающих в себе гармонию жителей рая и жизненную силу подкидышей, которые выросли в джунглях... Значит, в том далеком новом человечестве, которое ты, селекционер, организуешь, будут и мои гены... Мне гордиться?

И гены Арины...

Ладно, оставим Никаса. Скажи: неужели тогда, когда мы сидели на кухне двадцать пять лет назад, ты не предвидел обвальной инфантилизации человечества? Этого неудержимого стремления к внутреннему комфорту? Не могу поверить. Думаю, ты прекрасно знал то, что теперь знаю я: человечество, как оно есть, приспособлено для существования в трагичном мире. В том, какой был у нас до твоего прихода. Мы все мечтали о комфортном мире... И потому так радостно ломанулись за тобой. И получили награду... Наш мир полностью приспособлен для наших нужд. Трагедия ушла: осталась в лучшем случае драма. Или мелодрама. Пережитки прежнего мира — страх, ревность, стыд, разочарование — мешают, как песок в башмаке. Следующий естественный шаг — пусть все будут счастливыми. Ежесекундно. Спокойными и счастливыми. Ты можешь это сделать уже сейчас. Секунду назад. Может быть, ты уже это сделал?

И Ким оглядывался, как будто гипотетические «счастье» и «покой» уже витали вокруг в виде белых и розовых облачков.

Считай, что я пошутил, думал Ким и даже пытался усмехнуться. Чудовищная несправедливость, звериная жестокость мира, из которого ты нас вытащил, оправдали бы любую модифика-

цию. Да, оправдали, говорю что слышишь... Но ты выбрал другой путь. Ты искусственно создаешь препятствия тем, кто сейчас взрослеет. Чтобы дать им возможность развиваться, а не просто расти. Ты вернул нам страх выбора... но не до конца, потому что, во-первых, никакой выбор не фатален, а во-вторых, всегда можно пойти в беседку и спросить совета...

Ты знаешь, встреча с Никасом пошла мне на пользу. Я по-другому теперь смотрю на Первую Космическую... Я, отец, провожающий сына в неизвестность, где с ним может случиться все, что угодно, где он будет долгие годы жить в замкнутом пространстве и видеть небо только на стереоэкране... И я больше никогда его не коснусь... Современный отец сказал бы: он ведь сам этого хочет, значит, так ему лучше, и пусть летит. А я не современный отец, и мне всякий раз становится дурно, когда я понимаю, просыпаясь по утрам, что время до старта сократилось еще на один день...

Но если он, оказывается, зерно, избранник, посланец... Что, мне должно быть легче?

ГЛАВА 25

— Нагулялась? — сухо спросила Виктория Викторовна.

Юлька Тамилова сразу же выловила в голосе матери новые, прежде не звучавшие нотки. Насторожилась:

— А что?

— Надо поговорить, — сказала Виктория Викторовна.

— О чем? — спросила Юлька, удивленная.

— Скажу, — сухо пообещала Виктория Викторовна. — Сядь.

Юлька села. Мать смотрела на нее новым, странным, немного пугающим взглядом.

Юлька хотела молчать, пока мать первая не выложит карты — но этот новый взгляд нервировал ее, и в конце концов она не выдержала:

— Да что случилось?

— Давно ты беспандемная? — далеким каким-то голосом спросила мать.

— А ты будто не знаешь!

— В школу не ходишь?

— У меня индивидуалка... Ты будто не знаешь!

Мать молчала, не сводя с Юльки жестких изучающих глаз.

— Что случилось? — повторила Юлька, стараясь, чтобы голос прозвучал насмешливо.

— Я говорила с твоим отцом, — сказала Виктория Викторовна.

— Что?!

— И он полностью со мной согласился.

— В чем?

— В том, что мы слишком увлеклись своими проблемами и преувеличили твою взрослость. А Пандем...

— Да-а?

— Помолчи, — Виктория Викторовна поморщилась. — Что за дурацкая привычка перебивать через слово... Значит, так, Юлия Александровна. Я, как твоя мать, с полного согласия твоего отца заявляю тебе, что твоя беспандемная жизнь закончилась. Сейчас мы поговорим — и ты пойдешь в беседку.

Юлька молчала. Она ждала чего угодно, но не столь дикого поворота событий.

— Собственно, это все, — сообщила Виктория Викторовна после небольшой паузы. — Где ты будешь учиться и по какой программе, когда у тебя будет практика и когда экзамен — вы решите с Пандемом, я в этом все равно ничего не понимаю... По-моему, эти вживленные волоски уродуют тебя. Подумай о новой прическе.

— Погоди, — медленно сказала Юлька. — Я все думаю, ты шутишь или как? Я, стало быть, уже не свободная личность? Не член общества? Почему ты мне указываешь, что делать? И почему это я должна тебя слушать? И почему мой статус «без Пандема»...

— Я твоя мать! — резко сказала Виктория Викторовна, и глаза ее сделались нехорошего стального цвета. — А ты — ребенок. И останешься ребенком, пока не сдашь инициационный тест.

— С каких это пор... — начала Юлька. И вдруг поняла.

Ее приятель Панчо, четырнадцатилетний весельчак, который одно время вызывал у нее очень теплые чувства, куда-то пропал неделю назад. Ходили смутные слухи о том, что он оставил статус беспандемного. А еще пару дней назад из их компании исчезли, не прощаясь, две лихие девчонки...

— Это война, — сказала Юлька сквозь зубы. — Дядя Пан развернул против нас войну. Я-то смеялась, когда Булька сказал... Раз несовершеннолетний — значит, все равно что раб. Вещь. Всех, кому нет двадцати, — под Пандема. Ну ничего!

Еще не понимая до конца, что она собирается делать, Юлька

перемахнула через полупрозрачную оградку, отделяющую комнату от веранды, как была, босиком пробежалась по траве и вскочила на ворсистое покрытие дорожки.

Мать, возможно, что-то крикнула вслед. Было бы естественно, если бы она крикнула. Юлька не слышала все равно — не то ветер свистел в ушах, не то стучала-бухала кровь.

Перескакивая с дорожки на дорожку, она добралась до скоростной полосы и там села, обхватив колени руками. Скоростная полоса охватывала район кольцом; когда-то именно Юлька уговорила мать поселиться именно здесь — в других районах устаревшие эскалаторы давно демонтировали, построили платформы земля-воздух и прочие скучные прибамбасы, а скоро, говорят, устроят и порталы...

Юлька зажмурилась. Портал — это же издевательство над самой идеей путешествия. Шагнул — и дорога закончилась... Значит, ни движения, ни ветра, вообще ничего...

Вокруг были какие-то люди. Переходили с дорожки на дорожку, постоянно с кем-то говорили по внутренней связи. Юлька крепче сжала зубы, активизируя переговорник.

— Да? Я слушаю?

— Дед, — сказала Юлька. — Привет.

— Привет, — сказал Алекс. — Давно не звонила.

— Ты слышал новость?

— Да.

— Кто тебе сказал?!

— Пандем. Я в беседке.

— В беседке?! Дед, скажи ему, что я не пойду. И никаких ему экзаменов сдавать не буду.

— Значит, тебе сказала мать, — в голосе деда Юльке послышалось странное удовольствие.

— Да, кто же еще?

— Значит, твоя мать наконец-то вспомнила, что это она тебя родила, а не Пандем...

— Ну и что?

— Это для тебя «ну и что», а для некоторых — очень важно... Ты где?

— Еду.

— Куда?

— А никуда, просто так... Может быть, к тебе.

— Приезжай, — легко согласился дед. — У меня большая удобная беседка.

— Что?!

— ...Вот и побеседуем втроем. Ты, я и Пан.

— Я же сказала, что не пойду ни в какую... Дед, я на тебя надеялась! Ты, это ты... Я думала, ты!..

— Прекрати истерику, — жестко сказал Алекс. — Если ты вырастешь такой же безвольной неврастеничкой, как твой отец, я буду считать себя вдвойне виноватым...

Дед осекся. Кажется, Пандем что-то ему сказал. Наверное, чтобы не говорил Юльке, что у нее плохой отец...

Она оборвала связь, не прощаясь. Лента едва ощутимо подрагивала; Юлька заглянула за прозрачный щиток, прикрывающий пассажиров от ветра. Антеннки на ее висках взлетели, подхваченные потоком, стало даже немножко больно...

— Алло, папа?

— Юлечка? Привет, я...

— Пока, пап. Со мной все в порядке.

Отбой. Блокировка вызовов.

Время шло. Пассажиров стало меньше; море огней справа и слева то выплывало из-за крон, то снова пряталось. Лента с сидящей Юлькой описывала уже десятый круг; ее обида и злость догорали, сменяясь пустотой и усталостью. И где-то там, глубоко в душе, лежала удобная мысль, до которой еще надо было докопаться. На которую предстояло решиться, и Юлька уже знала, что подумает *это,* но все ждала и оттягивала. Лента — как вечный двигатель, Юльку никто не торопит, она может сидеть так годы и годы, всю жизнь...

Она, оказывается, хотела вернуться к Пандему. Все эти тяжелые, нервные, несчастливые месяцы, когда приходилось смеяться напоказ... Она хотела и не могла, потому что это была бы слабость уже не только в собственных глазах — в глазах новообретенных приятелей.

А теперь она может. Ее грубо принудили. Она станет говорить, что взбредет в голову, — но Пандем понимает без слов в отличие от прочих; за эти месяцы Юлька убедилась еще раз, до чего люди, и особенно подростки, тупы. Нет, они забавные... С ними интересно... Но они не просто не читают мыслей — они не понимают, если объяснишь...

Растянувшись на ленте и закинув руки за голову, Юлька подумала, что это похоже на конец дурацкого сна. Ей когда-то снились такие... Пандем объяснил потом, как к ним надо относиться... Пандем...

И она уснула. Наверное, это было лучшее, что она смогла бы сейчас сделать.

* * *

Джил была сотрудницей бородатого Никаса. Ким отлично запомнил ее еще и потому, что при темной, почти черной коже у нее были белые прямые волосы, молочные брови и густые, будто покрытые инеем ресницы. Когда она сказала: «Это Джил Дор из института Отиса», Ким сразу воссоздал ее портрет. Экзотичный образ Джил все еще стоял перед его глазами, когда она сказала:

— Никас Отис умер.

Ким молчал.

— Он покончил с собой, — сказала Джил. — Вы же знаете, он беспандемный. Был.

Ким молчал.

— Я сообщаю вам потому, — сказала Джил, — что за день до того... еще вчера... он собирался с вами связаться. Именно с вами. Он что-то хотел вам сказать.

ГЛАВА 26

Он почему-то думал, что между окончательным формированием экспедиции и стартом должно пройти хотя бы полгода. Он полагал, что люди, отправляющиеся в космос навсегда, должны получить что-то вроде последнего отпуска. Побыть с родными хоть месяц. Увидеть горы, море, вернуться на родину — пусть на несколько дней.

Инструктаж, подготовка... Какой, к черту, инструктаж, Пандем инструктирует их ежесекундно. А подготовкой была вся их предыдущая жизнь — Виталька прав. Они совершенно готовы. Они не нуждаются в отпуске; у них гора работы. Киму знакомо это чувство — когда чешутся руки, надо успеть то и это, кажется, что времени впереди совсем мало... Каких-то двести или триста лет...

А что до прощаний с семьями — ни у кого из них нет мужей и жен вне экспедиции. Никто из них не успел обзавестись детьми. Родители, бабушки и дедушки, братья и сестры придут, конечно, к старту, и устроены будут веселые похороны... то есть проводы...

Ким почему-то думал, что у него есть время до Виталькиного отлета. Оказалось, уже нету. Экспедиция отбывает на орбиту, на предстартовую позицию — сегодня их последний вечер на Земле...

Поэтому сегодня он увидит Арину.

Он, конечно, не ждал, что команда в сверкающих комбинезонах с нашивками выстроится на помосте, давая возможность благодарному человечеству ощутить комок гордости у горла. Он не ждал ни шествий, ни речей, ни хороводов; он не ждал и того, что все они встретятся в беседке. Огромной беседке, способной вместить сто шестнадцать человек экипажа вкупе с ближайшими родственниками и совсем немногочисленными друзьями...

(Ромка присутствовал виртуально — одновременно на проводах брата и в кафе с какой-то девушкой. С обеими тетками, дядьями, бабушкой и дедушкой, двоюродным братом Шуркой и кузиной Иванной Виталька простился заблаговременно.)

Пространство внутри зала-беседки было устроено хитроумно даже для привычного Кима; множество людей разбрелось по закоулкам и ярусам, обретая уединение и одновременно оставаясь вместе. Как фигуры на шахматной доске — каждая внутри собственной клетки, но плоскость одна на всех; Арина сидела на теплом выступе колонны, похожей на тысячелетний древесный ствол. Виталька устроился у ее ног, а Ким стоял напротив, и они молчали.

За то время, что они не виделись, Арина не изменилась. Где-то глубоко в душе эта неизменность Кима уязвляла.

Они молчали вот уже тридцать пять минут. Художественное молчание, глубокое, как космос. Арина могла сказать что-то вроде: «Ты улетаешь, это лучшее на свете приключение, мы будем уже глубокими стариками, а твое завтра — через час после старта — будет длиться десятилетиями и веками, разве не забавно?» Но Арина, разумеется, не раскрывала рта. Тот, кто по-настоящему сжился с Пандемом, весьма экономно пользуется словами, особенно если собеседник — близкий человек.

Может быть, это плохо, думал Ким. Может быть, если бы мы с Ариной наговорили друг другу тонну словесного мусора, во всей этой груде случайных слов нашлось бы два-три необходимых.

Вот Виталька. Он мог бы сказать сейчас: «Я улетаю, стало быть, имею право на последнюю просьбу к вам, мама и папа. Пожалуйста, найдите время и место, поговорите друг с другом, не боясь случайных слов, банальностей, глупостей, даже фальши не боясь, черт с ней. Я почти уверен, что под горами всей этой звучащей ерунды найдется два-три слова, способных...»

Они не могли бы его ослушаться и назавтра — или неделю спустя... Существует ли — там, для Витальки — столь малая единица времени? Они послушно говорили бы, и — Ким знает — напрасно, потому что слова не бывают волшебными...

Очень жаль, думал Ким. У меня есть последний шанс сказать Витальке что-то такое, что он сможет вспоминать и через миллион лет... Почему я не придумал этих слов заранее?!

...Мне кажется, *она* слишком мало грустит по Витальке. Кто я такой, чтобы ходить за ней с градусником для измерения грусти?

Я мог бы сказать: я так рад тебя видеть. Я как собака, которую одновременно гладят и бьют: я рад тебя видеть, я потерял тебя, я теряю Витальку, я боюсь думать о Никасе. Уж лучше бы тут был громкий оркестр, длинные речи, гимны, цветы...

Нас по-прежнему что-то связывает, думал Ким. Виталька потянет за собой не только ниточки воспоминаний... родства... принадлежности... все эти тонкие теплые капилляры, для которых расстояние не имеет значения... Он потянет за собой жгутик моей обиды... или как называется это чувство? Я не могу остановить моего сына. Даже если сейчас расскажу ему о Никасе. Даже если совру... Может быть, напрасно я не боролся за него, так легко передал в Пандемово распоряжение? Он потянет за собой этот мутный упругий жгутик, может быть, поначалу не осознавая этого. Но когда у него будет свой сын...

— Двадцать пять лет, — сказала Арина медленно. — Наверное, ты закончил бы какой-нибудь институт. Может быть, отслужил бы в армии... В армии, какой ужас. Наверняка болел бы...

— Мама? — осторожно спросил Виталька.

— Если бы не было Пана, — пояснила Арина. — Я вот сейчас подумала, как сложилась бы наша жизнь, если бы Пандема не было.

— ...Жизнь? — переспросил Виталька после длинной паузы.

Он мог бы сказать: не было бы Пана — не было бы жизни. Пандем — это и есть жизнь; мы будем жить столько, сколько захотим, и так, как сочтем нужным. Мы будем менять все, что наскучит. Мы будем хранить все, что дорого. Посмотрите же наконец на звезды — этот мир наш, мы его заселим, и там, далеко, каждый из нас станет Пандемом...

Но Виталька молчал и недоуменно смотрел на Арину.

...Много десятилетий назад на каком-то празднике в начальной школе маленький Ким Каманин вдруг забыл слова стихотворения; его очередь выступать все приближалась, он стоял в шеренге нарядных детишек обморочно-бледный, словно перед расстрелом, и в единую секунду — в ту коротенькую паузу, когда предыдущий писклявый чтец уже замолчал — вдруг вспомнил все до последнего слова, как будто стишок был нацарапан огненным гвоздем на стене перед Кимовыми глазами. С тех пор прошли десятилетия, он забыл и праздник, и стишок, и себя-ребенка, но ощущение внутреннего прорыва — вспышки, освещающей мозг изнутри — моментально восстановило в памяти запах астр и запах новой рубашки, рисунок линий школьного паркета, и ту решительную, в холодном поту радость...

— Иди, — сказал Ким. — Давай...

Сидящий Виталька быстро поднял голову, и Ким встретился с сыном глазами.

Он мог бы сказать — «я верю в тебя» или еще что-нибудь столь же патетическое. Он мог бы сказать — ты прав, я признаю, теперь я отпускаю тебя с легким сердцем, лети, полетай...

Сын смотрел на него снизу вверх. Как все, кто вырос при Пандеме, он был научен видеть под словами поступки. Может быть, когда у него будет собственный сын...

— Удачи, Виталька, — сказал Ким еле слышно. — Счастливо.

— Спасибо, — тихо отозвался Виталька.

* * *

Его окликнули сзади.

Он остановился, но оборачиваться не стал.

Орбитальная станция, отлично видимая на ночном небе, ушла за горизонт. Арина уехала, помахав рукой из-за дымчатого щитка, по привычке называемого «ветровым стеклом»; Ким остался один и был совершенно один посреди парка, пока его не окликнули.

— Ким...

Он наконец-то обернулся.

Тот, кто позвал его, стоял шагах в десяти. За спиной у него были огни транспортной развязки, потому лица Ким, разумеется, не видел.

— Не надо, — сказал Ким. — Мне кажется, это не совсем честно... Понимаешь?

Его собеседник молчал.

Ким вспомнил: секунду назад он сказал сам себе, что готов, пожалуй... Что наконец-то, как перед броском в воду — готов...

И вот.

Он шагнул вперед. Его собеседник не двинулся с места; Киму зачем-то захотелось потрогать его за рукав. Универсальная ткань «эрго», мягкая и жесткая одновременно, не рвущаяся и устойчивая к загрязнению, самокрой, терморегулятор, массаж, эффект хамелеона...

«Я прячусь, — подумал Ким. — Мое сознание дает петли, как заяц в снегу. Мне нужно время, чтобы принять эту картинку — ночь, Виталька улетел... И *он* пришел ко мне. Как ни к кому не приходит вот уже много лет...»

— Спасибо, — сказал его собеседник.

— За что?

— За то, как ты проводил Витальку... И еще за то, что ты не поверил ни на секунду, будто это *я* убил Никаса.

— Выйди на свет, — попросил Ким. — Я давно не видел твоего лица...

— Никас сказал бы, что ты совершаешь обычную ошибку. У существа, подобного мне, не должно быть лица.

— Никас был прав?

— В чем-то да... Ты знаешь, я ведь был немножко Никас. Я умер вместе с ним. Я умираю ежесекундно — с теми стариками, которые ложатся спать и не просыпаются...

Он стоял очень близко. Киму казалось, что он чувствует его дыхание. Как там говорил Никас? «...приучены Пандемом воспринимать его как человека... Как этически ориентированное существо...»

— Послушай, — медленно сказал Ким, — Пан... Я не могу говорить с тобой. Я отвык. Давай сядем хотя бы на скамейку...

Скамейка покачивалась в воздухе — сантиметрах в сорока от земли. На самом краю лежала кукла, забытая еще днем кем-то из бегавших в парке детей; Ким бездумно взял куклу в руки. Посадил на перила; кукла упала. Ким поймал ее на лету.

Пандем уселся рядом. Ким наконец-то увидел его лицо: Пандем был теперь вне возраста. Ему можно было бы дать и «плохие» тридцать, и «хорошие» шестьдесят — в зависимости от освещения. И еще в зависимости от того, как он смотрел.

Будь он человеком...

— Пан, зачем ты...

— Не спеши. Тебе кажется, что времени нет — а его полно. У тебя. У меня. Очень много времени. Не суетись.

— Ты — сейчас — говоришь с Виталькой?

— Да. И он счастлив. Как минимум половина этого счастья — твоя заслуга.

— Что он делает?

— Тестирует стыковочный узел. Думает терминами. Вспоминает свой день рождения, когда ему исполнилось десять.

— А...

— Она уже спит. Ей снится луг, туман, по лугу бродят лошади... Очень красивый сон.

— Она по-прежнему дни и ночи проводит в беседке?

— Нет. Она знает, что я рядом, даже когда я не отвечаю.

— Ты ей нужнее, чем я.

— Вот формула, которая тебя мучит.

— Ты ей нужнее, чем я, чем дети... Пускай. Мне достаточно знать, что она... что с ней все хорошо.

— Она одинока. Если это называется «хорошо», то тогда, конечно...

Ким открыл рот, чтобы ответить, но решил, что слова излишни. Все, что можно было сказать и подумать, было давно передумано и сказано.

— Пан... Тебе важно, чтобы я видел в тебе человека?

— Ты неправильно спрашиваешь. Почему именно человека? Люди придумывают характер своим машинам, жилищам, игрушкам... В примитивный искусственный интеллект впихивают представления о добре и зле — хотя бы на уровне «полезно-вредно». Сейчас ты хочешь спросить меня: «Пандем, тебе так важно, чтобы я видел в тебе справедливое или несправедливое, доброе или злое, благородное или коварное существо?»

— Ладно, — сказал Ким, глядя на далекие огни. — Пусть так... А если спросить по-другому: Пандем, ты в самом деле имеешь представление о добре, зле, любви, совести... весь этот звонкий инструментарий, который я подсознательно... и даже сознательно, чего там... пытаюсь тебе навязать?

Пандем вздохнул; плечи, обтянутые самокроящейся тканью «эрго», поднялись и опустились.

— Хороший вопрос, Ким... Очень хороший. Я бы сказал, корневой... Тебе осталось спросить только, а что же такое любовь и совесть в моем исполнении. И еще — могу ли я избегать ошибок. Когда ты вереницей задашь эти три вопроса, мне останется лишь улыбаться смиренно, благо сегодня я в человеческом обличье и у меня есть рот, чтобы улыбаться...

— А ответов я...

— А смысл в ответах? Ты всегда можешь сказать себе, что я соврал. Или ответил не полностью. Или вообще создал в твоей голове иллюзию ответа...

— Я никогда не пойму тебя, — сказал Ким с ужасом.

Пандем повернул голову и посмотрел Киму в глаза. Взгляд был совсем не такой, как с экрана, с монитора, с изображения на сетчатке: взгляд был тяжелый, Киму сделалось душно.

— Ты уже понял, — сказал Пандем шепотом. — Ты понял, что в самом деле... не поймешь.

Ким молчал.

— Прости, — сказал Пандем. — Тебе кажется, что я пришел к тебе в человеческом обличье, чтобы подкупить... надев маску овечки. На самом деле это обличье — адаптер... между тобой и тем, *что* сейчас я.

— Пан...

— С тех пор когда мы разговаривали у тебя на кухне... я вырос во много миллионов раз. Ты действительно не поймешь меня.

— Никас, — прошептал Ким, содрогаясь от внезапной догадки.

— Да.

— Он понял, до какой степени ты непознаваем?

— Он осознал... то, что было для него осью мироздания, оказалось всего лишь тенью... от верстового столба. Нет... Давай все-таки не говорить, почему он умер. Это слишком... личное.

Ким все еще вертел в руках чужую куклу. Тепло его ладоней «оживило» игрушку, кукла открыла глаза, разинула рот, будто требуя пищи, и тихонько захныкала.

— Значит, теперь тебе... тому, чем ты стал... вообще бессмысленно задавать вопросы? — тихо спросил Ким.

— Нет... Не бессмысленно. Просто будь готов к тому, чтобы получить неполный... или некомфортный ответ.

Излишняя «живость» куклы раздражала Кима. Он положил ее на скамейку рядом с собой; кукла ворочалась. Он мимоходом подумал — до какой же степени равнодушным должен быть ребенок, чтобы забыть такую куклу в парке... Если даже у Кима проблескивает инстинкт опеки — кукла представляется живым существом...

— Мы очеловечиваем, — сказал он вслух. — Невольно. Машины, жилища, игрушки... И тебя, Пан. Особенно когда ты совершенно по-человечески смотришь...

Его собеседник усмехнулся:

— Смотреть по-человечески может и стекляшка с фотоэлементом... Ты хотел спросить, зачем после двадцати лет полного контакта с человечеством я «отстранился», придумав беседки. Ты хотел спросить, исправляю ли я совершенную ошибку.

— Да.

— Человеческая личность растет и развивается только тогда, когда ее миром правит античный рок. Красиво, сумрачно... кроваво... мальчики-беспандемники приносят в жертву неизвестно

кому пластнатуровых кукол. Каждый из этих мальчиков — немного я сам.

— Ты шутишь?

— Немножко.

— Ты в самом деле совершил ошибку? При всей информации, которая у тебя была? Ты — не предвидел — что так — будет?!

Пандем смотрел на Кима; он не был похож сейчас ни на одно из своих изображений. Выдержать его взгляд становилось все труднее.

— Вот в чем закавыка... Вот в чем беда, Ким. Либо я объективен, либо могу позволить себе немножко любить. Либо я люблю, либо избегаю ошибок... Вот так, приблизительно.

И стало тихо. Даже кукла, остывшая без человеческих рук, затихла на скамейке.

— Пан... «Люблю» — это фигура речи?

Пандем шумно, очень по-человечески вздохнул.

— А должен ли ты любить? — шепотом спросил Ким. — Я не спрашиваю, можешь ли ты... Ты можешь все... Ну ладно, почти все. Но кто тебе сказал, что ты должен любить человечество?

— Мы подошли к третьему, самому занимательному вопросу: любовь в моем исполнении.

— Пан...

— Тебе кажется, что я ерничаю? Вовсе нет... Вот ты любишь Арину. И Витальку. И Ромку, хотя мало его понимаешь.

— Да... Но — ты меня прости — ты ведь не создавал этот мир. Ты не можешь относиться к нам, как к своим детям. Или хотя бы плоду вдохновения, вроде как композитор к симфонии... Почему твое отношение к этому миру столь... эмоционально окрашено?

— Неполный ответ... Хочешь?

— Пусть хоть неполный.

— Я в какой-то степени порожден человечеством. Я вышел из него, как... клетка из первобытного бульона. Человечество — часть меня. Да, оно далеко от совершенства. А что такое совершенство? Отсутствие такого дорогого мне развития... Ладно, тебя раздражает слово «люблю». Давай назовем это «осознанием своего»... или даже «инстинктом самосохранения» — ты ведь желаешь добра своей печени, извини за столь грубую параллель... Вот это он и был, неполный ответ. Ты неудовлетворен.

— Нет, почему...

— Вернемся к тем, кого ты... к объектам положительно окрашенного эмоционального отношения. Твои отец и мать, Арина,

сыновья — если бы ты мог им устроить жизнь, состоящую из одних радостей, ты бы устроил?

— Да.

— А если бы ты был миром, где они живут?

— Я понимаю, о чем ты...

Пандем заложил руки за голову. Скамейка плавно качнулась; чуть дрогнула земля — там, глубоко, суетился подземный транспорт.

— В моих силах сделать так, чтобы ни одно человеческое существо ни разу в жизни не испытало дискомфорта. Вообще никакого. Понимая, насколько этот путь пагубен, я должен сыграть палача. Я специально перепрыгиваю через промежуточные рассуждения, ты меня понимаешь и так. Старики, которые еще могли бы жить, не просыпаются в своих кроватях — я сам назначаю им дату смерти. Каждый из них — немножко я... Для того чтобы обучить детей элементарному состраданию, я должен мучить их. Но если в мире, который был до меня, всякие неприятности генерировались безличной судьбой, на которую вроде бы грех жаловаться... *Теперь я сам должен посыпать дороги битым стеклом* для босых детей.

— Пан...

— Мир, населенный счастливыми манекенами, — когда-то ты очень этого боялся. Но, как ты помнишь, я не собирался сделать всех на свете счастливыми. Я собирался дать каждому возможность свободно расти. Разумеется, каждая настоящая личность неповторима, иногда неповторима до неприличия, и потому векторы развития этих самых личностей торчат в стороны, как иголки дикобраза... Кое для кого статус беспандемного — высшее достижение на пути внутреннего самосовершенствования... Видишь ли. То самое свободное развитие, которое для меня столь важно... его можно было бы назвать моей целью, если бы у меня в самом деле была цель... развитие невозможно, пока я люблю этот мир. Примерно так.

Ким поднял глаза на сидящего рядом и сразу же отвел взгляд — как будто его толкнули в лицо мокрой холодной ладонью.

— Миллионы детей, — сказал Пандем. — «Думай сам» — волшебная фраза. Конечно, они услышали ее от меня не впервые... Легко представить меня идиотом, растящим прежде всего послушание. Алекс Тамилов очень переживал, когда спустя много лет вдруг понял, что я не идиот и никогда им не был... Правда, раньше я был добрым. Теперь я оптимален. Время наших встреч ограничено, а дети ведь растут. Система должна управляться жестко... Когда я сам был этой системой — был с каждым из них в любой момент времени — я мог позволить себе максимальную мягкость. Теперь — нет. Теперь они — вне меня... Изуверский «экзамен на взрослость» — инициация — тогда тоже не был нужен. Теперь — необходим.

— Бегут в беспандемники...

— Не спасаясь от жесткости, нет. Бегут почти всегда те, кто уже вырос... Кого я вырастил... Они хотят быть счастливыми каждую минуту. Они считают, что я должен — обязан — это счастье им предоставить. И обижаются, получив отказ. И бегут.

— Не понимаю, как человек, в котором ты был с первых дней жизни, может отказаться от тебя...

— Игра. Подсознательно они ощущают, что я все еще здесь, рядом. Выходка ребенка, который знает, что за ним наблюдает взрослый... Для того чтобы они взрослели, я должен превратиться в машину боли, Ким.

— Ты преувеличиваешь.

— *Конечно. Но не столь уж сильно.*

— Те, кто сдадут экзамен на взрослость, будут уже другими?

Пандем молчал.

— Я ведь не могу читать твои мысли, как ты читаешь мои...

— Да. Они будут другими. Если экзамен на взрослость принимать по-взрослому... Но видишь ли, Ким. Мальчишка, сдавший такой экзамен, никогда не поверит, что я его... по крайней мере не ненавижу.

— А тебе важно, чтобы он верил?

— Да, потому что это правда. Я, любящий его, колю его иголками и тычу носом в дерьмо... Чтобы он, скотина, развивался сознательно и творил свободно.

— Я не верю, что нету других путей.

— Нету. Биология человека, физиология, психология — все это «заточено» под мир, полный боли. Преодолевая боль, человеческое существо может подняться до пес знает каких высот — высот духа, разумеется... Посмотри на Диму, быстовского сына. Которому ты ногу вправлял. Помнишь?

— Разумеется, — пробормотал Ким.

И положил руки на колени, чтобы унять вдруг возникшую дрожь. Ни разу в операционной у него не тряслись руки. Ни разу...

— Ты не убедил меня, — начал Ким. — Не убедил, что все твое развитие-творчество — такая уж ценность. Ценнее счастья.

— Елки-палки, — тихо и как-то жалобно сказал Пандем. — Ну конечно... Мир счастливых кукол. Хоть сейчас.

— Если не модифицировать...

— Тогда мир тоскливых кукол, не имеющих цели, бестолково ищущих цель и вечно натыкающихся на стены. Скучающих, не знающих ни боли, ни радости. Запросто. И тоже хоть сейчас.

Пандем толкнул землю ногами. Скамейка качнулась сильнее, заскользила взад-вперед над метелочками травы, и чужая игрушка чуть не соскользнула с сиденья — Ким успел придержать ее за ногу.

— А когда-то ты говорил мне, Пан, о будущем... Первый качественный скачок — отмена необходимости смерти... И в конце концов переход человечества в иную форму существования... Ладно, человек-из-мяса принужден вечно болтаться между сортиром и храмом. Но почему не поискать другое воплощение, другой, если хочешь, носитель... Человек-импульс, человек-информация, душа, не обремененная трупом... Чтобы можно было сочувствовать, самому не зная, что такое боль. Передавать детям опыт, ничего не искажая, не расплескивая при этом половину... По желанию уходить от реальности и возвращаться в реальность. Не зависеть от времени, не отвлекаться на физиологию... Жить вечно...

Пандем странно посмотрел на него. Ким не понял этого взгляда; по спине у него продрал холодок, тем более неприятный, что вот уже десять секунд прошло, а он все не понимал.

— Мир, который ты вообразил сейчас, имеет традиции, — медленно сказал Пандем. — Его уже описывали... Много раз. Это загробное царство.

— Погоди...

Пандем взял у него куклу. Закрыл ей распахнувшиеся было глаза.

В наступившей тишине Ким поднял голову и посмотрел на небо. Сквозь наползавшие со всех сторон облака еще просвечивали несколько последних утренних звезд. Орбитальной станции не было видно.

— Пан... Что, будущего больше нет?

— Есть, Ким. Я думаю, есть.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОД ПАНДЕМА

ПРОЛОГ

К тридцати годам Юджин Травников имел общественный статус столь внушительный, что ему завидовал даже собственный отец, знаменитый во всем мире художник. Хотя отец, конечно, делал вид, что не завидует Юджину, а заботится о нем.

— Я же о тебе забочусь, — говорил отец, выходя на связь утром и вечером. А сам звонил в администрацию Института Человека, в котором Юджин работал, и просил координатора «придержать» очередное повышение Юджина по рейтинговой сетке. Куда там!..

Юджин был энтузиастом. Это ему принадлежала идея «обуздания виртуальности»; это по его инициативе в лучших мировых школах ввели преподавание натурологии — науки о естественных человеческих возможностях. Сам Юджин проводил по десять таких уроков в неделю — пять (показательных) в реальности и пять по сети.

Юджинов организм был одновременно и пособием по натурологии, и учебником по реализации человеческих возможностей; у Юджина не было ни пищевода, ни желудка, ни кишечника, он питался энергией в чистом виде, а вкусовые ощущения — вкупе с имитацией утоления голода — формировались прямо в мозгу. Юджин никогда не спал — только «перезагружался» каждые тридцать часов. Юджин мог дышать под водой; Юджин имел возможность менять волосяной покров по всему телу два раза в сутки (чаще, к сожалению, пока нельзя было, начинались нежелательные процессы в тканях.) Он являлся на свои открытые уроки, покрытый светлой вьющейся шерстью (идеальная защита от холода, ветра, солнечной радиации), и «линял» прямо на глазах любознательных малышей: из его шерсти потом вязали сувениры и делали игрушки. Все в ваших руках, говорил Юджин школьни-

кам. Человеческий организм — сам по себе большая ценность, жизнь в реале заведомо интереснее, чем игры в виртуалке, и будущее — за натурологией, а не за технологией, спросите хоть Пандема. А ведь натурология — такая еще молодая наука! Просто дух захватывает от возможностей, которые перед вами, передо мной, перед всем человечеством раскрываются...

Он любил, забравшись в леталку, пройти на бреющем полете над городом и над морем. Зеленые горы, разных оттенков трава, кроны гигантских деревьев, фигурные шпили воздушных станций, дельфиньи спины в прозрачной воде цвета индиго — ах как хорошо было мечтать, что когда-нибудь он пролетит над ними на собственных крыльях... Всего лишь несколько лет — и реализован будет его лучший проект, замечательный проект под названием «Птеро»...

Он почти никогда не ходил в кинишку и не играл в игрушки. Жизнь и творчество почти целиком занимали его время — а остаток времени занимали романтические встречи. Женщины его обожали, потому что у его организма было еще одно замечательное свойство, о котором школьникам по традиции не сообщалось...

Он не кривил душой никогда и ни перед кем. Он знал, чего хотел, и шел напрямик к своей цели; он был совершенно счастлив. Когда отец, завидуя, пытался уколоть его — например, утверждая, что все на свете придумал Пандем и что без Пандема человек вообще никуда не годится, — Юджин усмехался и даже не пытался спорить, и этим злил отца пуще прежнего.

Однажды, навестив отца без предупреждения, Юджин увидел на экране рабочего компа почти законченную картину — лохматый зверь с человеческим лицом, покрытым рыбьей чешуей. Отец, правда, тут же спрятал работу — но Юджин обладал свойством фиксировать в памяти все, один раз увиденное; он вызвал картину на экран «внутреннего взора» и почти сразу понял, что странное и неприятное существо очень похоже на него, Юджина, и что отец, конечно же, остается великим живописцем, потому что выражение бесконечного самолюбования, написанное на чешуйчатой морде, передано так живо и ярко, как это не удалось бы ни одному компьютеру.

— И как называется? — спросил Юджин, в душе посмеиваясь над отцом, которому Юджинов статус, как видно, не давал спокойно спать.

— «Портрет поколения», — сказал Геннадий Травников глухо.

Юджин мимоходом пожалел отца — и, желая переменить тему, заговорил о другом.

ГЛАВА 27

Утром они сдали биохимию на «плюс» и теперь валяли дурака.

Сперва гонялись за мячом просто так. Потом подключили дистанционку; разыгрались до того, что пришлось надеть маски, чтобы ревущий в воздухе убойный мяч не припечатал по морде (а это неприятно даже без сенсорного режима, или «щекоталки», как теперь его принято было называть.)

Потом Мише надоело, и он ушел валяться в кустах Просто Так. Не удавалось и вспомнить, когда ему в последний раз приходилось заниматься этим в высшей мере бессмысленным — и таким прекрасным — занятием. Все дела, дела...

Он долго смотрел, как ползет гусеница по рукаву комбинезона. Принял вызов от мамы; сказал правду — биохимию на «плюс», сейчас смотрю на гусеницу. Мама все поняла — пожелала спокойно гулять, отключилась.

Потом он подумал о Кирилле, который набрал на десять баллов больше. И о новом тренажере, который, говорят, собрали на Фиджи. И о том, что до вечера еще три или четыре длинных часа...

Потом его благоденствие было прервано официальным вызовом из школы. Он принял сигнал; перед его глазами — прямо поверх картинки ползущей гусеницы — замельтешили циферки, и по всему выходило, что через час у него практика. Отказываясь верить собственному зрительному нерву, он два раза переспросил школьный информаторий — но все было правильно, Пандем не желает понимать, что такое «дуракаваляние» и что для Миши значит сдать биохимию на «плюс»...

Он поплакал бы от злости, если бы не знал, что каждая его слеза аукнется потом в беседке — едкой насмешкой, от которой взвоешь, как от тысячи практик. И, чтобы не терять времени, он поднялся с травы и поспешил на развозку, и прямо у входа на полигон столкнулся с другим внезапным практикантом — Кириллом...

Кириллу, по-видимому, стало несколько легче от того, что не он один в этот прекрасный вечер мучается. Как там сказано — заботу раздели пополам, будет половина заботы...

Им предстояло работать в паре, и вводная, по крайней мере для Миши, была нестрашная. Это Киру предстояло практиковаться на «волевое усилие», а Мише — всего лишь на «профессиональные навыки», да и то простенькие — развертывание ап-

паратуры, кое-какие тесты, которые они успешно освоили еще на прошлой неделе...

Правда, подзаголовок практического задания был — «в сенсорном режиме». И на втором этапе работы предполагалась какая-то «дополнительная информация». Миша все еще думал об этом, когда они стояли перед шлюзом в ожидании сигнала.

— Ты что делал, когда тебя сдернули? — шепотом спросил Кирилл.

— Так... Просто так, — ответил Миша, и Кирилл понимающе кивнул:

— А мы с ребятами на лошадях катались в питомнике... Черт подери, вот как...

Прозвучал сигнал, и окончание фразы так и осталось у Кира во рту.

...Начали неплохо. Правда, сразу после подключения тестер засбоил, и Мише пришлось вычислять причину разбалансировки и на ходу править программу — тем не менее он уложился в отпущенное время и даже с опережением на сорок секунд. Кирилл проворно, как мышь в нору, загрузился в «ванну» — на самом деле никакой воды там не было, а был особый субстрат, начиненный нервными окончаниями медкомпа. Миша активировал «ванну», на большом экране пошла картинка: жизненные процессы Кириллова организма отобразились в цвете и динамике, и все они соответствовали норме (патологии Миша никогда не видел, эта практика еще впереди).

Первый этап задания был пройден и зафиксирован; Миша прикрыл глаза, чтобы панорама Кирилловых потрохов не мешала читать с век ту самую дополнительную информацию, что была обещана с самого начала. Кирилл тоже что-то читал, и пульс его чуть участился.

Хронометр у обоих был встроенный — и Миша, и Кирилл считали секунды, не глядя на часы. Задание было неожиданным: на счет «ноль» Миша должен был послать Кириллу слабый болевой импульс, после чего контролировать энцефалограмму; если на счет «шестьдесят» амплитуда колебаний превысит верхнюю границу нормы, Миша должен посылать второй импульс, сильнее, и контролировать амплитуду на счет «сто двадцать» и так далее. Заданием Кирилла было успокоиться и «загнать» пляшущую линию графика в рамки. Кажется, не так сложно — при том что у Кирилла самый высокий в их группе болевой порог...

— Пандем в помощь, — пробормотал Миша. — Поехали, всадник.

И послал первый удар. Оба не ожидали, что он окажется таким сильным; картинка на экране переменилась разом — скакнуло давление, сократились мышцы диафрагмы, а сам Кирилл, запертый в ванне, вскрикнул от неожиданности:

— Ого...

Желая помочь ему, Миша убрал с экрана все картинки, кроме энцефалографа. Зеленая мохнатая линия моталась, изгибалась, за ней мерещились верхушки фантастического леса; Миша подумал, что такую вот картинку можно распечатать и подарить тете Але, и она скажет, прищурившись, как мама: «Что ж, и это искусство...»

Кирилл закрыл глаза и расслабился. Зеленая пляска на экране пошла на убыль; до красной линии оставалось совсем ничего, а у Кира было еще четырнадцать секунд, Миша успел подумать, что практика заканчивается. Что вот сейчас Кир минует зачетный момент и можно будет с чистой совестью сворачиваться...

Возможно, Кир вспомнил что-то плохое. Так бывает, когда изо всех сил думаешь о хорошем; так или иначе, время подошло к отметке «шестьдесят», а зеленая линия не желала укладываться в рамки. Миша сжал зубы и дал второй импульс.

Кир подпрыгнул внутри «ванны». На экране бушевала зеленая метель; Миша удивленно смотрел на непокорный, лезущий далеко за рамки график. Промелькнула — и тут же спряталась странная мысль: а ведь хвастун такой... И биохимию сдал на десять пунктов выше!

Нет, но почему первый, самый первый импульс оказался таким сильным? Ведь Миша все сделал по инструкции... Если бы это был обыкновенный импульс, легонький, к которому все привыкли, — Кирилл одолел бы задание играючи...

Усложненная практика?

Кирилл пытался обуздать себя. Страх новой боли не давал ему сосредоточиться; Миша ничем не мог помочь, только «болел», как на стадионе. Время подошло к отметке «сто двадцать», график не держался в рамках, Миша дал третий импульс. Кирилл шумно задышал. «Что же это он», — подумал Миша.

— Давай! — закричал он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Ну чего ты!

На середине временного отрезка график чуть успокоился — но чем ближе подходила отметка «сто восемьдесят», тем труднее было Кириллу удержать себя в руках.

Четвертый импульс. Кирилл заругался сквозь зубы и вдруг начал выкрикивать стихи — незнакомые Мише, чеканные строч-

ки про какую-то древнюю битву; ритм строчек вплелся в ритм графика и придержал его, пригасил, Миша ждал, сцепив пальцы, отметки «двести сорок»...

За десять секунд до контрольного времени график уложился в рамки. За три секунды — вывалился опять, вырвался, как пружина из коробки с чертиком у Миши когда-то...

Пятый импульс был в пять раз сильнее первого. Кирилл выгнулся мостом — опираясь за затылок и пятки — и вдруг заплакал совершенно по-детски, несмотря на свои пятнадцать лет. Трясущимися руками Миша вывел на экран полную картину Кирилловых внутренностей — и ничего не понял в мельтешении цветов, символов и цифр. Секунды бежали, Кирилл плакал, график скакал, как сумасшедший, сейчас будет шестой импульс, сильнее первого в шесть раз...

Им не засчитают практику? Или Кириллу не засчитают, а Мише... он ведь все делает правильно! Он же не виноват...

Шестой импульс. Мишу трясло; неужели Кир не понимает, что, пока он не возьмет себя в руки — *это* не кончится?

«Что я делаю не так, — лихорадочно думал Миша. — Я должен как-то ему помочь? Что-то ему сказать?»

— Кир! Давай, всего пару секунд... Ну вздохни поглубже! У тебя получится! Уже почти получилось!..

Не то. Не так говорю? Не о том? Или раньше надо было, а теперь Кирилл не слышит?

Время подошло. Он дал седьмой импульс; теперь ему казалось, что он спит и видит страшный сон. Надо проснуться; не может быть, чтобы это не кончалось. Когда-то кончится все равно...

— Кирилл! Ну пожалуйста! Ну я тебя очень прошу! Ну давай!..

Он сам уже плакал, но Кириллу его слезы ничем не могли помочь...

После девятого импульса картинка на экране вдруг сама собой погасла. Тестер отключился, лишенный энергии; в павильоне сделалось тихо, только выл запертый в «ванне» мальчик да стучали Мишины зубы.

* * *

— Сядь.

Мише было холодно. Таким далеким, отстраненным, непривычным был голос Пандема.

— Ну? — все так же отстраненно спросил Пандем, как будто задал вопрос и ждал ответа.

— Я что-то не так сделал? — спросил Миша, втягивая голову глубже в плечи и все еще надеясь услышать: нет, ты все правильно сделал, это несчастный случай...

— Сколько импульсов ты отправил?

— Я не помню точно...

— Вспомни.

— Девять... Кажется.

— Какой силы?

— Первый был... кажется, двадцать единиц. Да... А дальше... больше. Кир не смог. Потому что... Он смог бы, но... Почему-то не вышло. Потому что мы в тот день сдавали биохимию, и мы устали, и...

Миша замолчал под неподвижным взглядом того, кто смотрел на него сверху, из темноты: одни глаза, страшно...

— П-пан... Пожалуйста. Скажи мне, что я не так сделал. Ну что? Я же... я понимаю... Но что я сделал не так?

Молчание.

— Я только делал... выполнял... Это же твое задание, я думал, так и надо!

Мише и прежде приходилось пугаться под этим взглядом — а чаще просто в ожидании его. Пугаться, стыдиться, плакать, но такого... странного выражения, какое было сейчас в устремленных на него глазах, он не видел у Пандема никогда.

Ему захотелось сделаться маленькой-маленькой точкой — а потом раствориться в воздухе, исчезнуть, будто и не было.

* * *

— Ким, — сказала Лерка, и он оставил возню с кулинарным комбайном. Наконец-то обернулся к сестре, подошел и уселся рядом на поросший мхом диван:

— Я не думаю, что стоит так переживать. Большая часть ребят через это проходит... Тем ценнее будет радость преодоления. Ты увидишь — Мишка еще всех нас порадует...

— Мне странно, — сказала Лерка. — Как ты думаешь... Не может Пан сойти с ума?

— Действительно, странно, — сказал Ким, помолчав. — Почему?..

— Потому что он меняется, — сказала Лерка. — Он... мне кажется, он противоречит сам себе. Если его развитие зайдет так

далеко... Сверхсложная система, она ведь такая неустойчивая... нет?

— Нет, — сказал Ким. — Во всяком случае, в истории с Мишей никакого противоречия нет.

Лерка обняла себя за плечи, будто пытаясь унять дрожь.

— Если правила предложенной тебе игры требуют, чтобы ты был палачом, — выламывайся из этой игры, — сказал Ким. — Меняй правила. Ты можешь — и должен — останавливать эксперимент, если понимаешь, что он бессовестный. Нечестный. Жестокий... Пан утверждает, что Мишка был близок к тому, чтобы самому это понять.

— Не всякий человек способен восстать даже против родителей,— пробормотала Лерка. — Которые любят, которые вырастили... А *он* хочет, чтобы ребенок восставал против него. Это разрушение... каких-то очень глубоких базовых слоев. Он разговаривал с ним в колыбельке... Он был для него... видишь ли, Ким, мне все это время казалось, что Пан — Мишкин отец. Мне так хотелось в это верить... И вот теперь он хочет, чтобы Мишка был пандемоборцем...

— В жизни каждого подростка бывает момент, когда он сомневается в том, что отец всегда прав... Где здесь противоречие?

— Пан не может требовать от Мишки, чтобы он восставал против условий эксперимента! Ну невозможно этого требовать от четырнадцатилетнего мальчика, воспитанного так, как воспитан Мишка. Вот корова пасется на плоскости, она знает два измерения... а Пан требует, чтобы корова взлетела! *Зачем* Пану провоцировать протест? Объясни мне?

— Затем, что независимая личность...

— Перестань! Независимая личность — это наш Алекс. Не зависимая ни от здравого смысла, ни от прочих... условностей. У ребенка должен быть авторитет... зачем ломать, да еще так грубо?!

— Спроси у Пана, в конце концов.

— У Пана... — Лерка устало вздохнула. — Я его не понимаю. А он по-прежнему понимает меня — насквозь. Я пойду в беседку и выйду оттуда... спокойная, довольная, уверенная, что с Мишкой все в порядке... А вот интересно, почему Мишка никогда не выходит из беседки спокойный? Или почти никогда? То лихорадочная какая-то радость, а то и слезы...

— Очень трудно взрослеть на игровой площадке, — сказал Ким.

— А зачем тогда вообще — взрослеть? Пусть играют! Пусть будет всепланетная песочница, чем плохо-то?

— Лер, — сказал Ким, проводя ладонью по мебельному мху, сухому и теплому, живому — но практически вечному. — Насчет песочницы... Это ведь не безобидно. Ты никогда не спрашивала себя, почему это во Вселенной так много звездочек — и такая тишина?

Лерка некоторое время смотрела на него, пытаясь сообразить. Потом вспомнила, пожала плечами:

— Да уж, к месту вспомнился Алекс... Помню-помню. «Так много звездочек — такая тишина»... Еще такая песенка была... Ким, сказать тебе честно? Когда речь заходит о спокойствии и счастье моего ребенка, проблема Вселенной, Галактики, внеземного разума теряет приоритет. В моих глазах по крайней мере.

— Не сомневаюсь, — сказал Ким. — Собственно, в моих — тоже... Только я не назвал бы своего Ромку счастливым. Спокойным — да...

— А Ромкой заниматься надо было, Ким. Ромку надо было развивать...

— Развивать, — Ким вытащил из кармана домашний пульт. Щелчком превратил зеленоватый плоский потолок в подобие купола с витражами. Цветные лучи полуденного солнца упали на белый бочонок кулинарного комбайна, на траву и цветы, покрывавшие пол, на бледное лицо сидящей рядом Лерки.

— Красиво, — сказала Лерка. — Хорошо... Это Арина проектировала, да?

— Да, — пробормотал Ким. — А насчет Ромки... Ему скучно. Иногда он для меня загадочнее, чем Пандем... Ты говоришь, развивать... Но ведь Пан его развивал! Лучший — нет, идеальный педагог!

— Значит, не такой уж идеальный, — сказала Лерка. — Значит, все-таки ошибся. И теперь наверстывает упущенное... Следующим шагом — если согласиться с его логикой — должны быть смерти детей прямо во время практики.

— Не говори ерунды, — резко сказал Ким.

Лерка сумрачно усмехнулась.

— Насчет звездочек и молчаливого космоса, — начал Ким, желая увести разговор в другом направлении. — Если ты помнишь, суть Алексовой идеи была в том, что разум во Вселенной имеет «встроенный» ограничитель своей деятельности — и это не экологическая катастрофа и не война, как считали раньше. На определенном этапе развития (с нами, думаю, это случилось

очень рано) разум производит Пандема, Пандем моделирует идеальную среду обитания, после чего разум благополучно угасает, лишившись стимулов к развитию. Спорно? Разумеется. Изящно? Кто бы спорил...

— Кимка... а ты давно говорил с Ариной? Как она там?

— Хорошо, — Ким вздохнул. — Замечательно... Только, пожалуйста, давай пока не будем об этом.

ГЛАВА 28

Орбитальный мусорщик застрял в пусковом узле, срывая график, грозя катастрофой. Шурка — Александр Александрович Тамилов — таращил глаза и кашлял на всю диспетчерскую, потому что минеральная вода не идет впрок, если ее пить наспех и нервно.

В Шуркиной юности техника никогда не сбоила. Первый бунт дорогих его сердцу железяк случился три с половиной года назад: тогда отказала Шуркина клипса-«игралка», перестала работать задолго до истечения срока службы — по той простой причине, что капелька воды попала внутрь корпуса и окислила контакт. Неведомо как и откуда просочилась эта зловредная капелька, неведомо почему контакт столь легко поддался соблазну, Шурка долго сидел в беседке, держа на ладони мертвую «игралку», и слушал лекцию о миллиардах *случайностей,* которые прежде контролировал Пандем, а теперь будет отслеживать Шурка, инженер милостью божьей, обладатель золотой головы и серебряных рук...

С этого момента началась — и теперь достигла своего пика — война прежде безотказной техники и золотой Шуркиной головы. И если прежде голова побеждала, то теперь победа была, похоже, за мусорщиком.

Шуркины глаза метались, так и этак поворачивая динамическую модель узла с застрявшим в нем спутником. Деталь, на которой его взгляд задерживался хоть на долю секунды, укрупнялась, окутывалась пестрым облаком символов и данных. Иногда Шурка помогал себе руками: тыкал пальцем в бегущую строку, так котенок пытается поймать ползущую по полу ленточку. Кроме того, руки очень нужны были, чтобы грызть ногти и удерживать стакан с водой.

По всему выходило, что мусорщик слишком рано получил (или, наверное, воспринял) команду на деятельность. Лепестки пускового узла показались ему чужеродным телом, и теперь он

добросовестно переваривал все, до чего мог дотянуться: это был очень мощный мусорщик нового поколения, готовый и Луну пожрать, если только прикажут. Александр Александрович Тамилов испробовал уже двадцать два способа остановить зарвавшуюся тварь; отдавая приказы пусковому узлу, он говорил о мусорщике как о живом зловредном существе и был столь эмоционален, что операционная система понимала его с задержкой в одну-две секунды.

Шурка тосковал. Узлы и агрегаты давным-давно были членами его семьи; если бывшая жена могла сказать: «Я лучше знаю», если дочь могла хмыкнуть и проигнорировать замечание — то узлы и агрегаты позволяли себе всего лишь непродолжительные капризы, краткие выступления и не очень решительные демарши, после чего снова выказывали понимание, и никогда в Шуркиной практике еще не было такого, чтобы он, Александр Александрович Тамилов, не мог устранить неполадку самостоятельно, без помощи Пандема...

Зона тревоги разрасталась. Мусорщик не только не реагировал на прямые приказы, но и не воспринимал хитрых Шуркиных намеков. Оставалось только отрубить полностью и спутник, и пусковое устройство; это означало загубить весь график Шуркиной смены и признать себя беспомощным «чепешником» — это неприятное ругательство имело вполне определенное значение, Шурке его даже объясняли, но он позабыл...

Шурка ударил кулаком по подлокотнику. Сейчас он ненавидел и пусковик, и мусорщик, и узлы и агрегаты, и Пандема, который может все исправить без усилия — и тем не менее наблюдает за Шуркиными потугами, как воспитатель наблюдает за малышом, пока тот тщетно пытается поставить кубик на кубик...

Тогда он выругался сквозь зубы, смачно, впервые за много лет; с каждой произнесенной тирадой картинка на сетчатке становилась яснее и контрастнее, будто с нее сдували пыль. Шурка ругался самозабвенно, цинично и зло; возможно, его самодеятельные ругательства сыграли роль мозговых витаминов. Как бы там ни было, но, прервав на полуслове поток брани, Шурка снова взялся выхватывать из динамической модели один фрагмент за другим. Он отдавал команды, беззвучно шевеля губами; первые пять «тыков» оказались в пустоту, на шестой раз мусорщик вдруг замер, будто принюхиваясь, и это его промедление позволило Шурке провести лихорадочную операцию «стопа». Мусорщик попробовал было спорить — но покрытый потом Шурка уже

почти владел ситуацией; мусорщик посомневался для приличия и сам себе выдал команду на прекращение деятельности.

Семь с половиной драгоценных минут ушло на то, чтобы восстановить пусковик. К моменту, когда проклятый мусорщик отбыл наконец на орбиту, Шурка полулежал в кресле, измочаленный и мокрый, с презрительной усмешкой на запекшихся губах, опустошенный, злой и страшно собой довольный...

Так продолжалось целых полторы минуты.

Потом война прежде безотказной техники и золотого инженера Шурки Тамилова возобновилась на новом витке.

* * *

— ...Если я вижу решение проблемы — почему ее не видишь ты?

Ким отжимался от поросшего травой пола. Десять... двадцать...

— Если я вижу выход, Пан, то ты и подавно должен его видеть. Никаких крайностей; мир, где есть боль, но не запредельная. Мир, где есть смерть... но только для тех, кому жить очень уж надоело. Понимаешь? И стимул для развития, и спокойствие, и свобода. И конкуренция, почему нет? Может быть, даже наказания... Ты ведь не мамка, которая, будь ее воля, не подпустит к ребенку даже насморка... Но ты и не судьба, равнодушно бьющая по голове. Что-то другое... Например, разумный строгий отец. Гармония... Почему нет? Шестьдесят восемь, шестьдесят девять, семьдесят...

Ким поднялся. Машинально отряхнул ладони — хотя они оставались такими же чистыми, как и до соприкосновения с травой.

— Если я вижу, — пробормотал вслух, — почему не видишь ты?

Он бросил пульт не глядя — его мягко поймала полупрозрачная поверхность, умевшая быть и столом, и экраном, и полем для очередной настольной игры; сегодня это «Джангл», мы в восторге от закона джунглей на игровом столе... Впрочем, во всех популярных играх — их и до «Джангла» было полно — побеждает самый быстрый и самый жестокий...

— ...Значит, ты видишь еще что-то. Недоступное мне. Допустим, разум чахнет без принципиально новых, необъясненных явлений. Ну так сымитируй эти явления! Сыграй с человечеством в игру! Не можешь ведь ты, в самом деле, на равных общаться с моим скучающим сыном Ромкой, объяснять ему, что потребность в развитии включает в себя и потребность испытать себя на пределе сил... Устрой аквариум, где есть *как будто бы* жестокая слепая судьба, *как будто бы* рок, пусть это будет не детский мир — но спортивная площадка... В спорте ведь тоже есть свои условности, есть соревнование, есть развитие на пределе сил, но в спорте — как правило — не убивают...

Мини-ресторан напомнил, что пора обедать. Стол под натуральной льняной скатертью был уже накрыт; есть не хотелось. Ким сидел, тупо глядя, как поднимается пар над нежным мясом — тем, что родилось в пробирке и никогда не было живым существом.

* * *

— Вещи — место, — сказал Алекс Тамилов.

— Что? — рассеянно переспросила Александра.

— «Вещи — место», такая последняя дизайнерская находка. Любую новую вещь ты фиксируешь на положенном ей месте в нужном положении и вводишь в память дома... И с этих пор по специальной команде с пульта все вещи перемещаются на заданные тобой позиции... Неплохо бы мне такую штуку лет тридцать назад. Или сорок. Мы с матерью вечно воевали за порядок в моей комнате... Вернее, это она воевала за порядок, а я воевал за свободу... Что мы делаем сегодня вечером?

— У меня встреча, — все так же рассеянно сказала Александра. Небольшое зеркало на ее столике было на самом деле экраном — Александра поворачивала свое виртуальное изображение так и эдак, тут же примеряя на двойника прически, косметику, цвет волос.

— Жаль, — подумав, сказал Алекс. — Почему-то я именно сегодня рассчитывал на семейный уют.

— Позови Юльку... Или напомни Шурке, что у него есть отец.

— Аля, — сказал Алекс, останавливаясь за спиной жены, благо «зеркало» его не отражало. — Как ты думаешь, количество зла на земле как-то связано с количеством добра?

— Конечно, — сказала Александра, за много лет замужества привыкшая легко соглашаться с супругом, пропуская при этом его слова мимо ушей. — Я так думаю, что чем больше добра, тем меньше зла...

— А я так не думаю, — сказал Алекс, глядя на ту, другую

Александру, мерцающую в глубине экрана. — Я думаю, что добро и зло уравновешивают друг друга... А значит, чем больше добра, тем больше и зла.

— Интересно, — пробормотала Александра, принимаясь приводить свое лицо в соответствие с виртуально подобранным образом. — Очень интересно...

— Стало быть, — сказал Алекс, — чем меньше зла оставляет Пандем на земле, тем меньше становится и добра...

— Стало быть, желая всем добра, надо преумножать зло, — несколькими широкими мазками Александра умело подчеркнула высокие скулы.

— Очень хорошо, что ты не принимаешь меня всерьез, — сказал Алекс. — Иначе мы не дожили бы до серебряной свадьбы.

— Сашка, принимать кого-либо всерьез — наискучнейший подход к делу... Так мы установим у себя эту штуку, «вещи — место»? Она не очень громоздкая?

— А зачем она нам нужна, — сказал Алекс. — У нас ведь почти нет вещей... Не считать же вещью пакет с одноразовыми свитерами?

— Мы можем завести вещь, — сказала Александра. — Например, настоящий ковер, не из травы, а шерстяной... Можно даже антикварный... Хочешь?

— Нет... Ты уже уходишь?

— У меня встреча назначена на шесть часов...

— Ну, лети. Счастливо...

Александра поцеловала его в щеку — нежно, по-матерински. Алекс проводил ее до порога; леталка описала полукруг и скрылась за кронами, Алекс вернулся в комнату, лег на пол и позвонил Киму.

* * *

— Привет, — сказал Ким. В последний раз Алекс звонил ему три... или четыре года назад по какому-то пустяку.

— Братец-в-законе, — Алекс усмехнулся, вспомнив старую шутку Александры. — Что ты делаешь сегодня вечером?

— Или работаю, или ничего...

— Тогда пойдем в тренажерку, отдохнем, выпьем, пободаемся?

За этим легким предложением стоял, конечно, не беззаботный вечер за играми и болтовней. В отличие от Александры Ким совершенно не умел пропускать слова Алекса мимо ушей; может

быть, поэтому, подумал Ким, Аля его жена вот уже почти сорок лет, а я — братец-в-законе, вечный оппонент, спарринг-партнер или мальчик для битья, смотря по настроению...

Ким хмыкнул, представив себя в роли мальчика для битья.

— Я не стану тебя утомлять, — сказал Алекс. — Так... поговорить.

— Ну, пойдем, — сказал Ким. — Поддаваться не буду, учти...

* * *

Это пространство было специально устроено для движения. Здесь летали и ползали, растягивались, прыгали, плавали в невесомости, погружались на глубины и играли в мяч; Ким впервые обратил внимание, как много вокруг стариков старше семидесяти. И с каким удовольствием они носятся по «волшебному замку» — игровой дистанции с преодолением препятствий...

Пятидесятишестилетний Алекс в черном облипающем комбинезоне играл мышцами, крутил сальто и, между прочим, встретил Кима подчеркнуто агрессивно; это был своего рода ритуал. Одним из самых крупных подпространств тренажерки был «колизей», место для схваток и поединков всех степеней сложности — начиная от простой борьбы на ковре и заканчивая боем на инерционных «волчках», на узкой перекладине, над голографической пропастью. «А почему нет, — подумал Ким. — Здоровая злость тонизирует... К тому же я легко его сделаю, хоть он и на шесть лет младше».

Весили они примерно одинаково. Разница в росте не была существенна. Оба были упрямы, но Алекс, пожалуй, имел куда больший запас свирепости. Киму не удавалось довести до конца ни одного приема: реакцией Алекс был подобен змее.

— У меня сегодня день рожденья, — сказал Алекс, в очередной раз уходя из-под атаки.

— Что?!

Ким на секунду потерял бдительность. Захват; к счастью, Алексу не удалось провести прием чисто.

— А... какое сегодня число?

— Какое число, какой день, какой месяц... для тебя нет разницы, потому что Виталька все эти недели моргает. Ты спрашиваешь Пандема, что он делает — а он моргает, вот уже целый месяц... Ап!

Ким уклонился. Стряхнул с себя Алекса, но и сам упал; ковер был синтетический, черный, как космос.

— А что же ты молчал? — спросил Ким у ковра.

— А я и говорю... Это условности, ты не заметил? Когда дети хотят устроить себе праздник — они не ждут даты, они зовут друзей на какой-нибудь день клопа, или день первого одуванчика, или что-то в этом роде... А через месяц зовут уже других друзей, таких же хороших, на день первой синицы, например...

— Хватит трепаться, — Кимова здоровая злость куда-то ушла. Осталось одно раздражение.

— Время не имеет значения, — тихо сказал его вечный оппонент. — Жизнь бесконечна... так, кажется. Ты знаешь, у меня новая работа.

— Почему же ты...

— Я координатор. Человеческий диспетчер. Маленький узелок во всепланетной координационной сетке... Ким.

— Да?

— Ты ведь уже понял, что именно готовит Пандем?

БЕЗВРЕМЕНЬЕ

ПРОЛОГ

Джеми с Лешкой играли в «топ» — шарили по окрестностям «крупной камерой», подглядывали реалку как она есть, поначалу ничего интересного в поле зрения не попадало, к тому же на многих окнах стояли заглушки от чужого любопытства, они уже хотели свертываться и идти кататься на Трассу — когда вдруг увидели этого парня, он стоял на летающей платформе и смотрел вниз, и в лице его было что-то такое, что Джеми, бывший в тот момент оператором, задержал на нем кадр.

— Эй, — сказал он парню, парень повертел головой, не понимая, откуда голос, потом догадался, что попал в «крупную камеру», и помахал рукой.

— Ты чего? — спросил у парня Лешка из-за Джеминой спины.

Парень показал пальцем вниз. Джеми, помнится, еще подумал, что у него какая-то машинка для летания и что он просто так развлекается.

— Ну, давай, — сказал Джеми, и парень шагнул — просто шагнул — в воздух. Джеми думал, что он немного повисит, как это бывает в мультах, и, может быть, подрыгает в воздухе ногами — но парень сразу же ухнул вниз, сломал пару веток на большой березе и скрылся под кронами — камера никак не могла туда заглянуть. Через минуту вылезла строчка в новостях — «Новое самоубийство в районе западной станции», и показали тело парня, неподвижно лежащее на земле...

Лешка оттеснил Джеми и долго, долго разглядывал мертвеца во всех ракурсах.

— Я тоже, — сказал наконец.

— Что? — удивился Джеми.

— Я тоже так хочу, — сказал Лешка.

— Это, наверное, больно, — предположил Джеми.

— А я вколю себе анальгетик, — сказал Лешка.

— А потом?

— Что потом?

— Ну, ты уже будешь мертвый?

— Ну и что? — спросил, подумав, Лешка, и Джеми не нашелся, что ему возразить. К тому же ему было любопытно — он никогда в реалке не видел, как умирают. Раньше, при Пандеме, умирали только старики, да еще экстремалы в красном слое, но Джеми был слишком ленив, чтобы путешествовать по слоям — для развлечения ему хватало игрушек да «крупной камеры»...

А теперь можно и в реалке умирать сколько хочешь. Жаль, что только один раз; правда, самому Джеми пока не хотелось — но почему бы не посмотреть, как это сделает Лешка?

Рядом с Лешкиным домом была старая мачта — иногда по вечерам на ней устраивали театр теней. На башне был источник света, а кругом нагоняли облака, и они служили экраном, только Джеми не любил эти представления — слишком не похоже на реалку...

Днем на мачте никого не было. Джеми и Лешка поднялись на лифте; потом Джеми сообразил, что самое интересное будет внизу, а не наверху. Он спустился и на всякий случай отошел подальше — чтобы Лешка не свалился ему прямо на голову; получилось, что Лешка упал даже слишком далеко. Джеми услышал только треск мелких веточек, а потом такой звук, как будто переломили самую толстую и сочную ветку.

Джеми побежал на звук. Лешка лежал на спине и как-то странно подергивался; изо рта его толстой струйкой текла кровь, как в игрушке, и пенилась тоже очень натурально, но больше всего поразило Джеми то, что глаза у Лешки смотрели в разные стороны, один вправо и вверх, другой влево и вниз. Уж как много игрушек прошел в своей жизни Джеми — а такого эффекта не видел ни на одном виртуальном трупе. Наверное, создатели убивалок в реале никогда не видели мертвеца...

Джеми смотрел на Лешку минуты полторы. А потом приехали люди из этой их гребаной координации; в новостях уже тридцать две секунды висела новая строчка: «Самоубийство в районе старой телевышки»...

Джеми отошел в сторону, помочился на кучу старой листвы и запросил инфу о всех самоубийствах и несчастных случаях за последнюю неделю.

...Единственный недостаток — слишком быстро. И только единожды. А в виртуалке он попросил бы Лешку прыгнуть еще раз...

ГЛАВА 29

Розовая «двойка» без имени вышла из-под контроля Трассы, перешла на ручное управление и увеличила скорость почти вдвое. Трасса едва успевала расчищать перед ней дорогу (а поток был плотный), отбрасывая к обочинам прочие, управляемые снаружи машины; раздвинуть собственные границы Трасса, увы, не могла. На повороте «двойка» проехалась бортом по ограждению, оставляя на нем лохмотья-пленочки розовой краски, и сбила с ног одинокого пешехода, по несчастной случайности оказавшегося в этот момент на обочине.

Через десять секунд после удара Ким получил сообщение на пульт. Еще через минуту он был уже в пути.

...Трассы становились опасны. И это было тем более неприятно, что в тех слоях, где нормальным считалось иметь индивидуальный транспорт, обойтись без Трасс не представлялось возможным. Система внешнего управления позволяла срастить достоинства личных «ездилок» с преимуществами общественных «возилок» — но как велик оказался соблазн порулить самому, да еще и быстрее всех!

— На что они рассчитывают? — безнадежно спросил Ким у Невилла, хорошо знакомого инспектора Трасс. И Невилл, находившийся за два часовых пояса к востоку, шумно вздохнул у Кима в ушах:

— По-моему, они просто не думают. Проследить реакцию Трассы, вычислить машину — на счет «раз»... Но ничего не может случиться. Они в это верят, ты знаешь...

Медпомощь раненому пришла через сорок секунд после столкновения — врач опередил Кима почти на одиннадцать минут. Ким увидел сперва полосатую спортивную туфлю, одиноко мигавшую голубым маячком, потом белую тряпочку, прилепившуюся к дорожному покрытию, потом — медкапсулу, формой похожую на старинный тюбик с зубной пастой, полупрозрачную, как щитки на транспортере. В капсуле неподвижно лежал человек; рядом сидел по-турецки врач в ярко-желтом, светящемся под фарами комбинезоне, по-птичьи поводил головой, видимо, управлял лечением со встроенного пульта.

Темные стенки капсулы прояснились, сделавшись вдруг совершенно прозрачными; Ким увидел лицо раненого. Потерпевший был крайне раздражен и обижен.

Врач перевел дыхание и обернулся. Ким сперва подумал, что он очень молод, и только секунду спустя узнал племянника Мишу.

— Сложный перелом бедра, — сказал Миша вместо приветствия. — Ну и сотрясение мозга. Неделя реабилитации, никак не меньше.

Пациент что-то пробормотал сквозь зубы.

— Мы вас отвезем домой, — сказал Миша. — Наладим систему, вам ничего не придется делать. Только поправляться, — он через силу улыбнулся. Видимо, функция «подбадривание пациента» не была его сильной стороной.

Ким попытался вспомнить, сколько Мише сейчас должно быть лет. Восемнадцать? Девятнадцать? Он, Ким, ничего не понимал в современной медаппаратуре. Он не мог дистанционно управлять капсулой. Мог на ощупь определить перелом, расшифровать снимок, загипсовать... Ну, еще ввести анальгетик. Все.

— Ч-черт, — простонал раненый. — Ну почему... почему? За что?!

Ким прикрыл глаза, вызывая запись инцидента, сделанную Трассой. Картинка была черно-белая — может быть, потому, что в момент столкновения память Трассы была перегружена; в протоколе автомобиль-нарушитель фигурировал как «розовый»...

Лоскутки ободранной краски трепетали на ограждении, будто цветочные лепестки.

— За что? — горестно бормотал Мишин пациент. Ким смотрел на него, и две картинки накладывались одна на другую: бледный обиженный человек в медкапсуле — и тело, высоко подброшенное розовым смерчем. Мелькнувшие в воздухе ноги в полосатых спортивных туфлях...

— М-да, — пробормотал Ким.

— Так я даю команду на возвращение? — спросил Миша.

— Петр Артурович, я представитель координации, — сказал Ким обиженному человеку. — Того, кто вас сбил, ожидает наказание... Сейчас вы хотите с кем-то связаться?

— Я уже позвонил жене, — сказал Артурович и поморщился. — Нет, ну какая скотина! Именно сегодня... Ну почему?! За что? Что я ему сделал?

— Вы знаете, кто вас сбил? — удивился Ким.

— Я не о том, кто меня сбил, — сухо отозвался Артурович. — Я о том, кто... Ну да ладно. Ладно...

— Позвони мне, — сказал Ким племяннику. Миша коротко кивнул.

— Можно мне наконец-то сесть? — сварливо спросил потерпевший.

* * *

Розовая «двойка» без имени нашлась раньше, чем потерпевший Петр Артурович Шейко был доставлен домой. Машина-виновница к тому времени вернулась под контроль Трассы и законопослушно текла в потоке других машин, негустом потоке, четыре полосы всего; повинуясь координаторскому приказу, Трасса вывела «двойку» из движения и припарковала у обочины.

Ким представился.

— Мы вообще-то спешим, — сказал пассажир, светловолосый мулат, определенный поисковиком как Игорь-Дитрих Крошкин. Рядом с ним на водительском месте сидела очень высокая женщина с «обновленным» именем — Акация Светоряд; на третьем переднем сиденье валялась, забросив ноги на ветровое стекло, девочка лет трех. Относительно девочки поисковик сбоил.

— Сорок три минуты назад вы вышли из-под контроля Трассы, — сказал Ким. — Двадцать девять минут назад вами был сбит человек... Вам показать запись или вы вспомните сами?

— Он просто там стоял, — сказала Акация Светоряд. — Никто не заставлял его там стоять.

— Ну и когда мы снова поедем? — спросила девочка.

— Это ваша дочь? — Ким разглядывал носочки с массажем, молотящие по стеклу.

— Нет, — сказал Игорь-Дитрих Крошкин.

Поисковик наконец-то выдал ответ: девочка была Полиной Миллер, двух с половиной лет, проживающей с родителями в соседнем слое за двести километров отсюда.

— Она просто хотела покататься, — сказала Акация Светоряд. — Мы потом позвоним ее родителям или координаторам, чтобы они ее отвезли обратно.

— Поехали, — сказала девочка. — Я хочу быстрее.

— Вы хоть интересовались, что случилось с человеком, которого вы сбили? — спросил Ким. — Смотрели новости?

— Почему мы должны интересоваться? — удивился Игорь-Дитрих Крошкин.

— Мы его даже не знаем, — добавила Акация Светоряд. — Зачем эти ритуальные вопросы?

Обоим было не больше тридцати. Оба родились при Пандеме.

— Боюсь, вам придется отвечать, — сказал Ким. — За подобные деяния как минимум понижают в статусе...

— Почему это? — возмутилась Акация Светоряд. — Мы не роботы, чтобы Трасса нами управляла... Почему мы не можем ездить, как хотим?

— Потому что вы покалечили человека.

— Но он же просто там стоял!

— Вы могли его убить.

— Не могли, — возразил на этот раз Крошкин. — Мы сами могли бы убиться, но не убились, потому что Полечка с нами захотела покататься...

Неужели мне хочется его ударить, удивился Ким. Какое постыдное... какое непреодолимое желание.

Игорь-Дитрих Крошкин нахмурился:

— А вы... Ким Андреевич... Вы что, в самом деле верите, будто мы могли его убить? И будто что-то такое... эдакое... на самом деле может *случиться?*

* * *

— Они просто подобрали девочку на дороге, — сказала Александра.

Она сидела у себя дома, Ким видел, как за спиной ее мерцает, выстраивая призрачные замки, свемуз-композиция «Вельветовый джинн».

— Да, — Ким валялся на полу в собственном кабинете, и его знобило. Десять минут назад он подтянул температуру воздуха на два градуса, а потом еще на два; стены посветлели. Они всегда приобретали оттенок льда, когда в комнате было слишком жарко.

— А ее предки? — зачем-то спросила Александра.

— Предки сперва забыли дочь у дороги... А потом сидели и ждали, пока им привезут ребенка. Они ведь прекрасно знают...

— Да, — кивнула Александра. — Вот и Сашка тоже рассказывал... Кимка, а можно вообще-то достучаться до их мозгов?

— Не знаю... У Пана как-то получалось, у нас пока — не очень... Их придется наказывать, всех этих Игорей-Дитрихов, и чем дальше, тем строже, а они ведь и не поймут, за что...

— Раз не поймут, два не поймут, а потом... Что вы с ними делаете вообще-то?

— Понижение в статусе на три пункта. Думаешь, нарушений становится меньше? А нарушений-рецидивов? Ни фи-га.

— Ну и наследство оставил наш Пан...

— А могло быть хуже. Алечка, Пан ведь готовился, готовил всех, готовил нас... И подстелил, зараза, соломку всюду, где мог... А без этого могла быть черт знает какая мясорубка, и мы бы прокляли Пана так, как никого в истории человечества не проклинали...

— Блин, brother, как ты зловеще выражаешься.

— Ты бы видела, как он летел! Как летел этот человек, ноги в воздухе... Это смертельная травма, Алечка, с него даже туфли свалились... А в результате — перелом бедра. Сотрясение мозга. При нынешних средствах — неделя неудобств, и только.

— Так он должен был помереть?

— По-честному? Обязан.

— Ужас-ужас...

— Да. В следующий раз Петр Артурович Шейко не будет ходить по Трассе. У него есть возможность закрепить полученный навык.

— И в чем же message?

— Для него? Держаться подальше от Игорей-Дитрихов. Для них... неохота о них говорить, если честно. Они убились бы... Но ребенок по законам безвременья всегда выходит сухим из воды — в какую бы переделку его ни втравили взрослые. Поэтому Дитрихи-Крошкины берут девочку — первую попавшуюся. Девочка спокойно соглашается покататься. Ее мать... я ведь говорил сегодня с ее матерью... Она видит — ребенок пропал, но даже не звонит в координаторскую, поскольку беспокоиться незачем, стыдно отрывать от дела занятых людей и так далее... И она совершенно права, потому что с девочкой ничего не случится, ее даже не цапнет пролетающая оса...

— Сашка пришел, — сказала Александра. — По-моему, злой.

— Он всегда злой... Ты знаешь устройство «двоек»? Они сажают девчонку на переднее сиденье... Там очень мощный корпус, убить двоих и пощадить третьего можно только откровенно чудесным образом...

Ким замолчал. Как ее там — Полина Миллер? Двух с половиной лет? Позволить девочке погибнуть в катастрофе ради вразумления двух великовозрастных болванов? И кто сказал, что они вразумились бы?! Центры Вселенной, черт возьми, незыблемые... И прежде чем эта уверенная точка опоры пошатнулась — размазались бы оба по стенке вместе со своей машиной... Чтобы дру-

гим неповадно было? Так нет же... «Со мной ничего не случится» — маленький детский щит, с годами обросший дубленой шкурой. До Пандема люди могли погибать сотнями и тысячами, и все равно все наказания казались несправедливыми... А по улицам носились лихачи, вдавив педаль газа чуть не в пол...

— Скоты, — пробормотала Александра.

В кадре за ее плечом появился Алекс — бритый наголо, в мерцающих отсветах «Вельветового джинна» он сам был похож на экстравагантное чудище. И, разумеется, сразу же включился в разговор:

— Что ты за ересь говоришь, женушка, не скоты — люди! Мы же люди, мы все можем, нам все позволено, мы будем жить вечно и вечно радоваться жизни... Пандем дал нам все для счастья и ушел, оставив нам нашу свободу... Ким, войди в корпоративную сеть, я сбросил тебе кое-какие наработки.

— Что-то случилось? — кротко спросила Александра, знавшая мужа лучше, чем Ким знал себя.

— Новый случай на Трассе, сшибли двух девушек. Что-то очень часто в последнее время, а ведь, казалось бы, не самый лабильный слой...

— А мы тут как раз хвалим Пана, — вздохнула Александра, — который разумно организовал безвременье, давая нам возможность адаптироваться к новому миру...

— Зубоскалим? — Алекс мельком взглянул на жену. — Я, прямо как богомол заправский, воздаю Пану хвалы утром и вечером — именно за это его решение... Хотя грязища и кровища все равно будут, и нам с Кимкой придется разгребать, и разгребать, и снова разгребать... — Алекс улыбнулся мечтательно, как будто речь зашла о хорошей вечеринке.

— Знаешь, что сказал пострадавший Петр Артурович... напоследок? — спросил Ким.

— Догадываюсь, — усмехнулся Алекс.

— Что? — теперь уже Александра мельком взглянула на мужа и выключила «Джинна». Отсветы погасли, дворцы растворились; сейчас Ким видел ночное небо с острыми, как иголки, лучиками звезд, и на фоне его — два лица, как две бледных луны.

— Он сказал: «Ну какая скотина. Что я ему сделал? За что?!»

— Это, конечно, не в адрес водителя, — после паузы пробормотала Александра.

— Да... Это в адрес того, кто сохранил ему жизнь.

* * *

Весь город — и вся земля — покрыты были опустевшими беседками. Их сносили и перестраивали, будто желая поскорее забыть о том, кто беседки покинул; их реставрировали и берегли, будто веря в то, что он еще вернется.

Наверное, в Арининой беседке ничего не изменилось. Наверное, место зеркала-экрана занимает теперь мнемокартинка: многие, кто не в силах смириться с уходом Пандема, хранят в беседках его изображения... Ким хотел бы хоть раз посмотреть на Пандема глазами Арины. Заглянуть в лицо того, кто понимал Арину лучше, чем он, Ким, понимал свою жену. Свою бывшую жену...

А в большую городскую беседку время от времени забредают люди. Вот как эта женщина, например, темнокожая, с отрешенными черными глазами, сидящая в уголке, не замечающая Кима; или как этот подросток с тонкими сенсорами вместо волос, он Кима видит, и стесняется, и в конце концов уходит искать другую беседку, безлюдную. Что за беда у него, почему именно сегодня ему так необходим Пандем?..

Ким уселся в мягкое кресло за спиной темнокожей женщины. Опустил подбородок на сплетенные пальцы.

Ты ушел от нас, думал Ким. Или мы ушли от тебя?.. Мы вышли за дверь... Да, это было очень эффектно... Ты уходил так постепенно, так нестрашно, даже весело...

Во всех слоях к тому моменту уже были готовые врачи, учителя и управленцы, причем многие из них еще сами не подозревали о своих возможностях. Уход Пандема — и шок от этого ухода — должен был инициировать их; так, собственно, потом и случилось: эти люди стали тем, кем при Пандеме не стали бы никогда.

Прощаясь с Пандемом, Ким знал, что зародыши всех необходимых человечеству служб — от медицинской до сейсмологической — созданы, отлажены и находятся в рабочем состоянии. Еще он знал, что в каждом доме смонтирована противопожарная система, что современная энергосеть позволит человечеству жить в тепле и довольстве много сотен лет, что запас прочности, вложенный Пандемом в жизнеобеспечение космолайнера под названием «Земля», вполне достаточен для того, чтобы совесть уходящего Пандема — если у Пандема есть совесть — оставалась крахмально-чистой...

Пандем говорил, что теперь его, Кима, очередь позаботиться о мире. Что всякий, кто силен, должен помочь тому, кто силен

еще недостаточно... И, подумать только, — он, Ким, обещал заменить Пандема Игорю-Дитриху Крошкину! Он обещал это — прощаясь...

Всего лишь четыре года назад.

* * *

Арина Каманина читала вводную лекцию по дизайну жизненного пространства — по Земле ее слушали две тысячи сто сорок три человека, и еще непонятным образом на канал «пристегнулись» тридцать юных «лунатиков».

Человеческие представления о том, что такое красота и удобство, разнятся чудесным образом, говорила Арина. Как вы знаете из «оболочки» нашего курса, тот дизайн, о котором мы будем говорить, принят в сорока двух процентах земных жизненных слоев: это прежде всего евролои с коэффициентом от двадцать первого до девяносто первого, а также все слои холодной цветовой гаммы и частично желтые и оранжевые, полный список вы найдете в справочнике. По сложившейся традиции комфортные для нас жизненные пространства строятся исходя из простого правила: все, что снаружи, должно быть максимально естественно и приближено к природе. Все, что внутри, должно быть оригинально, сложно и как можно более изобретательно — но без потери в удобстве. Разумеется, это правило можно в любой момент нарушить, но только ради того, чтобы привнести в концепцию что-то новое: бунтарство ради бунтарства в нашем деле не поощряется. Если хозяином жилища является один человек, оборудовать для него пространство проще, чем, например, для семьи или компании друзей; чем полнее будет информация, которую захочет предоставить вам будущий обитатель — или обитатели — еще не сконструированного вами пространства, тем меньше вероятность того, что вы ошибетесь... Все вы уже выходили со мной на связь, я знаю о вас довольно много, но все-таки недостаточно... Кто первый скажет, сколько существует основных движков для конструирования жилого помещения?

Они вошли в контакт, и на долгих полтора часа Арина забыла думать обо всем, кроме костей и потрохов дружественного человеку жилища. За десять минут до истечения времени объявлено было время блиц-вопросов; спрашивали даже больше, чем на прошлогоднем потоке, и почти все вопросы касались ухода Пандема. Среди прочего спрашивали, правда ли, что на пятый год после Пандема строительство нового жизненного пространства

будет свернуто («Конечно, нет, кто вам сказал такую глупость?»), и еще правда ли, что после ухода Пандема во все строительные и дизайнерские нормы введены какие-то уродливые ограничения, «пожарные системы» или что-то подобное?

Арина мельком сверилась с часами и пожалела, что не оставила больше времени на ответы. Что она могла рассказать им о пожаре — за те три минуты, что у нее остались? Или о землетрясении?

— Мы начнем с этого следующую лекцию, — пообещала она. — Безопасность жилища — отдельный вопрос... особенно актуальный для тех, кто родился при Пандеме... — «И не представляет себе, что может наделать одна случайная искра», — хотела она добавить, но промолчала, потому что знала по опыту — они обидчивы, они считают себя очень разумными и самостоятельными...

В оставшиеся две минуты она успела похвалить наметившихся лидеров, подбодрить прочих и выдать домашнее задание. Огонек на камере погас; Арина по инерции помахала рукой уже пустому экрану и выбралась из студии в общий холл. Здесь были смонтированы пятьдесят сменных интерьеров — сейчас холл дублировал помещение лондонского вокзала Виктория в середине двадцатого века; под расписанием поездов — а на самом деле расписанием лекций — стоял человек, и Арина вдруг остановилась как вкопанная, потому что ей померещился Ким Каманин...

Разумеется, это был совсем другой человек.

* * *

Через полчаса она уже надевала лыжные ботинки.

Как все-таки путается реальность с внутрисистемным существованием! Вот — только что она готова была отдать команду: «Всех убрать». То есть убрать людей, облюбовавших этот склон, оставить Арину наедине со снегом и небом, так, чтобы ее привычное одиночество не нарушалось даже формально...

В системе она проделывала это неоднократно. А теперь люди вокруг были людьми, каждый из них был так же реален, как сама Арина, убрать их означало взять автомат и стрелять, стрелять, пока самого тебя не уберет милосердный представитель координации... Говорят, был такой случай. На каком-то спортивном курорте... Но, слава Пандему, тогда почти никто не погиб — отделались малой кровью.

Что за жуткая работа в этой их координации...

Наверное, работа отнимает у него все силы и все мысли. Наверное, думать про Арину у него просто нет времени. Тем более что такие мысли не приносят радости.

Она стояла на верхушке белого холма. Снег здесь был натуральный, белый, а не тот, что растет прямо из земли, то есть из специального снежного покрытия, что яркими красками отмечает тренировочные трассы — зеленый, красный, черный. И даже не серебряный, который так обожают дети (из него получаются потрясающе-зеркальные снежные бабы). Это был настоящий снег, изготовленный в небесах безо всякого участия человека, честный беспандемный снег...

Рядом сидел приблудный волк. Чуть покачивал умной саркастичной мордой, будто желая сказать: «Ну и ну»...

— Чего тебе?

Волк отвернулся. Мол, ничего особенного.

Она надвинула на лоб очки. Щелчком изменила цветопередачу. И еще раз изменила; мир кругом теперь казался теплым, детским, как на старой кинопленке, комбинезоны лыжников не раздражали яркими цветами, а снег явственно отражал небо — голубой снег с синими тенями, и над ним солнечный космос цвета аквамарин...

Только волк остался серым. Впрочем, он уже уходил, чуть покачивая на ходу толстым, как полено, хвостом.

Арина перевела дыхание и стартовала. Очки пунктиром прокладывали ей курс. Она неслась, чувствуя, как обнимает белую землю ее широкая гибкая лыжа, и каждый сенсорчик на искусственной «подошве» радуется свободному, красивому, совершенному скольжению...

В облаке снега и ветра, в комбинезоне, сделавшемся почти зеркальным, она затормозила на маленьком плато; вызвала подъемник и велела отвезти себя на «палец» — каменистый пик, с которого брали начало прогулочный маршрут на воздушной платформе и «черная» трасса.

...Сорвиголовы, что сразу после Пандема взялись летать по черным «смертельным» трассам... и сколько их осталось на скалах, в расщелинах, в руслах замерзших ручьев...

Потом перестали. «Черная» трасса поддерживается в рабочем состоянии, но желающих прокатиться нет — кто-то когда-то говорил Арине, что это нормально. Что люди заново начинают ценить жизнь, и некоторая трусость — естественный, так сказать, результат...

На платформе не было никого. Арина пристегнулась (обязательное условие), подняла щитки, прикрывающие от ветра, и поднялась над горами.

Местный климат-контроль жрет, наверное, чертову прорву энергии. Сверху видны границы лыжного комплекса — снег на них сереет, как шерсть на апрельском зайце, и там дальше — мокрые деревья, оттепель, зеленая трава и серые тучи... А здесь морозец, синее небо и ветер такой легкий, что Арина может подняться повыше, не рискуя быть унесенной из удобного кресла...

В очках она могла смотреть на солнце, не щурясь.

Интересно, похожа она на Бабу-ягу? Летающая старуха... Хотя с виду не скажешь. Особенно в лыжном комбинезоне и в очках. Гладкое лицо, каштановые волосы без намека на седину, не старушка — невеста, вот почти как на свадебной фотографии с Кимом...

Вот оно, душевное спокойствие. Безнадежная какая-то гармония. Ниже ватерлинии...

Маленькая точка на снегу заставила ее наклониться вперед и скомандовать очкам увеличение. Точка была человеком на пороге «черной» трассы; Арина разинула рот — человек уже скользил вниз, как по маслу, пролетая один десяток метров за другим, то по снегу, то по воздуху, над хищными зубцами, не прикрытыми белым даже для видимости, над расщелинами и трещинами, по крутым, без малого вертикальным склонам, с поворотами, от которых у Арины начинали ныть суставы, и целую минуту она чувствовала себя беспомощной.

Покойник?

У нее не было встроенного выхода в систему. Была только связь; она позвонила дежурному координатору базы.

— Да. — Голос Арининой собеседницы (а координатором оказалась совсем молодая девушка) был натянут, как бельевая веревка. — Там внизу дежурит медмашина... Он предупредил... Понимаете, я не имею права его задерживать, это все-таки спорт, а не правонарушение...

Арина посадила платформу на снег (та сразу же взмыла и ушла обратно на «палец») и, увязая в сугробах, побежала туда, где виднелась «Скорая» и группкой стояли люди.

— Разбился?!

На нее оглянулись несколько лиц. Кажется, ее не поняли; она мельком взглянула в стоящую тут же медкапсулу. Пусто...

— Разби... — начала она снова и осеклась.

Мужчина в черном комбинезоне стоял склонившись, проти-

рая лицо снегом, его лицо, бледное и мокрое, на глазах наливалось пятнистым румянцем. Над плечами поднимался пар.

— Зачем вы это сделали? — спросила она, когда молчание сделалось совсем уже неприличным.

Он коснулся мочки уха. Вот оно что — иноговорящий, а в ухе у него переводчик...

— Зачем вы?.. — повторила она тихо.

Мужчина разглядывал ее без особенной приязни.

— Что — зачем? — спросил он наконец.

* * *

— Мы должны заменить им Пандема, — сказал Алекс. — Когда был Пан — он направлял их. В том числе и наказывал... Да-да, не делай вид, что ты в это не веришь. А теперь мы — вот мы с тобой — должны их воспитывать и наказывать.

— Почему именно мы? — спросил Ким.

— Потому что мы самые взрослые ребятишки в этом всепланетном детском садике, — Алекс прищурился. — Мы за них отвечаем... Итак, снижение статуса. Поражение в правах. Тюремное заключение. Все, что угодно; после тридцати лет Пандемова правления трудно будет восстановить такое понятие, как «закон», но если для его реанимации потребуется ввести смертную казнь — мы введем.

— Мой дядя — из другого мира, — пробормотал девятнадцатилетний Миша Каманин, затягиваясь тонкой сигаретой с красным мерцающим пояском. Сигарета разразилась зуммером тревоги; Миша крепче придавил ее, и зуммер стих.

— Зачем ты куришь эту гадость? — кротко спросила Лерка.

Миша пожал плечами:

— Да так... Курю.

— Мода на заботу о собственном здоровье быстро прошла, — пробормотала Лерка, отгоняя ладонью облачко дыма.

Миша молча затушил сигарету.

— Как и мода верить в то, что Пандема нет, — сказал Ким.

— Пандема нет! — негромко рявкнул Алекс. — Пандема в самом деле нет... и больше никогда не будет! Мы в шлюзе, в шлюзовой камере, где давление мира еще не сравнялось с естественным, беспандемным... И это самое разумное, что мог сделать Пан — устроить нам постепенный выход из оранжереи. Кто сможет жить без Пандема — будет жить. Кто не сможет — погибнет и погубит рядом стоящих...

Они сидели в парке перед старым Александриным домом. У Миши через два часа начиналось дежурство; Александра то и дело опускала веки, просматривая сводку новостей. Лерка разминала пальцами оранжевый массажный мячик.

— Недавно вылетели на вызов, — сказал Миша, ни к кому конкретно не обращаясь. — Вызвал сам пострадавший... с железным штырем в спине.

— Помню, — Алекс жестко сжал губы. — Компания мальчишек лет двенадцати решила попробовать, что будет, если в человека ткнуть чем-то острым...

— Штырь задел легкое, — продолжал Миша. — Травма средней тяжести. Регенерация за несколько дней...

— А как ты думаешь, Кимка, — спросил вдруг Алекс, — почему среди действующих врачей нынешней «Скорой помощи» нет никого старше тридцати?

Ким пожал плечами:

— Мальчиков с детства научили пользоваться этими их прозрачными саркофагами, а меня, например, старую перечницу, со всем моим опытом — фиг научишь...

— И все?

— Нет... Эти мальчики выросли при Пандеме. И не знают, что человек, которому всадили в спину железный штырь... иначе ведет себя. Часто умирает. Никогда не регенерирует «за несколько дней».

— Принцип работы капсул... — начал было Миша.

— Брось, — Алекс небрежно потрепал его по плечу. — Дядя Ким совершенно прав... Мы имеем облегченный вариант жестокой действительности. Которая как бы жестокая, но как бы и не очень... Например, меня лично немного раздражает некое представление о справедливости, которое наш друг Пан привил окружающей природе... Вроде как гибрид дрозда и мушки дрозофилы...

— С какой стати раздражает? — удивилась Александра. — Вполне вписывается в твою концепцию шлюзовой камеры. Был очень справедливый мир — будет несправедливый, или, точнее, вне справедливости... А посерединке — то, что мы видим. Почему нет?

— Вот что меня в этой концепции беспокоит, — сказал Ким. — Шлюзование предусматривает процесс.

Алекс как-то по-особенному остро на него взглянул.

— Рано или поздно... — продолжал Ким. — Я боюсь того момента, когда эти «шлюзовые» законы... например, насчет детей,

которые не умирают... Когда они впервые нарушатся. Ведь кто-то будет первым...

Все надолго замолчали. Тишина казалась особенно странной еще и потому, что вокруг стоял шелест, писк и щебет; ласточки носились над головой, на крыше хозяйничала белка, а у Леркиных ног белый кот сторожил чью-то нору, не обращая ни на людей, ни на птиц никакого внимания.

— Вот поэтому я и говорю, — негромко начал Алекс. — Ответственность должна быть за все... Бросил ребенка без присмотра — поражение в правах. Не покормил вовремя — снижение статуса. Ударил — ограничение свободы.

— Нам потребуется чертова прорва тюрем, — сказал Ким.

— Ничего, — Алекс оскалился, — есть, например, механизм насильственного отключения от сети. Или запрет на выезд из слоя... Они ведь не привыкли ограничивать себя ни в чем. Никогда. Они ощутят...

— И вряд ли это кому-то понравится, — заметила Александра.

— Да, — Алекс кивнул. — Мы еще пожнем... плоды. Еще начнутся возмущенные вопли: по какому праву? А кто вы такие, чтобы лишать нас свободы? Вы что, возомнили себя равными Пандему? Тогда нам придется отвечать: нет, но мы избраны Пандемом, чтобы эта цивилизация — вернее, система цивилизаций — не скатилась обратно в постиндустриальный век... а может, и ниже. Координаторы избраны Пандемом — скоро придется написать такой флажок и прошить его в системе...

— Пандемоизбранные, — Ким выдавил из себя улыбку.

— Перелом бедра — это все-таки больно, — сказал Миша.

— Это даже еще больнее, — сказал Ким. — Полной боли он не ощутил.

— Я тоже так думаю, — Миша вздохнул. — Когда мы пацанами работали в сенсорном режиме... на полигоне... Знаете, мне в голову не приходило проклинать... его.

Лерка вздрогнула. Взглянула на сына, сильнее сдавила массажный мячик; внутри упругого пространства мерцали ярко-оранжевые огоньки.

— Вы бы слышали, что он говорил, — Миша сморщил нос. — Уже в машине... У него была запланирована какая-то очень важная для статуса работа... Из-за этого перелома все отменилось — теперь он в самом деле ощущает себя неудачником. С его точки зрения, Пан... Пандем его чуть ли не предал. Бессмысленно. Понимаете, когда мы... в сенсорном режиме — это было во имя чего-то... Мы могли не понимать до конца — но мы знали, что Пан... что это ради цели, ради нас, в конце концов. Пан не врал... А теперь — Пана как бы нет. Но он есть. И все это знают. И когда Пан направляет машину этих ненормальных... направляет на ни в чем не повинного человека — человек вправе возмутиться... Так ему кажется, во всяком случае.

— Он не направляет, — сказала Лерка.

— Но он мог бы изменить траекторию... чуть-чуть. И прохожий остался бы цел... погоди, мама, это ведь не я говорю, это он так думает. Я сидел с ним рядом, как дурак, и делал вид, что мне надо работать с капсулой... хотя капсула к тому моменту давно была на автопилоте.

— Все зациклены на себе, — пробормотал Алекс. — Боже, какое горе, мой статус не вырастет на два-три пунктика...

— А поставь себя на его место, — сказал Ким. — Если бы ты ехал на важный социальный вызов — как с теми мальчишками, например, что экспериментировали по втыканию железяк в человека... И на тебя вдруг упало дерево. Пусть не убило, но... переломало ноги. Ты бы сказал Пану «спасибо»?

— Да! — рявкнул Алекс. — Я сказал бы «спасибо» за то, что мне сохранили жизнь! Этот ваш... как его... Шейко? Он труп! Лежал бы сейчас в морге, и Пандем, где бы он ни был, не морочился бы с его вопросами... «Ах, за что?!» «Ах, почему?!» А жив ты, зараза, и дальше будешь жить...

Ким прикрыл глаза и вошел в систему. Петр Артурович Шейко... Две жены. Трое детей... Родители... Ныне здравствующие бабушки и дедушки... А почему, собственно, ценность человеческой жизни должна измеряться тем, сколько людей впадут в шок при вести о чьей-то гибели?

Шейко П. А. Инженер-энергетик. Пишет стихи. Вот, например: «Желтые листья — рыбьи скелетики, валятся под ноги, тянутся по ветру...» Интересно, где он видел рыбьи скелетики? В зоологическом музее?..

Вот я уже тридцать секунд разглядываю картинки этого Шейко П. А., и мне совершенно ясно, что убивать его жалко... Тьфу, какая формулировка. Мои собственные мозги не избежали всеобщей участи — инфантилизации...

— Они не испугаются смерти, пока не увидят смерть, — сказала Александра.

— Ерунда! — Алекс растирал в ладонях метелочку какой-то травы. — Они видят смерть... но она не производит на них никакого впечатления. Она чужая. Как на экране. Эх, Аля, если бы ка-

ждое человеческое существо умело от рождения соотносить чужие страдания и собственные — история человечества была бы другой... Кимка, мне надо с тобой коротенько переговорить. Конфиденциально.

* * *

— Посмотри статистику, — сказал Алекс.

Ким прикрыл глаза. Какие у Алекса красивые заставки... Кто ему делал, Александра?

Секунда, две — и внешний мир перестал существовать для Кима. Поползли объемные графики, каждое движение глазных яблок выводило на внутренний экран все новые детали и ссылки. В сумме информации учтены были, по-видимому, все несчастные случаи, все проявления насилия и все самоубийства, случившиеся в слое от ухода Пандема и до сегодняшнего утра включительно. И дело, конечно, не в том, что таких «красных вспышек» с каждым месяцем все больше...

— Посмотри пропорцию «деяние-результат», — сказал Алекс. За секунду до его слов Ким и сам понял, в чем главный смысл «коротенького» разговора, и ему сделалось кисло.

Если бы П. А. Шейко был сбит машиной — вот этой же самой, марка, скорость, масса и прочие подробности... Если бы он был сбит год назад — перелома бедра не случилось бы. Ушиб, отек тканей. Сотрясение мозга, перелома — не было бы. Вот она, цепко выловленная Алексом тенденция: одинаковое воздействие с каждым месяцем приводит ко все более тяжелым... ко все более реальным результатам.

Шлюзовая камера. Жалко, что не Киму пришло в голову это сравнение... Давление мира возрастает понемногу. Нежно возрастает, плавно...

— Эй, Алекс, а где прогноз? Когда мы в полной мере получим то, что заслуживаем... когда?

Алекс сидел перед ним, двумя руками растирая седую щетину на бритой голове.

— А вот сделай прогноз, Кимка... Я сам сделал, но хочу сравнить... вдруг я ошибся?

— Мало? — шепотом спросил Ким.

Алекс пожал плечами:

— Не много, не мало... Рационально. Наверное, твой друг Пан научился-таки... считать.

* * *

Автострады давно не было. Весь район изменился так, что Ким и не надеялся отыскать маленький синий купол — отыскать без помощи системы, разумеется.

Нашел.

Рядом с церковью был теперь большой транспортный узел. А по другую сторону пассажирской развязки стоял собор, построенный — снова подсказка поисковика — полтора года назад; технология «сжатого пространства», простоит века, если не снесут ради какой-нибудь новой постройки...

Маленькая церковь под синим куполом терялась в тени конкурента-гиганта.

Море людей. Совсем молодые, старые, средних лет — вне возраста; акустическая система вокруг собора наполняла воздух идеально чистым вдохновенным пением. Дворик церкви сохранился; даже вишни — так показалось Киму — были если не теми самыми, то, по крайней мере, их прямыми потомками...

И здесь было тоже людно.

Казалось бы, чего проще — запросить имя священника, который здесь служит. Почему Ким этого до сих пор не сделал?

Движение огоньков. Дуновение воздуха; Ким оторвал глаза от свечей. Тот, кого он хотел здесь увидеть, стоял рядом — в нескольких шагах; он очень постарел с момента их последней встречи. Постарел почти до неузнаваемости.

— Добрый день, Ким Андреевич...

— Вы меня помните?

Он сразу же понял всю неуместность этого вопроса.

* * *

Они сидели на каменной скамейке под вишнями; осенние листья, уже высохшие, еле слышно шуршали, ловя ветер.

— Я боюсь будущего, — сказал Ким. — Мне кажется, Пандем совершил ошибку.

Отец Георгий потер ладони:

— Если он и ошибся... То не тогда, когда ушел. Раньше... Давно. Он желал нам добра...

— И в этом его ошибка?

— Нет... Его ошибка... я могу только догадываться, я могу быть неправым... его ошибка в том, что он взялся хозяйничать в материальном мире... исходя из того, что у человека есть только

тело и только мозг. Только ощущения, побуждения, ценности, мотивации... Химические процессы, нейроны, аминокислоты...

— Отец Георгий, а вот если бы вы были Пандемом... Или могли посоветовать Пандему — тогда, в самом начале... Или я мог посоветовать — давно, когда он приходил ко мне мальчиком, и говорил со мной, и...

— Не тешьте гордыню, Ким, вы вряд ли могли как-то его изменить... даже тогда. Впрочем, ладно, давайте фантазировать... Возможно, Пандему не следовало заявлять о своем физическом присутствии в нашем мире. Пусть были бы его взгляд, его слово — но только не рука...

— Но это были бы поддавки, отец Георгий.

— Почему?

— Потому что он *мог* бы... его могущество оставалось бы при нем...

Ким хотел еще что-то сказать, но мысль вдруг соскользнула, как велосипедная цепь со «звездочки». С минуту он смотрел на свои ладони, будто ожидая, что там записан ответ.

«Пусть были бы его взгляд, его слово — но только не рука...» Арина.

Иногда и слова более чем достаточно...

Иногда достаточно просто молчаливого понимания... Чтобы один обрел друга, а другой — потерял...

— Да, — сказал он, с трудом возвращая себя в колею разговора. — Его могущество. Он *мог* бы остановить, например, оползень, сходящий на поселок. Или открыть дверь моей машины... помятую, заклинившую дверь... за двадцать секунд до взрыва. Но не стал бы этого делать. Да, он сказал бы людям в поселке — уходите скорей и уносите все, что сможете... И, наверное, прыгал бы вокруг машины, давая мне советы, как справиться с замком. Понимаете?

— Да, — сказал отец Георгий. — Наверное, вы правы... Я всего лишь человек. А он — всего лишь Пандем. Поэтому он ошибся, а я не могу указать ему, в чем ошибка... и ничего не могу посоветовать, кроме как уйти потихоньку и оставить нас...

Священник сидел, выпрямив спину, сидел неподвижно, только пряди седых волос шевелились на ветру, и Киму казалось, что они шуршат, будто листья.

— Отец Георгий... Вы знаете, что мы находимся в так называемом шлюзе? Что скоро — через несколько лет — по нерадивости взрослых будут умирать дети?

Священник медленно повернулся к нему — всем телом:

— Я каждый день молю Господа, чтобы он вразумил... их. Я молюсь... Это все, что я могу сейчас сделать.

Он замолчал.

— А те люди, что каждый день приходят к вам, — снова спросил Ким, — они тоже молятся? Чего они хотят?

— Они чувствуют себя брошенными... Пандема-педагога больше не существует. Зато есть немой Пандем-опекун... Многие жалуются. У них совершенно детское представление о справедливости — всем по яблоку, всем по одинаковому кусочку торта... Кто-то ненавидит Пандема за то, что он ушел. Кто-то — за то, что он все-таки остался. Кое-кто спрашивает: почему Бог допускает Пандема?

— А вы...

— А я? Я молюсь за него. Не за прежнее безопасное мироустройство, нет... Я молюсь за душу существа по имени Пандем, — отец Георгий вздохнул. — Теперь я верю, что она существует.

* * *

— ...Они не остановятся, пока мы кого-нибудь не убьем, — сказал Алекс. — Хоть какое-то первобытное чувство опасности должно же у них быть?

(«Что такое этот их закон? — кричала молодая женщина на трех информационных каналах. — Все люди разные, нет такой линейки, чтобы их равнять! Почему мы должны страдать из-за того, что не укладываемся в эту их прокрустову кровать? Они хотят почувствовать себя хозяевами! Они хотят власти, вот чего они хотят, значит, мы должны объяснить им, что нами нельзя управлять! Никто не может нами управлять! Пандем не вернется!»)

«Это новая игра, пришедшая на смену старым, — думал Ким. — Они играют в «бунт», как привыкли играть в какие-нибудь «Джунгли» или «Оборону Трои». Целыми семьями, целыми классами, целыми слоями... Что у них за игровая цель? Им все равно, им не интересны призы, интересная игра — смысл их жизни, то, что они умеют лучше всего...»

— Почему бы нам не поучиться у Пандема, — сказал он вслух. — Выделить отдельный слой и устроить там мир без диспетчеров... При условии, что границы его будут пусть проницаемы, но под контролем?

На него покосились сумрачно. Как полумера, план работал — но, тут же просчитав его отдаленные последствия, Ким болезненно поморщился и вышел из разговора.

— ...применить силу с самого начала. Сохранили бы много нервов и себе, и людям...

Алекс возвышался над всеми — хищный, решительный, наконец-то получивший возможность действовать, ту главную возможность, ради которой он сражался с тенью шестьдесят с лишним лет. «Успех — это когда ты можешь изменить мир. Хоть чуть-чуть. Именно ты, своей волей. Успех — это власть, если хочешь знать...»

Да, Пан. Ты не случайно ввел Алекса в координатуру одним из первых. Алекс будет управлять жестко и эффективно...

Ким прикрыл глаза и вызвал новости последнего получаса.

(«...нет такой профессии — координатор! Пусть каждый занимается своим делом — энергетики энергией, информационщики — сетью, транспортники — леталками и трассами... И пусть каждый делает, что хочет. Хочет бегать по тоннелям в подземке — пусть бегает на свой страх и риск... А если кому-то что-то не нравится — пусть ищет виноватого и чистит ему морду... Это естественно — тебя обидели, ты чистишь морду, а не зовешь координатора! Учите историю! Это устойчивая модель отношений в беспандемном обществе! Это стабильность, мы же взрослые люди, в конце концов!»)

Ким перебирал каналы — слой за слоем. Кое-где было спокойно, безмятежно, тихо, как на лужайке в летний полдень...

А, вот оно. Массовые бунты. Карнавал неповиновения. Мир без координаторов и координации. Та самая кровища и грязища, которую так весело предсказывал Алекс. И не ошибся, конечно.

— ...силовые отряды. Хорошая встряска. Шок. Принудительное отключение от системы. Физическое насилие. Но лучше, конечно, все-таки кого-то убить, — Алекс усмехался, наверное, последние его слова все-таки были шуткой...

Кризис зародился не в красном слое, как ждали. И даже не в примыкающих к нему «активных» слоях; первые атаки на систему координирования зафиксированы были в слоях весьма умеренных, во всех отношениях средних. И еще: у кризиса не было выраженной локализации. Уже через несколько дней он будет повсюду.

У системы нету центра, нету сердца. Поэтому с системой так трудно воевать, но когда один за другим посыпались под атаками периферийные узлы, совет координаторов объявил чрезвычайное положение...

«Мы должны бить самых азартных, — думал Ким. — Для того, чтобы прочие, ничего сейчас не боящиеся, наконец-то испугались и признали власть разума, нашу власть... Да, но почему их ни в чем невозможно убедить?! Сколько усилий... Сколько просветительских программ... Армия педагогов — для детей и для взрослых... «Мой руки». «Собери игрушки». «Не высовывайся из окна»... Они не верят нам — они верят тому, что видят. Они думают, мы затеяли с ними новую игру...»

— Остановлена центральная фабрика синтеза, — сказал приятный женский голос из тех, что во все времена сообщали о нештатных ситуациях на самолетах, кораблях и атомных электростанциях. — Блокировано движение в Северном транспортном стволе. Внимание: текущий энергодефицит составляет...

— ...хорошо скоординирована и идет по трем направлениям: по энергетике, по транспорту и по сети...

— ...жестко... испугаются...

— ...еще два узла. Идиоты... Ежесекундно по двести червей в систему...

Ким видел одновременно две картинки, наслаивающиеся друг на друга: Алекс во главе длинного стола, отдающий распоряжения, и толпа, запрудившая Северный путепровод. Остановившиеся транспортеры... Сотни людей, идущие, как на праздник, довольные собственной смелостью, несущие на плечах...

— Там нельзя пускать «хлысты», — сказал Ким громко, прерывая очередную инструкцию Алекса. — Там полно детей, они тащат с собой детей...

— «Хлысты» никого не убивают, — сухо возразил Алекс. — Молчи, я знаю... да! Пусть взрослые хоть раз увидят, как детям по их вине будет больно! Вот пусть у них в мозгу замкнется простейшая цепочка: их действия — судьба детей!

«Пан, неужели это единственный выход?!»

Никто не ответил.

* * *

Киму приснился Пандем.

Как будто они сидят в старой Кимовой комнате — еще в родительской квартире — на диване рядышком и пьют коньяк из Кимовой фляжки.

— Ты на меня в обиде, — говорил Пандем.

— Скажи, Пан... Все тридцать лет, что ты пробыл с нами... Может быть, это бред? Выдумка? Чей-то мысленный эксперимент?

— А тебе хотелось бы? Сейчас проснуться в своей клинике, с деревянным лицом... Спал-то мордой на столешнице...

— И мне было бы тридцать два года. И Арина любила бы меня...

— Она и так тебя любит.

— Не ври... Криворукий экспериментатор. Близорукий провидец. Безответственная сволочь... Видишь, я упрямо делаю тебя человеком... Стихия, феномен, явление природы... космическое чудовище, понятия не имеющее ни о так называемом добре, ни о еще более так называемом зле... Я знаю, что не должен был тебя удерживать. Я сознаю твою правоту... я не вижу другого пути для тебя — кроме поголовной модификации, конечно...

Тогда Пандем в Кимовом сне положил горячую руку Киму на плечо.

— Ты опять притворяешься человеком, — сказал Ким. — Адаптируешь себя к моему восприятию... Выстраиваешь для меня модель моего друга...

— Действующую модель, заметь...

— Действующую... модель моего единственного в мире друга. Пан, если я снова перевернусь в машине — ты ведь не протянешь мне руку?

Пандема больше не было рядом.

Никого не было. Только сон.

* * *

Он лежал на спине. Над ним колебалась вода, подсвеченная солнцем; толща прозрачной воды. Ким глубоко вздохнул, почти уверенный, что легкие взорвутся; ничего не случилось. Под водой дышалось легко.

Пальцы, сжавшись, вцепились в траву. Что-то коснулось мизинца — холодное, как рыбка. На ощупь — полированное дерево, ребристая поверхность... Пульт.

Он щелкнул «отмену»; вода над головой исчезла. Потолок взмыл вверх; Ким лежал на полу своей собственной комнаты. Этот дизайн сделала для него Арина — давно... Когда еще была надежда на потепление...

Минимальная высота потолка. Подсветка... как взгляд из-

под воды. Значит, он захотел почувствовать себя русалкой... или утопленником? Лег и заснул...

Он сел. Помассировал шею; перевел потолок в самое высокое из возможных положений. По комнате прошелся ветер, пространство раздвинулось, и мягко засветились стены. «Воздух, — думал Ким. — Что мне надо? Просто воздух, да чтобы пахло травой...»

И еще хорошо бы, чтобы все вчерашние события — бунт, Алекс... беготня, «хлысты», сотни медицинских капсул, стянутых к месту происшествия... Чтобы все это приснилось. Так нет же, нет...

Он перевернулся лицом вниз. Перед глазами оказался ковер, тот самый, принцип для которого он разработал еще лет семь назад. Арина знает, что его живые покрытия — те, над которыми он в разные годы работал — заняты в половине современных дизайнерских «штучек». Их можно косить или стричь... или отращивать хоть до потолка. Они не пачкаются. Они не вянут. Они не выходят из моды вот уже полдесятка лет. Арина знает...

Он застонал и потерся лицом о траву. Арины, слава Пандему, не было там... Он сразу же проверил по сети, где она... С Ариной все в порядке, рядом с ней Ромка, сын...

После вчерашнего мы все вступаем в новую эру — теперь не будет вседозволенности, зато будет страх. Пустые улицы... Пустой транспорт... Пустые лица...

Надо вставать и идти. Идти по школам, по универам, по детским и подростковым сетевым каналам. Что-то объяснять. Успокаивать и запугивать. Говорить, что решение властей... теперь у нас появилось такое слово — власти... хорошее хлесткое слово, вместо аморфной «координатуры»... что решение властей насчет применения силы было правомерным и единственно возможным...

Какой ужас. И это ведь правда...

Вызов от Алекса — сладкое пение птиц.

— Ты спал?

— Проснулся.

— Нету времени дрыхнуть, пользуйся перезагрузкой... За вчерашний день по слою — ни одного правонарушения.

— Поздравляю...

— И десяток самоубийств.

— Что...

— Поднимайся, пандемоизбранный... Пахать подано.

ГЛАВА 30

Ким Андреевич Каманин вышел из координации, когда ему исполнилось семьдесят. Не потому, что чувствовал себя старым, и даже не потому, что ему надоело, по выражению нынешней молодежи, «корчить из себя Пандема». Просто он понял вдруг — с удивлением, — что люди ему безразличны.

Прежде он мог презирать и сочувствовать, ненавидеть и уважать; теперь люди ему надоели. Может быть, потому, что работа последних лет — в координации — вымотала из него остатки иллюзий.

То была изнуряющая, на грани возможного работа — от мозговых штурмов до методичного, дом за домом, посещения волонтерами-психологами всех жителей слоя. Социальные программы сперва отрабатывались на симуляторе и только потом претворялись в жизнь — взаимосвязанные комплексы мер с однословными названиями вроде «Кнут», «Подарок», «Ребенок», «Весы»... Ким не раз и не два оценил предусмотрительность Пандема, поместившего человечество в «шлюз». Ни глобальной катастрофы, ни большой войны, ни даже демографического взрыва пока не случилось; социальные потрясения были сведены к минимуму, бунты предупреждены, а системы ценностей худо-бедно перестроены. Никому больше не приходило в голову устраивать над городом гонки на леталках; на Трассу допускались только машины, полностью лишенные ручного управления. Это было неудобно, зато безопасно; Ким прекрасно понимал, что в будущем проблемы не кончатся и что это будут старые, навязшие в зубах проблемы пополам с новыми, невообразимыми пока, и что решать эти проблемы придется его племянникам, сыну и внукам — но не ему, слава богу. Хватит, он и так вот уже много лет «корчит Пандема»...

Тем временем так называемая стихия тоже осмелела и заявила свои права на самостоятельность. Обвалы и оползни, лесные пожары и смерчи, землетрясения и ураганы следовали один за другим методично, как задания учителя, и служба экстренных ситуаций, организованная и оснащенная когда-то Пандемом, сдавала один практический экзамен за другим — пока успешно, потому что путь от простого к сложному всегда предпочтительнее, чем внезапное барахтание в проруби...

Ким Андреевич сидел дома и читал книги. Или бродил по паркам, беседуя с воображаемым Пандемом; или вспоминал умершего в прошлом году отца Георгия — «нету ничего, подвластного Пандему, что в перспективе не было бы подвластно человеку»...

Когда ему надоедало беседовать с призраками, он шел в сеть или связывался с кем-то из сестер. Вот, например, как сегодня.

* * *

— Кого сейчас интересует искусство, — сказала Александра. — Правда, в последние годы появилось несколько поэтов... Эти — как мотыльки, приходят из ниоткуда, гениально пишут, будучи юнцами и юницами, потом взрослеют и пропадают... уходят в никуда. Как авторы, я имею в виду, не как люди, слава Пандему...

Перед Кимом — на внутреннем экране — появился вход в старый, построенный еще до Пандема театр. Помпезное здание с колоннами казалось сейчас бронтозавром от архитектуры. Ни почтения, которое вызывает подлинная древность, ни восхищения перед талантом конструктора, ни новизны, ни удобства — здание не снесли только потому, что кому-то из Александриных подопечных пришла в голову мысль — давно, еще на заре Пандема, — что помещение можно блестяще использовать для модных тогда «синтетических зрелищ»...

Теперь здесь давали «Комическую мистерию» — феерическое представление, угождающее сразу пяти зрительским чувствам. Вот уже несколько лет «Комистр» пользовался таким успехом, что приходилось даже ограничить вход; это оттого, говорила Александра, что постановщики всячески издеваются над смертью. Зрители как бы возвращаются в ранние годы Пандема...

(Ким знал, что именно Александра стояла у истоков программы «Подарок», несколько лет назад реализованной Алексовыми подчиненными. Людям, говорила Александра, нужна психологическая поддержка прежде всего. Нужны яркие зрелища; пусть твоя правая рука пугает их расплатой и смертью, а левая пусть успокаивает и говорит, что смерти нет — вот как в «Комистре»...)

— И все-таки это не искусство, — подытожила Александра, в то время как в стилизованной пасти старого театра исчезало одно веселое семейство за другим («Комистр» был рассчитан на возраст от четырех до ста четырех, так и было написано в программке, и бодрые старички с бодрыми детьми под мышкой были обычной здешней публикой).

— Так ты пойдешь? — в четвертый раз спросила Александра.

— Сбрось мне по сети.

— Это подлинное зрелище с эмосимулятором плюс запах и вкус, тактильные ощущения... А реакция зала чего стоит!

— Сбрось мне вместе с запахом и реакцией зала.

— Ах, brother, тебе ведь все равно нечего делать...

Ким улыбнулся. Александра и в старости бывала восхитительно бестактна.

— Там в одном месте появляется Пандем, — поколебавшись, сообщила Александра.

— И что, я должен на это купиться?

Она рассмеялась:

— Ладно, Кимка... А я пойду. Все-таки положительные эмоции...

И, попрощавшись, оборвала связь.

Ким вышел из системы; он сидел на поваленном дереве в самом центре запущенного парка, крона стоящего напротив дуба кипела, казалось, от суетящихся белок, а трава справа и слева ходила волнами — там жили мыши и еще какие-то мелкие грызуны. Городские экологи опять промахнулись с расчетами; теперь либо мышей начнут кормить противозачаточным, либо жди массированного кошачьего десанта...

Ким услышал голоса — в реальности, не в сети, оглянулся. Подростки, почти юноши, лет по пятнадцать-семнадцать, в количестве пяти штук. И шестой, явно жертва. Есть такие, и после Пандема их стало больше: прямо-таки на лбу написано — «Я жертва»...

Шестой тут же оказался прижатым к стволу, и первый — парень в красном комбинезоне с мигалками «под старину» — взялся высказывать ему какие-то свои соображения. Речь была явно обвинительной; до Кима доносились отдельные слова, причем половины он просто не понимал, а другая половина поражала свежим взглядом на ругательство как средство унижения собеседника...

Ну вот, слова закончились. Сейчас, по-видимому, будут бить.

Ким поднялся. Не спеша двинулся к ребятам; бежевые дубовые листья хрустели у него под ногами. Прошлогодние листья.

— В чем дело, мальчики?

Вот что значит тон. Тон человека, привыкшего повелевать; под видом невинного вопроса парням посылается жизненно важная информация: я опасен. Я имею власть.

Как поступила бы допандемная шпана? «Тебе что за дело, старый хрен, вали отсюда, дедушка, пока не получил по шее...»

— Тебе что за дело, старый?.. — начал парень в красном комбинезоне. Последнего слова — после эпитета «старый» — Ким не понял.

— Нехорошо, — сказал он, подходя ближе.

Теперь, по законам жанра, вожак должен взять назойливого хрыча за шиворот...

Почему они должны вести себя как допандемная шпана? Вернее, не так: почему ему так хочется, чтобы эти, родившиеся при Пандеме, оказались похожи на допандемных сявок? Это что же, признак свободы, самостоятельности, зрелости общества?

А почему они не догадываются, что у случайного старичка может найтись встроенный пульт, по которому так легко вызвать «чрезвычайку»? Похоже, они просто не понимают, чего он от них хочет. Кому какое дело, да и что особенного — впятером поколотить одного...

Тем временем парень в красном комбинезоне осыпал Кима набором незнакомых слов, видимо, оскорбительных. Четверо его приятелей поддержали; жертва попыталась смыться, но ее тут же окружили снова. «Решительные ребята», — подумал Ким, разглядывая алый румянец на щеках вожака, его мягкие нарождающиеся усы, его прищуренные яростные глаза.

— Не стыдно? — протянул он почти ласково. — Старшим грубить?

Вожак оскалился — и шагнул навстречу.

Улыбаясь, Ким поднял суковатую корягу, каких полно было тут же, на полянке. Вспомнил Александру: «Ну и в чем message?»

В этот момент вожак встретился с ним глазами.

* * *

...Через полчаса он наткнулся на них снова — в том же парке. Трусливо бежавшие от одинокого старичка с дубиной, они взяли-таки реванш и ухитрились достать свою жертву... хотя у жертвы, как казалось Киму, были все шансы удрать.

Когда Ким прибежал на крик — по бежевым листьям, по пробивающейся из-под них траве — к месту казни, все уже было кончено. Тот, что вовремя не убежал, валялся теперь на земле с пробитой головой, а эти, униженные недавним бегством, мстили теперь свидетелю своего позора — пинали ногами, не обращая внимания на то, что он уже не двигается...

Ким на бегу вызвал и «Скорую», и «чрезвычайку».

— Мертв, — сказал молодой врач, Мишин ровесник. — Не подлежит реанимации... — и побледнел.

Стекло медицинской капсулы оставалось темным, почти не прозрачным. Ким с трудом различал за ним лицо погибшего парня — обиженное детское лицо.

— Взяли всех пятерых, — сообщил дежурный координатор.

— Почему только сейчас? — шепотом спросил Ким. — Я навел на них сорок минут назад...

— Такой сегодня день, — подумав, сообщил дежурный координатор. — Третья смерть за последние четыре часа...

Ким прикрыл глаза. Терентий Логовицу, пятнадцать лет. Пятнадцать. После смерти выглядит даже младше...

— Алекс?

— Я знаю. Тебе надо было серьезнее к ним отнестись, Ким.

— Я не думал... — начал он и понял, что оправдывается. — Я не думал, что...

И замолчал, подавленный нехорошим предчувствием.

Они казались такими безобидными! Такими трусливыми! Он не принял их всерьез... Это большая его ошибка. Куры бывают так жестоки по отношению друг к другу — куда там волкам...

— Алекс, глянь на статистику по слоям...

— Плохая статистика. Что дальше?

Ким в последний раз посмотрел в лицо погибшего мальчика; Алекс оборвал связь. У него наверняка много других забот...

По корпоративному каналу (уходя из координации, Ким все-таки оставил себе доступ) он заказал допросы убийц. Почти сразу на его внутреннем экране обнаружилось перемазанное слезами и соплями лицо парня в красном комбинезоне; в присутствии красного цвета кожа убийцы казалась особенно белой.

— ...Уже так было! И ничего не было! Мы его пару раз только стукнули... Только пару раз! Легонько! Уже так было! И ничего не было! Он не мог от этого... Он не мог!.. Уже так было!

Молодой врач погрузил капсулу в леталку. Он и сам был белый — не румянее покойника и не румянее убийцы.

* * *

До окончания «Комистра» оставалось сорок пять минут. Ким спустился на станцию подземки; старый театр располагался на живописном островке посреди неглубокого пруда, кажется, пруд напустили уже после того, как построили здание... или одновременно?

Садилось солнце. Вернее, оно давно уже село, но в этом районе такая подсветка — в сумерках здесь включается «второй закат» и горит до самой полночи...

От подземки Ким шел через старинный квартал — двух- и трехэтажные домишки еще прошлого века, сохранившиеся здесь не иначе как в музейных целях; над озером висел реденький туман. Старый театр отражался в воде вместе со всеми своими неуклюжими колоннами, и восемь ажурных мостиков вели к нему с берегов, напоминая паучьи лапы...

Где-то жгли листву. Запах был из Кимова детства.

Зачем, подумал он устало. Где их родители... где их учителя? Почему не объяснили, чем может кончиться игра с таким вот костром из опавших листьев?

Он огляделся, пытаясь понять, откуда дым; а потом, будто по наитию, вызвал на экран укрупненное изображение театра.

Ч-черт...

— Координация? «Комистр», противопожарная система... Дистанционка есть?

— Есть, вижу картинку, даю команду... Тушение пошло.

Ким был уже над озером. Тонкая спинка моста раскачивалась, по темной воде бежала рябь. Киму казалось, что он слышит чей-то крик — тонкий, приглушенный стенами.

Дыма не становилось меньше.

— Координация? Есть тушение в «Комистре»?

— Вижу отчет о тушении в «Комистре»...

Ким попытался связаться с Александрой. Нет связи — разумеется, они все отключаются перед действом, таково условие постановщиков...

Дым валил уже из нескольких окон на нижнем этаже. Горел пластнатур. Нетоксично, зато вонь тошнотворная.

— Каманин на связи. Проверь тушение в «Комистре».

— Вижу отчет...

— А я вижу дым!.. Свяжись со службами...

— Нет ответа... Идиоты, что у них там... Прогнило все? Нет связи...

— «Комистр» на связи... Координация?

— Эй, вы, чепэшники, у вас задымление! Противопожарка работает или нет?!

— Какая... У нас нету... Отключена...

— Что?!

Ким спрыгнул с моста на неровные, под старину, плиты перед зданием театра. Перед глазами у него прыгал инженерный от-

чет — противопожарка в театре действительно была на реконструкции два года назад и с тех пор так и не...

Сразу несколько мыслей. Первая: почему именно сегодня? Когда чуть не на моих глазах погиб ни в чем не виновный пятнадцатилетний парень?

Вторая: ну почему до них ничего не доходит?! Кто отвечает за эту чертову пожарку, ведь отвечает кто-то...

А давай зажигать спички и кидать их на ковер?

А давай выбросим этот огнетушитель и на его место поставим стереоэкран?

Семейное зрелище. От четырех до ста четырех.

«Пусть твоя правая рука пугает их расплатой и смертью, а левая пусть успокаивает и говорит, что смерти нет, — вот как в «Комистре»...»

— Александра?!

Нет ответа.

— Координация — «Комистр» — общая тревога...

— Есть тревога. «Комистр» — тревога — пожар, пожар, пожар...

Вход в театр был устроен с элементами виртуалки; сейчас иллюзия отключилась, вместо заманчивой тьмы и замшелых фосфоресцирующих стен показались гладкие бетонные блоки и широкая металлическая дверь. Из двери, едва не сшибая Кима, выскочила женщина лет шестидесяти с двумя крохотными девчонками, которые, казалось, летели за ней по воздуху...

У женщины были выпученные от ужаса глаза. Ким успел подумать: она прежде всего спасает детей. Она из наших, из допандемных...

Люди бежали, сталкиваясь, грозя затоптать друг друга; сквозь суету и помехи в сети Ким вдруг принял вызов от Александры.

— Где?!

— Здесь дым, полно дыма...

Дым стоял стеной, выедал веки, по внутреннему Кимову экрану бежали помехи; на инженерной схеме значились четыре механические лестницы, из которых сработали две...

И вдруг — р-раз! — одновременно раскрылись окна по всему фасаду, квадратные окна, прежде скрытые металлическими шторками. Из всех одновременно хлынул дым, и Ким направил обе сработавшие лестницы к окнам третьего этажа...

В небе наконец-то появилась первая пожарная леталка.

Ким карабкался вверх. Лестница была без эскалатора; он был уже почти у цели, когда из окна второго этажа — по счастью, не

прямо под Кимом, а значительно левее — с радостным хлопком выпрыгнуло, как на резиночке, оранжевое пламя.

— Сколько...

«Справка. В помещении «Комистра» сейчас находятся триста двадцать взрослых и сто пять детей... Сто четыре ребенка... триста восемнадцать взрослых... сто три ребенка...»

«Статистическую считывалку они себе поставили, — подумал Ким с ненавистью. — Считывалку, чтобы тешить самолюбие... А элементарную пожарку!..»

«Двести девяносто три взрослых... девяносто восемь детей... девяносто пять детей... двести семьдесят взрослых... двести семьдесят один взрослый!»

Ким спрыгнул с подоконника. Коридор был пуст, распахнутые двери вели в зал. Внизу, в партере, уже никого не было — все толпились у выходов; по правой стороне портала растекался, как богатая мантия, очень яркий короткошерстный огонь, а слева была глубокая, казалось, ощутимая на ощупь темнота, и там, кажется, продолжался кусочек спектакля — танцевали зеркальные призраки, ни живые, ни мертвые, ни реальные, ни иллюзорные...

Вверху, над сценой, огонь вдруг набрал силу и сделался пушистым, как лунный кот. Ким отпрыгнул обратно в коридор и плотно закрыл дверь.

— Кто здесь? Сюда! Здесь выход!

Треск. Содрогнулся пол. «Маску мне, — подумал Ким. — Кислородную маску... нет даже матерчатого носового платка, чтобы помочиться — и через влажную ткань дышать... Пандем, да помоги же мне!»

Именно сегодня...

— Справка?

«Справка: в помещении «Комистра» сейчас находятся сто пятьдесят семь взрослых и восемьдесят два ребенка... восемьдесят два... восемьдесят один...»

Внизу кричали.

Задержав дыхание, он сбежал по лестнице. Две женщины и маленький мальчик пытались выломать дверь, открывавшуюся вовнутрь; ему стоило большого труда вытащить их из мышеловки, доставить к окну третьего этажа и спустить по лестнице. Старшая женщина спускалась первой; Ким передал ей ребенка. У него интуитивно не было доверия к молодым — те скорее озаботятся собственным спасением...

Он смотрел, как они спускаются.

Пламя било уже из трех или четырех окон. В озере стояла, по

брюхо в воде, как огромный бегемот, пожарная машина, и тоненькая струйка била в бок горящему театру — как-то жалобно, несерьезно...

Пожарная леталка поливала пеной крышу правого крыла, и оттого казалось, что выпал густой снег и скоро Новый год.

«Справка. В помещении «Комистра» сейчас находятся шестьдесят взрослых и тридцать два ребенка...»

— Ким! Ким Каманин, ответь Тамилову!

— Я в театре, Алекс. На третьем этаже.

— Уходи. Сейчас специалисты...

— Где Александра?

— Она вышла. Она уже снаружи. Спускайся, там скверно с перекрытиями внизу...

— Под суд планировщика вместе с ответственным за эксплуатацию...

— Иди к черту, спускайся, слышишь? Ничего с ними не станется, выйдут все...

— Алекс... Послушай... Мы вышли из шлюза — сегодня...

— Что?! Ты надышался, бредишь?

— Скажи своим, что, если мы не спасем этих людей, их никто не спасет... Никто!

Вторая пожарная машина остановилась в озере. Третья. Они стягивались и стягивались, слетались, как пчелы к цветку, к горящему зданию театра, их хоботки — струи пены из шлангов — гладили огненные листья, и плодом их любви были клубы плотного, почти осязаемого дыма...

Технология... огнетушения... каменный век... Пандем... излишне...

Но Пан ведь встроил в это старое здание совершеннейшую противопожарную систему! Почему он не позаботился о том, чтобы заранее открутить руки тем, кто разберет ее потом — за ненадобностью?!

Ким бежал по четвертому этажу, заглядывая во все двери. Виртуальная отделка коридоров сбоила; стены то покрывались рыбьей чешуей, то становились гладко-белыми, как яичная скорлупа. Забившись под диван в углу, сидели двое перепуганных подростков; Ким не без труда выцарапал их из укрытия и помог выбраться из окна.

«Справка. В помещении «Комистра» сейчас находятся пятнадцать взрослых и девять детей...»

«Тревога. Общая тревога. Пожарные модули один, три, пять и шесть у «Комистра».

«Тушение затруднено планировкой здания. Невозможно приблизиться к очагу... Организуйте эвакуацию людей с острова. Внимание: эвакуацию людей, мы не можем подойти к очагу...»

«Справка. В помещении «Комистра» сейчас находятся трое взрослых и один ребенок...»

Ким остановился. Один взрослый — это я... Все. Надо уходить.

— Алекс. Я ухожу.

— Твоя лестница горит. Иди на крышу, тебя снимет леталка.

— Понял.

— Поторопись...

«Справка. В помещении «Комистра» сейчас находятся трое взрослых и один ребенок».

Ким споткнулся. Как?..

«Справка. В помещении «Комистра» сейчас находятся трое взрослых и один ребенок».

— Алекс! Где твои спасатели?!

Тишина. Алексу сейчас не до разговоров с Кимом...

«Справка. В помещении «Комистра» сейчас находятся трое взрослых и один ребенок».

— Координация, ответьте Каманину.

— Идет тушение. Угроза обвала перекрытий на втором этаже.

— Где люди?

— Нет информации...

Сигнал вызова. Незнакомый сигнал.

— Каманин слушает...

— Ким... Это я.

Он остановился. По полу — длинному, как лента, полу узкого коридора бежали зеркальные волны, оттого казалось, что Ким стоит не то на пленке воды, не то на лезвии...

— Кимка... Я... собственно, мне Аля позвонила... пожалуйста, уходи оттуда поскорей...

— Ты что, веришь, что я могу погибнуть? — спросил он, не узнавая собственного голоса.

— Да, — сказала Арина еще тише. — Мне страшно за тебя...

— Повтори еще раз.

— Мне страшно за тебя...

— Хорошо, — сказал он, помедлив. — Я уже ухожу.

— Кимка...

— Что?

— Ничего...

— Не волнуйся, — он перевел дыхание. — Не в первый раз...

И дал отбой.

«Справка. В помещении «Комистра» сейчас находятся трое взрослых и один ребенок».

— Ким, это Алекс. Все, шутки кончены, они не могут удержать перекрытие. Там ни единого блока — виртуалка и доски, и эта чертова хренотень, которая плавится...

— Где люди?!

— Их нет на первом, на втором, на третьем. Где ты сейчас?

— На пятом...

— Иди на крышу.

«Пан! Пандем! Скажи мне, что я ошибаюсь... Что ты спасешь их, даже если я их не спасу...»

Снова закачался пол, и зеркальные волны исчезли. Теперь коридор был скучным, гладким, полным дыма, будто коммунальная кухня...

— Кто здесь? Эй, кто здесь?

...Наверное, он все-таки надышался.

Время растянулось, как резиновый жгут, и в чаду коридора, где он метался, заглядывая в ниши и ложи, за портьеры, за мониторы, за поросли искусственных лиан, ему представлялся деревянный домик, объятый огнем от фундамента и до самой крыши... И отовсюду бежали люди, несли воду в горстях, несли песок в подолах, по цепочке передавали ведра... Из рук в руки передавали из окон завернутых в мокрые тряпки детей...

«Справка. В помещении «Комистра» сейчас находятся трое взрослых и один ребенок».

Стена накренилась и ударила Кима по голове. Он упал; конец. Конец «шлюзованию», конец Пандему на земле... Потому что если Пан сейчас допустит Кимову гибель — его больше нет с нами. Он там, с Виталькой, в космосе... Они откроют новый мир... И все будет по-другому... Иное человечество... И гены Кима Анатольевича Каманина, бывшего хирурга, бывшего биолога, бывшего общественного координатора, — они там тоже будут...

С того места, где он лежал, была отлично видна детская рука, вцепившаяся в лист огромного лопуха... декоративного... разросшегося в дальнем углу коридора.

Ким рывком поднялся.

— Алекс... Шестой этаж... спасателей...

«...трое взрослых и один ребенок...».

— Вставайте! Вылезайте, сейчас все рухнет...

Молодой человек смотрел на него снизу вверх, глаза у него были непонимающие. Ким ударил его коленом; женщина овладела собой раньше, вцепилась в Кимов рукав и чуть не повалила на пол.

Мальчик молчал. Ему было года четыре.

...Может быть, здание до сих пор не падает, потому что мальчик?..

В этот момент — стоило Киму ухватиться за спасительную мысль — прогоревшая переборка просела окончательно.

Трое взрослых и ребенок покатились вниз по вставшему на дыбы полу; дверной проем, молил Ким. Пошли мне дверной проем, нам надо встать в дверном проеме, мы спасемся...

К кому я обращаюсь? К Пандему? К богу?

Охваченное огнем деревянное зданьице, люди тушат огонь из ведер и леек, люди тушат свое пожарище...

Падение приостанавливается.

В бывшем коридоре темно. Тускло мерцает покрытие стен, да еще сверху, из-под перекосившегося потолка, пробивается свет снаружи.

Женщина ищет дорогу вниз — не понимая, что выход только сверху. Мужчина вытаскивает ребенка из-под упавшего пластнатурового зеркала; ребенок вовсе не кажется напуганным. Заинтригованным — это да...

— Мы не умрем? — дрожащим голосом спрашивает женщина. — Мы ведь не можем умереть, правда?

Проем в стене вдруг становится шире. Там, снаружи, люди и голоса; там те, что пришли спасти нас. В проломе появляется уродливая насекомовидная морда, и ребенок впервые пугается.

Это не чудовище. Это человек в спецкостюме, он протягивает руки в перчатках; из-за помех в сети невозможно разобрать ни слова, но слова не нужны. Он берет на плечи женщину, мужчина подает ей визжащего ребенка, секунда — и визг продолжается уже снаружи... Руки в перчатках возвращаются и вытаскивают теперь женщину; Ким наклоняется, мужчина влезает к нему на плечи и на голову, рывок — и тяжесть уходит, тело мужчины медленно втягивается в пролом, ноги скребут носками по стене...

В это время пол проваливается. Пролом оказывается далеко-далеко вверху; остается дым, которого не видно, потому что вокруг темно, черно, теперь уже окончательно...

Я лежу на проседающей груде развалин, задыхаюсь и думаю: а кто их спас, этих троих? Пандем или я?

И кто теперь спасет меня?

И чего мне больше хочется, выжить сейчас — или понять на-

конец, что *его* рядом нет? Что все, что я сегодня сделал, — сделано мной и только мной?

«Справка. В помещении «Комистра» сейчас находится один взро...»

Спасибо.

Вокруг темно. В темноте начинают проступать звезды; я вижу себя серебряной сигаркой, летящей сквозь космос. Я вижу себя космическим кораблем, Витькиным домом, и не понимаю, бред ли это — или *его* последний подарок...

Я думаю об Арине и о Витальке. Я думаю о Ромке, о Шурке, о сестрах...

И о Пандеме. О том, что тридцать лет назад он протянул мне руку и вытащил из огня...

И тогда мне кажется, что он стоит надо мной.

Смеется — и протягивает руку.

2001—2002 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

АРМАГЕД-ДОМ. *Роман*

Пролог . . . 7
Глава 1 . . . 12
Глава 2 . . . 26
Глава 3 . . . 35
Глава 4 . . . 67
Глава 5 . . . 85
Глава 6 . . . 115
Глава 7 . . . 172
Глава 8 . . . 187
Глава 9 . . . 216
Глава 10 . . . 256
Глава 11 . . . 286
Глава 12 . . . 308
Глава 13 . . . 344
Глава 14 . . . 369
Эпилог . . . 386

ПАНДЕМ. *Роман*

Пролог . . . 393
ТОЧКА ОТСЧЕТА . . . 398
Глава 1 . . . 398
Глава 2 . . . 406
Глава 3 . . . 408
Глава 4 . . . 419
Глава 5 . . . 428
Глава 6 . . . 436
Глава 7 . . . 441

ВТОРОЙ ГОД ПАНДЕМА 455
Пролог 455
Глава 8 471
ОДИННАДЦАТЫЙ ГОД ПАНДЕМА 477
Пролог 477
Глава 9 482
Глава 10 488
Глава 11 498
Глава 12 508
Глава 13 517
Глава 14 533
ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОД ПАНДЕМА 547
Пролог 547
Глава 15 549
Глава 16 563
Глава 17 567
ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОД ПАНДЕМА 574
Пролог 574
Глава 18 579
Глава 19 590
Глава 20 600
Глава 21 602
Глава 22 608
Глава 23 617
Глава 24 626
Глава 25 630
Глава 26 634
ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОД ПАНДЕМА 645
Пролог 645
Глава 27 647
Глава 28 654
БЕЗВРЕМЕНЬЕ 661
Пролог 661
Глава 29 663
Глава 30 686

Литературно-художественное издание

Марина Дяченко
Сергей Дяченко

УТОПИЯ

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *Д. Малкин*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Художник *О. Корж*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *М. Мазалова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская»,ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: **sale@eksmo.com.ua**

Подписано в печать 11.08.2005.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 36,96.
Тираж 5000 экз. Заказ 7499.
Отпечатано с готовых диапозитивов издательства
на ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Мир на пороховой бочке, и периодически эта бочка взрывается Апокалипсисом… Мир на пути в рай для всех, откуда никто не уйдет обиженным… Утопия или антиутопия? Наши страхи, ожидания и надежды в романах «Армагеддом» и «Пандем» Марины и Сергея Дяченко.